

Т. Л. Лабутина

Культура и власть в эпоху Просвещения

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Т. Л. Лабутина

*Культура и власть
в эпоху
Просвещения*

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(100) "654"
ББК 63.3(0)5
Л12

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.Л. МАЛЬКОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук М.П. АЙЗЕНШТАТ,
доктор исторических наук В.А. ТРОФИМОВ,
доктор исторических наук И.И. ЯНЧУК

На первой стороне переплета
картина художника А. Менцеля (1815–1905) "Король Фридрих II.
За круглым столом в Сан-Суси". Берлин. SMPK. Воспроизведено по:
IX International Congress on the Enlightenment. Münster, 1995.

Лабутина Т.Л.

Культура и власть в эпоху Просвещения / Т.Л. Лабутина ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 2005. – 458 с. – ISBN 5-02-009863-9 (в пер.).

Книга посвящена проблеме взаимодействия культуры и властных структур в XVIII в. на примере Великобритании, Франции и России. На обширном историческом материале показан начальный период формирования буржуазной идеологии. Представлены исторические портреты знаменитых английских литераторов Дж. Свифта, Д. Дефо, журналистов Р. Стиля, Дж. Аддисона, дипломата У. Темпля, государственных мужей лордов Болингброка и Галифакса. Впервые в историографии рассматривается воздействие британской культуры на просветителей Франции – Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, а также на российских монархов Петра I и Екатерину II. Освещается проблема зарождения в российско-британских отношениях таких явлений, как ксенофобия и англофильство.

Для историков, филологов, культурологов, студентов, а также всех интересующихся историей Великобритании, Франции, России в Век Просвещения.

Темплан 2004-II-256

ISBN 5-02-009863-9

© Институт всеобщей истории РАН, 2005
© Лабутина Т.Л., 2005
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
---------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"АВГУСТИАНСКАЯ" АНГЛИЯ. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны в правление последних Стюартов. 1689–1714.....	15
Общество и политика.....	19
Зарождение "четвертой власти".....	30
"Августинская" культура.....	39

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТОРЫ В ПОЛИТИКЕ.....	45
Триумф Дефо у позорного столба.....	46
"Дело" журналиста Ричарда Стиля.....	108
Мораль и политика Джозефа Аддисона.....	134
У истоков "Путешествий Гулливера".....	173

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛИТИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ.....	241
Два трактата просвещенного дипломата.....	242
Королевский министр и его "Новогодний подарок для леди".....	254
Политическая утопия государственного секретаря лорда Болингброка.....	298

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЛИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ И РОССИИ.....	333
Британский "след" в творчестве энциклопедистов Франции.....	334

Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I.....	353
Англомания в России в правление Екатерины II – миф или реальность?.....	410
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	439
БИБЛИОГРАФИЯ	443
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	451
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	453

ВВЕДЕНИЕ

Культура и власть. На первый взгляд кажется, что эти понятия изначально далеки друг от друга. Между тем это не совсем так. История знает немало примеров тому, как государственные мужи взаимодействовали с деятелями культуры. И там, где диалог "сильных мира сего" с учеными, писателями, журналистами, артистами, художниками был плодотворен, в обществе удавалось достигнуть мира и согласия. Если же правители пренебрегали культурой и "музы замолкали", в стране утверждалась тирания и царило духовное запустение. Каким образом культура может оказать свое положительное воздействие на правителей и их политику? Как правители взаимодействуют с деятелями культуры? Эти вопросы, столь актуальные для современной России, занимали многих мыслителей прошлого. Особенно активно решением данных проблем занимались идеологи мировой культуры XVIII в. — просветители.

Как известно, восемнадцатый век вошел в историю мировой цивилизации под названием Века Просвещения. Хронологически заключенный между буржуазными революциями в Англии и Франции данный исторический период был ознаменован "становлением, расцветом и кризисом того комплекса идей, общественных настроений, форм исторического поведения и культурных предпочтений, которые вошли в память человечества под именем просветительских"¹. Идеологическая платформа Просвещения как идейного движения в переходную от феодализма к капитализму эпоху включала в себя теории "естественного права", "общественного договора", "разделения и равновесия" контролирующих друг друга властей, "сопротивления тирании", а также защиты частной собственности, гражданских и личностных свобод. Особую ценность в идеологии Просвещения представляли гуманистические идеи. Просветители превозносили веру в человека, в непобедимую силу его разума, настаивали на необходимости распространения знаний, образованности и культуры среди людей, стремились к формированию у них высоких моральных качеств, добиваясь уважения к личности человека. Неудивительно, что подобные идеи и теории оказались притягательными для многих представителей нового, прогрессивного класса буржуазии в ряде стран. Зародившись на Британских островах, эти идеи

очень скоро стали известны и востребованы не только на европейском континенте – во Франции, Германии, Италии, России, но и в Америке. Просвещение в XVIII в. приобрело статус международной культуры.

Многогранность спектра идей (философских, исторических, экономических, политических, религиозных), которые вместе с культурой (литература, искусство, архитектура) составляли основу Просвещения, предопределяла появление в XVIII в. целой плеяды ярких мыслителей в разных странах мира. Наибольшую известность среди них приобрели: во Франции – Вольтер, Дидро, Руссо, Монтескье, Гельвеций, Д'Аламбер, Гольбах; в Англии – Локк, Ньютон, Болингброк, Мандевиль; в Германии – Кант, Пуфендорф; в России – Ломоносов, Новиков, Радищев. И это только просветители, что называется, "первого ряда".

Трудно сказать, что более всего привлекает в изучении Просвещения современных исследователей: сами идеи или их носители – яркие, неординарные личности? Но как бы то ни было, интерес к проблематике Века Просвещения в мировой науке не только не иссякает, но становится день ото дня все активнее. Судя по данным, приведенным в справочнике Международного общества по изучению XVIII в., количество ученых в его рядах в 2000 г. составляло около 10 тыс., в том числе 140 специалистов из России².

Изучая на протяжении многих лет проблематику раннего английского Просвещения³, мы столкнулись с необходимостью более детального исследования вопроса о взаимодействии деятелей просветительского движения с представителями властных структур. По утверждению американского профессора П. Загорина, культура и политика всегда были тесно связаны друг с другом. "Политика является сферой власти и коллектива – правителей, сильных или слабых, классов, интересов и партий, – подчеркивал ученый, – тогда как культура – это сфера интеллектуальных, моральных и эстетических ценностей в узком применении к индивидуальному развитию"⁴. Политики несут на себе отпечаток культуры в своих помыслах, целях, поступках и поведении, поэтому культура ответственна за отношение властей перед государственными институтами, которым служит, за проводимую политику в интересах аристократии, буржуазии или народа в целом. Английская культура, продолжал ученый, была тесно связана с определенными политическими интересами, ценностями, целями и конфликтами. "Искусства ради искусства" в Англии в эпоху раннего Просвещения попросту не существовало. Государственные деятели, министры и политики составляли сравнительно небольшую элитарную группу, которая тесно сотрудничала с писателями, известными и не очень, философами, деятелями искусства⁵. В развитие подобных высказываний следовало бы добавить, что среди государственных мужей Англии нередко оказывались просве-

ценные и высокообразованные люди (Темпл, Галифакс, Сомерс, Болингброк), которые сами выступали с просветительскими проектами реформ. Вместе с тем видные деятели культуры, писатели (Свифт, Дефо) и журналисты (Стиль, Аддисон) были активно вовлечены в политику, участвуя в партийной борьбе как в парламенте, так и за его пределами. В этой связи изучение проблемы взаимодействия культуры и власти в Англии в эпоху раннего Просвещения представляется крайне важным, особенно в свете современных российских реалий.

Хорошо известно, что культура в жизни любого общества занимает одно из первостепенных мест. Выдающийся русский философ XX в. Н.А. Бердяев подчеркивал: "В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности"⁶. Но что такое культура вообще и какой смысл ученые вкладывают в данное понятие? Оказывается, что ответить однозначно на подобный вопрос просто не представляется возможным. Большинство ученых сходится во мнении: в мире существует немного понятий, которые были бы столь же неопределенными, как понятие "культуры". Американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон насчитали 257 подобных дефиниций понятия "культура"⁷. Одно из самых первых определений культуры представил британский ученый Э. Тейлор в труде "Первобытная культура", изданном в Лондоне в 1871 г. "Культура, или цивилизация, понимаемая в широком этнографическом смысле, – писал он, – это то сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и любые иные способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества"⁸. Между тем в последующие десятилетия после выхода книги Тейлора ученые продолжили поиски более емких и точных формулировок понятия "культуры"⁹. Наиболее распространенным определением культуры, на взгляд М.И. Михайлова¹⁰, остается все же то, которое представлено в "Философском словаре": "Культура – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе своей жизнедеятельности"¹¹.

Понятийное многообразие культуры повлекло за собой необходимость ее классификации. Первым ученым, давшим систематическое обоснование общей теории культуры, был американский ученый XX в. Л. Уайт. Он подразделил культуру "как организованную целостную систему" на три подсистемы: *технологическую* (орудия производства, средства существования, нападения и защиты), *социальную* (отношения между людьми, система родства, экономическая, политическая, этническая, военная, профессиональная системы), *идеологическую* (религия, литература, философия, наука)¹².

Российский ученый Е.Ю. Кардаш, основываясь на аксиологическом подходе (*axid* – от греч. ценность, *logos* – учение), рассматривает культуру как "систему ценностей, ориентирующих поведение людей", выделяя в их числе следующие: *витальные* (жизнь, здоровье), *политические* (предпочтительный общественный строй или режим государства, многообразные гражданские права и свободы, демократия), *социальные* (труд, богатство), *религиозные* (Бог, основные вероучения), *моральные* (нравственные идеалы, нормы и оценки, формы морального поведения), *эстетические* (идеалы красоты, выраженные в искусстве)¹³.

Подобная многоплановость понятия "культуры" вызывает, естественно, определенные сложности у ученых в процессе изучения различных проблем, с ней связанных. В этой связи для историков, обратившихся к исследованию культуры, особую ценность могут представлять высказывания видного российского историка А.Я. Гуревича. В интервью редакции журнала "Новая и новейшая история" на тему "Культура и история" ученый заметил: "Существует немало определений культуры и, соответственно, способов ее исследования. Я убежден в том, что то понятие культуры, которым пользуется ученый, прежде всего зависит от изучаемой им проблемы и от очерченного им исторического контекста". Гуревич предлагал историкам использовать культурно-антропологический метод, считая его наиболее эффективным для раскрытия новых сторон социальных процессов. «В том контексте, который создается историками, – продолжал ученый, – культура – не совокупность достижений творческих гениев, не своего рода "музейный каталог". Это – единственно возможный для человека способ существования, неотъемлемый и кардинальный важный аспект функционирования человеческих коллективов и общества в целом»¹⁴.

Учитывая вышесказанное, в своем обращении к изучению культуры в эпоху раннего Просвещения мы ограничились исследованием главным образом проблемы воздействия английских литераторов (журналистов, публицистов, писателей) на проводимую в стране политику правительства. Нас интересовало, каким образом деятели культуры оказывали влияние на министров, парламентариев, верховного правителя страны – монарха в проводимой ими политике. Мы предполагали также изучить степень влияния литераторов на формирование общественного мнения в стране. Наконец, нас интересовало, каким образом представители властных структур строили свой диалог с литераторами и представителями "четвертой власти" в целом.

Среди многомиллионной армии читателей разных стран мира, пожалуй, трудно сыскать тех, кто не был бы знаком с именами великих английских писателей XVIII в. – Дефо и Свифта. Хорошо известны они и в России. Кто из нас в детстве и юношестве не зачитывался

вался шедеврами мировой литературы – необыкновенными приключениями отважного мореплавателя Робинзона Крузо или путешествиями судового врача Гулливера. До сего дня обе эти книги продолжают оставаться бестселлерами. К примеру, роман Дефо о Робинзоне Крузо считается самой популярной в мире книгой, выдержавшей наибольшее количество изданий и переводов за последние 350 лет¹⁵. Между тем Свифт и Дефо приобрели широкую известность в своей стране еще при жизни отнюдь не как создатели художественных произведений, а как памфлетисты, принимавшие активное участие в политической борьбе партий – тори и вигов. В этой борьбе принимали участие также известные поэты и драматурги, основатели английской журналистики Ричард Стил и Джозеф Аддисон. Издававшиеся ими журналы "Тэтлер", "Спектейтор", "Гардиан", на страницах которых просветители высмеивали и бичевали пороки буржуазного общества, приобрели широкую известность не только в своей стране, но и далеко за ее пределами. В самом центре борьбы партий находились также блестящий эссеист, историк и философ лорд Болингброк, королевский министр маркиз Галифакс, просвещенный дипломат Уильям Темпл. Всех этих одаренных и талантливых людей объединяла принадлежность к лагерю просветителей.

Время возникновения просветительских идей в Англии приходится на последние десятилетия XVII в. В отличие от аналогичных движений в странах Западной Европы английское Просвещение не предшествовало буржуазной революции, а напротив, являлось ее плодом и результатом. Революционные изменения в экономике, политике, идеологии, свершившиеся под влиянием и в результате Английской буржуазной революции середины 40-х годов XVII в., оказались необратимыми. В стране продолжался бурный рост развития капитализма. Значительный прогресс в области научных знаний, освоение которых требовало развития материального производства, торговли и мореплавания, во многом предвещал появление просветительских идей в Англии. Научно-технический прогресс, достигнутый в немалой степени благодаря открытиям ученых Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона, Б. Спинозы, способствовал освобождению науки от духовного влияния религии и, в свою очередь, оказывал воздействие на процесс складывания просветительской идеологии. Существенные изменения претерпели и философские воззрения, начавшие формироваться в соответствии с наукой того времени. Именно сближение науки с философией и послужило, по признанию Ф. Энгельса, толчком для возникновения просветительских идей в Англии¹⁶.

Существенное влияние на оформление просветительского движения в стране оказали достигнутые изменения в ее политическом устройстве. Результаты почти полувековой борьбы парламента с

королем за власть, начавшейся в период революции середины XVII в., были закреплены законодательством Славной революции 1688–1689 гг. В результате этих событий в стране установилась та государственная форма правления – конституционная монархия, которая и поныне благополучно существует в Великобритании. Однако и после Славной революции в Англии не утихла политическая борьба. Теперь она развернулась между двумя партиями – тори и вигами. По своей сути эта борьба сводилась к политическому и экономическому соперничеству между носителями двух видов буржуазной собственности – земельной и денежной за преобладающее влияние при дворе, в парламенте и правительстве и тем самым привилегированное положение каждой из них. Партия вигов защищала интересы "денежных людей" – представителей промышленного и торгово-финансового капитала, тори отстаивали интересы землевладельцев. И потому те просветители, которые по своему социальному происхождению или социально-имущественному положению принадлежали к классу землевладельцев, выступали в защиту партии тори, а те, кто являлся выразителем интересов "денежных людей", примкнули к партии вигов.

Наиболее ожесточенная борьба между партиями по различным вопросам внутренней и внешней политики правительства разыгралась в период правления последних представителей династии Стюартов – Вильгельма III Оранского (1689–1702) и королевы Анны (1702–1714). В эту борьбу, как в водоворот, вовлекались не только политики, члены парламента, государственные деятели, но и писатели, журналисты, памфлетисты, ученые. Взгляды многих из них на политику, экономику, мораль, образование и т.д. не являлись плодом их литературных вымыслов или досужих кабинетных рассуждений, но вытекали из практической политики тех классов буржуазного общества, представителями которых все они являлись.

Важное место в воззрениях ранних просветителей занимали их морально-этические взгляды, уходившие своими корнями в эпоху Возрождения. Этот факт признавали нередко и сами просветители, сделавшиеся преемниками гуманистических идеалов Ренессанса, унаследовавшие от деятелей той эпохи и преклонение перед античностью, и исторический оптимизм, и свободомыслие. И те, и другие производили переоценку прежних ценностей, ставили под сомнение отжившие феодально-церковные догмы, традиции, авторитеты. Однако просветительская критика феодализма была острее и глубже, нежели у их предшественников, поскольку затрагивала структуру общества и государства в целом. Осуждение внутренней и внешней политики буржуазного правительства, колониальных завоеваний и захватнических войн, деспотизма в правлении и коррупции в обществе, с одной стороны, и призывы к борьбе с любой формой тирании, к достижению гражданских свобод слова, печати и совести,

с другой – все это становилось целями борьбы первых просветителей. Их не оставляли равнодушными и общечеловеческие, гуманистические, вечные для всех времен и народов категории добра, справедливости, счастья, мира. Они призывали к борьбе за достижение гармонии в обществе посредством распространения знаний, просвещения, культуры среди своих сограждан. И никакие преследования властей не могли отвратить наших героев от борьбы за эти благородные идеалы Просвещения, которые они словом и пером отстаивали на протяжении всей своей жизни.

Изучение воззрений ранних просветителей позволит одновременно проследить то, как складывалась их идеологическая платформа, являвшаяся олицетворением идеологии господствующего класса буржуазии, как она сформировалась под влиянием идей революции середины XVII в., а также то, как она, в свою очередь, оказала влияние на общеевропейское, прежде всего французское и русское Просвещение. Поскольку идеи Просвещения оказались притягательными для буржуазии многих стран Европы и Америки, мы попытались проследить на примере Франции и России, какую роль сыграло английское "наследие" в истории и культуре этих государств. Более всего нас интересовало влияние британской культуры в России.

Проблема взаимоотношений Запада и России в отечественной исторической науке в последние годы сделалась особенно актуальной. Это вызвано не в последнюю очередь конъюнктурными соображениями – стремлением нашей страны (а вернее, ее правящей элиты) интегрироваться, если не в мировое, то хотя бы в европейское сообщество. Вместе с тем в последнее время в российском обществе заметно возрос интерес к истории своего государства со стороны его граждан, изрядно подуставших от всевозможных форм проявления "европейничанья" и "американизации". Между тем историки – "всеобщники" и специалисты по отечественной истории на указанную проблему взирают с диаметрально противоположных позиций. И если первые в контактах России с Западом усматривают исключительно положительные стороны, то вторые относятся к подобному сотрудничеству более критически. Ученые И.Я. Фроянов, Б.П. Балуев, Н.Л. Нарочницкая как бы продолжают традицию, заложенную российской наукой XIX в. – прежде всего В.О. Ключевским и Н.Я. Данилевским¹⁷. Анализируя проблему восприятия британской культуры в России, мы попытались не только продемонстрировать, как власть в лице монархов Петра I и Екатерины II приобщала русский народ к европейской культуре, но и какой ценой достигался подобный процесс "европеизации". Зарождение таких явлений, как ксенофобия и англomanия в России, а также русофобия в Англии в XVIII в., было тесно связано с "вхождением в Европу" нашей страны. Б.И. Краснобаев отмечал: "Общение культур не было без-

мятежным, бесконфликтным процессом. На каком уровне мы не возьмем культуру – на общеевропейском, национальном, личностном и т.д. – ее единство может быть понято лишь как противоречие... Культурные интересы различных классов, сословий и других общественных групп сталкивались, сложно взаимодействовали друг с другом. Естественно, что и любая национальная культура других европейских стран была также полна противоречий. Поэтому совершенно неверно и наивно представлять себе общение культур в виде соприкосновения цельных блоков"¹⁸.

В отношениях Запада к России на протяжении веков выработались устойчивые стереотипы¹⁹, одним из которых являлся миф о культурных западноевропейских заимствованиях в России в эпоху правления Петра I и Екатерины II. Насколько справедливы подобные суждения? На наш взгляд, прав Краснобаев, утверждавший, что "заимствования не создали и не могли создать новую русскую культуру, они были ответом на собственные потребности, результатом общности движения культуры европейских стран, типологической общности культур"²⁰. Аналогичного взгляда на самодостаточность русской культуры в раннее Новое время придерживалась также Л.А. Черная, которая утверждала: только "достигнув в своем внутреннем развитии необходимого уровня, русская культура начала постигать сущность новых явлений в западноевропейской культуре и осознанно усваивать их наряду с выработкой собственных"²¹. О том, как происходил процесс ознакомления в России с западноевропейской, в первую очередь британской культурой, также пойдет речь в нашей книге.

В какой мере избранная автором тема исследования нашла освещение в зарубежной и отечественной литературе? Знакомство с многочисленными трудами ученых, обращавшихся к жизни и творчеству ранних просветителей Англии²², убеждает, что предметом их исследований чаще всего становились биографии, либо литературное творчество деятелей просветительского движения. Пожалуй, можно указать лишь две работы историков, которые предприняли попытки показать взгляды просветителей на политику, экономику, религию и т.д. Речь идет о сборнике статей американских ученых "Социальные и политические идеи некоторых английских мыслителей XVIII века" и работе французского исследователя Ж. Беранже "Литераторы и политика в Англии от революции 1688 года до смерти Георга I"²³. Отличительной особенностью данных исследований является также то, что они посвящены анализу творчества не одного, а нескольких представителей английского Просвещения, что позволяет сделать необходимые сравнения их взглядов.

В отечественной историографии объектом исследования среди героев нашей книги стал лишь лорд Болингброк. Статья М.А. Барга,

а также монография Е.Б. Рубинштейн о взглядах выдающегося просветителя внесли заметный вклад в дело изучения общественно-политической мысли Англии начала XVIII в.²⁴ Таким образом, наш труд является одной из первых в исторической науке попыток изучения взаимодействия культуры и власти в Век Просвещения на историческом материале не только Англии, но также Франции и России. Свое исследование мы осуществляли, опираясь по преимуществу на публицистические произведения выдающихся деятелей английского Просвещения – Дефо, Свифта, Стиля, Аддисона, Темпля, Болингброка, Галифакса, мыслителей Франции – Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, а также привлекая различные материалы, связанные с историей России в эпоху правления Петра I и Екатерины II. Насколько удалось автору осуществить задуманное, судить читателю.

¹ История Европы. М., 1994. Т. 4. С. 298.

² International Directory of Eighteenth-Century Studies. Oxford, 2000. P. 331.

³ *Лабутина Т.Л.* У истоков современной демократии: Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; *Она же.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.

⁴ Culture and Politics from Puritanism to the Enlightenment / Ed. P. Zagorin. Berkeley; Los Angeles; London, 1980. P. VIII.

⁵ Ibid. P. IX–X.

⁶ *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 523.

⁷ *Давидович В.Е., Жданов Ю.А.* Сущность культуры. Ростов, 1979. С. 29.

⁸ Цит. по: История мировой культуры. М., 1998. С. 13.

⁹ *Burke P.* Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1978; *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983; *Культура и цивилизация. Вопросы теории и истории.* Н. Новгород, 1998; *Человек как субъект культуры.* М., 2002.

¹⁰ *Михайлов М.И.* Культура: сущность и значение // *Культура и цивилизация...* С. 5.

¹¹ Философский словарь. М., 1972. С. 196.

¹² См.: *Маркарян Э.С.* Указ. соч. С. 11.

¹³ *Кардаш Е.Ю.* Культура и ее назначение в обществе. Обнинск, 1995. С. 7–8.

¹⁴ *Гуревич А.Я.* Культура и история // *Новая и новейшая история.* 1991. № 1. С. 97–99.

¹⁵ *Curtis L.A.* The Elusive Daniel Defoe. L., 1984. P. 6.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 608.

¹⁷ *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. СПб., 1999; *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа". Тверь, 2001; *Нарочницкая Н.Л.* Россия и русские в мировой истории. М., 2002; *Ключевский В.О.* Западное влияние в России после Петра // *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983; *Он же.* Курс русской истории. Ч. V / Соч. В 9 т. М., 1989. Т. 5; *Данилевский И.Я.* Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995.

- ¹⁸ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. в контексте общеевропейской культуры // Изучение культур славянских народов. М., 1987. С. 90.
- ¹⁹ Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. М., 2002. № 10.
- ²⁰ Краснобаев Б.И. Указ. соч. С. 89.
- ²¹ Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 10.
- ²² Подробнее об этих работах речь пойдет в последующих главах.
- ²³ The Social and political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. N.Y., 1950; Beranger J. Les Hommes de Lettres et la Politique en Angleterre de la Revolution de 1688 à la Mort de George I. Bordeaux, 1968.
- ²⁴ Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978; Рубинштейн Е.Б. Общественно-политические взгляды лорда Болингброка. Кустанай, 1995.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"АВГУСТИАНСКАЯ" АНГЛИЯ.

Социально-экономическое, политическое
и культурное развитие страны
в правление последних Стюартов.
1689—1714

Западные ученые нарекли Англию периода 1688—1760 гг. "Августинской"¹. Наиболее видных деятелей культуры они назвали "новыми августинцами". Издатель сборника о социальных и политических идеях просветителей Ф. Херншоу проводил аналогию того исторического периода, в рамках которого жили и творили просветители, со временем правления римского императора Цезаря Августа, вошедшего в историю под названием "Августинского века". Именно при императоре Августе создавали свои бессмертные творения Вергилий и Гораций, Овидий и Ливий. Общее, что роднило произведения этих выдающихся "августинцев", заключалось, по мнению историка, в необыкновенном совершенстве формы, с одной стороны, и "некотором отходе от оригинальности и значимости менее изысканных произведений их предшественников", с другой². Этот век скорее был "критическим", нежели "созидательным". На взгляд Херншоу, те же самые черты ("внешний блеск и внутренний упадок") отличали другие периоды в истории разных стран, к примеру, правление Людовика XIV во Франции.

Аналогичным было и время правления последних Стюартов в Англии, и потому историк считает приемлемым применить к нему термин "Августинский век". На его взгляд, Августинский век в английской истории не был ознаменован массовым появлением оригинальных социально-политических идей, и только Локка можно причислить к "великим". Что касается других просветителей, то они привлекали к себе внимание, по мнению Херншоу, в силу своего участия в партийной борьбе, нежели принципами. Трудно не согласиться с историком в том, что английские просветители создали немного оригинальных идей в политической идеологии, однако маловероятно, чтобы их творчество не оставило своего следа не только в философии и литературе, но и в политике. Целая плеяда ярких личностей появилась на интеллектуальном небосклоне страны.

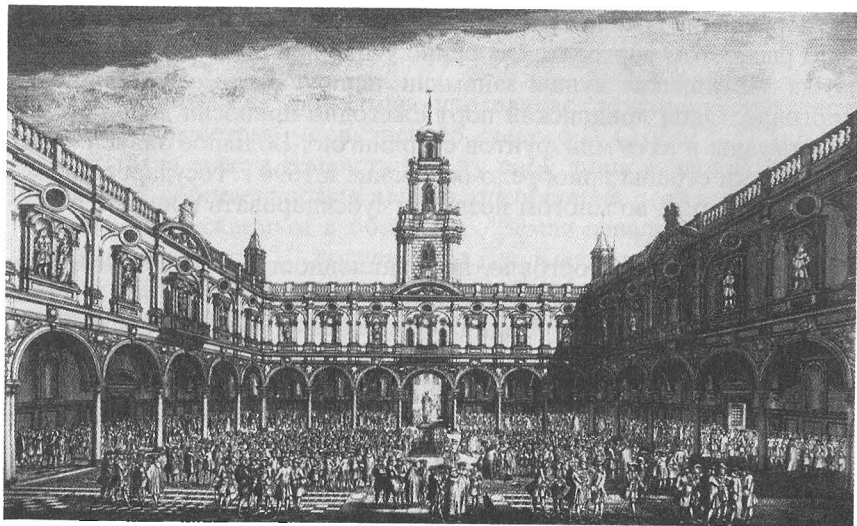
Ни до, ни после этого периода в Англии не было одновременно столько талантливых людей, оставивших заметный след в литературе, науке, политике, экономике, искусстве, архитектуре. Физик Исаак Ньютон, философы Джон Локк, Джон Толанд, граф Шефтсбери, писатели Джонатан Свифт и Даниель Дефо, поэты Александр Поп и Джон Арбетнот, журналисты Ричард Стиль и Джозеф Аддисон, государственные и политические деятели лорды Темпл, Сомерс, Галифакс, Болингброк – все эти люди приобрели всемирную известность не только в силу своей незаурядной профессиональной деятельности, но прежде всего как выразители прогрессивной идеологии – Просвещения.

Основные годы жизни и деятельности героев нашего повествования пришлись на время правления последних Стюартов – Вильгельма III Оранского и королевы Анны. Что представляла собой Англия в тот период? Каким было ее социально-экономическое, политическое и культурное развитие? Какие события в стране, происходившие в ту пору, влияли на поступки литераторов и политиков, объединившихся в стан просветителей? Ответы на эти вопросы позволят выяснить причины, побудившие наших героев активно включиться в политическую борьбу и заняться литературной деятельностью, а также понять мотивы, которыми они руководствовались, отстаивая и защищая интересы той или другой партии.

* * *

Англия на рубеже XVII–XVIII вв. представляла собой процветающую державу. Как утверждал известный британский историк Дж. Тревельян, век королевы Анны явился "прелюдией к долгому периоду довольства"³. Экономика страны была на подъеме. Хотя Англия и продолжала оставаться по преимуществу аграрной (четыре пятых всех ее жителей проживали на доходы от земли), однако рост торговли и расширение промышленного производства оказывали решающее влияние на развитие всей ее экономики. Как заметил историк М. Джордж, начало XVIII в. было "процветающим временем"⁴. Закон 1685 г. о поощрительных правительственных пятишиллинговых премиях за экспорт зерна в значительной мере стимулировал его производство. Дешевое зерно значительно облегчало существование беднейших слоев населения, для которых хлеб оставался основным источником питания. Вероятно, поэтому Джордж назвала это время "золотым веком сельского работника"⁵.

Провинция, конечно же, разительно контрастировала по сравнению с городом. Дороги хотя и улучшались, но все же еще были плохи и зимой кое-где становились практически непроходимыми для экипажей и повозок. И все же деревня, бывшая некогда замкнутым натуральным хозяйством, претерпела разительные перемены.

*Джон Боулс. Королевская биржа в Лондоне.
Середина XVIII в.*

Сельское население прочно связало свою судьбу с поставками провизии в города. Уровень достатка сельского населения заметно возрос, что отразилось на социальном облике деревни и условиях жизни ее обитателей. "Убожество средневековой деревни уже давно уступило место благородной простоте и комфорту сельского среднего класса, — отмечал Тревельян. — В царствование Анны фермеры всюду расширяли свои дома или строили новые: каменные, кирпичные или полудеревянные, в зависимости от местных традиций и местных материалов"⁶.

Важную роль в экономике страны в это время начала играть промышленность. Наряду с традиционными ее отраслями (угольная, металлообрабатывающая, текстильная) появились новые (хлопчатобумажное и полотняное производство). Лидирующее место по-прежнему занимали шерстяные мануфактуры, которые приносили в бюджет страны пятую часть национального богатства⁷. Ведущей статьей дохода являлось сукноделие. Стремление сохранить открытыми мировые рынки для английского сукна послужило одной из причин вступления Англии в войну за испанское наследство (1702–1713). Шерстяные и полотняные мануфактуры были широко распространены по стране. Хотя в производстве по-прежнему доминировала "домашняя система" ("domestic system"), одновременно создавались крупные предприятия. В ряде городов возникали фабрики по выпуску шелка, трикотажа, полотна. Промышленность Англии все больше приобретала капиталистический характер.

Правление последних Стюартов ознаменовалось также небывалым расцветом торговли. Особенно успешной была заморская торговля. Английские купцы занимали лидирующее место в мировой торговле. Один лондонский порт ежегодно приносил доход в бюджет страны в пять млн фунтов стерлингов⁸. Большое значение для экономики страны приобрело основание в 1694 г. государственного банка, который во многом позволял субсидировать военные расходы правительства.

Особую роль в торговле, промышленности и банковском деле играл в ту пору главный город Англии. Из 5,5 млн жителей 674 тыс. проживали в Лондоне⁹. Столица с ее улицами, заполненными шумными толпами людей, ярко освещенными витринами магазинов, нарядными экипажами разительно контрастировала с провинцией. Она приводила в изумление всех, кто наезжал сюда за покупками или ради развлечений.

Помимо всего прочего, Лондон являлся также центром литературной, интеллектуальной жизни, моды, закона и управления. "Умы лондонцев развивались не только благодаря развитию национальной и мировой торговли, – подчеркивал Тревельян, – но и благодаря ежедневному соприкосновению с юристами и политиками Вестминстера и со знатью и светскими людьми Сент-Джеймского дворца". В то же время Лондон представлял собой город контрастов. Его низшие слои населения: докеры, грузчики, чернорабочие, обслуживающие нужды порта и большого рынка, жили в страшной скученности, в антисанитарных условиях, "без всякого полицейского и врачебного надзора и вне пределов досягаемости филантропии, просвещения и религии"¹⁰. Неудивительно, что смертность среди этих людей была ужасающей.

Англия XVIII в. эффективно управлялась земельной аристократией. По подсчетам американского ученого Р. Смита, в 1720 г. она насчитывала двести семейств¹¹. В ту пору лишь владение крупной земельной собственностью делало англичанина политически влиятельным и уважаемым в обществе. "Земля давала независимость, земля давала власть", – подчеркивал Дж. Карсвелл¹². К примеру, без земельной собственности невозможно было стать судьей. Каждый шестой из 16 тыс. землевладельцев входил в число судей. В ряды правящей аристократии были допущены только самые крупные землевладельцы, те же, кто происходил из древних и знатных родов, но получал со своих земель небольшие доходы, попросту игнорировались. Напротив, несколько дюжин незнатных семейств, наподобие Греев из Нортамберленда или Ламбартонов из Дархема обзавелись крупной земельной собственностью и потому стали играть видную роль в социально-политической иерархии общества. "Рождение было существенным для вхождения в ряды правящей олигархии, но унаследованная земельная собственность при этом становилась тем ключом, который открывал пути к политической власти", – констатировал Смит¹³. Порядок наследования земельной собственности в аристократических семьях строго соблюдался: вся земля переходила в руки единственного наследника – старшего из сыновей. Младшие сыновья осваивали профессии, получали должности в государственном управлении, наживали состояния на торговых операциях, женились на богатых наследницах. Приобретенные вновь или полученные по брачному договору землевладения могли передаваться второму или третьему сыну в семье. Сложившаяся система наследования земельной собственности способствовала концентрации больших землевладений в одних руках и, как следствие, упрочивала стабильность олигархии и класса землевладельцев в целом, что, в свою очередь, облегчало развитие иерархического влияния над всей страной. Аристократические кланы владели поместьями, которые становились "центрами мелких империй" с годовым доходом, приближенным к королевскому. Нередко их власть распространялась на целые графства, где лендлорды делались единоличными правителями, осуществляя контроль над милицией, а также назначали мировых судей, играли заметную роль в избирательных кампаниях в графствах. При этом они рассматривали свою власть как исполнение долга перед монархом и нижестоящими подданными.

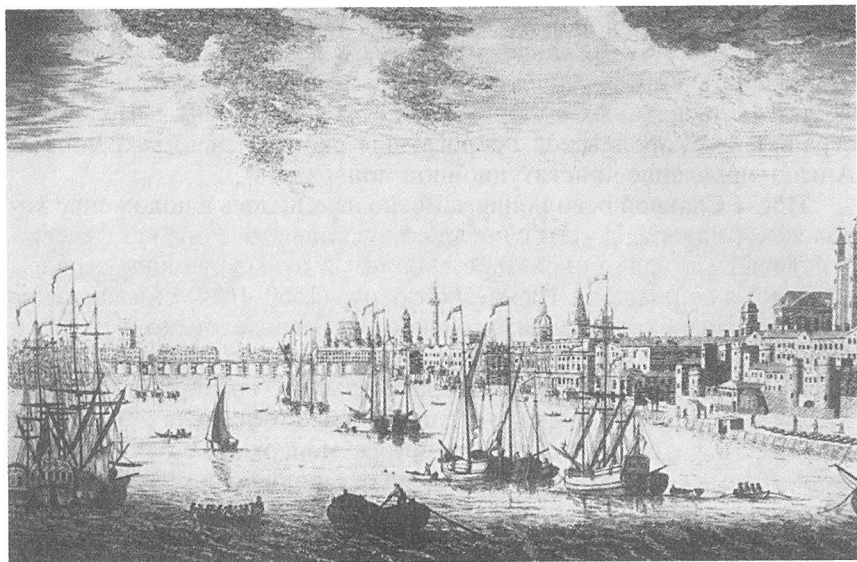
Привлекательность землевладения становилась отличительной чертой для многих честолюбивых англичан. Британский ученый Хабекук, исследовавший изменения в землевладении в Нортгемптоншире и Бедфордшире за период с 1680 по 1740 г., отмечал: "По-

купали землю те, кого особенно волновали соображения социального престижа и политической власти. Среди них было несколько крупных купцов, которые стремились к политике, но большинство новых землевладельцев или были связаны каким-нибудь путем с правительством, или являлись судьями, которые желали приобрести в обществе то значение, которое могло дать только наличие земельной собственности. Они покупали участки земли в различных частях страны, скупали владения у некоторых соседних джентри. Они не столько стремились вложить свои капиталы в землю, сколько получить побочные привилегии класса землевладельцев – возможность беспрепятственно контролировать жизнь соседней округи"¹⁴.

В иерархической структуре землевладельцев нижестоящую ступень после лендлордов занимало джентри, численность которого достигала от пяти до семи тысяч¹⁵. Представители джентри также старались сохранить свой статус и потому предпочитали вступать в брак с равными себе. От аристократов они отличались меньшими размерами землевладений. В то же время основной источник существования – земельная рента – сближал их с олигархией. Сфера влияния джентри ограничивалась, как правило, их приходом, а центром политической деятельности становился город в графстве, где они проживали. Естественно, что по своему социальному, экономическому и политическому весу джентри не могло конкурировать с аристократией и это создавало определенную напряженность между двумя основными частями класса землевладельцев. Но в целом общие интересы скорее объединяли их, нежели разграничивали, что служило побудительным мотивом в формировании политической стратегии и тактики партии тори, с которой они тесно сотрудничали.

В городах политически влиятельной становилась олигархия купцов, лавочников, профессионалов, участвовавших в местном управлении. Вместе с семьями их численность составляла от трех до четырех тысяч¹⁶. Наиболее удачливые из них также были членами правящего класса, сумев приобрести землю или породниться через брак с джентри. Впрочем, землевладельческие классы никогда не рассматривали свое экономическое благополучие в отрыве от английских торговых и коммерческих интересов. "Землевладелец и купец могли расходиться во взглядах на отдельные вопросы политики, но они всегда были верны идеалу равновесия экономических интересов, а не победы одних ценой падения других", – констатировал Смит¹⁷. Как объяснял ученый, подобная гармония экономических интересов данных классов объяснялась тем, что у аристократов и джентри нередко имелись общие торговые или коммерческие интересы. Большинство известных аристократических кланов владели определенной долей в торговых компаниях, Английском банке, участвовали в освоении месторождений полезных ископаемых, город-

*Мюллер. Вид Тауэра, моста и части лондонского Сити.
Середина XVIII в.*

ском строительстве, и все это связывало их с интересами "денежных людей".

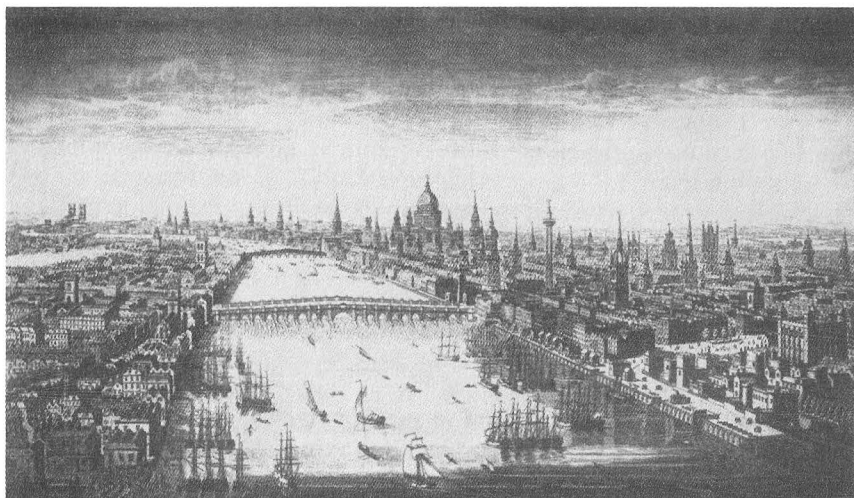
Центральной фигурой в управлении страной оставался монарх. Однако то, в какой мере он влиял на политику, в первую очередь на своих министров, во многом зависело от его личных качеств. В результате двух революций XVII в. в политическом устройстве Англии были достигнуты эффективные взаимоотношения между короной и парламентом, причем парламент занял место важнейшего партнера в управлении. И хотя после Славной революции 1688–1689 гг. монарх был вынужден опираться на правительство из независимых от него людей (в силу их экономического и политического влияния в обществе), тем не менее именно он мог выбирать предлагаемых претендентов на ту или иную должность.

Оговоренная законодательством Славной революции prerogative монарха оставалась внушительной. Король был вправе назначать всех главных должностных лиц и чиновников низшего звена в правительстве, священнослужителей высшего ранга и военных, мог созывать, распускать или отсрочивать парламент, определять курс внешней политики, включая вопросы войны и мира, чеканить монету, вводить в ранг пэров и других званий. Вместе с тем Билль о правах 1689 г., Трехгодичный акт, Закон о мятеже и Акт об устройении 1701 г., принятые в правление короля Вильгельма III Оранского, в значительной мере ограничивали власть монарха. Так, он не имел

полномочий устанавливать налоги, принимать новые законы, содержать "под ружьем" армию в мирное время без согласия парламента, накладывать вето на любой из существующих законопроектов и заключать подданных в тюрьму без суда и следствия¹⁸. Подобные ограничения королевской прерогативы окончательно закрепили в Англии правление конституционной монархии.

После Славной революции заметно изменилось и положение королевского двора. И если в предшествующие столетия, как утверждал Тревельян, двор был "микрокосмом и пульсирующим сердцем Англии", а в правление Карла II Стюарта (1660–1685) он являлся не только "ареной развлечений, вольностей и скандалов, но и тем центром, в котором оказывалось покровительство политике, моде, литературе, искусству, науке, изобретательству, предприимчивости", то при Вильгельме Оранском слава двора "потускнела". Двор превратился в резиденцию уединившегося монарха-короля, который лишь изредка показывался на скучных официальных церемониях. "Покровительства теперь искали в других местах: в кулуарах парламента, в приемных министров, в загородных домах любезнейшей аристократии мира, наконец, в обращении к образованной публике"¹⁹. Подобный упадок двора являлся еще одним свидетельством существенного ограничения королевской прерогативы, наступившего после Славной революции. И теперь уже дворы Версаля, Мадрида и Петербурга поражали своей пышностью, притягивая к себе подданных, подобно магниту, как бывало когда-то в тюдоровской Англии. Впрочем, упрощение внешних атрибутов королевской власти никого не могло ввести в заблуждение: английский монарх по-прежнему оставался верховным правителем страны, умело управляясь со строптивыми парламентариями известными средствами: при королеве Анне почти половина членов палаты лордов имела должности или пенсии от короны²⁰.

Королевские министры, прежде назначаемые по выбору монарха, теперь усматривают источник своей власти в парламенте и приобретают все большую независимость от короны. В то же время подобная расстановка сил создавала определенную двойственность в положении министров. С одной стороны, они могли оставаться на своих должностях так долго, как того пожелает монарх, который их назначил, и потому королевская благосклонность оставалась для министров жизненно важной. Но с другой стороны, в случае отказа большинства парламентариев поддерживать того или иного министра, монарх мог лишиться своего протекже, издав указ о перестановках в кабинете министров. От расстановки сил в парламенте и политической борьбы в нем зависело очень многое в карьере каждого из министров. Если министр возглавлял деятельность большинства политиков в парламенте, то даже сам король был не в состоянии отправить его в отставку без согласия на то парламента.

*Томас Боулс. Панорама лондонского Сити со стороны Темзы.
Середина XVIII в.*

Хотя теоретически все министры были равны, на деле глава казначейства и государственный секретарь возвышались над остальными (лорд-канцлер, лорд-президент Тайного совета, лорд-хранитель малой печати, первый лорд адмиралтейства и др.). Самыми важными продолжали оставаться три департамента: казначейство, государственные секретари, адмиралтейство. В целом, как утверждал Смит, подобное управление было эффективным, несмотря на имевшиеся случаи коррупции и злоупотребления отдельных чиновников. "Налоги собирались на удивление своевременно, и большая их часть доходила до казначейства и тратилась на законные нужды. Флот и армия исправно получали жалованье. Правительство работало так, как того желали подданные короля"²¹. Постепенно власть министров сосредоточилась в кабинете, но это произошло уже к концу XVIII столетия.

Парламент после Славной революции перестал быть простым орудием короны и превратился в национальный институт. Помимо всего прочего теперь он олицетворял собой "дорогу к власти", чего не случалось в прежние времена. Такие видные государственные деятели, как лорды Сомерс, Монтегю, а также Роберт Харли сделались важными политическими фигурами именно благодаря своей парламентской деятельности. "Быть вне парламента значит оставаться вне мира", – признавался в беседе с другом адмирал Родней²².

Проанализировав состав парламента начала XVIII в., Смит классифицировал депутатов по ряду признаков на несколько

Палата общин

групп. Большая их часть, на его взгляд, являлась джентльменами среднего достатка, которые без особого интереса относились к национальной политике, но с большим энтузиазмом стремились занять престижную должность. В палате общин эти депутаты, как правило, восседали на задних скамьях, за что получили прозвище "заднескамеечников". Они не проявляли особой активности в политических дебатах и голосовали, сообразуясь с собственными взглядами и убеждениями. Вторая группа объединяла тех депутатов, которые были одержимы идеями претворить в жизнь собственную программу, лишь немногие из них рассматривали свое участие в работе парламента как исполнение гражданской обязанности. Эти люди искренне верили в то, что своим присутствием в представительном учреждении они способствуют достижению престижа и процветания страны. Наконец, еще одна группа депутатов стремилась к получению места, должности, пенсии или иных почестей для себя, либо для своих протеев. Их активное участие в политике объяснялось именно подобными стремлениями. В парламенте были и профессионалы.

Каждая из палат имела в своих рядах юристов, военных и морских офицеров, наиболее амбициозные из которых играли важную роль в политике. К примеру, юристы становились видными ораторами в дебатах, но стоило им получить выгодную должность, как они тотчас же дистанцировались от бывших своих соратников по оппозиции. Продвижение по служебной лестнице у военных, заседавших в парламенте, также нередко было связано с их участием в том или ином политическом союзе. Наиболее непостоянными в своих политических пристрастиях оказывались купцы и финансисты, подчеркивал Смит²³. Ни одно правительство не могло полагаться на их поддержку, поскольку они меняли свои привязанности при каждом переизбрании в министерстве.

Что касается палаты лордов, то она продолжала сохранять свой политический вес, хотя и была отстранена от участия в решении финансовых вопросов. В то же время кабинет министров не мог обойтись без пэров. Помимо всего прочего, лендлорды оказывали заметное влияние в графствах и бургах во время избирательных кампаний. Если говорить о политических пристрастиях членов высшей палаты, то, несмотря на свою неоднородность (в их рядах были тории, приверженцы Якова II Стюарта – "якобиты", аристократические лидеры оппозиции), большинство пэров были склонны поддерживать королевскую прерогативу и правящий кабинет министров. Членам палаты лордов было также не чуждо стремление к должностям, пенсиям и иным почестям, как и их "младшим" коллегам по парламенту – коммонерам.

Следует признать, что, несмотря на политические и экономические различия и приверженность к "земельным" или "денежным"

Палата лордов

интересам, которыми отличались члены обеих палат, английский парламент действовал как единый, хорошо отлаженный механизм. Он с одинаковым вниманием относился к запросам как "земельных", так и "денежных людей", вне зависимости от политической конъюнктуры и того, какая из партий возглавляла на данный момент правительство. Тревелиян объяснял данный факт тем, что большая часть лендлордов обеих палат, особенно самые богатые и влиятельные из них, были лично заинтересованы в промышленных и торговых делах. "Поэтому неудивительно, – утверждал историк, – что парламент покровительствовал суконной мануфактуре так же заботливо, как и культуре злаков; он запретил ввоз иностранного сукна и экспорт сырой шерсти, задушил ирландскую суконную торговлю в интересах английских суконщиков и потребовал, чтобы каждого умершего при похоронах одевали только в английское сукно"²⁴. Как видно, меркантильные интересы "денежных" и "земельных людей" превалировали над их политическими разногласиями и способствовали консолидации правящей элиты в целом.

Избирательная система в Англии оставалась и после Славной революции в прежнем виде. Выборщики от графств избирались по средневековой системе: их участие обуславливалось 40 шиллингами годового дохода, что для XVIII в. было небольшой суммой. В результате численность электората колебалась от 800 человек в Рутленде до 20 тыс. в Йоркшире. В Лондоне насчитывалось 7 тыс. избирателей, а в Вестминстере – 12 тыс., в то же время в одном из "гнилых местечек" – Олд Сэраме избирателей не было вовсе²⁵. Т. Харрис уверял, что правом голоса пользовался каждый четвертый англичанин. Всего в Англии насчитывалось 40 избирательных округов²⁶. Система выборов в бургах отличалась, по мнению Смита, "хаотичностью". Избирательный ценз колебался от размеров профессорского жалованья в университетских городах до рыночной стоимости собственности кандидата. Спорные вопросы, как правило, разрешали видные джентльмены или пэры графства. Они же оказывали прямое давление на избирателей. Большинство мелких землевладельцев голосовали, как правило, по указке своего земельного магната. Памфлетист У. Редклифф в 1720 г. свидетельствовал: "Население подобно ветру: сегодня голосует за одного, завтра за другого, в зависимости от выпитого ликера, запугиваний или влияния могущественного соседа"²⁷. Неудивительно, что подобная избирательная система с использованием подкупа и коррупции сделалась объектом острой критики со стороны многих просветителей Англии.

Важнейшим атрибутом государственного устройства страны в правление последних Стюартов становятся политические партии тори и виги, а главным содержанием политической жизни – партийная борьба. По утверждению Харриса, современники порой за-

труднялись в определении сущности партий, поскольку основным принципом для обеих являлась их лояльность к правящему режиму²⁸. Обе партии претерпели кардинальные изменения после Славной революции. Так, виги стали олицетворением партии Двора и королевской исполнительной власти, а тори, в особенности к концу правления королевы Анны, сделали партию Отечества. Дж. Ричардс отмечал, что уже в годы правления короля Вильгельма Оранского наметилось зарождение "нового торизма". Тори не только смирились с революционным устройством и законодательством, но и приучились поддерживать и то, и другое. Более того, они позаимствовали из арсенала своих политических противников лозунги, которые те использовали, когда находились в оппозиции к Карлу II и его брату Якову Стюартам. Теперь уже не виги, а тори добивались исключения из парламента пенсионеров и тех, кто покупал себе должность или место в парламенте. Они выступали против постоянной армии в мирное время и осуждали чрезмерную активность правительства в континентальных делах. На взгляд историка, именно тори во многом были ответственны за то, что согласились принять Закон о передаче английской короны в 1714 г. немецкой династии Ганноверов²⁹.

Долгое время в зарубежной историографии дискутировался вопрос о том, существовала ли в правление последних Стюартов двухпартийная система. Новейшие исследования поставили точку в данном споре, дав утвердительный ответ³⁰. И действительно, именно в этот исторический период происходило становление двухпартийной системы, при которой роль политической оппозиции приобретала особую значимость. "Постоянная критика министерства со стороны организованной оппозиции, – подчеркивал Смит, – уже признавалась как постоянная и желанная черта политики, и эта оппозиция расценивалась как альтернативное министерство, а не как нелояльная фракция"³¹.

Современные ученые признают, что обе партии уже имели собственные организации для координации деятельности единомышленников и сплочения их рядов. Особенно наглядно это было видно на примере деятельности так называемой "вигской Хунты". Хунта состояла из умеренных вигов, объединившихся в 1693–1694 гг. с целью поддержания приготовлений короля Вильгельма к войне с Аугсбургской лигой. В ее ряды входили видные государственные деятели: Джон Сомерс, Эдвард Рассел, Томас Уортон, Чарльз Монтэгю и Чарльз Спенсор. Почти ежедневно члены Хунты собирались в парламенте, приглашая на свои встречи видных деятелей из партии вигов, а также периодически проводили массовые мероприятия членов партии в Розовой Таверне. В перерывах между сессиями лидеры вигов обычно собирались в более тесном кругу, в своих загородных виллах или на скачках в Ньюмар-

кете. Встречи политиков с литераторами, поддерживавшими вигов, как правило, проводились в Клубе Кит-Кэт, который основал в 1700 г. купец Яков Тонсон. В то же время излюбленным местом партии тори сделалась таверна "Прибрежный фонтан", в которой нередко собиралось до двухсот человек. Обе партии использовали систему рассылки циркулярных писем и подписных листов для оживления деятельности рядовых членов, а также активно вмешивались в ход избирательных компаний на местах, в графствах или бургах.

ЗАРОЖДЕНИЕ "ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ"

Естественно, что при столь активной политической борьбе, которая шла в стране на протяжении четверти века в правление последних Стюартов, особенно важную роль стала играть пресса. Для того чтобы привлечь на свою сторону как можно большее число единомышленников, партии "культивировали политическую осведомленность населения" с помощью различных форм пропаганды (трактаты, газеты, проповеди, общественные праздники и церковные ритуалы)³². В результате пресса становится неотъемлемой составляющей демократической жизни Англии. Однако путь к этому был труден и долг.

Говоря о зарождении современной прессы, нелишне вспомнить, что своими истоками она обязана тем рукописным бюллетеням, содержащим сведения об экономических и политических событиях в стране, которые в XV в. стали появляться в Венеции, а затем ряде городов Германии. Горожане, приобретавшие подобные бюллетени в Италии, расплачивались мелкой монетой "gazza", или "gazetta". Отсюда и пошло название периодических изданий. Поначалу газеты выходили нерегулярно, от случая к случаю, но с переходом на печатный станок в начале XVII в. они начинают приобретать определенную периодичность.

В Англии до издания газет распространялось немало рукописных памфлетов, авторы которых жестоко преследовались цензурой. Борьба за ее отмену имела свою предысторию. Цензура в английской печати существовала с XVI в., со времени правления Генриха VIII. Таким путем Звездная палата охраняла в печати авторитет короля и господствующей церкви. При Карле I за сочинение и распространение "опасных", по мнению властей, книг виновных по приговору Звездной палаты подвергали наказаниям: облагали высокими штрафами, били плетью, выставляли к позорному столбу, рвали ноздри, клеймили щеки каленым железом и сажали в тюрьму. Революция упразднила Звездную палату в 1641 г., однако цензура в печати продолжала действовать, только контроль над печатью от короля перешел теперь к парламенту. Однако радикальные партии выступили с требованием отмены цензуры. Особенно активную позицию в борьбе за свободу слова заняли революционеры Джон Лильберн и Джон Мильтон.

После Реставрации монархии в 1660 г. "строгая цензура", по словам британского историка К. Хилла, "покончила с относительной свободой политических дискуссий, которые проходили в 1649–1660 гг."³³. И теперь только правительственные газеты печатались с разрешения закона. В 1661 г. парламент принял указ "О регулировании книгопечатания", имевший целью заставить замолчать

всех недовольных режимом. Парламент разработал ряд мер, направленных на розыск "возмутительных, подозрительных, скандальных и подстрекательских книг, памфлетов, листков в книжных лавках и типографиях"³⁴. Началось открытое преследование оппозиционно настроенных к режиму памфлетистов. В результате к публичному сожжению "рукой палача" были приговорены "мятежные" книги Дрейка, Мильтона, Гудвина и других республиканцев, которые оправдывали "ужасное убийство Карла I". Было объявлено также об изъятии из обращения "мятежных" памфлетов, книг, речей известных лидеров вигской партии – Джона Локка, графа Шефтсбери, герцога Бэкингема. Типограф Джон Твин, без разрешения цензора напечатавший памфлет антиправительственного содержания, в котором утверждалось, что власть должна принадлежать народу, был арестован и подвергнут жестокой казни (его повесили, затем четвертовали, выставив части тела у разных ворот Лондона).

Жестокие репрессии правительства по отношению к авторам "мятежных" и "возмутительных" памфлетов далеко не всегда оказывались эффективными. Запрещенные книги и памфлеты, содержащие критические высказывания в адрес власти, продолжали распространяться по стране. Сам король Карл II был вынужден признать бессилие правительственной политики в борьбе с "возмутительной" литературой³⁵.

Установленная режимом Реставрации цензура в печати ущемляла права даже тех авторов, которые в своих произведениях не допускали никакой крамолы. Государственный секретарь Уильямсон получил в июне 1676 г. анонимное послание, автор которого жаловался на цензора Ластранжа, утверждая, что тот "превышает свои полномочия, вверенные ему законом... притесняет бедных авторов, а богатым позволяет себя подкупать... вымогает деньги за печатанье книг неконформистов (религиозных сектантов), утверждая, что его должность равноценна по своему значению должности государственного секретаря"³⁶. Попытки короля усилить действие цензуры не имели успеха: памфлетная война продолжалась.

Король Яков II придерживался той же политики контроля над печатью, что и его брат. Правда, сквозь дебри цензуры смогли прорваться "Потерянный рай" Джона Мильтона и "Математические начала" Исаака Ньютона, но исключительно благодаря поддержке главы Королевского общества известного мемуариста С. Пеписа. Общее же количество напечатанных книг и памфлетов было невелико. Число мастеров-печатников сократилось до двадцати, а печатные станки, на которых они работали, строго контролировались. За исключением печатников издательств в университетах Оксфорда и Кембриджа, все мастера-печатники были сосредоточены в столице, что не могло не наносить ущерба развитию интеллектуальной жизни страны в целом.

Во время Славной революции контроль над прессой был в значительной степени ослаблен. Возможно, утверждал Тревельян, что Вильгельм Оранский пошел на это сознательно, памятуя свой поход на Лондон, когда столица Западной Англии Экстер не смогла предоставить ему ни одного печатника и ни одной печатной машины для издания копий его манифеста³⁷. Карсвелл полагал, что бескровный характер Славной революции во многом был обязан прессе, которая заставляла англичан больше читать о событиях в своей стране, нежели участвовать в них. Один из приближенных Вильгельма советовал королю: "Если Вы намерены успокоить нацию, то делайте это с помощью газет". И штатгальтер Голландии прислушался к словам придворного: тысячи памфлетов, призывавших поддержать Вильгельма в его "правом деле", были отпечатаны в Голландии, а затем распространены в Англии. Армия Вильгельма Оранского перевозила также в своем багаже печатный станок, чтобы в случае необходимости пополнить запас печатной продукции³⁸. Неудивительно, что уже в первые недели революции появилось множество памфлетов, трактатов, газет, в которых подробно освещались все политические события в стране, а также парламентские новости. Наиболее обстоятельно печатные издания расписывали церемонию вступления на престол новоиспеченных монархов – короля Вильгельма и его супруги Марии II Стюарт. Не отставали от столичных газет и провинциальные вестники. Как писал Т. Маколей, "в газетах целые три недели только и говорилось о празднествах, служивших изъявлением общей радости, о кавалькадах джентльменов и йоменов, о процессиях шерифов и судей в красных мантиях, о сходках ревностных протестантов с оранжевыми знаменами и лентами, о фейерверках, иллюминациях, музыке, балах, обедах и фонтанах, метавших эль и вино"³⁹.

Едва празднества по поводу коронации завершились, как король в январе 1689 г. издал указ, предписывавший цензорам разыскивать все "скандальные и мятежные" книги, газеты и памфлеты, привлекая к судебной ответственности их авторов. Так закон о цензуре вновь вступил в силу. Однако буржуазия очень нуждалась в средствах массовой информации, чтобы влиять на общественное мнение, и потому требование "свободы слова" сделалось одним из главных в программах обеих партий. Наиболее активными борцами за свободу слова стали просветители Дефо, Галифакс, Локк. Весной 1695 г. Джон Локк представил в парламент документ, в котором изложил свое мнение по поводу закона о печати. "Я не понимаю, почему люди не могут свободно печатать то, о чем желают высказаться", – заявлял он. Просветитель считал, что, препятствуя гражданам публиковать то, что они желали бы сказать, правительство тем самым поощряет издание анонимной литературы, авторов которой будет невозможно ни найти, ни наказать. В результате за этих авторов от-

ветственность несут издатели и книготорговцы, которые подвергаются наказаниям. Проведение подобной политики в печати, по его мнению, резко ограничивает издание книг. "Из-за этого закона Англия в целом проигрывает, особенно страдают ученые, и никто не выигрывает, кроме ленивых, безразличных цензоров", – констатировал Локк. Примечательно, что просветитель в ограничении свободы слова усматривал не только ущемление гражданских свобод человека, но также унижение человеческого достоинства. Он указывал, что существующий закон о печати дает право констеблю обыскивать любой дом в поисках запрещенной литературы. Локк недоумевал, как же джентри, более того, как пары могут подвергаться процедуре обыска только по подозрению в том, что в их домах находятся разыскиваемые "мятежные" книги. Для просветителя даже "тень подозрения", которая ложится на подозреваемого в сокрытии запрещенных книг, а также то, что его дом может быть подвергнут обыску, отождествлялись с "проявлением рабства", с которым предки никогда бы не смирились⁴⁰.

Усилия борцов за свободу слова увенчались успехом в феврале 1695 г., когда закон о цензуре был отменен. Британский исследователь Л. Хэнсон считал, что отмена данного закона произошла потому, что он не достиг поставленной цели. Желая не допускать в печать "подстрекательские" и "мятежные" памфлеты и предусматривая за их публикацию суровые наказания, правительство не предполагало, к каким последствиям этот закон может привести. Во всяком случае, ни церковь, ни государство не желали, подчеркивал ученый, разорения граждан от тех штрафов, которыми их облагали за "недозволенные" публикации⁴¹. На наш взгляд, уничтожение цензуры в печати объяснялось насущными потребностями укреплявшегося класса буржуазии, нуждавшейся в средствах, с помощью которых появилась бы возможность свободно пропагандировать свои идеи, формировать в нужном направлении общественное мнение, оказывая идеологическое воздействие на сограждан. Упразднение цензуры в печати, конечно же, имело прогрессивное значение для всей политической жизни Англии. Однако не будем забывать, что плодами достигнутой свободы могли воспользоваться лишь представители имущих классов.

Как же развивались события в Англии после отмены цензуры? Обрела ли печать ту самую свободу, за которую несколько десятилетий вели борьбу прогрессивные слои населения, в первую очередь буржуазия. На взгляд Хэнсона, уничтожение цензуры не позволило добиться в стране "полной свободы слова"⁴². Надо признать, что отмена закона о печати в значительной мере активизировала печатное дело. С 1702 г. в Лондоне впервые начала выходить ежедневная газета "Дейли курант". Вслед за ней появились газеты "Инглиш курант", "Постбой", "Постмен", "Уикли Ньюс Леттер" и другие. Всего

в Лондоне издавалось 18 газет и пять еженедельников. К 1714 г. собственные газеты имели также города Бристоль, Ливерпуль, Нью-касл-на-Тине, Норвич, Ноттингем, Стемфорд, Уорчестер⁴³. Увеличился тираж – с 44 до 67 тыс.⁴⁴ Примечательно, что многие издания имели партийную окраску. К примеру "Спектейтор", "Ревю", "Инглишмен" и "Гардиан" отличались "вигской" направленностью, а "Экзаминаер" и "Рихезел" были известны как "торийские" журналы.

Появление столь значительной для начала XVIII в. периодики в Англии, бесспорно, позволило господствующим классам оказывать через нее влияние на формирование общественного мнения в стране. Однако следует напомнить, что читателями прессы оставались по преимуществу представители высших и средних слоев: аристократия, джентри, купечество, духовенство, интеллигенция. Добившись долгожданной свободы слова, правящие классы уже не желали с ней расставаться ни под каким видом. И когда в 1697 г. в палате общин был внесен на обсуждение проект о возобновлении закона о цензуре, депутаты дружно (200 голосами против 16) его отклонили.

Добившись отмены цензуры, буржуазия завоевала свободу исключительно для своего класса. А затем она начала изыскивать средства, с помощью которых было бы возможно подавлять выступления как своих политических противников, так и всех инакомыслящих вообще. Одним из таких средств стало введение 10 июня 1712 г. "штемпельного" налога, с помощью которого правительство надеялось заставить замолчать наиболее крикливых и назойливых оппонентов, закрывая газеты и журналы путем разорения их владельцев. Многие периодические издания не выдержали налога и прекратили существование. Об этом в своем дневнике поведал Джонатан Свифт: «С прошлой недели Граб стрит (улица в Лондоне, где расположились издания ряда газет и журналов. – *Т.Л.*) почил и уже не воскреснет... "Наблюдатель" приказал долго жить, "Всякая всячина" слилась с "Летучей почтой", "Экзаминаер" смертельно болен»⁴⁵. Так правительство и в условиях существования бесцензурной печати нашло способ с помощью экономических мер закрыть рот политическим противникам. К слову сказать, гербовый ("штемпельный") сбор на печатные издания просуществовал в Англии вплоть до 1855 г.

Не менее активно свободой слова продолжали пользоваться и политические партии. Их борьба, хотя и находилась под контролем партийной элиты, очень быстро переросла отведенные ей границы и стала вовлекать в свою орбиту все большее число граждан, причем обоего пола. По замечанию британского ученого У. Спика, в ту пору "национальная жизнь была проникнута партийным духом"⁴⁶. Карьера юриста, военного или священника во многом зависела от расположения влиятельных членов партии, находящейся на тот мо-

мент у власти. И потому, утверждал ученый, два мощных средства влияния на общественное мнение – церковная кафедра и пресса превращались в самые эффективные средства пропаганды. Причем эта пропаганда распространялась не только на высшие и средние слои общества, но также на рядовых лондонцев и жителей провинциальных городов.

В условиях становления двухпартийной системы, когда тори и виги попеременно входили в правящий кабинет, оппозиционная партия начинала выступать с критикой в адрес правящей. Последняя также применяла всевозможные меры, чтобы "утихомирить" своих противников. Но стоило им поменяться местами, как все начиналось сначала, причем преследовала инакомыслящих, как правило, только правящая партия.

После принятия Закона о Трехгодичном парламенте в 1694 г. и вплоть до его отмены в 1716 г. в стране прошло десять избирательных компаний. Как следствие столь частых выборов резко возросла потребность в партийной пропаганде. В результате, по утверждению британского ученого П. Роджерса, "способный писака становился ключевым звеном в партийном механизме"⁴⁷. Неудивительно, что и партии, и правительство стремились заручиться поддержкой видных писателей и журналистов, чтобы через них оказывать давление на общественное мнение. Для этой цели власти использовали политику "кнута и пряника" – поощряли ортодоксальных памфлетистов и журналистов и сурово расправлялись с инакомыслящими.

Французский исследователь XIX в. А. Белжам приводил данные о том, как правительство отблагодарило тех литераторов, которые его поддерживали: Джон Локк вошел в Совет по делам торговли; поэт Дж. Арбетнот был назначен лекарем королевы Анны; журналист Ричард Стиль получил должность главного редактора официальной "Лондонской газеты"; двадцатичетырехлетний драматург Конгрив вошел в казначейство; поэт Гэй, начинавший свой жизненный путь учеником торговца шелком, в двадцать пять лет стал секретарем посольства; памфлетист Мэтью Прайор получил назначение посла в Гаагу, а затем в Версаль; Джонатан Свифт стал настоятелем собора св. Патрика в Дублине. Впрочем, автор убежден, что если бы Свифт не написал своей "Сказки бочки", содержавшей острую критику духовенства, то не исключено, что он стал бы епископом. Белжам полагал, что писатели и журналисты были приняты в высшее общество наравне со знатными людьми. Так, Прайор приглашал к себе в дом министра Харли; Свифт часто встречался, обедал вместе с государственным секретарем лордом Болингброком; Конгрив дружил с дочерью военного министра герцога Мальборо; Аддисон женился на графине Уорвик. Сделались членами парламента Конгрив, Аддисон, Стиль. Все они вошли в знаменитый клуб "Кит-Кэт" вместе с влиятельными политиками графами Дорсетом,

Сандерлендом, герцогами Сомерсетом, Ньюкаслем и Мальборо⁴⁸. Таким образом, правительство хорошо оплачивало (деньгами и должностями) находящихся у него на службе литераторов, которые, хотя и ратовали за свободу слова, но сами были вынуждены в силу убеждений, политических симпатий, либо по меркантильным соображениям продавать свое перо.

Вместе с тем совершенно иная судьба была уготована тем литераторам, которые обслуживали оппозицию. Правительство расправлялось с неугодными писателями так же сурово, как поступали когда-то монархи. Издатель газеты "Флаинг Пост" У. Харт дважды выставлялся у позорного столба, два года провел в тюрьме, подвергся разорительному штрафу; Д. Дефо за памфлет "Кратчайший путь расправы с диссентерами" был выставлен у позорного столба, приговорен к тюремному заключению, оштрафован; издателя "Обсерветора" Тэтчина избила толпа фанатиков, а парламент приговорил его к розгам. Священника Стивенса оштрафовали, и только случай спас его от позорного столба за написание памфлета в защиту "неприсягнувших" королю Вильгельму Оранскому. Стиль был исключен из парламента за памфлет "Кризис", а издатель Дж. Ридпат провел несколько месяцев в тюрьме, выйдя из которой, был вынужден бежать из страны, опасаясь новых преследований. Тюремное заключение являлось самой распространенной формой воздействия на инакомыслящих. К примеру, государственный секретарь лорд Болингброк только за один день отправил в тюрьму 14 книгоиздателей и журналистов⁴⁹.

Репрессии не могли, однако, заставить замолчать всех тех, кто отстаивал право на свободу слова. "Не успеваем выпустить кого-нибудь из них под залог, – сетовал Свифт, – как они тотчас снова берутся за свое. Тогда мы снова их арестовываем, но они опять вносят залог, и каждый раз все начинается сначала"⁵⁰. Литераторы продолжали писать, а взамен прежних, закрытых газет и журналов, выходили новые издания.

Следует отметить, что в разряд инакомыслящих порой попадали люди, которые отнюдь не являлись противниками существующего в Англии строя. Напротив, они защищали этот строй, но лишь допускали отдельные критические замечания в адрес правящего кабинета министров, либо лидеров партии. Однако в условиях ограниченной свободы слова даже подобные выступления считались крамольными. Как видно, в правление последних Стюартов свобода слова становилась жизненно необходимой для самой политической элиты, а отстаивать ее в жестокой борьбе приходилось в первую очередь деятелям культуры – литераторам и журналистам.

Немаловажную роль в политической и культурной жизни Англии на рубеже XVII–XVIII вв. стали играть также клубы и кофейни. Образование неформальных групп и кружков, которые британ-

Кофейня

ский историк П. Кларк окрестил "обществами", начали возникать в стране еще до революции середины XVII в. Среди них были общество любителей древности, несколько обществ почитателей колокольного звона, а также клубы юристов⁵¹. События гражданской войны всколыхнули общественность, что способствовало возникновению клубов и кофейен. В них собирались ученые из Королевского общества, поэты и музыканты, а также купцы, мелкопоместные дворяне из Кента, Уилтшира, Суффолка, Хертфордшира, Чешира и других графств, которые обсуждали цены на хлеб и сукно⁵².

Первая кофейня, где можно было полакомиться с входившими в ту пору в моду кофе и шоколадом, открылась в Лондоне в 1657 г. Через несколько десятилетий таких кофейен насчитывалось уже около пятисот. Первая лондонская кофейня быстро превратилась в центр общественной жизни. И как отмечал Тревельян, "она способствовала ослаблению укоренившейся тогда привычки к спиртным напиткам, так как употребление алкоголя в ее помещении не допускалось"⁵³. А вскоре кофейни стали своеобразными клубами, где встречались политики, литераторы, ученые. Кофейню "Ионафана" посещали коммерсанты, "Греческую кофейню" – ученые и юристы. Предпочитавшие пить шоколад светские щеголи облюбовали кондитерскую "Кокосовое дерево". В кофейне "Сент-Джеймс" проводили время вигские политики, а в "Кофейне Вилля", расположенной в центре столицы, в Ковент-Гардене, – литераторы. Наибольшей популярностью у просветителей пользовалась кондитерская "Кит-Кэт", за которой очень быстро закрепилась слава литературного салона, а также клуба политиков и литераторов "вигской" ориентации. В противоположность ему тори создали свой, под названием "Клуб братьев". В нем часто собирались Болингброк, Свифт, поэт Александр Поп и баснописец Джон Гэй. Именно из этого клуба позднее оформится кружок "Мартинус Скрибблерус" ("Писаки"), целью которого станет создание сатиры, направленной на обличение негативных сторон английской действительности.

Освещая вопрос о прессе и клубах, мы в какой-то мере уже приблизились к проблеме состояния английской культуры в правление последних Стюартов. Остановимся теперь на таком важном показателе уровня ее развития, как грамотность населения страны. В "августинской" Англии было немало высокообразованных людей среди парламентариев, государственных чиновников, священников, аристократов и купечества. Однако большинство англичан оставались в ту пору неграмотными, о чем нередко упоминают западные ученые⁵⁴. Американский исследователь Д. Кресси в книге "Грамотность и социальный порядок. Чтение и письмо в Англии Тюдоров и Стюартов" приводит данные, согласно которым в середине XVII в. число неграмотных мужчин составляло от 33% в Лондоне, до 94,6% в графстве Вестморленд. С грамотностью женщин дело обстояло еще хуже. В середине века среди жительниц Лондона насчитывался 81% неграмотных, к концу века – 52%⁵⁵. В провинции число таких англичанок к концу столетия достигало 80%⁵⁶. Неудивительно поэтому, что вопрос о необходимости предоставления образования не только мужчинам, но и женщинам привлекал внимание многих просвещенных англичан, в том числе просветителей, среди которых особую активность проявили и герои нашей книги⁵⁷.

Обычно образование, которое давали молодым людям из высших и средних классов, носило, по утверждению Тревелияна, "строго классический характер", что предусматривало непременно знание латыни и греческого языка. Аристократы для своих сыновей предпочитали колледжи Итона, Винчестера и Вестминстера. Наиболее состоятельные выбирали университеты Оксфорда и Кембриджа, которые из "бастионов схоластики" постепенно превращались в центры нового гуманизма. Теперь студенты изучали в университетах не только труды Цицерона, Сократа, Сенеки, Плутарха, Софокла и Эврипида, но и Петрарки, Мора, Вивса, Эразма. Одной из целей университетского образования считалось моральное совершенствование студентов.

Кроме того, существовали различные школы, которые посещали большинство юных джентльменов. Роберт Питт, отец будущего премьер-министра, писал в 1704 г. губернатору Мадраса: "Оба моих брата находятся в академии г-на Мэра близ Сохо-сквер, считающейся лучшей в Англии. Они изучают латынь, французский, счет, фехтование, танцы и рисование. Следующим летом я думаю отправить их в Голландию для пополнения образования"⁵⁸.

Нередко дети из высших и средних классов получали знания дома. Как правило, в роли преподавателя выступал приходской священник или частный капеллан. Для обучения языкам приглашались

иностранцы, по преимуществу гугеноты, бежавшие из Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Образование провинциального дворянства, по признанию Маколея, мало чем отличалось от того, которое получали их слуги. "Зачастую воспитателями наследника поместья были пажи и егеря, и все его познания ограничивались умением изобразить свою подпись на документе, – писал историк. – А если он учился в школе и колледже, то обычно еще до двадцати лет возвращался к семейному очагу, где среди деревенских забот и развлечений быстро забывал всю свою науку. Главным его делом было хозяйство. Он проверял зерно, ходил на свинарник, а по ярмарочным дням торговался за кружкой пива с прасолами и перекупщиками хмеля. Его любимыми развлечениями были охота и примитивные любовные утехы. Он говорил таким языком, который теперь можно услышать лишь от самой неотесанной деревенщины"⁵⁹.

Женское образование в стюартовской Англии носило ярко выраженный прагматический характер. По большей части жены и дочери провинциальных дворян, как отмечал Маколей, проводили время за шитьем, прядением, приготовлением крыжовниковой настойки и пирогов, а также ухаживали за цветами⁶⁰. Вместе с тем, видя главное предназначение девушек в их семейной жизни, родители заблаговременно беспокоились о выборе для них достойной партии. Важным залогом успеха в этом предприятии являлось обучение девушек прежде всего грамоте, иностранным языкам, музыке, танцам, а также навыкам домоводства. Главную роль играла мать девушки, и от того, насколько она сама была образованна, талантлива и способна, зависели успехи ее дочери. Существенным было значение матери также в воспитательном процессе, которая знакомила ее с манерами поведения, этикетом, а также основами религии. Заметное место в образовании молодых представительниц высших и средних слоев общества занимали гувернантки и приходящие учительницы. Разумеется, все это стоило немалых денег, и потому далеко не каждая семья могла себе позволить столь всесторонне развивать своих дочерей.

Женское образование в Англии XVII в. отличалось гуманитарным характером. Практически все девушки из высших и средних слоев обучались грамоте, иностранным языкам, музыке и танцам. Лишь немногие из них знакомились с историей, географией, азами философии. Крайне редко девушки познавали точные науки, а также латынь. В результате качество их подготовки заметно уступало мужской. Кроме того, девушки, не изучавшие латынь, лишались возможности поступить в университет и не могли приобрести профессию, в которой требовалось знание латинского языка.

Народное образование в стране оставалось в XVII в. практически неизменным. К приходским школам в конце века добавились лишь благотворительные учебные заведения. Впрочем, "учебными"

их можно было назвать с большой натяжкой, поскольку грамоте в них обучали немного. Большую часть времени дети бедняков в приходских школах занимались тем, что зарабатывали себе на пропитание. Справедливости ради стоит заметить, что приходские школы сыграли свою положительную роль в профессиональной подготовке учащихся. Опытом англичан по созданию системы благотворительных школ воспользовались многие страны Европы – Швеция, Дания, Голландия, Швейцария, Германия, а также Россия⁶¹.

Вместе с образованием в Англии развивалось печатное дело. Расцвет журналистики дополнялся возросшим интересом общества к книжной продукции в целом. За период с 1660 по 1800 г. в стране было издано 300 тыс. книг⁶². Все большее место в жизни англичан начинают занимать домашние библиотеки. Богатейшее собрание книг высокопоставленного чиновника и юриста лорда Джона Сомерса, в котором хранились фолианты по филологии, праву, истории, философии, медицине, теологии, экономике, математике, политике и искусству практически на всех европейских языках, не являлось в ту пору в Англии большим исключением среди частных библиотек аристократов. Библиотека парламентария сэра Эдварда Деринга насчитывала 2 тыс. книг. Богатейшей коллекцией книг владел известный дипломат Уильям Темпл, ставший идейным наставником Свифта. Практически в каждом богатом доме вошло в моду иметь хорошую библиотеку. С скромные книжные полки стали появляться и в домах провинциального дворянства. В их библиотеках, как правило, соседствовали Библия и книга "Мучеников" известного предводителя квакеров Джона Фокса. Деревенский народ, простой фермер или коттер, знакомый с грамотой, другой печатной продукции, кроме Библии, молитвенника или баллад, не знал.

В XVII в. появляются в Англии первые публичные библиотеки. Университетские библиотеки существовали в Оксфорде и Кембридже со времени основания самих университетов, т.е. с XII–XIII вв. Первая общественная библиотека, как считает Тревельян, была открыта в Лондоне ректором Сент-Мартинского аббатства Теннисоном в 1684 г. По мнению британского ученого Дж. Фидера, данное событие произошло еще раньше, в 1661 г. Основателем библиотеки он называл одного из первых издателей беллетристики в Англии Фрэнсиса Керкмена. К середине XVIII в. библиотеки были открыты практически в каждом городе. Городские библиотеки Бата, Лидса, Бристоля, Ньюкасла насчитывали многотысячные собрания книг⁶³. Примечательно, что читатели "августинской" Англии наибольший интерес проявляли к светской литературе: беллетристике, истории, рассказам о путешествиях.

Большую роль в интеллектуальной жизни общества играла Академия наук (Лондонское Королевское общество), созданная в 1662 г. по инициативе короля Карла II Стюарта и его двоюродного

брата принца Руперта. Оба кузена интересовались наукой: король отдавал предпочтение математике и механике, принц увлекался химическими опытами. Основание Королевского общества способствовало быстрому развитию экспериментальной науки. И хотя Роберт Бойль, Исаак Ньютон, как и другие члены данного общества являлись людьми глубоко религиозными, тем не менее они знакомили своих сограждан с идеей "закономерности во вселенной и с научными методами исследования, необходимыми для открытия истины"⁶⁴. В правление последних Стюартов Королевское общество все чаще обращается к нуждам государства. Один из ее президентов – Ньютон возглавил работу Монетного двора и вместе с Локком по заказу правительства приступил к чеканке новой монеты. В этот период в стране стали появляться книги об усовершенствовании методов земледелия, агротехнике, экономические проекты Ч. Дэвнента и статистический труд Г. Кинга. Наука все теснее сближается с жизнью.

В период Реставрации (1660–1688) возродился театр, который заметно утеряти былую популярность за годы пуританской революции. Карл II покровительствовал не только науке, но и театру, возможно, в немалой степени из-за столь любимой им актрисы Нелли Гвинн. Шекспировский театр в XVII в. внешне претерпел изменения. Здание театра находилось под крышей, сцена освещалась свечами. Рампа, спускающийся занавес и рисованные театральные декорации дополняли внутреннее его убранство. Женские роли теперь исполняли актрисы, что резко повысило театральные сборы, поскольку мужская часть зрителей нередко приходила в "храм искусств" не ради пьесы, но чтобы полюбоваться понравившейся актрисой. Российский историк Л.Е. Кертман насчитывал в Лондоне в начале XVII в. двадцать театров, отмечая, что случались дни, когда одновременно представления шли в одиннадцати из них⁶⁵. Несколько иные данные приводил Тревелльян, который утверждал, что за большой промежуток времени в Лондоне был открыт лишь один театр – Королевский на Друрилейн, хотя время от времени открывались один-два театра⁶⁶. Заметно расширился репертуар театра. Ставились пьесы Шекспира, Бена Джонсона, поэтические драмы Джона Драйдена, комедии Конгрива и Фаркера и, наконец, венец репертуара "Августинской" Англии – первая в ее истории опера Генри Перселла "Дидона и Эней". Эта опера принесла английской музыке мировое признание на века.

В целом состояние английской культуры в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. было таковым, что заставило Тревелльяна признать его "одним из самых славных периодов развития английского гения и цивилизации"⁶⁷. И здесь трудно что-либо возразить.

Завершая свой экскурс в историю "Августинской" Англии, заметим, что в своем социально-экономическом, политическом и

культурном развитии она по праву лидировала среди других государств. Неудивительно, что Англия сделалась в XVIII в. эталоном для подражания во многих странах, в том числе Франции и России. Свой посильный вклад в формирование просветительской идеологии и просвещенной политической культуры, а также в образование подрастающего поколения внесли и герои нашей книги.

- ¹ *Rogers P. The Augustan Vision. L., 1974. P. 7.*
- ² *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1928. P. 5.*
- ³ *Тревелиян Дж. Социальная история Англии. М., 1959. С. 312.*
- ⁴ *George M.D. England in Transition. Life and Work in the Eighteenth Century. Baltimore, 1962. P. 17.*
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Тревелиян Дж. Указ. соч. С. 320.*
- ⁷ *Walker J. British Economic and Social History. 1700–1977. Ester; Plymouth, 1979. P. 16.*
- ⁸ *Adams D.P. Tudors and Stuarts. 1485–1714. L., 1962. P. 264.*
- ⁹ *George M.D. Op. cit. P. 30.*
- ¹⁰ *Тревелиян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 360–361.*
- ¹¹ *Smith R.A. Eighteenth-Century English Politics, Patrons and Place-hunters. N.Y., 1972. P. 2.*
- ¹² *Carswell J. From Revolution to Revolution: England 1688–1776. N.Y., 1973. P. 15.*
- ¹³ *Smith R.A. Op. cit. P. 3.*
- ¹⁴ *Цит. по: Тревелиян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. С. 331.*
- ¹⁵ *Smith R.A. Op. cit. P. 9.*
- ¹⁶ *Ibid. P. 10.*
- ¹⁷ *Ibid. P. 53.*
- ¹⁸ *The Eighteenth-Century Constitution 1688–1815: Documents and Commentary. Cambridge, 1960. P. 26–33, 42–46, 49–50, 56–60.*
- ¹⁹ *Тревелиян Дж. История Англии... С. 367.*
- ²⁰ *Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society. 1660–1715. L., 1993. P. 162.*
- ²¹ *Smith R.A. Op. cit. P. 18–24.*
- ²² *Ibid. P. 28.*
- ²³ *Ibid. P. 30–33.*
- ²⁴ *Тревелиян Дж. История Англии... С. 295.*
- ²⁵ *Smith R.A. Op. cit. P. 39–40.*
- ²⁶ *Harris T. Op. cit. P. 177; Richards J.O. Party Propaganda under Queen Anne. The General Elections of 1702–1713. Athens, 1972. P. 13.*
- ²⁷ *Цит. по: Smith R.A. P. 55.*
- ²⁸ *Harris T. Op. cit. P. 148.*
- ²⁹ *Richards J.O. Op. cit. P. 25–26.*
- ³⁰ *Harris T. Op. cit. P. 169; Richards J.O. Op. cit. P. 3–5.*
- ³¹ *Smith R.A. Op. cit. P. VII.*
- ³² *Harris T. Op. cit. P. 177–178.*

- ³³ Hill C. Republicanism after the Restoration // *New Left Review*. 1960. № 3. P. 47.
- ³⁴ Calendar of State Papers Domestic Series. L., 1894–1913. Vol. 11. P. 654.
- ³⁵ Ibid. P. 446.
- ³⁶ Ibid. Vol. 18. P. 143.
- ³⁷ Тревельян Дж. История Англии... С. 286.
- ³⁸ Carswell J. Op. cit. P. 29.
- ³⁹ Маколей Т. Рассказы из истории Англии. СПб., 1858. С. 2.
- ⁴⁰ Bourne Fox H.R. The Life of John Locke. L., 1876. Vol. 2. P. 312–315.
- ⁴¹ Hanson L. Government and the Press. 1695–1763. L., 1936. P. 7.
- ⁴² Ibid. P. 1.
- ⁴³ Harris T. Op. cit. P. 186.
- ⁴⁴ Speck W.A. Political Propaganda in Augustan England // *Transaction of the Royal Historical Society*. L. 1972. Vol. 22. P. 20.
- ⁴⁵ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 321.
- ⁴⁶ Speck W.A. Conflict in Society // *Britain after the Glorious Revolution*. L., 1969. P. 138.
- ⁴⁷ Rogers P. Op. cit. P. 18.
- ⁴⁸ Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century. 1660–1744. L., 1948. P. 218, 220.
- ⁴⁹ Ehrenpreis I. Swift on Liberty / *Journal of the History of Ideas*. L., 1952. Vol. 13. № 2. P. 138.
- ⁵⁰ Свифт Дж. Указ. соч. С. 330.
- ⁵¹ Кларк П. Время, пространство и социальный диалог: Социальные изменения в британских городах в XVIII веке // *Социальная история: Ежегодник 1997 г.* М., 1998. С. 267.
- ⁵² Allen R. The Clubs of Augustans. L., 1933. P. 12.
- ⁵³ Тревельян Дж. История Англии... С. 350–351.
- ⁵⁴ Harris T. Op. cit. P. 22; Richards J.O. Op. cit. P. 3.
- ⁵⁵ Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980. P. 73, 144.
- ⁵⁶ Perry R. The Celebrated Mary Astell. An Early English Feminist. Chicago, 1986. P. 489.
- ⁵⁷ Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 121–157.
- ⁵⁸ Цит. по: Тревельян Дж. История Англии... С. 335–336.
- ⁵⁹ Маколей Т.Б. Англия // Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001. С. 110.
- ⁶⁰ Там же. С. 111.
- ⁶¹ Подробнее о благотворительных школах в Англии см.: Лабутина Т.Л. Указ. соч. С. 54–66.
- ⁶² Fiather J. The Power of Print. Word and Image in Eighteenth-Century England // *Culture and Society in Britain 1660–1800*. Manchester, 1997. P. 51.
- ⁶³ Ibid. P. 55.
- ⁶⁴ Тревельян Дж. История Англии... С. 278.
- ⁶⁵ Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979. С. 67.
- ⁶⁶ Тревельян Дж. История Англии... С. 282.
- ⁶⁷ Там же. С. 284.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТОРЫ В ПОЛИТИКЕ

Литература в Век Просвещения сыграла важнейшую роль в деле формирования общественного мнения в большинстве европейских стран. Первые романы, появившиеся в Англии и Франции, очень быстро нашли своих почитателей во многих странах, в том числе и России. Но если художественная литература апеллировала в большей степени к чувствам людей, то политическая литература будила их мысль.

Многочисленные памфлеты и трактаты, посвященные различным проблемам философии, истории, экономики, дипломатии, образования, а также внутренней и внешней политики правительства, начали широко распространяться прежде всего в Англии, где утвердился новый, буржуазный строй. Члены правительства, а также лидеры политических партий прекрасно понимали роль литераторов и потому не жалели ни сил, ни средств, чтобы привлечь их на свою сторону. Когда им это удавалось, то общественное мнение оставалось под контролем властных структур и тогда любые действия правящего кабинета, будь то фискальная налоговая политика или захватнические войны, находили в массовом сознании должное оправдание. Таким путем культура по сути дела служила власти. Естественно, что подобное "служение" было далеко не бескорыстным. Состоявшие на службе у министров литераторы получали за свой труд выгодные должности, пенсии, дары и подношения. Ну, а тех, кто не желал в угоду правительству менять своих убеждений и отказывался служить властям, ждало суровое наказание: штрафы, лишение должностей, позорный столб, тюремное заключение. Свобода слова в буржуазной Англии имела четкие ограничения, рамки которых определялись и регулировались властью предрежущими.

Почему и как литераторы попадали в политику? Чем определялся выбор их политической и партийной позиции? Как формировалась идейно-политическая просветительская платформа? Наконец, каким образом устанавливался и поддерживался диалог писателей и журналистов с властями? Ответить на поставленные вопросы нам предстоит в последующих разделах.

ТРИУМФ ДЕФО У ПОЗОРНОГО СТОЛБА

Человек необычной судьбы, полной неожиданностей биографии, противоречивый по характеру, разносторонний по своим занятиям и интересам Даниель Дефо пятьдесят лет своей жизни из прожитых семидесяти двух посвятил литературной деятельности. Мировую славу ему принес роман "Робинзон Крузо", который к концу XVIII в. выдержал семьсот изданий только в Англии и был переведен на многие европейские языки. Между тем библиография произведений, написанных Дефо, насчитывает 557 наименований¹. Творческое наследие литератора дополняют 22 тома журнала "Ревю", автором и издателем которого он оставался на протяжении ряда лет. Один лишь перечень произведений Дефо в Генеральном каталоге библиотеки Британского Музея составляет свыше 70 страниц². Особое место среди них занимают 89 памфлетов, посвященных различным аспектам политики, религии, экономики, социальных отношений, образованию. Изучение данных произведений Дефо позволяет понять, какое место занимал он в политике, партийной борьбе, а также составить представление об общественно-политических и просветительских взглядах всемирно известного писателя.

В зарубежной исторической науке до сих пор не сложилось определенного взгляда на политическую платформу Дефо. Британские ученые начала XX в. Т. Батсон, Дж. Маккарти, которые первыми обратились к изучению роли литератора в политической борьбе, называли его известным памфлетистом революционной эпохи, возможным лидером низшей части средних классов, пользующимся доверием вигов, считали твердым сторонником политики короля Вильгельма Оранского³. Американский историк середины XX столетия А. Ливит, напротив, полагал, что Дефо не был ни вигом, ни тори, а принадлежал скорее всего к первым предшественникам радикальной партии⁴. Аналогичной точки зрения придерживался и Б. Фицджеральд, который не только причислял Дефо к радикальной партии, но также видел в нем последователя партии левеллеров⁵. Следует отметить, что свои выводы о политической позиции литератора зарубежные историки делали, как правило, априори, не обращаясь к сколько-нибудь детальному анализу его взглядов. Что касается современных исследователей творчества Дефо, то они по-прежнему продолжают уделять больше внимания изучению его беллетристики⁶. Если же обратиться к отечественным специалистам, то и здесь столкнемся с аналогичной картиной: работы просветителя, равно как и его жизнь и деятельность, привлекали внимание исключительно литературоведов, таких, как А.В. Каменский, А.А. Аникст, Д.М. Урнов⁷.

Даниель Дефо

Даниель Дефо родился в 1660 или 1661 г. Точной даты его рождения биографы не смогли установить. Предки Дефо – семейство фламандцев Фо приехали в Англию еще в шекспировские времена, в конце XVI столетия. Отцом Даниеля был скромный лондонский бакалейщик, торговец свечами Джеймс Фо (аристократическую приставку "де" к своей фамилии Даниель прибавил впоследствии сам). Это было время Реставрации. Вернувшись в Англию после длительной эмиграции сын казненного во время революции Карла I Стюарта – Карл II начал свое правление с преследований и гонений республиканцев и "вероотступников" – диссентеров. Отец Дефо,

являясь одним из таких протестантских диссентеров (сектантов, не присягнувших канонам государственной англиканской церкви), не мог не испытать на себе выпавших на их долю гонений и притеснений. Возможно, то сочувствие к диссентерам и ненависть к их притеснителям, которые Даниель сохранял на протяжении всей своей жизни, зародились у него именно в детские и юношеские годы.

Образование Дефо получил в одной из диссентерских академий в Ньюингтоне, что севернее Лондона. Изучение латыни и математики считалось здесь делом второстепенным, зато много времени отводилось государственному праву, языкам, истории, географии, физике, астрономии и даже стенографии. В стенах академии Дефо овладел также ораторским искусством, что очень ему пригодилось в будущем. Он изучил испанский, итальянский, греческий и французский языки, прослушал курс лекций по философии и теологии. Как видно, диссентерские академии готовили в то время высокообразованных людей. В этой связи далеко не объективной представляется оценка, данная Дефо его политическим противником Дж. Свифтом. Как-то в беседе в кругу своих приятелей Свифт упомянул о Дефо как о необразованном человеке, что явно задело Даниеля. В одной из статей журнала "Ревю" он отверг подобное обвинение, заявив, что знает пять иностранных языков⁸.

И действительно, по свидетельствам биографов, к восемнадцати годам Дефо получил прекрасное образование. Ко всему прочему он неплохо разбирался в современной политике, был знаком с рядом произведений известных республиканцев времен первой буржуазной революции – Мильтона, Гаррингтона, Уинстенли. Несомненно, что на формирование политических убеждений юноши оказали влияние также те разговоры, которые ему довелось слышать в доме от отца и его друзей – нонконформистов. Очевидцы событий революции, собираясь вместе, вспоминали прошлое – гражданскую войну, обсуждали причины поражения режима Оливера Кромвеля. Порой они высказывались с явным осуждением по адресу той политики, которую проводил в стране царствующий монарх Карл II. Услышанное Дефо не забыл и спустя многие годы.

Отец Даниеля пожелал, чтобы сын стал проповедником диссентеров, однако юноша избрал иной путь. В шестнадцать лет он поступил учеником к купцу, торговавшему колониальными товарами. Через год открыл собственное дело, начав торговлю галантерей, а также вином и табаком. Когда Дефо исполнилось двадцать, он отправился на континент. Побывал во Франции, Италии, Испании, Португалии, где ознакомился с сельским хозяйством, промышленностью и торговлей этих стран. Через три года Дефо возвратился на родину и вскоре приобрел галантерейную лавку в самом оживленном квартале лондонского Сити. В погоне за барышами он, подобно другим купцам, нередко плутовал. Однажды, за-

нявшись продажей меха сомнительного происхождения и низкого качества, прогорел. Его недруги тотчас распустили слухи, будто бы Дефо торговал мехом кошки.

В двадцать четыре года Даниель женился на некрасивой, набожной и скромной девушке, дочери состоятельного купца Мэри Тафли. Вряд ли это был брак по любви. Если судить о той сумме приданого, которое Дефо взял за невестой (3700 ф. ст. по тем временам являлось целым состоянием), его выбор объяснялся скорее меркантильными соображениями, нежели сердечной привязанностью. Однако Мэри оказалась преданной и заботливой женой, и Даниель искренне привязался к супруге, что, впрочем, не исключало с его стороны легких интрижек с другими дамами.

Торговая деятельность молодого негоцианта процветала, и вскоре Дефо уже имел собственный выезд: лошадей и экипаж, посещал скачки в Нью-Маркете, где иногда появлялся сам король. Однако вскоре коммерческая деятельность наскучила Дефо. Торговые и промышленные интересы молодой буржуазии выражала в ту пору партия вигов, и Дефо решил сблизиться с ней. В вигских клубах он быстро приобрел репутацию остроумного и блестящего оратора. Кроме того, начал посещать тайные моленные собрания диссентеров. В 1685 г. он даже принял участие в восстании вигов под предводительством внебрачного сына Карла II – герцога Монмаута, которое было направлено на свержение династии Стюартов. К слову сказать, специалистам так и не удалось выяснить, в чем же конкретно заключалось участие Дефо в этом мероприятии и не являлось ли оно обычным вымыслом и мистификацией Даниеля, на которые он был мастер на протяжении всей своей жизни. Как бы то ни было, но после подавления восстания, опасаясь преследований, Дефо предпочел скрыться в Испании. Когда же страсти поутихли, он возвратился на родину. Тогда-то в целях предосторожности он и решил изменить свою фамилию.

В ту пору царствующий король Яков II Стюарт своей прокатолической и деспотической политикой вызвал недовольство и возмущение со стороны имущих классов – буржуазии и нового дворянства. Он значительно увеличил численность армии, стал назначать на высшие должности католиков, вмешивался в ход избирательных компаний с тем, чтобы обеспечить лояльный к себе состав парламента. Особенно возмутила англичан откровенная приверженность Якова II к католической религии, ненавистной для большинства англиканцев. "Меры, предпринимаемые королем Яковом II для изменения религии страны, возбуждали новое рвение в умах людей; они крепче держались за то, что они боялись потерять, – свидетельствовал известный экономист и памфлетист XVII в. Ч. Дэвнент. – Придворные готовы были скорее отказаться от своих должностей, чем причинить какой-нибудь ущерб англиканской церкви. Распушен-

ность, имевшая место во флоте и армии, не поколебала наших моряков и солдат в их принципах. Они все держались стойко. Духовенство проявило готовность умереть вместе со своей паствой... церкви были везде переполнены, а перспектива гонения, хотя бы и весьма отдаленная, порождала благочестие"⁹.

Когда же в июне 1688 г. у короля родился наследник принц Уэльский и всем стало ясно, что правление католиков в династии Стюартов будет продолжено, представители соперничавших партий тори и вигов объединились в своем стремлении предотвратить угрозу установления в стране тиранического режима. Тут же зятю Якова II – штатгальтеру Голландской республики Вильгельму III Оранскому было направлено послание, в котором содержалось приглашение прибыть в Англию с войском и вместе с супругой Марией (старшей дочерью Якова II) занять королевский престол. Вильгельм III охотно принял предложение, в короткий срок собрал двенадцатитысячную армию, с которой в начале ноября высадился в юго-западной гавани Торби. Отсюда он начал свой поход на Лондон.

Хотя Яков II располагал значительными военными силами, но в сражение с Вильгельмом не вступал, понимая, что победы ему не одержать: настроение собственной армии и народных низов, недовольных королевской политикой, были ему хорошо известны. В результате Вильгельм Оранский на своем пути к столице почти не встретил никакого сопротивления. А вскоре на его сторону перешли министры, члены королевской семьи, в том числе свояченица Вильгельма, младшая дочь Якова II принцесса Анна, а также сам главнокомандующий королевской армией – сэр Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо (предок знаменитого премьер-министра Великобритании XX в. У. Черчилля. – *Т.Л.*). Покинутый почти всеми своими приверженцами, Яков II решился бежать. Под покровом ночи на небольшом суденышке он пересек Ла-Манш и, достигнув берегов Франции, прибыл под покровительство своего кузена – французского короля Людовика XIV. Вильгельм Оранский в это время уже вступал в Лондон.

Так в Англии совершилась Славная революция, столь возвеличенная британскими историками за свой бескровный, "мирный" характер, в противоположность "кровавому мятежу" 40-х годов XVII в. Причину ее "бескровного" характера английская исследовательница Г. Фоксрофт объясняла теми настроениями, которые царили в ту пору в обществе. На ее взгляд, большинство англичан не испытывало "энтузиазма" по отношению к принцу Оранскому, которого не знали, но еще меньше симпатий у них вызывал бежавший из страны король. Поэтому на происходившие в стране события народ взирал "с молчаливым равнодушием"¹⁰.

Наш герой, однако, не остался в стороне от происходивших событий. Он присоединился к войску Вильгельма Оранского на пути

Вручение Билля о правах Вильгельму Оранскому
и королеве Марии

его продвижения к Лондону, а затем присутствовал при триумфальном въезде королевских особ в столицу. Когда же Вильгельм III и его супруга Мария были приглашены богатыми купцами лондонского Сити на банкет в городской ратуше, то в эскorte добровольной конницы нарядно одетый Дефо горделиво гарцевал на коне, укра-

шенном оранжевыми лентами. В ту пору многие сторонники короля Вильгельма Оранского называли себя "оранжистами" ("orange" – оранжевый) и украшали свои костюмы и гривы лошадей лентами оранжевого цвета. К слову сказать, Дефо безоговорочно признал Славную революцию. Позднее в своих памфлетах, обращаясь к событиям тех лет, он пытался объяснить причины революции: "Яков II с помощью своих советников, священников и иезуитов попирает все наши свободы, подобно тирану правил без парламента, с помощью постоянной армии пытался уничтожить нашу религию, установив взамен ее повсюду католицизм"¹¹. На взгляд Дефо, Славная революция избавила англичан от деспотической власти тирана, сохранила в стране мир и вернула народу религиозные и гражданские свободы. "Ревностный друг революции", как характеризовал его британский ученый XIX в. У. Уилсон, Дефо ежегодно отмечал годовщину революции как "самый дорогой день для британцев, которые любят свою страну, заботятся о сохранении протестантской религии и ненавидят тиранию и угнетение"¹².

В 1692 г. Дефо оказался на грани банкротства. Будучи не в состоянии выплатить своим кредиторам 17 тыс. ф. ст., он бежал от них в Бристоль, где осмеливался показываться на улице лишь в воскресные дни, поскольку в "День Господень" полиция не производила арестов. За это его прозвали "воскресным джентльменом". Не исключено, что именно тяжелое материальное положение, в котором оказался Дефо, и необходимость заботиться о пропитании семьи, заставили его искать новые источники существования: он берется за перо.

Первым из написанных Дефо произведений явился "Очерк о проектах", опубликованный в 1693 г. В нем автор поднимал ряд вопросов и предлагал серию проектов (создание банков, строительство общественных дорог, организацию обществ взаимопомощи, проведение реформы системы страхования, основание образовательных учреждений для юношей и девушек и т.д.). Хотя во введении к "Очерку" Дефо утверждал, что предлагаемые им проекты преследовали своей целью "достижение общественного блага и личной выгоды сограждан", однако на деле большинство их отвечало исключительно интересам купечества. Так, именно для "торговых людей" автор предлагал создать в стране несколько банков. "Основные общественной властью эти банки будут находиться под ее контролем и свою деятельность направят на облегчение ведения торговли, а также на то, чтобы самим всегда оставаться полезными и выгодными предприятиями", – писал Дефо¹³. Заметим, что подобное предложение оказалось весьма своевременным. Первый государственный банк в Англии был открыт в 1694 г., спустя год после издания "Очерка" Дефо. К сожалению, мы не располагаем данными о том, повлияло ли на это предложение Дефо. Тем не менее дан-

ное обстоятельство подтверждало актуальность и прогрессивный характер выдвинутых просветителем проектов.

Интересы прежде всего купечества отражал и проект Дефо о содержании "в надлежащем порядке" общественных дорог. Занимаясь коммерцией, Дефо часто путешествовал по стране и ему не раз приходилось сталкиваться с ужасающим состоянием дорог. К тому же цены за проезд по ним в большинстве случаев устанавливались их владельцами самовольно и намного превышали размер королевских пошлин. Признавая, что ремонт таких дорог является для народа обременительной нагрузкой, Дефо предлагал парламенту издать закон о необходимости их содержания в надлежащем порядке, проведения озеленения прилегающих к ним участков, а также об углублении и прочистке судоходных рек и каналов. При этом всю ответственность за состояние путепроводов автор проекта возлагал целиком и полностью на владельцев земли, по которым они пролегали. Для контроля и проверки за проведением работ по благоустройству дорог Дефо предлагал учредить специальную комиссию.

Особое внимание в своей работе Дефо уделял рассмотрению реформы законов о банкротах. Испытавший все тяготы и унижения, вызванные банкротством, на себе лично, Дефо настаивал на коренном их изменении, поскольку существующие законы "целиком направлены на разорение должника и крайне малую выгоду приносят кредитору"¹⁴, они "сродни варварству", так как дают преимущества кредитору, вплоть до оправдания его злоупотреблений по отношению к банкротам, но в то же время оставляют должника целиком и полностью бесправным. "Суровость к должнику неразумна, и я даже позволю себе сказать, в какой-то степени негуманна, поскольку делает его неспособным помочь самому себе и своей семье", – подчеркивал просветитель¹⁵. Он также признавал, что данные законы поощряют злонамеренных людей, которые, являясь кредиторами, используют свои права в личных целях, чтобы преследовать должника и довести до разорения его семью. "Я уверен, что эти законы являются всеобщим бедствием для нации", – констатировал автор. Он предлагал создать для разбирательства спорных между должником и кредитором вопросов комиссию, в состав которой должны войти наряду с судьями, также и купцы. В течение двух недель комиссия проведет разбирательство дел о банкротстве, со всем пристрастием изучит бухгалтерские книги, заслушает свидетелей, а затем уже вынесет свой приговор.

По отношению к недобросовестным должникам Дефо предлагал принять строгие меры. "Если выяснится, что банкрот дал фальшивые показания, скрыл часть своего имущества, нарушил клятву, то он должен быть выставлен у позорного столба и пожизненно заключен в тюрьму"¹⁶. Если же банкрот попытается спрятать свое имущество, следует назначить вознаграждение всякому, кто обнару-

жит его; если же найдутся люди, которые будут оказывать ему помощь в сокрытии имущества от кредитора, то их следует оштрафовать, а имена обнародовать, чтобы впредь этим людям никто не доверял. По мнению Дефо, подобные меры могли уберечь имущество должника от произвольных действий кредитора и спасти его семью от полного разорения. Пока же попадавшее к кредитору имущество должника быстро спускалось на торгах, а банкрот, даже уплатив свой долг, оказывался разоренным.

Дефо предлагал также ввести страхование домов купцов и их торговых складов на случай пожара, считая, что это гарантировало бы им поддержку и в том случае, если они, приняв участие в рискованных предприятиях или заключив невыгодную сделку, несли большие убытки. Для разбирательства спорных вопросов, возникших между купцами и их посредниками, Дефо рекомендовал создать специальный суд из представителей купечества, преимущественно из числа наиболее видных купцов Лондона. Согласно автору проекта, заседания этих судов должны быть непродолжительными, судебные разбирательства быстрыми, а штрафы необременительными, чтобы каждый торговец мог быстро поправить свое положение¹⁷.

Опыт коммерсанта отразился также на проекте о флоте. Дефо напоминал читателям, что английское королевство, вступая в войну с кем-либо из соседей, всякий раз испытывает ряд неудобств. Во-первых, бывает затруднительно набрать матросов, поскольку на флот идут служить неохотно из-за нерегулярной выплаты жалования и плохого обращения командного состава с подчиненными. Купечество, со своей стороны, терпит убытки из-за чрезмерных пошлин, которыми его облагают. Чтобы устранить подобные недостатки, Дефо предлагал принять меры, направленные как на укрепление состава флота, главным образом путем постоянной оплаты труда матросов, так и на облегчение положения коммерсантов, которым в этом случае не придется нести дополнительные расходы.

Помимо проектов, связанных с профессиональными интересами, просветитель разработал и такие, которые отвечали бы нуждам и чаяниям широких слоев населения. Одним из первых среди буржуазных идеологов Дефо поднял вопрос о необходимости обеспечения лиц, потерявших трудоспособность. Он считал необходимым организовать конторы по пенсионному обслуживанию, в которых все желающие из числа трудоспособного населения (не старше 50 лет), за исключением нищих и солдат, могли внести вступительные взносы в размере шести пенсов, а затем ежеквартально выплачивать по одному шиллингу. Собранные таким путем средства гарантировали каждому члену общества оказание необходимой материальной помощи в случае болезни или потери трудоспособности. Из этих же средств предполагалось оплачивать визиты больных к

врачу, а также их содержание в госпиталях. Предусматривалась и выплата пожизненной пенсии лицам, потерявшим в результате травмы руку или глаза. Пенсионные конторы, по мнению просветителя, должны со вниманием отнестись и к вдовам погибших матросов, выплачивая им регулярные пособия. Не забыл Дефо и о разорившихся купцах. Он предлагал оказывать материальную помощь их семьям на то время, пока сами должники находились в "долговых" тюрьмах.

Создание "пенсионных контор" освобождало, по мнению Дефо, церковные приходы от тягот, связанных с содержанием бедняков. Просветитель считал, что нужно убеждать бедняков в том, чтобы они вместо ожидания пособия от прихода вступали в эти "кассы". Кроме того, Дефо полагал, что для борьбы с нищими следует отказаться от подаяния: "Все люди должны открыто заявить о своем желании воздержаться от подаяния, и тогда через какое-то время со всеми нищими будет покончено"¹⁸.

Гуманизмом, заботой о людях проникнут и проект Дефо о создании "обществ взаимопомощи". Эти общества предусматривали объединение людей "с целью оказания поддержки друг другу в случае несчастья или беды, постигшей их". По мнению просветителя, подобные общества должны объединять своих членов на основе профессиональной принадлежности. Денежные поступления вступивших в них граждан шли в фонд помощи, оказываемой тому, кто потерял трудоспособность. К примеру, если матрос стал в ходе боя или в результате случайности инвалидом, то он мог получить от своего начальства или владельца судна определенную денежную сумму в виде разового пособия. Автор указывал конкретные суммы, в которые оценивал потерю глаза (25 фунтов), ноги (50 фунтов), обеих рук (200 фунтов) и т.д.¹⁹ Аналогичное общество Дефо предусматривал и для вдов, оставшихся с детьми без средств к существованию. Их положение ему представлялось особенно "ужасающим". Создание "обществ взаимопомощи" и "пенсионных касс" позволяло, на взгляд просветителя, "предотвратить всеобщую нищету и бедность человечества, избавить людей от положения приютских нищих, спасти бродяг от богаделен, позволяя им не прибегать к унижительным просьбам о подаянии"²⁰.

Как видно, данный проект Дефо отличался прогрессивным характером, поскольку преследовал глубоко гуманные цели: спасение рядовых членов общества от бедности и нищеты. Он содержал в себе зачатки будущих профессиональных союзов, системы социального страхования и благотворительности, которые через какое-то время широко распространились по всему миру. В то же время проект не был лишен элементов утопии. Так, Дефо утверждал, будто с помощью обществ взаимопомощи "можно с бедностью легко покончить, а нищету полностью искоренить". Представляется весьма сомнительным, чтобы в условиях нещадной эксплуатации, царившей в

капиталистической Англии, где социальное неравенство являлось неизбежностью, было бы возможным с помощью каких-либо проектов добиться равномерного распределения средств, либо избавиться от такого зла, каким являлся в ту пору пауперизм.

Бесспорный интерес в работе Дефо представляет раздел, посвященный образованию подрастающего поколения. Хотя сам Дефо специально не занимался изучением состояния современной ему педагогической науки и был далек от педагогики (разве что воспитывал собственных детей), тем не менее как просветитель и выразитель интересов прогрессивного класса буржуазии он хорошо осознавал значение образования для развития общества. Не являясь профессионалом в деле воспитания и образования, Дефо сумел в то же время предложить свой оригинальный проект, предусматривавший создание военных академий для юношей и образовательных заведений для девушек.

Необходимость открытия военных академий, на взгляд Дефо, диктовалась тем, что большинство высших должностей в английской армии и военном министерстве занимали лица иностранного происхождения, а англичане в военном деле чаще всего выступали как профаны. Сравнивая ее с армией Оливера Кромвеля времен гражданской войны, он приходил к заключению о преимуществах революционной армии. Дефо отмечал высокий боевой дух революционных солдат, их решительность в стремлении во что бы то ни стало одержать победу над неприятелем. В нынешней армии, сетовал просветитель, царят пассивность, инертность, безынициативность командного состава. Нередко, сойдясь с неприятелем, она может простоять длительное время, наблюдая за ним, а затем, не вступая в бой, отправиться на зимние квартиры. По-видимому, сокрушался Дефо, англичане, как и их противники, придерживаются правила: "Никогда не сражаться без видимых преимуществ и всегда располагаться лагерем, когда не видишь этих преимуществ". Разумеется, если главнокомандующий будет следовать подобному правилу, то его армия никогда не одержит победы. Между тем, считал Дефо, армия должна быть готова к военным действиям уже в мирное время, для чего необходимо обучение матросов и солдат, но прежде всего ее командного состава. Для этой цели просветитель предлагал открыть королевскую военную академию, которая бы содержалась за счет государственных средств и королевского бюджета. Обширен список наук и тех дисциплин, которым, по замыслу Дефо, надлежит обучать слушателей военной академии: геометрия, астрономия, история, навигационное дело, тригонометрия, фортификационное дело, пиротехника, измерительные приборы и т.д. Кроме того, всех воинов следует хорошо подготовить физически, научить их плавать, скакать верхом, маршировать, пользоваться всеми видами оружия. При такой подготовке армия, уверял Дефо, принесет больше поль-

зы своему отечеству, и королю не придется прибегать к найму иностранцев на военную службу. К тому же откроется возможность подготовки настоящих полководцев, мастеров в военном деле²¹.

Чем же объяснялся столь пристальный интерес Дефо к вопросу об устройстве военной академии? Патриотическими чувствами, желанием видеть армию своей страны сильной и непобедимой? Возможно, что и это стало побудительными мотивами при создании подобного проекта. Однако не исключено, что, рассматривая вопрос об улучшении армии и флота, Дефо опять-таки преследовал прежде всего интересы класса, к которому принадлежал. Ведь хорошо известно, что купечество в большей степени, чем кто-либо, было заинтересовано в расширении рынков сбыта и потому всегда поддерживало завоевательные войны и одобряло колониальную политику правительства, в результате которых открывались новые возможности для обогащения коммерсантов. Армия в этой политике играла главенствующую роль, и потому закономерно то внимание, которое к ней проявлял Дефо.

Большой интерес вызывает также проект о создании академий для девушек. Свой очерк о "женских академиях" Дефо начинал с выражения недоумения по поводу недостаточного внимания общества к женской образованности. "Я часто размышлял над тем, — писал он, — почему одним из варварских обычаев в мире является то, что в нашей, считающейся цивилизованной и христианской стране мы отказываем женщинам в преимуществах образования"²². Дефо подчеркивал, что женщин не пришлось бы осуждать за "глупость и несостоятельность", если бы они получили такое же, как и мужчины, образование. Он считал, что общество поступает по отношению к женщинам несправедливо, и заявлял, что не может поверить, будто "всемогущий Господь Бог создал их такими изящными и прекрасными, наделил их таким очарованием и сделал привлекательными, одарил душами, способными к тем же совершенствам, что и у мужчин, и все лишь для того, чтобы мы обратили их в экономок, поварих и служанок"²³. Дефо признавал, что девушек обучают рукоделию, умению делать разные безделушки, чтению, но все это считается пределом женского совершенства. Однако, на взгляд просветителя, этого было явно недостаточно. Он указывал на преимущества, которые дает образование: "Душа человека подобна необработанному алмазу и надобно ее отшлифовать, иначе ее блеск так и останется скрытым. Всякий знает, что как разумная душа отличает нас от зверей, так образование еще более увеличивает этот разрыв и делает людей более человеческими"²⁴. Дефо приводил в пример высказывание одной дамы, которая испытывала большие страдания из-за того, что в юности не получила достойного образования. Хотя она была красива, обладала блестящим умом и незаурядными способностями, владела большим состоянием, однако все это не приносило ей счас-

тъя, поскольку "ее природный ум заставлял ее почувствовать недостаточность своего образования" особенно остро, когда ей приходилось вступать в светский разговор. "Я стыжусь говорить со своими собственными служанками, – признавалась дама, – поскольку не знаю, когда они поступают правильно, а когда нет. Видимо, для меня было бы полезнее посещать школу, нежели торопиться с замужеством"²⁵.

Дефо задавался вопросом, почему же женщины лишены благ просвещения, ведь от природы они наделены даже большими, чем мужчины, способностями к учению и отличаются большей сметливостью. Он высказывал предположение, что мужчины лишают образования женщин сознательно, из опасения, что те смогут конкурировать с ними в своих "совершенствах". Между тем, уверял просветитель, мужчины получают даже некоторые преимущества, если женщина будет просвещенной, поскольку образованная дама, обладающая к тому же хорошим воспитанием и приятными манерами, является существом "несравненным". "Ее общество можно уподобить самым возвышенным желаниям, лицо ее ангельское, речь божественна, и вся она – сама мягкость, нежность, покой, любовь, острота ума и радость; мужчина, на долю которого выпало счастье обладать таким созданием, может только ликовать и благодарить судьбу", – заключал Дефо. Но если женщину лишить образования, то очень скоро "природная острота ума" сделает ее "сумасбродной и болтливой", а ее характер станет "причудливым и капризным", что сделает ее "спесивой, дерзкой, шумной, сварливой", одним словом, "сущим дьяволом"²⁶. Поэтому даже "ради самих себя", советовал мужчинам Дефо, следует беспокоиться образованием женщин.

Дефо не ограничивался общими рассуждениями на сей счет. Он предложил конкретный план мероприятий, направленных на реализацию права на образование для представительниц прекрасного пола. Дефо считал, что необходимо открыть академии для девушек по одной в каждом графстве Англии и десять – в Лондоне; "женская академия" не должна отличаться сколько-нибудь значительно от обычных государственных школ, а "пожелавшие в ней обучаться юные леди" должны иметь возможность воспользоваться всеми преимуществами образования, отвечавшего их способностям". В академии необходимо поддерживать строгую дисциплину, даже более строгую, чем в обычной школе, чтобы "высокородные" и богатые родители не опасались отдавать в них своих дочерей. Таким путем просветитель рассчитывал укрепить престиж учебного заведения.

В своем проекте Дефо предусмотрел описание внешнего вида академии. Он предполагал воздвигнуть ее где-нибудь в уединенном месте. Здание должно было быть "оригинальным по форме", с прямыми, без каких-либо выступающих частей и колоннад стенами, вдоль которых должен быть разбит треугольный по форме сад.

В проекте предусматривалась немаловажная деталь: наличие крепостного рва и единственного входа в здание. Подобными мерами предосторожности Дефо надеялся предостеречь своих учениц от "любой интриги", обеспечить девушкам, с одной стороны, полноту свободы, "без сторожей и шпионов", а с другой – избавить их "от любовных интриг, непристойностей и скандальных афер". Единственное средство для этого – "строгое удержание мужчин на почтительном расстоянии" от представительниц прекрасного пола. Но поскольку в жизни соблудности подобное правило не всегда представлялось возможным, то, считал Дефо, девушка сама должна поступать "по собственному разумению", если желает избежать скандала. А чтобы противостоять домогательствам ухажеров, юным леди рекомендовалось почаще напоминать об их добродетелях, а также об обычаях страны. Дефо был уверен в том, что только любовь может оправдать "минутную слабость" женщины:

Обычай правит женщиной сильнее, чем добродетель,
И часто он, я сам тому свидетель,
Ее хранит от многих приключений –
Как умных, так и глупых – всех без исключений.

Отсюда – гордость женская и скромность,
Отсюда вся таинственность и томность.
Какой бы ни была любовь девичья,
Все ж от греха спасет ее обычай,

И силу даст, и верный путь укажет,
И женщина желанья не покажет,
И первый шаг мужчине предоставит,
И сна лишит, и мучиться заставит,

Но лишь любовь инстинкты одолеет,
Как неприступность мигом ослабеет:
Тогда не в силах будет добродетель
Убить любовь – я сам тому свидетель²⁷.

Поступающие в академию ученицы должны были, по замыслу автора проекта, выполнить ряд условий. Прежде всего они в письменной форме подтверждали свое согласие подчиняться установленным порядкам. Время пребывания в академии определялось на их усмотрение. Расходы на обучение за год вперед оплачивали родители. Любая слушательница могла покинуть ее досрочно в случае, если намеревалась вступить в брак. Впрочем, случалось, что девушка, желавшая избавиться от назойливых притязаний "неприятной ей персоны", искала прибежище в стенах академии. Дефо предусматривал подобную ситуацию и был готов помочь своим ученицам в трудную минуту их жизни.

Какая программа занятий, Дефо оговаривал, что желал бы обучать девушек всему, что "соответствовало их уму и достоинству",

в особенности таким "любимым женским занятиям", как музыка и танцы. Необходимо также преподавание иностранных языков, прежде всего французского и итальянского, хотя лучше знать не один, а несколько языков. Важнейшим в образовательном процессе девушек Дефо считал "развитие их интеллекта". Для этой цели он предлагал знакомить девушек с тем, как вести беседы на всевозможные темы, чтобы развить их способности и "здоровость суждений", приобщить к чтению серьезных книг, в особенности по истории, чтобы они научились разбираться во всех предметах, о которых слышат. Если же среди учениц окажутся такие, которые проявят незаурядные способности, то им следует создать все необходимые условия для дальнейшего образования. Завершая свой очерк, Дефо высказывал пожелание, чтобы образованная женщина стала другом и советчиком для своего супруга и чтобы мужчины, лишаящие ее такой возможности, наконец-то поумнели и исправили существующий порядок вещей.

"Очерк о проектах" принес известность Дефо. О нем заговорили. Вскоре публицист был представлен королеве Марии, от которой получил весьма доходную должность комиссара по сбору налогов на стекло. Одновременно Дефо исполнял обязанности секретаря на черепичной фабрике в Тильбери, в графстве Эссекс. Его материальные дела пошли на поправку, и через некоторое время он стал владельцем этой фабрики. Однако Дефо уже не оставлял литературной деятельности. Вместе со своим приятелем Джоном Дантоном он начал издавать газету "Афинский Меркурий", в которой пытался отвечать на самые невероятные вопросы читателей и читательниц: "Существует ли в природе единорог?", "Проснутся ли негры в день страшного суда?", "В чем больше греха: в постный день предаться блуду или съесть черную кровяную колбасу?" и т.п.

Активное участие Дефо принимал и в споре о "реформировании нравственности", инициатором которого стал король. Вильгельм III Оранский (1650–1702) уже в молодые годы любил принимать участие в беседах с политиками и государственными чиновниками о дипломатии, финансовых и военных вопросах, поражая при этом своими зрелыми суждениями многоопытных вельмож. В двадцать один год он стал штатгальтером (правителем) Голландской республики, и очень скоро по всей Европе разнеслась о нем слава как о талантливом политике и отважном полководце. Вильгельм мало интересовался литературой и искусством, однако неплохо владел несколькими языками, увлекался геометрией и военным делом. Не отличаясь хорошим здоровьем, страдая от приступов астмы, Вильгельм избегал общества придворных и потому прослыл среди англичан холодным, замкнутым и нелюдимым. Он не любил пиры и балы, предпочитая им уединение на охоте. Став почти в сорок лет королем Англии, он так никогда и не смог

Питер Лили. Вильгельм III Оранский

привыкнуть к английской жизни, усвоить манеры английского двора и научиться чистому английскому произношению. Ни один англичанин так и не удостоился искреннего расположения короля. Все его друзья и фавориты были голландцами, которых Вильгельм щедро одаривал чинами, деньгами, землями. Отличаясь почти пуританской сдержанностью и спартанским образом жизни, он стремился изменить нравы англичан, испорченные, по его мнению, правлением "распутного весельчака" Карла II Стюарта. Для этой цели он и учредил "Ассоциацию по совершенствованию нравственности", которая предусматривала такие меры, как закрытие публичных домов, устройство бесплатных школ для малолетних бродяг, запрещение театральных представлений и всевозможных увеселений в воскресные дни и т.п. Ассоциация ежегодно издавала отчеты о ходе борьбы "с богохульством и распущенностью". Она просуществовала вплоть до 1783 г., насчитывая к тому времени в своих рядах свыше сотни тысяч членов.

В 1698 г. Дефо выступил с небольшим памфлетом "Жалоба бедняка", в котором призывал начать реформу нравов с представителей имущих классов: "Говорят о реформе нравов, ну что же, пусть она начнется с богатых, которые должны подавать пример. Постоянно нападают на бедных, ставя им в укор пороки, прощаемые высшим классам... Заставьте же сильных мира сего вести себя хорошо — и нравы простонародья сами собой исправятся". А пока "в паутине закона запутываются маленькие мошки, — сетовал просветитель, — а большие легко прорывают ее. Лорд-мэр высек бедняков-нищих, несколько проституток были посланы в исправительные дома, трактирщики оштрафованы за то, что торговали спиртным в субботу — и все это против нас, простого народа, как будто порок гнездится только в нас. А если на тебе чистая одежда, а на пальце золотое кольцо, ты можешь самого Господа поносить перед судьей, можешь преспокойно идти по улице пьяным, никто и внимания не обратит. А вот если бедняк напьется или выругается, его немедленно в колодки. И кто судит? Такие же преступники, как и те, кого судят"²⁸.

На первый взгляд казалось, что в данном произведении Дефо выступал от лица и в защиту низших слоев общества — простолюдинов. Но так ли это было на самом деле? Действительно ли Дефо, обличая во всех смертных грехах представителей имущих слоев, защищал угнетенный народ Англии? Отнюдь нет. Об истинном отношении памфлетиста к народным низам нам еще предстоит узнать. Данным памфлетом Дефо защищал и поддерживал политику короля Вильгельма III в вопросе о "реформировании нравственности".

Преданный интересам короля, он предстает твердым сторонником проводимой им политики и в ряде других своих памфлетов. К примеру, когда в 1697 г. в парламенте разгорелись споры вокруг билля о содержании армии "под ружьем" в мирное время, Дефо издал памфлет "Доводы в подтверждение того, что постоянная армия при согласии парламента не препятствует свободному правлению". В нем автор утверждал, что для поддержания мира в стране и за ее пределами сильная армия просто необходима. В то время как один сосед "слишком возвеличивается" над остальными, надлежит заключать союзы с другими государствами, а порой бывает крайне необходимо послать войска на помощь своему союзнику. Дефо полагал, что репутация английского монарха возрастает, либо падает в зависимости от мощи и численности войска, пребывающего за пределами страны. При этом он приводил в пример королеву Елизавету Тюдор, авторитет которой был поддержан не только в Англии благодаря мужеству ее солдат и матросов, и Оливера Кромвеля, который "сделал армию великой и заставил врагов трепетать перед ней". Дефо приходил к выводу: вооруженные силы необходимы, но не следует содержать "под ружьем" в мирное время большую армию. Памфлетист предлагал найти "золотую середину" в определении та-

кой численности армии, чтобы она, с одной стороны, служила для защиты, а с другой, не представляла опасности для конституции страны²⁹.

Искренне преданный Вильгельму, в котором видел главного защитника свобод, прежде всего веротерпимости, Дефо одобрял все действия короля. Он всегда поддерживал и его внешнюю политику. В памфлете "Доводы против войны с Францией" (1700) он высказался в защиту намерения Вильгельма Оранского начать подготовку к войне с французским королем Людовиком XIV. Дефо подчеркивал, что война должна вестись на "справедливой" основе и что нельзя считать справедливым основанием для нее "врожденную антипатию между нациями", общественное мнение в своей стране, либо нарушение чьих-либо прав до тех пор, пока существует возможность для устранения подобных препятствий мирным путем. "Война, которая может стоить крови наших солдат и денежных затрат сограждан, не может быть чем-то незначительным, чтобы начинать ее по любому поводу, — писал Дефо. — Вместе с тем мы не должны бояться вступать в нее, если у нас имеются для того справедливые основания". Подобное "справедливое основание" для развязывания войны Дефо усматривал в нарушении "равновесия сил", установившегося в Европе. Он рассматривал договоры, заключенные в целях равновесия сил, как необходимое основание для поддержания мира в Европе, который надлежит всеми силами сохранять. Но если какой-нибудь правитель с помощью уловок, интриг или силы попытается расширить территорию своего государства и станет слишком опасным для своих соседей, тогда-то и появятся, по мнению памфлетиста, "справедливые основания" для начала войны. Дефо уверял: у Англии достаточно подобных оснований, чтобы объявить войну Франции и Испании с целью, чтобы обезопасить свою внешнюю торговлю, а также обеспечить безопасность своей страны и союзников.

Читая подобные высказывания Дефо, задаешься вопросом: почему такой сторонник "равновесия сил" в Европе, каким представлял Дефо, столь беззастенчиво призывал своих сограждан начать войну с другими государствами? Дело в том, что в основе внешней политики английского правительства той поры лежали меркантильные интересы тех слоев общества (купечества, финансистов, промышленников), которые финансировали завоевательные войны и, соответственно, содержали армию. К этой категории населения принадлежал и Дефо, поэтому он безоговорочно поддерживал агрессивную внешнюю политику правительства, если только она сулила новые барыши для "денежных людей". По той же причине памфлетист с одобрением высказывался о колониальных войнах, которые вела по всему свету Англия на рубеже XVII–XVIII вв. "Если наш флот не уничтожит испанские корабли и не разрушит торговлю Испании и

ее владений в Индии, если наши колонии не обогатятся за счет постоянных грабежей испанцев в Америке, если мы не отберем у них острова Кубу и Испаньолу, если мы не высадимся на континенте и не разделим с ними сокровищ этой богатой страны (Америки. – *Т.Л.*), – писал Дефо, – значит нами управляют очень плохие министры"³⁰.

Как видно, Дефо поддерживал внешнюю политику Вильгельма III. Однако любопытно сравнить высказывания памфлетиста о войне с Францией с теми, которые он приводил в более ранних своих работах. К примеру, в "Очерке о проектах" просветитель с явным осуждением писал о войне с Францией. В то время шла война Аугсбургской лиги (1689–1697), в состав которой помимо Англии входили Нидерланды и Габсбургская империя. Данная коалиция направила свои усилия против укрепления могущества Франции. Дефо писал: эта война обошлась англичанам в неслыханную по тем временам сумму (18 млн ф. ст.), численность армии возросла с 8 до 80 тыс., а решающих последствий для страны она не имела, разве что британскому флоту удалось проникнуть в Средиземное море, добившись там превосходства над французами. В то же время потери, которые понесли народы воюющих стран, втянутых в эту "жестокую" войну, представлялись памфлетисту огромными. «Мы вовлечены в опасную, обременительную войну, – писал он в "Очерке", – в результате которой денежные люди королевства разоряются и нищают»³¹. Пожалуй, именно в последней фразе и заключена разгадка его изменившегося отношения к войне с Францией. Оказавшись банкротом во многом из-за войны Аугсбургской лиги, Дефо не мог не осуждать ее. Однако стоило ему поправить свое материальное положение благодаря помощи коронованных особ, как он резко изменил свои суждения в отношении войн, которые велись королем Англии. И вот уже в своих памфлетах Дефо с одобрением отзывался об агрессивной внешней политике Вильгельма Оранского, восхищается успехами английской армии, которых она добилась в сражениях против Франции. Надо признать, что с подобными метаморфозами просветителя мы столкнемся еще не раз. Вряд ли его можно было назвать принципиальным человеком.

К личности самого короля Дефо относился с подчеркнутой симпатией. Он с восхищением отзывался о таланте полководца Вильгельма Оранского, при этом собственное отношение к королю пытался выдать за общенациональные чувства: "Как счастлива нация после угнетения и тирании правителя деспота (Якова II. – *Т.Л.*) видеть на троне короля, который правит с согласия нации и пользуется такой же любовью народа, какую встречала только единственная королева Елизавета"³². Однако подобное утверждение Дефо, мягко говоря, было большим преувеличением. Напротив, "чужезем-

ное" происхождение Вильгельма постоянно вызывало к нему недоверие со стороны англичан. "Редкий из английских королей был так непопулярен, — подчеркивал историк XIX в. Г. Визинский, — встречал такую постоянную оппозицию в парламенте и возбуждал к себе такое недоверие в народе, как Вильгельм Оранский"³³. Сторонник протестантизма, лояльно относившийся к диссентерам (вероотступникам от государственной англиканской церкви), Вильгельм с первых дней своего правления вызвал недовольство высокопоставленных церковников, приверженцев англиканского вероисповедания. Архиепископ Кентерберийский отказался короновать нового короля и его супругу, посчитав это "беззаконным делом". Когда собрался парламент, то многие представители англиканского духовенства даже покинули палату лордов. Пятеро из семи епископов Англии и более четырехсот священников англиканской церкви вообще отказались принести присягу верности королю, за что были лишены своих приходов.

Многие тории также оставались верными изгнанному из страны королю Якову II Стюарту. Они считали Вильгельма "похитителем трона", мечтали о реставрации "законных Стюартов". Часть из них составили партию "легитимистов" или "якобитов" (сторонников короля Якова II и его сына — Претендента). В знак своей ненависти к Вильгельму Оранскому они, собираясь в тавернах, раздавливали апельсин — эмблему "узурпатора". Впрочем, якобиты составляли немногочисленную партию, большинство же тории, особенно те из них, кто принимал участие в Славной революции, признали Вильгельма "своим" королем и были готовы сотрудничать в его правительстве.

В 1701 г. Дефо написал стихотворный памфлет "Чистокровный англичанин", в котором отвергал все обвинения, выдвигаемые оппозицией против Вильгельма Оранского, связанные с тем, что он являлся королем "неанглийского" происхождения. Памфлетист выказывал удивление подобным возмущением англичан. Он напоминал своим согражданам историю Англии, которая на протяжении столетий подвергалась завоеваниям римлянами, греками, галлами, саксами, скоттами, норманнами:

Потомство, брошенное этим сбродом,
Перемешалось с коренным народом,
С исконными Британцами, придав
Сынам Уэллса их черты и нрав.

Как результат смешенья всякой Рвани
И мы возникли, то бишь — Англичане,
У пришельцов заимствовав сполна
Обычаи, Язык и Имена.

.....

И как мы можем презирать Голландцев
И всех новоприбывших иностранцев,
Когда и сами мы произошли
От самых подлых сыновей земли, —

От Скоттов вероломнейших и Бриттов,
От шайки воров, трутней и бандитов,
Которые насильничали тут,
Чиня Разбой, Смертоубийства, Блуд,

От рыжекудых Викингов и Данов,
Чье семя узнаешь, едва лишь глянув, —
От Смеси коих и родился клан
Всех наших Чистокровных Англичан³⁴.

Как видно, данный памфлет представлял собой своеобразный панегирик королю. Он быстро сделался популярным в стране, выдержал двадцать одно издание, выходил тиражом в 80 тыс.³⁵ Памфлет не остался незамеченным и тем, кому был посвящен. После издания "Чистокровного англичанина" Вильгельм приблизил к себе Дефо. Как утверждал Б. Фицджеральд, Дефо сделался доверенным лицом короля, с которым они нередко проводили время в совместных беседах. С каждым днем дружба эта укреплялась³⁶. Впрочем, на наш взгляд, подобные высказывания британского ученого (кстати, не подтвержденные другими исследователями) представляются сомнительными. Если рассудить здраво, то что вообще могло объединять монарха и купца "средней руки", кроме восторженных виршей последнего в адрес короля? Нам представляется, что скорее всего памфлетист сам распространял подобные слухи, делая себе "рекламу".

В апреле 1701 г. пятеро джентльменов из графства Кент подали в палату общин петицию, в которой выражали свое недовольство по поводу волокиты при голосовании о кредитах, а также требовали ускорить приготовления к войне с Францией. Это были требования партии вигов, и они, естественно, не могли быть приняты во внимание ее политическими противниками, тори, которые занимали в то время большинство мест в парламенте. Вигскую депутацию моментально арестовали. В ответ виги призвали своих сторонников на защиту пяти "мучеников". Их портреты раздавались на улицах, в их честь сочинялись баллады. Не остался в стороне и Дефо. Он написал памфлет "Напоминание легиона палате общин", который и вручил собственноручно в руки спикера палаты Роберта Харли. Говорят, что при этом Дефо был переодет в женское платье и что сопровождали его шестнадцать знатных горожан во всеоружии. По-видимому, вручение меморандума требовало проявления достойного мужества от его подателя, дабы он не повторил судьбу кентских узников.

Г. Кнеллер. Королева Анна

Автор памфлета свой трактат представил как наказ рыцарям и буржуазии, заседавшим в парламенте, от имени "многих тысяч добрых англичан", требовавших защиты. Дефо заявлял, что любая возвысившаяся над законом власть является тиранической и потому должна быть ограничена с помощью чрезвычайных мер. На его взгляд, в случае с "кентскими джентльменами" палата общин превысила свои полномочия: "В то время, как парламент должен охранять наши свободы и конституцию, он презрел свой долг и обвинил народ, которого обязан защищать", – писал Дефо. Он расценивал действия депутатов парламента, арестовавших петиционеров, как незаконные, поскольку неоспоримым правом народа является обращение к его представителям в палате общин с петициями, в которых излагались бы жалобы на несправедливые действия властей. Однако если избранные народа нарушают возложенное на них доверие и начинают действовать "небрежно, деспотически или незаконно", то народ Англии должен призвать их незамедлительно к ответу и выступить

пить против них, как против нарушителей законов страны. И далее Дефо выдвигал требования, которые парламент должен был выполнить незамедлительно, прежде всего освободить подателей Кентской петиции. Свое обращение памфлетист заканчивал следующими словами: "Джентльмены! Если вы и впредь будете относиться к своим обязанностям небрежно, то в ответ можете ожидать неблагодарного к себе отношения народа, поскольку англичане никогда не будут рабами парламента, или короля. Наше имя – легион и нас много"³⁷. Памфлет Дефо возымел свое действие: кентские узники были освобождены.

В 1702 г. после внезапной смерти короля Вильгельма Оранского, случившейся вследствие падения с лошади на охоте, на трон вступила его свояченица, младшая дочь Якова II – королева Анна. После знаменитого полководца, талантливого политика, энергичного правителя на престоле оказалась женщина со слабым характером, ограниченным умом, лишенная какой-либо самостоятельности в принятии решений. Тупое упрямство, скрытность, притворство, своеобразие удивительно легко уживались в ней с умением подчиняться воле окружающих ее придворных. Время от времени то одна, то другая придворная дама становилась ее фавориткой, к которой Анна привязывалась какой-то слепой, почти рабской любовью. И как правило, каждая из них превращалась в заметную фигуру при дворе. Наиболее известной в этом отношении оказалась супруга сэра Черчилля – герцогиня Мальборо³⁸.

Единственной страстью королевы была еда, "страстью запретной и опасной ввиду тучности королевы и ее подагры, страстью, которой она не умела сопротивляться. Лишний бифштекс причинял ей муки и на несколько дней отлучал от государственных дел"³⁹. Ко всему прочему королева отличалась сильной приверженностью к англиканству. Поэтому к вигам и диссентерам она испытывала неприязнь, усматривая в одних республиканцев, а в других – безбожных еретиков и атеистов. Веротерпимость, столь любимая ее предшественником королем Вильгельмом, представлялась ей чуть ли не смертным грехом. Все симпатии королевы были на стороне партии тори, в которой она видела сильную опору монархии и государственной церкви.

С вступлением на престол королевы Анны положение Дефо как придворного памфлетиста резко изменилось. К королеве, чьи религиозные и политические убеждения были близки взглядам его политических оппонентов – тори, он не мог относиться с такой же симпатией, как к ее предшественнику. Конфликт между королевой и известным памфлетистом был неизбежен, и вскоре он произошел. 1 декабря 1702 г. появился анонимный памфлет "Кратчайший путь расправы с диссентерами". Автор обращался к истории диссентерства, отмечая те репрессии, которым подвергались сектанты в

правление Якова I Стюарта. "Если бы король Яков I отправил всех пуритан из Англии в Вест-Индию, — писал памфлетист, — то мы бы остались единой нацией, с нетронутой расколом церковью". Однако диссентеры, желая отомстить отцу, подняли оружие против его сына, Карла I, захватили и заточили его в тюрьму, а затем подвергли смерти "божьего избранника". Тем самым была разрушена сама сущность правления монархии. Сектанты возвели на трон "ничтожнейшего самозванца" Оливера Кромвеля, который не обладал ни титулом для правления, ни знаниями, как должно управлять, восполняя их отсутствием "кровавыми и безрассудными действиями и бессовестной хитростью"⁴⁰.

Далее автор писал о годах правления королей Карла II и его брата Якова II Стюартов, подчеркивая, что те будто бы относились к диссентерам "с любовью", а потому сектанты не должны были выступать против монархов. Он призывал "подавить насилием все неконформистские секты", "вырвать с корнем еретическое зелье мятежа": "Распнем самих разбойников! Пусть основы церкви будут утверждены на гибели ее врагов...Против диссентеров нужно действовать каленым железом!"⁴¹.

Автором памфлета оказался Дефо. В своем произведении он намеревался, с одной стороны, выставить сторонников "высокой церкви" в карикатурном виде, а с другой — склонить общественное мнение в пользу диссентеров, поэтому и прибегнул к сатирическому изображению религиозной политики правительства. Но то ли не очень удачной оказалась подобная сатира, то ли по каким-то другим причинам, однако читатели не заметили, что речь идет о пародии. Напротив, памфлет возымел обратное действие: сторонники англиканской церкви прижимали книгу к сердцу, высказывая сожаление, что столь замечательный писатель выступил анонимно, диссентеры же сочли автора своим смертельным врагом. Один из неконформистов публично заявил, что с удовольствием донес бы на него из чувства долга, а другой рвался повесить фанатичного сторонника англиканской церкви, который требовал "моря невинной крови" своих сограждан.

Подобная реакция на памфлет оказалась для Дефо совершенно неожиданной. Ему пришлось выпустить «Объяснение к "Кратчайшему пути"». На этот раз на титульном листе памфлета красовалось имя Дефо. Однако в связи с тем, что литератор уже был известен в обществе своей давней симпатией к диссентерам, подобное откровение ошеломило многих. Пока сектанты пребывали в тревоге и растерянности, англиканцы перешли в наступление. 3 января 1703 г. государственный секретарь граф Ноттингем издал указ об аресте виновного в преступлениях и проступках "чрезвычайной важности" Даниеля Дефо. Однако до прихода стражников памфлетист успел скрыться из дома. Затем он обратился к государственному секретарю с письмом, в котором уверял в своей готовности просить прощенья.

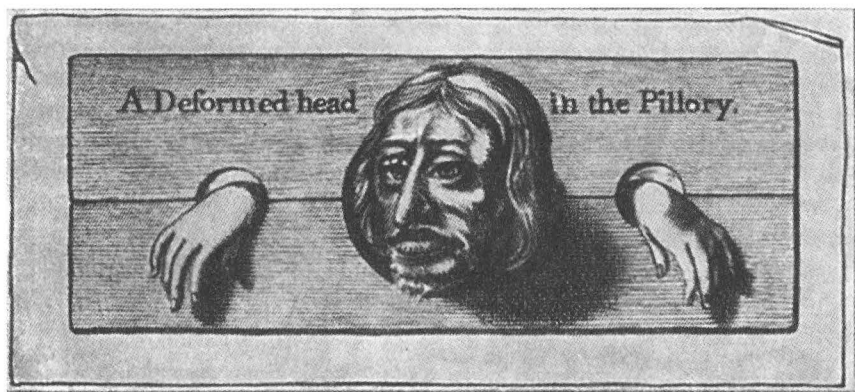
ние у королевы и убеждал, что вообще не имел никаких "злых умыслов", когда писал свой памфлет.

Обращение Дефо не возымело действия. 10 января в "Лондонской газете" появилось объявление, в котором обещалось солидное, в 50 ф. ст. вознаграждение тому, кто сообщит местонахождение автора скандального памфлета. Приводилось и описание внешности Дефо: "Среднего роста, худощав, возраста около сорока лет, смуглолиц, с темно-каштановыми волосами, но носит парик, нос крючком, острый подбородок, серые глаза и большая бородавка у рта"⁴². В это же время на заседании палаты общин памфлет "Кратчайший путь..." был объявлен "бунтарским и подстрекательским" и издан указ о его сожжении "рукой палача". Почти полгода Дефо пришлось скрываться в доме одного француза-гугенота, но затем по доносу он был выдан властям и взят под стражу. Через три дня суд вынес суровый приговор памфлетисту: выплата крупного штрафа, троекратное выставление у позорного столба, тюремное заключение сроком на семь лет.

В последние дни июля 1703 г. Дефо, зажатый колодками, стоял у позорного столба на многолюдной площади Лондона. Обычно к

Д. Дефо у позорного столба.
С рисунка современника

Д. Дефо. Карикатура.
Памфлет. 1703 г.

такому наказанию приговаривали особо опасных преступников, и толпы зевак кидали в них комья грязи, яйца, гнилые овощи и тухлую рыбу, что должно было олицетворять собой общественное порицание. Подобная участь была уготована, по замыслу властей, и памфлетисту. Однако совершенно неожиданно гражданская казнь обернулась для Дефо триумфом. Собравшийся на площади народ встретил смелого публициста с восторгом. И вместо комьев грязи к его ногам полетели цветы, а на третий день публичной казни позорный столб был украшен зелеными ветками. Народ славил своего героя: "Собравшиеся довольно громко бранили несправедливость правительства. По толпе гуляли жбаны, полные эля; brave граждане, став на одно колено, пили за здоровье Даниеля и посрамляли его врагов...Когда, наконец, в последний раз стража окружила героя, крики усилились: со всех сторон к нему протягивали оловянные кувшины, полные вина или пива, и бросали венки из цветов"⁴³. На улицах Лондона горожане распевали новый стихотворный памфлет Дефо "Гимн позорному столбу", в котором были такие слова: "Под суд! Других! А если вас судить самих?" Разбитый физически, но морально не сложенный, литератор возвратился в Ньюгейтскую тюрьму, где ему предстояло провести еще немало дней и ночей. Он и здесь не прекращал своей литературной деятельности. Из-под пера Дефо появились новые поэмы и памфлеты, а с февраля 1704 г. он начал выпускать еженедельное издание "Ревю", в котором освещал различные вопросы внутренней и внешней политики правительства.

Судьба вигского памфлетиста, брошенного в тюрьму, не оставила равнодушными его сторонников. Одним из первых в его защиту выступил известный квакер, основатель штата Пенсильвания в Се-

верной Америке Уильям Пенн. Однако его заступничество не возымело действия. Освободить Дефо из тюрьмы после того, как он провел в заточении пять месяцев, удалось спикеру палаты общин Роберту Харли. Он обратился к государственному секретарю Годольфину с письмом, в котором подчеркивал, что было бы крайне полезно иметь на стороне правительства литератора, хотя бы для точного освещения событий. Разумеется, освобождение Дефо министром-тори, пожелавшим взять к себе на службу талантливого журналиста и памфлетиста, было далеко небескорыстным. В знак признательности за свое освобождение, выплату штрафа и оказание материальной помощи семье (за счет государственной казны) Дефо обязался выполнять функции главы созданной им же секретной службы при Харли. И на этой службе литератор "протрубил" десять лет! Помимо всего прочего в обязанности Дефо входило "продвижение в печать" взглядов правительства вне зависимости от того, каковы будут состав кабинета министра и его политическая ориентация.

Как же могло случиться, что вигский памфлетист и журналист стал секретным агентом министра-тори Харли и дал согласие сотрудничать со своими политическими оппонентами? Нам представляется, что решающим фактором в принятии подобного решения стало чрезвычайно затруднительное материальное положение многочисленного семейства Дефо, в котором уже было семеро детей.

Между Харли и Дефо, когда он поступил к министру на службу, сложились непростые отношения. Роберт Харли, будущий граф Оксфорд, которому суждено было сыграть заметную роль в судьбе практически всех героев нашей книги, происходил из небогатой

Тюрьма Ньюгейт. Гравюра XVIII в.

Г. Кнеллер. Роберт Харли, граф Оксфорд.
Начало XVIII в.

пуританской семьи. После Славной революции он сблизился с вигами, а через десять лет перешел в партию тори, прославившись своей ревностной защитой англиканцев. Еще при Вильгельме Оранском Харли приобрел заслуженный авторитет в парламенте. Каждое выступление этого толстого, с неуклюжими манерами депутата слушали в палате общин с большим вниманием. Он поражал многих своими знаниями прецедентов, обычаев, привилегий парламента. Не случайно его неоднократно избирали спикером палаты. Но особого мастерства Роберт Харли достиг в парламентской дипломатии, в искусстве приобретать своих приверженцев в обеих партиях. "Интригами, обольщением людей он дошел до звания первого министра, графа и кавалера подвязки, — писал Вызинский, — и тогда только, когда он стал на вершине, обнаружилось все внутреннее его ничтожество... В сущности он был бестолковым, ограниченным человеком. Не могло быть более беспомощного, неспособного, мешкова-

того, ленивого министра"⁴⁴. Современник Харли Уильям Каупер замечал, что тот "любил заниматься обманом и интригами, даже когда в этом не было нужды, дабы испытать удовольствие от своего хитроумия. Если кому-либо от рождения было с необходимостью предопределено стать мошенником, так это ему"⁴⁵.

Надо признать, что поддерживать политику правительства "словом и пером" сделалось для Дефо тяжелой повинностью. Его называли "прихлебателем" министра, "случайным агентом по мелким вопросам". "Всегда гонимый более удачливыми людьми, всегда плохо оплачиваемый из личного кошелька министра или из казны. – подчеркивал британский историк Т. Бейтсон, – Дефо никогда не нашел в Харли такого друга, как в Вильгельме III, но только хозяина своего ремесла и союзника"⁴⁶. Отношения Дефо с его патроном не афишировались, и потому свои послания Харли он подписывал разными именами, отправлял в разные адреса, их встречи были редкими.

В 1703 г. Харли стал государственным секретарем. Поздравляя его со вступлением в новую должность, Дефо 9 ноября писал: "Вы владеете честью и большим состоянием. Позвольте же миру узнать, что вы бескорыстны, и все люди будут предпочитать всегда только Вас". Дефо был твердо убежден в том, что "промахи в управлении" во многом зависят от плохих советников монарха – его министров. Поэтому он излагал свои соображения по поводу того, как же стать премьер-министром, оставаясь независимым и "недосягаемым от претензий парламента, интриг партий и волнений черни". Прежде всего, чтобы достойно служить своей стране, "необходимо оставаться честным человеком". Нужно также завоевать расположение народа, поскольку его ненависть означает погибель для государственного чиновника. "Доверие народа не трудно завоевать, – утверждал Дефо, – но если оно утеряно, то его уже невозможно восстановить"⁴⁷.

Далее Дефо давал советы, руководствуясь которыми, Харли мог подтвердить свою "неуязвимую репутацию": щедро оказывайте покровительство, но не позволяйте никому извлекать выгод из вашей благосклонности; имейте в своем распоряжении преданных эмиссаров, позволяя им оставаться вашими постоянными осведомителями о делах при дворе; берегите друзей, если они оказались такими, как вы ожидали, и т.п. Особенно важным для первого министра Дефо считал его информированность обо всем, что делается в стране и за ее пределами. Поэтому госсекретарь должен располагать полными сведениями обо всех джентри, духовенстве, горожанах и их семьях, их местопребывании, интересах, характерах, доходах и морали. Очень важно все знать также о партиях и расстановке сил на выборах в парламент. Крайне необходима и информация о фаворитах и тайных советниках при каждом дворе в Европе. Разумеется, подобные сведения должна предоставить разведка.

Как явствовало из данного письма, советы Дефо министру сводились к созданию проекта организации всеобъемлющей шпионской сети как внутри страны для борьбы с врагами правительства, так и за ее пределами⁴⁸. Сам автор проекта вскоре сделался и его исполнителем: по заданию Харли Дефо под чужими именами совершил несколько тайных поездок по стране с целью изучения настроений населения и его отношения к правящему кабинету министров. За свою службу Дефо ежегодно получал солидное вознаграждение в 400 ф. ст., проходя в списках платных агентов министра под псевдонимами Александра Голдсмита и Клода Гийо.

Исколесив практически всю Англию, Дефо осенью 1706 г. отбыл в Шотландию, чтобы на месте выяснить, как относились жители этого королевства к предстоявшему объединению с Англией. И вскоре Дефо написал книгу "История Унии Великобритании", посвященную данному событию. Он оправдывал необходимость объединения королевств рядом преимуществ для Шотландии: "Все нарушения или злоупотребления магистратов, узурпация власти Тайным Советом, оскорбления в адрес королевской власти будут устранены этой Унией". На самом деле реальные преимущества от Унии получала Англия, которая за счет присоединения Шотландии в значительной мере усиливала свой военный и экономический потенциал. Не случайно сам Дефо упоминал в книге, что королева "часто выражала пожелание увидеть завершенным великое дело создания Унии как можно скорее". Однако если в Англии подавляющее большинство как в парламенте, так и за его пределами поддерживало Унию (в особенности это касалось крупной торгово-промышленной буржуазии, извлекавшей из объединения королевств наибольшие дивиденды), то в Шотландии к подобному союзу отнеслись иначе. Дефо признавал: среди шотландцев имеется немало противников Унии, которые полагают, что Шотландия многое потеряет от подобного союза в торговле, а также будет устранена от участия в работе парламента. К тому же значительно уменьшится политическое влияние и экономический вес ее знати и джентри.

Дефо упрекал людей, не видевших блага для себя в Унии, в заблуждениях и выражал уверенность, что их предрассудки со временем устранятся и все общество убедится в преимуществах союза с Англией. Пытаясь разубедить противников Унии, Дефо напоминал им о прошлых "кровавых годах" и том ужасающем разорении, которое понесли обе "родственные нации" в годы вынужденной изоляции друг от друга. "Тем, кто сожалеет об этой Унии из-за отдельных неудобств в торговле или опасений неравноправия, – продолжал Дефо, – надлежит вспомнить годы жестоких репрессий, когда тюрьмы были переполнены, а эшафоты залиты кровью, когда церковь попиралась, а ее прихожане не могли воспользоваться свободой вероисповедания"⁴⁹. Только через союз с Англией, уверял Дефо, Шот-

ландия сможет получить конституционное правление, гражданские и религиозную свободы.

Однако посулы правительственного памфлетиста не могли убедить шотландцев в беспрекословном признании Унии. Массовое движение протеста против ее заключения началось в Шотландии еще осенью 1706 г. И тотчас властям Эдинбурга "родственная нация" отдала приказ произвести розыск лиц, виновных в подстрекательстве беспорядков, чтобы подвергнуть их наказанию. Должностным лицам магистратов, домовладельцам, хозяевам мастерских предписывалось следить за "достойным" поведением ремесленников, слуг, учеников, подмастерьев. Нарушителей общественного порядка, не пожелавших покинуть улицы и разойтись по домам, было приказано взять под стражу, а также подавить их волнения всеми необходимыми средствами. Примечательно, что при подавлении народных выступлений в Шотландии английские власти попытались снять с себя всякую ответственность за возможные последствия. "И мы далее объявляем – гласил указ английского парламента от 24 октября 1706 г., – что если какие-либо ранения, увечья или кровопролития будут совершены при подавлении беспорядков, то совершившие это лица будут оправданы, поскольку действовали подобным образом, исполняя свой долг"⁵⁰.

Оставаясь на службе у торийского министерства, Дефо оказался в двусмысленном положении. Противник тори, он должен был служить им, сторонник диссентеров, он вынужден был поддерживать англиканцев. В результате памфлетист лишился доверия обеих партий. «Два дня тому назад, – писал он в "Ревю", – я получил письмо от ожесточенного виги и другое – от разъяренного якобита. Первый грозит повесить меня, когда его партия вновь придет к власти, другой угрожает немедленным убийством»⁵¹.

Недоверие к Дефо со стороны тори проявилось также у Джона-тана Свифта, сотрудничавшего в ту пору с этой партией. Отношения между двумя известными литераторами, принадлежавшими к различным партиям, были явно недружелюбными, хотя в том не было признаков личного соперничества, как отмечал американский историк Дж. Росс. Скорее они отражали "конкуренцию двух социальных групп, к которым принадлежали писатели, двух социальных классов, которые они представляли"⁵². Трудно не согласиться с подобным утверждением, если вспомнить, что Дефо, представляя интересы партии вигов, выражал интересы купечества, а Свифт в это время защищал партию тори, олицетворявшую интересы землевладельцев. Так партийная борьба развела великих писателей по разные стороны баррикад, сделав их навсегда непримиримыми врагами. Первым, что называется, открыл огонь Дефо. На страницах "Ревю" он выступил с резкой критикой "Сказки бочки" Свифта. Тот не остался в долгу, и взаимные нападки литераторов не прекращались долгое

время. Примечательно, что оба они работали на одного хозяина – Роберта Харли, причем встречи министра со Свифтом происходили открыто, а с Дефо – тайно. Но даже это обстоятельство не приостановило взаимных оскорблений памфлетистов. Упоминая журналистов-вигов, Свифт затронул и Дефо: "Один из этих писателей, субъект, которого выставили к позорному столбу... в действительности – такой тщеславный, сентенциозный и демагогический плут, что положительно невыносим". Дефо парировал, осыпая Свифта бранью: "Циничная, грубая личность, фурия, публичный ругатель, негодяй, носильщик, извозчик"⁵³.

В марте 1713 г. Дефо был вновь арестован, на этот раз по обвинению в неуплате долгов. Через одиннадцать дней он вышел из тюрьмы, вновь благодаря заступничеству Харли, однако на свободе пробыл недолго. Спустя несколько недель его арестовали, на этот раз по более серьезному обвинению – в государственной измене. Поводом послужили три памфлета, в которых Дефо поднимал вопрос о престолонаследии. Данная проблема занимала в то время большое место в прениях партий. Дело в том, что у королевы Анны, бывшей замужем за датским принцем, родилось семнадцать детей. Все они, за исключением герцога Глостерского, умерли в раннем возрасте. Но вот в начале 1701 г. скончался последний наследник – одиннадцатилетний принц. Парламент, обеспокоенный открывавшейся возможностью перехода короны к прямым наследникам Стюартов – католикам Якову II и его сыну Якову III (Претенденту), спешно собрался, чтобы обсудить Закон о престолонаследии. В совокупности с рядом других законов он получил название "Акта об устройении". В соответствии с Актом английская корона после смерти королевы Анны должна была перейти к внучке Якова I Стюарта, супруге курфюрста Ганноверского – принцессе Софье, а в случае ее смерти – к ее сыну Георгу и его наследникам. Закон особо оговаривал, что корона не может быть унаследована католиком и всякий, кто вступит на престол, обязан присоединиться к англиканской церкви.

Дефо поддержал вигов в вопросе о престолонаследии. Он был твердо убежден в том, что протестантское престолонаследие является тем фундаментом, на котором зиждется монархия, и без которого просто невозможно существование Англии. Дефо считал несовместимым с безопасностью и благополучием протестантского королевства подчинение принцу-католику – Якову III, заявляя: "Корона и управление государством могут наследоваться только протестантами"⁵⁴. Единственный, кто с неоспоримым правом может претендовать на английскую корону после смерти королевы Анны, так это старший сын внучки Якова I – Георг Ганноверский. Дефо хорошо понимал, что правитель, родившийся за пределами Англии и получивший образование за границей, очень много проигрывает,

когда начинает управлять народом, поскольку не знает ни законов, ни обычаев Англии. Чтобы избежать всевозможных недоразумений в будущем, Дефо советовал пригласить принца Ганноверского в Англию и ознакомить его с законами и государственным устройством страны, которой он со временем будет управлять. Ему неплохо было бы повидать и будущих своих подданных – англичан. Надо, писал Дефо в памфлете "Рассмотрение вопроса о престолонаследии", чтобы народ узнал и полюбил принца⁵⁵.

В связи с ухудшением состояния здоровья королевы Анны в 1712 г. вопрос о престолонаследии вновь стал занимать умы государственных мужей и политиков. Тогда-то и появился памфлет Дефо "Своевременное предостережение и предосторожность против инсинуаций папистов и якобитов в защиту Претендента". "Британцы! Что вы делаете? Куда вы смотрите? Вы продаете себя в рабство Франции, папству, от которого давно отреклись, и Претенденту, которого изгнали", – писал он. Отвергая возможность вступления Претендента на престол, поскольку это несовместимо с конституцией протестантской нации, Дефо предостерегал соотечественников от той опасности, которая им угрожает в случае его воцарения на английском престоле: "Только подумайте, дорогие британцы, каким королем может стать этот Претендент: католик по убеждениям, тиран по образованию, француз по обязанности. И как долго поддержатся ваши свободы в подобных условиях? А когда ваши свободы будут уничтожены, то как долго сохранится ваша религия?"⁵⁶.

Три злополучных памфлета, за которые Дефо был брошен в тюрьму, появились в печати в 1713 г. В одном из них – "Ответ на вопрос, о котором никто не хочет помышлять: а что если королева умрет?" – трудно было обнаружить хотя бы тень крамолы, если не считать того, что памфлетист открыто заявил в печати о мучившем всех вопросе: что же произойдет со страной, когда не станет королевы? Дефо подчеркивал, что будущее протестантского престолонаследия волнует всех англичан. Он высказывал обеспокоенность по поводу судьбы религии, законов, гражданских свобод, привилегий, собственности, которые пострадают, на его взгляд, в случае прихода к власти короля-католика, и призывал сограждан серьезно задуматься над своим будущим⁵⁷.

Два других памфлета представляли собой освещение той же проблемы престолонаследия, но уже в сатирической форме. В одном из них – "Изучение доводов против наследования короны Ганноверской династией" – Дефо выступал как бы от лица защитника Претендента. "Добрые протестанты, ответьте мне, – писал он. – Можем ли мы выступать в поддержку Ганноверов? Разве Претендент не сын нашего законного короля? А если это так, то что в сравнении с этим значит протестантская религия? Быть может, нам лучше отказаться от Бога, религии, жизни, чем отвергнуть законного

наследника трона? Если установится католицизм, то пассивное подчинение делается нашим верным другом, ибо мы, протестанты, можем умереть, погибнуть, можем сделать все, что угодно, только не восставать, и потому мы должны признать нашего законного суверена и выступить против вступления на трон Ганноверов"⁵⁸.

В памфлете "А что если Претендент придет?" Дефо рассматривал последствия возможного вступления на престол Якова III Стюарта, изображая это как достижение преимуществ для народа Англии. Большинство англичан опасаются воцарения Претендента в силу того, что думают, будто при нем будет осуществлять свое влияние "заклятый враг мира и свобод Великобритании" – король Франции. Дефо утверждал, что вообще-то ничего ужасного во французском правлении нет, а далее в сатирической форме проводил сравнение методов правления в Англии и Франции, усматривая преимущества в последней. «Мы видим, что Франция едина как один человек, – писал он. – Никакие бумагомаратели не выступают против правительства, никакие дерзкие депутаты парламента не беспокоят монарха своими обращениями, никакие крючкотворцы-юристы не толкуют о священной конституции в противоположность еще более священной прерогативы, но все едины во мнении поддерживать своего короля... Они не носятся с этим глупым словом "свобода", как это нередко делаем мы, они ею просто пользуются, если она у них, конечно, имеется».

С долей юмора Дефо изображал избирательную систему Англии: «Претендент освободит нацию от "тирании парламента"», и сельским джентльменам не понадобится по каждому зову короля оставлять свои дела, семью, хозяйство и отправляться на выборы в Лондон в утомительное путешествие, тратить там деньги графства, а затем возвращаться домой. Страна, наконец, избавится от бремени избирательных компаний, расходов, с ними связанными, народ перестанет отвлекаться от настоящих дел". В результате дорогостоящих выборов многие джентльмены разоряются, честные люди становятся бесчестными, дебоширами, корыстными, клятвопреступниками. "Будучи подкупленными, они готовы продать и свою страну, и ее свободы"⁵⁹. Пожалуй, именно подобную едкую критику в свой адрес власть предержащие и не захотели простить памфлетисту, отправив его за решетку. Впрочем, и на этот раз Дефо в тюрьме пробыл недолго.

О том, как складывалась дальнейшая судьба вигского литератора, мы расскажем позже, а пока обратимся к более подробному анализу трактатов и памфлетов Дефо, чтобы понять, что же представляли собой его общественно-политические и просветительские взгляды. Одно из центральных мест в трудах Дефо занимали его рассуждения об "общественном договоре". В соответствии с данной теорией "первичная власть" на земле, как "высшая" и "божественная

по своему происхождению", принадлежала народу. Королевская же власть, по его мнению, не имела "божественного происхождения". На протяжении первых шести столетий жизни человечества "не существовало вообще никаких упоминаний о монархе, хотя мир населяли люди, нуждавшиеся в управлении". Для Дефо было бесспорным не только то, что власть народа предшествовала королевской, но и что монархи получали свою власть от народа, который сам избирал своего правителя и заключал с ним договор, являвшийся "краеугольным камнем" создания монархии⁶⁰. Таким образом, заключал памфлетист, власть правителя имеет "договорное" происхождение. В соответствии с договором король должен управлять народом, а подданные обязаны ему подчиняться, причем границы власти правителя, как и степень ему подчинения со стороны подданных, определяются законами и конституцией государства. При заключении договора правители связаны коронационной клятвой в том, что будут править в соответствии с законом, а подданные заверяют о готовности подчиняться всем их распоряжениям. Правители, получившие власть от народа, должны ее использовать исключительно в целях "безопасности, благосостояния и благополучия тех, над кем они поставлены править". Дефо выражал твердую уверенность в том, что и правительства, и правители облакаются властью прежде всего для сохранения собственности народа. Достижение благосостояния народа – это высший и первейший долг любого правительства, утверждал Дефо⁶¹. На его взгляд, хороший правитель ради блага народа относится с большим вниманием к общественному благосостоянию, нежели к своим собственным интересам.

Как видно, в договорной теории происхождения государственной власти Дефо важное место отводил народу, интересы и благо которого выдвигались на первый план. Но кого литератор понимал под "народом"? Крестьян, ремесленников, подмастерьев, слуг? Отнюдь, нет! Народные низы были для Дефо лишь только "черню", "толпой на улице". Истинный народ, на его взгляд, – это члены палаты общин в парламенте. "Могут спросить, кто эти люди, которым должна принадлежать власть? Кто обладает первоначальной властью? Это должен быть весь народ!" Но поскольку невозможно собрание всего народа, то от его имени должны выступать не жители страны вообще, а только фригольдеры (свободные арендаторы. – *Т.Л.*), мелкие и средние землевладельцы. Расценивая право владения землей как "лучшее в мире право на правление", Дефо полагал, что фригольдеры как "собственники страны" могут издавать любые законы для всех жителей Англии. По его мнению, фригольдеры получили землю не от монарха или парламента, а от своих древних предков по обычному, естественному праву владения. Он был убежден, что только обладатель собственности может претендовать на власть, поскольку частная собственность является ее основой⁶². Как

видно, Дефо выражал интересы собственников, по преимуществу их средних слоев.

Заключение "общественного договора" между правителем и народом предполагало выбор соответствующей формы правления. Наилучшей Дефо считал монархию. Он различал несколько ее видов: выборную, наследственную, абсолютную и ограниченную. На его взгляд, абсолютная монархия несовместима с гражданским обществом и потому не может быть законной формой гражданского правления. "Правление Англии, – подчеркивал Дефо, – ограниченная монархия, состоящая из короля, лордов и общин, каждая из ветвей власти обладает собственными привилегиями, но действуя сообща, вместе они создают гармоничную конституцию. Власть правительства регулируется законами, корона ограничивается статутами, народные права утверждены на протяжении веков"⁶³. Просветитель отмечал: к такой форме правления, как конституционная монархия, в Англии все без исключения относятся с уважением.

При обсуждении различных форм государственного устройства Дефо обращался также и к республике, высказываясь о ней негативно. Для него республика – это "химера", "абсурд", "непрактичная идея, которую невозможно осуществить в Англии"⁶⁴. Дефо уверен, что "разум" английской нации был всегда обращен к монархии, ограниченной законом. И даже во время Славной революции, когда народ имел возможность выбора формы правления, не было заметно никаких проявлений симпатии к республике. Дефо считал, что для установления в Англии республиканского строя нет никаких перспектив, поскольку никто добровольно не пожелает отказаться от свобод, тогда как республика попытается лишить их граждан. Таким образом, Дефо выражал взгляды тех собственников, для которых еще были свежи в памяти революционные события середины 40-х годов XVII в. Ведь республика тесно слилась в их представлениях с беспорядком, разгулом народной стихии, и потому буржуазный идеолог осуждал подобную форму правления.

К конституционной монархии Дефо относился с явной симпатией. Правительство в Англии, писал он в одном из памфлетов, представляет собой смешанную, ограниченную монархию, при которой высшая власть разделена между королем и народом. Народ Англии доверил исполнительную власть королю, законодательную – королю, лордам и общинам, а отправление правосудия – лордам. Важным условием сохранения конституционного правления Дефо считал достижение "равновесия ее составляющих частей", т.е. "равновесия властей". Если же таковое нарушается и одна из властей возмущается, то все приходит "в замешательство".

После Славной революции в Англии установилось, на взгляд Дефо, "счастливое, гармонично устроенное правление", при кото-

ром "простой народ обладает свободой без демократических беспорядков и неистовств, знать владеет всеми привилегиями, которые смогла получить, не обращаясь к заговорам, а корона балансирует между ними двумя...Отдельные части правительства взаимно зависят друг от друга: ни палаты без короля, ни король без парламента не могут ничего в отдельности предпринять"⁶⁵. Но если король начинает править самостоятельно, игнорируя парламент, облагает налогами народ, лишает жизни, свобод и имущества своих подданных, отменяет изданные законы, либо не считается с ними, то он берет на себя все функции верховной власти, исключая из нее лордов и общины, и таким образом нарушает равновесие сил. Дефо допускал, что и две другие стороны – лорды и общины – могут "дурно" поступить по отношению к монарху, либо к народу. "Если же все три власти объединятся в своих незаконных действиях, то конституция падет в конвульсиях и неизбежно погибнет", – заключал он. Чтобы не допустить подобного, каждая из ветвей власти должна контролировать две другие и все спорные вопросы решать сообща, "руководствуясь в своих действиях законом, а там, где таковой безмолвствует, то разумом"⁶⁶.

Дефо полагал, что каждая из ветвей власти должна обладать привилегиями, которые необходимо равномерно распределять. Исполнительная власть (монарх) вправе облагать народ налогами и определять пошлины, объявлять войну и заключать мир, вершить правосудие и даровать прощение. Причем, подчеркивал просветитель, все эти прерогативы короля устанавливаются и оговариваются законодательной властью, т.е. парламентом. Таким образом, рассуждения Дефо о "равномерном" распределении привилегий между исполнительной и законодательной ветвями власти на деле оборачивались фикцией, поскольку из них становилась очевидной доминирующая роль парламента в государственном устройстве страны после Славной революции.

Как сторонник усиления законодательной власти и возвышения ее над исполнительной предстает Дефо и тогда, когда говорит о законах как средстве ограничения королевской прерогативы. С одной стороны, он утверждал, что все три ветви власти одинаково обязаны подчиняться законам, которые издаются с их общего согласия, с другой, заявлял, что короли не вправе издавать, либо изменять законы, поскольку сами находятся под их действием. Законы должны быть направлены на ограничение исполнительной власти, возложенной на монарха, чтобы и он сам, и подчиненные ему министры были подотчетными и не могли править вопреки закону. Дефо также настаивал, чтобы судьи не зависели от воли короля, а "верой и правдой служили народу... и вершили правосудие над каждым человеком по законам королевства, а не исходя из распоряжений или указаний, получаемых от монарха". Просветитель осуждал тех, кто

считал, что король "превыше закона", поскольку подобными заявлениями нарушается одна из первейших заповедей королевского правления: "закон правит королем", и монарх обязан ему подчиняться согласно коронационной клятве⁶⁷.

Тот, кто ставит себя выше законов, превращается, по мнению Дефо, в тирана. "Тиранами" и "узурпаторами" власти просветитель называл также тех правителей, которые нарушали первейшее условие общественного договора – управлять в интересах общественного блага. Ну, а если правитель действует вопреки обещанным целям и намерен разорить свой народ, то он теряет право на титул и подчинение со стороны подданных. Осуждая тиранию, Дефо призывал к борьбе с ней: "Когда короли превращаются в тиранов, то подданные должны разорвать оковы и освободиться от тирании"⁶⁸. Эта позиция была одной из важных в общественно-политических взглядах Дефо. Вопрос о том, допустимо ли оказание сопротивления королю в случае нарушения им условий общественного договора, незаконного правления, либо чрезмерного усиления власти, являлся в то время особенно острым в борьбе политических партий. И если виги признавали возможность выступления против монарха, то тори это совершенно исключали.

Дефо как выразитель идеологии партии вигов в своих памфлетах нередко полемизировал с тори, придерживавшихся теории "непротавления", подвергая резкой критике ее сторонников. Так, он заявлял, что доктрина пассивного подчинения "абсурдна" и "несовместима" с конституцией Британии. Государственная церковь Англии, подчеркивал литератор, рьяно проповедует неизменную верность правителю, требует неоспоримого подчинения всем его распоряжениям и утверждает, что не может быть законным сопротивление власти монархов. Но если подданные послушно терпят правителя, ставшего тираном, то в таком государстве, на взгляд Дефо, нет места закону, а существует только воля и желание правителя. Пассивное повиновение деспоту делает несчастья народа бесконечными.

Просветитель приводил множество примеров из истории разных народов, которые свергали своих властителей в силу их неспособности управлять, либо тиранической узурпации. Славная революция трактовалась Дефо также как пример законного сопротивления народа правителю, который превратился в деспота и тирана. Король Яков II нарушил общественный договор и попытался подчинить своей воле законы страны. Он воспротивился восстановлению действия конституции Англии на прежних условиях, бежал из королевства, чем и подтвердил свое отречение от престола. Монарх, отказавшись править народом в соответствии с законом, давшим ему корону, тем самым потерял право на нее, заключал Дефо. Примечательно, что просветитель допускал возможность сопротивления также в случае нарушения правителем привилегий парламента. "Если король обла-

гает налогами народ, — писал он, — лишает жизни, свобод и имущества своих подданных без предписанных на то законов, или отменяет, либо не считается с существующим законодательством, если он присваивает себе власть, которая принадлежит не ему, а лордам и общинам, то такому королю надлежит оказать сопротивление!"⁶⁹.

Хотя Дефо считал пассивное повиновение несправедливому насилию грехом, тем не менее он проводил четкую грань между теми, кто имел право выступать против тирании, и теми, кто был его лишен. Всех стремящихся изменить правление в своей стране, используя для этой цели насилие, Дефо объявлял "мятежниками", а тех, кто поддерживал и охранял его — "истинно верными патриотами". Любую попытку подорвать существующий государственный строй он расценивал как узурпацию, а выступления против короля считал "великим преступлением". Более того, сопротивление монарху, правящему по закону, он также называл мятежом, а борьба с законодательной властью вообще представлялась Дефо "великим грехом". Как видно, теория сопротивления в толковании Дефо, во-первых, исключала любые действия, направленные на устранение конституционной монархии, а во-вторых, допускала использование права сопротивления исключительно имущими классами, не распространяя его на народные низы. Особенно отчетливо эта мысль прозвучала в памфлете Дефо "Гимн толпе". "Толпа, чернь по своей природе призвана нарушать как само правление, так и цели гражданского общества и потому является врагом безопасности и порядка, — подчеркивал литератор. — А поскольку чернь используется в выступлениях против гражданской власти по любым поводам, то все сторонники гражданского правления должны выступить против нее".

Отмечая, что беспорядки приводят к восстаниям, в особенности, если они направлены не на смену правителя, а на изменение формы правления, Дефо призывал каждого человека, "пекущегося об интересах своей страны", осудить их: "Долг честного человека — не допускать народных выступлений"⁷⁰. Таким образом, предоставляя право имущим классам смещать неугодного им правителя, народным низам Дефо оставлял лишь жалкий удел послушания и слепого повиновения. "Король — единственный отец для всей страны, и так же как ребенок по отношению к своим родителям, каждый подданный обязан подчиняться своему законному правителю, — утверждал он. — Беспорядки и выступления черни при миролюбивом и справедливом правителе должны осуждаться каждым честным человеком, и тот не может считаться добродетельным гражданином своей страны и верным подданным короля, кто не выступает против восстаний и беспорядков"⁷¹.

В рассуждениях Дефо о государственном правлении значительное внимание уделено парламенту. На взгляд просветителя, предста-

вительное учреждение остается главным центром власти, священной частью английской конституции. Парламент призван обеспечивать и охранять законы и конституцию и не действовать вопреки желаниям народа. Дефо обращал внимание на тот факт, что после Славной революции власть парламента значительно упрочилась и теперь он обладает таким весом в делах государства, какого не имел в прежние времена. Хотя литератор и признавал двухпалатный парламент, однако центральное место в нем он отводил палате общин, полагая, что лорды, заседавшие в высшей палате, никого, кроме самих себя, не представляют, тогда как джентльмены из низшей палаты выражают интересы всей страны. Народ Англии, подчеркивал Дефо, доверил палате общин совместно с королем и лордами право издавать законы, собирать налоги, наказывать преступников. В то же время палата общин служит "последним прибежищем народа". "Двери палаты общин всегда открыты, чтобы удовлетворять справедливые жалобы народа, и каждый человек имеет полное право вынести на ее рассмотрение свои обиды и ожидать соответствующего решения"⁷². Просветитель выражал твердую уверенность в том, что пока существует народ, сохранится и выборная законодательная власть, даже если все другие ветви власти исчезнут.

Кто же, на взгляд Дефо, должен заседать в палате общин? Ответу на данный вопрос просветитель посвятил специальный памфлет "Шесть характерных качеств депутатов парламента". В парламент надлежит выбирать людей состоятельных, религиозных, образованных, придерживавшихся "ортодоксальных принципов и морали". Не следует допускать к выборам католиков, атеистов, еретиков, так как они не будут поддерживать протестантскую религию должным образом. Не подходят для парламента глупые, бесчестные люди, повесы и щеголи, а также слишком юные англичане. Представлять интересы графств в палате общин должны люди разумные, высокообразованные, умеющие разбираться в вопросах торговли, сельского хозяйства, а также свободах, законах королевства и способные защищать их. Непременное качество депутата – честность. Хотя и предполагается, что избрание состоятельных людей в парламент устранил интерес к должностям и пенсиям со стороны двора, но, как замечал Дефо, обстоятельства изменились: подкуп и взяточничество сделались нынче обычным явлением среди парламентариев. Примечательно, что, по мнению просветителя, в парламенте не должно быть представителей трудящихся. Он полагал, что "заполнение палаты ремесленниками, лавочниками приведет к подрыву основ государственного правления и благосостояния нации"⁷³.

Сторонник усиления законодательной власти Дефо неоднократно выступал в защиту привилегий парламента. Существовавшая в Англии избирательная система, на его взгляд, нуждалась в улучшении. Он ратовал за равномерное представительство депутатов от

графств и городов; приводил в пример графство Корнуолл, в котором фригольдеры избирали двух представителей в парламент, тогда как города того же графства – сорок. Дефо отмечал тот факт, что продолжают посылать депутатов города, которые "давно мертвы", либо с таким бедным населением, которое просто не в состоянии оплатить свои расходы на выборы. В то же время многие большие и богатые города вообще не имеют своих представителей в парламенте. В результате подобное неравномерное представительство "открывало дорогу мошеннической деятельности на выборах, проявляющейся чаще всего в подкупе голосов избирателей, предоставлении избирательных прав лицам, проживающим за пределами данного округа, с целью получения дополнительных голосов, в дебошах во время выборов, когда целые города спаивали и угощали на протяжении месяца, а иногда двух и более с тем, чтобы получить нужные голоса избирателей"⁷⁴.

Дефо подверг резкой критике также присущие избирательной системе Англии такие негативные явления, как коррупция и взяточничество. Одну из причин подкупа голосов Дефо усматривал в слишком больших расходах (от 2 до 11 тыс. ф. ст.), которые выпадали на долю каждого из кандидатов в парламент. Многие джентльмены разорялись, попадая в палату, констатировал просветитель, и потому, став депутатами, желали получить своеобразную компенсацию за это и брали взятки от любой партии или отдельных лиц. Подкуп и взяточничество, подчеркивал Дефо, осуждались многими парламентами; делались различные попытки, направленные на искоренение подобной практики, принимались многочисленные законы, резолюции, указы, но все оказывалось бесполезным: "коррупция велась настолько открыто и нагло, как будто бы и не существовало суровых законов против нее". Можно написать целые тома по поводу искоренения подобного "неприятного явления", сетовал Дефо, но мало что от этого изменится, поскольку закон, направленный против нее, "ограничен во времени и не является постоянно действующим". К тому же подкуп и взяточничество одинаково практикуются обеими палатами парламента и обеими партиями – тори и вигами, а законопроекты против коррупции обсуждаются чаще всего теми же членами парламента, которые сами замешаны в подобном преступлении⁷⁵.

Дефо обращал внимание также на моральный аспект негативных явлений избирательной системы, на то разлагающее влияние, которое оказывали своими действиями кандидаты, стремившиеся попасть в парламент, на народ. Выборам, как правило, сопутствовали драки, сквернословие, битье стекол в окнах, отмечал памфлетист. "Город во власти винных и пивных паров; бренди, эль и вино закрывают глаза и рты толпе, которой предстоит решать, кого им следует избирать. Бедный народ, которого споили, должен выбрать

законодателей в парламент, которые примут законы против пьянства", – с горечью констатировал Дефо⁷⁶.

Просветитель полагал, что депутаты, избранные ценой купли-продажи голосов избирателей, очень часто продают свои интересы, а заодно и свое отечество. "Разумно предположить, – писал памфлетист, – что те, кого купили, могут продать... торговлю, религию, мир, короля, корону и все то, что ценно и дорого для нации". До тех пор, пока избранные депутаты парламента будут руководствоваться требованиями и желаниями отдельных личностей и партий и голосовать, исходя из меркантильных соображений или по причине оказанного на них давления, совершенно невозможно достигнуть достойного представительства, заключал Дефо⁷⁷.

В произведениях Дефо встречается немало рассуждений, направленных в защиту гражданских и личностных свобод англичан. "Англичане – нация очень внимательная к тому, чтобы правитель не покушался на ее свободы", – подчеркивал он. Наиболее отчетливо его позиция по отношению к свободам прослеживается при рассмотрении вопроса о регулировании печати. В январе 1704 г. в парламенте обсуждался законопроект о введении цензуры. На страницах "Ревю" Дефо высказывал свои опасения по поводу того, что могут наступить времена, когда народ лишится свободы слова: "Я очень огорчаюсь, когда заходит разговор о цензуре. Я считаю это покушением на свободу"⁷⁸.

Вскоре Дефо опубликовал "Очерк о регулировании печати", в котором подробно говорил о тех осложнениях, которые могут возникнуть в случае установления цензуры. Введение даже частичного запрета на издание книг, по его мнению, нарушает процесс образования, препятствует получению знаний, увеличивает число контрабандных изданий. Авторы попадают в полную зависимость от цензора, который может запретить книгу лишь на том основании, что она лично ему не нравится. Введение цензуры создает также благоприятную почву для подкупа, обмана и всяческих злоупотреблений: цензор может дать согласие на издание книги только потому, что получил соответствующее вознаграждение от автора. Если же не дать мзду, то вы рискуете натолкнуться на отказ под тем предлогом, что ваша книга направлена, к примеру, против церковных обрядов и т.п. Но стоит вручить ему пару гиней, и вы тотчас получите официальное разрешение на публикацию того же самого произведения. Золото моментально превращает любую книгу в "лояльную" и "ортодоксальную", а "конструктивные" замечания цензора сразу испаряются⁷⁹.

Дефо обращал внимание также на то, что цензура может быть использована в политической борьбе различными партиями. "Там, где нация расколота на партии, – писал он, – каждая из сторон попытается подчинить печать себе... Какая бы партия ни получила власть

утверждать своих людей на должность цензора, она на деле приобретает исключительное право распоряжаться печатью, предоставляя своим сторонникам откровенно по всем вопросам высказываться, одновременно лишая свободы слова своих оппонентов"⁸⁰. Установление цензуры превращает прессу в "рабу партии", поскольку правящая партия получает возможность держать все общество в неведении по вопросам религии или политики, а литераторы, поддерживающие эту партию, начинают навязывать собственное мнение. Ну, а если кто-нибудь пожелает им возразить, цензор тотчас этому воспротивится.

Выступая против цензуры, Дефо в то же время рекомендовал издать ряд законов, регулирующих действия прессы. И здесь журналист проявил себя как ревностный защитник интересов буржуазии. Прежде всего Дефо стремился обезопасить имущие слои от "подстрекательских и мятежных элементов", которые под видом подачи петиции в парламент нередко вызывали "волнения и беспорядки". Для этой цели он предлагал ограничение законом числа подателей петиции, а также считал обязательным их принадлежность к имущим слоям. Помимо этого, по его мнению, необходимо издание указа о том, чтобы вопросы, затрагивающие государственное и религиозное устройство, не обсуждались в печати вовсе. В случае нарушения указа виновных ждало суровое наказание.

В своем очерке Дефо не забыл упомянуть и об обязанности авторов, а также издателей и книготорговцев указывать на каждой издаваемой книге свое имя. Нарушителей, по замыслу автора, ожидало суровое наказание: штраф, бичевание кнутом, позорный столб, пожизненное тюремное заключение и даже казнь через повешенье, отсечение головы топором палача и т.п. Столь жестким карам должны были подвергаться и те, кто печатал свои произведения под именем Дефо. Подобных случаев "пиратства в печати" при жизни писателя было немало, о чем он, приходя в неописуемую ярость, неоднократно сообщал на страницах своего журнала "Ревю".

Хотя Дефо и отмечал, что печать в условиях политической борьбы приобретает партийный характер, себя он, тем не менее, отнес к литераторам, которые пишут не ради вознаграждения или служения одной из партий, но исключительно "ради блага общества". Однако его попытки выдать себя за "внепартийного" памфлетиста оказались несостоятельными. Та позиция, которую Дефо занимал по различным вопросам политики правительства, свидетельствовала, что просветитель являлся убежденным вигом даже тогда, когда служил министрам-тори. Ярким тому примером может служить отношение Дефо к закону о Трехгодичном парламенте. Изданный еще в 1641 г. так называемый Трехгодичный закон, предусматривавший созыв парламента королем не реже, чем раз в три года, сделался предметом ожесточенной борьбы тори и вигов в период

Реставрации (1660–1688). После Славной революции его действие было продлено. Дефо поддерживал данный закон и считал, что для устранения всевозможных злоупотреблений парламент вообще должен собираться как можно чаще⁸¹.

Однако после воцарения на троне Георга I Ганновера в 1714 г. к власти пришли виги, которые, пытаясь не допустить в парламент своих политических оппонентов – тори, решили ввести законопроект, продлевающий срок действия избранного парламента с трех до семи лет. В поддержку данного билля тотчас выступил Дефо, издав памфлет "Рассмотрение изменений в Трехгодичном законе". В нем, в частности, говорилось, что данный закон около двадцати лет использовался в качестве средства, препятствующего плохому правительству на протяжении долгого времени сохранять палату общин в неизменном составе и побуждавшего его к более частым созывам представительного учреждения. Однако данный закон содержал в себе и "очевидные неудобства". Прежде всего его можно легко использовать для превращения государственного управления в состояние анархии и смятения, поскольку во время выборов нередко случаи волнений и беспорядков среди народных масс. Чтобы улеглись партийные страсти, утихли враждебные настроения, следует продлить срок между выборами. Таким путем будет устранена опасность превращения избирательных компаний в нечто, напоминающее гражданскую войну.

На взгляд Дефо, закон о Трехгодичном парламенте способствовал беспорядкам в стране, делал магистраты нерадивыми в исполнении указов на местах, отбирал немало времени у палаты общин, которая была вынуждена обсуждать вопросы о спорных выборах. Столь частые избирательные компании являлись, по мнению просветителя, слишком разорительными для джентльменов Англии. К тому же они имели фатальные последствия для религии и морали народа, поскольку нередко сопровождались пьянством и дебошами, а порой и кровопролитием. Наконец, Трехгодичный закон подвергал правительство столь частым переменам, которые во многом были абсолютно несовместимы с безопасностью и благополучием народа⁸². Единственное средство избавления от подобных "неудобств" Дефо усматривал в продлении срока работы избираемых депутатов парламента с трех до семи лет.

С позиций вига трактатор просветитель также вопрос о веротерпимости. На протяжении всей своей жизни Дефо оставался убежденным сторонником свободы совести, полагая, что "люди станут спокойными и доброжелательными" не раньше, чем будет достигнута веротерпимость. Предоставленная диссентерам в правление Вильгельма Оранского веротерпимость была в значительной степени ограничена при королеве Анне. Парламент принял ряд законов, которые запрещали диссентерам занимать ответственные

должности в управлении, требовали закрытия диссентерских академий; препятствовали конфирмации к англиканской церкви "по случаю", т.е. в целях получения выгодной должности. Дефо, сам являвшийся диссентером, воспитанный в семье диссентера и получивший образование в диссентерской академии, естественно, боролся за религиозную свободу, обвиняя англиканскую церковь в нарушении не только мира и спокойствия в стране, но и законов государства. «Некоторые джентльмены из англиканской церкви гораздо лучше преуспели в деле очернения диссентеров, нежели в оправдании самих себя, – писал он. – Вот уже на протяжении сорока лет как диссентеров наделяют такими прозвищами, как "мятежники", "угроза монархии", "ниспровергатели государственного строя", "сторонники анархии и смятения". В то же время сами англиканцы, проповедуя пассивное подчинение и призывая к лояльности к королю и его наследникам сегодня, поднимают оружие против своего законного правителя и спешат присягнуть на верность новому – завтра». Англиканцы повинны в убийстве стольких же королей, что и пресвитериане, и в действительности являются "еще большими мятежниками, нежели диссентеры".

Дефо выражал недоумение, на каком основании диссентеров называют "фанатиками и разрушителями церкви"? Ведь за последние шестьдесят лет они не оказали сопротивления ни одному законному правителю и никогда не выступали против монархии. В этой связи памфлетист требовал прекратить преследование сектантов. На страницах "Ревю" он называл такое отношение к диссентерам как ужасающее, ничем не объяснимое преступление, которое противоречит всем канонам христианской веры и статьям англиканской церкви. Он считал все выдвигаемые против сектантов обвинения ложными, надуманными, лишенными каких-либо оснований. "Позвольте мне заметить, – писал Дефо в одном из памфлетов, – что ни один из подкупленных членов парламента, замешанных в коррупции министров, либо казнокрадов, не являлся диссентером. Напротив, диссентеры давали свои деньги правительству и теряли их ради правительства, но они ничего и никогда не получали взамен от него"⁸³. Поскольку диссентеры наравне с англиканцами принимали участие в Славной революции, в возведении на престол Вильгельма Оранского и так же лояльно настроены к правлению династии Стюартов, как и англиканцы, помогают государству налогами и добровольными пожертвованиями, то должны, считал Дефо, в одинаковой мере находиться под защитой государства.

В правление королевы Анны парламент рассмотрел законопроект против "случайной" конфирмации сектантов, который не давал им права занимать должности на государственной службе даже в том случае, если они конфирмовались по обрядам англиканской церкви. Дефо осуждал подобный билль, считал его "несправедли-

вым и несовместимым с прирожденными правами граждан". В то же время он осуждал тех диссентеров, которые ради получения должности соглашались принять англиканское причастие и заявлял: "Конфирмовать по обрядам англиканской церкви ради должности – это совершенно возмутительное действие, равносильное покушению на основы религии и доброе имя христианина"⁸⁴.

Вместе с тем просветитель хорошо понимал, что диссентеры, лишившись гражданских и политических прав, были просто вынуждены соглашаться на конфирмацию "по случаю", чтобы получить хотя бы какое-то место и жалованье. Однако на протяжении многих лет высшее духовенство стремилось при помощи парламентских актов лишить каких-либо должностей сектантов. Дефо возмущался подобными "происками" священнослужителей англиканской церкви. Его удивляло, почему закон против "случайной" конфирмации касался по преимуществу проблемы заполнения вакансий на высших должностях, тогда как на тех местах, где необходимо затратить много сил и времени, но которые плохо оплачиваются, конфирмации от диссентеров почему-то не требуют. Подобное ущемление диссентеров в гражданских правах глубоко возмущало Дефо. "Вы не брезгуете брать наши деньги на ведение войн, содержание армии, пользоваться нашими кредитами и займами, – обращался он к депутатам парламента, – тогда почему не даете нам жить, работать и торговать в мире и согласии, без ежедневных попреков?"⁸⁵. Дефо выражал твердую уверенность в том, что диссентеры должны пользоваться религиозной свободой и не беспокоиться о сохранении своих собственности и веры.

Дефо не раз высказывался по поводу политических партий. К тори он относился отрицательно и не скрывал этого. На его взгляд, тори вряд ли следует считать добрыми христианами, ревностно относящимися к монарху и церкви, преданными интересам своего отечества, поскольку они являются признанными друзьями Франции и Претендента. В памфлете "Диалог между вигом и тори" Дефо излагал взгляды тори. Он подчеркивал, что они и их приверженцы противились вступлению на престол Вильгельма Оранского, создавали заговоры с целью ослабления его правления, когда тот стал королем, а также поднимали восстание, чтобы передать престол Якову III. Дефо выражал твердую уверенность в том, что тори отстаивали лишь собственные корыстные интересы и не заботились о благе страны. Они упрекали вигов в пристрастиях к республике и сотрудничестве с сектантами, вероотступниками от государственной церкви. Дефо напрочь отметал подобные обвинения, утверждая, что виги "очень мало привязаны к республике и искренне преданы монархии"⁸⁶. Далее он излагал политическую платформу вигов, которая оказывалась тождественной его собственным общественно-политическим взглядам.

Давая оценки партиям, Дефо сумел подметить изменение их позиций после Славной революции. Так, если в период Реставрации тори считались стойкими защитниками монархического правления в стране, а виги представляли собой оппозицию режиму, то после событий 1688–1689 гг. партии как бы поменялись местами. Теперь виги сделались опорой "своего", вигского короля Вильгельма Оранского, а тори оказались в изоляции. Но поскольку обе партии, как "новые" виги, так и "новые" тори по существу защищали одну и ту же форму правления – конституционную монархию, установившуюся в стране после Славной революции, то оппозиция "новых" тори уже не носила принципиального характера. Более того, во многом партии были схожи. Говоря об общих чертах во взглядах и политике партий⁸⁷, просветитель не упомянул такого объединяющего момента в их тактике, как использование народных низов в качестве своеобразного рычага давления в политической борьбе. На страницах "Ревю" Дефо указывал на их усилившуюся политическую активность в стране: "Наши пахари нынче толкуют о плохом управлении двора, а наша чернь распекает баллады и сочиняет пасквили против правительства, усматривая в налогах, войне и поведении министров злоупотребления". "Мы использовали толпу по разным поводам, – откровенно писал памфлетист, – направляя ее силы на устранение каких-либо злоупотреблений. Но когда работа была завершена, у черни даже в мыслях не оставалось ничего дурного"⁸⁸.

Следует отметить, что право манипулирования народными массами в своих интересах Дефо признавал исключительно за вигами. Но когда торийский проповедник доктор Сечверелл в соборе св. Павла 5 ноября 1709 г. выступил перед городскими властями с проповедью, в которой подвергнул резкой критике теорию "сопротивления", за что был привлечен вигами к суду, и тори организовали в его поддержку выступления народных масс, то Дефо тотчас же обрушился в "Ревю" с осуждением их действий. "Воодушевленная Сечвереллом и его друзьями-тори толпа, – писал журналист, – сопровождала доктора в суд, затем с величайшей помпой проводила его до дома. Затем, разделившись на несколько групп, как будто бы получив распоряжения от кого-то, они направились к молевым домам диссентеров и стали громить их. Семь домов было разгромлено, вся мебель перебита и сожжена". Пытаясь дискредитировать сторонников тори, Дефо обращал внимание на социальный состав их участников – толпы, которая "кишела ворами и убийцами, грабителями и подстрекателями, жаждущими жестокости, преследовавшими своей целью грабежи и разрушение"⁸⁹.

Нельзя признать, что стихия толпы вызывала опасения у Дефо как выразителя интересов имущих слоев. "Люди делаются непослушными, яростными, а порой просто неразумными, – писал он в памфлете "Диалог между тори и вигом". "Выступления черни про-

тив наших правителей становятся делом обычным, как и уличные выступления, – продолжал он свою мысль в работе "Кратчайший путь к миру и согласию". – В результате собственность перестает охраняться, и все постепенно приводит к всеобщей революции"⁹⁰. Поэтому Дефо призывал партии использовать народные массы в своей борьбе "с осторожностью" и вообще полагаться на них лишь до определенного предела, поскольку направление их стихийного движения непредсказуемо. "Так называемый народ, толпа, чернь, подобно большому плоту в реке, вытекающей из моря, набирает скорость и несется по течению, сметая все на своем пути, и ничто не может остановить его, но стоит силе течения ослабеть, либо измениться направлению течения реки, как он тотчас поворачивает обратно с той же силой, с какой прежде двигался в противоположную сторону. Так что нет никакой выгоды от этой толпы ни для одной, ни для другой партии", – заключал просветитель⁹¹. Опасения, что народные низы, используемые политическими партиями в качестве рычага давления, смогут повернуть свое оружие против власть имущих, заставляли Дефо требовать более суровых законов, направленных на подчинение народа властям. "Из всего этого для меня становится ясным, – писал он, – что степень подчинения народа правительству должна как следует контролироваться законами... Короче говоря, правительство обязано предохранить нас от толпы, черни"⁹².

Изучение общественно-политических воззрений известного английского литератора, журналиста, памфлетиста Даниеля Дефо позволяет заключить, что он являлся выразителем идеологии "новых" вигов. Его взгляды на происхождение государственной власти, теорию "общественного договора", "разделения властей", "сопротивления деспотической власти" и пр., были идентичны воззрениям его современников – известных вигов Джона Локка, Джона Сомерса, Ричарда Стиля и других. Вряд ли можно отнести Дефо к теоретикам вигов, поскольку он скорее повторял основополагающие мысли Локка, нежели создавал собственную теорию. Вернее было бы его причислить к тем, кто популяризировал идеи вигов, и в этом качестве Дефо не нашлось равных. Столь плодovitого вигского памфлетиста, как Дефо, не было в ту пору во всей Англии.

Освещение Дефо вопросов колониальной политики и завоевательных войн Англии, использования партиями прессы и печати в борьбе друг с другом, наличия в парламентской практике коррупции и взяточничества было связано со стремлением литератора "усовершенствовать" буржуазное общество, очистить его от всевозможного негатива. Будучи выразителем идеологии буржуазии, Дефо сумел вскрыть ряд отрицательных явлений в жизни общества, став одним из первых его критиков. В этой связи особую ценность представляют просветительские взгляды Дефо. Не случайно он подчеркивал, что его задачей является обличение и устранение в обществе всего,

"чего следует стыдиться"⁹³. К примеру, Дефо обращал внимание на такую проблему, как пауперизм. Огромная армия нищих вызывала серьезное беспокойство у многих прогрессивно мыслящих людей. По подсчетам британского историка Д. Адамса, в конце XVII в. свыше одного миллиона англичан, т.е. практически шестая часть населения страны, получала пособие по бедности⁹⁴. Естественно, что Дефо, подобно другим просветителям, не мог не высказать своей озабоченности состоянием экономического развития страны в целом. Он пытался выяснить, что же препятствует более интенсивному развитию торговли и промышленности, а также выдвигал предложения, направленные на усовершенствование работы торговых компаний и промышленных мануфактур. Дефо ратовал за укрепление позиций отечественных мануфактур ценой ограничения импорта. Со страниц "Ревю" он обращался к законодателям мод Англии, к королевскому двору, призывая его обитателей сделаться примером для подражания и носить одежду отечественных мануфактур, чтобы поддержать их развитие и укрепить торговлю страны⁹⁵. Дефо отмечал влияние отечественной промышленности на развитие экономики страны в целом, выделяя многие ее преимущества, в том числе предоставление работы согражданам. Отечественные мануфактуры, подчеркивал просветитель, дают занятие народу, "позволяя семьям бедняков себя содержать, а людям среднего достатка, покупая и продавая, становиться богаче и счастливее"⁹⁶.

Поскольку торговля играла важную роль в экономике страны, Дефо уделял большое внимание вопросу о ее развитии на протяжении всей своей жизни. "Благосостояние нации возрастает или уменьшается в зависимости от того, процветает или находится в упадке ее торговля", – писал он в трактате "План английской коммерции"⁹⁷. Для просветителя было совершенно очевидным, что торговля является "жизнью мирового благосостояния", что все состояния в мире нажиты путем торговли. В странах, где отсутствует торговля, жизнь убога. "Такие страны выглядят заброшенными, а их жители печальными и удрученными, бедными и безутешными, ленивыми и медлительными, у них нет желания трудиться, поскольку труд их невыгоден". Дефо приходил к заключению: "бедность порождает лень, а лень порождает бедность". Только "прилежание и усердие" создадут торговлю, которая, в свою очередь, "питает труженика"⁹⁸.

Интенсивное развитие торговли оказывает свое влияние на благосостояние всех слоев общества, считал просветитель. Даже бедняки в странах с хорошо развитой торговлей находятся в лучших условиях и имеют большую заработную плату, нежели бедняки тех стран, где торговле уделяется мало внимания. "Когда торговля расширяется, нищета отступает", – заявлял Дефо и далее раскрывал более детально суть подобного утверждения. Бедняки получают работу в промышленном производстве и в навигации, которые активи-

зирует торговля. Их заработная плата увеличивается, что ведет за собой рост потребления продовольствия, за этим следует рост цен на провизию, а это, в свою очередь, увеличивает земельную ренту. Повышение ренты способствует росту налогов и пошлин, в результате правитель страны делается богаче, а государство – могущественнее. Ведь тот, кто имеет деньги, может содержать лучшую армию, которая "сражается так, как ей за это платят". Поэтому, заключал Дефо, в интересах каждой нации необходимо поддерживать отечественную коммерцию, а также те мануфактуры, на которых используется труд граждан, что позволит увеличить рост потребления товаров и накопить деньги в стране. Разумеется, сама торговля нуждается в своеобразной "подпитке", т.е., прежде всего в промышленных товарах. Поэтому Дефо тесно связывал коммерцию с мануфактурным производством, утверждая, что "торговля пестует промышленность, а промышленность питает торговлю"⁹⁹. С развитием торговли тесно связано также судостроение и навигационное дело, поэтому этим отраслям также следовало, на взгляд памфлетиста, уделять больше внимания.

Анализируя состояние торговли в Англии, Дефо приходил к выводу, что она развивается удовлетворительно. На его взгляд, следовало лишь расширить заморские торговые операции на побережье Африки, для чего необходимо выделить войска и военные суда для охраны торговых судов от пиратов. Он высказывался также за расширение колониальных владений, утверждая, что новые колонии – это не только сырьевой рынок и объект мануфактурного производства и торговли, но и "приложение труда бедняков Англии". Дефо полагал, что в колониях нетрудно разбогатеть. Он призывал своих сограждан интенсивнее осваивать новые земли, считая, что с ростом колоний увеличится численность населения, а это, в свою очередь, приведет к более активному спросу промышленных товаров, мануфактуры будут способствовать процветанию торговли, торговля – навигации, навигация усилит флот, а "все вместе увеличит богатство, силу и благосостояние Англии"¹⁰⁰.

Рассуждая на страницах журнала "Ревю" о развитии торговли, Дефо высказывал мысль о том, что главным "объектом коммерции" является народ. И далее он разъяснял, кого понимает под "народом": это не те, кто праздно проживает всю свою жизнь, ничего или почти ничего не делая, не оставляя о себе никакой памяти для потомков, а непосредственные производители, которые своим трудом "создают богатство и мощь нации"¹⁰¹. Просветитель включал в понятие "народ" не только низшие, но и средние слои населения, принимавшие активное участие прежде всего в промышленном производстве и коммерции.

Кроме того, Дефо давал классификацию всего населения Англии, подразделив его на несколько групп. К первой он относил

"сильных мира сего", которые были "очень богатыми". Ко второй группе причислял "просто богатых", жизнь которых протекала "в изобилии". Третью группу составляли люди "среднего сорта", живущие "хорошо". Далее шли "труженики, усердно работавшие и не испытывающие нужду", а также сельское население, существующее "по-разному". Наконец, последняя группа – это бедняки и нищие, испытывавшие "сильную нужду"¹⁰². Из всех групп населения наиболее многочисленным, на взгляд просветителя, был средний класс, в руках которого сосредоточились "основные богатства страны". Если же дополнить к нему еще и сельское население, то можно было бы заключить, что основное население страны в ту пору имело сравнительно высокий уровень жизни.

Но так ли это было на самом деле? Обратившись к труду известного статистика и экономиста XVII в. Г. Кинга, утверждавшего, что пауперы с семьями составляли от 25 до 50% населения Англии¹⁰³, убеждаемся, что Дефо был не совсем прав. Он явно преувеличивал численность среднего класса и занижал количество "низших слоев".

Большой круг вопросов, посвященных коммерции, был затронут Дефо в памфлете "Совершенный английский торговец". В нем автор попытался раскрыть ряд терминов, которые употреблялись в коммерческой деятельности: «Сие наставление и предназначено для торговцев с тем, чтобы разъяснить, кого мы понимаем под торговцем, а также в чем он должен быть осведомлен, чтобы удостоиться прозвания "совершенный"»¹⁰⁴. Дефо обращал внимание на то, что слово "торговец" толкуется в разных местах по-разному. К примеру, в северных районах страны и в Ирландии торговцами называют мастеровых и ремесленников (кузнецов, плотников, сапожников и пр.), в иных районах тех, кто развозит товары по ярмаркам и городам и разносит их по домам. В южных же районах и в Лондоне – это владельцы складских амбаров и разного рода лавочники, торгующие в розницу и оптом. Те же мастера, которые не только производят, но и продают товары в своих лавках (сапожники, литейщики, кузнецы, столяры, плотники, резчики, токари и пр.), являются не торговцами, а ремесленниками и кустарями. В торговле заняты также лица, "стоящие ниже" (работники, слуги), и "ступенью выше", которых именуют "купцами". Дефо оговаривал, что в Англии купцами называют лишь тех, кто ведет коммерческую переписку, ввозит в страну разные изделия или вывозит их за границу, проще говоря, "под купцами разумеют всех, кто торгует за морем"¹⁰⁵. Между тем свое наставление памфлетист адресовал не им, а торговцам, т.е. людям, которые вели торговлю в своей стране, или, по Дефо, "отечественную или внутреннюю торговлю".

Памфлетист обращал внимание на то, что Англия в сравнении с другими странами производит товаров больше, чем где бы то ни бы-

ло, и их в полной мере хватает для насыщения как внутреннего, так и внешнего рынка. Кроме того, страна располагает значительным флотом, незаменимым для заморской торговли. Все это создает благоприятные условия для развития торговли в стране и за рубежом в самых широких масштабах. Необходимость расширения коммерческой деятельности диктовала правила ее ведения таким образом, чтобы она приносила выгоду как купцам, так и стране в целом. Просветитель считал, что тот купец, который соблюдает эти правила, достоин звания "совершенный". Что же это за правила? Прежде всего, считал Дефо, торговец должен знать не только свое дело, но и "всю внутреннюю торговлю Англии" с тем, чтобы в случае изменившейся ситуации быть готовым заняться любым другим видом коммерции, "не обучаясь всему заново". Каждому купцу помимо "всяческих разновидностей товаров" должны быть известны те края, где эти товары производятся, чтобы их можно было получить "из первых рук" с большей выгодой. Наконец, коммерсанту следует ознакомиться со всеми тонкостями и премудростями ведения деловой переписки, а также законами торговли Англии и ее графств. Ему необходимо разбираться в том, за какой товар следует уплатить деньги, а какой можно обменять на другие товары, что продать посредникам и деревенским перекупщикам, а что надлежит заказать непосредственно производителям. "Ступени воспитания совершенного торговца", как называл эти правила Дефо, обязывали купечество знать расположение рынков, ярмарок, "где ведется самый лучший торг". Очень важным для торговца, по его мнению, является умение вести счетные книги.

Излагая свои правила, Дефо не упускал даже мелочей. К примеру, он советовал торговцам деловые послания писать "просто, немногословно и по существу". Не забыл он упомянуть и об учениках купцов. Дефо считал, что их обучение следует начинать с практической деятельности (работы за прилавком), и только после знакомить со счетными книгами, доверять ответственные поручения и переписку с посредниками. Следование подобным правилам коммерции позволит торговцам в совершенстве овладеть своим ремеслом, заключал просветитель¹⁰⁶.

Проявляя откровенную заинтересованность в расширении торговли, Дефо полагал, что увеличение численности населения будет тому успешно способствовать. Именно поэтому он высказался в поддержку Закона о натурализации иностранцев, поселившихся в Англии. Дефо утверждал, что "увеличение рабочих рук в нации усиливает и обогащает страну". Он вносил предложения, как лучше использовать труд иммигрантов (в народе их окрестили "палатинцами"), чтобы они не представляли конкуренции для англичан. На взгляд Дефо, таких иностранцев следовало расселить на пустующих землях в небольших колониях, среди них должны быть равно-

мерно представлены ремесленники и земледельцы. Тогда "палатинцы" смогут приносить благо обществу, поскольку своим трудом они увеличат общественное богатство, не лишая при этом работы местных жителей, так как "работать они будут только на себя". Но со временем эти люди изучат английский язык, познакомятся с обычаями страны, в которую прибыли, смешаются с английским народом и станут, что называется, "прирожденными англичанами"¹⁰⁷.

В зарубежной и отечественной литературе еще нередко бытует мнение о том, что все просветители были утопистами. Однако предложения Дефо о реформах свидетельствует об обратном. Практически все его проекты были реализованы – одни при жизни их автора, но большинство много позже. Своими проектами Дефо предвосхитил появление многих требований профсоюзного и социалистического движения XIX–XX столетий. Он оказался настоящим реформатором английского общества. Кроме того, его мысли о необходимости предоставления женщинам равных прав с мужчинами на образование, а также осуждение их зависимого положения в обществе звучат актуально и в наши дни. В отличие от большинства просветителей, которые видели основное предназначение женщины в том, чтобы она оставалась добродетельной супругой и матерью, Дефо к вопросу семейной жизни и месте в ней женщины относился совершенно иначе. В одной из своих поэм – "Добрый совет леди" (1702) он критиковал мужчин за то, что они плохо обращаются со своими женами, допускают рукоприкладство, в то время как сами пьянствуют и проводят время в компании легкомысленных особ. Дефо не осуждал женщин за их слабости, но стыдил общество, в котором главенствовали мужчины.

В начале XVIII в. Дефо написал ряд статей по проблемам семейной жизни для журнала "Ревю". Кроме того, издал три книги: "Семейное руководство" (1715), "Религиозное ухаживание" (1722), "Супружеская похотливость" (1727), посвященные вопросам, связанным с браком. Дефо считал, что брачные узы должны основываться на любви и что чувство важнее денег. На его взгляд, препятствием для брачных союзов могут стать различия в конфессиональной принадлежности, большая разница в возрасте, а также несоответствие положения и темперамента партнеров. Дефо осуждал немолодых женщин, которые, овдовев, выходили замуж за юношей в надежде, что те станут им опорой в хозяйственной или торговой деятельности. По его мнению, женщина, которая уже не может принести потомства, вообще не должна выходить замуж, поскольку главная цель брака – рождение и воспитание детей. Пожилые мужчины, женившиеся на юных девушках, просветителем не осуждались.

Дефо категорически противился оказанию давления на девушек со стороны родителей, которые настаивали на их замужестве с теми

женехами, которых они сами для них выбрали. "Если ваша дочь желает выйти замуж за человека, который вам не нравится, – писал он в книге "Религиозное ухаживание", – я полагаю, что вы имеете законное право предостеречь ее от этого шага и не допустить или даже расстроить подобный брак. Но если ваша дочь не желает выходить замуж за того, кто симпатичен только вам, я не думаю, чтобы вы имели такое же право командовать и распоряжаться ее судьбой"¹⁰⁸.

Дефо расценивал брак как союз двух равных партнеров. На его взгляд, любовь не знает "высшего и низшего, господина и слугу". Цель обоих супругов заключается в сохранении семьи, хорошем управлении домом, воспитании и образовании детей. Он неоднократно повторял, что обязанности, ответственность и права супругов должны быть одинаковыми, настаивал на необходимости взаимного уважения и терпимости по отношению друг к другу. Осуждая тех мужей, которые бранили своих жен за мотовство, Дефо предлагал им лучше заботиться о материальном достатке семьи. Он даже высказывал недоумение, зачем женщины вообще выходят замуж, если только не ради рождения детей. Ведь им приходится подчас "подчиняться тирану и жестокому человеку, более того, рисковать своим материальным благополучием, если он – разорившийся купец, страдать от его непостоянства и пороков". Девушка, пораженный Дефо, вручает свою свободу мужчине, которого называет "господином", обещая хранить его честь и подчиняться. На его взгляд, это означало "отдать себя ни за что", распрощаться с мечтой о свободе и всеми прелестями юности¹⁰⁹.

В ряде своих работ, в том числе художественных произведениях "Молль Фландерс" и "Роксана" просветитель поднимал вопрос об экономическом положении женщины в семье и обществе. Он призывал женщин вести более активный образ жизни, участвовать во всех хозяйственных делах, а также профессиональной (к примеру, торговой) деятельности мужа. Жене следует овладеть необходимыми познаниями, чтобы вести хозяйство и управляться в лавке в отсутствие мужа. Женщина должна стремиться к экономической независимости, если желает справиться с негативными сторонами брака. Он был также убежден в том, что она может и должна избавиться как от экономической, так и сексуальной зависимости от мужчины. Дефо выступал и против контрацептивов и аборт, расценивая последние как детоубийство. По его мнению, мужчина, не желающий иметь детей, вообще не должен жениться. Он осуждал мужчин, которые расценивали брак лишь как средство достижения своего сексуального удовлетворения. Подобные высказывания Дефо в защиту женского пола послужили основанием для ряда ученых (Г. Ледук, Г. Смит) расценить их как феминистские¹¹⁰.

Не менее злободневными представляются и высказывания Дефо о необходимости сохранения мира на земле, данные им в

"Очерке о проектах": "Всеобщий мир может быть поддержан и сохранен во всем мире, если все державы договорятся подавить того, кто нападет на своих соседей"¹¹¹. Подробно взгляды Дефо на международную политику были изучены У. Розеном в книге "Даниель Дефо и дипломатия". Историк подчеркивал, что после Славной революции идея о том, что обеспечение свобод и благополучия Англии во многом зависит от сохранения мира и поддержания "равновесия сил" в Европе, которого можно добиться благодаря созданию Великого союза наций, что называется, "носились в воздухе"¹¹². К подобной идее Дефо подходил прагматически. Он признавал, что все нации заинтересованы в процветающей торговле, поскольку получают от нее большие прибыли. Торговля же может развиваться только в мирных условиях. Следовательно, приходил к заключению просветитель, в интересах развития торговых отношений необходимо поддерживать мир между народами. Война расценивалась им подобно "чуме, ниспосланной небесами на людей, неугодных Богу".

В то же время Дефо допускал, что одни и те же страны могут быть политическими и военными союзниками и одновременно конкурентами в коммерческой деятельности. Подобными взаимоотношениями, на его взгляд, отличались Англия и Голландия. "Голландия является нашим другом в войне, – писал он на страницах "Ревю", – но я никогда ни от кого не слышал, чтобы кто-то признавал, что голландцы считаются нашими друзьями в торговле. Мы будем сражаться вместе с ними рука об руку, бок о бок против Франции, папства и тирании, но одновременно будем бороться друг против друга в коммерческих предприятиях во всех частях света, где только сталкиваются наши интересы, несмотря на наш союз в других предприятиях"¹¹³. И все же, подмечал Розен, "сила" не входила в концепцию международной политики Дефо.

Чтобы противостоять "великодержавным поползновениям" Франции, Дефо считал необходимым объединение усилий союзных держав в политический союз. В 1709 г. он выступил с предложением о создании Лиги наций. Подобная организация, по его мнению, позволила бы сохранить мир между странами на долгое время, смогла бы выступать в спорных ситуациях, возникающих в Европе, в качестве арбитра. Кроме того, Дефо предлагал учредить апелляционный суд, в который могли бы обратиться угнетаемые страны, либо те, с которыми несправедливо обошлись их соседи. Этот суд призван защищать малые народы от нападений и террора со стороны их более могущественных соседей. "Подобная организация государств обладала бы властью, способной отвести войну от Европы и принести блаженный мир на континент"¹¹⁴. Розен подчеркивал, что представленная Дефо концепция Лиги наций, предполагавшая политическое равенство всех государств, вступала в противоречие с распрост-

раненным в то время в странах континента постулатом об иерархии в международных отношениях.

Поскольку в Европе в то время была широко распространена идея о создании "всемирной монархии", Дефо затронул и этот вопрос. Некоторые правители европейских стран претендовали на право возглавить подобное государство, в том числе известный "король-солнце" Людовик XIV. Отмечая, что короли в душе готовы бороться за достижение мирового господства, Дефо критиковал французского монарха за его чрезмерные амбиции. Он выступал как твердый сторонник поддержания статус-кво в международной политике, утверждая, что ни одно из существующих государств не должно быть уничтожено в угоду другому. Дефо расценивал принцип "равновесия сил" как основной механизм в международной политике. Он проводил аналогию с британской конституцией. Подобно тому, как в конституции элементом баланса является мир и спокойствие в стране, так и основой "равновесия сил" в Европе становится мир между государствами¹¹⁵. По мнению просветителя, взаимоотношения между несколькими государствами могли принимать форму локального или регионального равновесия сил. Но наиболее важным Дефо считал достижение стабильности всей европейской международной системы. В памфлете "Доводы против войны с Францией" Дефо писал: "Единственный способ сохранить мир в Европе заключается в том, чтобы объединить несколько держав и правителей по интересам... чтобы ни одна из партий или властей не могла подавлять другую и чтобы ни одна из стран не усиливалась настолько, чтобы могла представлять опасность для своих соседей"¹¹⁶.

Когда в Европе бушевал пожар войны за испанское наследство, Дефо выступал со своей идеей "равновесия сил". Безопасность каждой страны, утверждал он, требует сохранения прочного мира между всеми державами и правителями, даже между теми, кто конфликтует между собой. И если одна или несколько стран попытаются достигнуть верховенства над другими государствами, то другие должны попытаться помешать им, чтобы достигнуть определенного равновесия. Дефо был убежден, что данная идея отвечала интересам всего европейского континента.

Принцип "равновесия сил" в международной политике, разработанный Дефо, имел большое будущее. Как отмечал Розен, из политического лозунга через Утрехтский мир он перекочевал в международный лексикон дипломатии. Да и сегодня, как известно, этот принцип является одним из главных в современной международной политике. Актуальное значение сохраняет также утверждение Дефо о том, что различия в социально-экономическом и политическом устройстве государств не могут служить помехой в их гуманной цели – борьбе за сохранение мира в Европе. Антивоенные лозунги

Дефо, выдвинутые почти триста лет тому назад, сохранили свое значение и актуальность до наших дней.

Как сложилась судьба Дефо после прихода к власти династии Ганноверов? Король Георг I прибыл в Англию в октябре 1714 г. С собой из Германии 54-летний монарх привез двух любимых фавориток – герцогиню Кендал и графиню Лейстерскую. За посредничество перед королем эти дамы не чурались брать взятки у англичан любого ранга. Кроме того, с Георгом I прибыло несколько министров – немцев, отличавшихся непомерной жадностью и неумейной страстью к взяткам. Все они были совершенно чужды англичанам. Георг I правил с 1714 по 1727 г. Известный британский писатель XX в. Герберт Уэллс так говорил об Англии тех лет: "Тусклое облако скуки нависло над всеми духовными интересами страны с приходом этого правителя, практическим результатом его прихода была изоляция короля от остальной Англии, чего, собственно, и добивались крупные землевладельцы и купцы, способствовавшие воцарению Георга. Англия вступила в ту фазу своего развития, когда высшая власть сосредоточилась в палате лордов, поскольку искусством подкупа и подтасовки результатов выборов палату общин сумели лишить всякой силы и влияния. Самыми беззастенчивыми методами было сокращено число избирателей. Так называемые гнилые местечки, старые городки с очень малым населением или же вовсе без населения, посылали в парламент по несколько делегатов, между тем новые, быстро растущие центры оказались лишены парламентского представительства. А если принять во внимание еще и высокий имущественный ценз, то голос простого народа и в палате общин практически был не слышен"¹¹⁷.

Выборы в парламент в 1715 г. нанесли партии тори сокрушительный удар. На долгие годы она практически сошла с политической арены. С этого времени и вплоть до 1760 г. у власти бессменно находились виги. В апреле 1716 г. они сумели провести закон о семилетнем сроке полномочий депутатов парламента, а затем отменили ряд законов, принятых тори при королеве Анне, в том числе законы о "схизме" и о "случайной" конфирмации. Все это позволило укрепить в стране позиции неконформистской буржуазии и заменить большую часть высшего духовенства англиканской церкви их представителями. Виги попытались также укрепить свои экономические позиции путем снижения налогов, которыми облагалось купечество и промышленники, одновременно увеличив их на товары широкого потребления и на землю. При вигах еще больше усилилась коррупция в парламенте. Британский историк XX в. А. Мортон отмечал: "Открытое правление буржуазии неизбежно привело к установлению системы открыто практикуемых и свободно признаваемых подкупов". Голоса в парламенте обеспечивались не только за наличные деньги, но и путем титулов, льгот для семей или друзей членов пар-

ламента. "В интересах партии вигов широко применялся государственный патронаж"¹¹⁸.

Изменение политической ситуации в стране после прихода к власти Георга I отразилось в немалой степени и на судьбе нашего героя. Дефо еще какое-то время продолжал писать политические памфлеты, направленные по преимуществу в защиту Ганноверской династии. Однако ему все труднее становилось находить объекты для своей критики. Какое-то время с целью "оказания секретных услуг" новому министерству Дефо служил переводчиком и журналистом в журнале с якобитским уклоном у некоего господина Миста. Но вскоре он был разоблачен. Разгневанный Мист, узнав об истинной цели пребывания Дефо в журнале – тайно контролировать деятельность антиправительственного органа печати, – бросился на того с обнаженной шпагой, но был обезоружен и ранен своим противником. После случившегося Дефо окончательно отходит от политики и начинает вплотную заниматься беллетристикой. На этом поприще к нему пришел неслыханный успех. Дефо исполнилось 58 лет, когда весной 1719 г. вышел в свет его первый роман "Робинзон Крузо". Весь тираж был распродан мгновенно. Книга пользовалась громадной популярностью. Затем появились следующие занимательные произведения: "Моль Фландерс", "История полковника Джека", "Роксана" и другие. Воры, проститутки, пираты, куртизанки – все эти герои криминальных романов Дефо нарушали законы общества в силу жестоких обстоятельств, в которые их бросала жизнь. Показывая теневые стороны буржуазного общества Англии, что называется его "изнанку", Дефо пытался выяснить причины бедности и преступности, которые в нем утверждались день ото дня. Он сострадал своим героям, поскольку был глубоко убежден: в их несчастьях и "дурной" жизни повинно породившее их общество. Таким образом, и в своих художественных произведениях Дефо продолжал оставаться на позициях просветителя.

Последние годы жизни Дефо провел в Сток-Ньюингтоне вдвоем с женой. Шестеро его детей выросли и покинули родительский дом. Здоровье Дефо ухудшалось, но ничто не могло оторвать литератора от любимого занятия: Дефо-беллетрист продолжал писать одну за другой увлекательные книги, которым суждено было обессмертить его имя.

Ему было уже за семьдесят, когда, в очередной раз спасаясь от преследований кредиторов, грозивших конфискацией имущества, Дефо покинул родной дом и скрылся в Гринвиче. Вскоре он перебрался в Сити Лондона, на Канатную улицу. И здесь 24 апреля 1731 г. на семьдесят втором году жизни он тихо скончался. Лондонские газеты поместили об этом печальном событии лишь краткий некролог, свидетельствующий о том, как плохо понимали официальные власти великого писателя, журналиста и памфлетиста – Даниеля Дефо.

- ¹ *Curtis L.A.* The Elusive Daniel Defoe. L., 1984. P. 6.
- ² Каталог включает также произведения Дефо, которые неоднократно переиздавались в разных странах мира. См.: *The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975*. L., 1981. Vol. 79. P. 118–189.
- ³ *Bateson T.* The Relation of Defoe and Harley // *The English Historical Review*. L., 1900. Vol. 15. P. 238; *McCarty J.* The Reign of Queen Anne. L., 1902. Vol. 1. P. 82.
- ⁴ *Levett A.E.* Daniel Defoe // *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age*. N.Y., 1950. P. 166.
- ⁵ *Fitzgerald B.* Daniel Defoe. A Study in Conflict. L., 1954. P. 114–115.
- ⁶ *International Directory of Eighteenth-Century Studies* 2000. Oxford, 2000. P. 387.
- ⁷ *Каменский А.В.* Даниель Дефо автор "Робинзона Крузо", его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892; *Аникст А.А.* Даниель Дефо: Очерк жизни и творчества. М., 1957; *Урнов Д.М.* Дефо. М., 1978.
- ⁸ *Curtis L.A.* Op. cit. P. 7.
- ⁹ Цит. по: *Тревельян Дж.* История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001. С. 352–353.
- ¹⁰ *Foxcroft H.C.* The Life and Letters of Sir George Savile, Bart., First Marquis of Halifax. L., 1898. Vol. 2. P. 9–10.
- ¹¹ *The Novels and Miscellaneous Works of Daniel De Foe*. L., 1890. P. 471–472.
- ¹² *Wilson W.* Memories of the Life and Times of Daniel Defoe, Containing a Review of His Writings and His Opinions. L., 1830. Vol. 1. P. 173, 175.
- ¹³ *An Essay upon Projects by Daniel Defoe*. L., 1887. P. 40.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 119.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 121.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 133.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 78–79, 178.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 106.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 85–86.
- ²⁰ *Ibid.* P. 93.
- ²¹ *Ibid.* P. 151–152.
- ²² *Ibid.* P. 164.
- ²³ *Ibid.* P. 175.
- ²⁴ *Ibid.* P. 165.
- ²⁵ *Ibid.* P. 175.
- ²⁶ *Ibid.* P. 170–171.
- ²⁷ *Ibid.* P. 167–168.
- ²⁸ *Домтен П.* Жизнь и приключения Даниеля Дефо, автора "Робинзона Крузо". М.; Л., 1926. С. 48; *Урнов Д.М.* Указ. соч. С. 115.
- ²⁹ [*Defoe D.*] An Argument Showing That a Standing Army with Consent of Parliament Is Not Inconsistent with a True Government // *Selected Writings of Daniel Defoe*. Cambridge, 1975. P. 39, 50.
- ³⁰ [*Defoe D.*] Reasons Against a War with France // *A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman*. L., 1703. Vol. 1. P. 184–189, 190–194, 200. (Далее: *A True Collection...*)
- ³¹ *An Essay Upon Projects by Daniel Defoe*. P. 14, 16.
- ³² *A True Collection...* Vol. 1. P. 114.
- ³³ *Вьизинский Г.* Англия в XVIII столетии. СПб., 1860. С. 15.
- ³⁴ *Дефо Д.* Чистокровный англичанин // Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987. С. 39–40 (Далее: Англия в памфлете).
- ³⁵ *Richards J.* Party Propaganda under Queen Anne. Athens, 1979. P. 9.
- ³⁶ *Fitzgerald B.* Op. cit. P. 111.

- 37 [Defoe D.] Legion's Memorial // Selected Writings of Daniel Defoe. P. 83–85.
- 38 Подробнее о герцогине Мальборо и ее взаимоотношениях с королевой Анной см.: Иерусалимская Е.В. Фаворитизм в эпоху становления конституционной монархии в Англии. Герцогиня Мальборо и виги (1702–1710) // Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М., 2002. С. 173–190.
- 39 Шайтанов И. "Столетие безумно и мудро..." // Англия в памфлете. С. 7.
- 40 Defoe D. The Shortest Way with Dissenters or Proposals for the Establishment of the Church // Famous Pamphlets. L., 1890. P. 141–142.
- 41 Цит. по: Домтен П. Указ. соч. С. 57.
- 42 McCarthy J. Op. cit. Vol. 1. P. 89–90.
- 43 Домтен П. Указ. соч. С. 64.
- 44 Вызинский Г. Указ. соч. С. 66.
- 45 Цит. по: Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Изд. 4-е. М., 1985. С. 168.
- 46 Bateson T. The Relations of Defoe and Harley // The English Historical Review. L., 1900. Vol. XV. P. 240.
- 47 The Letters of Daniel Defoe. Oxford, 1955. P. 32.
- 48 Черняк Е.Б. Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975. С. 266.
- 49 [Defoe D.] The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709.
- 50 Proclamation Against Tumults and Rabbles // [Defoe D.] The History of the Union of Great Britain. Appendix. P. 6.
- 51 Цит. по: Домтен П. Указ. соч. С. 91.
- 52 Ross J. Swift and Defoe. A Study in Relationship. Berkley, 1941. P. IX.
- 53 Цит. по: Домтен П. Указ. соч. С. 91.
- 54 Defoe D. The Judgment of Whole Kingdoms and Nations, Concerning the Rights, Power and Prerogative of King and the Rights, Privileges and Properties of the People. L., 1710. P. 32, 31. (Далее: The Judgment...)
- 55 Defoe D. The Succession to the Crown of English Considered. L., 1701. P. 21–22.
- 56 Defoe D. A Seasonable Warning and Caution Against the Insinuation of Papist and Jacobites in Favor of the Pretender // The Novels and Miscellaneous Works of Daniel Defoe. L., 1890. P. 468, 475, 477. (Далее: The Novels...)
- 57 Defoe D. An Answer to a Question That Nobody Thinks of, Vis But That if the Queen Should Die? // The Novels... P. 534, 538.
- 58 Defoe D. Reasons Against the Succession of the House of Hannover, with an Inquiry // The Novels... P. 511.
- 59 Defoe D. And What if the Pretender Should Come or Some Considerations of the Advantages and Real Consequences of the Pretender's Possessing the Crown of Great Britain // The Novels... P. 534, 538, 545–546.
- 60 Defoe D. The Original Power of the Collective Body of the People of England, Examined and Asserted (Далее: The Original Power...) // A True Collections... Vol. 1. P. 146; Idem. Reflections upon the Late Great Revolution // A Collection of State Tracts. L., 1705. Vol. 1. P. 245, 251, 255.
- 61 Defoe D. The Judgment... P. 1, 6, 9; Idem. The Original Power... P. 138.
- 62 [Defoe D.] A Hymn to the Mob. L., 1715. P. II–III; Idem. The Original Power... P. 155, 157, 160.
- 63 Defoe D. A New Test of the Church of England's Loyalty // A True Collection. Vol. 1. P. 400.
- 64 Defoe D. A Dialogue Betwixt Whig and Tory Alias Williamite and Jacobite // A Collection of State Tracts. Published During the Reign of William III. L., 1705. Vol. 1. P. 381.

- ⁶⁵ Defoe D. The Original Power... P. 147, 152, 160; *Idem*. Reflections upon the Late Great Revolution. P. 254.
- ⁶⁶ Defoe D. A Speech Without Doors. L., 1710. P. 11–12; *Idem*. The Original Power... P. 139–141.
- ⁶⁷ Defoe D. A Speech Without Doors. P. 10–11; *Idem*. Reflections upon the Late Great Revolution. P. 254; *Idem*. The Judgment... P. 7, 29, 28, 30.
- ⁶⁸ Defoe D. The Original Power... P. 142, 147.
- ⁶⁹ Defoe D. The Judgment... P. 3, 46; *Idem*. A Speech Without Doors. P. 11–12.
- ⁷⁰ Defoe D. A Hymn to the Mob. L., 1715. P. I–IV.
- ⁷¹ *Ibid*. P. V.
- ⁷² Defoe D. Party Tyranny. L., 1705 // Salley A.S. Narratives of Early Carolina. N.Y., 1911. P. 224.
- ⁷³ [Defoe D.] The Six Distinguishing Characters of a Parliament Man. L., 1700 // A True Collection... Vol. 1. P. 280–281; *Idem*. The Free-holders Plea Against Stock-jobbing Elections of Parliament Men // A True Collection... Vol. 1. P. 179.
- ⁷⁴ Defoe D. The Free-holders Plea... P. 176–177.
- ⁷⁵ Defoe D. The Candidate: Being a Detection of Bribery and Corruption As It Is Just Now in Practice All Over Great Britain in Order to Make Members of Parliament. L., 1715. P. 4–9.
- ⁷⁶ *Ibid*. P. 13.
- ⁷⁷ Defoe D. The Free-holders Plea... P. 172, 174–175.
- ⁷⁸ Wilson W. Op. cit. Vol. II. P. 285.
- ⁷⁹ Defoe D. An Essay on the Regulation of the Press // Luttrell Reprints. № 7. Oxford, 1948. P. 3, 7, 9, 10.
- ⁸⁰ *Ibid*. P. 17.
- ⁸¹ Defoe D. The Judgment... P. 31.
- ⁸² *Ibid*. P. 10–12; *Idem*. An Epistle to Whig Member of Parliament, Concerning the Triennial Act. L., 1716. P. 1; *Idem*. The Alteration to the Triennial Act. L., 1716. P. 19.
- ⁸³ Defoe D. The Dissenter Misrepresented and Represented // A True Collection. L., 1705. Vol. II. P. 344–345, 349, 363; *Idem*. A New Test of the Church... P. 297.
- ⁸⁴ Defoe D. An Essay on the History of Parties and Persecution in Britain, Beginning With a Brief Account of the Test-Act. L., 1711. P. 4; Wilson W. Op. cit. P. 123.
- ⁸⁵ Defoe D. A Serious Inquiry into This Grand Question Whether a Law to Prevent the Occasional Conformity of Dissenters Would Not Be Inconsistent With the Act of Toleration, and A Breach of the Queen's Promise // A True Collection... Vol. I. P. 324; *Idem*. An Inquiry Into Occasional Conformity // A True Collection... Vol. I. P. 389.
- ⁸⁶ Defoe D. A Dialogue Betwixt Whig and Tory... P. 379, 382.
- ⁸⁷ Defoe D. A New Test of the Church of England's Loyalty. P. 405.
- ⁸⁸ Wilson W. Op. cit. Vol. II. P. 394; Vol. III. P. 103–104.
- ⁸⁹ Wilson W. Op. cit. Vol. III. P. 104.
- ⁹⁰ Defoe D. A Dialogue Betwixt Whig and Tory... P. 374; *Idem*. The Shortest Way to Peace and Union // A True Collection... Vol. 1. P. 451–452.
- ⁹¹ Defoe D. The Shortest Way to Peace and Union. P. 452.
- ⁹² Wilson W. Op. cit. Vol. III. P. 105; [Defoe D.] A Hymn to the Mob. L., 1715. P. 1.
- ⁹³ [Defoe D.] A Review of the State of the English Nation. L., 1711. Vol. 8. P. 1.
- ⁹⁴ Adams D.P. Tudors and Stuarts. 1485–1714. L., 1962. P. 243.
- ⁹⁵ Defoe D. A Review... Vol. 2. L., 1705. P. 49–50.
- ⁹⁶ *Ibid*. P. 38.
- ⁹⁷ Defoe D. A Plan of the English Commerce Being a Complete Prospect of the Trade. Oxford, 1927. P. 14.

- ⁹⁸ Ibid. P. 24.
- ⁹⁹ Ibid. P. 41, 26.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 276.
- ¹⁰¹ [Defoe D.] A Review... L., 1709. Vol. 6. P. 135.
- ¹⁰² Ibid. P. 142.
- ¹⁰³ King G. Two Tracts. Baltimore, 1936. P. 31.
- ¹⁰⁴ Дефо Д. Совершенный английский торговец // Англия в памфлете. С. 399.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 400.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 400–406.
- ¹⁰⁷ [Defoe D.] A Review... Vol. 6. P. 147, 154.
- ¹⁰⁸ Цит. по: Earle P. The World of Defoe. L., 1976. P. 246.
- ¹⁰⁹ Цит. по: Rogers K.M. Feminism in Eighteenth-Century England. L., 1982. P. 64–65.
- ¹¹⁰ Leduc G. Mary Astell et Daniel Defoe, Authers de Projects Feministes pour L'Education? // L'Education des Femmes en Europe et en Amerique du Nord de la Renaissance à 1848. Paris, 1997. P. 151; Smith H. Reason's Disciples Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982. P. 193.
- ¹¹¹ An Essay Upon Projects by Daniel Defoe. P. 83.
- ¹¹² Roosen W. Daniel Defoe and Diplomacy. Associated University Press, 1986. P. 19.
- ¹¹³ Ibid. P. 29.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 37.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 41.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 43.
- ¹¹⁷ Цит. по: Урнов Д.М. Указ. соч. С. 175–176.
- ¹¹⁸ Мортон А. История Англии. М., 1950. С. 254–255.

"ДЕЛО" ЖУРНАЛИСТА РИЧАРДА СТИЛЯ

Шел март 1714 г. Промозглый холодный ветер разогнал жителей Лондона по домам. Из кофеен и таверн хозяева выпроваживали последних загулявших посетителей. Близилась полночь, но в здании парламента еще горели свечи. В палате общин слушалось дело по обвинению одного из ее членов Ричарда Стиля в написании "скандальных и мятежных пасквилей, которые бросали тень на Ее Величество королеву Анну, а также знать и духовенство Англии". Эти "пасквилы", как утверждалось в парламенте, были направлены на то, чтобы "посеять раздоры среди добропорядочных подданных... и вызвать смуту среди них"¹. Пять часов продолжались дебаты, в результате которых палата приняла решение: эсквайра Ричарда Стиля за написание и публикацию "скандальных и подстрекательских пасквилей" исключить из парламента. То был беспрецедентный в истории британского парламента случай, когда одного из его членов исключили только за то, что он осмелился опубликовать свои суждения по поводу политики, проводившейся королевскими министрами.

Кто же был этот смельчак? Ричард Стиль (1672–1729) еще при жизни приобрел широкую известность как просветитель, драматург, памфлетист, как один из основателей английской журналистики. Философ Дж. Беркли высоко ценил "острый ум, природный здравый смысл, великодушие, талант организатора и особенную деликатность и легкость пера мистера Стиля"². Незаурядная личность, одаренный драматург, талантливый журналист Стиль проявил себя также как стойкий борец одной из политических партий – партии вигов. Вся его жизнь – это пример самоотверженного и бескомпромиссного служения своему делу. Став вигом, Стиль навсегда сохранил верность этой партии и избранным принципам и не согласился изменить их даже в обмен на выгодную должность и большое вознаграждение. Гражданское мужество, решительность, твердость убеждений, честность проявил скромный вигский журналист в неравной борьбе с королевскими министрами и правящей в стране партией торри. Таких смелых борцов за гражданские свободы было в те времена немного. Своей активной гражданской позицией Стиль заметно выделялся среди многих просветителей начала XVIII в. Этим он привлек наше внимание. К слову сказать, многие страницы истории, связанные с "делом" Стиля, представляются весьма актуальными и для наших современников.

В России произведения Стиля были известны еще в XVIII в. Просветитель Н.Н. Новиков, ознакомившись с его сатирико-нравоучительными журналами – "Тэтлер", "Спектейтор" и другими, сам

*Г. Кнеллер. Ричард Стиль.
Начало XVIII в.*

стал выпускать подобные издания ("Трутень", "Пустомеля", "Кошелек"). На русском языке отдельные статьи из журналов Стиля появились в XIX в. Первая научная работа о жизни и творчестве Стиля, а также его друга и соратника по журналистской деятельности Дж. Аддисона была издана в начале XX в. Эта книга В. Лазурского и поныне продолжает оставаться в отечественной науке единственным исследованием творчества Стиля³. В зарубежной литературе о Стиле имеются два солидных биографических труда Дж. Эйткина и К. Уинтона⁴. Ряд статей о Стиле помещен в сборнике "Аддисон и Стиль. Критическое наследие"⁵. Однако общественно-политические и просветительские взгляды журналиста Ричарда Стиля все еще недостаточно изучены зарубежными учеными, а в отечественной науке они вообще не являлись прежде предметом специального рассмотрения. Не случайно в справочнике Международного общества по изучению XVIII в. за 2000 г. среди специалистов, занимающихся

творчеством Стиля, приведены имена лишь двух ученых: профессора Иллинойского университета Г. Даммерса, а также автора данной книги⁶.

Ричард Стиль родился в марте 1672 г. в Ирландии, в Дублине, в том же приходе св. Бриджа, где пятью годами раньше появился на свет Джонатан Свифт. Отец Ричарда, небогатый юрист, занимал пост помощника шерифа, мать, судя по воспоминаниям, отличалась необыкновенной красотой, благородством и великодушием. Мальчик рано лишился родителей и был передан на попечение дяди Генри Гасконского. В двенадцать лет Ричард поступил в колледж Чартхаус, близ Смитфилда. В это заведение его определил герцог Ормондский, покровительствующий прежде отцу Стиля. Британский писатель У. Теккерей отмечал: "Учителя и наставники не особенно жаловали этого коренастого, широколицего, черноглазого, добросердечного ирландского мальчика. Он был очень ленив. Его по заслугам пороли множество раз. Хотя у него самого были прекрасные способности, он заставлял других мальчиков делать за себя уроки... Будучи очень добродушен, ленив и незлобив... он без конца должал торговке пирогами, просрочивал векселя и вступал в денежные или, скорее, кредитные отношения с соседними торговцами сладостями и булочками, рано проявил пристрастие и умение пить крепкое пиво и херес и брал займы у всех своих товарищей"⁷.

В колледже Стиль познакомился с Джозефом Аддисоном, который стал его верным другом, а позднее и соратником по журналистской деятельности. Аддисон всегда представлялся Стилю первым учеником. Нередко он делал за Ричарда уроки, писал за него сочинения. В свою очередь, Ричард был на побегушках у Джозефа, оказывая тому мелкие услуги, даже чистил его ботинки. Известный английский поэт и просветитель Александр Поп отмечал: "Стиль питал к Аддисону величайшее почтение и открыто высказывал это во всяком обществе весьма своеобразным образом. Аддисон время от времени над ним подшучивал, но всегда воспринимал это благосклонно"⁸.

Дружба молодых людей продолжилась в Оксфордском университете, где Стиль начал учиться с ноября 1689 г. Завершить образование в университете Стилю не пришлось. Он покинул его стены, не получив степени бакалавра, что, впрочем, было обычным для той поры явлением, и поступил в 1694 г. добровольцем в гвардейский полк своего покровителя герцога Ормондского. В те времена стать офицером можно было, купив должность, либо заимев высокого покровителя. Стиль не стал исключением. Когда 28 декабря 1694 г. от оспы скончалась супруга Вильгельма Оранского тридцатидвухлетняя королева Мария, многие поэты откликнулись на это печальное событие. Среди них был и Ричард Стиль. Он опубликовал "Поэму на смерть королевы", которая представляла собой своеобразный пане-

гирик королевским особам. Стиля заметили и вскоре произвели в офицеры. Довольно быстро продвигаясь по служебной лестнице, Ричард к двадцати восьми годам стал капитаном. Однако он уже не прекращал литературной деятельности.

Стиль сблизился с Конгривом, Свифтом и другими известными литераторами, а также сделался завсегдатаем кофейни Вилия, где они часто собирались. Благодаря своему прирожденному остроумию, Стиль пользовался в лондонском свете немалым успехом. Весной 1704 г. он опубликовал новую поэму "Христианский герой", в которой откровенно выражал свое восхищение королем Вильгельмом. А вскоре появилась первая пьеса Стиля – комедия "Похороны, или модная печаль", в которой также было нетрудно отыскать выражения верноподданнических чувств к монарху. Через два года были написаны новые пьесы: "Любовник-лжец или дамская дружба" и комедия "Нежный супруг".

К тридцати двум годам Стиль уже был хорошо известен в стране как драматург, писатель, а также зачинатель нового типа нравоучительно-сентиментальной комедии. Его имя в литературных кругах среди завсегдатаев лондонских кофейен и клубов произносили в одном ряду с именами Свифта и Дефо.

Весной 1705 г. Стиль женился на Маргарет Стретч, сестре вест-индского плантатора. Брак продлился всего два года: в 1707 г. Маргарет внезапно скончалась. Спустя несколько месяцев Стиль вновь женился. На этот раз его избранницей стала единственная наследница ирландского шерифа, представительница древнего знатного рода, признанная красавица Мэри Скерлок. Она доводилась приятельницей первой жене Стиля. Новый брак оказался удачным. До конца своих дней Ричард Стиль был глубоко привязан к супруге. В его семейном архиве сохранилось четыреста писем, адресованных "дорогой Пру", как он величал жену. Все письма начинались, как правило, со слов: "Моя дорогая!", "Моя дорогая женушка!", "Дорогая жена!", "Дорогая Пру!". В одном из первых после женитьбы писем он обращался к ней: "О любимейшее существо на свете!". В период своего ухаживания за мисс Скерлок Ричард писал ей: "Сударыня! Прошу прощения за плохую бумагу, но я пишу в кофейне, куда мне пришлось идти по делу. Вокруг меня грязная толпа, деловые лица, разговоры о деньгах; а все мои мечты, все мое богатство – в любви! Любовь вдохновляет мое сердце, смягчает мои чувства, возмечивает душу, влияет на каждый мой поступок. Моей милой очаровательнице я обязан тем, что многие благородные мысли постоянно приписываются моим словам и поступкам; таков естественный результат этого щедрого чувства, оно делает влюбленного чем-то похожим на предмет его любви. Так, моя дорогая, мне суждено с каждым днем становиться все лучше благодаря нежной подруге. Остаюсь неизменно Вашим покорнейшим слугой Ричардом Стилем".

Спустя два дня Ричард отправляет своей возлюбленной новое послание: "Я, наверное, мог бы написать для Вас целый том; но все слова на свете бессильны выразить, как преданно и с каким самоотверженным чувством я остаюсь всегда Вашим Ричардом Стилем". А вскоре он уже обращался с письмом к матери мисс Скерлок, в котором излагал виды на будущее, упоминал о размере своего годового дохода, составлявшего 1025 фунтов, а также добавлял: "Я мечтаю о радостях трудолюбивой и добродетельной жизни и постараюсь всячески Вам угодить"⁹. После свадьбы капитан Стиль снял дом на Жермен-стрит, а спустя год приобрел виллу в Хэмптоне. У супруги Стиля имелся экипаж парой, а иногда и четверней, для себя он держал лошадь, на которой любил выезжать на прогулки. Он всегда появлялся на людях в платье, отделанном кружевами, и большом черном парике с буклями.

Для своего времени Стиль был человеком состоятельным. Он получал неплохие доходы от владений на Барбадосе, доставшихся в наследство от первой жены. Кроме того, его успех как автора нравоучительных пьес привлек внимание королевы Анны, которая пожаловала ему в августе 1706 г. должность камер-юнкера при своем супруге принце датском Георге, а также пост главного редактора правительственной "Лондонской газеты". Солидное приданое принесла и вторая супруга. И тем не менее Стиль постоянно испытывал нужду в деньгах. В том не было ничего удивительного, поскольку леди Стиль не привыкла себе ни в чем отказывать. После замужества она поставила дом на широкую ногу, продолжая вести расточительный образ жизни, что немедленно сказалось на финансовом положении семьи. Как отмечал биограф Дж. Эйткин, именно расточительность супруги Стиля явилась причиной многих его затруднений. Лазурский также признавал, что расходы Стиля "на устройство комфорта для обожаемой женщины" были столь велики, что никакие литературные заработки, ни новые должности не могли избавить его от долгов, от которых Стиль страдал до конца жизни. Однажды он даже оказался в долговой тюрьме.

Стиль нередко обращался к кредиторам, о чем всякий раз спешил поставить в известность свою горячо любимую женушку. 3 января 1708 г. из таверны "Дьявол" Стиль сообщал супруге, что "частично справился с делами" и потому может отправить ей пару гиней. "Дорогая Пру! – писал спустя месяц Стиль из таверны "Грейз-Инн". – Если придет человек со счетом от сапожника, пускай ему скажут, что я сам к нему зайду, когда вернусь. Я остаюсь здесь, чтобы попросить Тонсона учесть мне вексель, и пообедаю с ним". Случалось, что Стиль вынужден был, спасаясь от кредиторов, не ночевать дома. Тогда он просил, чтобы жена прислала ему ночную рубашку и бритвенный прибор в его временный приют, где он скрывался от судебных исполнителей. В апреле 1710 г. он отправил сво-

ей "дорогой Пру" квитанцию на серебряные соусник и ложку, заложенные у кредитора, а также долговую расписку Льюиса на 23 фунта. При этом он не упустил случая, чтобы лишний раз напомнить о своей любви к супруге: "Я не знаю в жизни счастья, которое могло бы сравниться с тем наслаждением, какое ты доставляешь мне своим существованием"¹⁰.

Между тем супруга Стиля отличалась далеко не ангельским характером и, как свидетельствовал Свифт, "самым постыднейшим образом помыкала им"¹¹. Нередко она читала своему непутевому мужу нотации и бранила за то, что своей непрактичностью он разорял семью. И тем не менее Ричард продолжал с обожанием относиться к жене, подарившей ему двух дочерей и сына. В посвящении леди Стиль в одной из своих книг он написал: "Сколь часто твоя нежность успокаивала боль в моей голове и облегчала страдания в моем истерзанном сердце! Если существуют ангелы хранители, то и они бессильны сделать больше. Я уверен, что ни один из них не может сравниться с моей женой в доброте души или очаровании".

Весной 1709 г. в Лондоне появился первый номер еженедельника "Тэтлер" ("Болтун"). Его редактором и главным автором был Стиль. Утверждали, что большое влияние на этот журнал оказал "Ревю" Дефо¹². В "Тэтлере" нередко печатались и статьи друзей Стиля: Аддисона и Свифта. Материалы журнала касались социальной, общественной и культурной жизни Англии. В "Тэтлере" впервые Стиль стал выступать как просветитель. Свой журнал он основал для того, чтобы с его помощью "обнаруживать ложный образ жизни, срывать маску с коварства, тщеславия и лицемерия", а также "покровительствовать скромному, трудолюбивому; прославлять мудрого, храброго; поощрять доброго, благочестивого; нападать на бесстыдного, ленивого; высказывать презрение к тщеславному, трусливому; обезоруживать беззаконного, нечестного"¹³. На страницах журнала Стиль рассуждал о необходимости предоставления права на образование представительницам "прекрасного пола". Он утверждал, что женщин следует уважать за их ум, а не только восхищаться их внешностью. Стиль высказывался о средневековой поэзии, восторгался пьесами Шекспира и произведениями поэта-республиканца XVII в. Джона Мильтона. Отдельные номера "Тэтлера" были посвящены внешнеполитическим событиям: войне за испанское наследство, наступлению армии союзников, Полтавской битве 1709 г. и другим.

1709 год выдался особенно тяжелым для журналиста. Против Стиля было возбуждено несколько судебных дел по обвинению в неуплате долгов, в результате чего он оказался в долговой тюрьме. Лишь только полученное в январе 1710 г. место комиссара по гербовым сборам с годовым доходом в триста фунтов на время поправило финансовое положение. Однако осенью того же года победу на

парламентских выборах одержали тори, и Стиль, открыто поддерживавший вигов, потерял выгодное место редактора "Лондонской газеты". Обратим внимание на следующий факт: за месяц до этого события Джонатан Свифт высказал предположение, оказавшееся пророческим, о том, что "Стилю наверняка не быть больше редактором "Газеты", поскольку "он с головой ушел в партийные распри"¹⁴. Между тем об истинной причине удаления Стиля с поста редактора становится ясным из последующих записей дневника Свифта: Стиль «уже смещен с поста редактора "Газеты" и потерял на этом триста фунтов в год за то, что несколько месяцев тому назад напечатал "Тэтлера", направленного против мистера Харли»¹⁵. И действительно, в № 193 журнала Стиль нелестно отозвался о премьер-министре, заявив, что тот "относится к числу таких людей, которые не только не стыдятся порока, но даже щеголяют им"¹⁶.

В начале 1711 г. на смену "Тэтлеру" пришел новый журнал – "Спектейтор" ("Зритель"), в издании которого вместе со Стилем активное участие принимал Аддисон. В нем отражалась расстановка политических сил в стране, освещалось экономическое положение классов и социальных слоев Англии, давалась характеристика внутренней и внешней политики, проводимой торийским правительством. И в новом журнале Стиль продолжал, как и многие другие просветители, подвергать резкой критике различные негативные явления буржуазной действительности Англии. Материал излагался в оригинальной форме: в виде дискуссий между пятью членами вымышленного клуба – помещиком, купцом, офицером, чиновником, священником. С долей иронии изображал Стиль своих героев. К примеру, помещик искренне и горячо верил в принципы и традиции отживающего свой век феодального строя. Купец представал человеком неутомимой энергии и трудолюбия, отличавшимся проницательным умом и большим жизненным опытом. Офицер выглядел храбрым, но одновременно застенчивым человеком, который был вынужден оставить военную карьеру, поскольку в высших чинах армии "наглость почиталась выше, чем скромность". Священник обладал философским умом, был высокообразованным и являлся приверженцем "святой жизни". В поле критики журналиста попали представители армии. Зная о царивших в армии нравах не понаслышке, Стиль обвинял английских солдат, участвовавших в завоевательных войнах, которые вела в ту пору Англия, в отсутствии сострадания к населению покоренных территорий. Несчастья жителей, оставшихся без крова, опустошение и мародерство в городах и деревнях неприятеля оставляли солдат равнодушными. Их мысли, писал Стиль, были направлены лишь на удовлетворение собственных appetitov и интересов.

Сатирически изобразил Стиль в журнале борьбу между тори и вигами. Описывая столкновения в клубе помещика и купца, Стиль

выводил в лице помещика тори, отстаивавшего "земельные" интересы, а в образе купца – вига, представлявшего "денежные" интересы. При этом автор подчеркивал, что они настолько "умеренны в своих антагонизмах", что не заходят "далее обоюдных шуток". Стиль осуждал партийные распри, охватившие все общество. Соперничество партий особенно было заметным в провинции, где оно приобрело "дух жестокости и грубой беспощадности"¹⁷. Журналист высказывал опасения, что "неистовый партийный дух" может привести к гражданской войне и кровопролитию в стране. Партийные распри "не только разрушают добродетель и разум и толкают к варварским отношениям друг с другом, но и вселяют в англичан враждебность, растрavляют их души, передавая эти чувства и предубеждения их потомкам"¹⁸.

Следует отметить, что журнал пользовался большой популярностью в стране. Хотя ежедневно расходилось около трех тысяч экземпляров, читатели постоянно требовали увеличить тираж. "Спектейтор", по словам Свифта, "бывает весьма недурен". Теккерей отмечал, что Стиль писал "быстро и небрежно". И хотя он был не слишком начитан, зато прекрасно знал жизнь. "Он видел людей, бывал в тавернах, жил среди ученых, военных, придворных, аристократов, светских модников и модниц, писателей и острословов, обитателей долговых тюрем и завсегдатаев всех клубов и кофеен города. Его любили во всяком обществе, потому что сам он любил всякое общество... У него было пристрастие к красоте и доброте, где бы он их ни встречал. Он страстно любил Шекспира, больше чем любой из его современников, и в силу щедрости и широты своей натуры призывал всех вокруг любить то, что любил сам"¹⁹.

Большое влияние оказали журналы Стиля на женскую аудиторию. В начале XVIII в. он издал справочник "Дамская библиотека", в котором приводились названия рекомендуемых для женского чтения книг. Однако самыми популярными у женщин продолжали оставаться "Тэтлер" и "Спектейтор". Роль этих журналов в деле формирования общественной морали была столь велика, что профессор Калифорнийского университета М. Новак сравнил ее с влиянием Библии. Исследователи творчества Дж. Аддисона – Эдвард и Лилиан Блюмы также утверждали, что "Спектейтор" ценился наравне с Библией и трудами Дж. Локка²⁰. Чем же объяснялась такая популярность журналов Стиля и Аддисона? Почему женская аудитория более всего внимала их советам и наставлениям? Ответить на эти вопросы позволяют публикуемые в них материалы.

Журналист активно выступал в поддержку женского образования. "Всеобщая наша ошибка в воспитании детей, – писал Стиль в "Спектейторе", – заключается в том, что относительно дочерей мы заботимся об их наружности и пренебрегаем их умом, относительно же сыновей мы с таким упорством стараемся украсить их

ум, что совершенно пренебрегаем их телом"²¹. Стиль настоятельно рекомендовал мужчинам заботиться о развитии умственных способностей их дочерей и жен. "Плохо, если в семье жена лучше образована, нежели муж, но это лучше, чем если оба супруга необразованны", – писал журналист. Он считал, что образование для женщины даже важнее, чем для мужчины, поскольку у нее больше свободного времени и ее деятельность ограничена лишь домашними делами. Кроме того, мужа стыдятся своих необразованных жен, когда бывают с ними в обществе. Стиль настойчиво советовал заниматься образованием женщин, ведь "их умственные способности такие же, как и у мужчин, а значит их можно совершенствовать тем же путем"²².

К существующей в Англии системе образования журналист относился весьма критически. В № 157 "Спектейтора" Стиль указывал на недостатки школьного обучения. Одной из причин подобного положения он считал слабую профессиональную подготовку учителей. "Должен сознаться, – писал журналист, – что очень часто с великой скорбью оплакивал несчастье английских детей, взирая на невежество и непросорливость большинства наших учителей. Хваленая свобода, о которой мы толкуем, есть лишь жалкая награда за долгое рабство, за многие сердечные муки и ужасы, которым подвержено наше детство во время прохождения классической школы. Многие из этих глупых тиранов отдаются жестокости, не обращая никакого внимания на способности детей или на планы родителей относительно их"²³. Особенно возмущался Стиль сохранившейся в мужских школах практикой телесных наказаний.

Не лучшим образом, на взгляд Стиля, поступали и некоторые родители, уделявшие при воспитании дочерей больше внимания их наружности, нежели умственным способностям. "Взяв девочку от няньки, передавали ее в руки учителя танцев. Милое, но еще дикое существо обучали, как держать голову, выпячивать грудь, двигаться всем телом, и все это под страхом, что у ней никогда не будет мужа, если она будет ступать, смотреть или двигаться неуклюже". Стиль отнюдь не выступал против обучения девочек танцам. В одном из номеров "Спектейтора" он поместил письмо отца, рассказавшего о чудесном перерождении своей дочери. Девочка имела мальчишеские замашки, от которых избавилась только благодаря тому, что в пансионе обучилась многим танцам. Не оставил без внимания Стиль и учителя танцев, изобразив с долей юмора его портрет на страницах "Тэтлера". Бикерстафф (вымышленный герой, от лица которого велось повествование. – *Т.Л.*) рассказывал, как у них в доме поселился "довольно молодой человек приятной наружности, которого он с квартирной хозяйкой приняли было за сумасшедшего. В своей комнате, глядя внимательно в какую-то книгу, новый жилец прыгал почти до потолка то на одной, то на другой ноге, делая ногами

трель; низко приседал и поворачивался на цыпочках, летал вокруг комнаты. Оказалось, что это профессиональный учитель танцев"²⁴.

Надо признать, что в своих журналах Стиль высмеивал далеко не вымышленные пороки отдельных представительниц прекрасного пола. Дело в том, что на рубеже веков в раннебуржуазной Англии сложился новый тип женщины. Это были жены и дочери преуспевающих дельцов из средних классов. Их число постепенно увеличивалось как в Лондоне, так и по стране в целом. Как правило, такие женщины ничего не делали даже по дому, а отцы и мужья не принуждали их к какой-либо работе. И естественно, что спутниками пустого времяпрепровождения становились адюльтер, алкоголь, злословие. Бесконечные визиты друг к другу, ставшие модными чаепития, во время которых обсуждались сплетни, маскарады и ассамблеи, позднее пробуждение ото сна и беготня по лавкам и магазинам, карточная игра – все это было присуще "новым" англичанкам. Ричард Стиль обращал внимание на изменения, происшедшие в образе жизни англичанок. В прежние времена они занимались по большей части рукоделием, слушали, как читают другие, или читали в будуаре сами. Современные леди предпочитали наносить визиты друг другу, объединялись в кружки и группы, где "обсуждали до мелочей все, что им не нравится, или тех, чей дом они только что покинули". Разумеется, подобные занятия не требовали усилий ума или усердия, констатировал журналист²⁵.

Стиль и Аддисон подвергали беспощадной критике все пороки, присущие "новым" англичанкам. Их журналы напоминали собой своеобразное зеркало, в котором английская леди являлась на всеобщее обозрение во всем своем "великолепии". Однако журналисты не ограничивались одной лишь критикой. Они стремились в определенной мере через свои статьи руководить воспитанием и образованием юных леди. Поэтому и журналы свои считали "полезнее всего для прекрасного пола". Журналисты составили список книг, необходимых, на их взгляд, для женского чтения; давали различные советы относительно манер поведения юных дам в обществе, их нарядов, занятий и т.д.; делились своими размышлениями о любви, семейном счастье, супружеской верности.

Рассуждая о браке, Стиль утверждал, что все сложности и трудности жизни супруги должны делить сообща. Он восхищался древнеримским консулом великим оратором Цицероном, который являлся прекрасным отцом и мужем, "открывавшим свои мысли и сердце супруге". На взгляд Стиля, хорошее основание для брака – это достойные качества супругов и прежде всего их рассудительность и благоразумие. "Тот, кто ожидает счастья от чего угодно, но только не от добродетели, мудрости, доброжелательности, сходства характеров, глубоко заблуждается", – утверждал журналист. Супруги никогда не должны давать выхода гневу в своих взаимоот-

ношениях. Важную роль в создании благоприятного климата в семейной жизни играет женщина. Ласковое обращение только добавит ей шарма, считал Стиль. В № 144 "Спектейтора" он рассказывал о том, какой ему виделась идеальная женщина. "Она должна быть кроткого нрава, нежная и заботливая, во многом отличающаяся от мужа, но подчиняющаяся ему в такой мере, чтобы это подчинение сделало ее еще более любимой"²⁶.

Ричард Стиль превозносил женственность прекрасного пола. Он даже считал, что слабость, слезы и природный шарм женщины являются единственным ее оружием. И если жена не в состоянии справиться с дурным характером супруга, виной тому недостаток ее женственности. Журналист полагал, что женщинам не следует жаловаться на свою семейную жизнь кому-либо.

В журнале "Тэтлер" Стиль останавливался на вопросе о брачном контракте. Хотя условия подобных договоров нередко обеспечивали женщине экономическую независимость, он осуждал любые формы контракта между супругами. На его взгляд, их заключение превращает "красоту и добродетель в предмет купли-продажи", а это, в свою очередь, может привести к тому, что родители станут искать для своих чад партию, преследуя исключительно корыстные цели²⁷.

Подобное отношение Стиля к женщинам, его внимание к их настоящим потребностям и интересам было отнюдь нетипичным для джентльменов раннебуржуазной Англии. На взгляд Теккерей, Стиль, пожалуй, был одним из немногих английских литераторов, кто по-настоящему любил и уважал женщин. Он "первым начал отдавать достойную мужчины дань их доброте и отзывчивости. Стиль восхищается добродетелью женщины, признает за ней ум и восторгается ее чистотой и красотой с пылкостью и верностью, которые должны снискать благосклонность всех женщин к этому искреннему и почтительному их поклоннику... Именно эта пылкость, это уважение, эта мужественность делают его комедии такими милыми, а их героев – такими благородными". В № 205 "Тэтлера" Стиль признавал: "Любовь к женщине неотделима от уважения к ней"²⁸.

Весной 1713 г. на смену "Спектейтору" пришел новый еженедельник Стиля и Аддисона – "Гардиан" ("Опекун"). Хотя формально политический раздел в журнале отсутствовал, однако издатели не могли остаться безучастными к событиям партийной борьбы, поскольку сами являлись представителями партии вигов. В первом номере журнала Стиль писал: "Партии слишком сильны, чтобы было возможно оставить их без внимания", и поэтому он сам не может "остаться на нейтральной позиции"²⁹. Постепенно журнал стал превращаться в оппозиционный рупор партии вигов.

11 апреля 1713 г. партия тори подписала Утрехтский договор с Францией, положивший конец длительной, кровопролитной и доро-

гостоящей войне за испанское наследство. Эта война (1702–1713) была вызвана борьбой ряда государств против гегемонии в Европе Франции. После смерти бездетного короля Испании Карла II испанский трон должен был перейти либо к австрийским Габсбургам, либо к французской династии Бурбонов, представители которой находились в близком родстве с испанским монархом. Опасаясь, что в случае чрезмерного усиления влияния французского короля существующее "равновесие сил" в Европе будет нарушено, Англия осенью 1701 г. в Гааге заключила Великий союз с Габсбургской империей и Голландией. В мае 1702 г. эти страны объявили войну Франции и Испании. Во главе союзнических войск и английской армии стал герцог Мальборо, стяжавший широкую славу не только в своей стране, но и далеко за ее пределами благодаря блестящим победам, одержанным на военном поприще. Объединенным войскам союзников удалось одержать ряд крупных побед над противником. По мирному договору Англия получила Гибралтар, укрепленный пункт на острове Минорка, а также земли вокруг Гудзонова залива, острова Нью-Фаундленд и Акадию. Кроме того, условия договора закрепляли за Англией монопольное право доставки негров-рабов в испанские колонии в Америке, что вскоре сделалось источником баснословных барышей для английской буржуазии.

Более подробно Стиль останавливался на одной из статей Утрехтского договора, в соответствии с которой от Англии требовалось срытие крепости и уничтожение гавани в Дюнкерке, однако тори противились этому. Стиль выступил в "Гардиане" со статьей, в которой утверждал, что британская нация ждет немедленной ликвидации крепости, поскольку понесла большие убытки в своей торговле именно из-за этого порта. Он указывал, что Дюнкерк может быть использован Францией для нападения на Англию, разрушение же фортификационных укреплений крепости отдалит страну от Франции на значительное расстояние. Стиль призывал всех, кто "ценит свои собственность и свободы", добиваться уничтожения крепости в Дюнкерке, что было необходимо, на его взгляд, для достижения безопасности и чести Англии. В споре о Дюнкерке Стиль защищал прежде всего интересы купечества, тесно связанного с партией вигов. Однако подобное выступление Стиля возмутило тори.

Политические размежевания в обществе становились день ото дня все ошутимее. Партийные разногласия превращали друзей во врагов. Примером тому явились взаимоотношения Стиля со Свифтом. Когда Свифт перешел на сторону партии тори, его дружбе со Стилем пришел конец. Со страниц "Гардиана" Стиль принялся критиковать статьи Свифта в журнале "Экзаминер". В ответ Свифт с негодованием заявил, что "порывает дружбу со своим старым знакомым и собутыльником Стилем"³⁰. В одном из памфлетов с критикой в адрес вигов Свифт язвительно упрекал Стиля в том, что у того

"нет изобретательности и он не владеет изрядным слогом, находясь всецело в руках дураков и бездельников". «На каком основании Стиль дает советы министрам и самой королеве? – возмущался Свифт. – Потому что он издавал "Болтуна", "Зрителя" и писал в "Опекуне"? Или потому, что он был солдатом, алхимиком, редактором официальной газеты, комиссионером штемпельного сбора с газет и камер-юнкером? Нет. По его мнению, всякий человек имеет право излагать перед королевой и министрами свои взгляды относительно их ошибок и указывать опасности, которые он, конечно, видит, а министры нет. Он, имевший близкое общение с низшим классом людей, думает, что "знает свет" не хуже первого министра, и на этом основании хочет непременно руководить Ее Величеством в важнейших государственных делах. Но что касается важности Дюнкерка, когда он будет разрушен и будет ли разрушен или нет, до этого никому нет дела»³¹. Менее известные и заурядные писаки, поддерживавшие партию тори, обвиняли Стиля во взяточничестве, расточительном образе жизни, в том, что он будто бы оставляет на содержание государства своих незаконнорожденных детей, что у него нет "ни благородства, ни чести, ни политических убеждений"³².

В чем другом, но в отсутствии убеждений обвинять Стиля было по меньшей мере несправедливо. Его политические взгляды, на рассмотрении которых мы остановимся ниже, подтверждали, что Стиль всегда стоял на позициях вигов. Как и большинство членов этой партии, Стиль утверждал, что королева "восседает на троне, как и ее предшественники, и пользуется привилегиями и почестями на основе договора", заключенного между ней и народом. Этот договор считается одинаково священным как для правителя, так и для "самого низкороджденного его подданного"³³. Правда, Стиль расходился со многими вигами в вопросе о том, кто является основателем государственной власти. Если виги Дж. Локк и Д. Дефо считали, что первый правитель получил власть от народа, то Стиль утверждал, что "основателем и создателем всех правлений" являлся Бог³⁴.

В отношении предпочтительной формы правления Стиль был единомышлен с другими вигами. Для него лучшей, "несравненной" являлась ограниченная монархия. "Очень хорошо известно, – писал он, – что монархия, когда ее подкупают, вырождается в тиранию, аристократия в олигархию, а демократия склонна к волнениям и беспорядкам. И потому, чтобы устранить опасность, которая может возникнуть от каждой из них в отдельности, изобрели смешанную форму правления, которая означает правление короля, лордов и общин". Стиль сравнивал британскую конституцию с "прекрасной фигурой в архитектуре" – пирамидой, основание которой – это народ, середина – знать, а вершина – монарх. Стоит отнять у пирамиды основание, "как она потеряет свою красоту и силу, если же поставить ее на вершину, она рухнет под тяжестью собственного веса, но если

ее поставить на основание, то не будет ничего более красивого, и чем шире ее основание, тем прочнее она будет стоять"³⁵.

Правитель при конституционной монархии должен быть, по мнению Стиля, прежде всего "хорошим человеком, во все вникающим и связанным священной клятвой в том, что врученная ему власть будет направлена на служение обществу". Король обязан управлять народом в соответствии со статутами, одобренными парламентом, и не вправе самолично издавать законы. Он должен поддерживать протестантскую религию как установленную законом и вообще быть "другом", "покровителем" так же, как и сувереном для всех людей. Взгляды Стиля на моральные качества правителя носили просветительский характер. Стиль был уверен, что большое значение для правителя имеет мнение подданных о его личных качествах: скромности, мудрости, справедливости, доблести, доброте, искренности, патриотизме и т.д. Он считал, что как только отношение подданных к правителю изменится в худшую сторону, его власти придет конец³⁶.

Власть монарха над народом Стиль сравнивал с властью отца над семьей, заявляя, что "семья является своего рода маленьким королевством, а королевство большой семьей". Он был уверен, что король как "отец нации" должен относиться к подданным с той же заботой и вниманием, как отец семейства к своим домочадцам. Подобные взгляды Стиля напоминали отдельные положения известной "патриархальной" теории Роберта Фильмера, которой пользовалась в эпоху Реставрации партия тори.

Сторонник ограниченной монархии Стиль считал, что когда правитель "перестает быть отцом для своего народа, предпочитая деспотическое правление, и совершает действия, противоречащие интересам народа", это вызывает ненависть народа к правителю и стремление при первой же возможности от него избавиться. Стиль подчеркивал, что тирания лишает монарха любви и уважения народа, усиливая недоверие к нему и может вызвать "самые плачевные последствия". Подчинение народа власти в этом случае достигается только с помощью террора, казней, тюремных заключений. Единичная власть является "чистой тиранией", поддерживаемой приближенными и фаворитами тирана. "Жить при таком правлении – значит испытывать неизмеримые страдания", – заключал Стиль³⁷.

Как и большинство вигов, Стиль выступал за необходимость сопротивления деспотической власти. Он одобрял принятый королем Вильгельмом Оранским Билль о правах, считая, что в нем признавалось "справедливым возмущение народа тиранией" и утверждалась "законность" сопротивления деспотической власти. Стиль был убежден, что не может быть никакой свободы там, где нет права на ее защиту, и призывал сограждан объединить усилия для уничтожения власти тиранов³⁸.

По мнению Стиля, для обеспечения безопасности англичан, сохранения их собственности и свобод необходимо укреплять "достоинство и власть парламента". Сторонник усиления власти парламента, в особенности его нижней палаты, он в то же время призывал к соблюдению принципа "равновесия сил" (короля и парламента) в управлении государством: каждая из сторон имеет свою сферу деятельности, и если они объединяют свои усилия, то управление страной осуществляется "с легкостью" и конституция сохраняется. Но стоит одной из сторон вмешаться в дела другой, как заведенный порядок тотчас нарушается, а конституция "впадает в конвульсии"³⁹.

Чтобы парламент должным образом исполнял свои функции, следует с большим вниманием относиться к кандидатурам депутатов, избираемых в палату общин. Стиль возмущало, когда порой совершенно "невежественные во многих вопросах люди" претендовали на право издавать законы не только для своего графства, но и для всей страны. "Когда претенденты предлагают свои кандидатуры для служения стране, разумно поинтересоваться, каким образом они это намерены делать и смогут ли они с должным вниманием отнестись к свободам и благополучию нации"⁴⁰.

Большое зло, представляющее угрозу для существования парламента, да и конституции Стиль усматривал в практике подкупа и взяточничества, распространенных в ту пору в английском парламенте. Выступая как-то в палате общин, журналист с гневом обрушился на тех, кто был замешан в коррупции: "Многие из вас попали в эту палату для того, чтобы поправить свое финансовое положение. Но продажа голосов вопреки интересам своего графства, а нередко и вопреки разуму и совести, является наихудшим видом проституции". Стиль считал, что "умелый разрушитель страны" сможет добиться своей цели, открыто не нападая на нее, но лишь "поощряя дебоши и подкуп отдельных ее представителей с тем, чтобы прибрать все в свои руки"⁴¹.

Большую ответственность в делах государственного управления Стиль возлагал на министров. По его убеждению, монарх не может "дурно поступать", и не он, а министры ответственны за все злоупотребления власти. Обращаясь к событиям гражданской войны в Англии, журналист подчеркивал, что если бы король Карл I всю вину за недочеты в своем правлении переложил на плечи министров и судей, посовествовавших ему собирать "корабельные деньги" без согласия парламента, то, возможно, убийства "несчастливого правителя" и не произошло. Стиль усматривал причину всех бед в королевстве, во время которых "текли потоки крови народа", именно в "плохих" министрах. Окружая правителя, они "ставили свои амбиции превыше законов и всевозможными уловками связывали руки слабых, молчаливых подданных, а не величественного монарха". В результате, «бесчестно добившись усиления своей власти больше, чем допускал за-

кон, — писал на страницах журнала "Инглишмен" Стиль, — министры ставили правителя и народ в затруднительное положение, вызывая ревностные чувства и недоверие друг к другу»⁴². Естественно, что подобные заявления вигского журналиста не могли прийтись по вкусу министрам из правящей партии тори.

Стиль нередко высказывался в защиту гражданских свобод, под которыми понимал "счастье людей жить под действием законов, созданных с их личного согласия или с согласия их представителей в парламенте"⁴³. Он тесно увязывал понятие "свободы" с собственностью, что было характерным для большинства буржуазных идеологов XVII—XVIII вв.: "Свобода и собственность — это составляющие счастья, за которые честный и благородный человек должен сражаться, пока жив, и с радостью умереть, защищая их"⁴⁴.

Высоко ценил Стиль также свободу слова, особенно для депутатов парламента: "Свобода слова является существенной частью великой привилегии каждого члена палаты общин"⁴⁵. Между тем убедиться в том, что такая привилегия может оказаться на деле фикцией, Стилю довелось вскоре на собственном опыте.

Журналист горячо поддерживал свободу совести, считая "незаконным" лишение людей возможности выбора религии. Как и все виги, он защищал протестантских диссентеров, и когда тори приняли в 1714 г. закон о схизме (расколе), запрещавший обучение детей диссентеров без принятия ими причастия по канонам англиканской церкви и требовавший закрытия учебных заведений сектантов, Стиль открыто выступил с его осуждением. Он утверждал, что подобный закон "в довольно искусной манере" лишает диссентеров веротерпимости, которую им в свое время предоставил король Вильгельм Оранский, и направлен на то, чтобы лишить диссентеров их "прирожденных прав", как религиозных, так и гражданских. Просветитель усматривал в этом "проявление насилия"⁴⁶. Закон о схизме он называл "жестоким", поскольку, согласно ему, диссентеры попадали под власть должностных лиц, самовольно решавших судьбу их собственности и образования детей. Стиль полагал, что с той поры, как диссентеры получили веротерпимость, они стали вести такой же образ жизни, как "лучшие и наиболее благонадежные граждане" Англии, и потому принуждать к конформизму по отношению к англиканской церкви — значило "нарушать их природные права", что вообще противоречило всякому здравому смыслу⁴⁷. Поэтому Стиль ставил под сомнение необходимость подчинения подобному закону. Столь откровенная демонстрация взглядов, в корне противоречащих религиозной политике правящей партии тори, да и самой королевы, стойкой приверженницы англиканской церкви, не прошла для него даром. Сторонники "высокой" церкви были готовы расправиться с неугодным журналистом и только дожидались удобного случая.

Следует отметить, что, защищая свободу совести, Стиль в то же время критически относился к последователям атеизма и деизма. На страницах "Тэтлера" он писал о той антипатии, которую испытывал "ко всякому неверующему, называл ли тот себя деистом, атеистом или свободомыслящим". Журналист наделял их самыми неслестными эпитетами, называя "надутыми болванами", "язвами общества", "нахальными недоучками", "врагами мира и счастья вселенной", "страшными животными" и т.п.⁴⁸ Как видно, в вопросе о свободе совести просветитель был противоречив. С одной стороны, он ратовал за предоставление всем людям права выбора религии по своему усмотрению, а с другой – тотчас же обрушивался с упреками на тех, кто пытался этим правом воспользоваться. Подобно большинству буржуазных идеологов, Стиль видел в атеизме угрозу не столько догматам государственной религии, сколько существующему строю, поэтому всячески противился его распространению в стране.

Стиль не просто выражал взгляды вигов на страницах своих журналов и памфлетов. Он был сознательным проводником идеологии этой партии. Выступая в парламенте, Стиль заявлял: "Я – виг и послан сюда этой партией"⁴⁹. Журналист поддерживал самые тесные связи с руководством партии, а за статьи, напечатанные в "Инглишмене", который начал издавать с осени 1713 г., и памфлет "Кризис", направленный против политики правящей партии, получил от лидеров вигов приличное денежное вознаграждение. И тем не менее перо вигского журналиста никогда не было продажным, хотя попытки привлечь его на сторону партии тори были предприняты ее премьер-министром. Роберт Харли хорошо понимал, сколь велико значение прессы в политической борьбе, и потому стремился приблизить к себе самых известных писателей, публицистов, журналистов. Ему удалось привлечь на свою сторону Свифта, Дефо, однако со Стилем произошла осечка. В своем дневнике Свифт, который являлся посредником между Харли и Стилем, писал, что Стиль был смещен с поста редактора "Лондонской газеты" за то, «что несколько месяцев тому назад напечатал "Тэтлера", направленного против мистера Харли». В одном из номеров журнала Стиль весьма нелестно отзывался о премьер-министре: "Когда он сидит в своем кабинете и ничего не делает, все думают, что он строит козни. Он вечно заботится о том, чтобы его считали самым коварным из людей, и боится обвинения в недостатке ума"⁵⁰. При этом Свифт добавлял, что именно Харли назначил Стиля на эту должность, увеличив к тому же жалованье с шестидесяти до трехсот фунтов.

Поступок Стиля Свифт расценил как "дьявольскую неблагодарность". Оба литератора в ту пору еще находились в дружеских отношениях и нередко проводили вместе вечера в кофейнях "за чашей пунша". Поэтому Свифт предпринял попытку наладить отношения

своего приятеля с Харли. Он настойчиво упрасивал мистера Харли сохранить за Стилем хотя бы его вторую должность (комиссара по сбору гербовых пошлин) и оказать ему некоторое снисхождение. И вот, "в угоду мне, писал Свифт в дневнике, мистер Харли выразил согласие и назначил Стилю свидание; Стиль изъявил величайшую готовность явиться, однако он не только не соизволил прийти, но и не прислал никаких извинений. Было ли это оплошностью, глупостью, дерзостью или проявлением партийной злобы, судить не берусь, однако я никогда больше не стану хлопотать о нем"⁵¹. Отказавшись явиться к премьер-министру для переговоров, Стиль тем самым явно задел самолюбие Харли. При встрече со Свифтом он не удержался, и с укоризной напомнил о своей готовности помириться со Стилем и о том, что журналист так и не подумал явиться к нему на прием. Отличавшийся злопамятностью Харли не забыл о "неблагодарности" Стиля и только поджидал случая, чтобы расправиться с гордым упрямым. Летом 1712 г. до Свифта дошли слухи о готовившейся кампании против Стиля, что следовало из записи, сделанной им в дневнике: "Видимо, недалек тот час, когда он (Стиль. – *Т.Л.*) потеряет свою должность, потому что в последнее время был очень уж дерзок в своем "Спектейторе"⁵².

Критические высказывания Стиля были направлены не только в адрес министров-тори. Он осмелился выступить даже против самой королевы. Когда королева Анна в декабре 1713 г. издала указ о введении в палату лордов 12 новых пэров – тори, чтобы они могли оказать противодействие вигам и тем самым добиться проведения в парламенте "торийского" курса во внутренней и внешней политике страны, один из членов палаты – виг лорд Уортон счел подобное "введение в пэры по случаю" как незаконное действие королевы и в знак протеста покинул заседание палаты лордов. Стиль с одобрением отнесся к позиции Уортона, а вскоре опубликовал памфлет "Письмо сэру Уортону", в котором расценивал "возведение в пэры по случаю" как "новшество, чреватое опасностью для королевы и ее подданных". Стиль полагал, что столь "массовое производство в пэры" является "оскорблением прерогативы", особенно если учесть, что эти люди не всегда обладают необходимыми заслугами. Введение в палату новых пэров "по случаю", по мнению Стиля, создавало "порочную" практику для законодателей, поскольку "добрые намерения знатных патриотов, готовых с честью и беспристрастием выполнять свой долг по отношению к своему правителю и стране... могут быть уничтожены группой людей, введенных в палату перед обсуждением какого-либо законопроекта". Журналист высказывал опасение, что, если такие действия в будущем не будут предотвращены законом, то конституции грозит неминуемая гибель⁵³. Совершенно очевидно, что подобные его высказывания не могли остаться незамеченными правительством и королевой.

Летом 1713 г. Стиль объявил о своем решении баллотироваться в парламент от небольшого городка Строкбридж. Свой выбор он остановил на данном избирательном округе скорее всего потому, что расходы на избирательную кампанию в нем составляли всего 60 ф. ст., тогда как в большинстве округов, по сведениям Дефо, эта сумма исчислялась от 2 до 11 тыс.⁵⁴. И как только журналиста избрали в палату общин, тори тотчас начали открытое наступление на него. В журнале "Экзаминаер" появилась статья, автор которой сетовал, что редактор "Гардиана", посмеявшийся затронуть королеву, а также честь других известных людей страны, продолжает оставаться безнаказанным. Он призывал исключить Стиля из парламента. Через две недели в другом памфлете палате общин прямо предлагалось рассмотреть вопрос об "оскорбительном, вероломном, бунтарском и абсурдном" поведении Ричарда Стиля⁵⁵. Все обвинения, выдвинутые авторами этих и других многих памфлетов, Стиль отвергал: "Эти писаки будут склонять меня, поскольку я их товарищ по перу, но я не могу оставаться безразличным, когда они оскорбляют мою честь и достоинство"⁵⁶.

Между тем развернутая партией тори кампания против Стиля набирала силу. Биограф Стиля К. Уинтон утверждал: "Не вызывает сомнения, что решение министров исключить Стиля из парламента было задумано вскоре после его выборов и что он знал об этом"⁵⁷. Один из членов партии тори П. Ветуорт в своих заметках писал, что "Стиля следовало вышвырнуть из палаты". Об этих слухах, муссировавшихся в партийных и парламентских кругах, сообщали также Дефо и известный поэт Александр Поп. Наконец, в личных бумагах Харли сохранилась следующая запись: «Мы заслушали информацию о случаях подкупа во время выборов, две петиции имеются против автора "Гардиана" (Стиля. – *Т.Л.*), так что его присутствие в палате может оказаться не таким продолжительным, как некоторые того ожидают»⁵⁸.

Поток анонимных памфлетов, направленных против Стиля, нарастал. Один из них принадлежал Свифту, который ставил в упрек журналисту скорее его личные слабости, нежели политические убеждения. Свифт упоминал "низкое" происхождение Стиля и его "жизнь не по средствам". В резкой форме он высказался также о его "пристрастии к вину", утверждая, что не знает "общества, докучнее этого господина, пока он не осушит хотя бы одну бутылку"⁵⁹.

Несмотря на поток обвинений, обрушившихся на журналиста, Стиль не терял мужества и не сдавался. На страницах его нового журнала "Инглишмен" ("Англичанин"), который стал выходить с октября 1713 г., обсуждались самые различные вопросы политики правительства, по-прежнему звучали критические высказывания о министрах-тори. В январе 1714 г. увидел свет знаменитый памфлет "Кризис", 40 тыс. экземпляров которого мгновенно разошлись по

стране. В памфлете Стиль обращался к событиям Славной революции, в результате которых была уничтожена "тирания" Якова II. "Наша религия, жизнь, свобода и собственность находились в опасности в правление Якова II, — писал он. — Мы были спасены от деспотической власти католического правителя Славной революцией и незабвенным королем Вильгельмом". Стиль призывал сограждан не забывать имя своего освободителя и само освобождение. Он указывал на те права и привилегии, которые Славная революция принесла англичанам. Теперь протестантские подданные вправе иметь оружие для своей защиты от тирании; выборы в парламент проводятся свободно; свободы слова, дебатов и собраний в парламенте гарантируются. В то же время объявлялось незаконным издание актов без согласия парламента, подача петиций в парламент "с подстрекательскими целями", содержание армии "под ружьем" в мирное время без согласия на то парламента, а также разорительные штрафы и жестокие наказания⁶⁰.

Поскольку в то время в Англии в партийной борьбе большое место занимал вопрос о судьбе английского трона в случае смерти королевы Анны, не имевшей прямых наследников, Стиль высказал свои суждения и по этому поводу. Как и большинство вигов, он защищал протестантское престолонаследие и потому призывал англичан поддержать дом Ганноверов: "Англичане и шотландцы! Для сохранения своей религии, свободы и собственности вы должны позаботиться о том, чтобы корона была передана наследнику по протестантской линии, а не по крови, представители каковой являются католиками"⁶¹. В содержании памфлета Стиля трудно найти какую-либо крамолу против правительства, однако именно данное произведение, наряду с рядом других памфлетов, было инкриминировано ему парламентом.

16 февраля 1714 г. открылась первая сессия парламента, среди депутатов которого был и Ричард Стиль. С первых же дней своего пребывания в парламенте журналист чувствовал недоброжелательное к себе отношение со стороны ряда депутатов. Позднее, вспоминая эти дни и последовавшие за ними события, Стиль писал: "Дурное расположение ко мне проявилось с первых же дней сессии, и все, что произошло со мной, явилось завершением того, что готовилось заранее"⁶². Когда Стиль начал выступать по вопросу об избрании спикера палаты общин, в зале поднялся шум, раздались крики: "Болтун! Болтун!". Журналисту мешали говорить, но он невозмутимо продолжал свою речь. Стиль заявил, что по праву долга депутата считает необходимым поставить в известность королеву о злоупотреблениях в стране, и в особенности о "подкупленном министерстве". При дворе все еще закрывают глаза на поступки премьер-министра и его приближенных, пекущихся о собственном благе. В то же время патриоты, "защитники интересов страны", не решаются смело

вскрыть злоупотребления министров из-за "возможных осложнений в будущем", либо потому, что "подкуплены хорошим жалованьем или должностями"⁶³. Стилль заявлял, что высоко ценит "священные доктрины" о свержении правительства, презревшего клятву и нарушившего доверие народа, и призывал незамедлительно устранить злоупотребления министров. Когда журналист закончил свою речь, в палате раздались язвительные выкрики: "Писака! Он думает, так-то просто выступать в парламенте!"

Желая избавиться от неуютного и опасного депутата, тори спешно принялись стряпать против Стиля "дело". Из министерства в парламент была доставлена бумага, которая гласила: "Несмотря на все меры, принятые организаторами выборов, многие убежденные враги министерства оказались избранными в парламент. Среди них самый несносный – мистер Стилль, он в нескольких печатных произведениях обсуждал политику правительства с чрезвычайной смелостью как выразитель интересов всей вигской партии. Поэтому все министры... сошлись в едином мнении: предпринять все возможные меры, чтобы исключить его из парламента"⁶⁴. Это послание послужило своего рода сигналом к началу прямой атаки против Стиля. 11 марта в палате общин выступили члены палаты от партии тори: Т. Хангерфорд, М. Фоли, У. Уандхем. Они упрекали Стиля в написании памфлетов, содержащих "несправедливые измышления против королевы" и "мятежные" по своему духу. Стилль в этот день не присутствовал в палате, что стало известно из его письма к жене: "Дорогая! Я хочу сообщить тебе, что лорд Галифакс (один из лидеров вигов. – *Т.Л.*) посоветовал мне не являться в парламент, чтобы первая атака против меня прошла в мое отсутствие. Но я полагаю, что они начнут против меня весьма неблагородную и бесчестную кампанию, и только Бог не позволит им обидеть безвинного"⁶⁵.

На следующий день депутат палаты общин брат премьер-министра Харли зачитал обвинение против Стиля. Оно было основано на том, что при написании ряда своих произведений журналист допустил выпады, направленные "к антиправительственной агитации, бросающие тень на Ее Величество и обвиняющие ее администрацию и правительство"⁶⁶. Стиллю надлежало явиться в палату на следующее утро. На утреннем заседании палаты присутствовали не только ее члены, но и многие любопытные зеваки, прознавшие про "дело" журналиста. Были зачитаны отрывки из опальных произведений Стиля. Ряд выступивших депутатов от партии тори вновь указали на их "враждебный и мятежный дух". Виг Дж. Краг робко попытался вступить за Стиля, но его речь тотчас прервали. Наконец, предоставили слово обвиняемому. Стилль поднялся со своего места и обратился к спикеру со следующей речью: "Господин спикер! Я опубликовал несколько книг и памфлетов с искренними чувствами и благими намерениями послужить королеве и стране, церкви и

государству и в особенности протестантскому дому Ганноверов. Я заявляю перед палатой, что защищаю каждого подданного королевства". Затем Стиль попросил время для подготовки речи в свою защиту. Палата общин пошла ему навстречу, и дальнейшее слушание его дела было перенесено на неделю.

18 марта в палате общин Стиль вновь занял место на скамье обвиняемых. В течение трех часов он по пунктам отвечал на обвинения, предъявленные на основании отдельных выдержек из его произведений, которые заранее в печатном виде были розданы каждому депутату. Журналист выражал недоумение: "Каким образом многие авторы, которые пишут с рвением о вопросах, считающихся изменническими в соответствии с законами парламента, счастливо избегают внимания законодателей? В то же время писатели, объявляющие себя защитниками министерства и проникающие в тайны правления, а в действительности являющиеся первыми агрессорами, поскольку публикуют фальшивые доклады", не только не наказываются, но напротив, поощряются правительством⁶⁷. Стиль заверял всех присутствующих, что в своих памфлетах "не нарушил ни одного из существующих законов страны". "Случай со мной совершенно экстраординарный, — продолжал он, — поскольку я наказан палатой общин, свобода слова в которой является существенной привилегией, за высказанные убеждения, совершенно не являющиеся криминальными"⁶⁸. Стиль полагал, что его "дело" является всего лишь "памфлетной войной" между двумя лицами — Стилем и Харли, каждый из которых считает, что за ним стоит его партия.

Когда Стиль закончил свою речь и удалился, в палате начались жаркие дебаты. Депутат от партии тори Фоли заявил, что незачем устраивать длительные прения, поскольку и без того совершенно ясно, что произведения Стиля являются "скандальными, подстрекательскими и оскорбительными" по отношению к правительству, Ее Величеству и церкви. С большой яркой речью в защиту Стиля выступил виг Р. Уолпол (ставший в правление Георга I премьер-министром. — *Т.Л.*). Он расценил "дело" Стиля как "экстраординарное и насильственное разбирательство", нарушающее свободы как всех подданных, так и депутатов палаты. Уолпол оправдывал журналиста и выражал надежду, что палата "не принесет в жертву одного из своих членов, виновного лишь в том, что он как хороший патриот указал на плохое правление министров"⁶⁹. Уолпола поддержали многие виги, однако партия тори сумела одержать верх и большинством голосов (245 против 152) провела в палате решение об исключении Ричарда Стиля из парламента. На этом "дело" вигского журналиста закончилось.

Палата общин легко рассталась с одним из своих членов не только за его критические высказывания в адрес торийских министров, но и потому, что он, как подчеркивал биограф Стиля К. Уинтон, за-

метно отличался от большинства депутатов, уступая им в знатности, богатстве, связях. Да, Стиль был широко известен как журналист и являлся неординарным членом палаты общин, однако он не был знатным. К тому же у него не было "семейных интересов", а большинство членов обеих партий "черпали свои силы и влияние именно через семейные связи, позволявшие им становиться политическими лидерами"⁷⁰. Вот почему Стиль стал в парламенте "своеобразной мишенью" для аристократов. По-видимому, его карьера как депутата парламента была предрешена с самого начала.

"Дело" вигского журналиста Ричарда Стиля свидетельствовало, что провозглашенная английской буржуазией свобода слова оборачивалась фикцией для каждого, кто осмеливался выступить с критикой в адрес власть предержащих. В этой связи уместно напомнить замечание К. Маркса о том, что в буржуазном обществе полной свободой слова пользуется только правительство⁷¹. "Дело" Стиля полностью подтвердило правоту этих слов.

Итак, мы познакомились со страницами жизни и деятельности еще одного представителя партии вигов – известного английского драматурга, журналиста и политика начала XVIII в. Ричарда Стиля. Его общественно-политическая платформа в сущности представляла идеологию вигов, классическим образцом которой являлся Джон Локк. У Стиля мы также встречаем высказывания о приверженности к "договорной" теории происхождения государственной власти, теориям "разделения властей" и сопротивления тирании, восхищение конституционной монархией и Славной революцией, утвердившей подобную форму правления. Как просветитель Стиль сумел подметить многие негативные стороны буржуазной действительности Англии. Однако, допуская критику отдельных злоупотреблений, имевших место при королеве Анне, Стиль, как и большинство вигов, не желал изменения существующей формы правления в стране и всегда выступал в защиту конституционной монархии. Не случайно в одном из последних номеров "Инглишмена" он заявил: "Я надеюсь, мы никогда не увидим новой революции... и я охотно отдам свои собственность и жизнь в борьбе с теми, кто попытается нарушить королевскую власть"⁷². Совершенно очевидно, что как выразитель интересов буржуазии Стиль не мог стать принципиальным критиком существующего строя в Англии.

Как же сложилась дальнейшая судьба отважного журналиста? Вступивший на престол в 1714 г. король Георг I Ганноверский, благоволивший к вигам, предоставил Стилю ряд должностей, которые принесли ему немалый доход. Он побывал и зрителем королевских конюшен, и мировым судьей, и директором королевского театра, и уполномоченным по конфискации имущества шотландских мятежников. Дважды (в 1715 и 1722 гг.) он избирался в парламент. Активная политическая деятельность Стиля не мешала про-

должать ему также заниматься литературным ремеслом. Он написал еще ряд пьес, одна из которых ("Сознательные любовники") имела шумный успех у публики. Возобновил Стиль и свою работу над изданием политических журналов: в 1715 г. вышли в свет 38 номеров второй серии "Инглишмена", появились новые – "Таунток" ("Городская молва") и "Плебей". Теперь журналист выступал с ортодоксальных позиций, поскольку защищал правящую партию вигов. Правительство одобряло подобную деятельность: летом 1715 г. Стиль получил от премьер-министра Р. Уолпола солидное денежное вознаграждение в 500 ф. ст.

Удача, сопутствовавшая Стилю в литературных занятиях, изменила ему в коммерческих предприятиях, в которые он время от времени пускался со свойственной ему непрактичностью и легкомыслием. Так он увлекся проектом по доставке живой рыбы из Ирландии на рынки Лондона, но эта затея очень скоро потерпела крах, и Стиль понес серьезные убытки. Ко всему прочему журналиста стало беспокоить ухудшение состояния здоровья его обожаемой Пру. В письме от 26 марта 1717 г. он писал: «Моя дорогая Пру! Получил твое письмо и ужасно огорчился, узнав, что тебя все время мучают головные боли... Поверь, прошлой ночью, лежа на твоём месте и положив голову на твою подушку (в это время леди Стиль была в отъезде в Уэльсе, где приводила в порядок свое имение. – Т.Л.), я разрыдался при мысли, что моя очаровательная, капризная девочка не спит, терзаемая болью; мне казалось грехом уснуть. Я был бы счастлив, если бы в награду за эти нежные чувства "Ваше Прудентство" пожаловали меня своим расположением»⁷³. Как видно, годы совместной жизни не сказались на пылкости чувства романтического джентльмена, каковым Стиль оставался на протяжении всей своей жизни. В одном из писем к жене он писал: "У тебя есть один странный недостаток, который почти затмевает для меня все хорошее в тебе; беда в том, что ты не любишь одеваться, выезжать, блистать, даже когда я прошу тебя об этом, и не даешь мне возможности гордиться тобой или хотя бы с гордостью сознавать, что ты моя".

Стиль по-прежнему оставался также любящим отцом. В письме к супруге он сообщал: "Дорогая Пру! Твой сын в настоящую минуту крайне занят, он кувыркается на полу и сметает перышком песок. Он растёт очень милым ребенком, живым и веселым. Кроме того, он весьма образован; умеет читать букварь, и я дал ему своего Вергилия. Он делает весьма проникательные замечания по поводу картинок. Мы с ним большие друзья и часто играем вместе. Его вещи изорвались, и, надеюсь, ты не рассердишься, если я куплю ему кое-что из одежды"⁷⁴. Семейное счастье Стиля рухнуло со смертью леди Стиль в декабре 1718 г.

Потеряв жену, Стиль заметно сдал. Его здоровье резко ухудшилось. В 1723 г. он отправился подлечиться на воды в знаменитое ку-

портное местечко Бат. И здесь его настигло новое трагическое известие: оборвалась жизнь его единственного сына. В Лондон Стиль решил не возвращаться. Вскоре он совсем отошел от политической, а затем и литературной деятельности. Спустя два года его разбил паралич. Однако даже тяжелая болезнь и утрата близких и дорогих людей не изменили характера Стиля. До последних дней он сумел сохранить добродушный, веселый и открытый нрав. В летние вечера, сидя под раскидистыми ветвями платана, он любил наблюдать за развлечениями деревенской молодежи. 1 сентября 1729 г. в небольшом местечке Кармартен в возрасте пятидесяти семи лет Ричард Стиль тихо скончался.

¹ Parliamentary History of England from the Norman Conquest on 1066 to the Year 1803. L., 1810. Vol. VI. P. 1274.

² Aitken G.A. The Life of Richard Steele. L., 1889. Vol. 1. P. 370.

³ Лазурский В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII в. Т. I–II. Одесса, 1909; 1916.

⁴ Aitken G.A. Op.cit.; Winton C. Captain Steele. The Early Career of Richard Steele. The John Hopkin Press, 1964.

⁵ Addison and Steele. The Critical Heritage. L., 1980.

⁶ International Directory of Eighteenth-Century Studies. Oxford, 2000. P. 66, 164.

⁷ Английские юмористы XVIII века // Теккерей У. Собр. соч. Т. 7. М., 1977. С. 591.

⁸ Там же. С. 592.

⁹ Цит. по: Теккерей У. Указ. соч. С. 602–603.

¹⁰ Там же. С. 604–606.

¹¹ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 38.

¹² Aitken G.A. Op. cit. P. 241.

¹³ Лазурский В. Указ. соч. Т. 1. Одесса, 1909. С. 238, 240.

¹⁴ Свифт Дж. Указ. соч. С. 7–8.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Лазурский В. Указ. соч. Т. II. Одесса, 1916. С. 276.

¹⁷ Steele R. Sir Roger De Coverley. Essays from the "Spectator". Boston, 1892. P. 117.

¹⁸ Ibid. P. 115, 119.

¹⁹ Свифт Дж. Указ. соч. С. 140. Теккерей У. Указ. соч. С. 608–609.

²⁰ Educating the Audience. Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture. Los Angeles, 1984. P. III, 11.

²¹ Цит. по: Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 32.

²² The Guardian. 1713. № 155 // Hill B. Eighteenth-Century Women. An Anthology. L., 1984. P. 52.

²³ Цит. по: Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 32.

²⁴ Там же. Т. I. С. 292, 293, 298.

²⁵ Town-Talk. In a Letter to a Lady in the Country // Steele R. Periodical Journalism. 1714–1716. Oxford, 1959. P. 193.

²⁶ Educating the Audience... P. 59–60, 62.

²⁷ Ibid. P. 80.

²⁸ Теккерей У. Указ. соч. С. 601–602.

²⁹ Aitken G.A. Op. cit. P. 366.

- ³⁰ Goldgar B.A. The Course of Party. Swift's Relations with Addison and Steele. Lincoln, 1961. P. 128–131.
- ³¹ Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 298–300.
- ³² Aitken G.A. Указ. соч. P. 411–412.
- ³³ The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. Oxford, 1955. P. 23, 130–131.
- ³⁴ Ibid. P. 232.
- ³⁵ Ibid. P. 114, 184.
- ³⁶ Ibid. P. 15, 129.
- ³⁷ Steele R. The Crisis. L., 1714. P. V–VI.
- ³⁸ A Defense of the Crisis, Written by Mr. Steele. L., 1714. P. 4.
- ³⁹ The Englishman... P. 115.
- ⁴⁰ Ibid. P. 36.
- ⁴¹ A Speech Supposed to Be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Parliament (Далее: A Speech by Steele). L., 1714. P. 7.
- ⁴² The Englishman... P. 105.
- ⁴³ Steele R. The Crisis. P. 1.
- ⁴⁴ The Englishman... P. 76.
- ⁴⁵ A Speech by Steele. P. 6.
- ⁴⁶ A Letter to a Member of Parliament Concerning the Bill for Preventing the Growth of Schism // Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore, 1944. P. 245–246.
- ⁴⁷ Ibid. P. 250.
- ⁴⁸ Лазурский В. Указ. соч. Т. I. С. 343–344, 356.
- ⁴⁹ A Speech by Steele. P. 7.
- ⁵⁰ Цит. по: Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 276.
- ⁵¹ Свифт Дж. Указ. соч. С. 31, 64.
- ⁵² Там же. С. 318.
- ⁵³ Steele R. A Letter to Sir M.Warton Concerning Occasional Peers // Tracts and Pamphlets... P. 74–76.
- ⁵⁴ A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. L., 1703. Vol. 1. P. 152.
- ⁵⁵ Aitken G.A. Op. cit. P. 397.
- ⁵⁶ Ibid. P. 399.
- ⁵⁷ Winton C. Captain Steele. Baltimore, 1969. P. 181.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Свифт Дж. Указ. соч. С. 38.
- ⁶⁰ Steele R. The Crisis. P. 4, 5.
- ⁶¹ Ibid. P. 28.
- ⁶² Mr. Steele's Apology // Tracts and Pamphlets... P. 292.
- ⁶³ A Speech by Steele. P. 6, 7.
- ⁶⁴ Parliamentary History... P. 1266.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Mr. Steele's Apology. P. 294.
- ⁶⁷ Ibid. P. 229.
- ⁶⁸ Ibid. P. 337–338.
- ⁶⁹ Parliamentary History... P. 1269, 1272–1274.
- ⁷⁰ Winton C. Op. cit. P. 182.
- ⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 55.
- ⁷² The Englishman... P. 202.
- ⁷³ Цит. по: Теккерей У. Указ. соч. С. 610.
- ⁷⁴ Там же.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА ДЖОЗЕФА АДДИСОНА

Блестящий поэт, драматург, журналист, политик и просветитель Англии Джозеф Аддисон был назван британским писателем У. Теккереем "великим писателем и моралистом XVIII века"¹. И вряд ли подобная оценка была преувеличенной. Во всяком случае историк XIX в. Т. Маколей также утверждал, что в литературе Аддисон не имел себе равных, в мастерстве изображения портретов вымышленных героев его можно было сравнить разве что с Шекспиром или Сервантесом, а в искусстве сатиры – со Свифтом и Вольтером². Аддисон являлся также важной фигурой в административной и политической жизни Англии, принимал активное участие в борьбе партий. И именно политическая позиция журналиста повлияла на формирование его просветительских убеждений, способствовала становлению "великого моралиста".

Об Аддисоне за рубежом написано немало книг, очерков и статей³, однако просветительские и политические взгляды известного журналиста продолжают оставаться слабо изученными⁴. В этой связи нам хотелось не только познакомить отечественного читателя с одним из первых журналистов Англии начала XVIII в., являвшегося выдающимся деятелем раннего Просвещения, но и осветить его политические и просветительские взгляды, благодаря которым Аддисон приобрел мировую известность.

Родился Джозеф Аддисон 1 мая 1672 г. в семье небогатого священника в небольшой деревушке графства Уилтшир. Его отец за свои роялистские пристрастия, проявленные во время гражданской войны, был изгнан из Оксфордского университета. Чтобы хоть как-то прокормить свою семью, он занялся чтением проповедей в сельских церквушках, а также тех домах, хозяева которых, как и он, втайне молились о здоровье короля и проклинали "нечестивого Оливера" (Кромвеля). После Реставрации легитимной монархии в Англии в 1660 г. преданность роялистам Аддисона-старшего была вознаграждена: его назначили королевским капелланом вначале в крепости Дюнкерк, а затем в Солсбери. Однако эта должность приносила небольшой доход, и многочисленное семейство Аддисонов, в котором было шестеро детей, жило в бедности. Как отмечал биограф Аддисона Питер Смайтерс, постоянная борьба с нуждой его отца, доктора богословия, человека одаренного и имевшего заслуги перед церковью и государством, явилась для юного Джозефа своеобразным уроком, и на протяжении всей своей жизни он учился бережливости в финансовых вопросах⁵.

Свое образование Джозеф начал в сельской школе, находившейся в десяти милях от дома, а затем был отправлен в Чартхауз, в частную школу, куда принимали в качестве стипендиатов детей из

Г. Кнеллер. Джозеф Аддисон.
Начало XVIII в.

обедневших семей средних классов со всего королевства. Здесь Джозеф познакомился и близко сдружился с Ричардом Стилем. Учился Аддисон старательно и успешно и уже за год сумел овладеть всеми науками, курс которых предлагала школа. В пятнадцать лет он поступил в Оксфордский университет, где вновь встретился со Стилем. Дружба молодых людей крепла день ото дня. В стенах университета Аддисон познакомился с произведениями древних философов и начал заниматься переводами произведений Овидия, Вергилия, Лукреция, Геродота. Как отмечали современники, эти переводы поражали своими достоинствами и совершенством умудренных житейским опытом и знаниями профессоров.

Способный юноша не остался незамеченным и вскоре его пригласили на преподавательскую работу в колледж св. Магдалины. Спустя некоторое время об Аддисоне заговорили как о поэте.

Он написал две поэмы, одну из которых посвятил королю Вильгельму Оранскому, а вторую – знаменитому поэту Драйдену. Комплиментарные вирши начинающего поэта привели в восхищение маститого литератора, который изъявил желание познакомиться с Аддисоном поближе, а затем представил его известному драматургу Конгриву. Знакомство же с двумя литературными знаменитостями, в свою очередь, открыло перед Аддисоном дорогу к министрам правящего вигского кабинета – лордам Сомерсу и Монтэгю. Они приблизили Джозефа к себе, но прежде чем "задействовать" талантливое перо поэта у себя на службе, послали его на континент за казенный счет с тем, чтобы он смог усовершенствовать свое образование и познания в языках.

Осенью 1699 г. Аддисон отправился в путешествие. Щедрое денежное содержание, назначенное министрами, избавило путешественника от многих неудобств, и вояж удался на славу. Четыре года провел он в Европе, почти год – во Франции, где в совершенстве овладел языком. Здесь же состоялось его знакомство с известным философом Мальбраншом и поэтом Бойло. Преисполненный благодарности к лорду Сомерсу за полученную возможность посетить Францию Аддисон послал ему из Парижа письмо, в котором заверял видного вига, что никогда не забудет его покровительства и постарается в будущем своей службой отблагодарить министра⁶. В Париже Аддисон был тепло встречен родственником Монтэгю – графом Манчестером и его супругой. Графиня произвела неизгладимое впечатление на молодого человека, надолго сохранившего приятные воспоминания о ее красоте и шарме.

В конце 1700 г. Аддисон из Марселя отплыл в Италию. Генуя, Милан, Венеция, Рим, Флоренция поразили Аддисона своим великолепием. В Италии поэт начал писать трагедию "Катон" и собирать материал для книги "Заметки о различных частях Италии". Из Италии Аддисон перебрался в Швейцарию, затем посетил Австрию, Германию, Голландию. Прекрасное путешествие прервали два печальных события: смерть отца в 1703 г. и падение вигского кабинета министров. Выплата содержания прекратилась, и Аддисон возвратился на родину.

В Англии друзья-литераторы ввели Джозефа в известный вигскими традициями клуб Кит-Кэт. Названный по имени владельца кондитерской, где собирались виги, он вскоре превратился в их политический салон. Среди его посетителей можно было видеть герцога Сомерсета, графа Монтэгю, издателя и книготорговца Д. Тонсона, а также поэтов и писателей, симпатизировавших в ту пору вигам, – Свифта, Конгрива, Гэя, Стиля и других. У членов клуба установилось правило: открывая собрания, поднимать бокал вина и провозглашать стихотворные здравницы в честь дамы сердца. Аддисон чаще всего посвящал свои эпиграммы графине Манчестерской.

Вскоре Аддисон сделал первые шаги в своей политической карьере. В то время у власти находился смешанный торийско-вигский кабинет, во главе которого стоял тори лорд-казначей Годольфин. Нельзя сказать, чтобы он был страстным почитателем поэзии. Свободное время лорд предпочитал проводить за карточным столом или на скачках в Нью-Маркете. Однако, будучи человеком умным и дальновидным, Годольфин, подобно своим предшественникам, лордам Сомерсу и Монтэгю, хорошо сознавал, что усилить позиции своей партии в правительстве он сможет, оказывая покровительство литераторам. Годольфин обратился к Аддисону с предложением написать поэму, восхвалявшую победу английских войск под командованием герцога Мальборо, одержанную над французами в Баварии при Бленхейме в 1704 г. Поэт охотно согласился и очень быстро выполнил заказ. Его поэма "Поход" встретила одобрение не только министров, но и широкой публики. Заключительные строки поэмы гласили:

Какие строфы, Муза, мне нужны,
Чтобы воспеть безумие войны,
Смятенье войск, тревожный барабан
И стоны тех, кто изнемог от ран,
Подавленные яростным "ура",
И в чистой синеве полет ядра,
И битвы надвигающийся шквал,
Где Мальборо великий доказал,
Что можно в бегство обратить народ,
Но полководец с места не сойдет!
Среди волненья, стонов и молитв
Он свысока взирает на ужас битв,
И взор его был светел, примирен.
Он выручал разбитый эскадрон,
На подкрепление высылал отряд
И отступивших возвращал назад.
Так, помня Вседержателя указ,
Верховный ангел наказует нас
(Так было в дни, когда гроза и мгла
На бледную Британию сошла).
Объятый вихрем, он летит вперед,
И молниям сродни его полет⁷.

Подобное сравнение главнокомандующего армии герцога Мальборо с ангелом, по признанию Теккерея, было объявлено "величайшим из всех, какие когда-либо создавала поэзия"⁸. Годольфина поэма привела в полный восторг, и он незамедлительно отблагодарил ее автора: Аддисон получил прекрасно оплачиваемую должность уполномоченного парламентской комиссии по рассмотрению апелляций, которую прежде занимал Джон Локк. Спустя год он становится помощником государственного секретаря вначале у сэра К. Хиджеса, а затем у графа Сандерленда. А когда на парламентских

выборах 1708 г. виги усилили свои позиции в палате общин, лорд Сомерс стал во главе Тайного Совета, а лорд Уортон – наместником Ирландии, то Аддисона назначили к последнему главным секретарем. Одновременно он был избран в парламент от графства Мэллосбери.

Надо признать, что парламентская деятельность Аддисона вряд ли была удачной. Маколей отмечал: природная стеснительность и застенчивость Аддисона "делали бесполезными его ум и красноречие во время дебатов. Однажды он взял слово, но так и не смог преодолеть свое смущение и после этого никогда не выступал"⁹. Однако неудачная карьера парламентария не помешала Аддисону занять ряд высоких постов в государственном управлении, поскольку в политике, подчеркивал Маколей, "перо было в те времена более значительным двигателем, чем язык"¹⁰.

Политическая и административная деятельность Аддисона не мешала его литературным занятиям. В 1705 г. он опубликовал "Заметки о различных частях Италии", помог своему преданному другу Ричарду Стилю в редактировании его комедии "Нежный муж", написал либретто к опере "Розамунда", которую посвятил супруге главнокомандующего герцогине Мальборо. Опера была поставлена 4 марта 1707 г., однако успеха не имела, была прохладно встречена публикой и после двух-трех представлений снята с репертуара. Маколей считал, что либретто "Розамунды" было "великолепным", а неуспех оперы объяснялся скорее плохой музыкой, нежели стихами. Ученый оказался прав: спустя несколько лет, уже после смерти Аддисона пьеса вновь была поставлена, но теперь уже на музыку доктора Арна, и приобрела шумный успех у публики, надолго заняв в репертуаре театра прочное место.

Назначенный на должность главного секретаря наместника Ирландии, Аддисон вместе со своим патроном отбыл в Дублин. Эта должность обеспечивала поэту значительный годовой доход, что заметно поправило его материальное положение. Вместе с тем работа у Уортона не приносила Аддисону морального удовлетворения. Уортон и Аддисон были людьми совершенно разными по характеру. По словам Маколей, их "не связывало ничего, кроме приверженности к вигизму"¹¹. В противоположность грубому и развязному Уортону, который был не прочь поживиться за счет ирландской казны, Аддисон сумел заслужить достойное уважение и дружбу многих видных жителей Дублина, которые летом 1709 г. пожелали избрать его депутатом от бурга Кевен в свой парламент.

В Ирландии упрочились дружеские отношения Аддисона с проживавшим там в то время Свифтом. Знакомство двух литераторов состоялось вскоре после того, как поэма "Поход" выдвинула Аддисона в ряды вигских поэтов. Свифт восхищался Аддисоном, утверждал, что не знал более честного человека в мире, чем он. В письме

ирландскому архиепископу Кингу Свифт писал: "Мистер Аддисон, который назначен нашим первым секретарем, является прекраснейшим из людей и моим близким другом, к замечаниям которого о людях и различных предметах я отношусь с особым доверием". Когда же Аддисон возвратился в Англию, то Свифт написал ему: "Я уверен, какое бы правительство ни пришло к власти, любой парламент охотно примет вас в свои ряды; тори согласны с вигами, которые прекрасно отзываются о вас. Короче говоря, если вы возвратитесь к нам опять, оставшись не у дел в Англии, — с долей иронии заканчивал письмо Свифт, — то мы соберем армию и сделаем вас королем Ирландии"¹².

Со своей стороны, Аддисон также с большой теплотой относился к Свифту. На титульном листе книги "Заметки о различных частях Италии", подаренной Свифту, Аддисон написал: "Самому приятному собеседнику, верному другу и величайшему гению своего времени". В письмах к Свифту Аддисон утверждал, что получает громадное удовольствие от бесед с писателем. "Уверяю Вас, — писал он Свифту 3 июня 1710 г., — что люблю Ваше общество и ценю Ваш разговор более других людей". "Умоляю дорогого доктора Свифта, — читаем в другом письме, — продолжить свою дружбу с тем, кто так любит и уважает Вас"¹³. Казалось, ничто не могло нарушить сердечных отношений двух известных литераторов Англии, однако их дружба вскоре расстроилась. Виной тому оказались их политические разногласия.

Аддисон все теснее сближался с вигами. Высокие, хорошо оплачиваемые должности, прекрасный вояж по Европе, субсидированный вигскими министрами, требовали взаимных услуг. Настала пора от обещаний, данных в свое время лордам Сомерсу и Сомерсету, перейти к делу. И Аддисон принялся за работу. Один из его друзей известный поэт Александр Поп свидетельствовал: "Аддисон писал очень быстро, но иногда он долго и скрупулезно вносил поправки. Он показывал свои стихи нескольким друзьям и изменял почти все, что кто-либо из них находил неудачным. Мне кажется, он был очень неуверен в себе и слишком заботился о своей поэтической репутации; или, как он выражался, слишком чувствителен к похвалам такого рода, какие, видит Бог, весьма мало значат... Обычно он работал все утро, потом встречался с членами своей партии у Баттона; обедал с ними и проводил там часов пять-шесть, а иногда оставался до поздней ночи. Я бывал в их обществе около года, но для меня все это было слишком, это вредило моему здоровью (вероятно, поэт имел в виду обильные возлияния, которыми сопровождалась подобные встречи членов партии. — Т.Л.), и я прекратил свои посещения"¹⁴.

Помимо нескольких поэм, восхвалявших лидеров вигов, Аддисон написал памфлет "Рассмотрение современного состояния войны

и необходимости ее усиления", который был издан в 1707 г. В нем автор задавался целью убедить сограждан в необходимости мобилизации всех сил в войне с Францией. Он доказывал, что французы являются непримиримыми и опасными врагами англичан. Их форма правления, их религия, их зависть к британской мощи, а также стремление к всемирному господству делают Францию вечным врагом Англии. Аддисон указывал на агрессивный характер французского монарха, который стремится разрушить конституцию Англии, ее торговлю, религию, а также уменьшить ее вес и влияние в Европе. Аддисона глубоко возмущало, что Франция готова вмешаться во внутренние дела Англии, "навязав правителя (Претендента – Якова III), правление которого может оказаться фатальным для страны".

Литератор обращал внимание на то, что французы обладают сильной армией, и если они возьмут верх над англичанами на море, то Англия все потеряет. Между тем Англия по своему богатству превосходит многие страны Европы. Главные статьи доходов Британии – это шерстяные мануфактуры и внешняя торговля. Поэтому, если торговля пострадает в результате вмешательства французов, продолжал памфлетист, то благополучию англичан придет конец. Чтобы не допустить подобного, Аддисон предлагал объединить усилия британцев и их союзников и сообща "сломить врага". Он соглашался с тем, что Англия и так принимает "большое участие" в войне за испанское наследство в сравнении с другими участниками коалиции и вынуждена держать под ружьем больше войск, чем прежде. Тем не менее литератор призывал еще увеличить численность вооруженных сил Британии, чтобы "образумить врага и обезопасить свою страну от тех несчастий, в которые ее могут вовлечь"¹⁵. На первый взгляд, казалось, что автор данного памфлета руководствовался исключительно патриотическими чувствами и был обеспокоен судьбой своей страны, которой угрожала опасность со стороны могущественной и ненасытной Франции. Но при внимательном чтении памфлета становилось ясно, что он заботился не о своем народе, проливавшем кровь на полях сражений за чуждые ему интересы, а о тех "денежных людях", которых представляла партия вигов. Ведь защищая политику продолжения войны, Аддисон как ее сторонник отстаивал интересы именно этой партии.

Находясь в Ирландии, Аддисон узнал, что его друг Ричард Стиль начал выпускать журнал "Тэтлер". Джозеф выразил желание принять в этом участие, чем несказанно обрадовал своего друга. Вспоминая позднее события тех дней, Стиль писал: "Однажды пригласив его (Аддисона), я не мог уже обойтись без его помощи"¹⁶. И действительно, около трети номеров "Тэтлера" было написано Аддисоном. Журналист мастерски изображал различные жанровые сценки из жизни англичан, высмеивая их манеры и нравы. Как признавал

Теккерей, «именно в "Тэтлере" Аддисон нашел себя, и заговорил самый восхитительный болтун в мире»¹⁷ (здесь игра слов: "Тэтлер" в переводе с английского означает "болтун". – *Т.Л.*). Журнал, как известно, просуществовал менее двух лет и принес его авторам огромный успех не только в Англии, но и за рубежом. Спустя несколько месяцев после прекращения издания начинающий писатель и баснописец Джон Гэй в небольшом памфлете "Современное состояние остроумия" сетовал: "В кофейнях почувствовали, что размышления эсквайра Бикерстафа (от его лица велось повествование. – *Т.Л.*) привлекали больше читателей, чем все другие газеты и журналы, вместе взятые... Невозможно представить, какое впечатление его сочинения производили на горожан, сколько безрассудств они уничтожили, или по крайней мере ослабили, какую поддержку оказали религии и добродетели, скольких людей сделали счастливыми, показав, что их участие зависит от них самих, наконец, как убедительно они продемонстрировали нашим щеголям и молодежи силу и преимущества образования"¹⁸. Так "Тэтлер" стал для Аддисона своеобразной школой в формировании его просветительских взглядов.

В 1710 г. в министерстве произошли перестановки: к власти пришли тори, и Аддисон лишился должности главного секретаря наместника Ирландии. Однако журналист не потерял бодрости духа и в кругу друзей посмеивался над своими бедами, в результате которых он "одновременно лишился должности, денег, положения в обществе и расположения одной знатной дамы, для которой мистер Аддисон-писатель и мистер Аддисон-секретарь были совершенно разными лицами"¹⁹. Вместе с тем он легко вновь прошел на выборах в парламент, где большинство мест на этот раз заняли тори. "Выборы мистера Аддисона прошли, что называется, без сучка и задоринки, – свидетельствовал Свифт, – и я полагаю, что если бы он задумал пройти в короли, то ему не решились бы отказать и в этом"²⁰.

В это время тори начали издавать журнал "Экзаминер", содержащий критику вигов, в котором сотрудничал Свифт. Аддисон, в свою очередь, решил издавать журнал "Вигский экзаминер". "Два лучших литератора того времени, бывшие не так давно друзьями, стали наносить друг другу удары"²¹. Цель своего издания Аддисон, судя по его комментариям в первом номере журнала, видел в том, чтобы дать возможность высказаться всякому, пострадавшему от несправедливых нападок "Экзаминера", которому следовало бы, на его взгляд, называться "Палачом", так как его статьи были похожи на пытки. Журнал Аддисона просуществовал недолго, чуть больше месяца, вышло всего пять номеров. Наибольший интерес среди них представлял последний номер от 12 октября 1710 г., в котором автор обсуждал вопрос о пассивном подчинении и "непротивлении" деспотической власти правителя. Подробнее на этом мы остановимся ниже.

Партийные разногласия Свифта и Аддисона, начавшие проявляться в полемике, которую каждый из литераторов вел на страницах своего журнала, привели к резкому охлаждению их отношений. О том, как это происходило, мы узнаем от самого Свифта, читая его дневник. Пока Свифт был на стороне вигов, приятели часто встречались, вместе обедали, переписывались. Но стоило Свифту перейти в стан политических противников, как дружбе пришел конец. "Мистер Аддисон и я разнимся теперь друг от друга, как черное от белого, – писал Свифт, – и я думаю, что из-за проклятых партийных свар наша дружба сойдет в конце концов на нет. Он не может вынести моего сближения с нынешним кабинетом министров".

Свифт высоко ценил талант Аддисона и получал истинное удовольствие от общения с журналистом. "Не знаю никого, кто бы мне хоть наполовину так приятен как он", – свидетельствовал Свифт. Не желая примириться с потерей расположения к себе Аддисона, он первым предпринял некоторые шаги для сближения. Свифт представил своего друга торийским министрам "в таком выгодном свете, что они весьма благосклонно теперь о нем отзываются, хотя прежде его терпеть не могли". Затем он уговорил государственного секретаря лорда Болингброка пригласить мистера Аддисона с ним отобедать, надеясь, что они будут друг с другом "подчеркнуто учтивы". Однако все было напрасно. Аддисон продолжал держаться "чрезвычайно натянуто и сухо", избегая встреч со Свифтом, тяжело переживавшим разрыв. "А все из-за этих проклятых партий", – отмечал он в письме к своей приятельнице Стелле. И далее с горечью продолжал: "Известно ли вам, что я больше, чем кто бы то ни было приложил стараний, чтобы снискать к острословам из вигов расположение и милость министров... Мне удалось на первых порах представить мистера Аддисона в таком благоприятном свете, что его услугами не прочь были воспользоваться, и я же отчасти содействовал сохранению за ним его должности. И при всем том эта братия обходится со мной хуже, чем с кем бы то ни было". Но ни заступничество Свифта перед торийскими министрами за некоторых вигских журналистов, в том числе Стиля и Аддисона, ни его протекции не могли повлиять на отношение Аддисона к недавнему другу, в лице которого он теперь видел только политического противника.

В конце концов Свифт вынужден был смириться с тем, что от их "былой дружбы и сердечности не осталось и следа", и хотя они с Аддисоном еще иногда виделись, но это были совсем иные встречи: "Мы с ним теперь просто вежливые знакомые; обмениваемся, конечно, какими-то словами, уговариваемся снова увидеться, и не более того". В письме к Стелле Свифт признавался, что любит Аддисона по-прежнему, но с искренним сожалением вынужден констатировать, что всей их дружбе пришел конец²².

Совершенно иначе сложились у Аддисона отношения с Ричардом Стилем. Их детская и юношеская дружба с годами еще более укрепилась. Стиль с обожанием относился к Аддисону, а тот, в свою очередь, благоволил к нему, хотя порой дружески и подтрунивал над приятелем. Аддисон близко к сердцу принимал все беды и неудачи друга, всячески пытался ему помочь, нередко вызволял из скандалов, в которые Ричард как заядлый дуэлянт порой попадал, добивался для него хорошей должности, корректировал и редактировал пьесы Стиля, наконец, не раз ссужал деньгами, в которых тот постоянно испытывал нужду. Неизменная приверженность обоих журналистов к вигским принципам еще более укрепила их отношения, сделав Стиля и Аддисона единомышленниками. Близкие по духу, по взглядам на политику, религию, мораль, Стиль и Аддисон составили прекрасный творческий дуэт в издании журналов "Тэтлер", "Спектейтор", "Гардиан".

В начале марта 1711 г. Стиль и Аддисон начали выпускать журнал "Спектейтор", который очень быстро завоевал популярность у публики. В десятом номере Аддисон с удовлетворением признавал, что успех журнала, имевшего тираж 30 тыс. экземпляров, обеспечен. Он полагал, что если каждый экземпляр прочтут двадцать человек, то и тогда у него будет уже около 60 тыс. читателей. "Собрав такую большую аудиторию, я не пожалею труда, чтобы сделать для нее наставления приятными и развлечения полезными, — писал журналист. — Для этой цели я попытаюсь оживить мораль остроумием и смягчить остроумие моралью, чтобы мои читатели по возможности извлекали пользу для ежедневных размышлений... Я решил освежать их память каждый день до тех пор, пока не извлеку их из ужасного состояния порока и безрассудства, в которые пал этот век... О Сократе говорили, что он свел философию с небес, чтобы поселить ее среди людей, а мое честолюбие было бы удовлетворено, если бы обо мне сказали, что я вывел философию из кабинетов и библиотек, школ и колледжей, чтобы водворить ее в клубах и собраниях, за чайным столом и в кофейнях"²³.

В журнале "Спектейтор" Аддисон начал выступать с позиции просветителя. Он высмеивал различные пороки представителей буржуазного общества Англии. Поскольку в то время среди англичан были широко распространены различного рода суеверия, религиозные предрассудки, вера в астрологию, ведьм, привидения, приметы, вещи сны и т.д., Аддисон с присущим ему тонким юмором повел борьбу против подобных негативных явлений в сознании англичан. Так, в седьмом номере журнала он рассказывал о суевериях, особенно распространенных в обществе, и размышлял о зле, которое они приносят. "Я знаю, что падающая звезда иногда лишает покой и сна на целую ночь, и видел, как внезапно побледнел и потерял аппетит человек, отломивший конец грудной птичьей кости, — писал

журналист. – Крик совы в полночь пугает иную семью больше, чем толпа разбойников, иногда голос сверчка наводит больше ужаса, чем рыканье льва. Для воображения, наполненного предзнаменованиями и приметами, нет такой незначительной вещи, которая не показалась бы угрожающей"²⁴.

Аддисон осуждал религиозные предрассудки англичан, пытался заставить их взглянуть на вещи трезво, отказаться от суеверий. Он считал, что всем несчастьям в мире, равно как и различным природным явлениям, можно найти объяснения с помощью "доводов философии" с тем, чтобы противостоять возможным катаклизмам. Те же, кто поддается суевериям, только усложняют свою жизнь, пасуя перед любыми сложностями, встающими на их пути, плывут по течению, уповая на свою судьбу. Осуждая приверженность к суевериям, просветитель призывал сограждан оставаться хозяевами своей жизни, бороться со всеми невзгодами, а не укрываться от них в паутине религиозных предрассудков и суеверий.

Аддисону было особенно неприятно ханжество в религии. Убежденный сторонник англиканской церкви, воспитанный в семье священнослужителя, он, тем не менее, осуждал людей, чрезмерно проявлявших свою религиозность, особенно тех, которые при этом не верили в Бога. «В прошлом веке в Англии было модным напускать на себя как можно больше святости, старательно избегая всякого веселья и шуток, чтобы прослыть человеком религиозным, – писал он о приверженцах пуританизма в одном из номеров журнала. – Эти "святые" ведут затворнический образ жизни, подвержены печали и меланхолии... Подобный "сын скорби" считает своим долгом выглядеть унылым и безутешным. Если ему придется неожиданно засмеяться, то он увидит в этом нарушение обета, данного при крещении. Невинная шутка пугает его, как богохульство... Все маленькие радости жизни для него – пышность и суета. Веселье представляется распущенностью, а остроумие – бесчестьем. Ему не нравится, когда молодежь оживлена, а дети увлечены игрой. На крестинах или на свадьбе он ведет себя как на похоронах. Он вздыхает к концу забавной истории и молится Богу, когда все в обществе веселятся»²⁵. Аддисон высмеивал также фарисеев. "Умеренный ханжа пытается казаться более порочным, чем есть на самом деле, другой тип ханжи более добродетелен. Первый боится всего, что хотя бы намекало на его религиозность, предпочитая быть обвиненным во многих любовных интригах и прелюбодеянии, в которых не был замешан. Второй с лицом святоши совершает множество порочных дел под маской религиозной личины"²⁶. В подобных высказываниях Аддисона отразилось рационалистическое отношение к религии. Аддисон осуждал религиозное ханжество, полагая, что истинно верующий не нуждается в саморекламе, и ему совсем не обязательно извещать о том весь белый свет.

Среди пороков представителей буржуазного общества, которые подверглись осуждению и резкой критике со стороны Аддисона, было распространённое в Англии чрезмерное пристрастие к спиртному. В одном из номеров журнала "Спектейтор" он сатирически изобразил одного почтенного джентльмена, который хвастался, сколько напитков удалось ему отведать за последние двадцать лет жизни: 23 бочки октябрьского пива, 4 бочки портвейна, 19 бочонков сидра, 3 стакана шампанского, 400 чаш пунша, и бесчисленное количество рюмок. "Я не сомневаюсь, – писал журналист, – что каждый читатель припомнит многих честолюбивых людей... которые смогут похвастаться подобными подвигами". И далее просветитель обличал тех, кто был подвержен подобному пороку: "Как бы высоко ни думали о себе эти люди, пьяница есть чудовище презренное и безобразное в глазах всех разумных людей". Аддисон убеждал читателей в том, что пьянство оказывает фатальные последствия на рассудок, организм и имущество каждого, кто ему предается, и нередко "хорошего человека превращает в идиота, а раздражительного – в убийцу!"²⁷.

Аддисон осуждал также ярых приверженцев карточной игры, широко распространенной в ту пору в высших и средних слоях английского общества. У него вызывало удивление, почему умные люди проводят по двенадцати часов, тасуя и сдавая карты, обмениваясь при этом лишь немногими фразами, относящимися к игре, размышляя только о различных фигурах из черных и красных пятнышек²⁸.

Вращаясь в высших кругах общества, Аддисон хорошо знал нравы, царившие в среде аристократов и буржуа. Многие в их образе жизни он также осуждал и высмеивал на страницах "Спектейтора". Журналиста коробила пошлость и безвкусица, вздорные и нелепые обычаи. Он критиковал приверженность англичан ко всему иностранному. "Мы склонны прийти в восторг от всего, что не является английским, если оно иностранного происхождения, будь то итальянское, французское, верхненемецкое – все одно"²⁹.

Не обошел просветитель и такие пороки, как зависть и злословие, особенно распространенные, на его взгляд, среди плохих поэтов. Поскольку никто так не честолюбив и не стремится к известности, как те, кто занимается поэзией, писал о своих собратях по перу Аддисон, то неудачники, вполне естественно, чернят творения тех, кто добился успеха. Ибо если они не в состоянии возвысить себя до репутации своих коллег-сочинителей, то хотя бы попытаются низвести их до своего уровня. Совершенно по-иному относился просветитель к творчеству великих литераторов, таких, как Джон Мильтон, о поэзии которого он отзывался очень высоко. В № 279 "Спектейтора" он писал: "Талант Мильтона и его несравненное превосходство заключаются прежде всего в возвышенности его мыслей... В величии чувств он превосходит всех поэтов, как современ-

ных, так и древних, за исключением лишь Гомера. Человеческое воображение не в силах породить более великие мысли, чем те, которые воплощены в его книгах"³⁰.

Аддисон обращал внимание на то, что люди нередко притворяются, подобно актерам на сцене, ради мелких страстей, честолюбия, сиюминутной выгоды. "Если мы посмотрим вокруг себя и наблюдаем людей самых разнообразных занятий и профессий, то несомненно, вряд ли найдем хотя бы одного, кто, подобно актеру, не выбрал себе какую-то личину", – писал он в одном из номеров журнала. Адвокат, яростно и шумно отстаивавший дело в суде, в котором, как ему хорошо известно, правда не на его стороне, – это, по мнению Аддисона, тот же актер, хотя несравненно низменнее актера, играющего на сцене, поскольку он тоже торгует собой за плату, но его лож защитника ведет к несправедливости. Не лучше выглядит и священник, готовый проповедовать что угодно и с какой угодно целью, кроме той, которую он должен преследовать: "содействовать интересам истинного благочестия и религии"³¹. Аддисон клеймил лицемерие и обман, считая их недостойными честного человека.

Хотя журналист критиковал пороки и негативные стороны английского общества, тем не менее он призывал сограждан делать различия между осуждением недостатков и попыткой высмеять их носителей. "Способность подвергать людей осмеянию и поднимать на смех тех, с кем беседуешь, – признак мелких, лишенных благородства умов, – писал журналист. – Если бы способность к осмеянию использовалась для того, чтобы смехом избавлять людей от пороков и безумств, тогда она могла бы принести какую-то пользу человечеству, но вместо этого мы обнаруживаем, что она обычно применяется для того, чтобы с помощью смеха лишить людей добродетели и здравого смысла, подвергая нападкам все, что есть торжественного и серьезного, приличного и достойного похвалы в жизни человека"³². Отмечая, что каждый человек подвержен слабостям, а нередко серьезные пороки присущи даже выдающимся людям, просветитель, тем не менее, призывал своих сограждан сосредоточивать внимание на достоинствах людей, не замечать несовершенств, но ценить их добродетели.

Большое внимание на страницах "Спектейтора" Аддисон уделял прекрасной половине человечества. Вообще он отзывался о женщинах с долей иронии и скептицизма, видя в них "безвредных, не очень умных, забавных и прекрасных созданий", и считал, что их главное предназначение – "оставаться всего лишь приятной забавой для мужчин". Аддисон высмеивал пустое времяпрепровождение отдельных представительниц слабого пола, обращая внимание на то, что у женщины из средних слоев нет никаких серьезных занятий в жизни. "Ее главная сфера деятельности – это туалет, а первойшей важнос-

ти занятие держать волосы в порядке, – писал Аддисон в "Спектейторе". – Разобрать ленты считается прекрасной работой для утра, а если она еще сходит в лавку, то устанет настолько, что ни к чему не будет способна на другой день. Более серьезное занятие для нее – шитье и вышивание, а самая трудная работа – приготовление желе и варенья"³³.

Критике со стороны Аддисона подвергся интерес женщин к политике вообще и к партийной борьбе, в частности. Он отмечал, что в период политических кризисов партийная борьба вызывала "сильнейшее брожение" в умах слабого пола. "Во всем городе едва ли найдется особа, которая не почитала бы себя способной судить о сложнейших спорах, церковных и государственных, – свидетельствовал журналист в одном из номеров журнала "Фригольдер". – Торговки устрицами убеждены в незаконности наших епископов, служанки же утверждают незыблемость их прав". Просветитель считал, что "партийное рвение" дам только "разжигает ненависть и партийные распри среди мужчин и в значительной степени лишает женщин того природного очарования, которым они наделены от рождения"³⁴.

В одном из номеров журнала "Спектейтор" Аддисон с иронией изобразил вымышленную сценку посещения театра, где обратил внимание на две группы женщин, разместившихся в ложах с противоположных сторон и готовых, казалось, к сражению друг с другом. Он заметил, что украшавшие лица женщин "мушки" были прикреплены по-разному: у одних на правой стороне лица, у других – на левой. Обращало на себя внимание и то, что дамы обменивались друг с другом "крайне враждебными взглядами". В средних же ложах было немало леди, у которых "мушки" были наклеены с обеих сторон лица и на первый взгляд казалось, что эти дамы пришли в театр с единственной целью: слушать оперу. Между тем стороннему наблюдателю становилось понятным, что сидевшие посредине дамы хранили нейтралитет. Однако с каждым днем число последних заметно сокращалось, что можно было определить по тому, как их мушки перемещались на "торийскую" или "вигскую" сторону, в зависимости от того, к какой из партий они присоединялись. Злые языки утверждали, что в этих "перемещениях" большую роль играли мужчины, расположения которых добивались дамы, и что мушки прикреплялись справа или слева в соответствии с принципами того мужчины, к которому благоволили эти леди. И лишь немногие из них поступали, исходя из собственных принципов или в интересах отечества, заключал Аддисон³⁵. Он осуждал подобную "партийную" активность женщин, полагая, что дамы должны скорее способствовать объединению, нежели раздорам партий.

Просветитель также считал, что представительницам прекрасного пола следует уделять внимание не только нарядам и развлечениям, но и чтению книг. Хотя Аддисон был более скромного мнения

об умственных способностях женщин, чем, скажем, Дефо, но и он был вынужден признать, что среди них встречается немало таких, которые "ведут более возвышенный образ жизни и способны на более серьезные разговоры, ...вращаются в высоких сферах знания и добродетели, ...соединяют все красоты ума с красотой платья и возбуждают своего рода благоговение и уважение, а также любовь в мужчинах, с ними общающихся"³⁶.

Аддисон осуждал пустое времяпрепровождение дам из высшего света. В одном из номеров "Спектейтора" он описывал распорядок дня молодой незамужней и богатой леди по имени Кларинда: «Она просыпается в восемь часов, пьет шоколад в постели, потом опять засыпает; около десяти встает, пьет чай и занимается туалетом, иногда по утрам читает "Зрителя" или трагедию Драйдена; потом ездит по лавкам и визитам; обедает между тремя и четырьмя; весь вечер до двенадцати часов ночи проводит за картами. И так изо дня в день с некоторыми вариантами и дополнениями: вышиванье, церковь, опера, заботы о собачке, любовные мечты»³⁷.

Журналист критиковал женские наряды, пристрастие некоторых дам к порокам "сильного пола": карточной игре, вину, табаку. Смешным и нелепым ему представлялось следование щеголих французской моде. «Обитательницы острова нашего уже испытали сильнейшее влияние сей занимательной нации, — писал Аддисон в № 45 "Спектейтора". — Помню времена, когда особо изысканные дамы, живущие в поместьях, держали не горничную, а лакея, ибо, без сомнения, считали мужчину много более проворным, чем представительниц их пола. Я видел сам, как один из этих "горничных" порхал по комнате с зеркалом в руке и все утро напролет причесывал свою хозяйку. Не знаю, есть ли правда в сплетнях о том, что некая леди родила от такой "служанки", но полагаю, что теперь эта порода перевелась в нашей стране».

Подражая французским дамам, англичанки ввели моду принимать гостей в постели. "Даму сочли бы невоспитанной, если бы она отказалась видеть гостя, поскольку еще не встала; швейцару отказали бы от места, если бы он не пустил к ней под столь нелепым предлогом", — свидетельствовал Аддисон. Журналист поведал своим читателям, а прежде всего читательницам о визите к одной из таких модниц: "Хотя хозяйка наша стремилась казаться неодетой и неприбранной, она прихорошилась, как только могла на нашему визиту. Волосы ее пребывали в очаровательном беспорядке, легкий пенюар с превеликим тщанием небрежно накинут на плечи... я поневоле отводил взгляд, когда хозяйка наша двигалась под одеялом, и впадал в полное смятение, когда она шевелила рукой или ногой". Еще больше Аддисон удивился, когда модница открыла свой очаровательный ротик и принялась рассуждать обо всем на свете. "Чрезвычайно странно смотреть, как это прелестное создание беседует о политике,

распустив волосы и прилежно изучая в зеркале лицо, безотказно пленяющее находящихся рядом мужчин, — делился своими впечатлениями журналист. — Как очаровательно чередует она обращения к гостям и к горничной! Как легко переходит от оперы или проповеди к гребенке слоновой кости или подушечке для булавок! Как наслаждался я, когда она прервала рассказ о своем путешествии, чтобы отдать распоряжение лакею, и пресекла чрезвычайно пылкий нравственный спор, дабы лизнуть мушку!"³⁸.

Не обошел своим вниманием журналист также мелочность интересов знатных дам. "Часто размышлял я о странности женского нрава, столь неустойчивого перед суетным, ложным блеском, и о неисчислимых бедах, проистекающих из сей легкомысленной склонности, — писал он в "Спектейторе". — Помню молодую особу, за которой ухаживали два пылких поклонника, несколько месяцев кряду старавшихся превзойти друг друга изяществом деяний и приятностью беседы. Наконец, когда соперничество зашло в тупик и дама никак не могла сделать выбор, одному из кавалеров пришла счастливая мысль: он добавил к своему камзолу кружев и через неделю женился на избраннице". Аддисону представлялись бессмысленными и пустыми разговоры, которые вели дамы света: "Заведите речь о чете молодоженов, и вы тут же узнаете, есть ли у них карета шестерней и серебряный сервиз; упомяните отсутствующую даму, и в девяти случаях из десяти вам сообщат что-нибудь о ее нарядах. Бал дает немалую пищу болтовне, день рождения обеспечивает целый год предметами для толков".

Аддисон поражался тому, сколь большое место занимали в умах женщин их наряды, с каким интересом они обсуждали, "было ли отделано такое-то платье драгоценными камнями, такая-то шляпа приколота булавкой с бриллиантом, такой-то жилет или такая-то юбка сшиты из парчи". Журналист недоумевал, почему женщины "подмечают лишь одеяния людей, не устаивая и мысли ту прелесть ума, которая придает очарование человеку и приносит пользу всем прочим". Аддисон был уверен, что обычаи и нравы высшего света, в котором женщины непрестанно стремятся "поразить воображение друг друга и в голове их одни лишь пестрые наряды", пагубно влияют на молодых девушек. "Деввица, воспитанная среди таких разговоров, незащитна перед любым расшитым камзолом, встретившись ей на пути, — писал журналист на страницах "Спектейтора". — Ее может погубить пара перчаток с бахромой. Ленты и кружева, золотой и серебряный галун и прочая мишура влекут и пленяют женщин, некрепких разумом или не получивших должного воспитания, и при умелости способны сразить самую надменную, свое нравную ветреницу"³⁹.

Так же, как и Стиль, Аддисон высказывал свои соображения о браке и месте женщины в нем. Он полагал, что наибольшие любовь

и постоянство царят в браках, которым предшествовало длительное ухаживание, поскольку именно долгий путь надежд и ожиданий укрепляет чувства влюбленных, рождает в их сердцах нежность к любимому человеку. Аддисон считал, что наиболее счастливым бывает брак, в котором сочетается любовь и расчет. Брак по любви приносит наслаждение, а брак по расчету – приятную жизнь, и только брак, в котором сочетается и то, и другое, несет в себе счастье. "Счастливый брак дает все удовольствия, приносимые дружбой, все радости, приносимые разумом и рассудком, словом, все прелести жизни", – констатировал журналист⁴⁰. Он признавал, что причиной несчастных браков чаще всего становится несходство характеров. Кроме того, людей, обладающих многими добродетелями, необходимыми для счастливой семейной жизни, на свете значительно меньше, нежели тех, кто их лишен. Как правило, писал Аддисон, "на одного человека, обладающего всеми этими совершенствами, мы встречаем сто, которые их не имеют". Тем не менее, заключал журналист, даже убедившись в недостатках или отсутствии желаемых черт характера у своего избранника или избранницы, не спешите расходиться. Лучше проявить "рассудительность и доброту", направив их на укрепление семейного очага. Рассудительность "воспрепятствует вашим мыслям обращать слишком много внимания на неприятные черты, а доброта возбудит в вас нежное сочувствие и гуманность, и постепенно самые недостатки приобретут для вас свою прелесть"⁴¹.

Аддисон пытался показать, как выглядит идеальный брак, к которому должна стремиться каждая женщина. Одна из героинь его статьи Аврелия – женщина "весьма родовитая, находит уладу в сельском уединении". Она проводит немало времени, гуляя в саду или в поле. Муж является ее ближайшим другом. Он разделяет с ней одиночество, а также влюблен в Аврелию, как и в первые дни совместной жизни. Оба супруга здравомыслищие, добродетельные, уважают друг друга. "Жизнь их столь упорядочена, молитва, трапеза, труд и развлечения чередуются столь разумно, что семья эта кажется маленьким государством". Супруги часто бывают в гостях, наслаждаются в Лондон, "где скорей устают, чем наслаждаются, так что с большим облегчением обращаются вновь к сельской жизни". Благодаря всему этому, заключал журналист, "они счастливы друг с другом, дети любят их, слуги почитают, и все, кто с ними знаком, завидуют им, а вернее любят ими"⁴².

Чтобы усилить впечатление положительным примером идеальной супруги, Аддисон в том же номере журнала изобразил полнейшую ей противоположность в лице Фульвии. Жизнь Фульвии весьма отличалась от жизни Аврелии. "Мужем она помыкает, как слугою, рассудительность же и рачительное домоводство считает мелкими, скучными и недостойными знатной дамы. Время, проведенное с се-

мьей, она полагает потерянным впустую и видит себя удаленной от мира, если не пребывает в театре, в парке или в гостиной. Тело ее вечно в движении, мысли – в смятении, и ей не сидится нигде, поскольку, на ее взгляд, там, где ее сейчас нет, многолюднее и веселее. Пропустить премьеру в опере тяжелее для нее, чем потерять ребенка. Ей жалки все достойные представительницы ее пола, а женщину, ведущую скромную, здравую, уединенную жизнь, она именует неотесанной и глупой. Как бы страдала она, если б узнала, что, стараясь быть заметной, выставляет себя на позор и, пытаясь привлечь людей, вызывает лишь презрение⁴³. Не прибегая к прямым назиданиям, Аддисон предлагал читательницам самостоятельно подумать над тем, какой из героинь следовало бы подражать.

Руководствуясь намерением просвещать юных дам в области морали, журналист демонстрировал примеры, которым те, совершенствуясь, могли бы подражать. Так, Аддисон пытался разъяснить своим читательницам, в чем заключается истинное, а не призрачное счастье женщины. "Истинному счастью любезно уединение, ему претят блеск и суета, а порождают его, во-первых, удовлетворенность собою, во-вторых – общество и беседа избранных друзей. Оно любит тень и одиночество, естественно тяготея к гротам и родникам, лугам и полянам... Ложное же счастье, напротив, предпочитает толпу, стремясь привлечь к себе внимание света. Собственного одобрения ему недостаточно, но необходимо восхищение прочих, и потому процветает оно при дворе, во дворцах и в театрах, на балах и ассамблеях и мгновенно исчезает, если его не заметят"⁴⁴.

Проследивая за тем, что подвергал критике Аддисон, убеждаемся, что это были, как правило, моральные пороки общества. Социальная несправедливость, экономическое неравенство, коррупция и взяточничество, процветавшие в правящих кругах, оставались вне пределов внимания журналиста. К слову сказать, подобные проблемы слабо освещались и другими просветителями. И в том не было ничего удивительного, поскольку все они принадлежали к классу буржуазии. Другое дело – коррупция и взяточничество в парламенте. Приятель Аддисона Стиль открыто клеймил это позорное явление. Аддисон же не упомянул о нем ни слова. Нам представляется, что он делал это сознательно, поскольку опасался возможных преследований со стороны правящей партии и правительства. Однако не исключено, что подобное отношение к данному вопросу было результатом его умеренной позиции в политике.

Обличая различного рода моральные пороки людей и негативные стороны общества, Аддисон задавался целью добиться улучшения существующего положения вещей. Подобно всем просветителям, главное средство для достижения этого он видел в пропаганде и распространении знаний, повышении образовательного уровня людей. Аддисон считал необходимым обучение молодежи самым

различным знаниям через чтение книг "полезных и занимательных авторов"⁴⁵. Душа человека без образования подобна, на его взгляд, куску мрамора в каменоломне, который скрывает от глаз людей всю свою красоту до тех пор, пока умелая рука каменотеса не потрудится над ним и не покажет цвет, не откроет взору каждый узор, жилку, таившиеся в нем. Точно также и в образовании: когда потрудятся над умом, то взору откроются все достоинства и совершенства, скрывавшиеся прежде в человеке. Просветитель приходил к заключению: "Скульптор из куска мрамора может сделать то же самое, что образование для души человека. Философ, святой или герой, мудрый, добрый или великий человек очень часто скрываются в простолудине, которого соответствующее образование преобразует".

Сам Аддисон стремился внести свой вклад в дело усовершенствования природы человека, в "шлифовку" его ума. Свою деятельность в журнале он рассматривал как средство достижения этих важных целей. "Рассуждения о нравственности и размышления о человеческой природе, — писал он, — являются наилучшими средствами, которые мы можем использовать для усовершенствования нашего ума и для приобретения истинного самопознания, и следовательно, для очищения наших душ от пороков, невежества и предрассудков, которые, естественно, примыкают к ним"⁴⁶.

Работа в "Спектейторе" принесла Аддисону славу известного журналиста Англии. Он сделался популярным у самой широкой публики. А вскоре об Аддисоне заговорили как о талантливом драматурге. 14 августа 1713 г. на сцене лондонского театра состоялась премьера его трагедии "Катон". Первые четыре акта трагедии были написаны еще во время пребывания в Италии, где все напоминало об эпохе Цезаря и Катона. Изучение Аддисоном пьес Шекспира, которые он ценил очень высоко, расширили и углубили его драматические теории, позволив завершить и поставить трагедию. Постановка ее была связана с событиями политической борьбы тех дней, заставившими автора завершить свою работу в спешном порядке: пятый акт "Катона" был написан менее, чем за неделю.

Репетиции трагедии Аддисона привлекли внимание политиков; на них присутствовали Свифт, епископ Клогерский и другие. Само же представление превратилось в своего рода политическую демонстрацию симпатий и антипатий к обоим партиям. Напомним, что в то время у власти стояли тории. Война за испанское наследство завершилась. В парламенте и за его пределами оживленно обсуждался Утрехтский мир. В этих условиях каждая из борющихся партий стремилась использовать постановку пьесы в своих целях, отождествляя дело партии с Катоном, боровшимся против тирании императора Цезаря. По Лондону распространились слухи, что трагедия Аддисона направлена на то, чтобы вызвать недовольство политикой

тори, которые по условиям Утрехтского договора отказались в пользу Франции от всех преимуществ, приобретенных в военных баталиях герцогом Мальборо.

Театр во время премьеры "Катона" был переполнен. В ложах с одной стороны сцены собрались лидеры вигов, с другой – представители правящей партии тори. У самой сцены восседал государственный секретарь лорд Болингброк, который сделал немало для заключения Утрехтского мира. В пьесе Аддисона были сцены, которые каждая из партий вполне могла истолковать в свою защиту. Когда в словах героев раздавались жалобы на упразднение свобод народа, начинали аплодировать виги. Воспоминания о прежних героических днях они воспринимали как намек на бесславный Утрехтский мир, положивший конец былой славе и победам английской армии. В то же время, когда Катон протестовал против военной диктатуры Цезаря, это было на руку тори, которые знали, что главнокомандующий Мальборо пытался добиться у королевы своего назначения пожизненным военным диктатором. Пьеса была встречена обеими партиями на ура. Присутствовавший на премьере Александр Поп свидетельствовал: "Катон не был таким чудом в Риме в свое время, как в Британии в наши времена... Долгие и бурные аплодисменты вигов, сидевших в театре с одной стороны, были подхвачены тори, с другой; а автор в холодном поту метался за кулисами, боясь, что эти аплодисменты больше дело рук, чем голов"⁴⁷. После завершения представления Болингброк пригласил актера Бартон Бута, исполнявшего роль Катона, в свою ложу и вручил ему пятьдесят гиней, публично поблагодарив за то, что он так хорошо защищал свободу от нападок "вечного диктатора" (Мальборо. – *Т.Л.*).

Трагедия "Катон" выдержала в Лондоне тридцать пять представлений подряд, с успехом прошла в Оксфорде, а вскоре сделалась известной в переводе во многих странах Европы. Отдельные цитаты из "Катона" вошли в общее употребление: "Мой голос тих – пусть говорит война", "Но государством правят нечестивцы. – И дело чести стало частным делом", "Заколебавшись, женщина погибла", "Платон, ты рассуждаешь хорошо!". С хвалебной рецензией в адрес "Катона" выступил на страницах "Гардиана" Стиль. Не удержался и Свифт, признававший: "Всех лавров Европы едва хватило для автора этой удивительной стихотворной пьесы"⁴⁸. Наконец, сама королева Анна направила Аддисону послание, в котором заявляла, что была бы счастлива, если бы автор данную пьесу посвятил ей лично.

После представления "Катона" слава Аддисона достигла своего апогея. Талантливый поэт, драматург, известный журналист, пропагандировавший просветительские взгляды, высокопоставленный государственный чиновник – таким представал он в глазах своих современников. Однако наш герой не остановился на достигнутом.

Вскоре он включился в работу над новым журналом – "Гардиан", который выпускал Стилль. Впрочем, новое издание просуществовало недолго, всего несколько месяцев. Стилль, с головой окунувшийся в политику, начал издавать "Инглишмен", отвечавший в большей степени задачам политической борьбы тех дней. Аддисон не поддерживал нового начинания своего друга, предпочитая открыто не вмешиваться в события партийной борьбы. Это вызвало недовольство его приятеля. Тем не менее Аддисон продолжал оставаться на прежних позициях: он был предан делу вигов, но предпочитал действовать крайне осторожно и осмотрительно. Неприхотливый в быту, он оказался чрезвычайно "скромным" и в политике. Подобная умеренная позиция Аддисона в полной мере отразилась на его политических взглядах.

Судя по тому, что в своих работах журналист нередко цитировал Джона Локка, можно предположить, что он находился под влиянием известного теоретика вигов. На это указывал и Лазурский. "Редкая книга давала ему (Аддисону) так много материала для очерков, как "Опыт о человеческом познании" Локка, – писал ученый. – Аддисон считал необходимым для общего развития критики изучать это сочинение, цитировал из него много раз более или менее обширные отрывки"⁴⁹. В чем же конкретно проявилось влияние Локка?

Подобно всем вигам, Аддисон предстает перед нами как верный защитник установившейся в Англии после Славной революции конституционной монархии. "Если бы мне предоставили возможность выбора... той формы правления, которую бы я пожелал, – писал журналист в одном из номеров "Спектейтора", – то я бесспорно отдал предпочтение такой, какая существует в нашей стране". И далее он останавливался на рассмотрении конституционного устройства Англии, особо отмечая его преимущество: "Такая форма правления кажется мне наиболее разумной... которая сосуществует с общественным миром и спокойствием". Аддисон считал наиболее важным при конституционном режиме сохранение гражданских свобод. Он полагал, что подобное государственное устройство освобождает человека от подчинения другому настолько, насколько позволяют существующие законы⁵⁰. Просветитель твердо верил в то, что конституционная монархия представляет собой прочную и незыблемую форму правления, которой не страшны никакие катаклизмы. "Невозможно свергнуть правительство во главе с мудрым и мужественным правителем, которому помогает управлять совет нации, – подчеркивал он во "Фригольдере". – Власть лордов и общин в Великобритании в совокупности с властью суверена не может быть контролируема мятежной толпой... он руководит флотом и армией, может издавать законы, которые сочтет необходимым для собственной защиты, распоряжаться богатствами королевства в целях дости-

жения безопасности народа и поддерживать интересы протестантизма в Европе"⁵¹.

Судя по приведенным высказываниям Аддисона, он, подобно большинству вигов, выступал в защиту теории "разделения властей". "Свобода лучше всего сохраняется там, где законодательная власть принадлежит кругу лиц, представляющих разные социальные слои и преследующих различные интересы". И далее Аддисон развивал свою мысль, поясняя, почему необходимо, чтобы законодательная власть вверялась в руки представителей разных классов: если законодатели принадлежат к одному рангу, то это мало чем отличается от деспотического правления. Наибольшая безопасность свобод народа может быть достигнута лишь тогда, когда законодательная власть находится в руках лиц выдающихся, которые, преследуя частные интересы людей своего круга, тем самым удовлетворяют чаяния всего народа. Аддисон не пояснял, кого он понимает под "народом", и не конкретизировал, кого следовало отнести к категории законодателей, представлявших "интересы людей своего круга". Но если судить по его замечанию, что народ "не имеет общего интереса по крайней мере ни с одной частью законодателей", то можно заключить, что просветитель к числу последних относил представителей имущих классов, а к народу – всех остальных англичан. По-видимому, в его представлении классовые интересы буржуазии и землевладельцев должны были играть решающую роль в законодательном учреждении страны.

Традиционное разделение власти на три ветви, сторонниками которого были виги, нашло свое теоретическое обоснование у Аддисона. "Если будет только одна ветвь власти, то это будет походить на тиранию, если их будет две, то не будет решающего голоса и одна из них с легкостью "проглотит" другую в результате споров и разногласий, которые неизбежно между ними возникнут. Четыре ветви будут иметь те же неудобства, что и две, а большее количество только приведет к многочисленным затруднениям". Аддисон ссылался на высказывания двух великих мыслителей – Полибия и Цицерона, которые отдавали предпочтение смешанному правлению, состоявшему из трех ветвей: королевской, аристократической и демократической. Подобное деление ветвей власти в римской конституции было не менее естественным, чем в британском правлении, заключал автор⁵².

Будучи приверженным конституционной монархии, Аддисон осуждал власть абсолютных монархов и тиранов. "Некоторые утверждают, что мы должны создать такое правление на земле, которое существует на небесах, являющееся, по их мнению, монархическим и неделимым". Аддисон не был согласен с подобным постулатом, поскольку сомневался в моральных добродетелях земных правителей. "Если бы человек был подобен своему создателю в до-

бродетели и справедливости, я последовал бы этой великой модели, но где доброта и справедливость не являются обязательными для правителя, я не желал бы ни в коей мере довериться в руки такого правителя и быть зависимым от его желаний и расположения". Аддисон не отрицал возможности правления одного человека, но считал, что, поскольку среди человечества на одного мудрого и добродетельного приходится десять с противоположными качествами, то для народа представляется опасным находиться в зависимости от добродетелей или пороков одного человека.

Обращаясь к примерам из истории, Аддисон подчеркивал: "Как много тиранов, должно быть, обнаружите вы, прежде чем найдете подходящего правителя". Он не сомневался в том, что сама возможность управлять деспотически и неограниченно способна честного человека сделать "жестоким и распутным". "Предоставьте человеку безнаказанно делать все, что он пожелает, и вы уничтожите его страх и, следовательно, позволите ему презреть одну из заповедей морали"⁵³. Просветитель пытался разубедить сторонников абсолютной монархии, предупреждая, что они подвергают свои свободы и собственность такой угрозе подчинения, которой следует всерьез опасаться: "Те, кто имел несчастье жить при такой власти, не имеют иного закона, кроме воли правителя и, следовательно, никаких привилегий, кроме тех, которые дарованы его милостью. И хотя в некоторых деспотических правлениях существует свод законов, он недостаточен для защиты прав народа, поскольку может быть изменен или вообще изъят из обращения по желанию правителя"⁵⁴.

Бесспорный интерес представляют рассуждения Аддисона по поводу влияния деспотической формы правления на развитие образования в стране. Он уверял: там, где существует тирания, там процветают "невежество и варварство". Просветитель не отрицал, что в тех европейских странах, где власть принадлежит тирану, имеется немало людей, прославившихся своей образованностью и знаниями. Происходит это от того, что образованные люди встречаются среди богатых людей, по отношению к которым правитель не решается проявить "полную тиранию", как это нередко бывает в странах Востока. Аддисон, отмечал Лазурский, видел возможность противостояния деспотическому правителю со стороны представителей имущих классов. "Характерна для Аддисона ... точка зрения, — писал ученый, — что для занятий науками и искусствами и для борьбы против деспотической власти необходимо опираться на личное материальное благосостояние"⁵⁵. Данное утверждение Аддисона свидетельствует, что правом сопротивления тирании он наделял лишь имущие слои.

Просветитель подчеркивал, что во всех деспотиях, даже в тех, где правитель благоволит к искусствам и образованию, наблюдается упадок. Именно эта тенденция является, по его мнению, еще

одним неоспоримым аргументом против деспотического правления⁵⁶. Слова осуждения тирании Аддисон вложил в уста главного героя своей трагедии. Катону претит неограниченная власть Цезаря и методы его правления. "Меч Цезаря сделал римский сенат малочисленным", а сам диктатор "почернел от убийств, измен, святотатства и преступлений, упоминания о которых приводят в ужас". "Клянись богами, – восклицал Катон, – что я не согласился бы обладать всем миром, чтобы быть подобным Цезарю"⁵⁷.

Следует признать, что Аддисон осуждал не только абсолютную монархию. Точно так же он не признавал и республику. В № 3 "Спектейтора" врагами британской конституции он называл как тиранов, так и республиканцев⁵⁸. Даже высоко оценивая поэтические произведения республиканца Джона Мильтона, в особенности его "Потерянный рай", Аддисон продолжал осуждать те сочинения, которые поэт написал в защиту республики.

Считая лучшей формой правления конституционную монархию, Аддисон важную роль в ней отводил парламенту. Он выделял место нижней палаты в законодательном учреждении. Палата общин представляла интересы свободных держателей, фригольдеров, "которые в нашем правлении равны по своей значимости гражданам Рима в знаменитой республике". Фригольдеры дают свое согласие на каждый из обсуждаемых законопроектов и должны "выступать в защиту тех законов, которые являются делом их рук"⁵⁹.

Хотя Аддисон прямо не говорил о первоначальном договоре между правителем и его подданными, однако, судя по отдельным его замечаниям, можно сделать вывод, что он поддерживал данную теорию. В № 12 "Фригольдера" Аддисон писал о том, что власть в каждом государстве вручается Провидением ради блага народа высшему магистрату, который действует через должностных лиц. Делается все это "ради сохранения порядка и справедливости" в стране. А вообще "правительство создается для поддержания мира, безопасности и счастья народа". Та форма правления, которая избирается, те законы, которые принимаются "для охраны невинных и наказания виновных", получают одобрение всего народа⁶⁰. В первом номере того же журнала просветитель подчеркивал: "Природа нашей счастливой конституции такова, что большинство народа охотно дало свое согласие на все, чему должно подчиняться, и те правила, которые оно выработало"⁶¹.

Каким образом должны поступать подданные, если их правитель нарушает общественный договор? Оказать сопротивление или подчиниться тирану? Аддисон подробно останавливается на освещении ответа на поставленный вопрос. В № 5 "Вигского экзаминара" он рассматривал теорию пассивного подчинения и непротивления. Однако вместо традиционный для вигов постановки вопроса, считать ли сопротивление законным и можно ли поднять оружие про-

тив правителя, Аддисон задавал его иначе: обязан ли правитель поступать в соответствии с конституцией или он вправе действовать самовластно и деспотично, т.е. является ли форма правления в Англии тиранией или ограниченной монархией? Просветитель полагал, что установить степень подчинения подданных, не определив характер власти, просто невозможно. Он приводил в пример историю тех стран, где существовало деспотическое правление, и подчеркивал, что пассивное подчинение и непротивление характерно для турков и индусов, для которых не существовало иных высших законов, кроме воли их господина. Деспотическое правление предполагало пассивное повиновение подданных, поскольку там, где власть единоличная, и подчинение должно быть беспрекословным.

Иначе обстояло дело в Англии, где власть принадлежит законодательному учреждению. Если бы вся власть в стране принадлежала монарху, тогда он мог изменить конституцию по своему желанию, нарушив или даже уничтожив ее. Но поскольку верховный правитель в Англии ограничен в своей власти, то необходимо найти истинную меру долга и подчинения по отношению к нему. Аддисон осуждал доктрину пассивного повиновения, утверждая, что в ней есть нечто "льстивое и вкрадчивое, делающее ее чрезвычайно приятной для уха государя". И потому приверженцы подобной доктрины всегда были любимцами правителей. В то же время честные люди, которые говорят своим правителям, что они от них ожидают и какое послушание могут им оказать, редко бывают в милости у правителей. Аддисон цитировал высказывания сторонников пассивного повиновения, которые считали оказание сопротивления власти тирана "происками дьявола". Их приводили в ужас попытки "нечестивых людей", которые понуждали народ к восстанию в защиту своих прав и свобод. Сами же они заявляли, что никогда не окажут сопротивления суверену, так как это приведет к нарушению Великой хартии вольностей и других законов страны. На их взгляд, сторонники сопротивления – это "предатели и изменники", рискующие жизнью и собственностью других людей. Аддисон осуждал подобных защитников повиновения, полагая, что эта доктрина неизбежно приведет к "фатальным последствиям", в результате которых "хороший король превратится в дурного"⁶².

Аддисон продолжал свои рассуждения о теории сопротивления также в № 12 "Фригольдера", где более откровенно высказывался в поддержку действий, направленных против злонамеренных деяний правителя-тирана. Наша конституция, писал он, устроена таким образом, что долг правителя охранять безопасность общества и долг подданных подчиняться ему взаимосвязаны. Если же монарх превращается "из благодетеля в злодея", устанавливает тиранию, которая делает собственность подданных незащищенной, а их жизнь опасной, то подданные вправе ради сохранения своих законов, религии

уничтожить подобную тиранию. И Бог простит этих людей, которые "попытались избавиться от своего ужасного положения", угрожавшего им лишением свободы и безопасности⁶³.

Судя по высказываниям Аддисона, он являлся убежденным сторонником теории сопротивления деспотической власти тирана. Но как в таком случае оценивал просветитель события революции и гражданской войны середины 40-х годов XVII в., являвшихся своего рода таким же сопротивлением народа власти тирана, о котором он столько теоретизировал? На взгляд Аддисона, события тех лет были "Великим мятежом", который расколол нацию и завершился убийством суверена. Журналист называл этот мятеж "одним из наиболее гнусных преступлений, какие только может совершить человек". В результате его были нарушены цели правления и благополучие гражданского общества: на одной стороне оказались те, кто был обеспокоен заботой о сохранении своей жизни, собственности и всего того, на что имели право, а на другой собрались те, кто стремился все это разрушить. Во главе последних встал человек "из низших слоев" (Оливер Кромвель), которого поддерживали определенные слои общества. Опираясь на эту силу, он мог "совершать любые несправедливости по отношению к любому лицу". Восстание нарушило также все те обязательства, которые каждое правительство требовало от людей, находившихся под его покровительством, а это, в свою очередь, "привело ко многим низким, пагубным, вероломным поступкам и предательству".

"Великий мятеж" представлялся Аддисону "средоточием зла", вызвавшего "грабежи, безнравственность, убийства". Он привел к "обеднению народа, разорению семей, разжиганию ненависти среди сограждан, друзей и родственников, ввел страну в состояние войны и несчастий, а также подверг нападению со стороны внешних врагов". И если совершился в ходе восстания хотя бы какой-то малейший прогресс, то только в результате "насилия и кровопролития". По мнению Аддисона, "любой грабитель или убийца выглядят безвинными в сравнении с мятежниками"⁶⁴. Предводителя восставших Кромвеля Аддисон иначе, как "узурпатором" не называл, полагая, что его политика и принципы "приводили в ужас и отвергались людьми добропорядочными и разумными"⁶⁵. Но, пожалуй, наиболее примечательным высказыванием Аддисона об Английской революции явилось помещенное в № 28 "Фригольдера": "Несчастья гражданской войны в правление Карла I и последствия, к которым они привели, отвратили жителей нашего острова от мысли вновь начать подобное предприятие и убедили их в результате фатального эксперимента, а также в том, что нет ничего пагубнее для англичан, чем свержение монархии"⁶⁶.

Защищая право народа на оказание сопротивления власти тирана теоретически, на деле Аддисон отказывал ему в этом праве. Лю-

бые выступления против монархии он объявлял незаконными, называя их мятежом или восстанием, и призывал к их подавлению. "Если наш народ не обладает добродетелью, которая удерживала бы его от противоестественной злобы, проникающей в сердца и настраивающей друг против друга, ни достаточным разумом, чтобы воспротивиться тем, кто втягивает его в разрушительные действия, — писал он на страницах "Фригольдера", — тогда для правительства настает время применить репрессии для подавления подобных возмутительных волнений и беспорядков... Наше государство вооружено достаточной силой для подавления подобных безрассудств и достижения общественного порядка в стране"⁶⁷. Как видно, представитель партии вигов Джозеф Аддисон твердо стоял на страже интересов власть предержащих. Свобода и право защиты общества от тирании гарантировались, на его взгляд, исключительно представителям имущих слоев, а народным низам в удел отводилось лишь слепое повиновение.

Большое место в общественно-политических взглядах Аддисона занимают его воззрения на роль политических партий в обществе. Просветитель обращал внимание на тот факт, что в Англии в правление королевы Анны заметно усилился интерес к политике в различных слоях общества. С присущим ему юмором журналист писал в одном из номеров "Фригольдера": "Наш остров, который прежде называли нацией святых, теперь по праву можно назвать нацией государственных мужей. Почти каждый ее представитель, вне зависимости от возраста, профессии или пола, имеет собственный взгляд на министров и их правление". Аддисон показывал, как различные вопросы политики государства вызывали пристальный интерес у представителей всех слоев общества. Английская знать является "политиком от рождения" и поучает общины в том, как им следует вверять свою власть тем представителям, которых можно контролировать через юрисдикцию или привилегии, и таким путем ограничивать законодательную власть. Студенты университета, сельские йомены, сквайры, мировые судьи — все интересуются политикой. Не отстает от мужчин и прекрасная половина человечества: едва ли отыщется в королевстве хотя бы одна женщина, не наслышанная о противоречиях в церкви или государстве. Одним словом, заключал Аддисон, "каждый член общества сведущ об изменениях в конституции и прекрасно разбирается в государственных делах"⁶⁸. И вот в этом, хорошо ориентирующемся в политике обществе начинаются раздоры, вспыхивает откровенная вражда друг к другу, вызванная партийными разногласиями, а порой просто принадлежностью к той или другой партии. "Наши дети присоединяются к фракциям еще до того, как узнают, где правая рука, а где — левая, — писал Аддисон во "Фригольдере". — Они едва научились говорить, но слова "виги" и "тори" становятся их первыми в жизни. Еще в младенчестве они обу-

чаются ненавидеть одну половину нации и овладевают всей злобой и яростью партии до того, как наберутся уму-разуму"⁶⁹.

С осуждением партийной вражды Аддисон выступал и на страницах "Спектейтора". Партии заставляют честных джентльменов ненавидеть друг друга, писал он. "Не может пасть на страну более страшного суда, чем этот ужасный дух раздора, который разделяет государство на два разных народа и делает его людей враждебными и чуждыми друг другу". Просветитель подчеркивал: подобные партийные раздоры действуют губительно на все общество. Партийный дух влияет на мораль и здравые суждения членов общества, открывает преимущества для его внешних врагов. Наконец, когда "ожесточенный партийный дух разгорается в полную силу, то он вызывает гражданскую войну и кровопролитие...Одним словом, он наполняет нацию мстительной ненавистью и уничтожает все зачатки добра, сострадания и гуманности"⁷⁰.

Осуждая партийные деления и раздоры, Аддисон предлагал объединить усилия всех людей, независимо от их партийной принадлежности, против общего врага. "Что касается меня, – писал он, – то я искренне желал бы, чтобы все честные люди объединились в обществе для взаимной поддержки, к какой бы партии они ни принадлежали... Мы не должны впредь рассматривать наших соотечественников как вигов или тори, но считать заслуженных людей своими друзьями, а в негодях видеть своих врагов"⁷¹.

С позиций просветителя Аддисон критиковал те методы борьбы, которые использовали члены обеих партий в своем поединке, и в частности лживое чернение противников. В одном из номеров "Спектейтора" он писал: "Этот порок настолько распространился среди нас в настоящее время, что человек считается беспринципным, если не придерживается определенной системы лжи. Она поддерживается в кофейнях, господствует в прессе, служит опорой для многих авторов... Даже обычная видимость правды и то мало ценится, тогда как ложь, никого не задевая, распространяется повсюду"⁷². Аддисон полагал, что "неумеренное партийное рвение и фанатизм...приводят к бедствиям народа и преступны по своей сути". Просветитель признавал, что "никогда не знал такой справедливой партии, за которой любой человек мог последовать со всей своей страстью, оставаясь в то же время совершенно незапятнанным"⁷³.

Что приводило англичан в ряды той или другой партии? Размышляя над данным вопросом, Аддисон утверждал: большинство его сограждан руководствовались "полученным образованием, личной выгодой, равнодушием к мнению тех, кто не одобряет их собственных взглядов". Просветитель подчеркивал, что спор между партиями лишен какой-либо принципиальности и ведется по преимуществу из-за высших должностей в государственном аппарате⁷⁴. Просветитель также верно подметил, что в основе партийного деления лежат

"земельные" и "денежные" интересы⁷⁵. В то же время он пытался доказать собственную внепартийность, утверждая, что "не желает увеличивать численность ни партии вигов, ни партии тори, но только мудрых и добрых людей"⁷⁶. Но так ли это было в действительности? Конечно же, нет. Как и все виги, Аддисон защищал "денежные" интересы, и подтверждением тому могут служить его рассуждения о купечестве, торговле Англии, бирже и других подобных материях, связанных с интересами буржуазии. В одном из номеров "Спектейтора" Аддисон с восторгом описывал посещение "самого приятного места в городе" – королевской биржи, доставившего ему "тайное удовольствие и удовлетворившего его тщеславие". Биржа напомнила своего рода большой совет, в котором собрались представители всех ведущих наций. "Комиссионеры в торговом зале имели то же значение, что и послы в политическом мире, – подчеркивал Аддисон. – Они вели переговоры, заключали сделки, поддерживали добрые отношения между теми богатыми сообществами людей, которых разделяют моря и океаны или протяженные размеры суши". Кого здесь только не встретишь: купцы из Японии, подданные Великого Могола и царя Московии, армяне и голландцы, датчане и шведы, французы и многие другие представители различных наций и народов.

Аддисон подчеркивал ту важную роль, которую играла в экономике страны ее торговля, в особенности заморская. "Если мы посмотрим на нашу страну в ее натуральном виде, без тех выгод и преимуществ, которые приносит коммерция, какой убогой и неуютной частью земли покажется она нам, – утверждал просветитель. – Вот почему нет в обществе более полезных членов, чем купцы. Они объединяют человечество, распределяют дары природы, обеспечивают работой бедных, обогащают богатых, добавляя величия знатным. Наш купец способен обратить медь своей страны в золото и обменять шерсть на рубины". Восхваляя роль коммерсантов в экономике страны, Аддисон заключал: "Торговля, не расширяя территориальных границ Британии, увеличивает ее достояние. Она приумножает число богатых, делает земельные владения более ценными и дополняет к ним владение другими богатствами, не менее значимыми, чем земля"⁷⁷. Заметим, что столь хвалебной оценки, какой Аддисон награждал купечество, не удостоился никакой другой социальный слой английского общества.

Как мы могли убедиться, Аддисон защищал интересы "денежных людей". Хотя он неоднократно говорил о тех опасностях, которыми чревато деление нации на партии, в то же время с осуждением отзывался о нейтралитете тех, кто предпочитал не участвовать в партийной борьбе. Просветитель считал, что никто не вправе оставаться в стороне, когда обществу угрожает опасность. Он ссылался на законодательство древних Афин, предусматривавшее нака-

зание лиц, остававшихся "безразличными наблюдателями". Их лишали собственности и изгоняли из республики. Подобный закон обязывал каждого гражданина "занять свое место на стороне одной из партий". Аддисон также требовал от соотечественников "не смотреть на борьбу с безразличием", но принимать в ней активное участие⁷⁸. Совершенно очевидно, что, делая подобные заявления, журналист стремился укрепить ряды партии вигов в тот момент, когда ее позиции были наиболее шаткими. Он осуждал также непостоянство по отношению к своей партии. Будучи преданным делу вигов, оставаясь на протяжении всей своей жизни их стойким сторонником, Аддисон не простил Свифту его перехода в ряды тори. В одном из номеров "Спектейтора" он со всей категоричностью заявлял: "Ничто так не компрометирует человека и не умаляет его в глазах всего мира, как непостоянство, в особенности если оно касается религии или партии. В обоих случаях, если даже человек исполняет свой долг, переходя на другую сторону, он становится ненавистным не только для тех, кого покинул, но редко встречает искреннее уважение со стороны тех, к кому примкнул"⁷⁹.

В произведениях Аддисона можно встретить характеристики обеих партий. Под вигами он понимал тех, кто являлся "друзьями конституции как в церкви, так и в государстве". На взгляд журналиста, виги всегда придерживались теории подчинения конституции, на которую дали согласие, отстаивали протестантское престолонаследие и дело монарха. Аддисон заверял, что никогда не слышал, чтобы вигов обвиняли или подозревали в действиях, направленных на свержение существующего строя или подрыв его основ. Подобным аргументом он пытался отвести обвинения противников вигов в том, что они будто бы стремились к установлению республики. Он также заявлял, что только виги выражают интересы народа: "Каждый гражданин должен помнить, что все законы, которые были направлены на облегчение положения и счастье народа, были приняты парламентами, называвшимися "вигскими" и во время правления вигских министерств"⁸⁰.

Нельзя сказать, чтобы к своим политическим противникам Аддисон относился с особой враждебностью, характерной для многих членов партии вигов. Отмечая, что обе партии добиваются в своей борьбе одной и той же цели, но различными средствами, он стремился подчеркнуть, что тори и виги принципиально мало чем отличаются друг от друга. Конечно же, тори нетерпимо относились к вероотступникам от государственной церкви, считали непотребным долгом каждого христианина и призывали придерживаться доктрины пассивного повиновения до тех пор, пока не возникнет необходимость выступить против правителя. Они полагали, что законодательная власть, когда ее представляют по большей части виги, не имеет права издавать законы, и являлись приверженцами католи-

ческого короля Якова II и его сына – Якова III (Претендента). И тем не менее, справедливо заключал Аддисон, тори в большинстве своем не являлись врагами существующего государственного устройства и потому к ним следовало относиться терпимо. В высказываниях журналиста не встречается той резкой критики, которой подвергал своих политических противников, к примеру, Д. Дефо. И уж тем более он не вступал в открытый бой с тори, как это делал его друг Ричард Стил. В отношениях с политическими противниками Аддисон предпочитал занимать умеренную позицию.

Бесспорный интерес в рассуждениях нашего героя представляют его высказывания о гражданских свободах. Просветитель воспевал свободу в своей трагедии "Катон". Его персонажи с пафосом восклицали: "Один день, один час свободы стоят много дороже целой вечности, проведенной в рабстве"; "Когда потеряна свобода, жизнь теряет смысл, становится скучной и несносной". Аддисон был уверен, что свобода должна распространяться на каждого гражданина и что естественными плодами свободы являются богатство и изобилие. Только в тех государствах, где процветает свобода, в полной мере развиваются науки, искусства, знания⁸¹.

Как относился Аддисон к свободе совести? Являясь сторонником государственной церкви, просветитель в то же время защищал право людей свободно выбирать любую религию. Он осуждал тех, кто в пылу религиозного рвения относится нетерпимо к людям иной конфессии. Очень часто под видом религиозного фанатизма, отмечал журналист, скрываются обыкновенные "гордыня, расчет или злонравие". "Мы видим, – писал он в "Спектейторе", – что никто не печется так об установлении истинного богопочитания огнем и мечом, кроме тех, кто получает выгоду от этого". Религиозный энтузиазм нередко становился удобным предлогом для "злонравных людей", которые под видом служения Богу "следовали влечениям своего испорченного и мстительного характера".

Аддисон осуждал тех, кто преследовал людей за их религиозные убеждения: "Мне нравится человек, который ревностно старается поднять нравственность, сделать счастливыми людей, но если я вижу, что он делает это с помощью пыток, виселиц, галер, темниц, если он лишает людей свободы, конфискует их имущество, разоряет семьи, сжигает тело, чтобы спасти душу, я не могу не сказать о таком человеке (что бы он ни думал о собственной вере и религии), его вера суетна, а религия бесплодна"⁸². Но кому конкретно были адресованы подобные обвинения Аддисона? Быть может, англиканской церкви и ее священнослужителям, преследовавших инакомыслящих? Или правительству, парламенту, утверждавшим законы, направленные на подавление вероотступников от англиканской церкви? Увы, ответа на подобные вопросы мы в высказываниях просветителя не найдем. Его обвинения в отсутствии терпимости к людям

другой конфессии были направлены не в адрес конкретных учреждений, обществ, а каким-то абстрактным "злонамеренным людям". По-видимому, в своих религиозных убеждениях Аддисон предпочитал занимать также умеренную позицию, избегая критических замечаний и осуждения религиозной политики правительства.

Несомненный интерес представляют рассуждения Аддисона о соотношении религии и морали верующих людей, подтверждавшие, что он стоял на позициях просветителя. В одном из номеров "Спектейтора" журналист подчеркивал, что многие из тех, кто является глубоко верующим, пренебрегают моралью, в то же время существует немало людей, опирающихся на мораль, но без должного внимания относящихся к вере. По мнению просветителя, нравственность или мораль имеет перед верой целый ряд преимуществ. Большую пользу, на его взгляд, принесет для общества человек нравственный, хотя и неверующий, нежели верующий, но безнравственный. Аддисон подчеркивал, что мораль является категорией "незыблемой, вечной, способной совершенствовать природу человека, умиротворяя его страсти, успокаивая душу, принося счастье каждому". Напротив, вера способна изменяться, ее устои столь же изменчивы, сколь и неопределенны, и потому все цивилизованные народы мира настолько едины в основных положениях морали, насколько расходятся в вере. Отдавая предпочтение морали перед верой, Аддисон в то же время признавал их взаимное влияние друг на друга. "Вера становится значительнее от того, какое влияние она оказывает на мораль, – подчеркивал он. – Ни одно из положений веры не может быть истинным и достоверным, если оно подрывает нравственность"⁸³. Идеально, если вера укрепляет мораль человека. Люди не смогут стать совершенными в нравственном отношении, если не укрепятся с помощью христианской веры, заключал просветитель.

Несмотря на то что Аддисон ратовал за веротерпимость по отношению к людям, исповедывавшим иную религию, он одобрял ту религиозную политику, которую проводило правительство вигов. Так, в 1715 г. католики, сторонники Претендента, подняли восстание против царствующего короля Англии Георга I Ганновера. И с каким же гневом обрушился на них Аддисон в журнале "Фригольдер". "Если бы это восстание удалось, – писал он, – то каковы были бы его последствия для нашей религии. Что мы можем ожидать от армии, освященной папой, возглавляемой яркими римскими католиками... среди которых офицеры – ирландские католики и стоящие вне закона личности". Подобно многим другим противникам католицизма, Аддисон отождествлял его с тираническим правлением. "Деспотическая власть настолько тесно связана с католичеством и настолько необходима для его утверждения, – писал он на страницах "Фригольдера", – настолько привита Претенденту, настолько

угодна принципам его приверженцев и столь естественна намерениям завоевателей, что если бы Претендент добился суверенной власти силой, то, без сомнения, он сохранил бы ее с помощью тирании"⁸⁴.

Но особенно ярко весьма непринципиальная позиция Аддисона по отношению к веротерпимости проявилась в его высказываниях о свободомыслящих, под которыми он подразумевал деистов и атеистов. Просветитель считал: вольнодумство – это результат "Великого мятежа", во время которого сектанты, пребывавшие в ту пору в Англии в "изобилии", так далеко зашли в лицемерии, что превратили свой язык в "жаргон энтузиастов". После реставрации монархии Стюартов люди старались как можно меньше походить на подобных лиц, которые "под личиной религии совершали столько гнусностей". Однако все это привело к противоположной крайности: на каждое проявление набожности стали смотреть как на приверженность к пуританизму, пока, наконец, "остроумцы, прославившиеся нападениями на религию и все серьезные материи в этом мире, высмеивая набожность, не подорвали к вере всякое уважение".

Аддисон был уверен: лицемерие в религии заслуживает "всяческого презрения", однако его следует предпочесть "открытому безбожию" – атеизму. На страницах "Спектейтора" журналист резко критиковал атеистов. Он подчеркивал, что атеисты с фанатизмом защищают свои взгляды: "Атеизм распространяется с таким неистовым и злобным негодованием и спорами, как будто бы от этого зависит спасение рода человеческого"⁸⁵. Аддисон высмеивал не только атеистов, но и деистов, утверждая: любой свободомыслящий – это "нахальный недоучка, у которого достаточно познаний, чтобы породить сомнения, но недостаточно знаний, чтобы их рассеять". Свободомыслящий, в изображении Аддисона, порицает многое в общественном строе государства, дает понять, что не верит в загробную жизнь, пользуется любым случаем, чтобы свернуть разговор на излюбленные свои темы, например, о кознях священнослужителей и т.д. Просветитель заявлял: "Свободомыслящий – это объект удивления для тех, кто глупее его, и объект презрения для всех, кто его умнее"⁸⁶. Таким образом, в вопросе о свободе совести Аддисон также занимал далеко непринципиальную позицию. Ратуя на словах за веротерпимость, он на деле допускал ее лишь для тех, кто придерживался учения господствующей англиканской церкви. Все, кто не являлся англиканцами, подвергались им осуждению, высмеиванию и порицанию.

Завершая рассмотрение общественно-политических и просветительских взглядов Джозефа Аддисона, отметим, что он выражал интересы "денежных людей", а значит, защищал ту политику, которую проводили их представители в вигском кабинете министров. Он оправдывал завоевательную внешнюю политику, настаивая на про-

должении войны за испанское наследство, поддерживал все мероприятия, проводимые правительством внутри страны. Аддисон подверг обличительной критике многие моральные пороки представителей буржуазной Англии, однако не затронул ни одной из сторон экономической, социальной и политической сферы в жизни общества. И в этом проявилась умеренная позиция Аддисона. Осуждая партийные раздоры и разногласия, господствовавшие в ту пору в политической жизни страны, Аддисон, являясь членом одной из партий, терпимо относился к своим политическим противникам. Отстаивая религиозную свободу, он в то же время критиковал свободомыслящих, католиков и всех, кто не исповедывал англиканскую религию. Именно приверженность Аддисона к англиканской церкви и его терпимое отношение к тори подавали надежды лидерам этой партии на возможное привлечение журналиста в свои ряды. Таким образом, в лице Аддисона мы видим типичного представителя умеренного крыла партии вигов. Сторонник конституционной монархии, теорий "разделения властей" и "сопротивления" власти тирана Аддисон, подобно всем вигам, защищал установившуюся в стране после Славной революции "смешанную" форму правления, расценивая любые выступления против нее как незаконные. В особенности он ратовал за подавление антиправительственных выступлений народных низов. Умеренный виг, просветитель Джозеф Аддисон твердо стоял на страже интересов своего класса – буржуазии.

Судьба продолжала улыбаться ему и после воцарения на троне династии Ганноверов. Еще до прибытия Георга I в Англию, сразу же после смерти королевы Анны, был сформирован временный Совет управления делами королевства, секретарем которого был назначен Аддисон. Когда Георг отправил в Ирландию нового наместника – графа Сандерленда, то в качестве его секретаря в Дублин вновь был послан Аддисон. Продолжая занимать также пост хранителя государственного архива в Ирландии и получая за это неплохое жалованье, Аддисон вел безбедную жизнь. В Ирландии он часто виделся со Свифтом. Их бывшие партийные разногласия теперь, после ухода Свифта с политической сцены, ушли в прошлое, и дружба двух литераторов возобновилась. Впрочем, в Ирландии Аддисон пробыл недолго. В 1715 г. он получил должность уполномоченного в Управлении по делам торговли Англии. По возвращении в Лондон журналист поставил комедию "Барабанщик", которая была холодно встречена публикой. Новая постановка пьесы, уже после смерти ее автора, имела шумный успех.

Осенью 1715 г. в Шотландии и на севере Англии вспыхнуло восстание сторонников Якова III Стюарта – якобитов, которое было быстро подавлено правительственными войсками. Это событие подтолкнуло Аддисона к изданию политического журнала "Фригольдер" ("Свободный землевладелец"). Чем объяснить, что вигский

журналист, всегда защищавший интересы "денежных людей", дал своему журналу такое название? На наш взгляд, идея журналиста озаглавить свое детище подобным образом объяснялась стремлением Аддисона привлечь на сторону вигов тех, кто поддерживал прежде партию тори. Когда было подавлено восстание якобитов, вигское правительство, стремясь обезопасить себя от повторения подобных событий в будущем, пожелало добиться консолидации сил, сгладив по возможности партийные разногласия. Аддисон тотчас принялся за дело: из-под его пера вышли статьи о восстании якобитов, сопротивлении власти тирана, пассивном повиновении законной власти правителя и т.д. С рядом из этих статей мы уже ознакомились. 55 номеров "Фригольдера", изданные на протяжении полугода, заняли среди работ Аддисона важное место. Статьи журнала наиболее ярко продемонстрировали зависимость литератора от властей: в этот период он обсуждал исключительно те проблемы, которые волновали правительство Англии.

В августе 1716 г. Аддисон женился на графине Шарлотте Уорвик, происходившей из старинного и знатного рода Мидлтонов. Аддисон познакомился с графиней, когда та, овдовев, поселилась вместе со своим младшим братом неподалеку от дома журналиста в Челси. Вскоре соседи подружились. Какое-то время Аддисон пытался отвлечь юного графа от "фешенебельных забав": колотить городских сторожей, бить окна, скатывать женщин в бочках с холма и тому подобное. Мистер Аддисон надумал приохотить молодца к серьезным занятиям и добродетельной жизни, но все его усилия оказались напрасными. Лорд сделался кутилой, сам же "воспитатель" влюбился в графиню. Ухаживание Аддисона за прославленной красавицей продолжалось около восьми лет. Надежды влюбленного сменялись отчаяньем. Графиня не торопилась отдавать свою руку и сердце пусть даже и знаменитому, но всего лишь простому журналисту. И только когда Аддисон разбогател, унаследовав состояние своего брата, служившего управляющим в Мадрасе, и приобрел поместье в Уорвикшире, леди Уорвик дала свое согласие на брак с эсквайром Джозефом Аддисоном. Известный просветитель, близко знавший Аддисона, С. Джонсон свидетельствовал: "Эта леди согласилась выйти за него замуж на условиях, подобных тем, на каких вступали в брак турецкие принцессы, которым султан говорил: "Дочь моя, отдаю тебе этого человека в рабство". Этот брак не сделал его счастливее, супруги не были и не стали равными"⁸⁷.

В 1717 г. в результате перестановок в вигском министерстве Аддисон был назначен на высший пост в иерархической структуре Англии – государственного секретаря. Его карьера достигла своего апогея. Однако Аддисон недолго пробыл на этой должности. Резкое ухудшение состояния здоровья заставило его оставить службу. Получив пенсию в полторы тысячи фунтов, Аддисон вышел в отстав-

ку, хотя и сохранил за собой депутатские полномочия в палате общин. Семейная жизнь не приносила радости. Говорят, что, когда здоровье Аддисона ухудшилось, он был рад убежать из богатого, роскошно обставленного дома графини, женщины властной и высокомерной, в любую таверну, где можно было, сидя за бутылкой доброго вина в компании с друзьями, насладиться шуткой, беседой о Вергилии и Сократе.

Последние годы жизни Аддисона были омрачены ссорой с закадычным другом Ричардом Стилем. Причиной тому послужил законопроект о пэрах, выдвинутый в парламенте графом Сандерлендом. Данный билль преследовал своей целью лишение монарха права назначать новых пэров по своему желанию. В первом номере журнала "Плебей" Стиль выступил против билля, поскольку считал, что он закрывает доступ в палату лордов новым людям, отличившимся в разных сферах деятельности. Законопроект, на его взгляд, наносил вред самой палате, превращая ее в "застоявшуюся лужу", и способствовал усилению позиций аристократии в палате лордов, которая впредь не будет контролироваться короной. Аддисон, в свою очередь, выступил в защиту билля. На страницах журнала "Олд виг" ("Старый виг") он утверждал, что постоянный рост числа членов высшей палаты парламента нарушит равновесие ветвей власти. Король, пользуясь правом назначения неограниченного числа лордов в палату, может злоупотребить своей прерогативой, тем самым усилив позиции своих сторонников в парламенте. Следовательно, необходимо поддержать билль о пэрах. Полемика двух журналистов не прекращалась.

Неожиданно от приступа астмы 17 июля 1719 г. в возрасте 47 лет Джозеф Аддисон скончался. Друзья так и не успели примириться. По этому поводу Лазурский отмечал: "Печально, что многолетний духовный союз двух талантливых людей разорвался, и один из них умер, не успев примириться с другим. Следует ли копаться в подробностях этой ссоры и обвинять одного больше, другого меньше? .. На обоих сказалась болезнь времени: ожесточенная борьба политических партий и их разветвлений"⁸⁸. Да, российский ученый был прав: в основе разногласий друзей оказалась их принадлежность хотя и к одной партии, но к разным ее течениям. Убежденный виг Стиль придерживался мнения, которое разделяло большинство членов палаты общин вигского парламента. Умеренный виг Аддисон выражал в споре интересы небольшой группы партийной верхушки – вигских министров.

Узнав о внезапной кончине друга, которым всегда восхищался, которого искренне любил, Стиль впал в отчаянье. И даже победа в споре, который он вел с Аддисоном (8 декабря 1719 г. билль о пэрах при голосовании в палате общин был провален. – *Т.Л.*), не принесла ожидаемой радости. Спустя несколько лет Стиль выпустил новое

издание комедии Аддисона "Барабанщик", в посвящении к которой высказал восхищение и гордость талантом друга, а также искренние сожаления по поводу их ссоры.

Осенью 1721 г. друг и личный секретарь Аддисона Томас Тикель издал его сочинения в четырех томах. Была объявлена подписка. Ее результаты превзошли все ожидания. "Удивительно, – писал Маколей, – английская литература в то время была мало известна на континенте, однако испанские гранды, итальянские прелаты, французские маршалы оказались в списке подписчиков"⁸⁹. Так слава английского просветителя, журналиста, писателя и драматурга надолго пережила известность умеренного вигского политика Джозефа Аддисона.

¹ *Thackeray W.M.* On Addison and Steele // *Addison and Steele. The Critical Heritage.* L., 1980. P. 442.

² *Macaulay T.B.* Essay on Addison. Boston, 1898. P. 3, 54.

³ *Courthope W.J.* Addison. L., 1884; *Smithers P.* The Life of Joseph Addison. Oxford, 1954; *The Critical Heritage* / Ed. A. Bloom and L. Bloom. L., 1980; *Лазурский В.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: Из истории английской журналистики XVIII века. Одесса, 1909–1916; Т. I–II.

⁴ *International Directory of Eighteenth-Century Studies.* Oxford, 2000. P. 377.

⁵ *Smithers P.* Op. cit. P. 7.

⁶ *The Letters of Joseph Addison.* Oxford, 1941. P. 5.

⁷ Цит. по: *Теккерей У.* Английские юмористы XVIII века // *Теккерей У.* Собр. соч. М., 1977. Т. 7. С. 570–571.

⁸ Там же. С. 571.

⁹ *Macaulay T.B.* Op. cit. P. 41.

¹⁰ *Ibid.* P. 42.

¹¹ *Ibid.* P. 50.

¹² Цит. по: *Courthope W.J.* Op. cit. P. 77.

¹³ *The Letters of Joseph Addison.* P. 96, 221, 210–211.

¹⁴ Цит. по: *Теккерей У.* Собр. соч. Т. 7. С. 572, 570.

¹⁵ *The Present State of the War... // The Works of the Late Right Honorable Joseph Addison, Esq. Vol. IV. Birmingham, 1761 (Далее: The Works of Addison).* P. 283, 285, 295–300.

¹⁶ Цит. по: *Macaulay T.B.* Указ. соч. P. 54.

¹⁷ *Thackeray W.M.* Op. cit. P. 444.

¹⁸ *Gay J.* The Present State of Wit, in a Letter to a Friend in the Country. L., 1711. P. 10–14.

¹⁹ *Macaulay T.B.* Op. cit. P. 60–61.

²⁰ *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 24.

²¹ *Courthope W.J.* Op. cit. P. 87.

²² *Свифт Дж.* Указ. соч. С. 63, 204, 96, 381, 343, 85, 112.

²³ *Addison and Steele.* Selections from "The Tatler" and "The Spectator". N. Y., 1957. P. 71.

²⁴ *Addison J.* Selections from Addison's Papers Contributed to the Spectator. Oxford, 1894. P. 125.

²⁵ *Ibid.* P. 201–202.

- 26 Addison's Essays from the "Spectator". L., P. 392.
- 27 Addison J. Op. cit. P. 211–212.
- 28 Ibid. P. 142.
- 29 The Spectator. L., 1777. Vol. I.
- 30 Цит. по: Теккерей У. Указ. соч. С. 565.
- 31 The Spectator. L., 1797. Vol. V. P. 212.
- 32 Addison J. Op. cit. P. 3.
- 33 Addison and Steele... P. 73.
- 34 Аддисон Дж. Эссе из журнала "Фригольдер" // Англия в памфлете: Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987. С. 92–93; Addison J. Op. cit. P. 258.
- 35 Ibid. P. 256–258.
- 36 Из истории английской эстетической мысли XVIII века (Поп, Аддисон, Джерард, Рид). М., 1982. С. 68.
- 37 Цит. по: Лазурский В. Указ. соч. Т. 1. С. 298.
- 38 Аддисон Дж. Зритель // Англия в памфлете. С. 128–129.
- 39 Там же. С. 115.
- 40 Цит. по: Хрестоматия по западноевропейской литературе. М., 1938. Т. III. С. 22–23.
- 41 Там же. С. 23.
- 42 Англия в памфлете. С. 116.
- 43 Там же.
- 44 Там же. С. 115–116.
- 45 Addison J. Op. cit. P. 143.
- 46 Addison's Essays from the "Spectator". P. 274, 276.
- 47 Цит. по: Теккерей У. Указ. соч. С. 572.
- 48 Там же.
- 49 Лазурский В. Указ. соч. Т. 1. С. 366.
- 50 Addison J. Op. cit. P. 118–119.
- 51 The Free-Holder, or Political Essays. By the Right Honorable Joseph Addison, Esq. L., 1751 (Далее: The Free-Holder). P. 155.
- 52 Addison J. Op. cit. P. 119.
- 53 Ibid. P. 120–121.
- 54 The Free-Holder. P. 79.
- 55 Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 290.
- 56 Addison J. Op. cit. P. 121–122.
- 57 Cato. A Tragedy by Mr. Addison. L., 1725. P. 60.
- 58 Addison J. Op. cit. P. 113.
- 59 Free-Holder. P. 72.
- 60 Ibid. P. 70–72.
- 61 Ibid. P. 2.
- 62 The Medleys for the Year 1711 to Which Are Prefixed the Five Whig-Examiners. L., 1712. P. 45–50.
- 63 The Free-Holder. P. 72–73.
- 64 Ibid. P. 70–72.
- 65 Ibid. P. 308.
- 66 Ibid. P. 153–154.
- 67 Ibid. P. 200.
- 68 Ibid. P. 302–305.
- 69 Ibid. P. 302.
- 70 Addison J. Op. cit. P. 40–41.

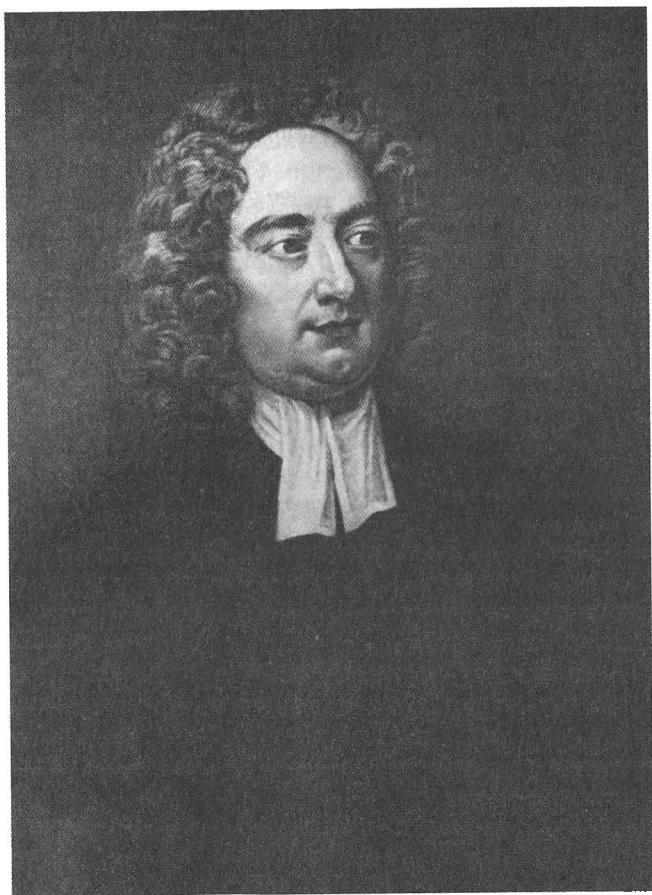
- ⁷¹ Ibid. P. 42–43.
- ⁷² Addison's Essays from the "Spectator". P. 473.
- ⁷³ Ibid. P. 394.
- ⁷⁴ The Free-Holder. P. 306.
- ⁷⁵ Addison J. Op. cit. P. 45.
- ⁷⁶ Ibid. P. 199.
- ⁷⁷ Ibid. P. 115.
- ⁷⁸ Ibid. P. 117.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ Ibid. P. 118.
- ⁸¹ Cato... P. 54–56.
- ⁸² Addison J. Op. cit. P. 163.
- ⁸³ Ibid. P. 195–196.
- ⁸⁴ The Free-Holder. P. 75.
- ⁸⁵ Addison J. Op. cit. P. 163, 194.
- ⁸⁶ Ibid. P. 166, 452.
- ⁸⁷ Цит. по: Теккерей У. Указ. соч. С. 573.
- ⁸⁸ Лазурский В. Указ. соч. Т. II. С. 329.
- ⁸⁹ Macaulay T.B. Op. cit. P. 97.

У ИСТОКОВ "ПУТЕШЕСТВИЙ ГУЛЛИВЕРА"

Выдающийся писатель-сатирик Англии XVIII в., яркий памфлетист, просветитель, борец за пробуждение национального самосознания ирландского народа, человек острого и глубокого ума Джонатан Свифт приобрел известность еще при жизни. Его единственное художественное произведение "Путешествие Гулливера" принесло автору мировую славу. По признанию известного писателя XIX в. У. Теккерея, у Свифта был "огромный, потрясающий талант, чудесно яркий, ослепительный и могучий, талант схватывать, узнавать, видеть, освещать ложь и сжигать ее до тла, проникать в скрытые побуждения и выявлять черные мысли людей"¹. Оружием острой сатиры Свифт заставлял преклоняться перед собой вельмож и министров, приводил в трепет врагов и завоевывал симпатии обиженных и угнетенных.

Жизнь, деятельность и литературное творчество писателя явились предметом стольких исследований за рубежом, что понадобилось их систематизировать в виде специальной библиографии². Среди этих работ наибольший интерес представляют труды Р. Кука, У. Спекка, Дж. Эхренпрейза, Дж. Дауни и других³. Свой вклад в изучение жизни и творчества Свифта внесли также отечественные литературоведы А. Веселовский, В.В. Чуйко, В.И. Яковенко, А. Дейч, М. Левилов, В.С. Муравьев и другие⁴. Заметим, что в обширной литературе о Свифте (как у нас в стране, так и за рубежом) очень мало исторических трудов⁵. Да и в имеющихся работах изучению идейно-политических взглядов Свифта отводится самое незначительное место. Между тем исследование его политических воззрений позволило бы понять истоки формирования просветительских взглядов и определить политическую ориентацию крупнейшего писателя Англии.

Джонатан Свифт (1667–1745) происходил из обедневшего старинного дворянского рода, проживавшего в графстве Йорк. Его дед, небогатый священник, обремененный многочисленной семьей, во время гражданской войны отдал все свое состояние в триста золотых монет при сборе пожертвований для короля Карла I Стюарта. За это он вскоре поплатился: сторонники Оливера Кромвеля бросили его в тюрьму и конфисковали имущество. Один из его сыновей – восемнадцатилетний Джонатан после смерти отца отправился в Ирландию к старшему брату Годвину Свифту, сумевшему к тому времени сколотить приличное состояние. Вскоре Джонатан женился на скромной и красивой девушке Абигель Эрик, которая, как и он, также происходила из старинного, но обедневшего рода. С помощью брата Джонатан устроился на должность младшего судейского чиновника в Дублине. Спустя два года он внезапно скончался, не дожив нескольких месяцев до рождения своего сына.

Ч. Джервес. Джонатан Свифт.
Начало XVIII в.

Джонатан Свифт-младший родился в Дублине 30 ноября 1667 г. Ребенку исполнился год, когда его кормилица надумала поехать к себе на родину, в английское графство Уайтхевен. С собой онахватила и малыша. В простой крестьянской семье мальчик прожил около трех лет. Вскоре после возвращения в Ирландию дядя Свифта, подметив способности племянника к учебе (в четыре года он уже свободно читал), отдал шестилетнего Джонатана в одну из лучших школ Килькенского округа. В четырнадцать лет Свифт поступил на богословский факультет Дублинского университета, где особый интерес проявлял к изучению истории и литературы. Учился он неровно. Его наставники особенно возмущались тем, что он прогуливал занятия, отсутствовал на богослужениях, предпочитая слоняться по

городу или сидел в кофейне. Впрочем, лекции по истории и литературе он посещал прилежно. Вскоре молодой Свифт сделался известным в кругу студентов как автор рукописных листков, в которых высмеивал учителей, подписываясь псевдонимом "Сын земли".

В юные годы Свифт, по словам Теккерея, был "необуздан, остроумен и очень бедствовал"⁶. За годы учебы в университете он испытал всю горечь унижения от тех денежных подачек, которыми богатый дядюшка оплачивал его пребывание в респектабельном учебном заведении. Очень быстро он осознал, что только материальное благополучие позволит ему стать по-настоящему свободным и независимым. Окончив в 1689 г. университет, Свифт оказался без средств к существованию, без связей, без должности. Он отправился в Англию, в Лестер, где в ту пору проживала его мать. Обеспокоенная судьбой сына, она обратилась за помощью к своему дальнему родственнику Уильяму Темплю. И вскоре Джонатан получил у него место секретаря. Знакомство с Темплем оказало большое влияние на молодого Свифта. Именно он, по мнению как зарубежных, так и отечественных исследователей, способствовал формированию у Свифта вигских взглядов⁷.

Незаурядный государственный деятель, опытный политик, искусный дипломат, видный депутат палаты общин, один из членов Тайного совета при короле Карле II Стюарте, сэр Уильям Темпл был хорошо известен в стране как человек высокообразованный, тонкий знаток многих языков, а также древней и современной истории, прекрасный оратор, автор ряда философских эссе и политических очерков. Яркая и одаренная личность, Темпл своими "талантами, пером и честностью" приводил в восхищение многих современников⁸. Даже спустя столетие после его смерти каждый джентльмен считал за честь иметь в своей библиотеке книги, принадлежавшие перу Темпля.

Поначалу положение молодого человека в доме богатого и знатного вельможи было незавидным. Свифт должен был читать книги своему патрону, заниматься его перепиской, вести счета, получая за секретарские обязанности скромное жалованье. К тому же ему приходилось выносить сварливый характер сестры Темпля и обедать за одним столом с его слугами. Все это воспринималось гордым юношей как унижение. Вспоминая позднее первые годы, проведенные в Мур-Парке, Свифт с горечью писал, что впредь никому не позволит обращаться с собой как с мальчишкой, поскольку "более чем достаточно натерпелся такого обращения в своей жизни" в доме сэра Темпля⁹.

Желая обрести самостоятельность, Свифт в 1695 г. покинул Мур-Парк и отправился в Ирландию. Здесь ему удалось получить небольшой приход в Килруте, неподалеку от Белфаста. Однако спокойная сельская жизнь приелась ему очень быстро, и когда Темпл

пригласил Джонатана к себе вновь, тот охотно возвратился в Мур-Парк. Теперь положение Свифта в доме Темпля стало иным. Разглядев в молодом человеке незаурядные способности, Темпл целиком поручил ему все свои литературные дела. Знакомство с Темплом оказало значительное влияние как на формирование мировоззрения Свифта, так и на определение его политической позиции и выбор места в жизни. Общение с самим Темплом, а также с людьми, его окружавшими, – дипломатами, политиками, писателями и поэтами – давало богатую пищу воображению юноши, будило его мысль. Впоследствии Свифт любил вспоминать о том, как король Вильгельм научил его "резать спаржу на голландский манер" и что именно в имении Темпля он увидел людей, "вершивших судьбы общества, услышал их разговор, сравнил себя с ними"¹⁰.

Около десяти лет прожил Свифт в Мур-Парке. Выполняя секретарские обязанности, молодой человек в то же время получил возможность заняться самообразованием, поскольку в доме Темпля имелась богатейшая библиотека, в которой наряду с трудами античных авторов – Гомера, Петрония, Лукреция, Вергилия, Тита Ливия – имелись книги современных философов – Т. Гоббса и Дж. Локка, а также теоретика государства и права – Н. Макиавелли, писателей М. Монтеня и Ф. Рабле, философа Ф. Ларошфуко. Все эти произведения Свифт читал с одинаковым интересом, проводя в библиотеке по 12–14 часов в сутки. А вскоре он и сам сделал первые шаги на литературном поприще, написав четыре оды, одну из которых посвятил королю Вильгельму Оранскому.

Пребывание в Мур-Парке осталось незабываемым для Свифта еще и потому, что здесь он встретился с Эстер Джонсон, или Стеллой, "звездочкой", как он ласково ее называл. Стелле суждено было сыграть важную роль в жизни писателя. Большинство биографов Свифта его первым любовным увлечением называли Стеллу. Между тем еще до встречи с ней Свифту уже довелось пережить любовное приключение, которое едва не закончилось браком. Об этой истории поведал Теккерей. Свою первую любовь Свифт повстречал будучи студентом. Его возлюбленной оказалась сестра товарища по колледжу мисс Джейн Варинг, или Варина, как окрестил ее Свифт. В ту пору ему исполнилось 19 лет, и свою любовь он изливал в письмах к обожаемой Варине. Одно из этих писем начиналось словами. "Нетерпение – это неотъемлемое качество влюбленного". Однако вскоре влюбленные вынуждены были расстаться, так как Свифт переехал в Мур-Парк на службу к Темплю. Еще какое-то время юноша посылал своей Варине письма, но разлука постепенно сделала свое дело: любовный пыл Джонатана остыл. Тем не менее однажды Свифт направил девушке письмо, в котором предлагал выйти за него замуж. Но это предложение было сделано в такой форме, что принять его уважающей себя юной леди было просто не-

Эстер Джонсон (Стелла).
Начало XVIII в.

возможно. В нем Свифт долго распространялся о своей бедности, а затем заключил: "Я буду счастлив принять Вас в свои объятия, независимо от того, красивы ли Вы и велико ли Ваше состояние. Главное – чистоплотность и, кроме того, достаточность средств, вот все, чего я от Вас хочу!"¹¹. Неудивительно, что на этом первый роман Свифта завершился.

С Эстер Джонсон или Стеллой Свифт впервые встретился в 1689 г. Ее отчим был управляющим в Мур-Парке (Теккерей утверждал, что Эстер являлась побочной дочерью сэра Темпля, о чем, на его взгляд, свидетельствовали черты лица девушки, ее манера одеваться, отношение к ней самого Темпля, а также завещанные им в ее пользу 1000 фунтов)¹². "Я узнал ее, когда ей было только шесть

лет, — напишет позднее Свифт в "Дневнике для Стеллы", — и в какой-то мере содействовал ее образованию, предлагая книги, которые ей следовало прочесть, и постоянно наставляя в началах чести и добродетели, от коих она не отклонялась ни в едином поступке на протяжении всей своей жизни"¹³. Между воспитателем и его ученицей установились дружеские отношения. Но постепенно Стелла все больше увлекалась высоким и стройным молодым человеком с яркими небесно-голубыми глазами, в которых светилось очаровательное лукавство. То уважение и восхищение, которое она испытывала к своему учителю и наставнику, бывшему, к слову сказать, старше ее на четырнадцать лет, с годами переросло в искреннюю и преданную любовь к Свифту. Стелла "слыла одной из самых красивых, изящных и приятных молодых женщин в Лондоне, — свидетельствовал Свифт. — Ее волосы были чернее воронова крыла, и все черты лица отличались совершенством". Высоко ценил Свифт также моральные качества девушки: ее тонкий ум, преданность, искренность. "Едва ли какая другая женщина была когда-нибудь столь щедро наделена от природы умом или более усовершенствовала его чтением и беседой, — писал он. — Ее совет бывал всегда самым лучшим, и величайшая независимость суждения сочеталась в ней с величайшим тактом... Никогда еще любезность и независимость, искренность и непринужденность не встречались в столь счастливом сочетании"¹⁴.

Несмотря на взаимную симпатию, отношения Свифта со Стеллой сложились непростые. После смерти Темпля в 1699 г. Свифт намеревался перебраться в Ирландию и посоветовал Стелле также туда переехать. Стелла безропотно последовала совету своего наставника и вскоре поселилась в Дублине, где и прожила до конца своих дней. Она оставалась верным другом Свифта и единственным поверенным во всех его делах. Покидая Ирландию, Свифт почти ежедневно посылал ей подробные письма (позднее они лягут в основу его произведения "Дневник для Стеллы"). Он не переставал восторгаться красотой и достоинствами Стеллы и, тем не менее, не допускал даже мысли о вступлении с ней в брак. Когда же некий Тиздал посватался к Стелле, Свифт, узнавший об этом, написал ему: "Если бы мои материальные средства ... и мое здоровье позволяли мне думать о подобных вещах, то я, конечно, из всех женщин в мире остановился бы на том выборе, какой сделали вы, так как я никогда не встречал человека, которого ценил бы так высоко, как ее"¹⁵. Возможно, что недостаток материальных средств и какое-то нездоровье Свифта и послужили истинными причинами, помешавшими его браку со Стеллой.

Когда Темпл умер, завещав Свифту заботы об издании собранных своих сочинений, а также доверив доходы от этого издания, Свифт искренне переживал его кончину. В дневнике он написал: "С Темплом умерло все, что было хорошего и доброго среди лю-

дей"¹⁶. Покинув Мур-Парк, Свифт устроился на место домашнего капеллана у лорда Беркли. Вскоре он издает свой первый политический трактат, сразу же принесший ему громкий успех: "Рассуждения о раздорах и разногласиях знати и общин в Афинах и Риме". В то время пришедшие к власти тори предъявили обвинение в государственной измене вигскому кабинету министров во главе с лордом Сомерсом, упрекая его в том, что он скрепил без ведома парламента тайный договор короля Вильгельма Оранского с Голландией и Австрией, направленный на создание антифранцузской коалиции в предстоящей войне за испанское наследство. Свифт расценил действия тори как попытки нарушить равновесие сил в государственном устройстве и добиться своего усиления на политической арене недопустимыми средствами.

В своем памфлете Свифт выступил как виг, защищавший "договорную" теорию происхождения государственной власти, поддерживавший принцип "равновесия властей", осуждавший тиранию во всех ее проявлениях. Он смело выступил в защиту вигского кабинета министров, изложив историю обвинений общинами Афин нескольких лиц, под которыми подразумевал вигов. Свифт дал каждому из вигов высокую оценку. На его взгляд, лорд Сомерс (Аристид) являлся "строгим судьей", который был хорошо знаком с законами и формами правления. Народ уважал его за "справедливость и строгое соблюдение законов"; адмирал Рассел (Фемистокл) – добрый человек и незаурядный деятель. К тому же он "удачливый генерал", одержавший немало побед над врагом. Маркиз Галифакс (Перикл) – способный министр, превосходный оратор, высокообразованный человек и т.д.¹⁷ Свифт считал, что обвинения, выдвинутые против заслуженных людей в Греции и Риме, создавали опасность для государства. Проводя аналогию с современными событиями, памфлетист приходил к заключению: "Стремление отстранить от управления страной людей способных и достойных, поставив взамен их честолюбивых, алчных, легкомысленных, с дурными намерениями, неминуемо приведет к краху государства"¹⁸. Свифт предостерегал новое министерство от подобных "фатальных" последствий.

Данный памфлет оказал немалую услугу вигам, и их лидеры лорды Сомерс и Галифакс пожелали поближе познакомиться с его автором. Как позднее вспоминал сам Свифт, они очень лестно отзывались о его способностях, заявляли о своем к нему расположении, были весьма щедры на обещания "любых повышений, когда это будет в их власти". Вскоре Свифт стал завсегдатаем у лорда Галифакса и виделся с лордом Сомерсом так часто, как ему того хотелось. "Именно тогда, – вспоминал Свифт, – я впервые озабочился различиями в партийных принципах вигов и тори; ранее я избирал себе другие, на мой взгляд, куда более достойные предметы для размышлений"¹⁹.

Так начался почти десятилетний период сотрудничества Свифта с вигами. Свифт познакомился и с видными журналистами из партии вигов: Ричардом Стилем и Джозефом Аддисоном, стал завсегдатаем кофейни Вилля, где собирались литераторы-виги. За Свифтом все прочнее утверждалась слава блестящего собеседника. Его остроты, меткие характеристики и едкие колкости, отпущенные по адресу противников, передавались и повторялись в кофейнях его собратьями по перу. Однако настоящую известность Свифт приобрел, когда в 1704 г. издал написанную им еще в Мур-Парке "Сказку бочки". В этом произведении Свифт выступал с позиций просветителя, ставя перед собой цель устранения извращений в науке и религии. Свифт был твердо убежден, что множество "грубых извращений в религии и науке могут послужить материалом для сатиры, которая была бы и полезна, и забавна"²⁰. Для этой цели "извращения" в области религии он представил в форме аллегорического рассказа о кафтанах и трех братьях, олицетворявших три основных христианских вероучения в Европе: католицизм (брат Петр), кальвинизм (брат Джек) и англиканство (брат Мартин).

"Извращения" же в области науки автор предпочел изобразить в отступлениях, как будто специально вставленных для того, чтобы сбить читателя с толку, сделать композицию книги хаотичной. Отсюда и название книги – "Сказка бочки", что в переводе с английского означает "бессвязная болтовня", "мешанина". На самом деле все эти предисловия и отступления были подчинены определенной цели: осмеянию различного рода нелепостей в науке, образовании, литературе.

Повествование в книге велось от лица одного из современных писателей по заказу высших чиновников церкви и государства, которые "сильно опасаются", как бы "умники", которых в нынешний век развелось немало, не вздумали выискивать на досуге слабые стороны религии и управления. Чтобы избежать подобной опасности, "умников" решили отвлечь, и как моряки, встретившие кита, бросают ему для забавы пустую бочку и тем отвлекают от нападения на корабль, так и автор создает свою сказку бочки (в этом заключался второй смысл названия книги), чтобы занять на несколько месяцев "названные беспокойные умы".

В первую очередь Свифт подверг критике католическую церковь. Он обвинял ее прелатов в плутовстве, утверждая, что "брат Петр" "совершил в последнее время несколько мошенничеств, вследствие чего вынужден был прятаться". Автор высмеивал пороки, присущие католическим священникам: спесь, прожектерство, упрямство, ложь, тщеславие, жадность. Изображая Петра (католическую церковь), Свифт писал: "В припадках безумия...он называл себя всемогущим Богом и подчас даже повелителем Вселенной...Петр даже в минуты просветления был крайне невоздержан на

язык, упрям и самоуверен и скорее проспорил бы до смерти, чем согласился бы признать в чем-нибудь свою неправоту. Кроме того, он обладал отвратительной привычкой говорить заведомо чудовищную ложь по всякому поводу и при этом не только клялся, что говорит правду, но посылал к черту всякого, кто выражал малейшее сомнение в его правдивости"²¹.

Досталось от Свифта и протестантскому духовенству, а также диссентерам, чей собирательный образ он вывел в лице брата Джека. Свифт обличал священников, совершавших "мерзости и жестокости" под прикрытием "религии и длинных молитв". Он высмеивал также обычаи религиозных фанатиков по каждому поводу обращаться к молитве: "Когда Джек затевал какую-нибудь гнусность, он становился на колени, иногда прямо в канаву, закатывал глаза и начинал молиться". Развенчивая ханжество и лицемерие протестантского духовенства, Свифт утверждал: "Диссентеры – беспощадные гонители под маской ханжества и набожности"²².

Совершенно иначе представлял автор англиканскую церковь (брат Мартин). Здесь не встретишь беспощадной критики догматов и обрядов церкви, которую Свифт обрушивал на католиков и сектантов. Более того, если можно говорить о положительном герое книги, то это, бесспорно, образ Мартина. У Свифта он представал рассудительным, сдержанным, спокойным и невозмутимым молодым человеком, чей кафтан (имелось в виду вероучение) всегда был "аккуратно приведен в состояние невинности"²³. Чем же объяснить подобную "лояльную" позицию Свифта по отношению к государственной религии и церкви? Все дело в том, что сам автор всегда оставался активным приверженцем англиканизма. В одной из бесед с лордом Сомерсом Свифт прямо заявил, что является сторонником "высокой церкви"²⁴. Верность догматам англиканской церкви, за которой Свифт оставлял господствующее положение во всех делах религии, осуждение всяких схизм и ересей, отступлений от доктрина государственной религии Свифт сохранил на протяжении всей своей жизни. Именно фанатичная преданность Свифта англиканству, идущая вразрез с теорией веротерпимости, которой придерживались виги, стала, на наш взгляд, непреодолимым препятствием на пути дальнейшего его сотрудничества с этой партией.

Таким образом, уже в данном произведении выявилось двойственное отношение Свифта к церкви и религии. С одной стороны, он выступал как просветитель, обличавший религию и ее приспешников – священнослужителей, а с другой – представлял как стойкий защитник англиканства, пытавшийся вывести за пределы критики государственную церковь. Подобное противоречивое отношение к религии Свифт сохранил на протяжении многих лет, и это в немалой степени осложнило его жизнь, затруднило продвижение по службе.

Свифт сетовал, что в защиту его произведения не было напечатано ни одной строчки и не появилось ни одного сочувственного отзыва. Однако он явно лукавил. "Сказка бочки" имела неслыханный успех. За шесть лет она выдержала пять изданий, поставив Свифта в первые ряды известных литераторов Англии. Сам Свифт, перечитывая на склоне лет свой труд, восклицал: "Боже милостивый! До чего же я был талантлив, когда писал эту книгу!"²⁵. В то же время она вызвала ненависть к автору со стороны католиков. Папа римский приказал включить "Сказку бочки" в список запрещенных книг. Нелестный прием встретила книга и у высокоцерковников. Королева сочла ее "богохульной", что и послужило в дальнейшем непреодолимым препятствием для Свифта в его стремлении получить епископский сан. Автор "Сказки бочки" в глазах королевы навечно остался еретиком.

В том же 1704 г. Свифт издал еще одно произведение – "Битву книг", которую посвятил своему бывшему патрону Уильяму Темплю. Данное произведение возникло в результате спора, вызванного трактатом-эссе Темпля "О знаниях древних и новых", в котором ведущая роль отводилась античным авторам. Противником Темпля в споре выступал хранитель королевской библиотеки Ричард Бентли, отстаивавший важность работ современных авторов. В "Битве книг" Свифт изобразил дискуссию между Темплом и Бентли в виде пародии. Все персонажи книги – античные герои, боги, поэты, богиня с чадами и домочадцами, философы, критики – участвуют в споре древних и современных писателей. Своим произведением Свифт высмеивал претензии "модернистов" на оригинальность, усматривая в этом лишь "наглое скудоумие". Да и сам спор между древними и современными писателями ему представлялся искусственным. По мнению Свифта, следовало не упиваться лишь творениями великих антиков, а ценить любое произведение за его художественные достоинства и те мысли, которые оно несет человечеству.

За годы сотрудничества с вигами Свифт написал ряд памфлетов: "Рассуждение в доказательство того, что уничтожение христианства в Англии может быть сопряжено с некоторыми неудобствами...", "Проект поддержания религии и реформы манер", "Мысли о различных вопросах морали и развлечений", "Нелепости и абсурдности в английском обществе" и ряд других. Все эти работы со всей очевидностью свидетельствовали об идентичности политических убеждений просветителя с теми, которых придерживались виги.

Как и большинство вигов, Свифт считал, что первоначально "неограниченная власть принадлежала народу", но со временем возникла необходимость ее разделения "с целью ограждения народа от угнетения в стране и насилия извне" на три независимых друг от друга ветви. Во главе государства стоял правитель, добившийся авторитета и популярности в народе доблестью, незаурядными способнос-

тиями, проявившимися в государственном управлении либо в военных экспедициях. Он возглавлял гражданские ассамблеи. Свифту представлялось логичным, что другая часть власти должна была вверяться "великому совету или сенату знати" – для решения важных государственных дел. Такой совет состоял из людей, владевших крупным состоянием и ведущих свое происхождение от предков, которые уже пользовались властью. Эти люди, подчеркивал памфлетист, легко находили общий язык и свою деятельность начинали прежде всего с мероприятий, направленных на обеспечение неприкосновенности своей собственности. Для достижения этой цели они проявляли особую заботу о сохранении мира в стране и за ее пределами. Наконец, третья часть власти вручалась "представительному собранию народа" – общинам. Причем, подчеркивал Свифт, "власть народа значительна и бесспорна". Свифт неоднократно утверждал, что правление государством не следует доверять "немногим" и что хорошо устроенными государствами являются такие, в которых власть "вверяется в разные руки"²⁶.

Свифт, как и многие виги, защищал принцип "равновесия властей". Если же это равновесие нарушается "в силу небрежного отношения, безрассудства или слабости тех, у кого находится власть, либо какая-либо из сторон перевешивает две другие", неизбежно происходит ее концентрация в руках одной силы – устанавливается тирания. Причем, по мнению Свифта, тирания не определяется количеством правителей и узурпация власти в государстве может быть осуществлена не только одним человеком, но и несколькими людьми. Средство избежать нарушения равновесия властей Свифт усматривал в "определенности" ограничений, накладываемых на каждую ветвь власти, и в том, чтобы эти ограничения были "общеизвестными"²⁷.

Свифт высказывал опасения, что нарушить равновесие властей может народ. На его взгляд, "нет ничего более опасного, чем позволить народу расширить свою власть", поскольку это неминуемо приведет к "фатальным последствиям". Как выразитель интересов класса собственников, Свифт опасался расширения власти народа, считая, что это повлечет за собой установление тирании. Он подчеркивал: "большинство революций в древних государствах Рима и Греции начиналось с тирании народа, а завершалось, как правило, тиранией одного человека"²⁸.

Обращаясь к истории Англии, Свифт прослеживал за тем, как изменения в равновесии властей влияли на расстановку сил в государстве. Со времени нормандского завоевания равновесие сил в королевстве часто менялось, а иногда полностью нарушалось. Причем немаловажную роль сыграли в этом общины, которые особенно укрепили свои позиции в правление Генриха VII Тюдора и его наследников. Усиление общин Свифт связывал с процессом расширения продажи земли знати, которая заметно усилилась после Рефор-

мации, когда на смену монастырским землевладельцам пришли светские лорды. В правление Елизаветы Тюдор, продолжал Свифт, равновесие властей находилось в более или менее стабильном положении. Но когда на политической сцене в Англии появились пуритане, обратившиеся к новым схемам правления в религии и республиканским принципам, то они смогли оказать давление на прерогативу, нарушили тем самым равновесие сил, что незамедлительно привело к революции. В ходе революции, полагал Свифт, пуритане попытались вначале ввести тиранию народа, а затем одного лица. Просветитель считал, что даже сам Кромвель был вынужден считаться с принципом "равновесия властей" и в качестве противовеса усилению власти палаты общин незадолго до того, как сделаться тираном, создал новую палату лордов. После Реставрации в правление двух "слабых правителей" (Карла II и Якова II Стюартов) равновесие сил находилось, на взгляд Свифта, на грани коллапса, и лишь только Славная революция упрочила баланс сил в государственном устройстве.

Свифт считал, что народ вправе избирать ту форму правления, которую считает пригодной для своей страны. Он высказывал любопытное предположение о том, что выбор такой формы зависит от темперамента и характера народа, а также климата страны, в которой он проживает. "Как правило, – уверял памфлетист, – умеренный климат способствует умеренному правлению, а резко континентальный располагает к деспотической власти"²⁹. Какая же форма правления была наиболее пригодна для англичан, по мнению Свифта? Тирания, узурпация власти вызывали осуждение литератора. Деспотическая власть, на его взгляд, "еще большее зло, чем анархия". Свифт был уверен, что к абсолютному правителю следует относиться во всех свободных государствах как "к врагу всего человечества"³⁰. Он полагал, что монарх должен быть ограничен законами точно так же, как и его подданные. Ненависть к тирании в любой ее форме Свифт пронес через всю свою жизнь и в "Путешествиях Гулливера" написал: "Больше всего я наслаждался лицемерием людей, истреблявших тиранов и узурпаторов и восстанавливавших свободу и попранные права угнетенных народов"³¹.

Впрочем, республиканская форма правления также претила Свифту. "Единственное зло, против которого мы должны выступать, – это фанатизм и неверие в религии и республиканское правление", – писал он в журнале "Экзаминар"³². Свифт критиковал республику, каковой стала Англия во время революции середины XVII в. Да и саму революцию он иначе, как "противоестественное" и "ужасное восстание" не называл³³. Больше всего по нраву Свифту пришлось конституционная монархия, которая была установлена в стране после Славной революции. Свифт неоднократно выступал в ее защиту. Он призывал сохранять конституцию "во всех ее час-

тях" и, допуская отдельные изменения в управлении, выражал твердую уверенность в том, что "форма и равновесие ветвей власти сохранятся в неизменном виде и в будущем"³⁴.

Большое значение в государственном устройстве Свифт придавал парламенту, который, по его мнению, должен действовать по всеобщему согласию и в интересах всего общества. В идеальном парламенте дебаты о законопроектах ведутся беспристрастно и без оказания давления со стороны отдельных лидеров, которые готовы предать интересы Отечества ради корыстной личной выгоды. Свифт выступал за расширение прав представительного учреждения. Как просветитель он тесно увязывал понятие "свободы нации" с неограниченными привилегиями парламента, твердо уверовав в то, что в ограничении нуждается только исполнительная власть — монарх. Усматривая в представительном учреждении гарантии свободы, памфлетист ратовал за частые созывы парламента. Он был убежден в том, что ошибки, совершаемые парламентом, происходят из-за давления, оказываемого на депутатов лидерами политических партий.

Свифт подчеркивал: парламентарий в обычной жизни "позволяет себе оставаться на одном уровне с прочими смертными, следует своим собственным путем, сообразно своему разуму, и скорее подчинится своему разуму, чем указаниям самого мудрейшего из соседей". Но стоит депутату войти в здание парламента, как он превращается в совершенно другого человека. Теперь он почитает себя существом высшим по сравнению с теми, кто остался за стенами парламента. Депутат присоединяется к партии, "ни целей, ни характера, ни лидера которой не знает, но мнение последнего поддерживает и отстаивает с таким рвением и усердием, словно он молодой студент, следующий советам известного профессора философии. У самого члена палаты отсутствуют собственные мнения, мысли, речи, поступки. Все это сообщается ему лидером, и прежде чем что-либо окажется у него на устах, это уже не только измельчено, но и пережевано. Инструктируемый таким образом парламентарий следует за партией, правой или неправой"³⁵. Осуждая зависимость депутатов от лидеров партий, Свифт усматривал подходящее средство избавления от нее в том, чтобы парламентариев избирали из числа землевладельцев. Пока же, писал Свифт в памфлете "Нелепости и абсурдности в английском обществе", мы нередко сталкиваемся с тем, что многие члены парламента представляют города, не владея при этом ни пядью земли в королевстве³⁶.

С позиций просветителя Свифт критиковал существующую избирательную систему, согласно которой правом выбора обладали те, кто имел не менее 40 шиллингов годового дохода. Он считал, что подобная система изжила себя, потому что устарела, а также из-за коррупции, поэтому избирательное право следует предоставлять

тем, кто владеет земельной собственностью. Свифт предлагал повысить размер имущественного ценза для выборщиков, а также допускать в их ряды исключительно землевладельцев. В подобных рассуждениях обращала на себя внимание его приверженность к "земельным", а не "денежным", что было характерно для вигов, интересам. Чем же это объяснялось? Являясь священнослужителем англиканской церкви, происходя из семьи землевладельцев, в которой были сильны роялистские симпатии, Свифт явно тяготел к классу землевладельцев. Однако в то время, когда Свифт писал указанные памфлеты, он, по-видимому, еще пребывал под влиянием вига Темпля, и потому в его произведениях встречались лишь отдельные фрагменты, напоминавшие идеи тори. К примеру, типичным для тори было утверждение, озвученное Свифтом, о том, что непременным условием для избирателей и кандидатов в парламент должна оставаться их приверженность догматам государственной церкви. На взгляд Свифта, люди, исповедовавшие иную религию, попытаются выдвинуть в парламент лиц с такими религиозными убеждениями, каких придерживаются сами, и в случае, если подобных депутатов в парламенте окажется немало, они смогут угрожать государственной религии, а также разрушат само государственное устройство. Поэтому Свифт требовал избирать в парламент исключительно англиканцев.

С позиций просветителя Свифт выступал в защиту более равного представительства от графств и городов. Ему представлялось абсурдным, что заброшенные бургы продолжали выдвигать своих представителей на выборах, тогда как там вообще было некого представлять, но тем самым большие города, в которых проживало множество граждан, призванных расширять торговлю королевства, лишались такой возможности. Разумеется, подобные заявления Свифта отнюдь не означали, что он ратовал за предоставление избирательных прав всем англичанам. В его понимании избирательными правами могли пользоваться исключительно имущие классы. Ремесленники, квалифицированные рабочие, мелкие торговцы и фермеры, не говоря уже о крестьянах и ремесленниках, принадлежали к тому "низшему сорту людей", которых Свифт исключал из права участия в политической жизни общества. Как справедливо подметил британский ученый Эхренпрейз, он оставлял за неимущими лишь право пассивного подчинения законам³⁷.

Свифт ни на минуту не сомневался также в том, что те, кого избирают в парламент, должны происходить из имущих слоев населения, и в первую очередь из числа землевладельцев. В памфлете "Мысли о различных вопросах морали и развлечений" он со всей категоричностью заявлял: "Закон в свободной стране должен устанавливаться большинством тех, кто владеет земельной собственностью". Далее просветитель рассуждал следующим образом. Во всех

"хорошо устроенных государствах" власти пекутся об ограничении владений собственности своих граждан, причем делается это нередко с целью повышения их стимула к заботе об общественном благе. Явно утопичными звучали утверждения Свифта о том, что люди, которые приобретут столько собственности, сколько им позволит закон, тотчас же начинают проявлять заботу об интересах и благе общества³⁸. Целью "хорошего" правления Свифт считал стремление правителя оберегать частную собственность граждан. Поэтому доверять заботу об охране собственности, полагал просветитель, следовало тем, кто "сам платил за свои выборы", т.е. крупным собственникам³⁹.

Отстаивая интересы имущих слоев и защищая их право на власть, Свифт соответственно строил и свою теорию сопротивления. Как мы уже могли убедиться, данная теория широко пропагандировалась партией вигов. Тори, напротив, придерживались учения о непротавлении. Свифт напоминал, что в правление последних Стюартов духовенство под видом пассивного подчинения и непротавления на деле защищало неограниченную власть монарха, заявляя, что эта доктрина "угодна двору". Просветитель считал допустимым оказание сопротивления власти тирана, только в виде лишения его короны. Что же касается законодательной власти, то ей следовало подчиняться беспрекословно. При этом Свифт допускал, что власть парламента может быть неограниченной. Как видно, идеальное государственное правление представлялось Свифту как абсолютная законодательная власть, которую будто бы представляет весь народ, и исполнительная власть, "определенным образом ограниченная". При иных вариантах или неравномерном распределении ветвей власти возможны, по мнению просветителя, "опасные и дурные последствия"⁴⁰.

Сторонник политического учения вигов, Свифт, тем не менее, защищал интересы класса землевладельцев, т.е. по сути – партии тори. Кем же был в действительности Свифт? Как относился к партиям, когда сотрудничал с вигами? Надо признать, что он четко разграничивал партии по их отношению к собственности. Землевладельцы Англии (лендлорды, сельское джентри, йомены, фригольдеры) причислялись им к тори, а коммерсанты, промышленники и финансисты – к вигам⁴¹. В то время как люди, отстаивающие "земельные" или "денежные" интересы, вели борьбу за главенствующее место в политике, Свифт выступал в роли миротворца. "Когда две партии, разделявшие общество, ссорятся, – писал он в памфлете "Рассуждения церковника", долг каждого человека выбрать одну или другую сторону, либо примирить обе"⁴². Поскольку автор сохранял дружеские отношения со многими известными деятелями из обеих партий, то немудрено, что он считал возможным выступать в роли посредника между ними.

Свифт вообще иронически относился к партийной борьбе: "После образования партий одиночки выглядят так смешно и становятся такими жалкими, что им ничего не остается, кроме как бежать в стадо, которое по крайней мере укроет и защитит их, и где, чтобы с тобой считались, надо быть лишь понаглее"⁴³. Свифт считал недостойным "человеческой природы и человеческого разума" присоединяться на подобных "рабских" условиях к любой из партий. Пытаясь сохранить независимое положение, он, казалось на первый взгляд, давал им беспристрастные характеристики: "Я не обвиняю ни вигов, ни тори в том, что отдельные их принципы могут спровоцировать установление пресвитерианства или католицизма в религии и республиканизма или деспотизма в государственном правлении". И далее Свифт излагал собственную позицию. Он объявлял себя приверженцем англиканства, готовым уничтожить порядок, при котором вера "подвергается коррупции и осмеянию" и представляет опасность для монархии, и заявлял о своей готовности с оружием в руках "выступить против любого зла на земле"⁴⁴.

Однако как бы ни пытался Свифт представить себя "внепартийным" памфлетистом, его трактаты убеждали в обратном: литератор отстаивал позиции вигов. Впрочем, уже в "вигский" период в его взглядах стали намечаться расхождения с этой партией по трем позициям. Во-первых, Свифт защищал интересы землевладельцев. Во-вторых, он оставался стойким приверженцем англиканской веры, более того, осуждал любые отступления от установленной государственной формы богослужения. Чтобы подкрепить собственную мысль о недопустимости раскола в церкви Англии, Свифт приводил в пример высказывания Платона о том, что люди должны служить Богу в соответствии с законами страны. Как англиканец Свифт настаивал, чтобы законодательная власть с помощью строгих и эффективных законов препятствовала появлению и распространению новых сект. Но поскольку многочисленные нонконформистские секты все же продолжали существовать в стране, то Свифт готов был примириться с этим. Он считал противоречащим государственному устройству Англии и делу очищения религии использование насилия против многих "заблудших" людей, если только они не представляли угрозы для конституции. Однако в то же время он отказывал им в праве занимать сколько-нибудь высокие должности в управлении, полагая, что лучше вовсе не давать им "никакой, пусть даже самой незначительной власти"⁴⁵.

На взгляд Свифта, литераторы, выдвигавшие свои аргументы в защиту диссентеров, являлись противниками "высокой" церкви и тем самым подрывали "основы благочестия и добродетели". Памфлетист выступал против "веяний века": высмеивать и принижать духовенство, полагая, что подобные поступки ложатся "позорным

пятном" на королевство. Разве не удивительно было все это слышать от автора "Сказки бочки", который недавно еще демонстрировал острую сатиру на католическую и протестантскую церкви, да и религию в целом? Вероятно, во взглядах Свифта на религию в этот период произошли серьезные изменения. Как будто Свифт-литератор вдруг вспомнил о своей профессии священнослужителя англиканской церкви и на правах духовника принялся читать проповеди своей заблудшей пастве.

Преданность Свифта догматам англиканской церкви повлияла на его расхождения с вигами еще по одному вопросу – об отношении к Славной революции. Вспомним, с каким восторгом отзывались о событиях 1688–1689 гг. виги Дефо, Стиль и Аддисон. Однако совершенно иначе оценивал эту революцию Свифт. Как англиканец он придерживался теории наследственного права престолонаследия. Свифт был убежден в том, что "корона дарована правителю от рождения и потому должна принадлежать ему и его потомкам" и что король "обладает тем же правом на свое королевство, как каждый человека на свою собственность"⁴⁶. Однако в случае, если трон оказывается "вакантным", то парламент обязан позаботиться о престолонаследнике. Между тем в 1688 г. парламент не созывался королем, более того, пользуясь своей властью, виги объявили короля свергнутым и передали корону его зятю, хотя в ту пору имелись три прямых законных наследника Якова II: его дочери принцессы Мария и Анна, а также сын Яков. Свифт полагал, что лишение трона прямых наследников Якова II и предоставление короны его зятю – Вильгельму Оранскому являлось "незаконным" действием. Как видно, в оценках Славной революции Свифт кардинально расходился с вигами.

Идейные разногласия памфлетиста с партией вигов вскоре вылились в открытый разрыв с ней. С 1704 г. Свифт постоянно проживал в Ирландии, в Ларакорском приходе. Лишь изредка он навещался в Лондон. В это время королева Анна освободила англиканское духовенство от уплаты "первин" (первых фруктов) и десятины (десятой части урожая) в пользу короны. Ирландское духовенство также вознамерилось получить для себя подобные привилегии. А поскольку Свифт был дружен с находившимися в ту пору у власти вигскими министрами, то было решено направить его в Лондон с поручением: добиться освобождения от "первин" ирландского духовенства. Согласившись на выполнение данной миссии, Свифт втайне надеялся получить место епископа в Уотерфорде. Почти два года, с 1707 по 1709, пробыл Свифт в Лондоне, пытаясь выполнить поручение ирландского епископа, однако его хлопоты оказались тщетными. Виги не поддерживали Свифта, и уязвленный памфлетист возвратился в Ирландию ни с чем. Обида на вигских министров, которые отказались помочь ему в хлопотах о "первинах", окончательно

отдалила Свифта от партии вигов. Вспоминая позднее о тех событиях, он всю вину за разрыв с вигами возлагал на их лидеров. "Нельзя винить в этом меня, — писал он в дневнике, — если принять в соображение, как они (виги) со мной обошлись"⁴⁷.

В 1708 г. Свифт познакомился с 17-летней Эстер Ваномри, или Ванессой⁴⁸. Юная красивая девушка была моложе Свифта на двадцать четыре года и отличалась иным складом характера, нежели Стелла. Натура незаурядная, страстная и импульсивная, склонная к резким сменам настроений, Ванесса произвела на Свифта большое впечатление. В одном из своих писем Свифт писал о ней: "Я привязан к ней до чрезвычайности; она верно обо всем судит, и я исправил все ее недостатки, вот только не могу приохотить к чтению, хотя с ее разумом, памятью и вкусом она могла бы многого достичь... Она совершенно со мной не считается, настолько, что прямо-таки сводит меня с ума"⁴⁹.

Свифт, вновь выступивший в роли наставника молодой девушки, серьезно ею увлекся и вызвал в ответ страстную любовь с ее стороны. Один из первых биографов Свифта лорд Оррери так характеризовал Ванессу: "Она была необычайно тщеславна... любила наряды, жаждала преклонения; обладала весьма романтическим складом ума; стояла, по ее убеждению, выше всех представительниц своего пола; держалась дерзко, весело и гордо; были у нее и приятные черты, но она отнюдь не блистала красотой или утонченностью... Ее тешила мысль, что она слышет наложницей Свифта, и все же она рассчитывала и желала выйти за него замуж"⁵⁰. Свифт чуть ли не каждую неделю посещал дом Эстер, где обедал, отдыхал в отведенном для него кабинете. Здесь же он держал свой парик и выходное платье, которыми пользовался, когда его приглашали в Сент-Джеймский дворец. Ученица и ее наставник вместе читали книги Ларошфуко, Фонтенеля, Монтеня, вместе пили чай, молились и занимались латынью, без усталости спрягая "amo, amas, amavi" ("я люблю, ты любишь, я любил"). Свифту нравилось быть предметом обожания и восхищения. Вскоре он стал приезжать к Ванессе каждый день. В одном из своих писем Свифт откровенно признавался ей в любви: "Позвольте Вас уверить, что никогда и никого в мире ваш друг так не любил, не почитал, не ценил и ни перед кем так не преклонялся, как перед вами".

Чувства Свифта не оставались безответными. В своем письме к Свифту Ванесса писала: "Знайте, ни время, ни случайность не в силах уменьшить невыразимую страсть, которую я питаю... Любовь к вам заключена не только в моей душе; во всем моем теле нет такой мельчайшей частицы, которая не была бы ею проникнута. Не обольщайтесь поэтому надеждой, что разлука изменит со временем мои чувства: даже безмолвствуя, я не нахожу себе покоя, и мое сердце одновременно наполнено печалью и любовью"⁵¹.

Эстер Ваномри (Ванесса)

В 1710 г. к власти пришли тори. Кабинет министров возглавил Роберт Харли. Осенью того же года с прежним поручением о "первинах" Свифт вновь приезжает в Лондон. Теперь обстановка при дворе заметно изменилась и, по словам Свифта, "все повернулось вверх дном. Виги, занимающие высокие должности, все до единого...смещены...Со дня на день...ожидаем...ропуска парламента". Хотя виги, "идя ко дну", были не прочь ухватиться за памфлетиста, "как за соломинку", однако у Свифта уже сложилось прочное мнение, что все они "подлы и неблагодарны", а потому он "нисколько бы не огорчился, если бы их всех отправили на виселицу"⁵².

Порвав с вигами, Свифт полагал, что теперь он сможет в партийной борьбе остаться "равнодушным зрителем", однако пройдет

немного времени и просветитель запишет в дневнике: "Забавное зрелище: все виги теперь каются в том, как дурно они со мной поступили, однако, что мне до них. Мистеру Харли уже говорили обо мне, как о человеке, обиженном вигами, ведь будучи вигом я зашел недостаточно далеко, и я рассчитываю поэтому на его благосклонность. Тори прозрачно намекнули мне, что если я только пожелаю, то смогу преуспеть"⁵³.

Казалось, Свифт уже был готов примкнуть к партии тори. Вскоре его официально представили мистеру Харли, который произвел на литератора самое благоприятное впечатление. Министр пригласил Свифта в гостиную, представил своим родственникам и друзьям и предложил присоединиться к гостям. "Мы просидели два часа кряду, попивая доброе вино... а потом я провел с ним еще два часа наедине, излагая свое дело", – описывал просветитель в одном из писем к Стелле свой первый визит к Харли. И далее он продолжал: министр "с чрезвычайной готовностью вникал во все обстоятельства, расспрашивал о моих полномочиях и ознакомился с бумагами; прочитав составленную мной памятную записку, он положил ее в карман, чтобы показать королеве, а затем сообщил мне, какие шаги намерен предпринять. Большого я и желать не мог. Он сказал, что непременно должен познакомить меня с государственным секретарем мистером Сент-Джоном (будущим лордом Болингброком), и столько наговорил о своей приязни и почтении ко мне, что я, пожалуй, склонен поверить словам некоторых моих друзей, будто он пойдет на все, лишь бы привлечь меня на свою сторону. Он выразил желание отобедать со мной... и после того, как я провел с ним целых четыре часа, любезно довез меня в наемной карете до Сент-Джеймской кофейни. Все это довольно необычно и забавно, если вы вспомните, кто он и кто я"⁵⁴.

Столь теплый прием, оказанный скромному ирландскому священнику самим премьер-министром торийского кабинета, не только вдохновил, но и несказанно удивил Свифта. Ему хотелось верить, что дело с "первинами" его новые друзья – тори помогут быстро уладить, однако собственный горький опыт советовал не торопиться полагаться на новых министров, которые, не исключено, "столь же хороши, как и их предшественники". Свифт полагал, что, расставшись с вигами, он впредь не будет пользоваться ничьим влиянием, кроме собственного. Однако не тут-то было. Харли уже задумал переманить Свифта на свою сторону. Последовала целая серия приглашений литератора на обед к премьер-министру, на одном из которых его представили королевскому прокурору. От обоих собеседников Свифт выслушал "множество любезностей". Харли заверил Свифта в том, что уже показал его памятную записку королеве и поддержал сам его ходатайство перед ней и что будто бы королева "изъявила согласие даровать первины".

Прошло немногим более недели со дня знакомства Свифта с торийским министром, и он уже с чувством гордости вопрошал у Стеллы: "Знают ли в Ирландии, каким влиянием я теперь пользуюсь среди ториев?"⁵⁵. Вскоре состоялось знакомство Свифта с государственным секретарем Сент-Джоном, который был учтив с памфлетистом "сверх всякой меры". Оба тори – Харли и Сент-Джон обещали Свифту в ближайшее время завершить все формальности по его делу о "первинах". Как видно, Свифт был твердо убежден в том, что благодаря расположению премьер-министра дело, с которым в течение двух лет не могли справиться виги, окажется под силу всемогущим министрам-тори и хлопоты о "первинах" будут благополучно завершены. Однако в действительности министры попросту решили использовать дело о "первинах" как своеобразную "приманку", чтобы привлечь на свою сторону "первое перо" Англии – памфлетиста Свифта. Не подозревавший ничего худого литератор поверил им и вскоре начал "отрабатывать" их "участие", принялся писать памфлеты в защиту той политики, которую проводило торийское министерство.

Не прошло и месяца с того дня, как Свифт познакомился с лидерами партии тори, как он уже оказался тесно связанным с новым кабинетом министров. Хотя литератор еще надеялся в скором времени "развязаться" с хлопотами о "первинах" и уехать в Ирландию, однако это оказалось непростым делом. Министры-тори убедили Свифта в том, что очень нуждаются в его услугах, а памфлетист, поверив, что тори озабочены "истинными интересами общества", решил оказать им содействие, насколько это было в его силах. И вот из-под пера Свифта один за другим выходят памфлеты. Кроме того, в 1710–1711 гг. литератор начал издавать журнал "Экзаминер" ("Ревизор"), все материалы которого были также направлены в защиту политики правящего кабинета министров.

Американский ученый Р. Кук все памфлеты Свифта, написанные в 1710–1714 гг. – за годы сотрудничества с тори, разделил на три группы. К первой он отнес те материалы, которые преследовали своей целью дискредитацию вигских лидеров и их политики. Помимо памфлета "Краткая характеристика графа Томаса Уортон" к ней относится ряд статей "Экзаминера". Во вторую группу ученый объединил памфлеты, призывавшие к завершению войны за испанское наследство. Среди них наибольшей популярностью пользовались: "Поведение союзников", "Некоторые рассуждения о препятствиях к договору", "Письмо к лорду из партии вигов". Наконец, к третьей группе Кук причислил памфлеты, в которых Свифт защищал политику министерства после заключения мирного договора с Францией. Сюда входили: "История последних четырех лет правления королевы", «Рассмотрение значения "Гардиана"», "Общественный дух вигов"⁵⁶.

Оказавшись на службе у министров-тори, Свифт принялся критиковать своих недавних друзей и союзников – вигов, которые теперь превратились в его непримиримых врагов. В "Экзаминере" он обвинял вигское министерство в том, что оно правила страной на протяжении двадцати лет с помощью людей, принципы и интересы которых сводились к тому, чтобы "подкупить, ввести в заблуждение и разорить нас, а со временем разрушить государственное и церковное устройство". Народ увидел, писал Свифт, что "общественные деньги попали в руки тех, кто по своему рождению, образованию и заслугам мог претендовать не больше, чем носить ливреи", и вынужден был признать, что "коррупция и злоупотребления в каждой сфере управления были столь многочисленны и нетерпимы, что могли привести к разорению, если бы не были приняты надлежащие меры". Свифт утверждал, что в правление вигов граждане страдали от "алчности и безразличия" вигской администрации, стремившейся "скорее присвоить себе все, что можно, нежели завоевать уважение королевы и подданных". Он также обвинял вигов в том, что те "погрязли в коррупции", подчеркивая, что все это хорошо известно народу⁵⁷.

Многие лидеры партии вигов были подвергнуты обличительной критике со стороны Свифта. Осенью 1710 г. он опубликовал памфлет "Краткая характеристика его светлости графа Томаса Уортона, вице-короля Ирландии", в котором высмеивал бывшего наместника Ирландии, прославившегося своей алчностью, продажностью и беспринципностью. Лорд Уортон, на взгляд Свифта, – это человек "без чувства стыда или чести", "лицемер", "враль" и т.п. "Он торжественно клянется вам в любви и преданности, и не успеваеете вы вернуться к нему спиной, как он уже всем говорит, что вы пес и мошенник. Он неизменно посещает богослужения с торжественностью, какая полагается ему по должности, но будет рассказывать похабные непристойности и богохульствовать у церковных дверей... Его мысли целиком заняты распутством или политикой, так что все его речи заполнены непристойностями, богохульством или делами"⁵⁸. Жажда власти, денег и удовольствий – вот три страсти, которые, на взгляд Свифта, владели наместником Ирландии. С позиций просветителя разоблачал Свифт ту грабительскую политику, которую проводили в Ирландии виги и прежде всего ее наместник лорд Уортон. В целях личного обогащения, подмечал Свифт, он разорил Ирландию, нажив 45 тыс. фунтов. Похоже на то, писал литератор, что Ирландия была вверена Уортону для поправки его собственных финансовых дел. И хотя даже виги считали Уортона "слишком расчётливым и распутным, однако они не стыдились его, поскольку... он был весьма полезен в парламенте, был готов выступить по любому поводу, где уважающий себя оратор постыдился бы появиться вообще". Одним словом, заключал Свифт, Уортон выражал

типичные черты партии вигов и, будучи наделен всеми качествами, которые вызывают презрение и ненависть во всех, кроме торговых, кругах, сделался влиятельной фигурой в политике⁵⁹.

В сатирической форме изобразил Свифт портреты других известных лидеров вигов: лордов Годольфина, Сандерленда, Купера, Ноттингема, Уолпола, Мальборо. Графа Годольфина он представил вельможей, одинаково благоволившего ко всем монархам. Он попеременно возвышался в правление каждого короля из династии Стюартов, хотя ближе всего был привязан и испытывал искреннюю симпатию лишь к католику Якову П. Свифт подчеркивал, что главными страстями Годольфина были любовь и игра и что он мог иногда "нацарапать стишки", восхвалявшие его любовниц, держа в одной руке перо, а в другой – карты. Годольфин в любой момент мог заплакать по команде, что с одинаковым успехом применялось им в интригах и политических, и любовных. Свифт отмечал беспринципность вигского министра, вступившего в партию, идей которой он не разделял и к лидерам которой испытывал личную неприязнь, впрочем, как и они к нему⁶⁰.

Граф Сандерленд, по мнению Свифта, когда-то слыл приверженцем республиканских принципов исключительно потому, что ему отказали в титуле лорда. И тогда он решил дожидаться времени, когда в Англии вообще не станет ни одного пэра. Его знания, писал Свифт, "оставляли желать лучшего", но он не пожелал улучшить их хотя бы с помощью своей богатой библиотеки. "Трудно сказать, научился ли он грубым манерам обращения к суверену от леди, к которой был привязан, или это было проявлением его собственного характера", – заключал памфлетист⁶¹.

Роберт Уолпол, который при династии Ганноверов займет пост премьер-министра, при виггах являлся военным секретарем. Его Свифт изобразил как человека беспринципного, алчного, нечистого на руку. Получая жалованье в пятьсот гиней, Уолпол намеревался получить на пятьсот фунтов больше за контракты по снабжению фуражом королевской конницы, расквартированной в Шотландии. Факт был столь очевидным и скандальным, вспоминал Свифт, что Уолпола признали виновным во взяточничестве и отправили в Тауэр⁶².

Наиболее яркую характеристику среди лидеров вигов Свифт дал герцогу Мальборо, который был назначен королевой Анной главнокомандующим английскими и союзническими войсками на континенте в войне за испанское наследство. В своем дневнике Свифт записал как-то о Мальборо: "Я не нахожу у него ни единого достоинства, кроме таланта полководца". Как человек беспринципный, по мнению Свифта, воспитанный на торийских принципах, он перешел на сторону вигов тотчас, как только понял, что эта партия может предложить ему больше денег. "Недостаток образованности"

герцог с лихвой компенсировал умением вести себя при дворе. Своим возвышением он был обязан супруге – герцогине Мальборо, которая свыше двадцати лет являлась приближенной к королеве придворной дамой. Заняв пост главнокомандующего, Мальборо злоупотреблял финансами, отпущенными для ведения войны, используя их в целях личного обогащения. И хотя он получил от правительства в знак благодарности за одержанные победы на войне значительные средства, тем не менее не стеснялся участвовать в различных аферах по снабжению армии фуражом и хлебом, получая крупные денежные суммы от поставщиков. Свифт высказывал предположение, что Мальборо намеренно стремился продолжить войну, которая его обогащала. "Он ненасытен, как сама преисподняя, и честолюбив, как ее повелитель, – характеризовал памфлетист Мальборо в своем дневнике, – он был бы не прочь сохранить за собой пост главнокомандующего до конца своих дней и срывал все попытки заключить мир только ради того, чтобы не утратить своего положения и нажить как можно больше денег"⁶³.

Разумеется, подобная оценка памфлетистом лидеров партии вигов имела под собой все основания. Свифт сумел вскрыть присущие им алчность, беспринципность, неразборчивость в средствах ради достижения своих корыстных целей. В то же время в изображении портретов лидеров вигов он нередко допускал преувеличения, а порой просто искажал факты. К примеру, безо всяких оснований обвинял Мальборо в сознательных попытках сорвать переговоры о мире с Францией. Возможно, в пылу партийной полемики памфлетист делал это сознательно, стремясь дискредитировать в глазах общественного мнения политических оппонентов. Что же касается обвинений отдельных вигов в беспринципности, то они из уст Свифта звучали, мягко говоря, неэтично, поскольку сам памфлетист лишь недавно сотрудничал с ними и перешел на сторону тори, как мы могли убедиться, далеко не из принципиальных соображений.

Являясь проводником торийской политики, Свифт в своих памфлетах выступал против войн, развязанных вигами. Он осуждал войну Аугсбургской лиги, считая истинной причиной вступления в нее Англии стремление укрепить непрочное положение короля Вильгельма Оранского. "Народ заинтересовали крупными прибылями, чтобы он своими деньгами поддержал данное предприятие, – писал Свифт в памфлете "Поведение союзников". – Через десять лет войны за ничтожные цели, в результате которой мы потеряли свыше ста тысяч человек, а государственный долг увеличился на 20 млн, мы наконец-то обратились к заключению мирного договора, который принес выгоду не нам, а нашим союзникам"⁶⁴. Не менее обличительной критике Свифт подверг вигов также за развязывание ими войны за испанское наследство. Продолжение войны – это "большое зло для нации", – писал он в "Экзаминере" и далее продол-

жал: "Трудно понять, что же движет теми людьми, которые в интересах королевства не желают покончить с длительной и дорогостоящей войной, которая является бременем для нации"⁶⁵. Свифт напоминал согражданам, что военная кампания под предводительством Мальборо уже стоила Англии многих тысяч жизней и нескольких миллионов фунтов стерлингов. Виновными в развязывании столь продолжительной и дорогостоящей войны литератор считал "алчную и честолюбивую клику вигов", которая почти довела страну до разорения.

Наиболее подробно на вопросе о войне Свифт останавливался в своем широко известном памфлете "Поведение союзников". В принципе он допускал вступление в войну с целью "воспрепятствования чрезмерному усилению тщеславного соседа", либо для возвращения захваченных неприятелем своих территорий. Совершенно иначе оценивал он войну за испанское наследство, которая, по его мнению, была развязана не в интересах монарха или народа, а в угоду генералу Мальборо и вигскому министерству. Она велась ради "того сорта людей, которых называют "денежными", которые получают солидные доходы от торговли, займов, помещая свои деньги под большие проценты"⁶⁶. Представители "денежных" интересов развязали войну с тем, чтобы "сделаться еще богаче", и нимало не заботились о том, что народ в результате войны станет еще беднее. Вся тяжесть войны легла на плечи землевладельцев, которых обложили высокими налогами ради приобретения богатства и власти "денежных людей". Война за испанское наследство уже стоила Англии многих миллионов фунтов стерлингов и поставила народ в еще худшее положение в сравнении не только с ее союзниками, но и с ее врагами. Эта война ведет народ к нищете, к полному разорению. "Мы сражаемся за то, чтобы создать славу и богатство одной семье (Мальборо. – *Т.Л.*), обогатить ростовщиков и банкиров... одновременно разоряя "земельные" интересы, – писал Свифт. – Продолжая войну, мы тем самым подрываем общественный интерес и способствуем процветанию личных интересов"⁶⁷. Памфлетист призывал незамедлительно покончить с войной и заключить мир.

В высказываниях Свифта привлекала внимание данная им с позиций просветителя оценка захватнических войн, которые вела в ту пору Англия. Как просветитель Свифт осуждал эти войны, поскольку они велись в интересах кучки политиканов, а не народа. Ему были глубоко ненавистны войны, которые приносили бедствия и нищету народу, одновременно обогащая ростовщиков и банкиров. Вместе с тем Свифт признавал возможность ведения так называемых справедливых войн: в целях самообороны, защиты отечества от неприятеля. Однако позиция литератора, занятая по вопросу о войне, отличалась классовой ограниченностью. Ведь выступал Свифт против войны за испанское наследство главным образом потому,

что она велась в интересах "денежных", а не "земельных людей", политику которых он теперь защищал. Отсюда особая забота и сострадание памфлетиста к землевладельцам, на плечи которых, по его мнению, ложилась основная тяжесть войны, и одновременно — полное пренебрежение к бедствиям тех сотен тысяч простых крестьян и ремесленников, которые отдавали свои жизни на полях сражений ради обогащения власть имущих. Как видно, просветитель в своей концепции войны по существу отстаивал интересы исключительно класса землевладельцев.

Памфлет "Поведение союзников" имел шумный успех в Лондоне. "Кругом только и разговоров, что о моем памфлете, — писал Свифт Стелле 30 ноября 1711 г. — Он принесет необычайную пользу; в нем предаются огласке множество наиважнейших обстоятельств, доселе вовсе неизвестных"⁶⁸. Тысяча экземпляров памфлета была распродана в рекордно короткий срок — за два дня. Второе издание раскупили за пять часов. И даже три тысячи экземпляров шестого издания разошлись мгновенно. Успех памфлета оказался неожиданным даже для самого автора. Свифт сообщал Стелле, что виги вознамерились представить памфлет на обсуждение палаты лордов с тем, чтобы осудить его, а тори "черпают из него свои доводы, и все сходятся на том, что еще не было памфлета, который оказал бы столь большое влияние и заставил столь многих людей переменить свои взгляды"⁶⁹.

Надо признать, что Свифт выступал в роли защитника политики торийского кабинета министров по самым различным вопросам. Он старался показать, что действия тори продиктованы соображениями безопасности и интересами народа, а сами министры обладают неоспоримыми достоинствами. В одном из номеров "Экзаминара" Свифт изобразил портреты лидеров партии тори, которые заметно отличались от их политических противников. Так президента государственного совета Лоренса Гайда графа Рочестерского, возглавлявшего на протяжении нескольких лет казначейство, Свифт наделял качествами человека бескорыстного, "пекущегося скорее об обогащении своего правителя, чем о своем собственном", твердо-го сторонника государственной церкви, "рьяного борца" за сохранение королевских прерогатив и свобод народа. В лорде Стюарде Свифта восхищали интеллект просвещенного вельможи, житейская мудрость и "заинтересованность" в делах страны. Герцога Шрюсбери Свифт окрестил "любимцем нации", подчеркивая, что тот обладал многими добродетелями, прекрасно разбирался в политике, выделялся изысканными манерами.

Однако самую высокую оценку литератор дал Сент-Джону и Роберту Харли. Свифт подчеркивал, что Сент-Джон с молодых лет обладал многими талантами и владел искусством управления государственными делами. Он рано стал известным при дворе и в парла-

менте. Свифта приводило в восхищение, что государственный секретарь "не строил из себя занятого, важного сановника или глубоко-мысленного человека", был прост в обхождении с людьми, любил читать книги, во множестве стоявшие на полках его кабинета. Что касается мистера Харли – главного покровителя Свифта, то он, на взгляд литератора, впервые за многие годы правления заставил подданных обращаться к суверену "с уважением и почтением". По мнению Свифта, Харли прекрасно разбирался в делах, отличался высокой образованностью, красноречием, был безразличен к деньгам и свой главный интерес видел в деле служения правителю и стране"⁷⁰.

Расхваливая на все лады министров-тори, Свифт призывал поддерживать их и предупреждал, что ждет народ в случае, если на смену им к власти вновь придут виги. Тогда судьба короны, королевства подвергнется опасности, а сторонников королевской прерогативы отправят на эшафот, сама же прерогатива "будет втоптана в грязь". В памфлете "Общественный дух вигов", написанном в 1712 г. в ответ на памфлет Р. Стиля "Кризис", Свифт обвинял вигов в их ненависти к королеве и министерству, в том, что они готовы изменить престолонаследие, прибегнув к новой революции и призвав на трон Претендента, что они пытаются "очернить" министров, избранных королевой с согласия народа. Свифт по-прежнему обвинял вигов в развязывании войны за испанское наследство, а также осуждал их за Унию с Шотландией, утверждая, что она практически не принесла Англии никакой пользы. В противоположность Дефо Свифт находил немало негативных черт в Унии. Он считал, что отныне многочисленная знать Шотландии будет содержаться за счет английских налогоплательщиков. "Те пенсии и должности, которыми владеют выходцы из этого королевства, настолько возросли, что стали заметно превосходить количество мест и пенсий, получаемых ими в Шотландии. Теперь всех денег едва ли хватит на то, чтобы оплатить их цивильные и военные листы", – заключал Свифт⁷¹.

Как видно, различия в оценках Унии с Шотландией, данные Дефо и Свифтом, проистекали из их классовой позиции. И если Дефо, являясь представителем торгово-промышленных кругов Англии, усматривал в присоединении Шотландии к Англии новые возможности для извлечения прибыли для своего класса, а потому всячески приветствовал заключение Унии, то Свифт, представлявший интересы класса землевладельцев, считал ее лишь "помехой", источником нового финансового обложения "земельных людей" и потому отзывался о подобном объединении двух королевств негативно.

После того как памфлет "Общественный дух вигов" был издан Свифтом анонимно, шотландские пэры представили королеве Анне жалобу на памфлетиста, заявляя, что тот нанес им чудовищное оскорбление. Королева издала указ, суливший крупное вознагражде-

ние всякому, кто откроет настоящее имя автора. Выявить причастность Свифта к написанию памфлета не составляло особого труда, однако ни правительство, ни сама королева не пожелали лишиться памфлетиста, преданно защищавшего их политику. Дело удалось замять, и Свифт легко избежал грозившего ему по закону тюремного заключения.

Проследивая деятельность Свифта в годы правления торийского кабинета, обращаясь к памфлетам, написанным им в этот период, задаешься вопросом: отстаивал литератор при этом интересы партии тори сознательно или торийские политики просто использовали в своих целях "первое перо" Англии? Заметим, что данный вопрос занимал исследователей творчества Свифта еще в XVIII в. и до сего времени продолжает оставаться дискуссионным. К примеру, британский исследователь Б. Экворт и русские ученые XIX в. Веселовский, Чуйко, Яковенко были убеждены в том, что Свифт сам оказывал влияние на торийских политиков⁷². Иной точки зрения придерживаются современные исследователи. К примеру, Кук утверждал, что торийские министры не посвящали Свифта во все свои дела, а лишь только предоставляли в его распоряжение необходимую информацию для написания памфлетов, и что Свифт был в руках министров "неоценимым политическим инструментом"⁷³. Подобной концепции придерживался и британский историк У. Спек, считавший, что Харли приблизил к себе Свифта, поскольку надеялся использовать его перо для формирования общественного мнения по поводу политики правительства и для противопоставления критике со стороны оппозиционной прессы⁷⁴.

И действительно, определить место Свифта в политике в годы правления партии тори – задача не из легких. Сблизившись с министрами-тори, Свифт познакомился с влиятельными сановниками: королевским прокурором, членом Тайного совета Джоном Холлендом, членом парламента Бриджесом и другими видными политиками. Примечательно, что многие вельможи сами изъявляли желание "поближе сойтись" со Свифтом. Теперь литератор нередко бывал при дворе, обедал, как правило, с кем-нибудь из министров, по собственному выбору отдавая предпочтение тому приглашению, которое ему "приглянулось". "Двор служит мне вместо кофейни; раз в неделю я встречаю там знакомых, которых в противном случае видел бы не чаще, чем раз в три месяца", – сообщал Свифт в письме Стелле⁷⁵. В числе немногих литераторов был допущен даже в покои королевы. "Сегодня при дворе был приемный день, – записывал он в своем дневнике 8 августа 1711 г. И далее с присущей ему иронией продолжал: "Гостей явилось так мало, что королева пригласила нас в свою опочивальню, где мы стояли полукругом числом около двадцати вдоль стен, отвешивая поклоны, в то время как она обводила нас взглядом, покусывая веер, и время от времени обращалась с дву-

мя—тремя словами к тем, кто стоял поблизости от нее, а потом ей сообщили, что обед подан, и она удалилась"⁷⁶.

Как отмечал сам Свифт, теперь многие просители пытались заручиться его поддержкой, чтобы с его помощью получить должность при дворе или в министерстве. Литератор хлопотал перед Харли, чтобы не сместили епископа Клогерского, и перед военным министром, чтобы тот назначил капитаном протеже Стеллы — некоего мистера Беринджа. Он радовался, что сумел оказаться "небесполезным" поэтам — вигам Конгриву, Стилю, Гаррисону и что "выхлопотал" место брату Сечверелла.

Порой и министры обращались к Свифту с различными просьбами. "Среди министров, пожалуй, не сыщется ни одного, — писал он Стелле, — кто ни поручал бы мне переговорить с лордом-казначеем о каком-нибудь касающемся их деле и притом с таким серьезным видом, словно я довожусь ему или им братом... хотя прекрасно знаю, зачем они прибегают к моему посредничеству: они не хотят причинить себе беспокойство, или же предпочитают, чтобы отказ пришлось выслушать мне, а не им"⁷⁷. Впрочем, хлопоты за людей, на взгляд Свифта, "достойных", приносили ему истинное удовольствие. Он писал Стелле, что ему "доставляет наслаждение оказывать добрые услуги людям, которые нуждаются и заслуживают того" и что его честь и совесть обязывают "использовать все свое скромное влияние, дабы споспешествовать продвижению в свете людей достойных"⁷⁸.

Итак, создавалось впечатление, что Свифт являлся влиятельным лицом в торийском министерстве. Он хорошо разбирался в политике, в тонкостях партийной борьбы. Словно чуткий барометр литератор моментально реагировал на любые изменения в политической конъюнктуре, тотчас же извещая обо всем министров кабинета. Вот лишь одна из записей в его дневнике, подтверждавшая, что Свифт был в центре политических событий, являлся их активным участником. "Нам необходим мир, какой угодно, плохой или хороший, хотя никто не осмеливается сказать об этом прямо, — писал он по поводу военных действий в Европе в марте 1711 г. — Коалиция союзников, судя по всему, скоро распадется на части, а вражда группировок внутри страны все растет. Нынешний кабинет держится на очень шаткой основе и... находится между вигами, с одной стороны, и воинственно настроенными ториями — с другой. Что и говорить, они (торийские министры. — *Т.Л.*) — бывалые мореплаватели, но буря слишком сильна, корабль слишком прогнил, и вся команда против них... Я уже говорил обо всем этом министрам"⁷⁹.

Почти ежедневно Свифт встречался с премьер-министром Харли и государственным секретарем лордом Болингброком. Их беседы длились часами и, как правило, касались вопросов политики. Свифт излагал Болингброку "претензии" членов октябрьско-

го клуба (сторонников крайних тори) и просил его "примерно наказать" одного-двух вигских памфлетистов, которые "чересчур рьяно" нападали на кабинет министров. Хорошо понимая, что возникшие между Харли и Болингброком разногласия могут привести к падению торийского кабинета, Свифт предпринимал неоднократные попытки наладить их отношения, изыскивал способ "уладить это дело".

Памфлеты Свифта с требованием положить конец войне за испанское наследство вызывали гнев и раздражение у вигов, однако просветитель был готов "остудить их пыл", написав в защиту тори очередной трактат. Его "Поведение союзников" депутаты палаты общин даже использовали в качестве аргументов в своих дебатах, когда обсуждали "недобросовестное обращение" с англичанами со стороны других европейских государств в войне. Но только ли по собственной инициативе писал свои работы в защиту тори Свифт? Судя по записям в его дневнике, многие его памфлеты были созданы не только с ведома, но нередко по заказу министров-тори. К примеру, прежде чем издать памфлет "Поведение союзников", Свифт вручил его рукопись государственному секретарю с тем, чтоб тот "прочитал и одобрил" написанное. После того как видный тори лорд Ноттингем "переметнулся" на сторону вигов, премьер-министр Харли "намекнул" Свифту, что "было бы не худо, если бы появилась баллада на Ноттингема", и памфлетист тотчас пообещал ее "накропать" к завтрашнему утру⁸⁰. Стоило Ноттингему предпринять попытки "переманить" на свою сторону архиепископа Йоркского, как лорд-казначей попросил Свифта придумать "какой-нибудь способ" воспрепятствовать этому, и литератор его заверил, что незамедлительно что-нибудь предпримет. Однажды Харли поручил Свифту отредактировать речь королевы, и тот "в нескольких местах ее подправил, а кроме того, набросал благодарственный адрес в ответ на эту речь"⁸¹.

Один за другим выходили из-под пера Свифта "губительные", по его выражению, для вигов памфлеты. Подобные услуги, оказанные торийскому министерству, были столь весомыми, что заставляли памфлетиста всерьез опасаться неприятных последствий в случае прихода к власти вигов. Когда в декабре 1711 г. положение кабинета сделалось шатким, Свифт обратился к Харли, чтобы "как только тот убедится, что перемены неизбежны", тотчас отправил бы его "куда-нибудь за границу в качестве секретаря при посольстве", где Свифт оставался бы до тех пор, пока новый кабинет министров не сочтет необходимым его отозвать и "пока вся эта буря не уляжется". "Надеюсь – писал Свифт Стелле, – он мне в этом не откажет, ведь мне едва ли стоит полагаться на милосердие моих врагов, пока их гнев не остыл". О том же просил Свифт и Болингброка. "После обеда я отвел его в сторону и, напомнив о всех услугах, которые я им

(министрам-тори) оказывал и за которые не просил никакого вознаграждения, полагая, что по крайней мере могу рассчитывать на безопасность", выразил свое желание "послать меня за границу до наступления перемен"⁸². Очевидно, памфлетист всерьез опасался, что виги могут с ним расправиться, поскольку он немало сделал для укрепления позиций торийского кабинета министров, в особенности для поддержки его внешней политики.

На первый взгляд создавалось впечатление, что Свифт находил у кабинета министров на службе. Но что он получал взамен той изнурительной работы, когда приходилось знакомиться с сотнями писем ради того, чтобы в лучшем случае "выжать из каждого строку или хотя бы слово" для своего памфлета; когда следовало присутствовать во время бесед министров, чтобы "быть в курсе" всех новостей, участвовать в заседаниях кабинета, так как ему надлежало знать их дела не меньше, чем кому бы то ни было, – ведь именно ему предстояло оправдывать политику тори? "Я тружусь как лошадь", – признавался он Стелле. Но как оплачивался каторжный труд памфлетиста министрами-тори? Получал ли Свифт хотя бы какое-нибудь вознаграждение за свои многочисленные услуги, оказанные партии тори? Напомним, что он происходил из бедной семьи и материально был плохо обеспечен. Должность приходского священника в Ирландии, которая по-прежнему оставалась за ним, ежегодно приносила не более трехсот фунтов. Между тем тот образ жизни, который был навязан Свифту новыми друзьями-лордами, с его доходом было вести нелегко. "Богачи имеют склонность обходиться подобным образом (обедать в складчину) со всеми подряд, нисколько не заботясь, есть ли у человека средства", – жаловался Свифт Стелле в одном из писем.

Проживая в столице, литератор был вынужден неоднократно обращаться к любимой женщине с просьбой поторопить своего управляющего с отправкой векселей. "Я нуждаюсь в деньгах", "Мне нужны деньги", – нередко взывал он в своих письмах к Стелле⁸³. И тем не менее, находясь на службе у министров, Свифт не имел от них ни гроша. "Я никогда не получал ни одного шиллинга от министра или иного подарка, за исключением нескольких книг, – написал позднее Свифт в предисловии к трактату "История четырех последних лет правления королевы". – Я не желал, чтобы они помогали мне. Я действительно очень часто обедал с государственным секретарем и казначеем, но в те дни это никак нельзя было назвать покупом. Я отказался стать капелланом у лорда-казначея, поскольку полагал, что это поставит меня в зависимое положение"⁸⁴. Когда Харли предложил Свифту, как он это привык делать по отношению к наемным писателям, вознаграждение в 50 ф. ст. за журнал "Экзаминер", Свифт с достоинством отверг подобный "дар", но его гордость и самолюбие были этим уязвлены. "Мне отвратителен и сам посту-

пок, и способ, какой он (Харли) для этого избрал, – жаловался Свифт Стелле. – Я возмущен до глубины души"⁸⁵. Свифт предпочитал оставаться в стесненном финансовом положении, нежели становиться зависимым от кого бы то ни было. Ни за одно из своих произведений он не получил ни гроша. И лишь только его "Путешествия Гулливера" принесли автору от издательства 200 ф. ст. гонорара.

Бескорыстно оказывая услуги министрам-тори, Свифт в то же время справедливо полагал, что приход в Лондоне или неподалеку от него он вправе получить. Однако министры отделялись пустыми обещаниями. В апреле 1713 г. был подписан Утрехтский договор о мире, после чего миссия торийского памфлетиста была завершена, и он собрался возвратиться в Ирландию. Тогда-то министры и "выхлопотали" ему место декана в церкви св. Патрика в Дублине. "Я не могу испытывать радость при мысли, что остаток дней мне предстоит провести в Ирландии. Признаюсь, я питал все же надежду, что министры не допустят моего отъезда, – с чувством глубокого разочарования писал Свифт Стелле, узнав о своем назначении. – Я весьма уязвлен"⁸⁶. Так министры-тори "отблагодарили" памфлетиста за его бескорыстную службу.

Как видно, торийские министры попросту использовали перо Свифта для достижения своих целей в политической борьбе. Однако он не был ни наемным писакой, ни слепым орудием в их руках. Свифт сознательно поддерживал торийский кабинет министров, потому что в полной мере разделял взгляды партии. И в этом легко убедиться, обратившись к анализу его воззрений в период сотрудничества с тори.

Политическая платформа Свифта складывалась из его взглядов на происхождение государственной власти и форму правления, отношение к королевской прерогативе и парламентским привилегиям, оценок гражданских свобод и теории непротивления власти тирана и т.д. Многие из них формировались в его бытность вигом. Изменились ли эти взгляды, когда Свифт начал сотрудничать с партией тори?

Нужно заметить, что вопрос о государственном устройстве Англии он в своих произведениях специально не рассматривал, однако высказанные им замечания о королевской власти, парламенте, кабинете министров и т.п. позволяют составить общее представление о его отношении к данной проблеме. Как и в прежние времена, Свифт продолжал защищать правление конституционной монархии, однако теперь он выступал за расширение королевской прерогативы, утверждая, что без нее королевство прекратит вообще свое существование. Он полагал, что объявление войны и заключение мира, а также назначение высших должностных лиц должно оставаться за монархом. "Совершенно очевидно, – писал он в трактате

"Письмо к вигскому лорду", — что объявление войны и заключение мира так же, как и избрание министров — полностью во власти короны, и потому спор, ведущийся в настоящее время (о продолжении или прекращении войны за испанское наследство. — *Т.Л.*) происходит между сторонниками и противниками королевской прерогативы"⁸⁷. Перемещения должностных лиц также являются бесспорной прерогативой правителя. "Все должности в армии, государственном аппарате и при дворе заполняются по желанию правителя, — писал памфлетист в "Экзаминере", — и когда я вижу, как смещается сановник, происходят перестановки в министерстве в правление такой справедливой и милостивой правительницы (королевы Анны), то я, естественно, прихожу к заключению, что делается это на основе самого серьезного разбирательства и вызвано скорее всего проступками пострадавших"⁸⁸.

Свифт не сомневался в том, что монарх должен стоять во главе свободного парламента, добиваясь гармонии в отношениях с народом и ставя во главу угла своей политики не только собственные интересы, но и интересы страны в целом. На взгляд просветителя, верховный правитель вправе возглавить одну из партий, чтобы добиться равновесия между ними. Однако ему необходимо способствовать их попеременному возвышению. При этом он обязан руководствоваться целью сохранения гражданского мира в стране. Являясь противником теории "божественного" происхождения королевской власти, а также превращения ее в тиранию, Свифт в то же время не подвергал сомнению самое существование монархического правления. Скорее он выступал как сторонник "просвещенного" абсолютизма, когда заявлял, что король должен руководствоваться "здравым смыслом", "разумностью", "справедливостью", умением быстро решать государственные дела.

Защищая королевскую прерогативу, Свифт, подобно многим тори, отстаивал доктрину "пассивного" подчинения власти правителя. Он подчеркивал, что эта доктрина была введена в употребление священниками в правление Карла II Стюарта для того, чтобы послужить напоминанием о "противоестественном восстании (революции середины XVII в. — *Т.Л.*) против его отца, а также, чтобы устранить его последствия". Однако данная доктрина никогда не предназначалась для такой цели, как установление деспотической власти в стране⁸⁹.

Наиболее подробно вопрос о "пассивном" подчинении и сопротивлении был рассмотрен Свифтом в № 33 журнала "Экзаминер". Автор указывал, что виги в своих трактатах и памфлетах обвиняли тори в приверженности к доктрине пассивного подчинения, убеждая народ в том, что ею руководствовались министры и члены парламента. На его взгляд, данная доктрина, в представлении вигов, предусматривала, что правитель получал власть от Бога, перед кото-

рым и был подотчетен. Такой правитель возвышается над законом и если отдает антиконституционные распоряжения, то у подданных не остается иных способов оказания сопротивления, кроме как "молиться и рыдать". "Если такой правитель насилует вашу жену или дочь, убивает у вас на глазах ваших детей или рубит по пятисот голов каждое утро ради собственного развлечения, а вы по-прежнему должны желать ему долгих лет царствования, милостиво сносить подобную жестокость... поскольку сопротивляться его власти равносильно оказанию сопротивления самому Богу. Если король Англии надумал пройти по лондонским улицам, приказав убивать каждого встреченного прохожего, то и тогда доктрина о пассивном подчинении велит его подданным все сносить и терпеть. И лишь один Бог может привлечь верховного правителя к ответу. Однако народ, объединенный под властью правителя, не может оказать сопротивления, поскольку считается, что он создан для правителя, а не правитель для народа". Виги, по мнению Свифта, распространяли теорию пассивного повиновения также на порядок престолонаследия: "Наследник правителя, даже если он был совершенно непригодным для правления, или незаконнорожденным, все равно обладал неоспоримым божественным правом на корону. И никакой закон не вправе изменить существующее положение вещей. Даже если принц убьет своего отца, чтобы завладеть короной, он и тогда немедленно сделается законным королем"⁹⁰.

Если сравнить представления Свифта о том, как виги понимали теории пассивного повиновения и сопротивления, с изложением тех же доктрин самими вигами, хотя бы Дефо и Стилем, то обнаружится разительный контраст. Вероятно, Свифт, защищая интересы тори, сознательно искажал взгляды вигов, чтобы представить их партию в глазах общественного мнения в самом невыгодном свете. В то же время партия тори характеризовалась Свифтом как сторонница оказания сопротивления деспотической власти, будто бы она осуждала доктрину пассивного повиновения. "Тори полагают, что в каждой форме правления, будь то монархическая или республиканская, существует высшая, абсолютная, неограниченная власть, которой обязаны подчиняться все". Такой властью в Англии, на взгляд Свифта, обладает парламент, который вправе отменить или ввести в действие по своему усмотрению любой закон, какой только сочтет необходимым. Подданные же обязаны оказывать повиновение именно законодательной власти. Впрочем, не следует оказывать сопротивления и исполнительной власти, которую в Англии отправляет монарх, ограниченный законом. Однако тори считали, что право непротивления не должно распространяться на правителя, преступившего закон. "Если в Англии король-деспот пошлет своих чиновников, чтобы они захватили мою землю и имущество вопреки закону, – писал Свифт в "Экзаминере", – то я вправе на законном основа-

нии оказать им сопротивление. Министры правителя подвластны судебному преследованию и наказанию, личность же самого правителя священна и неприкосновенна. Но если правитель вмешается и использует свою власть для поддержания агрессивных действий чиновников, то я не вижу иного средства, пока не возникло всеобщее недовольство в народе... кроме как оказать ему сопротивление". Примечательно, что, по мнению Свифта, сопротивление желательно оказывать "без проявления какого-либо насилия в отношении к личности или законной власти правителя"⁹¹.

Из приведенных высказываний памфлетиста становилось очевидным, что он как сторонник ограниченной монархии допускал оказание сопротивления лишь деспотическому правителю, да и то в самом урезанном виде и, главное, беспокоился о сохранении существующей формы правления. В заявлениях Свифта проскальзывало опасение, что тирания может вызвать всеобщее недовольство в народе, которое приведет к "противоестественному восстанию". Боязнь открытого выступления народных низов, повторения событий гражданской войны побуждали буржуазного просветителя признавать право на оказание сопротивления исключительно за имущими классами. Вот почему он утверждал, что тори, представлявшие интересы землевладельцев, должны первыми противодействовать деспотической власти, чтобы не допустить к этому народ. Впрочем, на взгляд Свифта, в правление такой прекрасной правительницы, какой являлась королева Анна, в стране отсутствовали причины для подобных выступлений. К тому же за последние годы в Англии было издано множество законов, которые ограничивали королевскую прерогативу, что также способствовало стабилизации положения в стране.

Что касается вопроса о престолонаследии, то тори рассуждали следующим образом. Хотя наследственное право является наиболее приемлемым для британской конституции, однако в случае, если законодательная власть сочтет необходимым, оно вполне может быть изменено. Совершенно очевидно, что просветитель выступал в защиту "хорошо регулируемой" монархии, отдавая ей предпочтение перед всеми другими формами правления. Он также считал невозможным изменение существующего строя, если только "злые силы не надумают втянуть народ в кровопролития и несчастья"⁹².

Допуская возможность сопротивления тирану, Свифт в то же время исключал таковую в отношении законодательной власти. Он обвинял вигов в том, что они подготавливали почву для выступления против парламента, и противопоставлял им концепцию тори, полностью исключавшую подобную ситуацию. В действительности же обе партии, как тори, так и виги, являлись противниками сопротивления парламенту, поскольку именно их представители и осуществляли законодательную власть.

Для Свифта казалось бесспорным, что в парламенте должны находиться по преимуществу землевладельцы. К представителям "денежных" интересов — купечеству, финансистам, промышленникам он относился с явным пренебрежением, считая их людьми "незначительными, низкими и презренными"⁹³. Он уверял: конституции угрожает опасность, если "денежные" интересы предпочтут "земельным". Вот почему Свифт охотно поддержал предложенный торийскими депутатами билль "О квалификации", который предписывал избрание в парламент только землевладельцев. По его мнению, данный закон служил "надежной гарантией" в деле сохранения конституции. Просветитель считал, что партия тори должна постоянно заботиться об увеличении числа пэров в парламенте, одновременно препятствуя доступ в него тем, кто не имеет никаких оснований там находиться "в силу своего рождения или имущественного положения". Совершенно очевидно, что, подобно всем тори, Свифт выступал за то, чтобы в парламент попадали исключительно представители имущих слоев.

С позиций тори выступал Свифт и в защиту государственной религии. "Я истинный патриот англиканской церкви", — заявлял он в одном из номеров "Экзаминера"⁹⁴. В 1711 г. вышел в свет памфлет Свифта "Рассуждение в доказательство того, что уничтожение христианства в Англии при настоящем положении вещей может быть сопряжено с некоторыми неудобствами и не приведет к столь многочисленным и благотворным результатам, как того ожидают". В нем автор спорил с представителями английского свободомыслия Эсгилом, Тиндалем, Толандом, Кауэрдом, которые в своих произведениях критиковали англиканскую церковь. Эти люди, утверждал Свифт, добивались расширения веротерпимости, полагая, что она позволит устранить разногласия между "высокой" и "низкой" церковью, вигами и тори, пресвитерианами и англиканцами, и наконец, объединит протестантов с диссентерами. При этом свободомыслящие будто бы требовали отмены христианства. Просветитель предостерегал сограждан: отмена христианства поставит церковь в опасное положение и приведет к попытке изменения церковного устройства, а это, в свою очередь, неминуемо повлечет за собой утверждение в стране католицизма. Свифт был убежден в том, что главной целью свободомыслящих являлось достижение не права на свободу совести, но самой "свободы действий". Свифт призывал сограждан пресечь подобные "происки" и позаботиться о сохранении христианства⁹⁵.

Свифт неоднократно подвергал свободомыслящих резкой критике на страницах своих памфлетов. Он называл их "врагами христианства", полагая, что все они склонны к действиям, направленным на уничтожение монархии и государственной религии. Из-за широко распространившихся в мире атеистических взглядов в Англии

участились случаи проявления "непочтительного" отношения к Богу. Свифт полагал, что, хотя взгляды свободомыслящих и не представляют такой опасности, как "доктрины о восстании и мятеже", тем не менее они также способны привести к самым печальным последствиям⁹⁶. В памфлете "Рассуждения мистера Коллинза о свободомыслии" Свифт под именем одного из друзей автора попытался изложить взгляды свободомыслящих. Их, подчеркивал он, все люди боятся как дьявола, и в мире широко распространено мнение, будто это "самые бесчестные, безнравственные, бесчувственные люди". Нередко слова "атеист", "деист", "скептик" приобретают в глазах священников "ругательный" смысл и служат аргументом в их борьбе против свободомыслия. Одной из уловок священников является их обвинение в атеизме людей, которые умнее их самих.

Но что же на самом деле представляли собой идеи свободомыслящих и что за люди проповедовали эти идеи, задавался вопросами Свифт. Известно, писал он, что священники требуют от своих прихожан веры в Библию, хотя для них и затруднительно определить, какое из священных писаний более верное. Конечно же, Библия считается трудной для понимания книгой, поскольку требует широких познаний в истории, религии, физике, математике, этике и т.д. Кроме того, каждый священник имеет собственный взгляд на религию и по-своему толкует текст Библии. При таком положении вещей, считал Свифт, только свободомыслящие способны определить, какое из двадцати видов Писаний, существующих в мире, является "истинным". После того как каждый верующий изберет себе по вкусу подходящее Писание, религия, мир и богатства будут сохранены в стране навечно. Свифт подчеркивал, что во все времена наиболее добродетельными людьми были свободомыслящие, в том числе Сократ, Платон, Плутарх, Цицерон, Сенека, Бэкон, Гоббс и другие всемирно известные философы. Поскольку различия во мнениях по поводу религии и атеизма не приведут к "смятению", отмечал автор, то вполне возможно всем свободомыслящим высказать без всякого стеснения свои взгляды, письменно или устно⁹⁷. Подобным памфлетом, написанным якобы от лица и в защиту свободомыслящих, Свифт на самом деле стремился представить их взгляды в неприглядном свете, чтобы продемонстрировать ту опасность, которую свободомыслящие представляли для англиканской церкви и государства. Чтобы устранить подобную опасность, заявлял просветитель, необходимо положить конец распространению свободомыслия и атеизма среди англичан.

Высказываясь критически по поводу диссентеров и свободомыслящих, ратуя за недопустимость раскола в государственной церкви, Свифт как истинный англиканец настаивал на том, чтобы парламент с помощью строгих и эффективных законов препятствовал появлению и распространению неконформистских сект⁹⁸. Вместе с

тем убеждения Свифта не позволяли ему требовать использования репрессий в отношении диссентеров. Свифт был убежден в том, что применение насилия в отношении многих заблудших людей, которые не представляют никакой угрозы для конституции, противоречит делу очищения религии.

Как священнослужитель Свифт нередко выступал в поддержку своих собратьев по ремеслу. Он отмечал, что в мире распространился обычай обвинять духовенство во всех смертных грехах. Священников "презирают за бедность, писал Свифт, и ненавидят за богатство, обличают в алчности и стремлении к роскоши, в приверженности к деспотической власти и сопротивлению прерогативе, осуждают за гордыню и порицают за отсутствие таковой... Нередко пороки отдельных священнослужителей переносятся на все духовенство"⁹⁹. Свифт полагал, что высмеивать и подвергать критике духовенство вряд ли уместно. В "Апологии" автора "Сказки бочки", написанной спустя тринадцать лет после выхода книги, Свифт высказывался с осторожностью, заявляя что его "Сказка" "осмеивает лишь то, против чего они (священники) сами выступают в своих проповедях"; в ней "не содержится ничего, что задевало бы, ни малейшей грубой выходки против их личности и их профессии. Она восхваляет англиканскую церковь, как самую совершенную среди всех в отношении благочиния и догматики; не высказывает ни одного мнения, которое эта церковь отвергает, и не осуждает ничего, что она приемлет"¹⁰⁰. Подобными уверениями в преданности англиканской церкви и ее духовенству Свифт, скорее всего, пытался смягчить то впечатление, которое вызвала у читателей его острая сатира на религию и священнослужителей в "Сказке бочки", написанной им в молодые годы, в тот период, когда литератор сотрудничал с партией вигов. Впрочем, в письмах к Стелле Свифт по-прежнему порой допускал язвительные замечания в адрес отдельных представителей англиканского духовенства, называя их "шайкой гнусных, неблагодарных негодяев", "подлыми епископами", "дрянью", "пустобрехами"¹⁰¹.

Поскольку на протяжении своей жизни Свифт сотрудничал с обеими партиями, интересно проследить, как он относился к вигам, когда стал тори, и каким было его отношение к политическим партиям вообще. Надо признать, что литератор не одобрял их существование в обществе. "К несчастью, мы разделились на две партии, — писал он в "Экзаминере", — каждая из которых претендует на господствующее положение в государственном и церковном управлении и отличается друг от друга только средствами борьбы". Названия же партий ему вообще представлялись "глупыми кличками"¹⁰².

Вопросу о партиях Свифт посвятил немало статей в журнале "Экзаминер". Он напоминал, что впервые партии возникли в прав-

ление короля Карла II, затем функционировали до Славной революции и с тех пор сохраняются, хотя их названия теперь уже отражают другие принципы. Свифт заметил, что усиление партийных разногласий в стране началось с обсуждения в Конвенционном парламенте 1689 г. вопросов о государственной и церковной политике. По поводу престолонаследия одни депутаты тогда высказывались за регентство принца Оранского при сохранении королевского титула за эмигрировавшим во Францию королем Яковом II; другие же утверждали, что трон остался "вакантным" и потому корона в соответствии с английскими законами должна незамедлительно перейти к следующему наследнику престола. В вопросе по биллю о содержании в мирное время армии "под ружьем" парламент также разделился на его сторонников – вигов и противников – тори. Затем обсуждалось устройство церкви, в результате чего приверженцы "высокой церкви" объединились с тори, а "низкоцерковники" примкнули к вигам.

На взгляд Свифта, обе партии со времени правления Карла II изменились принципиально. Теперь вигами называют тех, кто одобряет Славную революцию, выступает против Претендента, считает необходимым ограничение монархии законом, который исполнительная власть не вправе отменить, и допускает веротерпимость. К партии тори памфлетист относил людей, поддерживавших наследственное право королевы, признававших ее личность священной и неприкосновенной и расценивавших схизму как великое зло, разрушавшее церковь и государство, а потому призывавших не доверять противникам государственную религию¹⁰³.

В адрес вигов Свифт высказывался нелестно. Он считал, что возглавляли партию "несколько выскочек или разорившихся людей, которые стремились прежде всего поправить собственное финансовое положение и потому их первой задачей было разбогатеть за счет государственной казны". Свифт обращал внимание на пестрый социальный состав вигов, объясняя его тем, что вынужденные искать поддержки у различных слоев общества виги привлекали в свои ряды даже тех, чьи взгляды на религию и государственное правление не были ортодоксальными. На страницах "Экзаминера" он с долей иронии замечал: виги "с должным уважением относятся к монархии и церкви даже тогда, когда предпринимают серьезные шаги для подрыва обеих"¹⁰⁴. Просветитель касался также идейно-политических взглядов вигов, отмечая расхождения между ними по принципиальным вопросам. Одни, писал он, "ратуют за короля, ограниченного наподобие венецианского герцога, другие выступают за голландскую республику, третьи – за правление аристократии, но в большинстве своем они за новую схему правления". На взгляд Свифта, виги отнюдь не питают благоговей-

ного "отношения к коронованным особам и вполне допускают возможность оказания им сопротивления с помощью оружия, а также не осуждают войну, развязанную против короля Карла I Стюарта, хотя и расценивают как "постыдный факт" его убийство. Виги озабочены тем, чтобы как можно больше ограничить королевскую прерогативу, а многие из них готовы вообще поддержать республику. Наконец, виги, допуская веротерпимость, выступали против национальной религии.

Таким образом, заключал Свифт, людям с подобными принципами, отстаивавшим "денежные" интересы, ни в коем случае не следует доверять управление государством, поскольку это "небезопасно для конституции". Давая подобные оценки вигам, Свифт явно стремился их дискредитировать. Зато партию тори он характеризовал как наиболее подходящую для государственного управления. На его взгляд, тори считали невозможным изменение существующего строя, верили в "священность" и неприкосновенность личности монарха и защищали его прерогативу. Они твердо убеждены: законной власти ни под каким видом нельзя оказывать сопротивления. Кроме того, тори всегда стоят на страже интересов государственной религии, не доверяя ответственных должностей тем, кто не является англиканцем¹⁰⁵.

Хотя тори и выступали в защиту королевских прерогатив, тем не менее они, как, впрочем, и виги, являлись противниками деспотической власти. Но поскольку средство достижения тирании партии усматривали в армии, то они активно выступали против ее содержания "под ружьем" в мирное время. "Постоянная армия в Англии в мирное или военное время есть прямая абсурдность, поскольку в военных нет никакой необходимости для государства. Нужен только флот, – писал Свифт в памфлете "Нелепости и абсурдности в английском обществе". – Во всех войнах мы должны участвовать вместе с союзниками, которым можем оказать помощь на море или на суше с помощью наемных войск, оплачиваемых нашими деньгами. Сохранение же постоянной армии в стране будет способствовать установлению деспотической власти монарха или олигархии"¹⁰⁶. Ну, а если правительство все же идет на риск и допускает сохранение "под ружьем" армии в мирное время, то оно должно позаботиться о том, чтобы вооруженные силы находились в полном подчинении у гражданской власти. В противном случае может случиться длительная война, либо гражданские институты примут форму военных.

К обсуждению вопроса об армии и ее роли в государстве Свифт возвращался неоднократно. Он подчеркивал, что "генерал и его армия – это слуги, посланные гражданской властью туда, куда она сочтет необходимым". Надо признать, что к военным Свифт вооб-

ще относился с долей иронии. "Вояки представляют себя сведущими людьми, одинаково хорошо разбирающимися в правилах торговли и философии, – писал он в "Экзаминере". – Они мнят себя посредниками в делах религии и правосудия, не прочь попробовать себя на поприще государственного управления, особенно в деле избрания министров, которые никогда не бывают столь плохими, разве когда их избирают военные"¹⁰⁷.

То, что Свифт придерживался торийских убеждений в период своего сотрудничества с правительством Харли, подтверждает его отношение и к вопросу о свободе слова. Вспомним, как вигские журналисты горячо отстаивали свободу прессы. Да и Свифт в бытность свою сторонником вигов не менее рьяно защищал право англичан беспрепятственно выражать свои взгляды. В "Сказке бочки" он подробно останавливался на том, как относились к свободе слова в Англии и приводил в пример Афинскую республику. "В аттической республике, – писал он, – каждый гражданин и поэт пользовался привилегией и правом открыто и всенародно бранить или выводить на сцене, называя по имени, любое самое видное лицо... Но, с другой стороны, малейшее предосудительное слово против народа вообще немедленно подхватывалось и вменялось в вину обронившим его людям, невзирая на их положение и заслуги". Иначе обстоит дело в Англии, продолжал автор: "Здесь вы можете безопасно пустить в ход все свое красноречие против человеческого рода... свободно можете проповедовать в Ковент-гардене против щегольства, блуда и кое-чего еще; против чванства, лицемерия и взяточничества – в Уайтхолле; можете обрушиться на грабеж и беззаконие в капелле квартала юристов, а с кафедры городских церквей громить сколько вам угодно скупость, ханжество и лихоимство. Все это только мячик, пускаемый то туда, то сюда, и у каждого слушателя есть ракетка, которой можно отбросить его от себя на других слушателей. Но, с другой стороны, стоит только человеку... публично обронить самый отдаленный намек, что такой-то уморил с голода половину матросов, а другую почти отравил, что такой-то из высоких чувств любви к чести не платит никаких долгов, кроме карточных и проституткам; что такой-то схватил триппер и просаживает свое состояние; что Парис, подкупленный Юноной и Венерой (деньги и любовница – очень соблазнительные взятки для судьи...), чтобы не обидеть ни одной из сторон, проспал весь процесс, восседая в судебском кресле; или что такой-то оратор произносит в сенате длинные речи, весьма глубокомысленные, мало вразумительные и совершенно не относящиеся к делу. Стоит только... кому-нибудь вдаться в подобные частности и он должен ожидать тюрьмы за величайший скандал, вызова на дуэль, преследования за клевету и привлечения к суду"¹⁰⁸.

Как видно из приведенного отрывка, Свифт обличал тех, кто ущемлял право подданных на свободу слова. Он выступал в роли борца за право англичан открыто высказывать свое мнение по любому вопросу, даже допуская критику государственного правления. Но стоило измениться его политическим убеждениям и сделаться сторонником правящей партии, как Свифт тотчас стал осуждать любые критические высказывания в адрес королевы, министров, духовенства. Ну, а если подобные критики находились (чаще всего это были сторонники оппозиционной партии), то их ждало суровое наказание. И вот уже вчерашний поборник свободы слова требует от государственного секретаря лорда Болингброка "примерно наказать" тех, кто "чересчур рьяно" нападает на кабинет министров, и настаивает на аресте вигского памфлетиста Буайе. В одном из писем к Стелле Свифт сетовал: "Эти чертовы мошенники с Граб-Стрит (улица, где располагались издательства газет и журналов. – *Т.Л.*)... беспрерывно поносят лорда-казначея, лорда Болингброка и меня. Мы возбудили против одного из этих негодяев судебное преследование". Увидев, что государственный секретарь не проявляет "достаточного усердия", чтобы наказать вигского журналиста, Свифт решает самолично довести дело до конца. Он намеревается способствовать аресту любого, кто осмелится воспользоваться свободой слова. Между тем принятые меры оказывались малоэффективными. "Не успеваем мы выпустить кого-нибудь из них под залог, – сетовал Свифт, – как они тотчас снова берутся за свое. Тогда мы снова их арестовываем, но они опять вносят залог, и каждый раз все начинается сначала"¹⁰⁹. Как видно, став торийским памфлетистом, Свифт начал требовать свободы слова исключительно для представителей правящей партии, лишая таковой ее политических противников.

Анализ общественно-политических взглядов просветителя позволяет заключить, что Свифт принадлежал к умеренному крылу партии тори. Яркие приверженцы монархии, сторонники наследования престола прямыми потомками династии Стюартов, в первую очередь Претендентом (Яковом III), непримиримые противники вигов – крайние тори, собиравшиеся в Клубе октябристов, вызывали неодобрение Свифта. "Нам здесь изрядно досаждают Октябрьский клуб, – писал он Стелле, – я имею в виду свыше ста членов парламента из провинции, которые, накачавшись октябрьским пивом, собираются каждый вечер в таверне, расположенной неподалеку от парламента, чтобы обсудить положение дел; в своей вражде против вигов они доходят до крайности, требуя призвать прежний кабинет министров к ответу, и готовы снести пять-шесть голов"¹¹⁰. Хорошо понимая, что разногласия в партии тори незамедлительно скажутся на ослаблении ее позиции, Свифт выступил с памфлетом "Несколько советов членам Клуба октябристов". В нем автор призывал октябристов "умерить свой пыл" и с большим доверием отнестись к ми-

нистерству Харли. Только объединив ряды тори, возможно добиться прочной победы над вигами, заключал памфлетист¹¹¹.

Изучение общественно-политических воззрений Джонатана Свифта было бы неполным без рассмотрения его просветительских взглядов, нашедших выражение в той обличительной критике, которой он подвергал как пережитки феодального строя в Англии, так и пороки современного ему общества. И хотя наиболее ярко просветительские идеи Свифта отразились в знаменитых "Путешествиях Гулливера", тем не менее многие другие его произведения, в том числе политические памфлеты, написанные ранее, содержали высказывания, позволявшие причислить их автора к представителям просветительского движения.

Насколько просветительские взгляды Свифта были связаны с его общественно-политическими убеждениями? Хотя ни в отечественной, ни в зарубежной историографии подобный вопрос не поднимался, нам он представляется важным. Критика, которой Свифт подвергал государственное устройство Англии, а также различных представителей управленческого аппарата, стала возможной прежде всего потому, что сам памфлетист находился в гуще политических событий, был знаком с тонкостями закулисной игры министров и парламентских лидеров, лично общался со многими государственными и политическими деятелями страны, разбирался в хитросплетениях непростой политической борьбы. Столь глубокое знакомство с нравами высших слоев общества позволило Свифту подметить и обнародовать его негативные черты.

Критическое отношение к различным сторонам английской действительности проявилось у Свифта главным образом в период его сотрудничества с тори. Постепенно он стал тяготиться службой у министров. Участие в политике все больше разочаровывало его. В его дневнике нередко стали появляться следующие записи: "Я устал от политики, которая не сулит мне ничего хорошего", "чувствую себя уставшим от дел и министров", "изрядно от них всех устал" и т.п.¹¹² Свифт все чаще неодобрительно высказывается в отношении к действиям министров: "Не по душе мне их политика, а может, я просто ее не понимаю", — писал он Стелле. Ему были не по нраву и люди, которые вершили дела в государстве. "Мне не по душе миллион вещей в наших государственных делах, — читаем в дневнике, — и я ничуть не сомневаюсь, что задержись я здесь намного дольше, я бы погубил себя попытками их исправить. Меня каждый день просят придумать для этого какой-нибудь способ, но я не вижу ни одного, который мог бы оказаться хоть сколько-нибудь успешным"¹¹³.

Свифт говорит о своем желании поскорее очутиться подальше от двора и министров. Однако, когда это произошло и после заключения Утрехтского мира министры-тори, не нуждавшиеся более в услугах памфлетиста, предложили ему место декана в Дублине,

Свифт ужасно огорчился. "В первые дни по приезде сюда я думал, что умру от досады, – писал он из Ирландии летом 1713 г. Ванессе, – и, когда меня рукополагали в деканы, испытывал ужасную тоску, но теперь это чувство начинает притупляться и сменяется безразличием"¹¹⁴.

Между тем разочарование Свифта в политике, усугублявшееся неблагодарностью министров, по сути дела сославших его в Ирландию, оказало благотворное влияние на формирование его просветительских убеждений. И хотя Свифт отошел от политики, он не стал рядовым обывателем. Напротив, литератор сделался активным борцом за права ирландского народа. "Путешествия Гулливера" и "Письма суконщика", написанные в ирландский период жизни, поставили Свифта в один ряд с великими сатириками мира. Но только ли разочарование в политике и горечь от неблагодарности министров повлияли на рождение Свифта-сатирика, Свифта-просветителя? Конечно же, нет. Обличительная сатира Свифта, направленная против буржуазного общества, создавалась все тем же памфлетистом, писателем, стоявшим на позициях тори. Правда, теперь изменилась политическая ситуация. К власти в 1714 г. пришли виги, а партия тори сделалась оппозиционной. Свифт не стал исключением, когда перешел с позиций апологета правящей партии на сторону ее критиков. Поэтому-то замечания, которые он допускал в отношении к министрам, придворным, священнослужителям, парламентариям и политикам, находясь на службе у тори, теперь потоками извергались на головы тех, кто стоял у власти – представителей партии вигов. Таким образом, политическая позиция оказала бесспорное влияние на формирование просветительских взглядов Свифта. В свой ирландский период жизни просветитель продолжал оставаться на позициях тори.

Хотя литератор по-прежнему одобрял конституционное устройство Англии, однако теперь он подвергал критике систему государственного управления, подчеркивая: "Вся правительственная машина" в стране вращается на "двух шарнирах" – наградах и наказаниях¹¹⁵. Свифт все еще придерживался того взгляда, что личность монарха священна и никогда не должна подвергаться критике. Между тем еще в бытность свою торийским памфлетистом он неоднократно высказывался по отношению отдельных действий королевы. И когда в декабре 1711 г. она издала указ о введении в палату лордов одновременно двенадцати новых пэров для того, чтобы усилить позиции тори при голосовании, Свифт подобный поступок назвал "из ряда вон выходящим", заявив, что "меры, на которые решился двор", ему явно не по душе¹¹⁶. Впрочем, острее своей критики просветитель чаще всего предпочитал направлять на фаворитов и сановников королевы. Во всех просчетах управления он винил тех, кого монарх назначал на должности. "Три короля объявили

мне, – писал Свифт в "Путешествиях Гулливера", – что за все их царствование они ни разу не назначили на государственные должности ни одного достойного человека, разве что по ошибке или вследствие предательства какого-нибудь министра, которому они доверились... они доказали мне, что без развращенности нравов невозможно удержать королевский трон, потому что положительный, смелый, настойчивый характер, который создается у человека добродетельного, является постоянной помехой в государственной деятельности"¹¹⁷.

Что же представляли собой, на взгляд Свифта, высокопоставленные чиновники, которым доверялось управление страной? В памфлете "Размышления по различным поводам" литератор писал: все эти "продажные люди" совершенно непригодны для хорошего правителя. Они преследуют личную выгоду и совсем не беспокоятся об интересах общества¹¹⁸. "На действия кабинета чрезмерное влияние оказывают личные счеты, – читаем в его дневнике, – а между тем они нисколько всем этим не обеспокоены и так беспечны и веселы, словно никакое бремя не отягощает их сердца и плечи"¹¹⁹. Моральные качества сановников также оставляли желать лучшего: герцога Мальборо и члена парламента Роберта Уолпола обвиняли во взяточничестве, государственный секретарь Болингброк не прочь подцепить "какую-нибудь шлюху", а на следующий день будет заседать в кабинете министров в присутствии королевы как ни в чем не бывало. "Уж так водится в свете", – заключал Свифт¹²⁰.

В "Путешествиях Гулливера" литератор обращал внимание на тот факт, что при выборе кандидатуры на должность мало внимания обращается на "умственные дарования" претендента, и потому в Англии "самые высокие люди" обыкновенно наделены умственными способностями "в наименьшей степени". Чтобы снискать милость великих мира сего и их фаворитов, необходимо прибегнуть к подкупу, лести и сводничеству. Для получения высокой должности в стране совсем не требуется обладание какими-нибудь достоинствами или добродетелями. Вероломство, давление, подкуп, обман, сводничество – все идет в ход ради собственного обогащения, приобретения титулов и состояния. Одни своим величием и богатством обязаны "содомии и кровосмешению, другие – торговле своими женами и дочерьми; третьи – измене своему отечеству или государю, четвертые – отраве, а большая часть – нарушению правосудия с целью погубить невинного", – заявлял Свифт в "Путешествиях Гулливера"¹²¹.

Среди сановников главное место принадлежало первому министру. Его собирательный образ Свифт также представил в своем знаменитом произведении. Государственный министр, на его взгляд, является "существом совершенно неподверженным радости и горю, любви и ненависти, жалости и гневу; по крайней мере он не проявляет никаких страстей, кроме неистовой жажды богатства, власти и

титолов... он пользуется словами для самых различных целей, но только не для выражения своих мыслей... он никогда не говорит правды иначе как с намерением в тех случаях, когда хочет выдать свою ложь за правду".

Свифт указывал три способа, с помощью которых достигался пост первого министра. "Первый способ – умение благоразумно распорядиться женой, дочерью или сестрой; второй – предательство своего предшественника или подкоп под него; и наконец, третий – яростное обличение в общественных собраниях испорченности двора". Причем, подчеркивал литератор, мудрый государь, конечно же, отдаст предпочтение тем, кто применяет последний способ, "ибо эти фанатики всегда с наибольшим раболепием будут потакать прихотям и страстям своего господина". Какую же политику станет проводить такой министр? На этот вопрос Свифт дает исчерпывающий ответ: "Достигнув власти, министр, в распоряжении которого все должности, укрепляет свое положение путем подкупа большинства сенаторов или членов большого совета, в заключение оградив себя от всякой ответственности особым актом, называемым амнистией... он удаляется от общественной деятельности, отягченный нагребленным у народа богатством"¹²². Не вызывает сомнений, что подобный обличительный портрет первого министра Свифт мог представить исключительно потому, что был близко знаком со многими королевскими министрами, и в первую очередь Робертом Харли. Очевидно, просветительские взгляды Свифта формировались под влиянием той активной политической деятельности, которую он вел в бытность свою сотрудничества с партией тори.

Критически высказывался Свифт и о представителях законодательной власти – членах обеих палат парламента. Он подчеркивал, что возведение в звание лорда нередко вызвано "прихотью монарха, деньгами, предложенными придворной даме или первому министру, или желанием усилить партию, противную общественным интересам". Члены высшей палаты порой не всегда основательно знают законы своей страны, что не мешает им, однако, решать в качестве высшей инстанции дела своих сограждан. Нельзя сказать, чтобы лорды были чужды корыстолюбия и других недостатков, или чтобы на них не могли подействовать подкуп, лесть и тому подобное. Не лучшее зрелище представляли духовные лорды, которые также входили в высшую палату. Свифт сомневался в том, что епископы возводились в свой сан исключительно благодаря глубокому знанию религиозных доктрин и собственной "святой" жизни. Просветитель не сомневался в том, что многие из них, будучи простыми священнослужителями, угождали "мирским интересам", а порой среди них встречались "растленные капелланы" какого-нибудь вельможи, мнению которого они продолжали раболепно следовать и после того, как получали доступ в парламент¹²³.

Члены низшей палаты в изображении Свифта представлены не лучше. В палату общин, писал он в "Путешествиях Гулливера", нередко попадал "чужой человек, с туго набитым кошельком", который оказывал давление на избирателей, "склоняя их голосовать за него вместо их помещика или наиболее достойного дворянина этой местности". Свифт подчеркивал, что многие депутаты "страстно стремятся попасть в упомянутое собрание", хотя сами постоянно твердят, что пребывание в нем "сопряжено с большим беспокойством и издержками, приводящими часто к разорению семьи, и не оплачивается ни жалованием, ни пенсией". Но вряд ли подобная "жертва" диктовалась "добродетелями" или "гражданственностью" членов парламента, высказывал сомнение литератор. Он был убежден в том, что скорее всего члены палаты общин стремились "вознаградить себя за понесенные ими тяготы и беспокойства путем принесения в жертву общественного блага намерениям слабого и порочного монарха вкупе с его развращенными министрами". Сравнивая римский сенат с английским парламентом, Свифт подчеркивал, что в то время, как первый "казался собранием героев и полубогов", второй являл собой сборище "разносчиков, карманных воришек, грабителей и буянов"¹²⁴.

Острой критике подвергнул Свифт систему судопроизводства страны. Судьи, на его взгляд, представляли собой "сословие людей, смолоду обученных искусству доказывать при помощи иностранных речей, что белое – черно, а черное – бело, соответственно деньгам, которые им за это платят. Это сословие держит в рабстве весь народ". Они настолько привыкли "почти с колыбели защищать ложь", что явно чувствуют себя "не в своей стихии", если приходится отстаивать правое дело. Ссылаясь на многочисленные прецеденты, судьи принимают решения, попирающие справедливость и здравый человеческий смысл. Вскрывая пороки судебной системы, существующей в стране, просветитель отмечал необъективность судей при разбирательстве тяжб, подчеркивал, что рассмотрение ими дел зависело либо от двойного гонорара, который выплачивали стряпчему, либо от того, каким образом власть имущие относились к обвиняемому. Последнее обстоятельство особенно важно при решении дел о государственных преступлениях, поскольку от этого зависит приговорить виновного к повешению или оправдать. При этом и в первом, и во втором случае считается, что буква закона строго соблюдена.

Свифт обращал внимание на продажность и корыстолюбие судебных чиновников, которые намеренно затягивали разбирательство дела до тех пор, пока вконец не разоряли обе стороны. Нередко на правосудие оказывали давление такие обстоятельства, как принадлежность к религиозной секте или политической партии. И в зависимости от того, каких религиозных или политических убеждений

придерживался сам судья, выносился обвинительный или оправдательный приговор. Вообще Свифт относился к судейскому сословию с презрением, заявляя, что все его представители обыкновенно являются "самыми невежественными и глупыми из всех нас, способными вести самый простой разговор, заклятыми врагами всякого знания и всякой науки, так же склонными извращать здравый человеческий смысл во всех других областях, как они извращают в своей профессии"¹²⁵.

С позиций тори просветитель продолжал рассматривать и вопрос о роли армии в государстве. Он по-прежнему осуждал решение правительства содержать наемную регулярную армию в мирное время. "Если у нас действует самоуправление, осуществляемое выбранными нами депутатами, то кого же нам бояться и с кем воевать?" – недоумевал Свифт. Не лучше ли, чтобы каждый гражданин самостоятельно защищал свой дом, а не полудюжина "случайно завербованных на улице за небольшое жалованье мошенников, которые могут получить в сто раз больше, перерезав горло охраняемым лицам"¹²⁶.

Свифт по-прежнему осуждал политику ведения захватнических войн, которую защищали представители "денежных" интересов. Он вскрывал истинные причины развязывания правительством подобных войн, поводом для которых становилось "честолюбие монархов, которым все бывает мало земель или людей, находящихся под их властью; иногда испорченность министров, вовлекающих своих государей в войну, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на их дурное управление". Сторонники захватнических войн "вполне извинительным" считают "нападение на страну, если ее население изнурено голодом, истреблено чумою или втянуто во внутренние раздоры". Точно так же признается справедливой война с самым близким союзником, "если какой-нибудь город расположен удобно для нас или кусок его территории округлит или завершит наши владения". Ремесло солдата, замечал с иронией Свифт, "считается у нас самым почетным, так как солдат есть еху (изобретенный просветителем термин, обозначающий человека, доведенного до скотского состояния. – *Т.Л.*), нанимающийся хладнокровно убивать возможно большее число подобных себе существ, не причинивших ему никакого зла"¹²⁷.

Колониальная политика, проводимая "денежными людьми", также осуждалась просветителем. Он мастерски изобразил сцену захвата одной из заморских территорий в "Путешествиях Гулливера". Подобно пиратам, английские войска высаживались на берег, чтобы "заняться грабежом и разбойничеством". Они "находят безобидное население, оказывающее им хороший прием, дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в

качестве образца, возвращаются на родину... Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву. При первой возможности туда посылают корабли, туземцы либо изгоняются, либо истребляются, князей их подвергают пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для любого распутства, земля обгабляется кровью своих сынов". И все это, восклицал Свифт, делается "гнусной шайкой мясников" с тем, чтобы "обратить в христианство" и "насадить цивилизацию" среди дикарей-идолопоклонников¹²⁸.

Разочарование Свифта в партийной борьбе проявилось в изображении им политических партий. В "Путешествиях Гулливера" он с одинаковой неприязнью высказывался об обеих, считая партийные раздоры в стране "страшнейшим злом". Просветитель обращал внимание на взаимную антипатию членов партий: ненависть между ними порой доходит до того, что они уже не в состоянии ни есть, ни пить, ни разговаривать, когда находятся рядом с политическим противником. Между тем, справедливо замечал Свифт, обе партии по существу мало чем отличались друг от друга и вполне могли достигнуть взаимного примирения. Для этого сатирик предлагал отпилить затылки у каждой пары политических противников с тем, чтобы разделить мозг на две равные части. Затем следовало произвести "обмен срезанными затылками" и каждый из них приставить к голове политического противника. В результате подобной операции, с иронией заключал просветитель, "две половинки головного мозга, принужденные спорить между собой в пространстве одного черепа, скоро придут к доброму согласию и породят ту умеренность и ту правильность мышления, которые так желательны для голов людей... Что же касается качественного или количественного различия между мозгами вождей враждующих партий, то это, — заключал автор, — сущие пустяки"¹²⁹.

Просветительская платформа Свифта включала в себя также его критические высказывания по поводу моральных пороков отдельных представителей буржуазного общества. Находясь на службе у торийских министров, Свифт создал в Лондоне "Клуб Мартину-са Скрибблеруса", в котором объединились просветители торийской ориентации: знаменитые поэт Александр Поп, поэт и драматург, автор известной "Оперы нищих" Джон Гэй, лейб-медик королевы, начинавший пробовать свои силы на литературном поприще Джон Арбетнот. Вместе со Свифтом они составили литературное сообщество, которое ставило своей целью борьбу против невежества и педантизма. Возможно, что именно с деятельности в данном клубе и начались критические выступления Свифта, обличавшего пороки представителей английского общества.

Коррупция и взяточничество, широко распространившиеся в Англии в ту пору, стали объектом обличительной критики просве-

тителя. Бывая при дворе, Свифт нередко становился свидетелем того, как приобретались правительственные должности. В одном случае достаточно было ходатайствовать перед высокопоставленными особами, чтобы "всякие болваны" могли получить должность. Но чаще всего ее попросту покупали. Продажа государственных и военных должностей, ставшая привычным делом в Англии, вызывала откровенное негодование Свифта. "Рассказывал ли я вам об одном негодяе, который промышлял при дворе тем, что торговал должностями, вымогал деньги у невежественных простаков, — писал Свифт в одном из писем Стелле. — При последней своей сделке он запросил за должность вице-камергера 7000 фунтов"¹³⁰. В памфлете "Новый способ продажи должностей при дворе" Свифт разоблачал механизм получения государственных должностей. Он подчеркивал, что одну и ту же должность при дворе продавали по несколько раз, получая до пятидесяти гиней от каждого просителя. Однако затем, когда деньги были получены, вдруг выяснялось, что либо место уже занято другими, либо королева не дала своего согласия. В результате проситель уходил ни с чем, а когда понимал, что его попросту одурачили и пытался жаловаться, то его же и поднимали на смех¹³¹. Таким образом, чтобы получить государственную должность, совсем не обязательно обладать какими-либо талантами или добродетелями. Чтобы добиться власти, достаточно быть просто богатым, заключал Свифт на страницах журнала "Экзаминер"¹³².

Многое в государственном устройстве Англии глубоко возмущало просветителя. Это и открытая торговля гражданскими и военными должностями, и коррупция в государственном аппарате, и нарушения в избирательной системе, и преследования депутатами парламента личных интересов, либо целей парламентских партий. Воровство, мошенничество, сводничество, клятвопреступление, подкуп, подлог, ложь, холопство, бахвальство, разврат, ханжество, клевета — все эти пороки представителей высших кругов общества также вызывали резкое осуждение Свифта. "Я воспитал в себе глубокую ненависть ко всякой лжи и притворству, и истина стала мне столь любезной", — писал он на страницах "Путешествий Гулливера". "Я ненавижу пост и ... кислые благочестивые физиономии людей, которые только на семь недель напяливают на себя набожный вид", — читаем в его дневнике¹³³.

Надо отметить, что в "Путешествиях Гулливера" Свифт впервые представил общество разделенным по классовому принципу на богатых и бедных. Он указывал на эксплуатацию бедняков Англии: "Богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача"¹³⁴. Сочувствуя народным низам, Свифт гневно клеймил представителей высших слоев, которые с детства воспитывались в праздности и роскоши. Физические недостатки представителей знати, вызванные вырождением их родов, находи-

лись, на его взгляд, "в полном соответствии с недостатками умственными и нравственными". Однако "без согласия этого блестящего класса не может быть издан, отменен или изменен ни один закон", и эти люди "безапелляционно решают все наши имущественные отношения"¹³⁵.

Негодование Свифта вызывало также то, что имущие классы строго контролировали печать, ограничивая свободу слова. "Власть имущие весьма зорко следят за прессой и готовы не только использовать по-своему все, что кажется им намеком... но даже подвергнуть это наказанию", – сетовал он на страницах "Путешествий..." Свифт возмущался тем, что многие авторы меньше заботятся об истине, нежели об удовлетворении собственного тщеславия и корысти¹³⁶. Как видно, подобные высказывания Свифта о прессе заметно отличались от тех, которые он допускал, находясь на службе у партии тори. Теперь Свифт упрекал вигов в том, что они преследуют инакомыслящих, тогда как совсем недавно, защищая правящий кабинет министров, он сам одобрял подобные действия, более того, призывал заставить замолчать всех оппозиционно настроенных к тори литераторов. Бесспорно, что изменение политической обстановки оказало непосредственное влияние на просветительские взгляды Свифта: оставаясь на позициях партии тори, он сделался критиком правительственной, теперь уже вигской политики ограничения свободы слова.

Обличая многочисленные пороки своих сограждан, Свифт в "Путешествиях..." попытался изобразить идеал общества. По форме правления государство должно оставаться, на его взгляд, конституционной монархией. В стране, где долгие годы велась борьба дворянства за власть, народа за свободу, а короля за абсолютное правление, наконец-то достигнуто равновесие сил, которое вполне устраивало Свифта. Монарх при подобной форме "все искусство управления... ограничивает самыми тесными рамками и требует для него только здравого смысла, разумности, справедливости, кротости, быстрого решения уголовных и гражданских дел". Чтобы избавиться от коррупции, все высшие должности в государстве Свифт предлагал распределять "по жребию". Армия в подобном обществе состоит "в городах из купцов, а в деревнях из фермеров под командой больших вельмож или мелкого дворянства, не получающих ни жалованья, ни вознаграждения". Такая армия, на взгляд Свифта, будет отличаться прекрасной дисциплиной. И разве может быть иначе там, где "каждый фермер находится под командой своего помещика, а каждый горожанин под командой первых людей в городе и где эти начальники избираются баллотировкой, как в Венеции"¹³⁷.

В идеальном обществе Свифта подати взимаются так, чтобы они "не отягощали" население. Кроме того, сатирик предлагал взыскивать налоги с "пороков и безрассудств", при этом их сумма

должна определяться самым беспристрастным образом жюри, составленным из соседей облагаемого. В представлении литератора, не мешало также обложить высокими налогами ум, храбрость, учтивость и взимать этот налог тем же способом, т.е., тот кто платит, сам и определяет "степень, в какой он обладает указанными качествами". Идеал общества предусматривал также выбор фаворитов монархом из числа людей умных, способных и добродетельных; награждение людей достойных, одаренных, оказавших обществу выдающиеся услуги; требование от министров считаться с общественным благом, а от верховного правителя – сочетать собственные интересы с интересами народа; вручение должностей лицам, обладающим необходимыми качествами для их занятия¹³⁸.

В обществе, о котором мечтал Свифт, больные и старые люди должны содержаться в богадельнях, а прошение милости отойдет в прошлое. Будет проявляться постоянная забота об образовании подрастающего поколения. Следует отметить, что просветитель считал возможным предоставлять образование детям исключительно из имущих слоев. Поскольку крестьяне и ремесленники привлекают своих детей к работе на полях и в мастерских, то их образование не имело "особенного значения для общества", полагал просветитель¹³⁹. Так классовая ограниченность литератора, отстаивавшего интересы землевладельцев, сказалась и на его просветительских взглядах.

Надо признать, что идеал общества, изображенный Свифтом, не учитывал тех социально-экономических изменений, которые произошли в стране в результате буржуазных революций XVII в. Процесс утверждения новых, капиталистических отношений в Англии сделался необратимым, и потому мечты Свифта о таком патриархальном обществе, в котором господствовали бы исключительно "земельные" интересы, т.е. по сути сохранялись бы феодальные порядки, носили утопический характер. Вот почему предпринятая Свифтом критика пороков буржуазной Англии оказалась намного острее и важнее, чем представленный им идеал общества. Заметим, что именно глубокая и смелая обличительная сатира Свифта оказала огромное влияние на развитие европейской просветительской мысли.

Анализ общественно-политических и просветительских взглядов писателя-сатирика и памфлетиста позволил прийти к следующим заключениям. Политическая платформа Свифта носила сложный характер. Когда он сотрудничал с вигами, то защищал их доктрины (теории "разделения властей", "равновесия сил", сопротивление тирании). Он выступал против коррупции в парламенте, приветствовал улучшение избирательной системы, являлся сторонником ограниченной свободы слова. В то же время, в отличие от большинства вигов, Свифт осуждал Славную революцию, в результате кото-

рой был изгнан "законный" король, выступал против свободы совести, отдавал предпочтение "земельным", а не "денежным" интересам. Нам представляется, что на идейные расхождения с вигами решающее влияние оказали социальное происхождение, образование и профессиональная принадлежность Свифта. Напомним, что он происходил из семьи приверженцев роялистов, окончил богословский факультет и стал священником государственной церкви. В результате Свифт тяготел к тем классам и социальным группам, выразителями которых являлась партия тори. В этой связи его переход в партию тори представляется закономерным, поскольку он не диктовался соображениями личной выгоды, как порой об этом писали западные ученые. Торийские взгляды Свифта выразились в его отношении к "священной", не подлежащей критике личности монарха, в призывах укреплять и расширять королевскую прерогативу, защищать "легитимное" престолонаследие, оставаться апологетом англиканства. С позиций тори осуждал Свифт внешнюю политику "денежных людей", которые вели агрессивные войны и колониальные завоевания.

Таким образом, все творчество Свифта можно разделить, на наш взгляд, на два этапа: "вигский" и "торийский". Под влиянием политических убеждений, близких к торийской платформе, формировались просветительские взгляды литератора. Особенно ярко они проявились в тот период, когда памфлетист находился в оппозиции к вигскому правительству. Нельзя не отметить и того факта, что в творчестве Свифта ярко прослеживается его приверженность к имущим слоям Англии. Рассуждая о делении общества на "богатых" и "бедных", признавая наличие эксплуатации в нем, Свифт, тем не менее, предпочитал занимать сторону сильных мира сего, всегда оставаясь верным интересам власть предержащих. Как выразитель "земельных" интересов Свифт выступал в защиту неприкосновенности частной собственности, а любые попытки ее нарушить расценивал как "противоестественные" и "неуместные". Вот почему литератор давал столь негативные оценки событиям буржуазной революции середины XVII в., а избирательное право распространял исключительно на владельцев крупной земельной собственности. За ними же он оставлял и право сопротивления власти тирана. И только их детям считал возможным предоставлять образование.

Как сложилась судьба Свифта после прихода к власти в 1714 г. Георга I Ганноверского? Вспомним: сразу же после того, как торийский кабинет министров пал, Свифт возвратился в Ирландию, где занял должность декана собора св. Патрика в Дублине. Ванесса, как и Стелла до этого, также последовала за своим любимым, хотя и не получила с его стороны никаких обязательств. В это время Стелла узнает о существовании соперницы и, опасаясь потерять близкого ей человека, начинает настаивать на своем браке со Свифтом.

Свифт дает свое согласие на брак, но ставит при этом условие: брак их будет тайным и жить они будут по-прежнему врозь. Стелла приняла это условие. В 1716 г. состоялось их тайное бракосочетание.

Взаимоотношения Свифта со Стеллой и Ванессой чрезвычайно занимали западных ученых. Некоторые из них высказывали гипотезы, позволявшие судить о причинах тайного брака Свифта. Одни утверждали, что Стелла настояла на браке, чтобы не допустить сближения Свифта с Ванессой, но что их брак оставался фиктивным, поскольку оба являлись внебрачными детьми Темпля, другие видели причину в существовании какого-то физического недостатка у Свифта и т.д.¹⁴⁰. Различные домыслы и предположения и поныне выдвигаются учеными, однако загадка брака Свифта со Стеллой так и остается неразгаданной.

Известие о женитьбе Свифта повергло Ванессу в тяжелую меланхолию. Она поселилась в аббатстве Марии, где вела уединенный образ жизни, редко выезжала, почти ни с кем не виделась, проводила время за чтением книг или прогуливалась по саду. Как утверждал один из биографов Свифта, его знаменитый соотечественник Вальтер Скотт, Ванесса "избегала людей и всегда была печальна, кроме тех случаев, когда приезжал настоятель Свифт, — тогда она становилась веселой"¹⁴¹. Вместе со своим наставником Ванесса уединялась в укромном уголке сада, где они присаживались на скамью, окруженную так любимыми Свифтом лаврами. На столе перед ними по обыкновению лежали книги, перья, бумага.

Умерла Ванесса 2 июня 1723 г., как утверждал Теккерей, "от неразделенной страсти". Свифт посвятил ей чудесные стихи. Стелла, узнавшая об этих стихах, заявила: "Это меня ничуть не удивляет, ведь всем известно, что настоятель умеет чудесно описывать даже палку от метлы"¹⁴². Сама Стелла скончалась через четыре с половиной года, 28 января 1728 г. По-видимому, судьбе было угодно, чтобы женщины, которых любил и заставлял страдать Свифт, покинули его первыми.

В Ирландии Свифт проявил себя как борец за свободу и национальную независимость ее народа. Ирландия в ту пору оставалась на положении английской колонии. Ряд законов, принятых парламентом Англии в конце XVII в., ограничивал вывоз ирландского скота и запрещал экспорт ирландской шерсти, что серьезно подрывало сельское хозяйство и промышленность Ирландии. Экономическое угнетение ирландцев усугублялось лишением их политических прав, а также репрессивным законодательством, направленным против католиков. Георг I продолжал проводить в отношении к Ирландии ту же политику угнетения, что и его предшественники — Стюарты. Свифт, вплотную столкнувшись с теми бедами, которые выпали на долю ирландского народа, поднял свой голос в его защиту. В 1720 г. он издал первый памфлет в защиту ирландцев. Автор

обвинял алчных английских промышленников, которые стремились при поддержке министерства заполнить ирландские рынки товарами собственного производства. Вигское правительство сочло данный памфлет "мятежным и подстрекательским" и возбудило против автора судебное преследование. Однако подобные действия властей не остановили Свифта. В 1724 г. он опубликовал свое знаменитое произведение "Письма суконщика", в котором обличал господствующие классы Англии в жестоком обращении с народом Ирландии. "Наши предки отдали Ирландское королевство под власть Англии, – писал Свифт, – и в награду за это мы получили худший климат, привилегию находиться под властью законов, на которые мы не давали согласия, упадок торговли, палату пэров без юрисдикции, почти полное отсутствие права занимать какие-либо должности"¹⁴³. В результате подобной политики народ Ирландии доведен до состояния рабства, подчеркивал Свифт, в то же время Англия ежегодно извлекает и кладет себе в карман свыше миллион фунтов чистой прибыли.

Гневное осуждение политики английских угнетателей и сострадание к ирландскому народу звучали и в памфлете Свифта "Беглый взгляд на положение Ирландии". "Ни один чужеземец не изберет нашу страну для своих путешествий, так как все, что он сможет здесь увидеть, – это картины нищеты и разорения", – восклицал Свифт. И далее он описывал ту тяжелую и безрадостную жизнь, которую был вынужден влачить этот народ: "Убогая одежда, пища и жилье простых людей. Полное безлюдье в большинстве частей королевства. Крестьянские семьи, выплачивающие огромную ренту, живут в грязи и нечистотах, на снятом молоке и картофеле, не имея ни сапог, ни чулок, не имея дома, равного по удобствам хотя бы английскому свинарнику, где бы они могли найти приют"¹⁴⁴.

"Письма суконщика" всколыхнули весь народ Ирландии. Свифт сделался подлинным героем ирландского народа. На его адрес отовсюду приходили письма и приветствия. В его честь сочинялись баллады, которые простой народ распевал на улицах городов. Когда в 1726 г. Свифт возвратился из Англии, куда ненадолго уезжал, чтобы издать "Путешествия Гулливера", то его встретили как епископа – колокольным звоном, пылавшими на улицах кострами, почетный эскорт из простолюдинов сопровождал своего заступника до дома.

Своими памфлетами Свифт стремился не только разбудить национальное самосознание угнетенного народа Ирландии, но и по возможности оказать материальную помощь наиболее нуждающимся людям. Он занимался широкой благотворительностью и оказал помощь более чем двумстам семьям бедняков. Помимо денежной помощи просветитель поддерживал многих ирландцев своими ходатайствами за них перед властью имущими. Народ Ирландии платил

своему "заступнику" искренней любовью и признательностью¹⁴⁵.

"Ирландский" период жизни Свифта открыл просветителя еще с одной стороны: он предстал как убежденный сторонник и пропагандист женского образования. Свифт написал два интересных произведения: "Об образовании леди" и "Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества". Близкое знакомство со Стеллой и Ванессой не исключало из круга общения Свифта и других женщин. Являясь официальным памфлетистом партии тори, которая защищала "земельные интересы", Свифт нередко бывал при дворе и был вхож в высшее общество Англии. Как священнослужитель одного из ирландских приходов постоянно общался со своей паствой, среди которой было немало представительниц прекрасного пола. Будучи человеком наблюдательным, Свифт неплохо разбирался в вопросах, связанных с положением женщин в обществе, а как просветитель особое внимание уделял проблеме их воспитания и образования.

В очерке "Об образовании леди" Свифт обратил внимание на тот факт, что в английском обществе прочно утвердилось мнение, будто главной целью брака является продолжение рода. Если это так, то первейшей обязанностью женщины должно быть рождение детей и уход за ними. Таким образом, главное предназначение женщины общество усматривало в ее деятельности в качестве супруги, матери и домохозяйки. "Жена должна следить за порядком в доме и слугами, наблюдая за тем, как они исполняют свою работу, – рассуждали, по мнению Свифта, сторонники подобной теории. – Отсутствовать вне дома она может крайне редко и на короткое время. Она должна отвечать за все, что происходит в семье".

Свифт подчеркивал, что большинство мужчин желает, чтобы супруги подчинялись им беспрекословно. Даже принимать у себя, либо наносить визиты сами жены могли исключительно тем лицам, которые заслуживали одобрения их мужей. Мужчины полагали, что все время их жен должно быть занято различными делами. Разумеется, столь плотный рабочий график женщины не оставлял времени не только на чтение, но даже на визиты или отдых. Считалось, продолжал Свифт, что чтение книг, за исключением тех, которые имели отношение к религии или домоводству, "могло вызвать помрачение рассудка женщины". "Все эти пьесы, романы, любовные поэмы способны только обучить их интриге, а все знания, за исключением домоводства, сделают их тщеславными, самодовольными, лицемерными". Свифт подчеркивал, что муж опасается образованной жены, поскольку убежден, что, научившись самостоятельно мыслить и рассуждать, она начнет презирать своего супруга, а уважать будет "самодовольных типов", которые набрались знаний в книгах. На взгляд мужчин, если женщина выучит мудреные слова, то это

только сделает ее смешной, поскольку она произнесет их неправильно и не к месту. Между тем, сетовали отцы семейств, домашние дела и воспитание детей будут заброшены подобными любительскими чтениями. Будуар такой дамы заполнится "всякими слабоумными критиками" последней пьесы или поэмы, и она будет внимательно прислушиваться к их замечаниям, чтобы повторить их самой во время своего очередного визита к знакомым, которым все эти новости еще неизвестны. Подобная дама, по мнению мужчин, "приобретет нахальство педанта, не получив знаний, и с каждой новой порцией полученных знаний ее положение будет только ухудшаться"¹⁴⁶.

Подобное отношение общества к образованию женщин, на взгляд Свифта, приводило к самым плачевным результатам. В трактате "Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества" он писал: "Вряд ли отыщется одна из тысячи дочерей джентльменов, способная читать или понимать свой родной язык, или судить о самых простейших книгах, написанных на нем. Неудивительно, ведь их не обучали ни в детстве, ни в более зрелом возрасте"¹⁴⁷.

Свифт возмущался тем, что молодые девушки вместо того, чтобы учиться, растрачивают свою жизнь попусту: в тщетных попытках понравиться мужчинам, в визитах, карточной игре, примерке нарядов. Никчемные разговоры и убогие интересы некоторых женщин заставляли просветителя признаться в своем недостаточном к ним почтении. "В этом убеждает меня поведение некоторых дам, — писал Свифт в "Письме...", — которые стремятся поскорее покинуть свой дом после обеда, и это в семьях, где не грешат выпивкой... В комнате, где собираются представители обоих полов, мужчины обсуждают общие проблемы, тогда как женщины не считают своим долгом делать это. Они собираются в кружок и начинают болтать о ценах в лавках и выборе кружев и шелка, о том, какие наряды им понравились на прихожанках в церкви или на посетителях игорного дома. Создавалось впечатление, будто судьба всего мира зависела от покроя или цвета этих нарядов"¹⁴⁸.

Плохое образование и отсутствие должного воспитания отдельных дам заставляло просветителя констатировать: "Ваш пол использует больше мыслей, памяти, усилий, чтобы оставаться глупыми, нежели позволить себе сделаться мудрыми и полезными. Когда я рассуждаю об этом, то не могу видеть в вас разумные существа, но только разновидность мартышек, которые не могут проделать такие трюки, на которые способны некоторые из вас"¹⁴⁹.

Осуждая недостаточное внимание общества к женскому образованию и усматривая в том "постыдный факт", Свифт как просветитель призывал более серьезно отнестись к данной проблеме. Ведь этот вопрос затрагивает и мужчину и женщину, которым со временем придется "жить вместе". Сравнивая количество образованных мужчин и женщин в Англии, Свифт приходил к неутешительным

выводам: половине аристократов и джентльменов суждено остаться холостыми, либо жениться на дамах, "которых они никогда не смогут уважать", поскольку те "глупы, жеманницы и кокетки, картежницы, болтушки, несущие всякий вздор, великосветские лентяйки и пустышки, интриганки, провоцирующие скандалы и вызывающие осуждение"¹⁵⁰. Чтобы избежать подобных осложнений в жизни, Свифт настоятельно рекомендовал "сильному полу" заняться образованием женщин.

Не ограничиваясь подобными рассуждениями, просветитель пытался самолично обучать своих воспитанниц – Стеллу и Ванессу. На взгляд Свифта, главными в этом процессе были "чтение и беседы". Свои познания девушки должны черпать по преимуществу "из книг и от окружающих". О важности чтения, прежде всего книг по истории и "о путешествиях" Свифт говорил не раз. Полагая, что чтение хорошо развивает ум, он рекомендовал заниматься им ежедневно в течение нескольких часов. Если ученица обладает слабой памятью, то ей следовало делать выписки из книг. "Чтение – это единственное, что порождает здравый смысл, – отмечал Свифт в "Письме к очень юной леди..." – Плохой выбор книг приводит читающих леди к неверным суждениям"¹⁵¹ Свифт брал на себя задачу подбора книг для своих учениц, полагая, что со временем они научатся это делать сами.

Надо признать, что воспитанницы Свифта неукоснительно соблюдали "повеления" своего любимого учителя "касательно чтения". И результаты не заставили себя долго ждать. По признанию самого Свифта, Стелла освоила греческую, римскую, французскую и английскую историю, научилась прекрасно говорить по-французски, прочитала все лучшие книги о путешествиях, "которые способствуют широте умственного развития". Она понимала философию Платона и Эпикура и "очень метко" судила о недостатках последнего. "Она делала весьма здравые выводы из лучших книг, которые читала... понимала природу государственного управления и могла указать, в чем состоят заблуждения Гоббса, как в этом отношении, так и в вопросах религии... хорошо умела распознавать болезни и обладала кое-какими сведениями из анатомии... Она обладала истинным вкусом – во всем, что касается остроумия и здравого смысла, будь-то в поэзии или в прозе, и была превосходным критиком по части слога"¹⁵².

Не меньшими достижениями в познаниях могла похвастаться и Ванесса. Ее переписка со Свифтом свидетельствовала об уме, таланте, образованности девушки. Ванесса была знакома с произведениями философов Ф. Ларошфуко, Б. Фонтенеля, М. Монтеня. Она прекрасно разбиралась в современной политике. Ее знания французского языка приводили Свифта в изумление. "Я восхищен вашими познаниями во французском языке, – писал он в письме к Ванессе. –

Как после этого мне не стыдиться, когда в сравнении с вами я владею лишь просторечным, да еще разве что гасконским. Орфография, слог, изящество, нежность и остроумие – решительно все безупречно". Ванесса не лишена была также литературного таланта. Ее стихи, а также письма к Свифту удивляли учителя. В одном из писем к Ванессе он признавался: "Я нарочно буду приходить к вам реже, дабы получать удовольствие от ваших писем, при чтении которых я всегда испытываю удивление – как эта девчонка, и читать-то толком не умеющая, наловчилась так отменно писать"¹⁵³.

Не менее важным для женского образования, чем чтение книг, Свифт считал беседы с образованными людьми. Он рекомендовал юной леди приглашать образованных людей и принимать участие в их беседах, чтобы собеседники могли исправлять ее речь и суждения. Со временем же она и сама научится рассуждать самостоятельно. "Я советовал бы тебе выбрать себе компанию из мужчин, а не из женщин, – наставлял юную леди Свифт. – Впрочем, лучше, если в компании будут представители обоих полов. Это сделает общение приятным и полезным". Свифт был категорически против "сборища одних лишь дам", расценивая его как "школу наглости, нахальства и злословия"¹⁵⁴. Выбор участников бесед Свифт рекомендовал поручить супругу юной леди, пока она сама не научится разбираться в людях. Просветитель полагал, что общество образованных мужчин, рассуждающих о науках, искусстве, политике – материях, хотя и далеких от понимания многих девушек, тем не менее способных принести им намного больше пользы, нежели "вся та чепуха и претенциозность", которыми известен женский пол. Свифт был уверен в том, что образованные люди не позволят себе вести беседы, непонятные молодой особе, а напротив, постараются найти такую тему для разговора, чтобы и она смогла в нем принять участие. "Если они говорят о нравах и обычаях европейских государств, о путешествиях в зарубежные страны, о великих людях и деятелях Греции и Рима, если они рассуждают об английских и французских писателях или поэтах, – писал Свифт, – то для английской дамы будет стыдно не участвовать в подобных беседах". А для того чтобы быть хорошо информированной, надо больше читать. И это много лучше, чем обсуждать с сидящей рядом дамой вопрос о том, "насколько тяжел новый веер".

Подобно другим просветителям, Свифт придавал важное значение нравственному воспитанию девушек. Он неплохо знал высший свет и потому критически отзывался о тех дамах, которые заполняли королевский двор и светские салоны. О том, что собой представляли "дамы света", об их занятиях и поведении Свифт поведал в стихотворении "Каденус и Ванесса". Он отмечал, что основное занятие подобных леди – посещение званых вечеров, пикников и театральных зрелищ. Во время своих визитов друг к другу дамы просили

"чаю, шоколаду и обсуждали, как вчера, перчатки, ленты, веера". Кокетство, жеманство, "преувеличенную стыдливость", злословие и безделье подобных "дур в юбках" Свифт считал недостатками, от которых хотел предостеречь своих юных воспитанниц, когда писал: "Даже самые лучшие из тех, коих я зрю рассеянными по всему свету, наблюдая и слушая которых, я сто раз на дню твержу себе: ни в речах, ни во взорах, ни в мыслях – ни в чем не уподобляться сим несчастным"¹⁵⁵.

Какие же нравственные качества желал привить своим воспитанницам Свифт? Что он более всего ценил в женщинах? На его взгляд, честь для девушки – это "содержание всего", это – "дух самой души". Свифт был уверен, что "инстанций выше чести нет". Девушка должна также уделять больше внимания своему внутреннему миру, нежели внешности, ведь "внешность хороша, поскольку в ней видна душа". Хорошо, если девушка не только умна, но и благородна. Важными чертами характера, по мнению Свифта, должны стать для юных леди терпение, стойкость, правдивость, благоразумие, справедливость, а также добронравие, "что лучше красоты". Что касается религиозного воспитания, то Свифт, хотя сам и являлся священником, тем не менее избегал каких-либо прямых наставлений в отношении религии. Подтверждением тому, пожалуй, может служить признание Ванессы в том, что она "не набожна"¹⁵⁶.

Надо признать, что Свифт как воспитатель, действительно сумел сделать немало для того, чтобы привить самые лучшие качества своим юным воспитанницам. Его усилия не пропали даром. Когда Свифту довелось писать некролог на смерть рано умершей Стеллы, он подчеркивал, что в ней объединялись "мягкость нрава, как то и подобает даме", с мужеством, "достойным героя". Она являлась прекрасной собеседницей, хотя и не была очень "осведомлена в избитых темах женской болтовни", хула и клевета никогда не слетали с ее уст, что, впрочем, не мешало ей открыто выразить свое презрение к фату. Особенно импонировала Свифту скромность Стеллы, проявлявшаяся как в ее одежде (она "совершенно избегала тратить деньги на наряды... сверх того, что требует благопристойность", ограничиваясь приобретением скромной и недорогой одежды), так и в поведении (Стелла отличалась "необыкновенной скромностью, деликатностью и незлобивостью"). Главными добродетелями Стеллы помимо скромности были, по признанию Свифта, честь, правдивость, щедрость и добронравие. Кроме того, Стелла была "самой бескорыстной из смертных". Благотворительность по отношению к беднякам она считала своим долгом, от которого ни под каким видом не желала избавиться. Кроме того, являясь человеком "обширных познаний и ума", она никогда не выставляла их напоказ¹⁵⁷.

Подробного портрета другой своей воспитанницы Свифт не представил, однако, судя по ряду его замечаний в переписке с Ванес-

сой, можно утверждать, что и она отличалась не меньшими достоинствами, чем Стелла. Пустые беседы, "коиими пробавляются в обществе", вызывали у Ванессы "отвращение и презрение". Если она и выходила в свет, то только потому, что "так велел" ее наставник. О молодых людях и светских дамах Ванесса была невысокого мнения, поскольку они "ухмылялись и болтали наперебой" о вещах, совершенно непонятных для нее, а их манеры и жесты напоминали собой "ужимки павианов и мартышек"¹⁵⁸. Светским приемам Ванесса предпочитала уединение, чтение французских романов, занятие литературным творчеством, а также верховую езду.

Свифт не оставлял без внимания и проблему любви и брака, которая занимала важное место в жизни любой женщины. Он отмечал, что такое чувство, как любовь, в последнее время претерпело заметные изменения, и к ней в обществе стали относиться иначе, чем прежде: "Чтут женщины другую власть: слепую низменную страсть". Да и мужчины стали относиться к браку легкомысленнее. В результате в обществе прочно утвердилось мнение о том, что "любовь слывет интрижкой мелкой, женитьба — денежною сделкой"¹⁵⁹.

Возможно, что именно подобные нерадостные размышления о браке и побудили Свифта взяться за перо и написать трактат "Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества". Просветитель отмечал, что родители редко заботились о развитии умственных способностей дочери и потому новобрачной нелегко завоевать дружбу и уважение супруга. На взгляд Свифта, каждый муж хотел бы видеть в супруге разумную спутницу и верного друга на протяжении всей своей жизни. Он давал юной леди советы, следуя которым та могла бы, как ему представлялось, стать счастливой сама, а также сделать счастливым любимого человека.

В первую очередь Свифт рекомендовал молодой супруге "не торопиться избавляться от образа скромной девственницы". Нередко вышедшие замуж дамы начинают "бросать дерзкие взгляды" и приобретают такую манеру разговора, как будто намереваются поведать всему свету, что не являются более девушками и что все их поведение до замужества было лишь "принуждением над природой". Однако, на взгляд Свифта, большинство мужчин с большей симпатией относятся к таким дамам, которые, выйдя замуж, предпочитают сохранять "скромность и сдержанность". Просветитель рекомендовал молодым особам придерживаться подобного поведения.

Свифт советовал юной супруге не демонстрировать своих нежных чувств к мужу в неподходящее время: "Храни свои уважение и любовь в сердце, а нежные взгляды и слова для подходящих минут, которых сыщется немало в сутках, и наступит подходящее время для проявления той страсти, которую описывают во французских романах". По глубокому убеждению Свифта, в браке должны ца-

рять не только любовь, но и уважение, поэтому он призывал юную леди "ценить и уважать своего мужа за достоинства, которыми он обладает, не изобретая, впрочем, тех, коих он лишен". Кроме того, супруга должна добиться уважения со стороны своего мужа. Для этой цели ей следует направить свои усилия на приобретение тех достоинств, которые более всего ценит в людях ее муж и которыми сам обладает в полной мере. Он настоятельно рекомендовал сделать это до того, как "пройдет ее молодость и увянет красота". Просветитель был убежден, что, только научившись самостоятельно обо всем судить и сделавшись "разумной спутницей", супруга сможет завоевать истинное уважение мужа, которое не исчезнет по прошествии лет. И супруг всегда будет ценить советы и мнение жены по важным вопросам.

Особое внимание Свифт уделял отношению юных леди к своему внешнему виду и нарядам. Он советовал избегать кричащих нарядов, а больше заботиться "о своей чистоте и пригожести". Свифт приводил в пример слова некоего "приятного джентльмена" об одной "глупой знатной даме". Тот говорил, что ничто не сделает эту даму "более сносной", чем "лишение ее головы", поскольку ее болтливый язык раздражает его уши, а ее волосы и зубы – обоняние. Свифт отнюдь не исключал необходимости следования женщин моде, но высказывал пожелание, чтобы о ней они думали "менее всего". Он был уверен, что никакая мода не сделает женщину "богаче, красивее, талантливее, добродетельнее или умнее"¹⁶⁰.

Затронул Свифт также проблему бюджета, которая играла не последнюю роль в достижении взаимопонимания и благополучия в семье. Он полагал, что юная супруга должна быть достаточно осведомлена о размерах годового дохода своего мужа, чтобы самой научиться "хорошо считать" и содержать в надлежащем порядке дом и хозяйство. Свифт желал юной леди не уподобляться тем дамам, которые полагают хорошим тоном требовать от своих мужей нового экипажа, кружевной накидки или нижней юбки в то время, когда еще не уплачено мяснику и бакалейщику.

Не обошел своим вниманием просветитель и окружение молодой супруги. Свифт советовал ей избегать общения с дамами "глупыми или порочными". Как правило, такие дамы делятся собственным житейским и семейным опытом, на основании которого и дают свои рекомендации. Они советуют, с кем дружить, какие носить наряды, каких слуг увольнять, а каких оставлять. Эти "советчицы" расскажут, "как одержать победу над мужем в споре или ссоре, как отыскать и использовать его слабости, как воспользоваться своими слезами и избежать крепкой руки супруга". Выслушав все это, юная леди должна, на взгляд Свифта, поступать самостоятельно, проигнорировав подобные советы. По его мнению, супругу следует "воспользоваться своей властью", чтобы ограничить ее общение с по-

добными дамами. "Видеть их дважды в год для тебя будет вполне достаточным", — полагал Свифт¹⁶¹. Главное, что надлежит хорошо запомнить, так это то, что главной целью жизни молодой супруги остается сохранение дружеского расположения и уважения собственного мужа, заключал он¹⁶².

Все рекомендации Свифта относительно женского воспитания и образования распространялись лишь на представительниц высших и средних слоев. Что же касается девушек-простолудинок, то, на взгляд Свифта, их образование не имело никакого значения для общества. В одном из своих стихотворений он изобразил портрет девушки "из низов", которая стала объектом любви некоего "чердачного" поэта. Просветитель сетовал на то, что этой "музе" приходится штопать чулки, стряпать, потчует поэта "котлеткой с кружкой пивца", заботиться об уголке "для стынувшего камелька" и т.д. Не лучшим представлялось Свифту положение других женщин из низших слоев. Хотя в высказываниях Свифта порой и слышалось осуждение такой жизни простолудинок¹⁶³, однако более подробно данной темы писатель не касался. И в этом не было ничего удивительного, поскольку Свифт, как, впрочем, и другие просветители, являлся выходцем из имущих слоев. Естественно, что литератора интересовала прежде всего проблема образования представительниц высших и средних социальных слоев. Однако это не уменьшало важности того вклада, который внес Свифт в проблему образования подрастающего поколения.

Шли годы. Здоровье Свифта заметно ухудшалось. В 1736 г. он писал: "И годы, и болезнь разбили меня окончательно; я не могу ни читать, ни писать, я потерял память и утерять способность вести разговор. Ходить и видеть — вот все, что осталось мне теперь в удел"¹⁶⁴. Тяжело переносил он потерю близких и любимых людей: Стеллы, Ванессы, Конгрина, Гэя, Арбетнота, Попа, Стиля, Аддисона. Он сделался мрачным, угрюмым, раздражительным. Все чаще Свифта преследовала навязчивая мысль, что он потеряет рассудок. Однажды, прогуливаясь по саду, он остановился перед высоким вязом со сломанной верхушкой, долго смотрел на дерево, а затем сказал собеседнику: "Со мной будет то же, что с этим деревом — я начну умирать с головы". Мрачному пророчеству суждено было сбыться: в 1742 г. Свифт потерял память и над ним была установлена опека.

Через три года — 19 октября 1745 г. в возрасте 78 лет Свифт скончался. Печальная весть облетела Дублин, и тотчас толпы народа устремились к дому писателя. В последний путь Свифта провожали тысячи бедняков Ирландии. Похоронили Свифта, как он завещал, в соборе св. Патрика, рядом со Стеллой. На надгробной плите выбили эпитафию, сочиненную им самим, содержание которой очень точно отражало смысл всей жизни великого просветителя:

"Жестокое негодование не может больше терзать его сердце. Иди, путник, и если можешь, подражай ревностному поборнику мужественной свободы"¹⁶⁵.

Сердце великого писателя остановилось, но творения Свифта пережили его на века. Прошло не одно столетие, однако "Путешествия Гулливера" по-прежнему притягивают все новых читателей во многих странах мира. Однако не стоит забывать, что своей славой сатирика Свифт был обязан прежде всего той политической и партийной борьбе, которую он так ненавидел, но которая давала ему пищу для творчества на протяжении всей жизни.

¹ *Теккерей У.М.* Английские юмористы восемнадцатого века // *Теккерей У.М.* Собр. соч. в 12 т. М., 1977. Т. 7. С. 538.

² *Land L., Tobin J.J.* Swift. A List of Critical Studies Published from 1895 to 1945. N.Y., 1945; *Stathis J.* A Bibliography of Swift Studies 1945–1965. Nashville, 1967.

³ *Cooke R.J.* Swift As a Tory Pamphleteer. Washington, 1967; *Speck W.A.* Swift. L., 1969; *Ehrenpreis J.* Swift. The Man, His Works and Age. Vols. 1–3. Cambridge, 1962–1983; *Downie J.* Jonathan Swift Political Writer. L., 1984.

⁴ *Веселовский А.* Джонатан Свифт, его характер и сатира. М., 1875; *Чуйко В.В.* Свифт. СПб., 1881; *Яковенко В.И.* Д. Свифт. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891; *Дейч А.* Свифт. М., 1933; *Левидов М.* Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 1964; *Муравьев В.С.* Джонатан Свифт. М., 1968.

⁵ См. в их числе: *Туполева Л.Ф.* Английский просветитель Джонатан Свифт и Ирландия // Проблемы британской истории. М., 1984; *Лабутина Т.Л.* Свифт и Темпл: Из истории раннего английского Просвещения // Новая и новейшая история. 1994. № 2; *Она же.* "Консерватор" Свифт и "реформатор" Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11–12; *Она же.* Джонатан Свифт и женщины // Россия и Британия. М., 2003. Вып. 3.

⁶ *Теккерей У.М.* Указ. соч. С. 508.

⁷ *Ehrenpreis J.* Op. cit. Vol. 1. P. 92; *Faber R.* The Brave Courtier Sir William Temple. L., 1983. P. 24; *Муравьев В.С.* Указ. соч. С. 34.

⁸ *Faber R.* Op. cit. P. 10; Подробнее об У. Темпле см. в следующей части нашей книги.

⁹ *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 125.

¹⁰ *Теккерей У.М.* Указ. соч. Т. 7. С. 518.

¹¹ Там же. С. 536.

¹² Там же. С. 509.

¹³ *Свифт Дж.* Указ. соч. С. 408.

¹⁴ Там же. С. 408–409.

¹⁵ Цит. по: *Яковенко В.И.* Указ. соч. С. 34.

¹⁶ *Свифт Дж.* Указ. соч. С. 53.

¹⁷ *Swift J.A.* Discourse of the Contest and Dissension Between the Nobles and the Commons in Athens and Rome with the Consequences They Had Upon Both Those States // The Works of Jonathan Swift. L., 1843. Vol. 1. P. 287–288.

¹⁸ Ibid. P. 292.

¹⁹ Цит. по: *Муравьев В.С.* Указ. соч. С. 111.

²⁰ *Свифт Дж.* Сказка бочки. М., 1976. С. 30.

- 21 Там же. С. 51, 93, 96.
- 22 Там же. С. 141.
- 23 Там же. С. 108.
- 24 *Speck W.A.* Swift. L., 1969. P. 18.
- 25 Цит. по: *Ингер А.* Джонатан Свифт // *Свифт Дж.* Сказка бочки. С. 16.
- 26 The Works of Jonathan Swift. Vol. 1. P. 284–285.
- 27 Ibid. P. 293.
- 28 Ibid.
- 29 Ibid. P. 294.
- 30 The Sentiments of a Church-of-England Man with Respect to Religion and Government (Далее: The Sentiments...) // *Swift J.* Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford, 1940. P. 15–17, 22.
- 31 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. М., 1976. С. 304.
- 32 *Swift J.* The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711. Oxford, 1940. P. 13.
- 33 Ibid. P. 145.
- 34 Ibid. P. 6.
- 35 Ibid. P. 295.
- 36 Public Absurdities in England // The Works of Jonathan Swift. L., 1856. Vol. II. P. 311.
- 37 *Ehrenpreis J.* Swift on Liberty // Journal of the History of Ideas. L., 1952, Vol. XIII. № 2. P. 137.
- 38 Thoughts on Various Subjects Moral and Diverting // The Works of Jonathan Swift. Vol. II. P. 304–305.
- 39 *Swift J.* Bickerstaff Papers... P. 15.
- 40 Ibid. P. 16, 23.
- 41 *Swift J.* The Examiner... P. 66.
- 42 *Swift J.* Bickerstaff Papers... P. 2.
- 43 Цит. по: *Муравьев В.* Указ. соч. С. 109.
- 44 *Swift J.* Bickerstaff Papers... P. 2–5.
- 45 Ibid. P. 5, 11, 12.
- 46 Ibid. P. 19.
- 47 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 42.
- 48 Ученые расходятся во мнении по поводу происхождения Ванессы. Теккерей полагал, что мать Ванессы была вдовой голландского торговца, который во времена короля Вильгельма Оранского получал прибыльные подряды. Его семья переселилась в Лондон в 1709 г. и жила в доме на Бэри-стрит (См.: *Теккерей У.* Указ. соч. Т. 7. С. 540). По мнению литературоведа А.Г. Ингера, отец Ванессы являлся мэром Дублина и после его смерти в 1707 г. семья переселилась в столицу, где и состоялось знакомство Свифта с Эстер Ваномри (См.: *Ингер А.Г.* Доктор Джонатан Свифт и его "Дневник для Стеллы" // *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 499).
- 49 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 501.
- 50 Цит. по: *Теккерей У.* Указ. соч. С. 541.
- 51 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 454, 456.
- 52 Там же. С. 6, 8, 11.
- 53 Там же. С. 16.
- 54 Там же. С. 20.
- 55 Там же. С. 21, 30.
- 56 *Cooke R.J.* Op. cit. P. XXVII.
- 57 *Swift J.* The Examiner... P. 12, 33, 94.
- 58 *Свифт Дж.* Памфлеты. М., 1955. С. 65–66.

- 59 *Swift J.* The History of the Four Last Years of the Queen // The Prose Works of Jonathan Swift. Oxford, 1957. Vol. 7. P. 10.
- 60 *Ibid.* P. 8–9.
- 61 *Ibid.* P. 9.
- 62 *Ibid.* P. 65.
- 63 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 74, 262.
- 64 The Conduct of the Allies and of the Late Ministry in Beginning and Carrying on the Present War // *Swift J.* Political Tracts. 1711–1713. Oxford, 1951. P. 10–11.
- 65 *Swift J.* The Examiner... P. 4, 63.
- 66 The Conduct of the Allies... P. 7, 15, 41, 48, 59.
- 67 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 244.
- 68 Там же. С. 247.
- 69 Там же. С. 248, 256.
- 70 *Swift J.* The Examiner... P. 79–80.
- 71 The Public Spirit of the Whigs... // The Works of Jonathan Swift. Vol. II. P. 33, 39, 44–47, 57–59.
- 72 *Orrery J.* Remarks on the Life and Writings of Dr. Jonathan Swift. L., 1752; *Asworth B.* Swift. L., 1947; *Веселовский А.* Указ. соч. С. 181; *Чуйко В.В.* Указ. соч. С. 1; *Яковенко В.И.* Указ. соч. С. 55, 65; *Муравьев В.* Указ. соч. С. 151.
- 73 *Cooke R.J.* Op. cit. P. V, XXIX.
- 74 *Speck W.A.* Op. cit. P. 20.
- 75 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 65, 182, 279, 304–305.
- 76 Там же. С. 185.
- 77 Там же. С. 349.
- 78 Там же. С. 327–328, 387.
- 79 Там же. С. 111.
- 80 Там же. С. 229, 249.
- 81 Там же. С. 277, 371.
- 82 Там же. С. 252.
- 83 Там же. С. 25, 228, 330, 342, 349, 371.
- 84 *Swift J.* The History of the Four Last Years of the Queen. P. XXXIV–XXXV.
- 85 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 97.
- 86 Там же. С. 389, 391.
- 87 *Swift J.* Political Tracts. P. 123, 136.
- 88 The Examiner... P. 59.
- 89 *Ibid.* P. 112, 145.
- 90 *Ibid.* P. 112.
- 91 *Ibid.* P. 113–114.
- 92 *Ibid.* P. 125.
- 93 *Ibid.* P. 124.
- 94 *Ibid.* P. 49.
- 95 *Swift J.* Bickerstaff Papers... P. 27, 28, 31, 36–39.
- 96 The Prose Works of Jonathan Swift. Vol. 7. P. 50.
- 97 *Ibid.* P. 29–33, 36–37, 41–47.
- 98 The Works of Jonathan Swift. Vol. I. L., 1843. P. 494.
- 99 The Examiner... P. 47.
- 100 *Свифт Дж.* Сказка бочки. С. 31.
- 101 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 52, 54.
- 102 The Conduct of the Allies... P. 5; The Examiner... P. 13.
- 103 The Examiner... P. 163, 166.

- 104 Ibid. P. 104, 111.
- 105 Ibid. P. 122–124, 166.
- 106 Public Absurdities in England... P. 311.
- 107 The Examiner... P. 43, 61.
- 108 *Свифт Дж.* Сказка бочки. С. 57.
- 109 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 207, 219, 330.
- 110 Там же. С. 104.
- 111 Some Advice Humbly Offered to the Members of the October Club // The Works of Johnathan Swift. Vol. I. P. 77–80.
- 112 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 84, 113, 224, 272.
- 113 Там же. С. 229, 337.
- 114 Там же. С. 345, 436.
- 115 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 192.
- 116 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 261–262.
- 117 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 307.
- 118 Thoughts on Various Subjects Moral and Diverting // The Works of Jonathan Swift. Vol. II. P. 306.
- 119 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 82.
- 120 Там же. С. 191.
- 121 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 193, 248, 252, 307, 368.
- 122 Там же. С. 351.
- 123 Там же. С. 249–250.
- 124 Там же. С. 250, 303.
- 125 Там же. С. 250, 345–347, 356.
- 126 Там же. С. 251.
- 127 Там же. С. 343.
- 128 Там же. С. 383–384.
- 129 Там же. С. 183–184, 298.
- 130 *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 14, 305.
- 131 The New Way of Selling Places at Court in a Letter from a Small Courtier to a Great Stockjobber // The Works of Jonathan Swift. Vol. 1. P. 528.
- 132 The Examiner... P. 81.
- 133 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 353; *Он же.* Дневник для Стеллы. С. 294.
- 134 *Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. С. 347.
- 135 Там же. С. 352.
- 136 Там же. С. 155–156, 265.
- 137 Там же. С. 255, 257, 299.
- 138 Там же. С. 296, 298–299.
- 139 Там же. С. 196.
- 140 *Manch J.* Jonathan Swift and Women. Buffalo, 1941; *Gold M.B.* Swift's Marriage to Stella. N.Y., 1967; *Quintana R.* Two Augustans : John Locke, Jonathan Swift. University of Wisconsin Press, 1978.
- 141 Цит. по: *Теккерей У.* Указ. соч. С. 542.
- 142 Там же. С. 543.
- 143 *Свифт Дж.* Памфлеты. М., 1955. С. 134.
- 144 Там же. С. 124, 139, 152–153.
- 145 Подробнее об "ирландском" периоде жизни Свифта см.: *Туполева Л.Ф.* Английский просветитель Джонатан Свифт и Ирландия // Проблемы британской истории. М., 1984.
- 146 *Swift J.* Of the Education of Ladies // The Works of Jonathan Swift. Vol. II. P. 312.

- ¹⁴⁷ *Swift J.* A Letter to a Very Young Lady on Her Marriage // *The Works of Jonathan Swift*. Vol. II. P. 302.
- ¹⁴⁸ Ibid.
- ¹⁴⁹ Ibid.
- ¹⁵⁰ *Swift J.* Of the Education of Ladies. P. 313.
- ¹⁵¹ *Swift J.* A Letter to a Very Young Lady on Her Marriage. P. 302.
- ¹⁵² *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 411.
- ¹⁵³ Там же. С. 444, 446.
- ¹⁵⁴ *Swift J.* A Letter to a Very Young Lady on Her Marriage. P. 302.
- ¹⁵⁵ *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 420, 444.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 455.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 410–415.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 457–459.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 397, 416.
- ¹⁶⁰ *Swift J.* A Letter to a Young Lady on Her Marriage. P. 304.
- ¹⁶¹ Ibid. P. 301–302.
- ¹⁶² Подробнее о взглядах Свифта на женское образование и брак см.:
Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 142–157.
- ¹⁶³ *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. С. 396.
- ¹⁶⁴ Цит. по: *Яковенко В.И.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁶⁵ Цит. по: *Ингер А.* Джонатан Свифт. С. 21.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛИТИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Среди литераторов, сотрудничавших с властью предрержащими, активное участие в политической борьбе, как правило, принимали писатели, журналисты, поэты, драматурги, памфлетисты. Именно они "словом и пером" формировали общественное мнение в стране, порой руководствуясь собственными принципами и убеждениями, но чаще всего в силу того, что находились на службе у министров, парламентариев, партийных лидеров. Вместе с ними нередко сотрудничали на литературной ниве и отдельные представители политической элиты: высшие государственные чиновники, члены парламента, министры, дипломаты. Они также брались за перо, но писали при этом не только свои мемуары, стихотворные произведения, но и трактаты, посвященные различным проблемам. Чем же руководствовались политики, обращаясь к литературному творчеству? Какие идеи они несли в общество через свои произведения? Насколько свободными или зависимыми были в создании своих творений? Как сотрудничали с профессиональными литераторами? Обо всем этом и пойдет речь в следующих очерках.

ДВА ТРАКТАТА ПРОСВЕЩЕННОГО ДИПЛОМАТА

Незаурядный государственный деятель, опытный политик, искусный дипломат, видный депутат палаты общин и член Тайного совета при короле Карле II Стюарте сэр Уильям Темпл был хорошо известен в своей стране как человек высокообразованный, тонкий знаток многих языков, а также древней и современной истории, прекрасный оратор, автор ряда философских эссе и политических очерков. Яркая и одаренная личность, Темпл своими "талантами, пером и честностью" приводил в восхищение многих современников¹. Даже спустя столетие после его смерти каждый джентльмен считал необходимым иметь в своей библиотеке книги, принадлежавшие перу Темпля. Однако со временем его имя оказалось незаслуженно забытым и о Темпле вспоминали лишь как об идейном наставнике Свифта. Лишь в XX в. появились работы западных историков и дипломатов, которые обращались к изучению эстетических и философских взглядов Темпля, а также его деятельности в роли дипломата и придворного политика². Современные исследователи продолжают изучать творчество Темпля чаще всего в связи с литературным наследием других писателей, прежде всего Свифта, не уделяя должного внимания его собственным политическим воззрениям³. Что касается отечественных ученых, то они практически не касались жизни и деятельности Темпля. Внимание к творчеству этого просветителя мы уже привлекали в ряде своих работ⁴. Сейчас же наша цель состоит в том, чтобы более подробно осветить как жизненный путь, так и творчество выдающегося деятеля раннего английского Просвещения.

Уильям Темпл (1628–1699) происходил из древнего знатного рода. Его дед по линии отца – известный философ возглавлял Тринити колледж в Дублине. Оба дяди – Питер и Джеймс Темпли служили при дворе Карла I Стюарта, но во время гражданской войны оказались, что называется, по разные стороны баррикад. Первый из них воевал за парламент, второй поддерживал роялистов. Отец Уильяма – Джон Темпл, по словам американского ученого Г. Вудбриджа, был человеком для своего времени выдающимся⁵, служил "верой и правдой" королю, получив от него в 1628 г. рыцарство. Годом раньше он женился на дочери лекаря короля Якова I – Мэри Геммонд. 25 апреля 1628 г. в семье родился первенец – Уильям. В десять лет мальчик осиротел, потеряв мать. Через год его отдали учиться в школу епископа Стратфордского, где он провел четыре года. Уильям часто навещал своего дядю, жившего в доме неподалеку от школы. И здесь пятнадцатилетний юноша познакомился с прекрасной Дороти. Несмотря на то что молодая

Питер Лили. Уильям Темпл

леди была намного старше его, да к тому же замужем за графом Сандерлендом, Уильям влюбился в нее без памяти. Юношеская влюбленность со временем переросла в большое и глубокое чувство, которое Темпл не утратил до конца своих дней.

В 1643 г. Уильям был вынужден покинуть школу, поскольку его отца арестовали и посадили в тюрьму по обвинению "в поддержке английских мятежников, подстрекательстве к мятежу ирландской армии и произнесении непочтительных и оскорбительных речей в адрес Его Величества". К счастью, тюремное заточение продлилось недолго: через год Джон Темпл был освобожден из-под стражи, а вскоре его избрали в парламент. Умеренная позиция в политике, которой всегда придерживался старший Темпл, позволяла ему с

одинаковым успехом оставаться на высоких должностях при всех правителях – Карле I, Оливере Кромвеле, Карле II.

В 1644 г. Уильям поступает в Кембриджский университет. О пребывании в стенах университета у него сохранились самые теплые воспоминания. Именно там состоялось знакомство Темпля с членами кружка "Кембриджские платоники", последователями учения Платона, придерживавшимися либеральных политических и религиозных взглядов. Нельзя сказать, чтобы Уильям был старательным студентом. Как вспоминала его сестра, леди Гиффард, Темпл был ленив и нередко отдавал предпочтение развлечениям, в особенности игре в теннис, вместо того, чтобы посещать занятия⁶.

После окончания университета Темпл отправился в путешествие за границу, так как в то время образование джентльмена считалось неполным без посещения других стран. Четыре года провел Темпл во Франции, Голландии, Германии, Фландрии, где в совершенстве овладел французским и испанским языками. Осенью 1652 г. он возвращается на родину. А вскоре берется за перо и создает свои первые очерки и эссе. Какое-то время он проводит в Ирландии, где усиленно занимается историей, философией, приступает к переводам Вергилия. Вскоре Темпл избирается в парламент, в котором заседали также его родственники – отец и брат. Дискуссии по различным вопросам, обсуждавшимся в парламенте, нередко переносились в дом, где жаркие споры затягивались далеко за полночь.

В двадцать шесть лет Темпл женился. Его избранницей оказалась красавица Дороти Осборн, право на руку и сердце которой оспаривали двадцать претендентов, в том числе сын Кромвеля – Генрих. Женитьбе предшествовали многолетние ухаживания. Находясь в разлуке, Уильям часто писал Дороти письма, полные любви и заботы. Восторженное и нежное отношение к любимой женщине Темпл пронес через всю свою жизнь. Как свидетельствовала его сестра, Уильям всегда оставался "страстным влюбленным, любящим мужем, прекрасным отцом, лучшим в мире другом, преданным и постоянным"⁷.

В 1663 г. семья Темпля переезжает в Голландию, поскольку король Карл II поручил Уильяму важную миссию: заключить Тройственный союз, направленный на ослабление могущества Франции. С выполнения данной миссии и началась дипломатическая карьера Темпля. С заданием он справился блестяще, добившись заключения столь важного для Англии союза. На родине дипломат был встречен с почестями и обласкан королем и его двором. Друзья советовали Темплю просить награды, но он отказался, заявив, что "ненавидит зависимость от двора" и никогда не стал бы служить ради денег. Надо признать, что подобное заявление не было позерством. По свидетельствам очевидцев, Уильяма Темпля всегда отличали простота, скромность и бескорытность. Он никогда не был очень бога-

тым. Семья, дети, дом требовали постоянных расходов. На себя же он тратил очень мало и, бывало, один и тот же сюртук носил по нескольку лет. И тем не менее в округе "не было никого более добро-го к друзьям и милосердного к нищим, обивавшим порог его дома, чем сэр Уильям Темпл"⁸. Ежегодно на помощь бедным, как свидетельствовала сестра Темпля, он жертвовал от ста до трехсот фунтов, что по тем временам было солидной суммой.

Двадцать лет Темпл прослужил при дворе Карла II, оставив о себе самую безупречную репутацию честного и неподкупного, преданного своему делу человека. В 1670-е годы он был послом в Гааге, где близко сошелся со штатгальтером Голландской республики, будущим королем Англии Вильгельмом Оранским. У них установились теплые, дружеские отношения, не прервавшиеся и после того, как Темпл в начале 1679 г. покинул Голландию. Возвратившись на родину, он принял активное участие в работе парламента, а вскоре приобрел известность как автор проекта новой организации Тайного совета.

В соответствии с замыслами Темпля, Тайный совет должен был состоять из 30 человек, половина которых назначалась королем, а остальные избирались из наиболее состоятельных и влиятельных членов парламента. Темпл полагал необходимым включить в состав совета крупных землевладельцев. Ежегодный доход членов Тайного совета, по мнению автора проекта, должен был составлять триста тысяч фунтов – сумма, несколько превышавшая средний годовой доход всех членов палаты общин. Подобный состав совета, на взгляд Темпля, позволил бы сделать его более влиятельным и независимым. Предполагалось, что члены совета будут в курсе всех государственных дел, регулярно совещаясь с королем. От последнего требовались гарантии, что он станет руководствоваться мнением участников совета. Однако цель, которой задавался Темпл, создавая подобный проект – "достижение гармонии между исполнительной и законодательной властями", – не была достигнута. И король, и палата общин холодно отнеслись к его идеям, вследствие чего замысел Темпля успеха не имел.

В 70-е годы Темпл стал известен также как автор ряда произведений: "Очерк о конституциях и интересах королевств Швеции, Дании, Испании, Голландии, Франции и Фландрии, а также об их отношении к Англии в 1671 году", "Рассмотрение дел в Объединенных провинциях Нидерландов", "Очерк о регулировании торговли в Ирландии", "Очерк о происхождении и природе правления". Кроме того, он написал ряд поэм. Однако литературная деятельность не могла отвлечь Темпля от политической борьбы, в которую он оказался вовлечен, несмотря на все предпринятые попытки остаться в стороне от нее. В ту пору в Англии произошел так называемый исключительный кризис, в ходе которого тори и виги включи-

лись в борьбу за принятие законопроекта, лишавшего права престолонаследия брата короля Карла II – герцога Йорка в силу его приверженности к католицизму. Антикатолические настроения были сильны в стране. Накал партийной борьбы нарастал с каждым днем⁹. В этой обстановке позиция Темпля, с его либеральными взглядами и наивными проектами о "единении" тех сил, которые уже включились в открытую борьбу, выглядела несвоевременной. Темпл хорошо понимал это. Он не пожелал присоединиться ни к партии тори, всецело поддерживавшей короля и выступавшей за усиление его прерогативы, ни к партии вигов, все настойчивее добивавшейся ограничения королевской власти. Темпл пришел к выводу, что в подобных условиях он не сможет служить своей стране как прежде, и решил отойти от государственных дел. Леди Гиффард обращала внимание на то, что именно в это время Темпля стали одолевать сплин и меланхолия, вызванные "осложнениями на службе и непониманием окружавших его людей"¹⁰.

Отойдя от дел, Темпл с семьей в 1681 г. поселился в Шине, где много времени проводил за чтением, написанием мемуаров, а также работал в саду. Но и здесь, в тиши густых парковых аллей и пышных цветников до него доходили грустные вести. Заговор вигов в 1683 г., направленный против короля, в котором приняли участие друзья его молодости – граф Эссекс, Олджернон Сидней и граф Рассел, сложившие свои головы на эшафоте, потряс Темпля. Его глубоко затронула несправедливая и насильственная кончина, постигшая этих смелых людей. Темпл окончательно укрепился в своем решении не возвращаться на службу к королю. Некогда блестящий дипломат и важный сановник, он теперь был вынужден вести жизнь затворника, всецело посвятив себя литературной деятельности.

В 1686 г. после женитьбы единственного сына Джона (всего в семье Темпля было девять детей, однако семеро из них умерли в младенчестве, а дочь Диана в четырнадцатилетнем возрасте), поселившегося в Шине, Темпл с супругой перебрались в родовое поместье Мур-парк, что на западе графства Сэрри. Славную революцию 1688–1689 гг. он встретил довольно прохладно и даже запретил сыну присоединяться к войскам, встречавшим Вильгельма Оранского. Когда же новоиспеченный король самолично посетил Темпля в его поместье и предложил ему занять должность государственного секретаря, тот ответил отказом. Впрочем, это обстоятельство не омрачило дружеских отношений Темпля с Вильгельмом III. Нередко бывший дипломат навещал короля в Ричмонде или Виндзорском замке, а Вильгельм запросто заезжал погостить в Мур-парк.

В апреле 1689 г. Темпля постиг жестокий удар: при невыясненных обстоятельствах утонул в Темзе его сын, занимавший до этого пост военного секретаря в министерстве. Семья пребывала в трауре, когда в дом прибыл Джонатан Свифт. И как уже известно читате-

лям, знакомство с Темплом оказало большое влияние на формирование как мировоззрения, так и политической платформы Свифта.

Находясь в Мур-Парке, Темпл не оставлял литературной деятельности. В 1695 г. он издал очерк "Введение в историю Англии", в котором проводил параллель между царствующим монархом и первым английским королем Вильгельмом Завоевателем. Восхищаясь мужеством и талантами Вильгельма I, автор по сути создавал панегирик его тезке. Не удивительно, что Вильгельм Оранский с большой теплотой относился к бывшему дипломату, который ко всему прочему в свое время способствовал его браку со старшей дочерью короля Якова II – Марией.

Среди произведений, написанных Темплом, наряду с мемуарами и философскими эссе имелись исторические труды. Два из них – "Очерк о происхождении и природе правления" и "О народном недовольстве" привлекли наше внимание. Именно эти два трактата позволили составить представление об общественно-политических взглядах одного из первых деятелей английского Просвещения.

Надо признать, что личное знакомство с идеологом вигов эпохи Реставрации – республиканцем О. Сиднеем, изучение его работ, а также произведений его предшественника Дж. Гаррингтона сказалось на формировании взглядов Темпля. Он был знаком и с трудом видного роялиста Роберта Фильмера "Патриарх, или естественная власть королей", снискавшего известность в 80-е годы XVII в. у членов партии тори. Отдельные положения "патриархальной" теории, как мы увидим ниже, также оказались близки Темплю. В результате идейная платформа просветителя приобрела своеобразный эклектический характер.

Как все виги, Темпл считал основой любого государственного правления договор. Он полагал, что его структура подобна пирамиде: правители опираются на согласие всего народа или большей его части. То правительство, которое "заручилось согласием значительной части народа, а следовательно, и его желанием и решением поддерживать эту власть, имеет широкую основу и потому стабильно", – подчеркивал Темпл¹¹. В соответствии с "договорной" теорией происхождения государственной власти, которой он придерживался, монарх имеет права, а подданные – обязанности. Правителю, кроме того, следует соблюдать ряд условий, оговоренных договором. Так, он должен, по мнению Темпля, признавать все древние обычаи, являвшиеся "первоначальными законами", охранявшими права престолонаследия, наследование частной собственности, а также те законы, которые регулируют жизнь общества. Любой нарушивший "эти древние конституции" превращается в узурпатора. Темпл считал: правитель должен принимать во внимание интересы своих подданных. По его мнению, стабильность любой власти, будь то монархия или республика, напрямую зависит от того, насколько

правительство учитывает интересы народа, а не только отдельных его представителей¹².

Придерживаясь просветительских взглядов, Темплъ большое значение придавал нравственным качествам главы государства. Он считал, что "лучшее правление бывает там, где правят хорошие люди, а плохое – где у руля правления дурные люди". По мнению Темпля, правители должны быть людьми мудрыми, поскольку "мудрость позволяет людям правильно судить о лучших целях правления и лучших средствах для их достижения"¹³.

Рассуждения Темпля о "хорошем" правителе имели чисто теоретическое значение. Он считал любую государственную власть несовершенной. "Абсолютная монархия разоряет народ, ограниченная форма опасна для правителя, правление аристократии подвержено соперничеству великих и угнетению низших слоев, демократия чревата народными волнениями и беспорядками и так же, как тирания, обыкновенно заканчивается народными мятежами, последние нередко приводят к тирании"¹⁴. Из подобных высказываний Темпля становится очевидным, что любая форма правления для него – даже республика в том виде, как ее изображали Платон и Гоббс, – далека от идеала, поскольку подвержена серьезным недостаткам, главный из которых заключался в ограничении свободы¹⁵.

Несовершенство власти Темплъ связывал с недостатками людей, управлявших государством. Он полагал, что ни одна конституция не может быть образцом, поскольку ее создают люди, "которые по большей части подвержены страстям, личным интересам, несправедливы или неразумны от природы, беспокойны и непоседливы, недовольны настоящим, а в надежде на будущее стремятся к переменам"¹⁶. Отсюда, приходил к заключению Темплъ, происходят многие злоупотребления, в частности коррупция в государственном управлении.

Особой критике Темплъ подвергал тиранию. Он неоднократно высказывался против "деспотической власти и воли одного лица"¹⁷. Но еще большее неприятие вызывало у него правление народа. Демократическая власть прочно отождествлялось у Темпля с анархией. Кроме того, демократия, на его взгляд, была опасна тем, что могла превратиться в тиранию. И то, и другое не вызывало симпатии у просветителя.

Высказываясь критически по отношению ко всем формам правления, Темплъ отдавал предпочтение такому, которое бы напоминало собой устройство семьи. По его мнению, "семья – прообраз маленького королевства, а королевство является подобием большой семьи"¹⁸. Идеал правителя, в представлении Темпля, – это отец семейства. Темплъ полагал, что монарх должен относиться к своим подданным точно так же, как отец семейства к своим домочадцам. Ему следует проявлять "заботу, справедливость" по отношению к

подданным, советоваться с ними, как с детьми, "во всем, что касается всех", и тогда народ охотно поддержит правителя во всех его предприятиях. А если он будет "давать волю своим страстям, самолично отдавать приказы, обращаясь с народом не как с детьми, но как со слугами", то вряд ли он сможет чувствовать себя в безопасности, разве только при наличии многочисленной вооруженной охраны¹⁹. Как видно, в концепции Темпля об идеальном правителе присутствовали элементы патриархальной теории Р. Фильмера. (Забегая вперед, отметим, что с подобным явлением мы столкнемся также при изучении идейного наследия лорда Болингброка. На схожесть взглядов Темпля и Болингброка указывал и ученый Р. Фабер, считавший, что большинство центральных тем политического учения Болингброка было выдвинуто именно Темплем²⁰.)

Хотя Темпл позаимствовал у Фильмера отдельные положения патриархальной теории, однако в главном он с ним расходился. В то время как Фильмер восхвалял абсолютную власть, Темпл писал о правлении монарха, ограниченного законом. И потому, заявляя о существовании двух наиболее распространенных типов власти — деспотической и той, которая осуществляется "в соответствии с определенными законами, не подвергающимися изменению без согласия большинства", — Темпл явное предпочтение отдавал последней, т.е. конституционной монархии. Быть может, именно поэтому Темпля нередко причисляли к вигам, ведь в то время, в эпоху Реставрации, лишь они боролись за установление в Англии конституционной монархии. Однако его рассуждения о патриархальной власти короля, его явное тяготение к "земельным" интересам, проявлявшиеся не только в политических трактатах, но, как мы видели, и в проекте нового Тайного совета, отдаляли Темпля от партии вигов.

Сторонник конституционного правления Темпл рассуждал на страницах своих произведений о том, что может воспрепятствовать установлению подобной формы правления в Англии. И как представитель имущих слоев приходил к заключению, что главную опасность таят в себе народные выступления. Заговоры, мятежи, волнения народа приводят к "фатальным революциям", и тогда нарушаются не только личная жизнь людей, ломаются их судьбы, но разрушается само государственное устройство. Согласно Темплю, народные волнения хуже любой тирании. "Гнев тирана можно сравнить с огнем, который пожирает все на своем пути, постепенно сжигая один дом за другим, — писал он. — В то же время гнев народа подобен морю, которое сметает все границы, внезапно затопляя страну насилием и не оставляя надежд на то, что можно остановить или помешать ему, до тех пор, пока изменившееся течение или ветер не вернут его в свои берега"²¹. В подобных высказываниях Темпля явно проскальзывали опасения собственника, растерявшегося перед народной стихией. Видимо, недавние

события революции и гражданской войны еще были свежи в памяти очевидцев, коим являлся и сам Темплъ. Страх перед их повторением заставлял просветителя искать пути предотвращения народного недовольства.

Прежде всего, считал Темплъ, необходимо устранить причины, которые вызывают эти недовольства. Одну из них он видел в "невнимательности" правителей к жалобам народа. Вместо того чтобы опираться на поддержку общественных магистратов и должностных лиц графств и направить совместные усилия на борьбу со злоупотреблениями, правители нередко уповают на то, что люди со временем "сделаются мудрыми, добродетельными, справедливыми и благородными, и все само собой уладится"²². Подобные суждения Темплъ считал утопией.

Другую причину неурядиц в государстве и недовольства при всех формах правления Темплъ усматривал в "неравных условиях, в которых находятся люди, государством объединенные"²³. Понимал ли под этим просветитель различные социально-экономические условия, в которых пребывали его соотечественники? Отнюдь, нет. Говоря о правительстве, он имел в виду степень пригодности людей по своим качествам (образованию, способностям и т.д.) к общественной или государственной деятельности. На взгляд Темпля, многие одаренные люди занимали высокие должности в управлении, получая признание и наживая богатство. Все же остальные, лишенные таких постов, испытывали разочарование и потому начинали во всем обвинять "плохое управление государством, субъективность или немилость правителей, некомпетентность или взяточничество министров". Примечательно, что в подобных рассуждениях о причинах народного недовольства Темплъ не пояснял, кого он понимал под "народом". И только из его высказываний о том, что "простой народ всегда жалуется лишь на плохие времена и на погоду"²⁴, можно было заключить, что в его понимании это были отнюдь не народные низы.

Среди причин, вызывавших народное недовольство, Темплъ называл также плохое законодательство либо невыполнение хороших законов. Впрочем, приходил к заключению просветитель, "даже если законы совершенны и справедливы, а администрация дурна, невежественна или подкуплена, слишком строга или слишком мягкотела, небрежна или жестока, то вряд ли можно считать несправедливым вызванное ею недовольство"²⁵.

Какие же средства устранения причин народного недовольства предлагал просветитель? Укрепить морской флот, способный охранять английские торговые суда от внезапного нападения соседей; увеличить численность населения страны и его благосостояние; распределять должности равномерно (не более одной на каждого человека); увеличить государственный бюджет путем отчисления с

холостяков по одной трети из их ежегодного дохода; укрепить аристократические роды за счет дозволения заключать браки не по расчету, а по любви; усилить авторитет палаты лордов, привлекая в ее ряды наиболее богатых представителей аристократии – все это, по мнению Темпля, могло сделать "довольным" народ Англии²⁶. Судя по данным предложениям, просветитель проявлял заботу лишь об имущих слоях, по преимуществу из числа землевладельцев.

Высказывания Темпля о происхождении государственной власти и о форме правления позволяют сделать вывод, что он был сторонником конституционной монархии, в чем сходилась с первыми вигами. Однако, являясь приверженцем патерналистской власти монарха, Темпл выступал за сильную исполнительную власть. Вероятно, именно это обстоятельство оттолкнуло его от вигов, известных своими стремлениями ослабить королевскую прерогативу, и позволило, не без основания, заключить Фабера, что убеждения Темпля были "скорее консервативными, чем либеральными"²⁷.

После того как Темпл оставил политику, он проводил свою жизнь, как сам шутливо замечал, в следовании "старому и прекрасному совету Пифагора – избегать болезней тела, потрясения рассудка, излишеств в пище, раздоров в семье и мятежей в государстве"²⁸. Его по-прежнему окружали интересные люди, высоко его почитавшие и подчас искавшие его совета. Темпля часто навещали политики, дипломаты и виги-аристократы. Весной 1695 г. скончалась его супруга. Ее утрату он переносил очень тяжело. Чтобы как-то скрасить свое одиночество, Темпл вновь пригласил в свой дом Свифта. Тот незамедлительно приехал и до самой кончины своего наставника не покидал его. Темпл скончался 27 января 1699 г. В своих воспоминаниях Свифт отзывался о нем так: "Это был человек, обладавший незаурядным умом, чувством справедливости, широтой взглядов, необычайной образованностью и красноречием. Настоящий патриот своей страны, сделавший немало для ее блага. Кроме того, он проявил свой талант в просвещении народа, хотя и заслужил известность всего лишь скромного литератора"²⁹.

В завершение небольшого очерка об одном из первых просветителей Англии – высокопоставленном государственном чиновнике Уильяме Темпле, хотелось бы обратить внимание на следующее. В зарубежной литературе прочно утвердилось мнение о значительном влиянии Темпля на формирование общественно-политических взглядов Свифта, однако, проведя сравнительный анализ воззрений этих просветителей³⁰, мы пришли к выводу, что это было не совсем так. Действительно, оба они выражали интересы класса землевладельцев, для которого идеальным государственным устройством считалось правление конституционной монархии; с одинаковым

осуждением относились как к тирании, так и республиканской форме правления. Однако на этом общее в их взглядах, пожалуй, заканчивалось. Расхождения между ними проявлялись в их оценках религии – Темплъ ратовал за веротерпимость, Свифт являлся ярым сторонником англиканской церкви; в отношении к законодательной и исполнительной властям один выступал за сильную королевскую власть, другой настаивал на укреплении привилегий парламента; Свифт развивал теорию "разделения" и "равновесия властей", а также поддерживал теорию "сопротивления" деспотической власти, Темплъ же этих сюжетов не касался вовсе.

В этой связи нам представляется сомнительным утверждение о значительном идейном влиянии Темплъ на своего ученика. Скорее всего, Темплъ пробудил у Свифта интерес к политической борьбе, а возможно, и вкус к литературной деятельности. Во многом он способствовал также его самообразованию. Становление же политического мировоззрения Свифта происходило, как нам кажется, самостоятельно. На формирование взглядов Свифта более весомое влияние оказала борьба политических партий тори и вигов. Если во времена Темплъ, приходившиеся на период Реставрации, виги выступали за ограничение королевской власти, то после Славной революции их цели изменились. Из некогда оппозиционной партии виги превратились в партию "порядка", какой в прежние времена были их политические противники – тори, а тори позаимствовали идеи "первых" вигов. Этот факт в свое время был подмечен Ф. Энгельсом, который характеризовал партии после Славной революции следующим образом: "Старые тори исчезли, а их потомки приняли принципы, бывшие дотоле достоянием вигов"³¹. А поскольку Темплъ принадлежал к "старым", а Свифт на первом этапе своей политической деятельности к "новым" вигам, то, естественно, их политические взгляды и не могли быть тождественными.

Но как бы то ни было, наш интерес к Уильяму Темплю диктовался не только его значимостью в судьбе Свифта. Жизненный путь самого Темплъ – яркий пример служения отечеству одного из его высокопоставленных чиновников и государственных деятелей. Кроме того, привлекает внимание его собственное творчество, в котором удивительно сочетались элементы идейно-политической платформ ранних партий эпохи Реставрации с просветительской идеологией буржуазии в пору утверждения капитализма в Англии. Идейная преемственность наследия политических партий периода Реставрации "новыми" вигами и тори хорошо прослеживается также на примере других политиков и государственных деятелей Англии на рубеже XVII–XVIII вв., в чем легко убедиться, обратившись к следующему очерку.

- ¹ *Faber R.* The Brave Courtier Sir William Temple. L., 1983. P. 10.
- ² *Woodbridge H.E.* Sir William Temple. The Man and His Work. L., 1940; *Steensm O.R.* Sir Wm. Temple. N.Y., 1970; *Faber R.* Op. cit.
- ³ International Directory of Eighteenth-Century Studies. Oxford, 2000. P. 424.
- ⁴ *Лабутина Т.Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.) М., 1994. С. 51–53; *Она же.* Свифт и Темплъ: Из истории раннего английского Просвещения // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 184–197; *Она же.* Английский дипломат эпохи Просвещения Уильям Темплъ // Проблемы международных отношений в новое и новейшее время. Рязань, 2004. С. 19–32.
- ⁵ *Woodbridge H.E.* Op. cit. P. 2.
- ⁶ The Character of Sir W. Temple Written by Lady Giffard in 1690 // *Faber R.* Op. cit. Appendix A. P. 10.
- ⁷ *Ibid.* P. 164.
- ⁸ *Ibid.* P. 166.
- ⁹ Подробнее об этом см.: *Лабутина Т.Л.* Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982. С. 176–185.
- ¹⁰ The Character of Sir W. Temple Written by Lady Giffard in 1690. P. 163.
- ¹¹ *Temple W.* An Essay upon the Original and Nature of Government // The Works of Sir William Temple (Далее: The Works). Edinburgh, 1754. Vol. II. P. 31, 38–39.
- ¹² *Ibid.* P. 51.
- ¹³ *Ibid.* P. 52.
- ¹⁴ *Temple W.* Of Popular Discontents // The Works. P. 366.
- ¹⁵ *Temple W.* An Essay... P. 35.
- ¹⁶ *Temple W.* Of Popular Discontents. P. 364.
- ¹⁷ *Temple W.* An Essay... P. 34.
- ¹⁸ *Temple W.* Of Popular Discontents. P. 361.
- ¹⁹ *Temple W.* An Essay... P. 30, 42.
- ²⁰ *Faber R.* Op. cit. P. 42.
- ²¹ Цит. по: *Ibid.* P. 43–44.
- ²² *Temple W.* An Essay... P. 32.
- ²³ *Temple W.* Of Popular Discontents. P. 362.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Ibid.* P. 366.
- ²⁶ *Ibid.* P. 376–389.
- ²⁷ *Faber R.* Op. cit. P. 88.
- ²⁸ *Temple Sir William.* Five Miscellaneous Essays. An Arbor, 1963. P. XIX.
- ²⁹ Цит. по: *Woodbridge H.E.* Op. cit. P. 237.
- ³⁰ *Лабутина Т.Л.* Свифт и Темплъ. Из истории раннего английского Просвещения.
- ³¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 620.

КОРОЛЕВСКИЙ МИНИСТР И ЕГО "НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК ДЛЯ ЛЕДИ"

В 1688 г. в Лондоне вышла небольшая книга с оригинальным и запоминающимся названием: "Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери". Очень быстро она сделалась популярной, выдержала на протяжении пятидесяти лет 25 изданий. Секрет широкой известности "Наставления дочери" заключался в том, что это было первое в истории Англии произведение, посвященное нравственному воспитанию юных аристократок. И хотя автор – видный государственный деятель Англии, королевский министр, публицист и просветитель маркиз Галифакс адресовал книгу своей дочери Елизавете, она по сути дела стала руководством в жизни для многих англичанок. Более того, книга маркиза сделалась своеобразным "эталонном" дамского чтения не только в Англии, но и далеко за ее пределами, была переведена на французский, голландский и другие языки. Чем же был вызван столь живой интерес общественности к книге маркиза Галифакса? На наш взгляд, подобный феномен объяснялся прежде всего новизной тематики, представленной в книге. Ведь она появилась намного раньше очерков Свифта, проекта о "женских академиях" Дефо, журнальных статей Стиля и Аддисона. Более того, именно произведение Галифакса оказало заметное влияние на тех просветителей, которые затрагивали женскую тематику. Особенно наглядно это видно при сравнении книги Галифакса и очерка Свифта "Письмо к очень юной леди по поводу ее замужества".

Книга Галифакса, к слову сказать, не потерявшая своей актуальности до сего дня, была далеко не единственным произведением маркиза. Да и сам автор представлял собой личность неординарную даже среди таких ярких фигур просветителей, как Локк, Дефо, Свифт, Болингброк. Можно утверждать, что Галифакс был одним из первых (если не самым первым) просветителем и идеологом просветительского движения в Англии. А если добавить к сказанному, что маркиз являлся не только оригинальным и интересным мыслителем, но и важной фигурой в государственной и политической жизни страны в правление Стюартов, то станет понятным, почему этот деятель заслуживает особого внимания. Между тем в России имя Галифакса практически неизвестно даже специалистам. Наше знакомство с его творчеством впервые произошло во время работы над монографией, посвященной изучению истории политической мысли раннего английского Просвещения¹. И уже тогда мы убедились в необходимости более глубокого исследования творчества этого талантливого деятеля стюартовской эпохи.

Издатель сочинений Галифакса У. Рейлих обращал внимание на необычайную актуальность его произведений для политиков XX столетия. Он полагал, что они могли бы "немало для себя почерпнуть" в трудах маркиза, отчего стали бы сами выглядеть "умнее". Ученый сетовал на то, что имя Галифакса оказалось для многих поколений англичан "почти забытым", что вызывает "стыд и сожаление"². Рейлих сравнивал Галифакса с одним из самых знаменитых просветителей европейского масштаба – лордом Болингброком и приходил к неожиданному для современных ученых выводу о том, что "социальные сентенции" и политические принципы маркиза отличались большей глубиной, нежели те, которыми был известен его знаменитый соотечественник³. Высокую оценку Галифаксу дал также британский историк Дж. Гуч, называвший его "самым утонченным и оригинальным мыслителем эпохи Реставрации". Гуч уверял, что Галифакс по праву занимал видное место среди "классиков" литературы и что его прекрасные и меткие афоризмы не уступали в мастерстве изречениям известного мыслителя Франции Ф. Ларошфуко. Более того, на взгляд ученого, в стюартовской Англии вообще было только два выдающихся политических писателя: Томас Гоббс и... маркиз Галифакс⁴. Ученые обращали внимание на заметный вклад, который Галифакс внес в оформление идеологии европейского Просвещения. Его называли "предвестником Бёрка", поскольку ему удавалось облекать идеи в форму, приводившую их в движение⁵. Трудami маркиза восхищался великий Вольтер, которому особенно импонировала деятельность Галифакса на поприще "взрачивания литературных талантов"⁶.

Галифакс являлся не только оригинальным мыслителем и талантливym политическим писателем. На поприще государственной деятельности он также оставил заметный след. По мнению английского историка XIX в. Т. Маколея, "меж государственными людьми, окружавшими королевский двор, Галифакс по гениальности был первым"⁷.

Деятельность просветителя в качестве высшего государственно-го чиновника пришлась на время правления трех монархов, каждый из которых доверял ему самые ответственные посты в управлении. При Карле II Галифакс был спикером парламента и королевским министром, при Якове II – президентом Тайного совета, а при Вильгельме Оранском – лордом-хранителем малой печати. И, как признают историки, на всех должностях маркизу удавалось сохранить "значительность и авторитет"⁸. Галифакса уважали, с ним советовались, его в равной мере опасались и когда он был в оппозиции, и когда находился на посту королевского министра. На взгляд исследователей, трудно было найти равных Галифаксу по талантам и административным способностям⁹.

Несмотря на то что зарубежные авторы признавали Галифакса оригинальным мыслителем, талантливым политиком и администратором стюартовской Англии, его творческое наследие все еще остается слабо изученным. На этот факт обращал внимание британский ученый Э. Рид¹⁰. Пространная биография Галифакса, принадлежавшая перу британской исследовательницы Г. Фокскрофт¹¹, да несколько статей – все, чем сегодня располагает мировая историческая наука об одном из первых идеологов европейского Просвещения.

Отечественным историкам имя Галифакса практически неизвестно. Единственное упоминание о нем как об авторе литературных сочинений встречается в примечаниях к "Философским сочинениям" Вольтера профессора В.Н. Кузнецова¹². Учитывая вышесказанное, мы в свое время сочли необходимым поближе познакомить российского читателя с оригинальным мыслителем эпохи раннего Просвещения¹³. В данном очерке автор предпринял попытку более подробного анализа общественно-политических взглядов Галифакса

Георг Севиль (1633–1695) – первый маркиз Галифакс родился в Торнхилле. Он происходил из знатного и богатого дворянского рода, проживавшего на севере Британии, в графстве Йоркшир. Род Севилей находился в родстве с самыми древними и известными семействами королевства. Родственниками Георга являлись лорды Шрюсбери, Страффорд, Шефтсбери, Сандерленд и другие видные государственные и политические деятели Англии. Короче говоря, будущий маркиз был тесно связан со многими из тех, чьи имена заполняли английскую историю XVII в. Отец Георга – Уильям Севиль был депутатом Короткого парламента, а затем мэром Шеффилда и Йорка. Роялист по убеждениям, он верой и правдой служил королю Карлу I, на стороне которого сражался во время гражданской войны, решительно отражая натиск армии Т. Ферфакса. В разгар революционных событий 30-летний Уильям скоропостижно скончался, оставив огромные владения, которые не успел конфисковать Оливер Кромвель, в наследство сыну. Поэтому, когда Георг достиг совершеннолетия, он стал одним из самых богатых людей в королевстве. Мать Георга – Анна Кавентри также происходила из знатного рода. Ее отец был лордом-хранителем малой печати. Отличавшаяся хрупким телосложением и слабым здоровьем, она проявила мужество и решительность, когда на замок в Шеффилде, где проживала ее семья, напали отряды Кромвеля. Собрав всех своих слуг и домочадцев, Анна Севиль организовала оборону замка, сумев отразить вылазки нападавших.

Воспитанием Георга и его начальным образованием Анна Севиль занималась сама. Она была убеждена в том, что сына следует держать в строгости, и умело контролировала учебный процесс. Высшее образование будущий маркиз получил в университетах

Джордж Севиль, маркиз Галифакс

Парижа и Женевы. Вообще о молодых годах Севиля мало что известно. По замечанию мемуариста Дж. Эвелина, Георг был очень богатым, остроумным, а в юные годы "до некоторой степени положительным человеком". Все это он сохранил и в зрелые годы. Что же касается взглядов Севиля, то они, как считал его современник, "сделались менее позитивными"¹⁴.

После реставрации монархии в 1660 г. Георг возвратился на родину и поселился в живописном местечке Раффорде, что в Ноттингемшире. Он жил в замке, окруженном лесным массивом, некогда принадлежавшим аббатству. К тому времени Георг уже обзавелся семьей, женившись в 1656 г. на красавице Дороти, урожденной графине Сандерленд. Семейная жизнь складывалась удачно: у них

родилось четверо детей – дочь Анна и трое сыновей. Однако семейная идиллия нарушилась в 1670 г., когда супруга Георга скоропостижно скончалась. Обремененный хлопотами по дому и заботами, связанными с воспитанием детей, Георг, несмотря на память о "прекрасной Дороти", вдовствовал недолго. Через два года он женился вторично, взяв в жены младшую дочь графа Пьергонта из Торсби – Гертруду. От этого брака родилась дочь Елизавета, которой Галифакс и посвятил свое знаменитое произведение "Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери".

Политическая карьера Севиля началась в 1664 г. с его избрания в палату общин. На первых порах Георг особой активности в парламенте не проявлял, но постепенно освоился и, разобравшись, что к чему, решил объединиться со своим родственником графом Кавентри и его другом графом Бэкингом. Благодаря активным усилиям этих парламентариев, премьер-министр страны граф Кларендон подал в отставку. Новое правительство оценило их поступок по заслугам. Поскольку Георг Севиль был очень богатым, это обстоятельство всегда служило прочным барьером для возникновения возможных слухов о занятии им политической деятельностью из корыстных побуждений.

Пожалуй, именно в силу его неподкупности палата общин назначила Севиля в 1668 г. главой парламентской комиссии для разбирательства скандала, связанного с финансовыми злоупотреблениями на флоте. В том же году король Карл II пожаловал ему титул виконта, и новоиспеченный лорд переместился в верхнюю палату парламента. Когда же высокопоставленный чиновник У. Темпл предложил королю свой проект о создании новой структуры Тайного совета из числа самых богатых и влиятельных лордов страны, Карл изъявил желание, чтобы в его состав непременно вошел Галифакс. Требовательность, прямота и честность, а также критика правящего кабинета министров помогли Галифаксу быстро завоевать уважение коллег в палате лордов. "Его ум был плодovit, остер и обширен, – писал о Галифаксе Маколей. – Его изящное, ясное и одушевленное красноречие, при серебряных звуках его голоса, было наслаждением палаты лордов. Его разговор блистал мыслью, фантазией и остроумием". Галифакс встретил самый радушный прием и при дворе, где "прелесть его обхождения и беседы сделали его всеобщим любимцем"¹⁵. Он не нуждался в деньгах, но, как предполагал Маколей, "сан и власть сильно прельщали его". И хотя Галифакс утверждал, что расценивал титулы и высокие должности, как "приманки" для глупцов, и ненавидел "суету, пышность и торжественность", царившие при дворе, предпочитая всему этому уединение в замке родового поместья, его поведение, на взгляд историка, плохо согласовывалось с этими заверениями¹⁶.

По долгу службы маркиз теперь вынужден был немало времени проводить в столице, и потому в 1673 г. вместе с семьей он перебирается в только что отстроенный особняк на Кинг-стрит в фешенебельном районе Лондона. Жизнь шла своим чередом. Авторитет Галифакса на поприще службы укреплялся день ото дня. Король доверял ему самые деликатные поручения: назначив тайным советником, направил маркиза с визитом во Францию, чтобы поздравить Людовика XIV с рождением сына, а заодно "провентилировать" вопрос об отношении французского монарха к заключению союза Англии с Голландией. После успешного завершения миссии король ввел Галифакса в состав комитета по внешней политике. Там маркиз начинает тесно сотрудничать с такими известными государственными и политическими деятелями Англии, как Темпл, Эссекс, Шефтсбери. Все складывалось прекрасно, и казалось, что ничто не сулило плохих перемен. Однако происшедший в стране в конце 70-х годов так называемый исключительный кризис многое изменил в судьбе Галифакса.

В последние годы правления Карла II в стране резко обострилась борьба между тори и вигами, что обуславливалось нагнетанием антикатолических настроений в обществе. Летом 1678 г. священник Титус Оатс сообщил в Тайный совет о том, что располагает сведениями о якобы готовящемся заговоре католиков, которые вознамерились убить короля и возвести на трон его брата, известного своей приверженностью к католицизму герцога Йорка, будущего короля Якова II. Нелепые домыслы о заговоре порождали в стране панику. Власти прочесывали дома католиков в поисках оружия. На улицах столицы день и ночь дежурили вооруженные отряды милиции. В условиях разыгравшейся в стране антикатолической истерии парламент занялся рассмотрением билля "Об исключении герцога Йорка из престолонаследия". Этот законопроект послужил, в свою очередь, причиной острых дебатов в парламенте. Борьба сторонников и противников "исключительного билля", продолжавшаяся около двух лет, с 1679 по 1681 г., положила начало политическому кризису в стране, который в конечном счете завершился роспуском парламента.

Галифакс не остался в стороне от происходивших событий. Именно ему историки приписывают решающую роль в отклонении парламентом "исключительного билля". Хотя Галифакс осуждал католицизм, он, тем не менее, выступил против данного законопроекта, полагая, что его принятие приведет к гражданской войне в стране, тогда как все опасения в отношении судьбы протестантизма в случае вступления на престол короля-католика можно было бы устранить через введение особых ограничений прерогативы монарха. Поэтому, когда в октябре 1680 г. билль "об исключении" в очередной раз обсуждался в палате лордов, Галифакс использовал все

свои красноречие и убедительные аргументы, чтобы повлиять на ход голосования. Как писал Маколей, маркиз защищал "дело герцога Йоркского" речами, которые даже по прошествии многих лет "помнились как образцовые произведения логики, остроумия и красноречия". Политическим оппонентом Галифакса в дебатах был лидер вигской оппозиции Шефтсбери, который шестнадцать раз брал слово, чтобы защитить билль "об исключении". Однако, благодаря ораторскому искусству Галифакса, судьба билля решилась окончательно. После десятичасовых дебатов палата большинством голосов отклонила данный законопроект. Так, на взгляд Маколей, "гениальность Галифакса поборолa всю оппозицию"¹⁷. Между тем подобный поступок встретил неоднозначную реакцию среди политиков. В то время как король в знак признательности пожаловал Галифаксу титул графа, оппозиция объявила его предателем. Отношения же маркиза с графом Шефтсбери стали откровенно враждебными. Настаивая на принятии более жестких мер к католикам и стремясь не допустить вступления на престол герцога Йорка, Шефтсбери предлагал подкупить известную фаворитку Карла II герцогиню Портсмудскую. Граф надеялся, что она повлияет на короля, заставив его признать наследником английского престола не герцога Йорка, а внебрачного сына – герцога Монмаута. Выслушав подобные предложения Шефтсбери, маркиз категорически отверг их, чем вызвал сильный гнев лидера оппозиционной партии.

Вообще, надо признать, отношение Галифакса к существующим политическим партиям было непростым. Он высказывался против создания постоянных "враждующих лагерей", стараясь дистанцироваться от их "неистовой борьбы", и подобная неприязнь к партиям послужила причиной изоляции маркиза в среде политиков¹⁸. Галифакс явно недооценивал роль партий в управлении государством, полагая, что без них вполне можно обойтись. В некоторых своих произведениях он старался даже не упоминать названий партий: настолько они были ему антипатичны. Партии возбуждали "презрение" маркиза, в особенности ему были противны "низкие уловки и неразумные крики их демагогов"¹⁹.

Тем не менее Галифакс не сумел остаться в стороне от партийной борьбы, а вскоре и сам начал "обращаться в виги". Он стал критически отзываться о правлении монарха в Англии и защищать привилегии парламента, утверждая, что жизнь "не имела бы никакой цены", если бы свобода и собственность граждан зависели от произвола "деспотического властелина"²⁰. Подобные речи маркиза не могли вызвать симпатий короля. Усилившееся раздражение Карла "подогревалось" сетованиями его брата. Герцог Йорк считал "неприличным" далее терпеть в должности лорда-хранителя малой печати человека, бывшего в душе республиканцем²¹.

Между тем маркиз Галифакс не был ни республиканцем, ни вигом. Пожалуй, можно признать, что среди политиков он занимал особое место благодаря своим исключительным дарованиям, способностям и природному уму. Маколей писал о Галифаксе: "Ум у него был острый, скептический, неистощимо плодovitый на различия и возражения, вкус утонченный, чувство смешного необыкновенное, нрав тихий и миролюбивый, но разборчивый и отнюдь не расположенный ни к доброжелательству, ни к восторженному удивлению"²². Такой человек, на взгляд историка, не мог оставаться постоянным союзником какой-либо одной партии. Галифакс всегда был строг к своим союзникам и дружески относился к противникам. Философский склад ума, сдержанный темперамент, изысканные манеры способствовали формированию Галифакса в умеренного политика. Постепенно маркиз сделался защитником "среднего курса и разумного компромисса"²³.

Однако умеренность во взглядах и поступках, а также стремление примирить враждующие стороны вызвали к нему недоверие со стороны обеих партий. "Когда он действовал заодно с оппозицией, – писал Маколей, – в нем подозревали придворного шпиона; когда же он присоединялся ко двору, все тори пугались его республиканских доктрин"²⁴. Друг маркиза епископ Дж. Бернет признавал: Галифакс не умел придерживаться в политике твердой позиции, он продвигался вперед и отступал назад и "менял позицию так часто, что в конце концов ни одна из сторон уже не доверяла ему"²⁵. Недоброжелатели окрестили Галифакса "триммером". Маколей объяснял, что этим словом называют человека, который "из личных видов попеременно поддерживает противоположные партии". Подобных людей, утверждал историк, в обществе презрительно называли "вертушками"²⁶.

Однако маркиз не только не обижался на свое прозвище, напротив, он им гордился. Для разъяснения собственной позиции Галифакс в 1684 г. издал свой первый политический трактат "Характер триммера", в котором выражал недоумение, почему столь "безобидным словом", как "триммер" ("соглашатель") называют "чудовище, которым впору пугать детей и женщин"²⁷. На взгляд Галифакса, "триммер" – это правильное размещение груза на судне с целью его уравновешивания (одно из значений глагола *to trim*. – *Т.Л.*). К примеру, если пассажиры столпятся на одной стороне судна, то оно может легко опрокинуться. Чтобы этого не допустить, необходим соответствующий противовес – "триммер". Применительно же к политической и общественной жизни "триммер" – это всего лишь "третье мнение", отличное от правительственной и оппозиционной точек зрения²⁸.

Своим произведением Галифакс еще раз подтвердил, что является убежденным сторонником конституционной монархии, а не

республики, в симпатиях к которой его нередко обвиняли. Он полагал, что монархия "любима народом за колокольный звон и блеск, пышность и украшения. Как материнское молоко необходимо младенцу, так и все атрибуты монархии необходимы для ее почитателей". Разумные люди убеждены в том, что подобное правление может благополучно существовать только при условии, когда власть находится в "хороших руках". Если же власть попадает в руки деспотического правителя, то он начинает подавлять свободы подданных (Галифакс уверял, что без свобод англичане "перестают быть народом"), а такое правление народ вряд ли одобрит. Хотя в абсолютной монархии имеются отдельные положительные стороны (сохранение стабильности и порядка в стране, отсутствие какой-либо оппозиции), однако подобная форма правления представлялась Галифаксу "неразумной и нежелательной". На его взгляд, "вседозволенность неограниченной власти развращает" как правителя, так и его подданных.

Осуждая абсолютную монархию, Галифакс в то же время неодобрительно отзывался и о республиканской форме правления. Он считал, что республика "затруднительна" в управлении, поскольку привлекает к власти большое количество людей, многие из которых к тому же молоды, а значит, неопытны в политике. Кроме того, полагал Галифакс, человечество по своей природе еще не готово к республиканскому правлению из-за низких моральных качеств отдельных граждан. На взгляд маркиза, для "возведения" республики необходим "особый материал" (добродетель, мораль, усердие), которого явно недостает англичанам. "Республика непригодна для нас, поскольку мы не подходим для республики", — заключал он²⁹.

Наиболее приемлемой формой правления для Англии, по мнению Галифакса, является ограниченная монархия. "У нас хорошая конституция и прекрасные законы, — признавал он, — поэтому наш народ счастлив и пользуется большим уважением за рубежом". Более всего в ограниченной монархии Галифаксу импонировало "единение власти и свободы" — ведь при конституционной монархии правителю предоставлено "почетное право командовать свободными людьми, а подданным — испытывать удовлетворение оттого, что власть так хорошо устроена, а свободы обеспечены". Закон ограничивает власть короны, четко разделяя рабство и подчинение, беспредельную прерогативу правителя и безграничную свободу подданных. Таким образом, заключал свою мысль Галифакс, мы имеем "счастливое сочетание, достигнутое мудрым выбором лучшей формы правления".

Поскольку при конституционной монархии ограничение власти короля осуществляется с помощью закона, Галифакс подробно останавливался и на этом вопросе. Он подчеркивал, что является "большим почитателем законов", которые необходимы для сохране-

ния и поддержания порядка в обществе. По его определению, законы — это "цепи, связывающие наши непокорные страсти, которые, подобно диким животным, если дать им волю, обратят государство в состояние варварства и враждебности, и потому всему хорошему, что мы имеем, мы обязаны им, а все плохое, что существует в мире, вызвано их отсутствием". Сам Бог предписал создание законов для человечества во имя его же счастья. И весь цивилизованный мир охотно подчиняется законам, даже завоеватели относятся к ним уважительно. К примеру, древние римляне брали за образец законы народов, которых поработщали, причем нередко победители относились к законам даже с большим уважением, нежели те, кто впервые их создал.

Галифакс был убежден в том, что ни один правитель никогда не станет "великим", если будет относиться к законам без должного уважения. В "хорошем правлении" требуется не только подчинение законам как со стороны правителя, так и со стороны подданных, но и верное толкование и исполнение самих законов. Галифакс был уверен: законы зависят не только от тех, кто их издает, но и от тех, кто их исполняет. И порой из-за "неумелых действий" исполнительной власти умалется власть верховного правителя, а также нарушается общественная справедливость. Галифакс считал, что подчиняться законам страны должны не только подданные, но в первую очередь сам правитель. Монарх не может стоять над законом, утверждал Галифакс, ибо "возвышение власти над законом равносильно сдаче врагу личной его охраны". Закон же — "враг насилия", и потому, когда правитель не связан законами, он "опирается на преступления", ибо иной альтернативы в правлении нет. И только в той стране царят мир и покой, правитель которой "даже в мыслях" не позволяет себе нарушать закон³⁰. Данный трактат Галифакса, "содержательный и выразительный, наполненный мыслями и рассуждениями", Гуч посчитал "величайшим политическим памфлетом XVII века"³¹.

В 1685 г. Карл II скончался. Галифакс, с симпатией относившийся к монарху, искренне переживает эту утрату, а вскоре издает посвященный ему трактат "Характер короля Карла II". Это произведение Галифакса Рейлих назвал "шедевром", полагая, что подобного "интимного портрета" английского монарха, представленного современником, трудно было сыскать во всей исторической литературе. Он обратил также внимание на "научный подход", проявленный автором, который не ограничился "афоризмами, эпиграммами, сентенциями", но дал анализ характера и поведения короля, выяснив причины его неудач в начале правления, а также осветил отдельные аспекты личной жизни Карла.

Галифакс полагал, что Карл был несчастлив в жизни. События революции, в результате которых его отец в 1649 г. был казнен,

а сам он бежал во Францию, отразились на формировании характера будущего правителя Англии. Оказавшись в эмиграции при дворе Людовика XIV, юноша быстро попал под влияние его придворных, рьяных католиков, не отличавшихся к тому же скромностью и добродетелями в поведении. И когда в 1660 г. свершилась Реставрация и Карл как легитимный правитель занял королевский трон, он уже был, по мнению Галифакса, "римским католиком и любителем увеселений". Однако в Англии, где "религия возведена в культ", Карл скрывал свою приверженность к католицизму, опасаясь "подозрительного отношения" к себе со стороны подданных. В результате, констатировал Галифакс, скрытность и лицемерие, привитые Карлу нравами французского двора, сделались отличительными чертами его характера.

Галифакс обращал внимание на ряд достоинств новоиспеченного монарха, которых, на его взгляд, было больше, чем недостатков. Карла отличали приветливость, легкость в общении, щедрость. Он обладал прекрасной памятью, природным умом и был, что называется, "механической головой", поскольку проявлял живой интерес к судостроению, фортификационному делу, а также точным наукам. И возможно, полагал Галифакс, король стал бы прекрасным правителем, если бы его не отвлекали "различные увеселения". Пожалуй, никакой другой монарх в истории страны не прославился столь непомерной жадной развлечений. Пиршества, балы, карнавалы, скачки, охота, театральные представления – ничто не проходило мимо короля. Вместе со своими придворными Карл тратил деньги, не задумываясь, и очень часто "отдавал предпочтение личным, а не общественным делам".

Большое место в жизни короля занимали его "дамы сердца" и потому Галифакс не обошел своим вниманием его любовные приключения. Он отмечал, что в юности Карл относился к любимым женщинам с романтической влюбленностью, а те отвечали ему взаимностью и преданностью. Однако после вступления Карла II на трон "любовниц ему стали рекомендовать" ближайшие советники. Естественно, что подобное обстоятельство наложило свой отпечаток на отношение короля к дамам, и если поначалу он проявлял к ним сердечную привязанность, то в последующие годы уже не испытывал искреннего чувства. Возможно, предполагал Галифакс, причиной тому была "политика, которая требовала тайн, секретов, а не откровенности и доверия к любимому человеку". Говорили, что король отличался непостоянством и его любовницы были не похожи ни характером, ни внешностью. Карл считал, что с любовницами бывает нелегко, поскольку все они "требовательные создания". Как человек, любивший удовольствия, но не желавший "заниматься дамами", все заботы о них он возлагал на свое ближайшее окружение. В результате "дамы сердца" Карла избира-

лись и "инструктировались" в интересах министров, придворных, партийных лидеров.

Наиболее подробно Галифакс описал "самую неординарную" из всех любовниц Карла – герцогиню Портсмудскую. Эта дама выделялась особой манерой поведения. Она любила "царственную торжественность" в интерьере и поведении окружающих ее придворных. Ее личные покои напоминали кабинет министра. Галифакс подчеркивал, что герцогиня оказывала огромное влияние на короля, который был всецело "в ее оковах" и всегда поступал так, как ему советовала его пассия. Карл даже не смел удалиться от нее, не испросив на то позволения. В свою очередь, герцогиня не считала своей обязанностью хранить королю верность, и когда ссорилась с ним, то очень скоро находила утешение в объятиях другого кавалера.

Бесспорный интерес в произведении Галифакса вызывал раздел об отношениях короля с его министрами. На взгляд маркиза, Карл обходился с ними, как со своими любовницами: "использовал, но не любил и был привязан к ним не больше, чем они к нему, что давало свободу обеим сторонам". Нельзя сказать, чтобы король особо доверял министрам, даже к родному брату герцогу Йорку, входившему в состав кабинета, он относился с подозрительностью. Карл не выносил продолжительных "серьезных" разговоров. Зная об этом, министры, как правило, решали дела государственной важности в частных беседах. И стоило королю выйти из своих покоев, чтобы пройти по залам дворца, как тотчас к нему навстречу бросались министры и придворные, "любопытные, вопрошающие, говорящие комплименты". Подобные сцены наводили на короля ужасную скуку, и потому он торопился поскорее миновать придворных. Со временем у Карла выработалась привычка быстро передвигаться по дворцовым покоем, что нарушало торжественность придворной церемонии. В отношении к министрам король подчас проявлял строгость, не прощая проступков, но нередко одаривал их и всевозможными подарками. В результате, утверждал Галифакс, король был со своими министрами всегда "в прекрасных отношениях"³².

После смерти Карла II на английский престол вступил его брат Яков II Стюарт. В правительстве начались перестановки, которые затронули и Галифакса. Новоиспеченный монарх вначале отобрал у маркиза малую печать, а затем назначил его председателем Тайного совета. "Я его хорошо знаю, и не могу иметь к нему доверия, – объяснял свои действия король приближенным. – Что же касается места, которое я ему дал, то оно только покажет, как мало он имеет влияния". Разногласия с Яковом II начались очень скоро, что и привело в конечном счете к отставке Галифакса. Причиной же отставки послужило нежелание председателя Тайного совета поддерживать намерение короля отменить знаменитый Хабеас корпус акт

(Данный закон заложил конституционную основу создания правового государства в Англии. — *Т.Л.*).

Отставка неугодного королю высокопоставленного чиновника неожиданно произвела впечатление на политиков Парижа, Вены, Гааги. Они принялись превозносить "ум и добродетели уволенного сановника таким образом, что в Уайтхолле очень обиделись"³³. Отношения между королем и опальным министром еще больше ухудшились. Хотя Галифакс в свое время, что называется, "спас корону" для Якова, выступив в парламенте против "исключительного билля", его неприятие католицизма и абсолютизма, к которым благоволил новый монарх, привели маркиза в конечном счете в ряды оппозиции. Когда в 1687 г. Яков издал Декларацию о веротерпимости, которая открывала широкие возможности католикам для участия в государственном правлении, Галифакс возмутился. Он написал памфлет "Письмо к диссентеру", главной направленностью которого было воспрепятствовать католикам занимать ответственные посты в государстве. Автор утверждал, что вся религиозная политика короля была построена "на парадоксах". В то время как католики считаются единственными "друзьями свободы", все протестанты попали в число тех, кому не следует доверять. Возражая против политики короля, памфлетист в то же время призывал парламент к "сдержанности", полагая, что королевскую декларацию все-таки следует признать законной. Протестанты же должны объединить свои усилия, оставаться "спокойными, стойкими и убежденными сторонниками своей религии и законов страны". Только тогда они смогут противостоять давлению со стороны короля и не позволить католицизму утвердиться в стране³⁴.

Памфлет Галифакса вызвал в Англии большой резонанс. 20 тыс. его экземпляров мгновенно были распроданы. Недоброжелатели и противники пустились в полемику с анонимным автором, однако все их усилия публика сочла "неудовлетворительными и слабыми". Власти были крайне раздражены и не жалели усилий для того, чтобы установить имя анонимного памфлетиста. Хотя прямых улик против Галифакса и не было, но "обширность и острота ума", "живость воображения", "изящный и энергический слог", "философское спокойствие", раскрывавшиеся в памфлете, указывали на авторство маркиза³⁵.

Основные положения "Письма к диссентеру" нашли дальнейшее развитие в новом памфлете Галифакса "Анатомия эквивалента", опубликованного в 1688 г. Несколько "остроумно-логических и утонченно-саркастических страниц" памфлета, на взгляд Маколея, положили конец "пустым проектам" короля³⁶. В памфлете автор рассуждал о "договорном" происхождении королевской власти, о недопустимости изменения или упразднения существующих в стране законов по воле короля, о том, что парламентарии не вправе идти на

уступки монарху и изменять законы без желания народа, иначе это будет похоже на "торговую сделку"³⁷. Галифакс подчеркивал, что только закон способен предотвратить насилие и гарантировать безопасность свобод и собственности подданных от посягательств монарха.

Декларация о веротерпимости Якова вызвала осуждение не одного Галифакса. Семеро самых известных в стране епископов сочли ее "антиконституционной" и отказались зачитать своей пастве. Король пришел в ярость. Он объявил епископов "мятежниками" и "бунтарями" и приказал заточить их в Тауэр. Галифакс тут же отправился навестить опальных священнослужителей в тюрьме, пытался их ободрить и морально поддержать. Начавшийся вскоре судебный процесс над епископами-"бунтарями" завершился поражением короля: суд оправдал их и освободил из-под стражи.

Хотя Галифакс и осуждал проводимую королями-братьями политику, тем не менее он не принимал участия в заговорах, направленных на их свержение. Когда заговорщики-виги О. Сидней, лорды Рассел и Шрюсбери попытались в 1683 г. привлечь маркиза в свои ряды, Галифакс дал им ясно понять, что не желает быть посвященным в намерения своих "отважных и пылких друзей"³⁸. Но когда заговор был раскрыт и над его участниками нависла смертельная опасность, он одним из первых выступил в их защиту.

Отказался маркиз и от участия в заговоре в защиту интересов дочери Якова II – Марии и ее супруга Вильгельма Оранского. Вероятно, слухи о подобной позиции Галифакса дошли до короля, поскольку вскоре Яков избрал маркиза на роль посредника в диалоге со своими политическими оппонентами. Король предложил Галифаксу вновь вступить в должность, однако возможности для "миротворческой" миссии последнего уже были упущены. В стране нарастало всеобщее недовольство политикой короля. Младшая дочь Якова – принцесса Анна, а также главнокомандующий армией У. Черчилль, будущий герцог Мальборо, тайно бежали в Голландию под покровительство Вильгельма Оранского, Яков был вынужден собрать на совет наиболее влиятельных лордов. От их имени с пространной речью выступил Галифакс. Хотя маркиз высказал королю "много неприятных истин", однако сделал это "с деликатностью", полагая, что подобные речи были "долгом человеколюбия к павшему монарху". В выражениях, "исполненных сочувствия и уважения", Галифакс утверждал, что, по его мнению, король должен приготовиться к "великим жертвам": созвать парламент, приступить к переговорам с принцем Вильгельмом Оранским, а также устранить главные из "злоупотреблений", на которые жаловался народ³⁹. Яков направил депутацию к своему зятю – Вильгельму Оранскому. Входящий в ее состав Галифакс вручил голландскому принцу письмо короля.

По возвращении из Голландии Галифакс занял пост председателя временного правительства. Он искренне верил в то, что сумеет добиться приемлемых условий соглашения между королем и принцем Оранским. Однако неожиданно Галифакс узнал о том, что король и не думал вовсе соблюдать тех условий, о которых упоминал в своем письме, и что посольство в Голландию было чистой воды "надувательством", а сам маркиз послужил всего лишь орудием в интригах Якова. Галифакса возмутила подобная неблагодарность со стороны короля и, как писал Маколей, "рассудок и злоба побудили его отказаться от прежней мысли о примирении и стать во главе людей, желавших возвести Вильгельма на престол"⁴⁰. Как только новость о высадке принца Оранского в гавани Торби достигла Лондона, епископы и несколько видных лордов приступили к переговорам с Яковом, пытаясь убедить его "не допустить кровопролития в стране". В это же время Вильгельм направляет в Лондон послание, в котором просит маркиза Галифакса оказать все свое влияние на короля с тем, чтобы тот "ради спокойствия города и личной безопасности" покинул страну. Не дождавшись ответа, Вильгельм отдал приказ своим войскам вступить в Лондон. Напуганный военными приготовлениями принца Оранского король решается бежать.

Заняв Лондон и расположившись в покоях королевского дворца, Вильгельм пригласил для аудиенции известных лордов, которым сообщил, что намерен просить их содействия в гражданском правлении и созыве "свободного" парламента. Председателем палаты лордов единодушно был избран Галифакс. Он стал также спикером первого парламента. Маркизу поручили также ответственную и почетную миссию – вручить новоиспеченным монархам – принцессе Марии и ее супругу Вильгельму Оранскому корону. Король не забыл всего, что сделал для него маркиз. В знак своей признательности он назначил Галифакса на должность лорда-хранителя малой печати с солидным годовым доходом. За маркизом сохранился также пост спикера в палате лордов.

Назначение Галифакса на должность лорда-хранителя, на взгляд историков, вряд ли было удачным шагом со стороны короля. К примеру, Фокскрофт считала, что Вильгельм не был государственным деятелем в истинном понимании этого слова. Он являлся хорошим полководцем и дипломатом, но в вопросах внутренней политики "не смыслил ничего". Его выбор "триммера" объяснялся скорее тем, что он надеялся с помощью Галифакса добиться объединения разделенного на партии общества и "консолидировать нацию"⁴¹. Маколей также признавал, что на Галифакса пало "тяжелое бремя", которое тот был не в состоянии нести. Причину тому историк усматривал в неспособности маркиза быстро решать практические вопросы⁴².

Поначалу взаимоотношения Галифакса с королем были доверительными, и на маркиза все смотрели как на главного советника Вильгельма. Однако вскоре блистательная карьера сановника дала трещину. Галифакс все больше разочаровывался в той политике, которую проводил король. Особенно его возмущало то, что Вильгельм раздаивал земли и должности тем, кто сослужил ему "добрую" службу во время Славной революции. "Да, гуси спасли Рим, но я не помню, чтобы их за это произвели в консулы", – как-то по этому поводу обмолвился Галифакс.

Летом 1689 г. недоброжелатели и завистники маркиза предприняли попытку устранить его с занимаемой должности, отобрав у Галифакса тот "мешок с овечьей шерстью", на котором по обычаю восседал лорд-канцлер. Маркиза обвинили в "неудовлетворительном положении дел в Ирландии". Весной 1689 г. военные корабли Франции переправили экс-короля Якова II в Ирландию с тем, чтобы он смог подчинить королевство, в котором были сильны позиции католиков. Восстание сторонников Якова – "якобитов" удалось подавить не сразу. Потребовалась длительная осада Лондондерри прежде, чем Вильгельм одержал победу над своим тестем. Хотя прямой вины Галифакса в неудачах англичан в Ирландии и не было, тем не менее противники маркиза воспользовались "ирландским вопросом" как предлогом для парламентского разбирательства. Были допрошены многочисленные свидетели, проведена ревизия протоколов Тайного совета, однако каких-либо доказательств вины Галифакса, на основании которых было бы возможно выдвинуть обвинительное заключение, найти так и не удалось.

Служебные неприятности отягощало личное горе, постигшее в это время маркиза. Он потерял за один год двоих своих сыновей – 28-летнего Генриха и 21-летнего Георга. В письме к своему другу леди Рассел Галифакс сетовал на "пустоту вокруг своего очага и на жестокую несправедливость вигов"⁴³. В защиту отца вступился его третий сын – лорд Иланд. Он явился в палату лордов и попросил слова. В своей речи лорд заявил, что его отец "не заслужил, чтобы над ним издевались подобным образом". Если его считают виновным, то следует разъяснить, в чем это выражается. Маркиз готов подчиниться любому приговору, поскольку удаление от двора для него не представляется чем-то ужасным, ведь "благодаря божьей он возвысился так, что не имеет надобности искать на службе средств для поддержания своего ранга"⁴⁴. Пламенная речь молодого человека убедила лордов в решении оправдать Галифакса. Однако маркиз уже не желал возвращаться на прежнюю должность. В 1690 г. он подал в отставку и отошел от дел, уединившись в своем родовом поместье Роффорде. Тихие рощи, окружавшие старинный замок, располагали к литературной деятельности. Из-под пера Галифакса один за другим появляются настоящие шедевры публицистики: "Черновой на-

бросок новой морской модели", "Советы избирателям парламента", "Мысли и рассуждения о политике", "Государственные принципы", "Мысли и рассуждения о морали", собрание афоризмов под названием "Мысли и рассуждения о разном". Судя по названиям работ, они все были написаны на основе личного опыта, наблюдений и суждений о людях, с которыми довелось общаться маркизу, о политиках и государственных деятелях, с которыми он бок о бок трудился в министерстве или в парламенте, о событиях, очевидцем которых становился. Однако перед нами предстают не просто мемуары удачливого политика и высокопоставленного сановника. Произведения Галифакса наполнены глубоким содержанием, в них присутствуют философские рассуждения, отличающиеся прозорливостью и мудростью политика и партийного лидера.

Ученые XX в. высоко оценили литературные творения Галифакса. Гуч отмечал, что хотя маркиз и не создал какого-нибудь объемного труда, однако все его трактаты содержали "больше мыслей и рассуждений, нежели иные произведения подобного рода во всей английской политической литературе"⁴⁵. На взгляд Рида, все написанное Галифаксом на основе его практической деятельности – это "плод рассуждений политического мыслителя"⁴⁶.

Произведения Галифакса носили преимущественно просветительский характер. В своих работах он поднимал те же самые проблемы, которые волновали многих его современников – признанных идеологов Просвещения. Подобно им, Галифакс проявлял интерес к вопросам происхождения государственной власти, формам ее правления, теориям "разделения" и "равновесия властей", гражданским и личностным свободам. Важное место в его творчестве занимали также вопросы религии, морали.

Галифакс являлся сторонником "договорного" происхождения государственной власти. Хотя он и не анализировал подробно данную теорию, вместе с тем высказал свои соображения о главном участнике договора – народе. На его взгляд, большая часть народа от природы "глуха и пассивна", потому и не способна к какому-либо "движению". Народ всегда нуждается в управлении. И подобно тому, как ребенок не может обойтись без наставника, так и народ не в состоянии лишиться своего правителя. Однако не следует забывать, предупреждал Галифакс, что "благодарность народа кратковременна, тогда как его гнев продолжителен", а потому народные массы не следует провоцировать на какие-либо антиправительственные выступления. В качестве одного из средств удержания народных низов в повиновении Галифакс предлагал позволить им "выискивать ошибки у тех", кто стоит над ними, т.е. у правителей. В трактате "Мысли и рассуждения о политике" Галифакс, касаясь выступлений народных масс против правителей, писал, что они всегда обречены на провал, поскольку народ не способен объединиться, тогда как

"в единстве всегда больше силы, чем в численности". Не умея добиться единства в "правом деле", народ терпит поражение, а власти этим "гнусно пользуются". И все же Галифакс советовал правителям не провоцировать народ, если они не желают "опасных действий" с его стороны⁴⁷.

Подобно другим просветителям, Галифакс защищал теорию разделения властей. Он считал законодательное учреждение (парламент) "существенной частью конституции". На взгляд маркиза, парламент должен быть "всемогущим", и только тогда он сможет оказать правителю действенную помощь в его "мудром правлении". Парламентариям же не следует забывать, что их главная цель – это "благо тех, кто их избирает". Между тем английский парламент весьма далек от совершенства, поскольку, на взгляд Галифакса, напоминает собой "войска противоборствующих партий, стремящихся к достижению преимуществ каждая для себя". К тому же некоторые депутаты очень много говорят о защите свобод народа, но слишком мало делают для реализации своих обещаний. Задумываясь над тем, как же улучшить существующее положение дел в парламенте, Галифакс пишет памфлет "Некоторые предостережения, предлагаемые вниманию тех, кому предстоит избирать членов будущего парламента". В нем он подробно разъясняет, кого не следует избирать в парламент.

Галифакс считал, что представители администрации графств и городов несут ответственность за кандидатов в парламент и потому "плохой выбор" может свидетельствовать об их собственных "способностях и морали". Поэтому те, кто посылает своих представителей в Вестминстер, должны позаботиться, чтобы эти люди достойно защищали "права и честь графств". Галифакс обращал внимание на излишнюю активность тех лиц, которые желают попасть в парламент, что отнюдь не может служить "хорошим симптомом". В графствах и городах разгорается настоящая война за выдвижение кандидатов. В спешке порой не успевают даже проверить достоверность сведений о кандидатах. Все это, считал Галифакс, вызывает подозрения.

Маркиз сомневался в том, что кандидаты, стремившиеся в парламент, не думали о личной выгоде. Человечество настолько продажно, утверждал он, что было бы "наивным и смешным" допустить, будто у тех, кто избирается в парламент, отсутствует личная выгода. Он настоятельно рекомендовал отбирать кандидатов "особенно тщательно", поскольку народ доверяет парламентариям свои свободы и деньги.

Галифакс напоминал депутатам, избранным в парламент, о том, что они не должны "манкировать своими обязанностями". "Если они не посещают заседания из лени, – писал он, – то пусть и остаются дома, а если не являются в палату, чтобы избежать процедуры голосо-

вания по важным вопросам, то позвольте им остаться мудрыми, но никогда впредь не выдвигайте на должности, где требуется служение народу". Предостерегая избирателей от выбора депутатов, "пренебрегающих своими обязанностями", Галифакс заявлял, что будь его воля, то подобных "слуг народа" он заточил бы в тюрьму как "банкротов, не выплативших долги". У него не вызывали доверия и те парламентарии, которые, хотя и присутствуют на заседаниях, однако в мыслях "витают далеко" и заняты лишь "своими личными делами". Подобных депутатов, равно как и лиц, "чрезмерно занятых своим бизнесом", Галифакс не советовал избирать в парламент. Он считал, что сверх меры "активные бизнесмены" вряд ли будут объективно рассматривать вопросы, связанные с общественными интересами.

Просветитель категорически высказывался против избрания в парламент лиц, отличавшихся пристрастием к спиртному. "Очень вероятно, — писал он, — что принципы таких людей будут столь же основательными, как содержимое в их бутылках, на дне которых они черпают свои аргументы". Галифакс считал злоупотребление спиртным "наименее приемлемым" для парламентариев. У него не вызывали доверия также лица с небольшим достатком, но обремененные многочисленными домохозяевами. Маркиз считал, что нуждающихся людей легче подкупить, нежели состоятельных. "И хотя возможно допустить, что нуждающийся человек останется честным, — писал Галифакс, — вряд ли он будет мудрым, понимая подобную зависимость". Допуская, что среди людей с небольшим достатком найдется немало таких, "чьи добродетели возвышаются над их желаниями", он, однако, не советовал бороться с искушением и предлагал исключить возможность подкупа, избирая в парламент более состоятельных граждан. Да и вообще Галифакс был твердо убежден в том, что нельзя избирать в парламент лиц, "не владеющих значительной собственностью" в графстве или бурге. На его взгляд, "чужаки" вряд ли позаботятся об устранении "злоупотреблений" в графстве, которое для них "чуждо".

Большим недостатком парламента в последнее время, по мнению Галифакса, стало избрание в его ряды людей, которым "еще в пору учиться в университетах". Он считал, что парламентариями не должны становиться люди моложе тридцати лет. Однако допускались и некоторые исключения. И молодые депутаты, проявившие себя как "приверженцы свободы" и избранные за это своими графствами, могут продолжать свою парламентскую деятельность. Им это только пойдет на пользу, поскольку парламент является "лучшей школой для молодежи". Впрочем, он остается школой и для людей более зрелого возраста. Ведь не секрет, что в палату общин нередко попадают ошибочно лишь на том основании, что "преуспели в политике местного масштаба". И вряд ли такие депутаты

принесут "что-нибудь стоящее" для палаты общин. Галифакс приходил к заключению о том, что ради общего блага будет хорошо, "если молодые люди не будут торопиться с вступлением в парламент, а пожилые не будут затягивать с уходом из него".

Совершенно непригодными для парламентской деятельности Галифакс считал так называемых салонных шаркунов. Мысли подобных людей заняты лишь заботой о собственных париках, а их познания ограничиваются "тонкостями в области моды и нарядов". Не место в парламенте также завсегдатаям клубов и кофеен. Такие джентльмены любят "покрасоваться" в обществе, "пустить пыль в глаза", но их тщеславие и пустая болтовня не что иное, как "дешевый блеск". Люди подобного сорта, считал Галифакс, ни в коей мере не способны к созидательной деятельности и законотворчеству.

Галифакс являлся противником избрания в парламент людей, отличавшихся властным характером и поступающих несправедливо по отношению к своим согражданам. Он считал, что такие люди не смогут достойным образом защищать в Вестминстере законы и свободу. Если сами нарушители законов попадут в парламент, то очень скоро все его скамьи займут вчерашние арестанты. Так что лучше избегать таких депутатов, которые своим поведением способны "нанести урон нации", признавал Галифакс. Он предостерегал от избрания в парламент также "чрезмерных мотов" и "неразумных скряг". Расточительные люди, на его взгляд, проявляют алчность, поскольку опасаются, что им никогда не будет всего хватать вдоволь. Скряга полагает, что не сможет накопить достаточно денег. Кроме того, неразумно выдвигать в кандидаты и тех людей, которые на прежней службе "слишком вольно обращались с общественными деньгами". И те, и другие, по мнению просветителя, являются "рассадником заразы" и потому не должны допускаться в общественное собрание.

Хотя Галифакс высказывался против избрания в парламент "недостаточно квалифицированных" кандидатов, в то же время он не одобрял и выдвижение "слишком сведущих людей". Как правило, в ряды последних попадали юристы. Галифакс с иронией отзывался о них, отмечая, что они не только усаживаются в кресло спикера, но готовы войти в состав любого парламентского комитета, где только есть вакансия. Ему представлялось разумным исключение из парламента практикующих юристов, ведь пока парламент заседает, ни один из его членов не должен заниматься частной практикой. Кроме того, юристы привыкли брать за свои услуги вознаграждение, и нет никакой гарантии, что и в парламенте они не поведут себя подобным образом.

Категорически высказывался Галифакс против избрания в парламент представителей от политических партий. "Партийные люди свободны только на словах, — подчеркивал он, — в действительности они являются рабами". Даже в мирное время партии находятся в "со-

стоянии войны". Являясь сторонником какой-либо партии, человек уже не вправе руководствоваться собственным умом и чувствами, но должен следовать партийным установкам, если даже таковые "расходятся с его собственными добрыми намерениями и моралью". Если же кто-нибудь из членов партии пожелает покинуть ее ряды, его тотчас назовут "дезертиром". Чрезмерная активность и необъективность партийных депутатов затрудняет работу парламента. "Совершенно очевидно, — констатировал Галифакс, — что до тех пор, пока подобное собрание разгневанных мужчин, играя в футбол, не перебьет всех окон, вряд ли они проявят рвение к делам нации, которыми должны заниматься". Галифакс предостерегал избирателей от выборов партийных кандидатов, напоминая, что партии обладают такой властью, что смогут добиться отмены любого закона, либо "наобещать то, что впоследствии не выполнят". Трудно сказать, чем объяснялись подобные антипартийные высказывания Галифакса, если учесть, что сам он тесно сотрудничал с партией вигов. Нередко его даже называли одним из лидеров этой партии. Быть может, и здесь сказалась позиция Галифакса как "триммера" — занимать "среднее", "промежуточное" положение между двумя "крайностями" — партиями?

Галифакс обращал внимание избирателей на людей, которые, баллотировавшись в парламент, преследуют единственную цель: "извлечь какую-нибудь личную выгоду для себя". Парламент из подобных депутатов станет походить скорее на "компанию торгашей, обдeldывающих свои делишки", нежели на законодательное учреждение, цель которого — "служение народу". На взгляд Галифакса, "нет ничего более постыдного, чем стремление получить за свою службу хорошую должность". Между тем среди кандидатов в парламент встречается немало таких, которые козыряют своим заслугами перед отечеством (к примеру, участием в событиях Славной революции) и требуют за это депутатского кресла. Галифакс считал, что служба "всех видов" должна вознаграждаться, как и любой другой труд, по расценкам, установленным специальным статутом. "Но должна же быть мера и скромность в требованиях, — восклицал просветитель, — чтобы власть была в состоянии удовлетворить их". Пока же государственная казна так "напряжена", что не может восполнить частные вознаграждения. Подобные "претенденты на чрезвычайные заслуги" полагают, что их недооценили, и потому они постоянно твердят о необходимости "бесконечных вознаграждений". Между тем, считал просветитель, "настоящая заслуга подобна реке, чем она глубже, тем меньше шума издает". Громогласные заявления о собственных заслугах вызывают, на его взгляд, подозрения в их "истинности". Лучше не избирать в парламент людей, которые слишком много ожидают от парламентского жалования.

Галифакс высказывался против избрания в парламент должностных лиц, полагая, что "ни один человек не должен служить двум господам сразу". Он осуждал и выдвижение в кандидаты тех, кто подозревался в "скандальном получении пенсий". Правда, порой, сетовал просветитель, бывает весьма затруднительно выявить подобных лиц. На его взгляд, таковыми могут быть люди, оппозиционно настроенные ко двору; те, кто явно живет "не по средствам", а также лица, ведущие "аморальный и скандальный образ жизни", но при этом "довольно фамильярно" обращающиеся с королем. Одним словом, заключал просветитель, подобных "пенсионеров", кто бы они ни были, вряд ли стоит избирать в законодательное учреждение.

Не одобрял маркиз и депутатов от армии. Когда военные люди начинают заниматься гражданскими делами, рассуждал просветитель, то проку от этого бывает очень мало. Ведь офицер привык подчиняться приказам, тогда как парламентарий должен быть свободным в своих решениях. Конечно, бывают мужественные офицеры, способные поддержать законы, если видят, что таковые нарушаются, однако, выражал сомнение Галифакс, вряд ли у них найдется достаточно времени, чтобы разобраться, как эти законы издаются. Вызывает беспокойство и возможность подкупа военных депутатов. Вообще лучше использовать граждан "в свойственной им сфере", заключал Галифакс.

Трактат просветителя завершился следующими пожеланиями: "После того, как я высказал свои соображения в отношении тех, кто не должен избираться в парламент, меня могут спросить, кого же следует выбирать? Отвечу так. Избирайте англичан! Ну, а если говорить откровенно, то я не думаю, чтобы подобных кандидатов так легко было бы найти"⁴⁸. По-видимому, близкое знакомство Галифакса со многими парламентариями и позволило сделать столь неутешительные выводы о своих согражданах, избираемых в законодательное учреждение. Данный трактат, на взгляд Гуча, "язвительный и даже циничный", позволял заключить, что только "парламент из галифаксов" мог удовлетворить придиричивому вкусу маркиза⁴⁹. В то же время высказывания Галифакса о том, какими не должны быть члены парламента, позволяли представить его идеал "слуги народа". Примечательно, что важное место в этом "идеале" занимали моральные качества. Избранники народа, полагал Галифакс, должны быть людьми честными, неподкупными, мужественными, ревностными защитниками свобод народа.

Являясь сторонником теории "разделения властей", Галифакс, как и другие просветители, считал, что исполнительная власть должна вверяться в руки монарха и его министров. Первейшая обязанность короля – подчинение законам, издаваемым парламентом. Именно законы, на его взгляд, ограничивают исполнительную власть, возложенную на правителя. Хотя Галифакс и допускал за

королем сохранение определенной прерогативы, тем не менее он не должен нарушать закон. «Прерогатива, которая направлена к нарушению всех законов, – писал Галифакс в трактате "Мысли и рассуждения о политике", – должна быть уничтожена, поскольку прерогатива и есть закон». На его взгляд, королевская прерогатива ограничивается "ради общего блага народа"⁵⁰.

В своих трудах Галифакс рассматривал вопрос и о взаимоотношениях правителя с народом. Он полагал, что "без любви не может быть настоящей преданности", и если подданные боятся монарха в силу того, что он вправе их наказать, то они могут пожелать от него избавиться. Поэтому правитель не должен "сосуществовать со своим народом как пленник, находящийся в стане неприятеля, готовый в любой момент отразить нападение извне", а обязан завоевать любовь и уважение своих подданных. И если он не наносит вреда своему народу, "не изводит его рабским подчинением", то вправе надеяться на послушание с его стороны. В трактате "Государственные принципы" Галифакс советовал королю лучше прислушиваться к тому, о чем говорит народ и на что он жалуется. Правитель должен проявлять заботу о том, чтобы большая часть народа не высказывала своего недовольства, ведь "если гнев народа не остановить вовремя", то он может обратиться против него. Кроме того, королю надлежит постоянно заботиться о поддержании своего авторитета в глазах народа. Когда пример монарха перестает действовать, это верный признак того, что его власть "теряется", и сам он перестает быть правителем⁵¹.

Галифакс обращал внимание на тот факт, что авторитет монарха в народе нередко падает из-за его окружения. В работе "Мысли и рассуждения о политике" он резко высказался о придворных. На его взгляд, королевский двор напоминает собой компанию "хорошо воспитанных светских попрошаек". Человеку гордому, стремящемуся к созидательному труду, лучше не показываться при дворе: его способности и талант должным образом не оценят. Ну а тот, кто хочет сделать карьеру при дворе, должен туда "пробираться на четвереньках, ибо место при дворе, как и место на небесах, достается только тому, кто стоит на коленях"⁵².

Большое место Галифакс отводил вопросу о государственных чиновниках, поскольку считал, что "хорошее правление" возможно только при "хороших чиновниках". Он отмечал, что в народе проявляется недовольство и раздаются сетования на плохое управление. И вообще человечество судит о добре и зле по тому, как – плохо или хорошо – руководит им правительство. На взгляд Галифакса, "нация – это масса глины, которой правительство придает форму". Если в стране процветает торговля, повышается образовательный и культурный уровень населения, значит государством управляет "мудрое правительство". Отдельные просчеты и ошибки государствен-

ного аппарата происходят из-за отсутствия в нем компетентных и деловых людей. "Так много требуется для того, чтобы быть хорошим министром, что неудивительно, почему таковых немного находится в мире", – сокрушался Галифакс⁵³. Просветитель считал, что правитель должен предъявлять к своему ближайшему окружению требование: ни в коей мере не допускать, чтобы придворные или министры оказывали на него какое-либо давление. "Власть правителя уменьшается, если он делит ее со своими фаворитами, – подчеркивал Галифакс. – И вообще, партнер в правлении – вещь совершенно противоестественная"⁵⁴.

Не ограничиваясь критикой чиновников, Галифакс в памфлете "Государственные принципы" высказывал предложения, направленные на улучшение государственного аппарата. Он советовал правителю при выборе любого министра учитывать в большей мере заслуги, а не лояльность кандидата на эту должность. Не следует забывать, что только "определенные качества и достоинства могут служить основанием для вхождения в состав правительства, а невежество, хотя и высокородженное, никогда не должно допускаться к общественным делам"⁵⁵.

В своих работах Галифакс поднимал вопрос и о судебной власти. В трактате "Характер триммера" он утверждал, что опасается нежелательных последствий в случае, если правосудие начнет испытывать давление "сверху", либо попадает в руки "несведущих людей". "Народ опасается, – писал он, – что вместо защиты подобные деятели начнут с помощью закона избивать нас дубинками и покушаться на собственность, которую мы поручили им охранять"⁵⁶. Просветитель обращал внимание на запутанность судопроизводства и некомпетентность судебных чиновников, что наносило большой вред правосудию в целом. Ведь порой, сетовал Галифакс, "требуется больше знаний для объяснения законов и их толкования, чем для их издания", и складывается впечатление, будто юристы в своей деятельности "поклались не выдавать каких-то секретов". Если же законы "правильно толковать" и со вниманием к ним относиться, то они обращаются в "сокровища" страны⁵⁷.

В произведениях Галифакса встречается немало интересных высказываний по поводу политических партий, к которым маркиз относился с явным осуждением. В памфлете "Мысли и рассуждения о политике" он утверждал, что "партийная вражда разделила мир на два лагеря". Представители каждой из партий, по его мнению, забывают обо всем на свете, кроме самих себя. Галифакс подчеркивал, что многие люди присоединяются к партии "торопливо", а затем очень скоро покидают ее ряды, испытывая "чувство стыда". Он считал, что никто в партии не должен высказывать собственного мнения, и, как правило, счастливыми бывают те из них, кто придерживается "общепринятых взглядов". За последнее время партии вклю-

чилились во все сферы деятельности, и потому люди, даже хорошенько не подумав и не разобравшись в целях и задачах партий, торопятся присоединиться к той из них, к которой "испытывают меньшую неприязнь". А те, кто не вошли в партию, выглядят, как "оставшиеся не у дел". Люди присоединяются к партии "по незнанию", и только стыд удерживает их от выхода из ее рядов; каждая партия, пребывающая в оппозиции, критикует ошибки администрации, совершенно не задумываясь о том, что может совершить еще более серьезные прегрешения, когда сама окажется у власти. Переоценивая свои возможности, не пытаясь взглянуть на себя критически, партии, как правило, не в состоянии добиться успеха, в особенности, если речь идет об отставке правительства. Галифакса возмущало то, что партии выступали от лица народа. «Партии в государстве подобны пиратам, маскирующимся в фальшивые наряды, – писал он в трактате "Государственные принципы". – Они выдвигают требования о народном благе, а в действительности преследуют свою реальную выгоду».

Все вышесказанное позволяло Галифаксу заключить, что партии "позорят всю Англию"⁵⁸. Подобные негативные оценки, которыми наделял партии Галифакс, свидетельствовали о его явном недопонимании той роли, которую им суждено было сыграть в политической жизни страны. По мнению историков, маркиз отказывался признавать "ценные элементы в партийной системе", и, быть может, именно поэтому он оказался "последним из длинного ряда государственных деятелей", которые считали возможным управлять страной, не обращаясь к партиям⁵⁹.

Важное место в произведениях просветителей, как мы могли убедиться, занимали их рассуждения о гражданских и личностных свободах. Неоднократные выступления Галифакса в парламентских дебатах способствовали защите им свободы слова и совести в английском королевстве. Галифакс называл свободу "возлюбленной человечества". Он утверждал: "Свобода обладает таким властным очарованием, что порабощает нас, и мы открываем в ней все новые и новые ценности, которых в ней, возможно, нет вовсе. Однако, если бы она не была столь прекрасна, то мир, возможно, не сходил бы из-за нее с ума"⁶⁰. Стремление к свободе, на взгляд Галифакса, не должно никем ограничиваться или подавляться, и потому те, кто пытается лишить народы свободы, как правило, терпят неудачу.

Галифакса интересовал вопрос о том, должна ли свобода быть безграничной, а если нет, то в какой степени и кем она регламентируется. Он прочно увязывал свободы людей с государственными законами, видя в последних средство ограничения. И хотя Галифакс признавал, что власть и свобода "редко находятся в добрых отношениях" и редко вступают в прочный союз, поскольку

трудно объединить их вместе, так как они "ссорятся на расстоянии", тем не менее он был уверен в том, что следует искать пути компромисса. Ведь, на его взгляд, "власть и свобода подобны жаре и влаге, когда они хорошо сочетаются, то все процветает, а если наступают поодиночке, то все приходит в запустение"⁶¹.

Пример наиболее органичного сочетания власти и свободы Галифакс усматривал в правлении конституционной монархии, утвердившейся в Англии после Славной революции. "Наше правление справедливо противится возвышению как власти, так и свобод", – писал он на страницах "Характера триммера". И хотя власть и свобода в "смешанном" правлении пребывают в "состоянии борьбы", однако этого не следует опасаться, поскольку государственное правление в стране "подобно нашему климату, когда ветры приносят с собой шум и волнение, но в то же время они способствуют очищению воздуха, чем облегчают наше существование". "Хотелось бы верить, – продолжал свою мысль Галифакс, – что свежий ветерок, утвердивший свободу, не обратит ее в штормовой ураган, который сметет само государство". И если дело не дойдет "до конвульсий", то свобода народа только укрепит здание конституции, заключал просветитель⁶².

Галифакс неоднократно высказывался и в поддержку свободы слова. Он осуждал введение цензуры в печати, ратовал за свободное высказывание граждан. Особенно беспокоило его отсутствие достаточной свободы прений в парламенте. На взгляд Галифакса, "свобода мнений – это то, что должно охраняться в парламенте в первую очередь"⁶³.

Особое внимание Галифакс уделял вопросу о религиозной свободе. Хотя маркиз, по признанию Маколея, многими современниками почитался "за атеиста", сам он отвергал подобное обвинение и был настроен даже "более религиозно, нежели большая часть государственных людей того века"⁶⁴. Галифакс был твердо убежден в том, что религия играет важную роль в жизни человека и что она обладает "неоспоримым влиянием на все человечество, поскольку является составляющей его земного счастья". Он называл религию "возвышенным разумом", основой всех добродетелей, "улучшенной и возвышенной моралью", способной "просиять разум". Цель религии – "освободить души людей от рабства, страстей, неограниченных во всем appetitов". Так как религия тесно связана с государственным правлением, она должна соответствовать "климату и конституции страны" таким образом, чтобы "удерживать людей в добровольном послушании", способствуя "укреплению общественного согласия"⁶⁵. Из высказываний Галифакса становилось очевидным, что сам он являлся сторонником протестантской религии, очень о ней "радел" и выступал против неразумных попыток тех, кто пытался ее разрушить.

Особое внимание просветитель уделял вопросу о диссентерах. Хотя он и был далек от мысли, чтобы оправдывать тех, кто отделился от государственной церкви, и считал религиозные собрания неконформистов "далеко не безобидными", полагая, что сами они в любой момент способны нанести урон государству, поскольку "для диссентера просто невозможно не быть мятежником", тем не менее осуждал жестокие репрессивные законы в отношении к ним. Галифакс был убежден: истинная религия не способна существовать "без милосердия, гуманного благоразумия, прощения и снисхождения". Он полагал, что государственная церковь не должна проявлять жестокости по отношению к диссентерам⁶⁶.

Между тем подобное лояльное отношение Галифакса распространялось далеко не на всех диссентеров, а лишь на протестантских неконформистов. Что же касается диссентеров-католиков, то к ним просветитель относился иначе. С одной стороны, он утверждал, что "нельзя говорить, будто протестантские диссентеры – это хорошие люди, а католические – плохие", а с другой – обвинял католиков в нелояльном отношении к существующему правлению в стране. Галифакс утверждал, что католики пользуются незаслуженной охраной закона, несмотря на их "опасные замыслы" в отношении конституционного устройства страны. Обращаясь к недавним годам Реставрации, маркиз подчеркивал, что в правление Карла II и Якова II власти весьма благосклонно относились к католикам, рассматривая католицизм как религию, наиболее благоприятную "для расширения королевской прерогативы". Между тем, продолжал свою мысль просветитель, паписты, занимавшие должности в государственном управлении, предпринимали различные шаги, направленные на ослабление государственной власти. Некоторые из них и поныне продолжают оставаться на своих местах, а потому надлежит отнестись к ним "более строго". "Если их религия не удерживает от того, чтобы не собираться в ульи и не жалить, то правительству следует позволить удалить их жало", – заключал Галифакс⁶⁷.

Просветитель полагал, что не следует с особой заботой относиться к тем католикам, которые враждебно настроены к существующим в Англии порядкам. В то же время он не исключал возможности установления диалога со "светскими папистами". Если они не проявляют открытой враждебности к конституции страны, то с ними возможно сотрудничать, к примеру, при решении вопроса о собственности, так как это заставит католиков не быть столь щепетильными по отношению к своей религии. Любой разумный католик поймет, что вполне можно жить в мире и согласии, если не выступать против власти и государственной религии. По отношению к католикам, которые готовы сотрудничать с верующими других конфессий, просветитель допускал некоторое "смягчение"

законов, однако он не настаивал на отмене репрессивного законодательства в целом. Галифакс полагал, что не следует требовать от верующих отречения от их веры ("ведь не лишают же их родины"), но советовал добиваться "смягчения разногласий" между приверженцами различных конфессий. Важную роль в этом процессе способен сыграть, на взгляд просветителя, парламент. Галифакс призывал проявлять умеренность в отношении к диссентерам, полагая, что это будет способствовать достижению общественного мира и согласия в стране⁶⁸.

В трактате "Характер триммера" Галифакс высказывал также свои суждения о представителях духовенства. Он обвинял некоторых из них в "чрезмерном рвении к расширению церковной юрисдикции", что отнюдь не походило, на его взгляд, на "рвение апостолов". Просветитель возмущался тем, что некоторые священнослужители, облачившись в церковные одежды, "наподобие старых стражников Тауэра", поступают, как им кажется, "по-королевски", хотя не должны делать ничего сверх того, за что им причитается жалование. Как просветитель Галифакс обращал внимание на недостаточно высокий образовательный уровень духовенства. Поскольку число грамотных прихожан увеличилось в сравнении с предыдущими столетиями, то и духовенству надлежит позаботиться о повышении своих знаний, полагал маркиз⁶⁹.

Как уже отмечалось, все рассуждения Галифакса о конституционном устройстве Англии строились по преимуществу на основе его практической деятельности. Занимая высокий пост в административном управлении, он, что называется, "по долгу службы" был вынужден изучать различные проблемы, относящиеся к внутренней и внешней политике правительства. Вот почему в одном из разделов "Характера триммера" встречаются высказывания Галифакса о проводимой правительством политике за пределами страны. Мир так устроен, писал Галифакс, что просто невозможно для любой страны "не быть вовлеченной в серьезные дела" с соседними государствами. Положение Англии в этом отношении представлялось просветителю "удачным" из-за ее островного расположения. Тем не менее, как свидетельствовала вся история Англии, на протяжении столетий она была более всего тесно связана с двумя великими державами – Испанией и Францией. Однако поскольку эти страны нередко "соперничали" друг с другом, то на долю Англии выпадала роль "постоянного их посредника". Но за последние годы отношения Англии с этими странами изменились в худшую сторону в силу того, что каждая из сторон "совершила немало ошибок". Большую вину за просчеты во внешней политике Англии Галифакс возлагал на Оливера Кромвеля, который вместо того, чтобы поддержать Испанию, объединился против нее с Францией. Подобные действия Кромвеля маркиз считал "естественными для узурпатора", который не

являлся "законным отцом нации" и потому не мог заботиться о благе народа достойным образом.

Поскольку положение Англии в Европе заметно ухудшилось, то не исключено, по мнению маркиза, в любой момент нападение на страну внешних врагов. Чтобы не допустить этого, необходимо объединиться и мобилизовать все ее экономические и людские ресурсы для отражения возможной угрозы агрессора. Так как большая роль в защите морских рубежей Англии отводилась флоту, то Галифакс подробно рассматривал вопрос о его состоянии в памфлете "Черновой набросок новой морской модели".

Галифакс напоминал согражданам о том, что "островное положение" нередко спасало страну от "территориальных притязаний" со стороны ее соседей. "То, что мы живем на острове, – писал он, – делало нас свободными, богатыми и спокойными". Вместе с тем именно в силу своего "островного" положения англичане обязаны иметь сильный флот, который позволит им сохранить свою территориальную независимость. "Флот является жизнью и душой любого правления, – подчеркивал Галифакс, – и потому морская мощь Англии должна быть значительной"⁷⁰.

Не ограничиваясь общими рассуждениями о необходимости поддержания сильного флота, Галифакс предлагал конкретный проект его реформы. Важную роль на флоте играют офицеры, поэтому, подчеркивал Галифакс, следует надлежащим образом позаботиться о том, чтобы это были люди уважаемые и пользующиеся заслуженным авторитетом среди всех членов экипажа. Если морской флот, "единственный, кто способен защитить англичан", будет состоять исключительно из представителей низших слоев общества, рассуждал Галифакс, то вскоре страна окажется "вовлеченной в демократию". Вместе с тем, если все офицеры будут набираться из числа джентльменов, которые в силу своего образа жизни, образования, социального положения, а также чрезвычайного честолюбия и благоговения перед королевским двором способны превратиться в инструмент для "установления деспотического правления", то в стране начнется правление неограниченного монарха. Поэтому Галифакс приходил к заключению: необходимо формировать кадровый состав флота как из джентльменов, так и из простых матросов⁷¹.

Проявляя заботу о том, чтобы на корабле поддерживалась строгая дисциплина, необходимая для всего экипажа, а также, чтобы офицеры пользовались у матросов заслуженным уважением, Галифакс предлагал джентльменам до назначения их офицерами "пройти все ступени, ведущие к должности", начиная с самой первой – простого матроса на судне. "Полагаю, что джентльмены не смогут стать достойными морскими офицерами, если не побудут матросами", – подчеркивал маркиз⁷². И далее он излагал свои аргументы в поддержку подобного заявления. Начав свою службу рядовым мат-

росом, джентльмен научится подчиняться, держать "в узде" свои страсти и эмоции, будет лучше контролировать собственное поведение. Кроме того, память о жестоких наказаниях, выпадавших на долю матросов, отвратит его самого от слишком сурового обращения с ними. Все это, в свою очередь, выработает в будущем морском офицере "механизм сопротивления искушению власти", которое, на взгляд Галифакса, бывает очень велико. Только послужив рядовым матросом, джентльмен способен стать настоящим командиром экипажа, приходил к заключению просветитель.

Большое внимание Галифакс уделял проблеме нравственности в обществе. В "Новогоднем подарке для леди" и в ряде других своих произведений, прежде всего в "Мыслях и рассуждениях о морали", он писал о человеческой природе и поведении человека в обществе, о его взаимоотношениях с себе подобными, о правилах поведения в обществе и т.д. Когда человек обращается к выработанным в обществе правилам и принятым законам, то он полагает, что ничто дурное не может произойти там, где они действуют. Однако вскоре он сталкивается в обществе со множеством "нелепостей, абсурдностей, заблуждений", в результате чего начинает сомневаться в существовании законов и морали вообще. Галифакс признавал, что хотя еще имеется немало негативного в обществе и порой "пороки и заблуждения идут рука об руку друг с другом", однако человек обязан позаботиться об улучшении существующих порядков и сделать все возможное для совершенствования мира. Ведь "лучше беспокоиться о переустройстве мира, чем быть им слишком довольным"⁷³. С возрастом человек приобретает немало пороков и недостатков, избавиться от которых подчас нелегко, хотя и желательно. Одно из средств избавления от недостатков Галифакс усматривал в их публичном разоблачении.

В каждом из разделов трактата Галифакс затрагивал одну из проблем, над которыми он размышлял. Судя по названиям разделов ("Об амбициях", "О мошенничестве и обмане", "О глупости и глупцах", "О надежде", "О гневе", "О злобе и зависти", "О тщеславии", "О дружбе", "О деньгах"), круг его интересов был весьма обширен. Краткие и образные по форме, философские по содержанию высказывания мыслителя обращались в афоризмы. Рассуждая о человеческих амбициях, Галифакс писал: «Известные философы всегда были "сапожниками" в практической деятельности, но они обладали разумом, способным презирать это и возвыситься над обиденным». По поводу хитрости и мошенничества просветитель говорил: "Хитрость легко обращается в мошенничество, и каждый честный человек должен этому препятствовать", "Мошенники при любом правлении представляют собой корпорацию, они способны действовать сообща". О глупости и глупцах Галифакс писал: "Глупец располагает таким безграничным правом на ошибки, о каком любой здравомыс-

лящий человек не может и помышлять", "Глупость порой жестока в своих последствиях... Немало людей пострадало от бездумных ошибок друзей", "Болтун может быть неглупым, но никогда не станет таким тот, кто доверится болтуну", "Глупец восхищается всем, что доступно его разумению, умный – всем, кроме того, в чем он разбирается", "Мир соседствует лучше с глупцами, нежели обходится без них"⁷⁴.

Галифакс осуждал отдельные недостатки людей. К примеру о гневе он писал: "Справедливый гнев не менее опасен, чем гнев беспричинный", "Гнев подобен алкоголю: он одурманивает рассудок". Просветитель подвергал критике злость и зависть людей, утверждая: "Злость в сравнении с добротой подобна сильнейшему увеличительному стеклу", «Злоба имеет низменное происхождение и "длинные руки", ей даже смерть не преграда», "Злоба подобна похоти, когда она овладеет человеком, то уже не знает стыда", "Когда злобу не сдерживают, она способна все разрушить", "Если гнев еще можно как-то оправдать его внезапностью, то для злобы нет никаких оправданий, поскольку человек, объятый ею, располагает временем для обдумывания", "Нет худшей страсти, чем зависть", "До тех пор, пока зависть не покинет человека, он будет продолжать оставаться несчастным", "Человека ждет гибель, если зависть прочно в нем укоренится"⁷⁵.

Интересны высказывания Галифакса о тщеславии: "При свершении великих дел человек не может не быть тщеславным", "Тщеславие подобно людям, которые приятны в общении, когда молчат и не утомляют вас своим присутствием", «Тщеславие в разумных пределах необходимо человеку, однако не следует ему позволять "садиться вам на шею"», "Без определенной доли тщеславия таланты людей были бы сокрыты в них, как руда в рудниках", "Люди меньше стремились бы к знаниям, если бы не могли с их помощью выставить себя напоказ", "Одни пытаются узнать то, что никогда не знали прежде, другие стремятся поучать в том, в чем сами ничего не смыслят", "Тщеславный человек, поучающий других, забывает порой, что сам он является болваном", "Желание оставить после себя добрую память похвально и полезно"⁷⁶.

Весьма критически просветитель высказывался о роли денег в обществе. Он утверждал: "То, что можно купить за деньги, всегда имеет определенную цену", "Ум и деньги столь часто подменяют друг друга, что бывает порой нелегко их различить", "Государство деньгам придает столь же большое значение, что и его граждане", "Двигательной силой, а также главными материальными ресурсами в обществе являются люди, а не деньги", «Те, кто считают, что "деньги сделают все", сами способны "на все" ради денег»⁷⁷.

Хотя Галифакс высоко ценил образованных людей, он не мог не заметить тех, кто стремился выделиться "фальшивыми" знаниями.

О таких людях просветитель писал: "Обладание большими знаниями без применения их в жизни, подобно посеянному семенам, которые не дали всходов", "Почерпнутые знания из прочитанных книг подобны гардеробу со старой одеждой: они редко когда используются". Не обошел своим вниманием маркиз также вопрос о дружбе, когда писал: "Сборище глупцов опасно", "Купить дружбу невозможно", "Для того, чтобы удержать друга, необходимо не меньше усилий, чем при распознавании врага", "Не имея друзей, не наживешь и врагов", "В мире бизнеса с друзьями сражаются так же, как с врагами", "Уважение и доброта редко встречаются среди друзей", "Друзья стыдятся своей доброты", "Наша доброжелательность распространяется на тех, от кого мы чего-нибудь ожидаем, однако пусть они не надеются на наше уважение"⁷⁸.

Своеобразной коллекцией афоризмов оказалось и другое произведение Галифакса – "Мысли и рассуждения о разном". Наблюдения Галифакса точны, выразительны, во многом актуальны для наших современников, в чем читатель сам легко может убедиться: "В век коррупции было бы заблуждением полагать, что возможно навести хоть какой-то порядок", "Если человек любит давать советы, то это первый признак того, что он сам в них нуждается", "Если бы люди почаще задумывались над тем, что произносят, то они бы реже раскрывали рты", "Каждый думает о себе лучше, чем окружающие о нем", "Трудности только вдохновляют сильных людей", "Нет ничего смешнее философствующего глупца и ничего более редкого, чем настоящий философ", "Лучший способ предположить, что может произойти, это вспомнить то, что было в прошлом", "Думая о детях, не следует забывать, что повлиять на саженец нельзя, не изменив почвы, на которой он вырос", "Когда люди много рассуждают, они мало делают", "Ничто не сделает человека более мудрым, нежели его критическое отношение к собственным взглядам" и т.д.⁷⁹

Коллекция афоризмов Галифакса не была известна его современникам, поскольку была издана лишь в 1750 г. По оценкам специалистов, эти трактаты явились "наилучшими" произведениями Галифакса, поскольку в них автор говорил о том, о чем политики предпочитали умалчивать. Афоризмы маркиза, по утверждению Рейлиха, "будили мысль". Высоко оценил коллекцию афоризмов Галифакса и Гуч. На его взгляд, "прекрасные афоризмы" маркиза являлись "английским эквивалентом изречений Ларошфуко"⁸⁰.

Как это ни странно, но зарубежные исследователи наиболее высоко ценили те произведения Галифакса, которые не касались политики. К примеру, Рейлих называл маркиза "совершенным писателем", но при этом считал, что самым "притягательным" трактатом Галифакса являлся "Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери"⁸¹. Адресованное дочери Елизавете произведение содержало ряд советов для молодой девушки, однако глубина суждений и соци-

альный характер подобных рекомендаций были таковыми, что сделали книгу незаурядным явлением во всей литературной жизни Англии. Автор был поставлен в один ряд с известным просветителем лордом Болингброком.

Низкий уровень образования даже у многих аристократок, а также падение нравственности в обществе в целом не могли оставить равнодушным Галифакса-просветителя и Галифакса-отца. Считая дочь "главным объектом своего внимания и заботы", он создал для нее собственную систему воспитания. Маркиз считал, что, соблюдая определенные правила поведения, дочь "счастливо устроится в этом мире". Умудренный житейским опытом, он хорошо понимал, что без подобных правил молодой девушке придется в жизни нелегко, и брался сам ознакомить ее с ними. Галифакс допускал, что какие-то из этих правил могут вызвать "протест" со стороны дочери, тем не менее считал, что их неукоснительно следует исполнять. Ну, а если дочь все же будет возражать, то он вправе, не ограничиваясь отеческой любовью, прибегнуть к отцовской власти и оказать на нее влияние. Признавая, что не все сказанное в "Наставлении" может быть доступным для понимания молодой девушки, Галифакс все же высказывал надежду в том, что по мере взросления ей "все сделается понятным".

Главное место в "руководстве поведением" для девушек должна занимать, по мнению Галифакса, религия. Для юной леди религия является "единственно необходимой вещью", своего рода руководством к жизни. Галифакс напоминал дочери, что "Бог находится в ней самой", поэтому в церкви, на публике следует оставаться "спокойной и строгой", молиться в тиши и не допускать "экзальтированного поведения", которым грешат подчас некоторые дамы, и которые только вызывают смех и осуждение окружающих⁸².

Полагая, что счастье женщины во многом зависит от того, как складывается ее семейная жизнь, Галифакс давал дочери ряд советов и по этому вопросу. Он указывал на существующее неравенство полов, которое подчас проявляется в браке. Признавая, что женщина в браке занимает подчиненное по отношению к "своему господину" место, Галифакс утверждал, что она от этого только выигрывает, поскольку при любых затруднениях может воспользоваться своим природным очарованием. "Вы обладаете большей силой своих глаз, нежели мы с помощью своих законов, — подчеркивал маркиз, — и имеете большую власть, благодаря своим слезам, нежели мы — своим аргументам"⁸³. Проявляя уступчивость, мягкость, нежность, женщина способна "без усилий" подчинить "своего господина", поставив его пред собой на колени, заключал Галифакс.

Просветитель отмечал, что одним из больших "неудобств" является то, что девушкам редко позволяют самостоятельно выбирать спутника жизни. Чаще всего это делают за нее родители или бли-

жайшие родственники. Благовоспитанность юной леди не позволяет ей отказаться от подобных рекомендаций "заботливых и опытных родственников", хотя внутренний голос порой противится их выбору. Девушка вынуждена подчиниться своей судьбе, и в результате ее нелюбовь к мужу со временем перерастет в отвращение к нему, а семейная жизнь превратится в сущий ад. Галифакс соглашался с тем, что законы брака более строги по отношению к женскому полу, поскольку требуют подчинения женщины мужчине. Да и само слово "подчинение" отнюдь не является "благородным", особенно оно ненавистно тем "экзальтированным" дамам, которые противопоставляют его фальшивому понятию "всеобщего равенства". Он признавал, что мужчины нередко поступают по отношению к своим женам как тираны, за что и подвергаются общественному порицанию. И все же "институт брака священен, утверждал Галифакс, и вряд ли можно протестовать против него". "Поэтому, — наставлял он дочь, — ты должна устраивать свою жизнь, основываясь на законе и обычаях, и не воображать понапрасну, что все это можно изменить"⁸⁴. Впрочем, полагал маркиз, из всякого правила бывают исключения, и если женщина испытывает ужасные страдания от семейной жизни с мужем-тираном или просто нелюбимым человеком, то она вправе прибегнуть к разводу. Подобные высказывания просветителя, отстаивавшего право женщин на развод в то время, когда общепринятым считалось, что браки вершились на небесах, а на земле они только освящались церковью, безусловно требовали определенного гражданского мужества. Ведь своими заявлениями Галифакс не только ставил под сомнение правила общепринятой морали, но, что могло вызвать серьезные опасения у священников, подрывал религиозные устои церковного брака.

Наставляя дочь в том, как лучше устроить свою будущую семейную жизнь, Галифакс давал ей ряд конкретных советов. Он предлагал не искать причины семейных неурядиц в ошибках мужа и не упрекать его в проступках. Ведь если тот умен, то исправится сам, а если глуп, то никакие попреки ему не помогут. Не следует распространяться о своих семейных неурядицах в обществе в поисках сочувствия. Подобные действия супруги скорее приведут к обратному результату: она сама делается посмешищем и объектом пересудов. Если же умолчать о проступках мужа, не придавать им значения, то тем самым можно приблизить его к себе, и он будет благодарен и признателен за все своей супруге.

Особое внимание в книге Галифакс уделял рассмотрению такого "распространенного в обществе явления", как пристрастие мужей "выпить более допустимого". Если муж злоупотребляет спиртным, то жене следует проявить "мудрость и терпение", считал Галифакс. В этом случае "его вино окажется на вашей стороне, скроет ваши собственные прегрешения и выставит вас в лучшем свете. Другие

люди станут любить его меньше, и по этой причине он, возможно, привяжется к вам еще больше". И вообще, заключал просветитель, проступки мужей приводят их на колени пред своими супругами, вынуждая соглашаться на диктуемые теми условия, тогда как "муж без недостатков – это опасный наблюдатель", который отнесется к проступкам своей супруги более строго⁸⁵.

Галифакс считал необходимым для молодой супруги заручиться расположением друзей мужа, которые нередко смотрят на нее, как на неприятеля, вторгшегося в чужие владения. «Ты должна знать, – предостерегал он дочь, – что мужчина, которым руководят друзья, очень легко ими "подогревается"». Поэтому не следует пренебрегать друзьями супруга, а лучше к ним отнестись со вниманием. Наконец, не следует упускать из виду также слуг (в особенности служанок), которые его обслуживали до женитьбы. Лучше всего заручиться их доверием и расположением, или пригласить в дом новых служанок, которые замужем и преданны супруге⁸⁶.

Большое внимание уделял Галифакс также вопросу о том, как должна леди управлять домом, а также ее отношениям с детьми. Он считал, что подобными обязанностями, возложенными на женщин, ни в коем случае не следует пренебрегать, поскольку это может повлечь за собой непоправимые последствия. Ведь если муж придет к заключению, что в доме нет порядка и покоя, то на этой почве могут возникнуть серьезные осложнения. Между тем некоторые замужние женщины манкируют своими прямыми обязанностями, полагая, что вряд ли стоит расходовать энергию и "наживать морщинки" из-за таких "обыденных предметов", как дом и семья. Их гордыня и тщеславие понуждают заключать, что подобные заботы не предназначены для "настоящих леди". Галифакс осуждал таких дам и напоминал, что даже "великие принцессы" не гнушались исполнять свой семейный долг, дабы "сохранить уважение" окружающих, хотя порой это наносило урон их государственной деятельности. Просветитель советовал дочери с большим вниманием отнестись к обязанностям матери и хозяйки дома. Прежде всего, считал он, надо позаботиться о том, чтобы заслужить уважение и почтение к себе как со стороны детей, так и со стороны слуг. "Должен сказать тебе, – обращался к дочери маркиз, – что никакое уважение не может быть продолжительным, его мы должны заслужить своими поступками, в определенной мере полезными тем, от кого мы этого уважения добиваемся... Ведь нельзя добиться почтения даже от детей и слуг, если не думать об их благе"⁸⁷.

Галифакс давал конкретные рекомендации, каких принципов должна придерживаться мать в отношениях со своими детьми. Он подчеркивал, что следует постоянно следить за своим поведением, сдерживать гнев и раздражение, стараться быть более терпимой и доброжелательной к детям, позволяя им "чувствовать доброту,

а не власть матери"⁸⁸. В то же время надлежит вовремя позаботиться о том, чтобы дети подчинялись матери. Научить их этому можно, если в раннем возрасте, окруженные заботой и лаской матери, они полюбят ее так, что в будущем будут исполнять все ее требования. Галифакс не советовал выделять среди детей своих "любимчиков". Воспитание сыновей, по его мнению, следовало доверять отцам.

Надо отметить, что представленные Галифаксом рекомендации относительно взаимоотношений матери с детьми, не были исчерпывающими. Они не охватывали всего воспитательно-образовательного процесса, через который проходили дети аристократов. И в том не было ничего удивительного, поскольку воспитанием в домах аристократов занимались, как правило, гувернеры. Материнское влияние на детей было весьма ограниченным. Уже в младенчестве и раннем возрасте дети находились на попечении кормилицы и няни. Как правило, кормилицами были неграмотные простолюдинки, которые, по словам философа Джона Толанда, "с молоком передавали младенцам свои заблуждения"⁸⁹. Влияние кормилиц усугублялось воздействием ленивых и невежественных слуг. И лишь по мере взросления дети переходили на попечение гувернера, который и начинал всерьез заниматься их образованием и воспитанием. Контроль же за образовательным процессом осуществляли, как правило, отцы. Поэтому неудивительно, что в семьях аристократов функции матерей нередко ограничивались лишь деторождением.

Галифакс давал в своей книге также ряд советов о том, как хозяйка должна вести свой дом и как ей обращаться со слугами. Он полагал, что слуги нуждаются в руководстве со стороны своих хозяев, которые заблуждаются, если полагают, что, заплатив им жалованье, могут "умыть руки" и больше не беспокоиться о них. На взгляд маркиза, подобное мнение ошибочно, поскольку слуги подобны "колесам экипажа": куда они повернуты, туда экипаж и движется. Вот почему крайне важно правильно руководить поведением слуг. Галифакс советовал обращаться к слугам дружелюбно, но требовательно, добиваясь от них исполнения своих обязанностей надлежащим образом. Не следует отдавать им распоряжения в резкой форме, поскольку "чем тише будет отдано приказание, тем скорее и лучше оно будет исполнено"⁹⁰. А если какое-то распоряжение не будет исполнено вовремя, то вряд ли следует "чересчур сердиться".

"Семейная тема" в книге Галифакса завершалась наставлениями относительно ведения семейного бюджета. Маркиз полагал, что тратить деньги "с умом" – это целая наука. Особенно нелегко достается женщинам, которые несут ответ за свои расходы перед супругом. Тем более, что речь идет не только о кошельке мужа, но и о его доверии. Галифакс предостерегал дочь относительно того, что утраченное доверие супруга восстановить гораздо сложнее, нежели вернуть растраченные деньги.

Большинство женщин расходует много денег на свои наряды, поэтому Галифак давал дочери ряд советов, как ограничить данную статью расходов в семейном бюджете. Он рекомендовал ей избегать в нарядах "кричащего, слишком пестрого", советовал со вкусом подбирать украшения, не злоупотреблять драгоценностями и носить то, что отвечает "занимаемому положению и состоянию и не разорительно для семейного бюджета". На его взгляд, следует руководствоваться принципом: "ничто так не прекрасно, как то, что уместно"⁹¹. По мнению Галифакса, тратить деньги дамам лучше на украшение собственного дома, чем на свои наряды. Благоустроенный и ухоженный дом, считал маркиз, придаст больше веса хозяйке, нежели все те сверкающие украшения, которые на ней надеты. Галифакс предостерегал дочь от приобретения "лишних вещей", которые покупаются только потому, что таковые "имеются еще у кого-то". В действительности, необходимых в быту вещей не так уж и много. Поэтому Галифакс советовал дочери прежде чем сделать покупку, хорошенько подумать над тем, так ли уж нужна ей та или иная вещь, которую она собирается приобрести. Подобными рекомендациями просветитель стремился привить дочери бережливость, умение обходиться минимальным количеством вещей, скромность в нарядах, словом все то, что позволило бы вести семейный бюджет экономно. Галифакс подчеркивал, что право совершать большие траты в хозяйстве остается за супругом, и потому "не дело жены узурпировать те обязанности, которые принадлежат мужу"⁹². Как видно, просветитель отнюдь не выступал за равные права женщин с мужчинами в решении финансовых проблем, затрагивавших прежде всего вопросы собственности.

Помимо рекомендаций о браке, семье, детях в книге Галифакса содержался интересный материал о том, как юную леди готовят к выходу в свет. Это событие, на взгляд маркиза, являлось "опасным шагом" для нее, и потому он призывал "проявлять осторожность и осмотрительность", а также руководствоваться определенными правилами поведения, главное из которых – сохранить незапятнанной собственную репутацию. Не следует никогда забывать о своем добром имени и о том, что общество осуждает не только "тщеславие мужчин, но и дурные намерения женщин". Галифакс стремился убедить дочь от влияния ветреных молодых людей, которые слыли этакими "платоническими любовниками", любили пофилософствовать, хотя на самом деле на уме у них были одни лишь развлечения. Он наставлял дочь: «Следует быть особенно внимательной в отношениях с подобными "хамелеонами", которые могут запятнать твою репутацию, чем нанесут глубокую рану, даже если ты ни в чем и не будешь замешана»⁹³.

Маркиз советовал также избегать общества дам, которые "из злобы или соперничества готовы скомпрометировать порядочную

женщину". Подобные особы стремятся выставить в дурном свете своих соперниц, чтобы самим выглядеть в глазах мужчин лучшим образом. Галифакс просил дочь не сближаться с подобными дамами, а также наставлял ее в правилах поведения в мужском обществе. "С мужчинами ты должна обращаться таким образом, чтобы обезопасить себя и не нанести обиды им", – писал он в своем "Наставлении..."⁹⁴. Маркиз предостерегал дочь от опасных последствий кокетства: "Ты должна помнить о силе своих глаз и о том, что один случайный взгляд может вызвать больше, чем сотня произнесенных слов, язык взглядов более значителен и заметен". Если девушка начинает кокетничать и флиртовать с ухаживающими за ней мужчинами, это может превратиться в "опасную игру с огнем", поскольку даже самый галантный из них, поначалу представлявшийся "добычей", вскоре сам становится "завоевателем", одерживает победу и из "обожателя и вздыхателя" превращается в господина и повелителя. "Нередко за красивыми словами скрывается злой умысел, поэтому с мужчинами следует всегда быть настороже", – утверждал Галифакс⁹⁵.

Маркиз наставлял дочь также в манерах поведения в свете. Он советовал ей быть любезной, предостерегал от чрезмерной болтливости, этакое "щебетания". Ему представлялось нелепым поведение дамы, которая болтает без умолку и не дает собеседнику вымолвить ни слова. Для дамы высшего света считается неприличным слишком громкий смех или разговор. Кроме того, не следует забывать, что для каждого возраста свойственен свой стиль поведения, и потому "не следует уподобляться пятидесятилетним дамам, которые решили навсегда остаться молодыми, тогда как время с его железными зубами свидетельствует об обратном"⁹⁶. Живость, игривость, излишняя веселость матроны выглядят комично, и "престарелая бабочка" вызывает только смех. Нельзя забывать, что всему свое время, заключал маркиз.

Хотя Галифакс и не сомневался, что дочь сама правильно разберется в том, что достойно осуждения, тем не менее он посчитал необходимым рассмотреть те качества, которые не украшали девушку. Так, он осуждал тщеславие, к которому "склонен весь женский пол", жеманство, гордыню, спесь. На его взгляд, девушка не должна гордиться своими нарядами, украшениями и тем, что на ней "больше кружев", чем на ее соседке. Юная леди всегда должна помнить: заслужить уважение к себе более важно, нежели иметь богато украшенные наряды.

Касаая вопроса о развлечениях молодых девушек из высшего света, Галифакс, хотя и признавал необходимость досуга для них, в то же время осуждал тех, кто превращал свою жизнь в цепь сплошных развлечений. Явно неодобрительно относился он к таким леди, которые "закатывали пирушки, приводившие к дуэлям"; без дела слонялись в Гайд-парке или по городским улицам, ловя восторженные

взгляды проходивших мимо мужчин; зимой превращали свои гостиные в игорные салоны или просто проводили время в праздности. Галифакс предостерегал дочь от подобного времяпрепровождения, в особенности от увлечения карточной игрой, которая могла, на его взгляд, привести ее в дурную компанию. Он советовал девушкам заниматься танцами, обучаясь самым модным из них под руководством учителя. Кроме того, следовало позаботиться и о выборе друзей, руководствуясь при этом прежде всего тем, чтобы друзья не сбили с пути. С выбором подруги лучше не торопиться. Сближение с ней должно быть постепенным. Если подругу в чем-то обвинили, не следует спешить присоединяться к тем, кто это делает, но не надо и слишком пристрастно ее защищать. Ведь если приятельница заслужила репутацию вульгарной женщины, ее "слава" может бросить тень на саму защитницу

Завершая свое произведение, Галифакс высказывал пожелание, какой бы он хотел видеть дочь в будущем. Он мечтал о том, чтобы она стала достойным "украшением семьи" и "образцом для себе подобных"; могла гордиться своим мужем, а он, в свою очередь, оценил ее "совершенства и добродетели", которые унаследуют их дети. Маркиз желал, чтобы дочь "сияла в свете истинным блеском, принуждая недоброжелателей уважать себя", и чтобы ее ум и доброта сделали ее заметной личностью. "Может быть, эти качества соединятся в тебе, – писал Галифакс, – позволь им быть твоими ангелами-хранителями и можешь быть уверена, что они никогда не оставят тебя без своего покровительства"⁹⁷. В подобных высказываниях маркиза вырисовывался тот портрет девушки, который представлялся для просветителя идеалом.

Как видно из произведения Галифакса, он уделял проблеме нравственности в обществе большое внимание. Об этом он писал и в других своих работах, и прежде всего в трактате "Мысли и рассуждения о морали". Галифакс признавал, что в жизни встречается еще много плохого и порой "пороки и заблуждения идут рука об руку друг с другом", однако человек обязан позаботиться об улучшении существующих порядков и сделать все возможное для совершенствования мира⁹⁸.

Книга Галифакса "Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери" сохраняла свою актуальность на протяжении целого столетия. Она оказала также большое влияние на потомков маркиза: дочь Елизавету и ее сына. В 1692 г. дочь Галифакса вышла замуж за третьего графа Честерфилда, а вскоре стала матерью четвертого графа Честерфилда. Именно ему суждено было стать автором произведения "Письма к сыну", которое получило даже бóльшую известность, чем книга Галифакса.

Дормер Стенхоп, четвертый граф Честерфилд (1694–1773), по утверждению М.П. Алексеева, занимал в истории английской лите-

ратуры XVIII в. особое место. Писатель, публицист, философ-моралист, историк, внук маркиза Галифакса приобрел литературную известность только после своей смерти. Между тем при жизни он, как и его знаменитый дед, активно участвовал в государственной и политической жизни страны, был известным дипломатом, а также одним из лидеров оппозиции и блестящим оратором в палате лордов. Иногда он издавал свои памфлеты, но делал это чаще всего под чужим именем. В результате сочинения философско-этического характера отдельных анонимов нередко приписывали авторству Честерфилда. Среди политиков и друзей граф быстро приобрел славу остроумного и занимательного собеседника, меткие суждения которого “подхватывались на лету, становились широко известными и попадали в современную печать вместе с анекдотами о нем журналистов”. Честерфилд был дружен со многими видными деятелями английского и французского Просвещения. Он высоко оценивал их литературную деятельность. “Когда я бывал в обществе мистера Аддисона и мистера Попа, – признавался граф, – я чувствовал себя так, как будто нахожусь с государями всей Европы”. В середине 50-х годов XVIII в. Честерфилд удалился от дел, поселившись в загородном имении, чтобы в сельской тиши заняться литературным трудом. Вскоре он создает свои знаменитые “Письма к сыну”. Однако автору так и не довелось узнать о судьбе своей книги. Лишь спустя год после его смерти имя Честерфилда приобрело “настоящую славу образцового писателя”⁹⁹. Не исключено, что своим появлением (или во всяком случае идеей, побудившей на написание подобного труда) книга Честерфилда была обязана произведению его знаменитого деда. “Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери” осталось непревзойденным шедевром общественно-политической и дидактической литературы в Англии XVII в.

Изучение общественно-политических и просветительских взглядов королевского министра маркиза Галифакса позволяет сделать заключение об их тождественности с теми, которых придерживались другие представители раннего Просвещения. Он встал на позиции Просвещения одним из первых в Англии, и, видимо, поэтому его концепция не включала в себя развернутых обоснований теорий общественного договора, разделения властей, сопротивления авторитарной власти, партийной оппозиции, которые нашли подробное толкование на страницах произведений других просветителей. Галифакс предпочитал подробно освещать те сюжеты, которые ему были хорошо знакомы из его практической деятельности, по работе в парламенте и в министерстве. Особенностью идейной платформы Галифакса, впрочем, как и всей его деятельности в целом, стала приверженность к умеренному курсу. И, пожалуй, собственное изречение Галифакса по поводу того, что “любая крайность одинаково плоха”, с полным правом могло бы послужить эпиграфом ко всей

его жизни и творчеству. Однако именно это стремление к поискам "золотой середины", желание избегать крайностей как в стратегии, так и в тактике сделали Галифакса, даже на взгляд наших современников, одним из интереснейших политиков Англии. И правы оказались исследователи творчества Галифакса, призывавшие современных политиков извлекать для себя уроки из его произведений.

Последние годы жизни Галифакс провел в Эктоне, неподалеку от Лондона. Когда возникала необходимость, он отправлялся в столицу для того, чтобы принять участие в голосовании по законопроектам, обсуждавшимся в парламенте. Особенно активную роль сыграл Галифакс во время рассмотрения законопроекта о возобновлении действия цензуры в печати в 1695 г. Участвуя в прениях, он выступал с резкой критикой данного законопроекта, заявлял, что он направлен против общественных интересов, поскольку подчиняет всю информацию "деспотической воле корыстного и невежественного цензора"¹⁰⁰. Благодаря твердой позиции Галифакса, а также других видных деятелей Просвещения (Д. Локк, Д. Дефо), свободу слова в Англии удалось отстоять.

В 1695 г. сын Галифакса лорд Ирланд обручился с леди Мэри Финч, дочерью давнего друга маркиза – графа Ноттингема. Приближался день их свадьбы, однако тяжелая болезнь, внезапно настигшая маркиза, помешала ему прибыть на брачную церемонию. Наблюдавшие за состоянием здоровья Галифакса врачи вынесли суровый приговор: ему оставалось жить всего несколько часов. Они предложили послать за сыном, однако маркиз, принявший известие "со спокойным мужеством", не пожелал расстраивать свадьбу. Он успел еще распорядиться, чтобы его похоронили "без всякой пышности", и тихо скончался.

Смерть маркиза не осталась незамеченной в обществе. Как писал Маколей, публику очень взволновала кончина "изящнейшего, просвещеннейшего, благороднейшего из государственных людей, воспитавшихся в школе продажного и развратного Уайтхолла" периода Реставрации¹⁰¹. Галифакса похоронили в Вестминстерском аббатстве, в капелле Генриха VII, неподалеку от гробницы королевы Марии, скончавшейся месяцем раньше. Хотя потомство маркиза по мужской линии вскоре пресеклось и его титул никто не унаследовал, однако "остроумие и красноречие" Галифакса досталось в наследство его внуку, сыну дочери Елизаветы – Филиппу Стенхопу, четвертому графу Честерфилду.

Современники высоко оценили талант и достоинства маркиза. Известный поэт Дж. Драйден, восхищаясь умом, мужеством и красноречием Галифакса, писал, что он был "человеком глубокого ума и глубокой мысли, одаренный природой и образованный наукой на то, чтобы двигать собраниями"¹⁰². Свою драматическую оперу "Король Артур" он посвятил Галифаксу. Епископ Бёрнет также вспо-

минал о своем друге Галифаксе, как о человеке незаурядном, остроумном, "расположенном к сатире", приятном в общении и большом жизнелюбе. Он обращал внимание на честность, неподкупность, справедливость Галифакса, его талант администратора, а также умение рассуждать о морали. Епископ подчеркивал, что Галифакс был полон всевозможных планов, которые ему не всегда удавалось реализовать в жизни¹⁰³. Между тем современники маркиза не смогли по достоинству оценить Галифакса как "триммера", тогда как именно эта позиция – выступать в защиту "среднего курса и разумного компромисса" выдвинула его в ряды талантливых политиков и мудрых партийных лидеров. Что же касается произведений Галифакса, то они явили миру оригинального мыслителя, ставшего одним из первых в ряду просветителей Англии.

- ¹ *Лабутина Т.Л.* У истоков современной демократии: Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994.
- ² *The Complete Works of George Savile, First Marquess of Halifax* / Ed. With Introduction by W. Raleigh. Oxford, 1912 (Далее: *The Complete Works of Halifax*). P. 1, IX, XXVI.
- ³ *Ibid.* P. XX.
- ⁴ *Gooch G.P.* Political Thought in England from Bacon to Halifax. L., 1915. P. 197, 182, 199.
- ⁵ *Reed A.W.* George Savile, Marquis of Halifax // *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age (1650–1750)*. L., 1967. P. 67.
- ⁶ *Вольтер.* Философские сочинения. М., 1988. С. 174–175.
- ⁷ *Маколей Т.* Полн. собр. соч. СПб., 1861. Т. IV. С. 239.
- ⁸ *Raleigh W.* Introduction // *The Complete Works of Halifax*. P. XIII.
- ⁹ *Reed A.W.* Op. cit. P. 67.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 53–54.
- ¹¹ *Foxcroft H.C.* The Life and Letters of Sir George Savile, Bart. First Marquis of Halifax. L., 1898. Vols. 1–2.
- ¹² См.: *Вольтер.* Указ. соч. Примечания. С. 733.
- ¹³ *Лабутина Т.Л.* Георг Севиль Галифакс // *Вопросы истории.* 1999. № 4–5; Она же. Маркиз Галифакс и его "Новогодний подарок для леди" // *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.
- ¹⁴ *Raleigh W.* Op. cit. P. XI–XII.
- ¹⁵ *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 242.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 255.
- ¹⁸ *Gooch G.P.* Op. cit. P. 192, 182, 199.
- ¹⁹ *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 240.
- ²⁰ Там же. С. 268.
- ²¹ Там же. С. 272.
- ²² Там же. С. 241.
- ²³ *Raleigh W.* Op. cit. P. XIV.
- ²⁴ *Маколей Т.* Полн. собр. соч. СПб., 1862. Т. III. С. 211.

- 25 Цит. по: *Reed A.W.* Op. cit. P. 68.
- 26 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 240.
- 27 *The Character of a Trimmer // The Complete Works of Halifax.* P. 49.
- 28 *Gooch G.P.* Op. cit. P.185.
- 29 *The Complete Works of Halifax.* P. 53, 55.
- 30 *Ibid.* P. 50–51, 58.
- 31 *Gooch G.P.* Op. cit. P.191.
- 32 *A Character of King Charles II // The Complete Works of Halifax.* P. 189, 193–196.
- 33 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. СПб., 1863. Т. VIII. С. 21, 241–242.
- 34 *A Letter to a Dissenter upon Occasion of His Majesties Late Gracious Declaration of Indulgence // The Complete Works of Halifax.* P. 130–141.
- 35 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 58.
- 36 Там же. С. 78–79.
- 37 *The Anatomy of an Equivalent // The Complete Works of Halifax.* P. 113–114.
- 38 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 241.
- 39 Там же. С. 356–357.
- 40 Там же. С. 403.
- 41 *Foxcroft H.C.* Op. cit. Vol. 2. P. 64.
- 42 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. СПб., 1863. Т. IX. С. 61.
- 43 Там же. СПб., 1864. Т. X. С. 32.
- 44 Там же. С. 33.
- 45 *Gooch G.P.* Op. cit. P. 199–200.
- 46 *Reed A.W.* Op. cit. P. 53–54.
- 47 *Political Thoughts and Reflections // The Complete Works of Halifax.* P. 55, 171, 173.
- 48 *Cautions for Choice of Parliament Men // The Complete Works of Halifax.* P. 142–167.
- 49 *Gooch G.P.* Op. cit. P. 197.
- 50 *Political Thoughts and Reflections.* P. 211.
- 51 *Maxims of State // The Complete Works of Halifax.* P. 181–183.
- 52 *Political Thoughts and Reflections.* P. 228.
- 53 *Ibid.* P. 217.
- 54 *The Character of a Trimmer.* P. 60–61.
- 55 *Maxims of State.* P. 180–182.
- 56 *The Character of a Trimmer.* P. 53.
- 57 *Ibid.; Political Thoughts and Reflections.* P. 224.
- 58 *Political Thoughts and Reflections.* P. 226–227; *Maxims of State.* P. 182.
- 59 *Gooch G.P.* Op. cit. P. 192.
- 60 *The Character of a Trimmer.* P. 62.
- 61 *Political Thoughts and Reflections.* P. 223; *Maxims of State.* P. 180.
- 62 *The Character of a Trimmer.* P. 62–63.
- 63 *Cautions for Choice of Parliament Men.* P. 166.
- 64 *Маколей Т.* Полн. собр. соч. Т. III. С. 234.
- 65 *The Character of a Trimmer.* P. 67–68; *The Lady's New-Year's-Gift or Advice to a Daughter // The Complete Works of Halifax.* P. 2, 5.
- 66 *A Letter to a Dissenter...* P. 139.
- 67 *The Character of a Trimmer.* P. 76, 82.
- 68 *Ibid.* P. 83, 85–87.
- 69 *Ibid.* P. 72–73.
- 70 *A Rough Draught of a New Model at Sea // The Complete Works of Halifax.* P. 168–169, 175.
- 71 *Ibid.* P. 175.

- ⁷² Ibid. P. 176.
- ⁷³ The Complete Works of Halifax. P. 231.
- ⁷⁴ Moral Thoughts and Reflections // The Complete Works of Halifax. P. 237.
- ⁷⁵ Ibid. P. 237–240.
- ⁷⁶ Ibid. P. 240–241.
- ⁷⁷ Ibid. P. 241–242.
- ⁷⁸ Ibid. P. 242–243.
- ⁷⁹ Miscellaneous Thoughts and Reflections // The Complete Works of Halifax. P. 244–255.
- ⁸⁰ Gooch G.P. Op. cit. P. 197.
- ⁸¹ Raleigh W. Op. cit. P. XIII, XVII, XX.
- ⁸² The Lady's New-Year's-Gift... P. 1–3.
- ⁸³ Ibid. P.8.
- ⁸⁴ Ibid. P. 9.
- ⁸⁵ Ibid. P. 10–12.
- ⁸⁶ Ibid. P. 18–19.
- ⁸⁷ Ibid. P. 20–21.
- ⁸⁸ Ibid. P. 65.
- ⁸⁹ Толанд Дж. Письма к Серене // Английские материалисты XVIII в. М., 1967. Т. 1. С. 77–78.
- ⁹⁰ The Lady's New-Year's-Gift... P. 25.
- ⁹¹ Ibid. P. 27.
- ⁹² Ibid. P. 27–28.
- ⁹³ Ibid. P. 29.
- ⁹⁴ Ibid. P. 30.
- ⁹⁵ Ibid. P. 31–32.
- ⁹⁶ Ibid. P. 38, 42.
- ⁹⁷ Ibid. P. 46.
- ⁹⁸ Moral Thoughts and Reflections. P. 230–231.
- ⁹⁹ Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры / Под ред. М.П. Алексеева. М., 1978. С. 257, 39.
- ¹⁰⁰ Цит. по: Reed A.W. Op. cit. P. 53.
- ¹⁰¹ Маколей Т. Полн. собр. соч. СПб., 1865. Т. XII. С. 6.
- ¹⁰² Там же. С. 213.
- ¹⁰³ Raleigh W. Op. cit. P. XXV–XXVI.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ ЛОРДА БОЛИНГБРОКА

Среди английских просветителей, которые внесли неоценимый вклад в развитие общеевропейского просветительского движения и оказали влияние на формирование мировоззрения французских философов XVIII в. (Вольтера, Дидро, Руссо и др.), Ф. Энгельс называл Болингброка¹. Оригинальный и смелый мыслитель, способный государственный деятель, незаурядный политик, прирожденный оратор, философ, историк, лингвист Болингброк всю свою жизнь посвятил критике идеологии, морали и политики буржуазной Англии. Просветительские идеи Болингброка прославили его на века. "Ничто не может умалить его гений, он остается величайшим в мире человеком как для своего времени, так и для последующих поколений", – писал о Болингброке его современник известный поэт и просветитель Александр Поп². Однако, несмотря на значимость философских, исторических и политических трудов Болингброка, а также незаурядность его личности, отношение к нему ряда зарубежных исследователей до недавнего времени оставалось резко негативным. "Из всех политических мыслителей Августианского века никто не был таким видным и столь почитаемым при жизни и столь откровенно презируемым или отвергнутым после смерти, как Генри Сент-Джон, лорд виконт Болингброк", – признавал британский историк Ф. Херншоу³. О непризнании Болингброка крупным мыслителем и недооценке его роли в просветительском движении историками XIX в. и некоторыми исследователями XX в. (Л. Стефан, К. Роббинс, К. Робертсон, Дж. Плам, Л. Нэмир) говорил и американский ученый И. Крамник⁴. Между тем творчество Болингброка продолжает занимать современных исследователей и поныне⁵.

В отечественной историографии интерес к трудам Болингброка возник сравнительно недавно, в конце 70-х годов XX столетия. "Первооткрывателем" выдающегося просветителя в нашей стране стал известный ученый М.А. Барг, который издал перевод "Писем об изучении и пользе истории" Болингброка, а также пространную статью о его исторических взглядах⁶. Впоследствии творческим наследием видного представителя английского Просвещения занялись и другие историки: Е.Б. Рубинштейн, Е.В. Иерусалимская, Е.А. Доброва⁷. Свое видение политической платформы Болингброка представили и мы⁸. Однако, несмотря на столь пристальный интерес к личности и творчеству просветителя, проявленный в последнее время российскими учеными, ряд вопросов еще остается открытым. В данном очерке мы попытались не только осветить общественно-

политические и просветительские взгляды Болингброка, но также выяснить, насколько политическая платформа просветителя отвечала реалиям буржуазной Англии начала XVIII в.

Следует отметить, что утопическая традиция в Англии была заложена в XVI–XVII вв. великими гуманистами Т. Мором, Ф. Бэконом, Дж. Гаррингтоном, Дж. Уинстенли. Свое продолжение эта традиция нашла в романах первых просветителей – Д. Дефо и Дж. Свифта, а также ряде трактатов политических мыслителей XVIII в. По признанию специалистов, в Век Разума в Англии было издано по меньшей мере 75 утопических романов, повестей и публицистических произведений⁹. И тем не менее утопизм не являлся отличительной чертой английского Просвещения. Широко распространенное в мировой науке суждение о том, что все просветительские идеи и проекты носили утопический характер, применительно к Англии было справедливым лишь отчасти. Достаточно обратиться к социально-экономическим проектам реформ Д. Дефо в "Очерке о проектах" или дидактическому труду Дж. Локка "Мысли о воспитании", чтобы убедиться в том, насколько конкретными и прагматичными были произведения ранних просветителей. Написанные в конце XVII в., эти работы очень быстро оказались востребованными не только современниками, но и последующими поколениями англичан. Вместе с тем отдельные утопические суждения встречались и в трудах английских просветителей. (К примеру, видение "улучшенного" государства в "Путешествиях Гулливера" Дж. Свифта.) Однако наиболее полно просветительская утопия нашла свое отражение в образе идеального правителя, который представил лорд Болингброк в известном произведении "Идея о Короле-Патриоте".

Генри Сент-Джон, будущий виконт Болингброк, родился 1 октября 1678 г. в поместье Баттерси, расположенном неподалеку от Лондона. Он происходил из старинного знатного и богатого дворянского рода. Его дед Уолтер Сент-Джон был женат на дочери главного судьи Оливера Кромвеля. Симпатии к республиканским идеям и пуританизму дед и бабушка Генри пытались привить своему внуку. Фанатично преданный пуританизму духовный наставник бабушки Генри – Даниель Баргесс сделался первым его учителем. Влияние деда и бабушки на Генри в первые годы его жизни было ощутимым еще и потому, что родители не утруждали себя заботами о сыне. Его отец прослыл в Лондоне человеком, любящим удовольствия, "никчемным и распутным", одним из тех, свидетельствовал Свифт, кто "имеет обыкновение прогуливаться по Мел и навещать в Сент-Джеймскую кофейню и модные кондитерские"¹⁰. Мать Генри, женщина слабая и болезненная, больше заботилась о собственном здоровье, чем о сыне.

Впрочем, особых хлопот своим родителям мальчик не доставлял. Он рос умным, любознательным и способным ребенком. Его

*Д. Ричардсон. Сент-Джон, виконт Болингброк.
Начало XVIII в.*

обучение началось в аристократическом колледже Итона, а затем было продолжено в диссентерской академии. (На взгляд британского ученого С. Варей, Генри Сент-Джон в Итоне не обучался вовсе, его учеба проходила только в стенах диссентерской академии¹¹.) Как бы то ни было, но способности Генри, проявившиеся в годы учебы, приводили его учителей в восхищение. Обладая прекрасной памятью, он мог ссылаться на исторические прецеденты, иллюстрируя фактами свои утверждения, не прибегая к помощи книг. Прекрасное знание латыни и римской истории, приобретенное в колледже, оказало Сент-Джону впоследствии немалую помощь при работе над историческими исследованиями.

В 1697 г., когда юноше исполнилось девятнадцать лет, он отправился в путешествие на континент. Большую часть времени провел

в Париже, где в совершенстве овладел французским языком. Затем переехал в Рим. Здесь Генри занимался изучением итальянского языка, а также разыскивал и приобретал различные книги по истории страны. Путешествие по Европе завершилось в 1700 г. Сент-Джон возвращается в Англию, где вскоре приобретает репутацию человека свободных нравов. "В Лондоне в то время не было более известного повесы и любителя ликеров, чем Генри Сент-Джон", – свидетельствовал один из первых биографов Болингброка доктор Голдсмит¹². Опасаясь, как бы молодой человек ни пошел по стопам своего непутевого отца, дед Генри позаботился о том, чтобы поскорее пристроить внука к какому-нибудь делу. И вот в 1701 г. двадцатитрехлетний Сент-Джон по семейной традиции занимает место в палате общин, где представляет родовой бург Буттон-Бассет.

Выделяясь среди депутатов не только молодостью, безукоризненными манерами, но и прекрасными ораторскими способностями, Сент-Джон очень скоро сделался самым популярным и влиятельным членом палаты. Придерживаясь торийских убеждений, Сент-Джон считал необходимым доверить всю политическую власть землевладельцам, а также закрепить монополию "высокоцерковников" в англиканской церкви. Он постоянно выступал с критикой "денежных людей". Кроме того, видя в диссентерах политическую и социальную опору вигов, призывал удалить всех нонконформистов из парламента и государственного аппарата. Сент-Джон активно поддерживал тори в парламенте, участвовал в подготовке и проведении в палате общин таких законопроектов, как "Акт об устройении", "Закон против случайной конфирмации" и др. Все они были направлены на ослабление "денежных" интересов не только в парламенте, но и за его пределами.

Вскоре активная позиция Сент-Джона в парламенте привлекла внимание членов правительства. Премьер-министр Роберт Харли назначил своего двадцатипятилетнего протеже военным министром в "смешанном" торийско-вигском кабинете. Вместе с главнокомандующим английской армией герцогом Мальборо Сент-Джон занялся разработкой военных операций, в которых предстояло участвовать английским войскам. "Взлет этот был столь неслыханно быстрым и ранним, что вызвал потоки славословия среди друзей и пасквили со стороны врагов, – отмечал Барг. – Он (Сент-Джон) удивлял всех, с кем сталкивался, не только интеллектом, но и даром администратора в соединении с огромной работоспособностью"¹³.

Хотя Сент-Джон и сотрудничал в министерстве бок о бок с вигами, тем не менее продолжал оставаться верным приверженцем партии тори. "Мы рассматривали политические принципы, которые стали превалировать в нашем правительстве после революции 1688 г., как разрушительные для наших истинных интересов, поскольку они впутывали нас в дела континента, что приводило к

обеднению нашего народа и к ослаблению устоев нашей конституции в церкви и в государстве", – напишет позднее Сент-Джон о своем неодобрительном отношении к проводимой вигами внешней политике Англии¹⁴.

В 1708 г., когда виги на парламентских выборах потеснили партию тори, Генри Сент-Джон был вынужден подать в отставку. Годом раньше он женился на наследнице старинного и богатого дворянского рода Фрэнсис Уничкомб. Оказавшись не у дел, Сент-Джон вместе с молодой женой переезжает в загородную виллу, где полностью посвящает себя хозяйственным заботам о поместье. Впрочем, сельская идиллия продлилась недолго. Как только партия тори вновь пришла к власти, Харли предложил Сент-Джону пост государственного секретаря в возглавляемом им новом кабинете министров. Став по сути дела вторым человеком в правительстве в тридцать два года, Сент-Джон подобным взлетом карьеры поразил даже выдавшего виды Свифта. "Я почитаю мистера Сент-Джона самым выдающимся молодым человеком из всех, каких я когда-либо знал, – писал он в одном из писем Стелле, – ум, одаренность, красота, проницательность, образованность и превосходный вкус; он лучший оратор палаты общин, восхитительный собеседник, чрезвычайно любезный, с прекрасными манерами, щедр и презирает деньги... Будучи всего лишь тридцати двух лет от роду, он ... занимает пост государственного секретаря. Разве это не удивительно?"¹⁵

Возглавив управление страной, министерство Харли начало преследовать, по замечанию Сент-Джона, те же "материальные выгоды в личных и партийных интересах", что и виги. Молодой политик не заблуждался относительно истинных целей тори в их стремлении к власти. "Мы пришли во дворец, – писал он лидеру партии тори в парламенте сэру У. Уиндхему, – чтобы взять государственное управление в свои руки, добиться ослабления вигов с тем, чтобы королева обратила свою благосклонность на тори, доверив им ответственные должности в королевстве"¹⁶. Чтобы добиться ослабления политических противников, Сент-Джон был готов к проведению более жесткой линии в управлении, нежели та, которой придерживался Харли. "Умеренность" премьер-министра по отношению к вигам раздражала Сент-Джона. Ему больше импонировала позиция членов Клуба октябристов, которые призывали привлечь к судебной ответственности за допущенные злоупотребления членов бывшего вигского кабинета министров. Сент-Джон довольно часто посещал заседания клуба, а вскоре сделался в нем самым известным оратором.

Наиважнейшей задачей правительства Сент-Джон считал подготовку к заключению мирного договора с Францией, который обеспечил бы Англии почетный выход из дорогостоящей войны за испанское наследство. "Разорительная война, которую вели "денежные люди", вовлекла нацию в тяжелый долг, потребовала введения

многих новых налогов", – писал он в одном из своих памфлетов. Война вела, по его мнению, к разорению земельного джентри и подрыву традиционной иерархической структуры общества¹⁷.

Требование прекратить войну, которая стала обременительной не только для землевладельцев, страдавших от высоких налогов, но и для мелких торговцев, ремесленников, сделалось популярным в стране в те годы. Посему позиция Сент-Джона как самого активного борца в защиту заключения мира с Францией нашла поддержку в парламенте. Свифт писал: Сент-Джон, "без сомнения, величайший коммонер Англии и верховодит всем парламентом, который без него не может и шагу ступить... В один прекрасный день он станет во главе всех дел"¹⁸. Летом 1712 г. королева Анна пожаловала Сент-Джону титул виконта Болингброка. Между тем он надеялся получить, как и Роберт Харли, высший титул графа, а потому свое производство в виконты расценил как личное оскорбление. "Меня протащили в палату лордов таким образом, чтобы мое повышение выглядело скорее наказанием, нежели наградой", – сетовал новоиспеченный лорд Болингброк в письме к сэру Уиндхему¹⁹.

В это время отношения Болингброка с Харли, ставшего графом Оксфордом, заметно ухудшились. Личное соперничество за власть сделалось движущей пружиной многих действий и поступков двух государственных мужей. Впрочем, отношения Болингброка с другими членами кабинета были не лучше. "У моего друга секретаря... довольно натянутые отношения с прочими министрами", – отмечал Свифт. – Они настроены по отношению к мистеру Сент-Джону весьма неблагоприятно и... боюсь, что господину секретарю долго не продержаться"²⁰. Как нам представляется, активная поддержка Болингбромом кабинета министров по вопросам внешней политики, "крайняя" позиция, которой он придерживался вместе с членами Клуба октябристов, по отношению к вигам, а также необычайная популярность блестящего оратора в парламенте вызывали неодобрение, опасения и, наконец, обычную человеческую зависть к успехам молодого политика со стороны многих его коллег по партии.

Осложнения во взаимоотношениях с членами министерства усугубились семейными неурядицами. Брак Сент-Джона с Фрэнсис Уинчкомб оказался неудачным. Трудно сказать, что послужило тому причиной, но так или иначе, а супруги расстались. Их окончательный разрыв произошел в 1713 г. Впрочем, особой печали от этого события Болингброк, судя по всему, не испытывал, поскольку по своему характеру оставался, по меткому выражению Свифта, "изрядным повесой"²¹.

Оставаясь на должности государственного секретаря, Болингброк продолжал вести парламентскую деятельность, но теперь уже в палате лордов. Он по-прежнему горячо защищал интересы партии тори, атакуя в прениях своих политических противников, принял

активное участие в подготовке и проведении через парламент закона, обязывающего его членов иметь земельную собственность ("Акт об имущественном цензе"), законопроекта "против случайной конфирмации". Кроме того, он являлся одним из инициаторов и разработчиков закона "о схизме", который был направлен на исключение диссентеров из числа преподавателей в диссентерских "академиях", что вело к неминуемому закрытию последних. Болингброк предпринял также открытые нападки на вигов, которые занимали ответственные должности в управлении – лордов Годольфина и Уолпола. Его стараниями Уолпол по обвинению во взяточничестве был даже отправлен в Тауэр. Кроме того, Болингброк занялся изгнанием вигов из армии, главным образом с тех постов, на которых они могли воспрепятствовать партии тори контролировать внешнюю политику страны.

Однако в парламенте и министерстве триумф Болингброка был недолгим. Летом 1714 г. премьер-министр Роберт Харли, новоиспеченный граф Оксфорд подал в отставку. Болингброк был твердо убежден в том, что пост главы кабинета министров королева непременно вручит ему. Между тем многочисленные враги Болингброка решили этому воспрепятствовать. Они дискредитировали его в глазах королевы, обвинив в тайных сношениях с якобитами (сторонниками Якова III – Претендента), а также в том, что он причастен к их заговору с целью свержения царствующей династии. И хотя подобные обвинения не имели под собой веских оснований, королева Анна в них поверила, и главой кабинета министров назначила герцога Шрусбери. Вскоре Болингброк лишился и поста государственного секретаря.

Выборы в парламент, проведенные в 1714 г. при новом монархе Георге I Ганновере, обеспечили победу вигам. Во главе кабинета министров стал тот самый Роберт Уолпол, которого совсем недавно Болингброк отправил в Тауэр. Теперь нашему герою приходилось ожидать возмездия, тем более, что новый премьер-министр не скрывал своих намерений предать суду членов предыдущего кабинета. Доброжелатели предупредили Болингброка о готовящемся аресте, и он покинуть страну, отплыв на континент.

По прибытии во Францию Болингброк совершил тот самый неосмотрительный поступок, который дискредитировал его как в глазах современников, так и некоторых исследователей его жизни и творчества в последующие годы: он поступил на службу к Претенденту, заняв пост государственного секретаря при его дворе. "В этом поступке, – подчеркивал Барг, – казалось, нашли свое отражение все человеческие слабости Болингброка: импульсивность, дворянская спесь, безграничное честолюбие, мстительность... Перед нами акт отчаяния, граничащий с беспринципностью, безрассудство, ставящее под вопрос честность"²². Поступок Болингброка был тем бо-

лее странным, что сам он никогда не являлся приверженцем дела якобитов и не верил в успех предприятия. "Если бы Претендент оказался у власти, – писал просветитель в письме к другу, – то, возможно, мы потеряли бы нашу религию и свободы из-за его фанатизма и коррупции в нации"²³.

Положение Болингброка при Сен-Жерменском дворе оставалось двусмысленным. Якобиты не доверяли ему. В то же время из Англии приходили неутешительные вести: виги заочно обвинили Болингброка в государственной измене, конфисковали его собственность, а ему самому под страхом смерти запретили въезд в страну. Перед Болингбромом возникла угроза провести оставшуюся жизнь в вечном изгнании. Ему было в ту пору тридцать семь лет.

Чуждый идеям якобитов, Болингброк после очередной их неудачной попытки высадиться в Англии в 1715 г. окончательно порывает с Претендентом. Он решает поселиться в небольшом местечке Лясурс, близ Орлеана, где занимается изучением различных наук, и прежде всего философии и истории. Во время пребывания во Франции Болингброк познакомился с Вольтером и Монтескье. Как справедливо подметил И. Крамник, таким путем закладывались "связующие звенья" между французскими и английскими идеями раннего Просвещения²⁴. Вольтер был восхищен эрудицией и высокой образованностью Болингброка. "В этом выдающемся англичанине, – писал он, – я обнаружил всю ученость его страны и всю галантность нашей. Я никогда не слышал нашу речь произнесенной более энергично и употребленной более утонченно. Этот человек, всю жизнь погруженный в удовольствия и дела, нашел, однако, время, чтобы все изучить и все запомнить. Он одинаково хорошо знаком с историей древнего Египта и историей Англии... Он любит и знает поэзию английскую, французскую и итальянскую"²⁵.

Начало литературной деятельности Болингброка относится ко времени его политической эмиграции. Почти все его трактаты, исторические труды и философские эссе были написаны во Франции. "Рассуждения о партиях", "Письмо о патриотизме", "Письма об изучении и пользе истории", "Идея о Короле-Патриоте", а также ряд других памфлетов, созданных в изгнании, открыли миру великого просветителя, посвятившего многие годы своей жизни борьбе с пороками буржуазного общества.

В своих трудах Болингброк большое место отводил вопросу о власти. Обратившись к его взглядам на происхождение государственной власти, не без удивления обнаружим, что он, подобно вигам, являлся сторонником "договорной" теории. В памфлете "О свободе и первоначальном договоре между правителем и народом" Болингброк подробно освещал данный вопрос. "Во всех правительствах существуют устные или закрепленные на бумаге определенные условия договора между народом и их правителями, которые обе сторо-

ны обязаны сохранять", – писал он²⁶. Договор содержал определенные условия, на основании которых правитель давал согласие править, отмечал он в другом своем памфлете "О власти правителя и свободе народа"²⁷. Существующие условия договора определяли границы власти правителя, а также степень подчинения ему со стороны подданных. Таким образом, верховный правитель получал корону с согласия народа на тех условиях, которые признавал приемлемыми сам народ. Оговоренные договором "ограничения и условия" власти, принятые правителем, обязаны исполнять и его потомки. Впрочем, замечал Болингброк, некоторые правители нередко забывают о первоначальном договоре с народом и начинают уверять, что их прерогатива позволяет им делать все, что они пожелают. Со своей стороны, народ, беспокоящийся о своих свободах, не может позволить таким правителям нарушать договор и выступает против усиления власти монарха. Нередко это вызывает "незаконные действия" и приводит к "неизбежным столкновениям" в стране.

Говоря о первоначальном договоре, Болингброк обращал внимание на естественное происхождение верховной власти. "Самим устройством человеческой природы", писал он, обусловлено, с одной стороны, подчинение подданных правительству, а с другой, оказание некоторыми людьми заботы о правлении, "от которого зависит всеобщее счастье"²⁸. Заключая договор, правитель и народ берут по существу некое обязательство по отношению друг к другу, подчеркивал Болингброк в своем знаменитом произведении "Идея о Короле-Патриоте", – государь обязуется хорошо править, а народ – почитать и повиноваться ему²⁹.

Договорная теория происхождения государственной власти, отстаиваемая Болингбромом, во многом была схожа с теорией вигов, и потому одни историки (к примеру, Г. Мансфильд) полагали, что его взгляды во многом заимствованы у Т. Гоббса и Дж. Локка, другие (Д. Голдсмит) вообще упрекали его в симпатиях к идеям вигов³⁰. Крамник, также сравнивавший взгляды Болингброка на договорную теорию с теорией Локка, утверждал, что общность в их воззрениях ограничивалась лишь признанием договора и теории об искусственно созданном гражданском правительстве. Основные же идеи учения Локка Болингброк не принимал. И потому смысл, вкладываемый им в понятие "договорной теории", отличался от того, что под этим подразумевал Локк. Поскольку Локк выражал взгляды буржуазии, он отстаивал прежде всего идеологию средних классов, включавшую в себя идеи "индивидуализма, личных свобод, собственной выгоды и конкуренции как позитивные социальные ценности". Политические же идеалы Болингброка, защищавшего интересы аристократии и джентри, являлись, на взгляд Крамника, "аристократическими и патерналистскими"³¹.

В противоположность Локку Болингброк осуждал теории индивидуализма и свободы частного предпринимательства. "Что можно ожидать от незаинтересованных общественными делами людей, которые не имеют иных принципов, кроме частных интересов, – писал он, – которые являются индивидуалистами, обманывают один другого и пребывают в гражданском обществе, во многом похожем на идеал Гоббса в его предполагаемом природном государстве?" Осуждаемая Болингбром теория индивидуализма и прав человека на собственность исключалась им из договорной теории, и потому существенно отличалась от той, которой придерживался идеолог вигов Джон Локк. В результате Болингброк, как справедливо признавал Крамник, вкладывал в понятие "общественного договора" "более традиционный и менее революционный смысл, нежели Локк"³².

Как истинный тори Болингброк выступал в защиту монархической формы правления. «Среди множества причин, побуждающих меня со всей решительностью предпочесть монархию всякой иной форме правления, главная такова. Когда монархия – главенствующая форма, ее можно с большей легкостью и большей пользой для государства умерить аристократией и демократией или обеими вместе, – писал он в "Идее о Короле-Патриоте". – В то же время весьма крупные аристократические и демократические силы могут быть привиты к монархическому стволу, не умаляя блеска и не ограничивая силы и власти государя настолько, чтобы в какой-либо степени изменить основную форму»³³. Как явствует из приведенных высказываний, Болингброк выступал в защиту конституционной монархии, ограниченной правлением двух других ветвей власти – аристократической и демократической. Абсолютная монархия осуждалась им. Монархию, при которой произвол "заменит собой любое правление вообще", Болингброк считал "великой нелепостью", полагая, что как форма правления она подходит скорее дикарям, чем цивилизованным людям³⁴.

Подобно другим просветителям, Болингброк возмущался тиранией. "Худшая из всех форм правления – это тирания, освященная видимостью закона", – писал он в памфлете "Политический катехизис фригольдера"³⁵. Самое серьезное преступление, какое только может совершить человек, это – стать тираном и начать использовать свою власть с целью разорения и доведения до нищеты целой нации, признавал он в другом памфлете³⁶. Болингброк считал идеальной формой правления конституционную монархию. Надо признать, что его взгляды на "смешанное" правление не отличались оригинальностью и скорее повторяли уже известные рассуждения просветителей.

Болингброк с одобрением отзывался об установившемся после Славной революции в Англии правлении – конституционной монархии, отмечая, что оно предпочтительнее любого, существовавшего

когда-либо до революции. Отныне английская конституция, подчеркивал он, "перестала быть загадкой, власть короны четко ограничена, химера прерогативы устранена и права подданных не являются более проблематичными"³⁷. Болингброк пытался доказать, что при конституционной монархии король перестает быть верховным правителем, но становится всего лишь винтиком, хотя и главным, в политическом механизме управления государством. «Ныне король Британии точно и определенно является тем, кем короли всегда должны быть – членом – правда, верховным членом, главой политического организма, – писал он в "Рассуждении о партиях". – Во всех своих проявлениях он остается частью единого... целого... не существует в отрыве от этого целого, независимо от него; отныне ему не дано двигаться по иной орбите, нежели его подданные, он не может, словно некая высшая планета, притягивать, отталкивать, определять и направлять их деяния своими собственными. Он и они – части одной системы, тесно связанные и работающие сообща, действующие и воздействующие друг на друга, ограничивающие один другого и ограничиваемые им, подчиняющие его, но и подчиненные ему»³⁸.

В чем же Болингброк усматривал преимущества ограниченной монархии? Прежде всего в том, что при "смешанном" правлении появляется возможность с большей легкостью и с большей пользой умерять силами аристократии и демократии королевскую власть. Другое преимущество он видел в том, что свободное монархическое правление представляется сплоченным и твердым, подобно "камню замкового свода". Болингброк полагал, что в то время, как демократическая и аристократическая формы правления "в состоянии гниения и коррупции" распадаются под ударами обстоятельств и больше не поддаются возрождению, монархия с легкостью восстанавливает свободу при соблюдении старых законов и прежней конституции, "вдохнув заново в сознание людей дух этой конституции"³⁹.

В идеале ограниченная монархия представлялась Болингброку в виде следующей схемы. Законодательная власть в королевстве принадлежит монарху, лордам и общинам. Для издания законов необходимо согласие всех трех ветвей власти, каждая из которых является независимой, но при этом подчиняется существующим законам страны. Высшим исполнителем закона является монарх, к которому все подданные обязаны относиться с уважением. Монарх опирается на свою прерогативу, он вправе определять и назначать время и место собрания парламента и т.п. Как видно, подобная схема конституционной монархии, представленная Болингбромом, мало чем отличалась от тех, которые предлагали и виги, и тори.

Подобно всем другим просветителям, Болингброк выступал за защиту теории "равновесия властей". Он уверял, что только благо-

даря "смеси монархической, аристократической и демократической власти, слитых воедино в одной системе", благодаря равновесию этих трех сил, английская конституция сохраняется столь долго в целости. Непременное условие сохранения конституционной монархии Болингброк усматривал в соблюдении принципа равновесия властей. На его взгляд, они должны "сочетаться удачно" и не оказывать чрезмерного давления друг на друга. "Как установить должное соотношение между ними, как угадать удачное расположение каждой из трех и соединить их в единой системе – вот та трудность, которая ставила в тупик умнейших политических деятелей и самых прославленных законодателей", – писал Болингброк в "Рассуждении о партиях"⁴⁰. И только в Англии, подчеркивал он, удалось достичь подобного равновесия.

Следует отметить, что в отличие от других просветителей, Болингброк тесно увязывал достижение устойчивого равновесия в конституции с изменениями в характере собственности. Именно эти изменения, на его взгляд, привели к тому, что подданные Великобритании отныне пользуются личной свободой, а их собственность – столь надежной защитой, как ни в какой другой стране. Подобные изменения, а также достигнутые успехи в развитии торговли способствовали росту национального благосостояния, что, в свою очередь, привело к усовершенствованию конституции.

В чем же заключались "усовершенствования" и на чем зиждилась гарантия устойчивости конституции? По мнению просветителя, "собственность простого сословия (членов палаты общин) стала намного превосходить собственность лордов... А поскольку собственности у простого сословия больше, то в той же мере оно и свободнее, на нем не лежит клеймо рабской приниженности". И в этой связи "демократическая власть (палата общин) больше не зависит от тех, кому она подчинялась в прежние времена". Экономическое усиление палаты общин, как верно заключал Болингброк, привело к укреплению ее позиций в конституционном правлении. И если "силы демократических начал в нашей конституции недостаточно для преодоления монархического и аристократического в ней, – подчеркивал Болингброк, – то ее достаточно, чтобы оказать противодействие и уравновесить собой силу любых других начал – и притом без роковой необходимости убажывать аппетиты лордов, направленные против короны"⁴¹.

Между тем изменения в характере собственности привели, как считал Болингброк, к общности интересов общин и лордов, а поэтому они и "не испытывают соблазна и почти не располагают возможностями ущемлять друг друга". Эта общность интересов объединяет общины и лордов в случае необходимости против поползновений короны, от которой оба сословия освободились. И какими бы способами королевская власть ни пыталась "вновь наложить на них око-

вы – то ли посредством своей безраздельной прерогативы, то ли прибегнув к помощи еще более страшного врага свободы – коррупции", общины и лорды строго стоят на страже своих интересов. Впрочем, при нынешнем строе эти сословия не только имеют единые устремления, что было всегда, подчеркивал Болингброк, но у них нет "никаких отдельных друг от друга противоречивых интересов". В этом-то и заключались, по мнению просветителя, условия сохранения равновесия сил в английской конституции. И действительно, установившаяся в Англии после Славной революции конституционная монархия, предусматривавшая разделение и равновесие ветвей власти, в равной мере отвечала интересам всех классов-собственников. Форма правления, защищавшая их собственность, пришлась по сердцу и "земельным", и "денежным людям". Поэтому-то и тории, и виги выступали в защиту теорий конституционной монархии, а также "разделения" и "равновесия властей". И Болингброк, выражавший интересы класса землевладельцев, не был исключением.

В определенной мере оригинальными представляются высказывания Болингброка о законе. Просветитель считал обязательным условием правления конституционной монархии подчинение всех ветвей власти закону. "Король не может обладать большей властью, чем та, которая вверяется ему законом, а также законодательная власть обязана править по установленным законам", – отмечал он в "Политическом катехизисе фригольдера"⁴². На страницах своего известного произведения "Идея о Короле-Патриоте" Болингброк рассуждал о природе общечеловеческих и государственных законов. Один из них – это "всеобщий закон разума". Он дан Богом непосредственно всем людям и одинаково для всех обязателен к исполнению. Другой же закон – "частный закон либо конституция, т.е. свод законов, которым каждое определенное сообщество людей хотело бы руководствоваться", вверяется человеку человеком и потому не является для всех одинаково обязательным. Тем не менее, продолжал свою мысль Болингброк, естественный закон включал в себя непререкаемое подчинение гражданскому закону. И потому тот, кто нарушал законы своей страны, противился закону Божьему, т.е. закону природы⁴³.

В приведенных высказываниях Болингброка обращал на себя внимание тот факт, что в отличие от большинства своих предшественников, теоретиков и апологетов абсолютизма, видевших закон в воле и желаниях правителя, Болингброк говорил о законе как о верховной силе, которой обязаны подчиняться абсолютно все без исключения люди, в том числе и монархия. Разумеется, таковым законом для правителя считалась конституция. И ей Болингброк требовал следовать беспрекословно. Бесспорный интерес в рассуждениях просветителя представляло его высказывание об идентичности

законов Божьего и естественных. Отождествляя закон разума с законом Божиим, Болингброк тем самым предлагал отказаться от веры в устаревшие догмы о божественном праве королей, противопоставляя им рационалистическое учение о вере в разумные силы человека, во "всеобщий закон разума".

Как и другие просветители, Болингброк верховной властью при конституционной форме правления считал законодательную. "Почему законодательная власть занимает верховное положение? – вопрошал он и отвечал. – Потому что тот, кто издает законы для всех, должен быть верховным"⁴⁴. Просветитель полагал, что главенствующее место в законодательной власти должен занимать парламент. В "Письме о патриотизме" он писал: "Парламенты являются не только существенной частью нашей конституции, но и важной частью нашего управления"⁴⁵.

О значении и роли парламента в английской конституции Болингброк подробно останавливался в работе "Рассуждение о партиях". Автор был убежден, что парламенты являлись истинными хранителями свободы, поскольку именно ради этой цели они и создавались. Гарантии сохранения конституции Болингброк усматривал в единстве и неподкупности членов парламента, заявляя: "Единство и неподкупность – вот наш парламент, наш оплот, наши покровители и хранители отечества". Просветитель восхищался английским парламентом, называя его "благородным продуктом", "гордостью Британии", "предметом зависти соседей". Он был твердо убежден: если парламента не станет, страна окажется "жертвой любого врага"⁴⁶. Парламент, утверждал он, оказывал благотворное влияние на народ, поддерживал существующий порядок в стране: "Справедливая вера в надежные, постоянные парламентские методы устранения несправедливостей" нередко помогала народу преодолевать самые большие "напасти"⁴⁷. При этом просветитель не уточнял, что это за парламентские "методы устранения несправедливостей" и не являлись ли они обычными репрессивными законами, направленными на подавление любых "антиконституционных" выступлений народных масс.

Ведущую роль в парламенте Болингброк отводил палате общин. Хотя он и не исключал участия лордов в работе парламента, однако полагал, что оно не столь существенно, поскольку пэры ответственны за свое поведение "перед Богом, перед своей совестью, перед судом общественной славы и более ни перед кем". Палата общин же в отличие от палаты лордов представляет народ, и потому именно она несет ответственность перед судом своих избирателей. Примечательно, что просветитель считал необходимой подотчетность членов палаты перед избирателями. В том случае, если народ одобряет деятельность избранных депутатов, он представляет новый срок полномочий каждому отдельному парламентария. Но если их дея-

тельность не устраивает общины Великобритании, то они вправе лишить их права представлять себя в парламенте. Подобные меры в значительной степени позволяют избежать множества неудобств и злоупотреблений и достигнуть "мудрых и справедливых целей".

Законы, которые были направлены на совершенствование деятельности парламента, приветствовались Болингброком. Он с одобрением относился к законам, принятым при Вильгельме Оранском, которые препятствовали "двойным и фальшивым" выборам, предотвращали коррупцию в парламенте, требовали исключения из представительного учреждения тех, кто получал пенсию от короны или занимал государственную должность. «Принятие этих законов придавало силу и безопасность нашим свободам, – писал Болингброк в памфлете "О конституции Великобритании", – что было особенно важным для всей нашей конституции»⁴⁸.

С позиций просветителя Болингброк рассматривал вопрос о том, каким должен быть депутат парламента. На его взгляд, это честный, неподкупный человек, которому "не совестно предстать с ответом перед избирателями". Хороший парламентарий бережлив, энергичен, мужествен, сведущ в вопросах политики, а также разбирается в государственных делах и состоянии дел в своем графстве. Он со вниманием относится к торговле и финансам и всегда остается "ревностным защитником свобод народа"⁴⁹.

Болингброк выступал за частые созывы парламента. Он даже предлагал ввести в практику ежегодные парламенты. Трехгодичный закон, принятый в правление Вильгельма Оранского, просветитель называл "прекрасным законом". В "Рассуждении о партиях" он неоднократно убеждал читателей в необходимости частых созывов учредительного собрания. "Сохранность нашей свободы, – писал Болингброк, – обеспечивается не только частыми созывами одного и того же парламента, но в не меньшей степени частыми сменами состава парламента"⁵⁰. При этом просветитель ссылался на законодательство Вильгельма Оранского, подчеркивая, что в нем было оговорено, что выборы должны быть свободными, а парламенты как можно чаще созываться. Поначалу, в первые годы правления Вильгельма III эти законы, признавал Болингброк, соблюдались, быть может, "ввиду чрезвычайных обстоятельств, вызванных войной" (в ту пору шла война Аугсбургской лиги. – *Т.Л.*). Эта война требовала пополнения запасов продовольствия, а также боеприпасов для армии, в связи с чем и возникла необходимость столь частых созывов парламента. Болингброк считал, что подобную практику было бы неплохо сохранить и в мирное время. "Парламент должен созываться ежегодно", – утверждал он, – иначе ... нашему правительству грозит беда"⁵¹.

По мнению Болингброка, парламенты должны не только часто созываться, но и часто переизбираться, что не оставит достаточного

времени для того, чтобы "большинство представителей народа могло быть вовлечено в сговор между министрами, а если это произойдет, чтобы этот сговор можно было бы вскоре и разрушить"⁵². Как видно, просветитель усматривал в частых созывах парламента надежное средство устранения коррупции. Поэтому он приходил к заключению о необходимости введения в практику ежегодных или по крайней мере трехгодичных выборов в парламент.

Следует признать, что идейно-политическая платформа Болингброка сочетала в себе наряду с торийскими также вигские позиции. И если в рассуждениях о законодательной власти Болингброк был близок к партии вигов, то его взгляды на исполнительную власть выдавали в нем истинного тори. Наиболее обстоятельно вопрос о власти верховного правителя был раскрыт в труде Болингброка "Идея о Короле-Патриоте". В нем своеобразно переплетались реальность и вымысел, действительность и утопия.

Верховный правитель страны, изображенный Болингбромом, располагал такой полнотой власти, какой мог похвастаться лишь "абсолютнейший из монархов", и в то же время властью, "гораздо более приятной в обладании и гораздо более действенной в применении". Прежде всего король должен быть патриотом своей страны, притом истинным, а не показным. Его патриотизм основывается "на высоких принципах и подкреплён высокими добродетелями". Королю-Патриоту с первых дней правления следует "наметить главные принципы и цели всех своих жизненных деяний, преисполниться решимости руководствоваться ими и стремиться к ним во всей своей деятельности"⁵³.

Болингброк со всей категоричностью отвергал божественное происхождение королевской власти, заявляя: "Представления о божественном происхождении и праве королей, равно как и абсолютной власти, их сану принадлежащей, не имеют основания ни по сути своей, ни по смыслу, а являются плодом давнего союза между церковной и светской политикой"⁵⁴. Этот мир искусственно создан служителями культа. "Временами характерные черты короля и священнослужителя сливались воедино, — писал Болингброк, — временами же они были разграничены, когда короли вдруг осознали, какое огромное влияние на дела государства могут иметь священнослужители благодаря их власти над совестью людей, а последние постигали на собственном опыте, что наилучший способ сохранить свое положение, достоинство, богатство и власть, основанные на мнимом божественном праве, — это внушить подобные же притязания королям, чтобы затем, опираясь на общую ложь, навязать свою власть узурпаторов глупому миру. Так они и поступали, причем и в государстве, и в церкви. Эти притязания на божественное право обычно возносились превыше всех именно теми, кто менее всего мог притязать на божественное благоволение"⁵⁵. Кроме того, неред-

ко именно те правители, которые находились "на полпути к божественности, творили дела поистине дьявольские". Болингброк подчеркивал, что лично он сам является сторонником правления Короля-Патриота потому, что последний не требует "признания божественного происхождения королевского сана и прав".

Отрицая божественное происхождение королевской власти, Болингброк в то же время признавал, что королевские особы должны почитаться священными. И хотя как люди короли такого права не имеют и "подобная святость им не принадлежит, но как короли они обладают и тем, и другим, пока не утратят их по собственной же вине". Как видно, Болингброк имел в виду не представителей королевской фамилии вообще, а лишь тех, кто в данный момент управлял государством. "Почитание правительства заставляет чтить правителей, которые ради нужд управления поставлены над другими людьми, – подчеркивал он, – однако почитание правителей независимо от правления и в масштабах, превосходящих те, которые заслуживали бы их добродетели, будь они частными лицами – нечто нелепое и противное здравому смыслу"⁵⁶. Однако нередко монархи, уверовав в священность собственной особы, начинали воображать себя конечной целью, ради которой создавались общество и государство. Бывали также правители, "слабые разумом, жестокие сердцем и укрепившиеся в своих предрассудках". Такие государи склонны воображать, будто король и народ суть две соперничающие силы, противостоящие друг другу, будто права и привилегии народа представляют собой преимущества в ущерб правам и прерогативе короны, а законы направлены на умаление достоинства королей и ограничение их власти. Подобных правителей Болингброк считал недостойными для того, чтобы доверять им бразды правления над другими людьми.

Подобно другим просветителям, Болингброк усматривал эффективное средство борьбы с негативными явлениями в современном ему обществе в необходимости широкого распространения знаний и образованности среди людей, стоявших у руля правления государством. По мнению Болингброка, иные короли оказывались плохими правителями именно в силу дурного воспитания, полученного ими в детские и юношеские годы. Лесть окружает будущих правителей с самой колыбели, им внушаются ложные понятия примером, обычаями двора и своекорыстными взглядами придворных. В результате монархи воспитываются в духе почитания самих себя как существ высшей породы, отличных от других. Плохое воспитание лишает будущих правителей необходимых нравственных принципов, что немедленно отражается на их деятельности. Став государем, подобный правитель не способен поставить перед собой "истинные задачи правления" и, следовательно, не может с должным вниманием отнестись к своим обязанностям.

Таким образом, приходил к заключению Болингброк, чтобы король стал хорошим правителем, необходимо позаботиться о соответствующем его воспитании с детских лет. Функции воспитателей Болингброк по преимуществу возлагал на ближайшее окружение монарха. Те, кто "состоит в непосредственном окружении государя, — писал он, — обязаны постоянно соразмерять свои похвалы и выражения своего доверия и привязанности с выгодами, действительно получаемыми ими от правящего государя, и с теми справедливыми надеждами, которые вселяет в них его преемник"⁵⁷. Только при таком воспитании, заключал просветитель, Король-Патриот сможет избежать многих неверных шагов в своем правлении.

Следует отметить, что Болингброк большое значение придавал возможностям человека в деле самоусовершенствования. Так, на его взгляд, Король-Патриот в состоянии сам освободиться от многих недостатков воспитания или каких-либо негативных черт характера. "Он одним огромным усилием совершит в себе решительный поворот к усовершенствованию личных качеств своих как монарха и сможет с легкостью... проявить все высокие добродетели", — писал просветитель⁵⁸. Причем побудительным мотивом для самоусовершенствования Короля-Патриота, по признанию Болингброка, становятся те цели правления, которые он преследует.

Какие же это были цели? Подобно другим просветителям, Болингброк видел конечную и "истинную" цель правления в достижении блага народа. Причем под "благом народа" он понимал свободу, полагая, что "для организма общественного свобода составляет то же, что здоровье — для организма каждого отдельного человека". Забота о защите и сохранении свобод народа, ставшая "святым долгом" для Короля-Патриота, ведет свое происхождение со времени первоначального общественного договора. Ведь именно тогда, когда люди, объединяясь в общества, брали на себя обязательство подчиняться правителю, они отказывались частично "от той свободы, которая принадлежит им от рождения и перед которой они все равны". Но разве существование правления было "несовместимо с полной мерой свободы?" — вопрошал Болингброк и отвечал: "Ничуть не бывало. Но, подобно тому, как свобода народа без правления вырождается в распущенность и произвол, правление без достаточной свободы вырождается в тиранию, поэтому они взаимно необходимы друг другу; хорошее правление — залог законности и свободы, а законность и свобода — залог сохранения хорошего правления"⁵⁹.

Поскольку условия общественного договора, как отмечал просветитель, предусматривали ограничения, оговоренные конституцией, с одной стороны, свобод народа, а с другой — власти правителя, то Болингброк приходил к заключению: для Короля-Патриота нет более святого долга, чем защита конституции. Король-Патриот должен рассматривать конституцию как единый закон, определяющий

порядок своего правления и степень подчинения ему подданных. Он считал свое право собственностью, вверенной его попечению, а "право народа – собственностью истинной". Все это заставляло Короля-Патриота "читать конституцию, как закон, данный Богом и человеком", причем "сила этого закона обязательна для короля в не меньшей степени, чем для ничтожнейшего из подданных"⁶⁰.

Подчеркивая, что Король-Патриот свято чтит конституцию, Болингброк тем самым уверял в своей приверженности к своду законов, который был выработан в Англии после Славной революции. Ссылки Болингброка на законодательство Вильгельма Оранского, приводимые в качестве примера хороших законов, а также его рассуждения о приверженности Короля-Патриота к законам, ограничивающим власть правителя, подтверждали тот факт, что просветитель поддерживал ограниченную монархию, установившуюся в Англии, и считал подобную форму правления идеальной.

Хотя в произведении "Идея о Короле-Патриоте" Болингброк называл целью правления монарха лишь обеспечение свободы народа через сохранение законов, его поддерживавших, т.е. конституцию, но в других памфлетах он упоминал и такие цели, как "процветание человечества", "счастье и безопасность подданных", наконец, "обеспечение неприкосновенности жизни, свободы и собственности членов общества"⁶¹.

Обращаясь к высказываниям Болингброка по поводу целей правления Короля-Патриота, убеждаемся, что о сохранении частной собственности в качестве одной из таковых он упоминал крайне редко. В этом он существенно расходился с вигами. Подобные различия в оценках целей правительства со стороны вигов и тори зависели, на наш взгляд, от того, какое значение представители каждой из партий вкладывали в само понятие королевской власти. И если для вигов король при конституционной монархии являлся всего лишь высшим государственным чиновником, а потому как любое должностное лицо мог, злоупотребляя своим служебным положением, покуситься на собственность подданных, то они и считали необходимым оговорить в конституции право на сохранение частной собственности. Для тори, в том числе и для Болингброка, король являлся "отцом семейства", а государство – патриархальной семьей, в которой нарушение права собственности попросту исключалось. Ну кто же станет нарушать собственность своей семьи? Поэтому-то Болингброк специально и не останавливался на вопросе сохранения собственности как одной из целей правления Короля-Патриота. Ведь для него это считалось само собой разумеющимся.

Бесспорный интерес в работе Болингброка представляли его рассуждения об ответственности министров в правление Короля-Патриота. Поскольку согласно конституции "короли не могут дурно поступать", и потому их "нельзя призвать к ответу", то всю ответ-

ственность за управление в стране, на взгляд Болингброка, должны нести министры. В то время как "почести воздаются королю", вина за все незаконные действия и плохое управление ложится на министров"⁶². Болингброк не сомневался в том, что очень многое в государственном управлении завсит от того, какие люди получают министерские портфели. Он допускал, что Король-Патриот мог унаследовать министров от своего предшественника, правление которого было плохим. В этом случае его окружали люди "из числа тех авантюристов, суетливых и наглых, которые стараются всюду пролезть, как можно скорее, и проникнуть, как можно глубже в партийные интриги, равно как и в управление делами государства, лишённые зачастую истинного умения и всегда – достойного честолюбия и даже простой видимости добродетели"⁶³. Они не помышляли никогда ни о чем, кроме как "сколотить состояние" и обзавестись титулами ради удовлетворения собственного тщеславия.

Как и другие просветители, Болингброк подвергал резкой критике государственных чиновников и придворных, людей, "лишенных принципов и чистой совести", говоря о них: "Проститутки, бесстыдно выставляющие себя на продажу, саранча, опустошающая землю, толпы соглядатаев, сонмы паразитов, хоры льстецов – все окружают трон под покровительством подобных министров, и целые рои мелких, назойливых, безымянных насекомых будут жужжать и гудеть в каждом уголке двора"⁶⁴. Если подобный двор достанется в наследство Королю-Патриоту, то он должен без промедления, на взгляд Болингброка, подобных министров и их пособников "всех скопом" прогнать со двора. Первой заботой Короля-Патриота становится "очищение" своего двора и привлечение на службу людей, готовых руководствоваться такими же принципами, с помощью которых намерен управлять он сам.

О том, какими должны быть министры, Болингброк писал в памфлете "О хороших и плохих министрах". Достойные служения делу нации государственные мужи – это люди великие, мудрые, знатные по происхождению, унаследовавшие достоинства своих предков, вежливые и предупредительные в общении, хорошо образованные, разбирающиеся в английской конституции, законах и государственном устройстве страны. Они преданы короне и отличаются глубокой религиозностью. Эти люди не стремятся возвеличить свой род и читают личные достоинства, а не заслуги и титулы основанием для дружбы. Каждую возможность они используют для того, чтобы сделать своих сограждан счастливыми. Как правило, такие министры "справедливы во всех своих суждениях, умеренны в желаниях и преданы истине". Они не бывают подобострастными, если находятся не у дел, и не становятся деспотами, придя к власти. Министры с особым вниманием относятся к выбору должностных лиц и следят за тем, чтобы общественные деньги, выплачиваемые

им, покрывали лишь расходы на жизнь, приличествующую занимаемому положению. Не менее важно, считал Болингброк, чтобы должностные лица "не имели никаких преимуществ от своей службы", а напротив, скорее почувствовали бы ее тяжесть, служа ради блага народа. Подобный идеал министра, изображенный просветителем, был настолько далек от реальности, что заставил самого автора признать: "Людей подобного рода, как сияющих звезд на небосклоне, очень мало"⁶⁵. Чаще же всего министры плохо разбираются в государственных делах и подбирают на должности таких же малосведущих лиц, какими являются сами, да еще и правят "с помощью коррупции и раздоров".

Важное значение Болингброк придавал независимости Короля-Патриота от политических партий. Король-Патриот, на его взгляд, должен править в качестве "отца всего своего народа", а "не обручаться ни с одной партией в отдельности". Если же король отдает предпочтение какой-либо партии, то это неизбежно приводит к господству фракции правителя, либо фракции его министров, что, в свою очередь, влечет за собой угнетение всего народа. Вместо того чтобы поддерживать разногласия в обществе, в том числе и партийные, и возглавлять одну из партий, Король-Патриот должен встать во главе всего народа и подчинить все партии себе. Ну, а если правитель замышляет "дурное", тогда он стремится разобщить свой народ. Болингброк допускал: на определенном этапе сотрудничества с одной из партий король может добиться успеха, участвуя в "дележе добычи, вырванной у разделенной и ограбленной ими нации". Однако очень скоро партия вырождается во фракцию, король обратится в тирана, а его правительство сделается группой заговорщиков, замышляющих недоброе против своего народа⁶⁶.

Болингброк убежден: в делах государственного управления Король-Патриот вообще не нуждается в партиях. К тому же вероятность возникновения оппозиции в его царствование, полагал просветитель, попросту ничтожна. Если к правительству, пользующемуся "высокой репутацией", люди будут относиться с добрыми чувствами, то "стимулы" к созданию оппозиции во многом утратят силу. Но даже если появятся реальные основания для создания оппозиции, когда начнут раздаваться жалобы по поводу нанесенных обид, будут указывать на ошибки и злоупотребления властей, если министры подвергнутся преследованиям со стороны противников, то и тогда Король-Патриот не должен обращаться к созданию собственной партии. Болингброк считал: Король-Патриот располагает "более открытыми, благородными и более действенными" средствами и потому, не прибегая к партиям, сумеет загладить обиды, поправить ошибки и наставить на путь истинный либо покарать виновных министров⁶⁷. Впрочем, при необходимости Король-Патриот отыщет способ, как покончить с оппозицией, тем более, что любому британ-

скому королю достаточно средств для подавления и усмирения оппозиции. Что это за "средства подавления" оппозиции, Болингброк не поясняет, и потому остается только догадываться: скорее всего это были подкуп, пенсии, должности или, на худой конец, репрессивное законодательство, которое всегда было в ходу у любого правителя в его борьбе с оппозицией.

Подобные рассуждения Болингброка о "хорошем" правлении Короля-Патриота, исключавшем возможность возникновения партийной оппозиции, представляли, на наш взгляд, утопию чистой воды. К тому же если учесть, что сам просветитель был в гуще реальных политических событий, активно участвовал в партийной борьбе на стороне правящей партии, а затем побывал и в оппозиции, то тем более, представляются надуманными его высказывания о том, что правитель всегда найдет "благородные средства" для устранения возникающих злоупотреблений. Как известно, в борьбе за власть монархи не гнушались использовать любые средства. И сам Болингброк, находясь на посту государственного секретаря в правление королевы Анны, не раз в том убеждался. Поэтому его рассуждения о возможности правления Короля-Патриота без партий и партийной оппозиции напоминали собой представления об идеальном короле средневековых времен Тюдоров или первых Стюартов, носили характер ностальгических воспоминаний о патриархальном феодальном обществе, каковым являлась Англия периода абсолютной монархии.

Болингброк был твердо убежден: для достижения благих целей правления Короллю-Патриоту необходимо добиться сплочения народа. "Наш воображаемый король должен видеть в единстве своего народа величайшее для себя преимущество", — подчеркивал он. Более того, просветитель считал для правителя важным проявление заботы не только о сплочении нации, но и о своем объединении с народом. "Если государь и народ едины, — утверждал Болингброк, — ничто не может им повредить". Единство нации и Короля-Патриота "поможет разрушить не один коварный замысел, сохранить в чистоте добродетель и хоть в какой-то степени обуздать порок"⁶⁸. Как видно, единство нации представлялось Болингброку великой целью Короля-Патриота. В то же время просветитель не пояснял, каким путем возможно было бы подобного "единения" достигнуть. К тому же он допускал, что народ может расходиться с королем по поводу всей его политики или отдельных вопросов, а также критиковать должностных лиц, находящихся на государственной службе. Просветитель выражал опасения, что все это приведет к расколу нации, возникнут расхождения по поводу повиновения государю и образуется партия, "достаточно сплоченная и крепкая духом, чтобы противоборствовать законному правительству силой оружия"⁶⁹. Чтобы избежать подобной опасности, король и должен, на взгляд

Болингброка, больше внимания уделять мерам, направленным на достижение сплочения нации.

В высказываниях Болингброка встречались также рассуждения по поводу сопротивления тирании. Задаваясь вопросом, как поведет себя Король-Патриот, если часть его подданных выступит против него с оружием в руках, он отмечал: в подобной ситуации правителю необходимо сплотить ряды подданных и самому сблизиться с ними. Ну, а если подобные меры окажутся безрезультатными, тогда возможно с оружием в руках преследовать тех, кто замышляет поднять оружие против короля. Но в то же время Король-Патриот обязан оставаться "отцом своего народа" и, даже выступая против подданных, "преследовать их как непокорных детей, которых надо возвратить в лоно семьи, а не как непримиримых врагов, которых он стремится истребить"⁷⁰. Как видно, Болингброк допускал возможность подавления выступлений недовольного народа с помощью силы. И в этом особенно ярко проявилась ограниченность буржуазного просветителя, стоявшего на страже интересов власть имущих.

Изображая идеал правления Короля-Патриота, просветитель полагал: именно при таком правлении конституция возродится, коррупция перестанет влиять на власть предрержащих, партийные фракции исчезнут, подданные перестанут творить зло и научатся делать добро. В правление Короля-Патриота, по мнению Болингброка, будет достигнуто общественное спокойствие, а также мир и счастье всех граждан страны. Заметим, что подобный идеал короля, представленный Болингбромом, самому автору казался подобием чуда, "столь редко встречающегося и столь мало доступного постижению"⁷¹. Болингброк признавал, что некое подобие такого правления имело место лишь во времена королевы Елизаветы Тюдор.

Итак, как мы могли убедиться, произведение Болингброка о Короле-Патриоте представляло собой явную утопию. В работе, предназначенной наставлять и инструктировать правителей, мало что подходило для буржуазного общества. По большей части ее идеи служили своеобразным призывом к возвращению тюдоровской автократии: "назад, к Елизавете!" Представленный Болингбромом правитель являлся главой патриархальной семьи. Надо признать, что подобные идеи, воспевающие и идеализирующие королевскую власть, пусть даже и ограниченную законом, были типичными для средневековья, когда господствовал феодализм. Для новой, буржуазной Англии подобные теории представлялись скорее отжившими свой век химерами, чем руководством к действию. Вот почему произведение Болингброка о Короле-Патриоте многие историки справедливо окрестили утопией⁷². Яркую оценку труда просветителя дал Барг: «Поскольку речь идет о будущем и "возможном" в современной Болингброку Англии – перед нами чистойшей

воды политическая утопия. Поскольку же речь идет об анализе природы власти как таковой – перед нами интереснейший памятник политической мысли первой половины XVIII в.»⁷³

Существенное место в политических трактатах Болингброка отводилось также вопросу о политических партиях. Подобно другим просветителям, он пытался представить себя внепартийным наблюдателем, утверждая, что его мысли "отличаются от рассуждений как тори, так и вигов"⁷⁴. Между тем политическая платформа просветителя была во многом тождественна торийской. Он также отстаивал "земельные" интересы, о чем неоднократно заявлял в своих работах⁷⁵. К вигам, защитникам "денежных" интересов, он относился довольно критично.

Свои мысли по поводу партий просветитель изложил в знаменитом труде "Рассуждение о партиях". Данное произведение быстро завоевало популярность, выдержав на протяжении четырех лет пять изданий, а затем в переводе появилось во Франции и в других странах. В беседе с Попом Свифт отмечал: "Рассуждение о партиях" написано просто "мастерски"⁷⁶. Впрочем, сам автор также гордился собственным "детищем". Начиналось произведение с посвящения премьер-министру Уолполу, в котором автор объявлял целью своего труда устранение прежних с ним разногласий, которые вызывали раздоры между партиями, а также способствовали усилению коррупции в управлении. Обращаясь к истории возникновения партий, Болингброк подчеркивал: несмотря на то что партии противоположны по своему характеру, однако каждая из них заявляет, что именно ее принципы соответствуют единой для всех конституции⁷⁷. Что же это за принципы? Вера в божественное происхождение королевской власти и наследственное право престолонаследия, пассивное подчинение, непротивление, рабство и папство – вот что, на взгляд Болингброка, характеризовало идеологию партии тори до Славной революции⁷⁸. Однако после революции идеология партии, как верно подметил Болингброк, претерпела существенные изменения. "Партии, которые существовали ранее, сошли со сцены", – писал он. Теперь обстановка изменилась, что не может не отразиться на взглядах представителей обеих партий. И если в прошлом "величайшей" заслугой партий являлась их борьба против прерогативы королевской власти, когда она подняла голову так высоко, что стала угрожать свободе, то теперь партии преследуют иные задачи. В настоящее время, полагал Болингброк, "основной заслугой партий" сделалось противодействие тем, кто превозносит коррупцию, а также разоблачение средств, с помощью которых ее можно усовершенствовать "на погибель нашей конституции и, следовательно, нашей свободы"⁷⁹. На взгляд автора "Рассуждения...", обе партии должны сообща выступить в борьбе против единого для всех побороков свободы зла – коррупции.

Приведенные Болингброком характеристики партий после Славной революции заметно отличались от тех, которыми их надеялись другие просветители и с которыми мы познакомились в предыдущих очерках. И действительно, партии изменили свой характер, однако ни одна из них не вела сколько-нибудь серьезной компании против коррупции. Допуская критику в адрес подкупленных членов парламента или министров, представители оппозиционной партии тот час же забывали о таком зле, как коррупция, стоило ей занять место правящей. И тогда вчерашние критики коррупции сами начинали продавать правительственные должности, напрочь забывая о тех бранных и обличительных речах, с которыми они еще недавно выступали против коррупционеров.

Говоря об изменениях в характере и идеологии политических партий, Болингброк предпочитал изображать своих политических противников – вигов в негативном свете. Если прежде эта партия отстаивала власть и верховенство народа, общественный договор, независимость парламента, свободу, право сопротивления, исключение католического наследника из престолонаследия и т.п., то после Славной революции, утверждал Болингброк, политические принципы "денежных людей" сделались "разрушительными" для конституции. На его взгляд, "новые виги" – это "остатки партии, образованной при Карле II с целью противостоять злонамеренным целям двора... и использованной с противоположными целями королем Вильгельмом III". Хотя Болингброк справедливо осуждал вигов за то, что они "чрезмерно" вовлекли Англию в дела континента, ввязавшись в разорительную войну с Францией, которая привела к обеднению народа и к "ослаблению устоев" конституции, однако эта критика носила исключительно классовый характер. Поскольку откровенно агрессивная внешняя политика правительства вигов не отвечала интересам класса землевладельцев, к которому принадлежал и Болингброк, то, естественно, он осуждал и эту политику, и тех, кто являлся ее проводником.

Взгляды Болингброка на современные ему партии представляли собой взгляды разочаровавшегося политика, который ни к одной из них не относился с доверием. Просветитель утверждал: если прежние партии нападали на свободу, то новые подрывают ее. Современные партии, по мнению Болингброка, это "убогие черви земли; подобно прочим насекомым, сами явившись из грязи и будучи гнуснейшими среди животного царства, они способны грызть, терзать и отравлять ядом все вокруг, и если дать им размножаться и делать свое дело – могут опустошить самую плодородную страну. Подкуп и зависимость – вот их излюбленные темы. Они ратуют за первое как за средство правления, достойное похвалы, и за второе – я имею в виду продажное, скрытое прихлебательство – как за неотъемлемую часть нашей конституции"⁸⁰.

Нет сомнений в том, что подобную обличительную критику политических партий мог представить лишь просветитель, для которого все негативные явления буржуазной действительности являлись злом, с которым необходимо было вести беспощадную борьбу. И одно из таких средств Болингброк усматривал в создании политической оппозиции. Подробно об этом говорится в его памфлете "Письма о патриотизме". "Всем, кто стремится к разрушению конституции, кто преследует лишь честолюбием и корыстолюбием, жаждет власти и личного обогащения, – писал Болингброк, – следует оказывать сопротивление, пока это еще возможно и они окончательно не погрязли в пороках"⁸¹. Для этой цели необходимо создание оппозиционной партии. Между тем многие политические деятели Англии полагают, что создание оппозиции нечестному правительству является делом добровольным и потому каждый чиновник вправе входить в ее состав и выходить из нее, когда ему заблагорассудится. Болингброк считал это заблуждением. На его взгляд, та партия, которая "оппозиционна и действует систематически, отдавая предпочтение мудрым перед глупыми, честным перед нечестными в управлении государством, будет пользоваться большим уважением, авторитетом и с легкостью достигнет поставленной цели"⁸².

Крамник обращал внимание на то, что Болингброк делал различия между оппозицией королю и министрам. В первом случае он считал оппозицию "антиконституционной", а во втором – оправданной и допустимой⁸³. Как видно, и в названном памфлете Болингброк придерживался такой же точки зрения на оппозицию, что и в работе о Короле-Патриоте: "король не может дурно поступать", вся ответственность за управление ложится на плечи государственных чиновников.

В рассуждениях Болингброка оставалось неясным, какую же конечную цель преследовала оппозиция? Предполагала ли она изменение государственного правления или смещение должностных лиц, или попросту ограничивалась формальным признанием, допуская лишь отдельные критические замечания в адрес государственных чиновников всех рангов? Ответы на данные вопросы мы попытались найти, обратившись к изложению Болингброком теории сопротивления. Как просветитель он признавал, что подданные имеют право оказывать неподчинение монарху в случае, если тот не соблюдает общественный договор. «Стоит королю нарушить... взаимосвязь с народом, – писал просветитель в "Рассуждении о партиях", – как он может лишиться права на то, чтобы подданные повиновались ему полностью и бесповоротно». Следует отметить, что в своих рассуждениях Болингброк в отличие, к примеру, от Свифта допускал неповиновение не только исполнительной власти – королю, но и законодательной – парламенту. Если обе палаты парламента откажутся официально от всех своих прав и привилегий, а равно и прав

и привилегий всего народа в пользу короны, тогда нация имеет полное право воспротивиться верховной законодательной власти, заявлял просветитель. Он был твердо убежден в том, что народ имеет право "на противодействие любой попытке, которая не оставляет иных способов сохранять конституцию, кроме открытого неповиновения"⁸⁴.

Болингброк расходился во мнении со многими тори также по вопросу о пассивном повиновении и непротавлении, считая, что это, так же как и наследственная власть, неизбежно приведет к установлению тирании в стране. "Если хотя бы единожды признается Богом дарованное непреложное наследственное право управлять обществом, – писал он в "Рассуждении о партиях", – если хотя бы единожды народ признает, что он связан с... государем узами пассивного послушания и непротавления, узами слепого верноподданнического повиновения, не обусловленным взаимным обязательством со стороны правителя оградить свой народ от посягательств... то такие монархи получают возможность благодаря силе, а не правам, которыми их наделяют, превратиться в тиранов; государи же, когда сила в их руках, склонны думать, что имеют и право на тиранию"⁸⁵. Просветитель приходил к заключению: вера народа в божественное происхождение королевской власти, слепое ей повиновение и непротавление злоупотреблениям этой власти непременно приведут к тирании. Вот почему Болингброк призывал сторонников непротавления отказаться от своих убеждений, поскольку их пассивное повиновение любому злу со стороны правительства неизбежно повлечет за собой еще большее зло – установление тирании в стране.

Выступая против пассивного подчинения усилившейся власти правителя, Болингброк, подобно всем просветителям, защищал теорию сопротивления власти тирана. "Иной государь может своей необузданной суровостью раздуть пламя гражданской войны, может нажать себе рьяных врагов... и побудить к тому, чтобы недовольство... вылилось в открытый бунт", – писал он в "Идее о Короле-Патриоте". Такому королю надлежит оказать сопротивление. "Несомненно, согласно принципам революции, – подчеркивал Болингброк, – подданный может противостоять государю, стремящемуся разорить и поработить весь народ, может довести это сопротивление до свержения государя с престола и затем изгнания его вместе со всем его родом"⁸⁶. Заметим, что Болингброк допускал в случае нарушения правителем общественного договора даже его свержение, в чем кардинально расходился с другими тори и сближался с вигами. Подобная близость взглядов Болингброка к вигским объяснялась, на наш взгляд, скорее всего тем, что излагались они в период, когда партия тори из правящей превратилась в оппозиционную. Естественно, что и отдельные теории политических противников перекочевали в арсенал "новых" тори. Вот откуда наблюда-

лась явная схожесть у Болингброка на теорию сопротивления с взглядами Локка, Дефо и других вигов.

Следует отметить, что буржуазную революцию середины XVII в. Болингброк также оценивал как оказание сопротивления народом тиранической власти правителя. Хотя он, подобно всем представителям имущих классов, с явным неодобрением отзывался об этой революции, называя ее "самой гнусной узурпацией" и "самой подлой тиранией", которые "возобладали над народом нашим в результате происков худших и подлейших из людей", тем не менее считал, что первые короли из династии Стюартов – Яков I и Карл I также стремились к тирании и потому последний из них заслуженно понес наказание. Именно намерение короля Карла I сделать свою власть деспотической и привело его к трагическому концу – казне на эшафоте в 1649 г. Болингброк напоминал: король Карл I, уверовав в безграничную преданность своего народа, чрезмерно усилил свои прерогативы, начал править без парламента, отбирал деньги у народа вопреки закону и поддерживал плохую администрацию. Деспотическое правление короля, естественно, вызвало законное сопротивление народа. Если бы Карл I требовал от своих подданных послушания лишь на условиях общественного договора, то революции бы не произошло и, возможно, король еще пожил бы и умер своей смертью, заключал просветитель⁸⁷.

Аналогичным образом рассматривал Болингброк и Славную революцию, которую он расценивал как результат нарушения королем Яковом II общественного договора. "Смысл революции заключался... в том, чтобы спасти нас от прямых покушений на нашу свободу и веру со стороны короля Якова", – писал он в "Рассуждении о партиях"⁸⁸. Подобно многим вигам, Болингброк давал самую высокую оценку Славной революции, утверждая, что она сделала "больше, чем все остальные революции", а конституция, выработанная в ходе этих событий, "пережила новую весну". Просветитель заявлял: конституционное устройство Англии, достигнутое в результате революции, в прошлом не имело себе аналогов и было тем более ценно, что его выработал конвент "с участием светских и церковных лордов, при полном и свободном представительстве всего народа"⁸⁹. Законодательство Славной революции он называл "второй Великой Хартией", утверждая, что оно принесло "значительные достижения" для нации⁹⁰. Надо признать, что подобных хвалебных оценок Славной революции не от каждого вига можно было услышать. Понятно, что просветители-виги восторженно отзывались о событиях 1688–1689 гг., поскольку считали революцию делом своих рук. Но почему Болингброк (впрочем, как и Свифт), сторонник партии тори, выступал в ее защиту? Дело в том, что установившееся после революции в стране правление ограниченной монархии в равной степени устраивало обе партии, а следовательно, и те "денежные" и

"земельные" интересы, которые они представляли. Поэтому практически каждый, кто рассуждал о Славной революции, вне зависимости от партийной принадлежности, давал ей самую высокую оценку.

Признавая значение и достижения Славной революции для конституционного развития страны, Болингброк в то же время указывал на ее ограниченность и незавершенность. "Замысел революции остался неосуществимым, – подчеркивал он, – нам не дано было воспользоваться ее плодами, а справедливые чаяния народа остались втуне, ибо не было сделано достаточно, чтобы выборы стали истинно свободными, а парламент – истинно представительным, независимым и единым"⁹¹. Как видно, подобная оценка просветителем Славной революции заметно отличалась от официальной вигской и торийской концепций.

Просветительские взгляды Болингброка оказали весомое влияние на формирование его политической платформы. Он неоднократно выступал с обличительной критикой отдельных негативных явлений буржуазной действительности Англии, и прежде всего коррупции, которая укоренилась в ту пору в государственных учреждениях страны. Подкуп, по утверждению Болингброка, практиковался в той или иной степени во все времена. Однако бывало, что его "держали в узде стыдом и страхом перед неизбежной карой, которая грозила обоим – и тому, кто подкупал, и тому, кого подкупали. На подкуп всегда жаловались, его никогда не защищали, и периодически даже предпринимались усилия при всеобщем одобрении пресечь его". Затем положение изменилось. Появились теории, согласно которым невозможно якобы "соблюдать конституционную независимость короны", если у нее нет рычагов финансового давления на членов парламента. Подобные доктрины, утверждавшие законность и необходимость подкупа в государственном управлении, несмотря на всю свою "абсурдность и цинизм, – подчеркивал Болингброк, – очень скоро могут войти в моду и обрести ореол священных истин".

Коррупция, на взгляд просветителя, представляла серьезную опасность для конституции страны. Болингброк предупреждал сограждан: если и впредь подкуп будет широко использоваться короной и парламентом, то гибель конституции неминуема. Когда в стране процветает коррупция, то у власти оказываются "выскочки", зачастую самые недостойные, "наихудшие из сограждан", которые своим возвышением и богатством обязаны не достоинству или происхождению, а лишь "благодарности слабых государей и испорченности страны, доведенной до разорения их же разбоем". Если и впредь коррупция будет процветать в стране, заключал Болингброк, то уделом Британии станет повторение судьбы Рима. Просветитель напоминал: Рим сохранял свое величие, пока был добродетельным, но как только в нем стала процветать роскошь в угоду коррупции,

а коррупция – питать собой роскошь, Рим стал продажным. «Все пошло на продажу, – писал Болингброк в "Рассуждении о партиях", – выборы чиновников, судебные приговоры, декреты сената, а продавая и покупая все это, пустили с молотка и свободу Рима, и тогда его богатства, власть и слава не смогли надолго пережить его свободу». Чтобы народ Британии не оказался в столь же плачевном состоянии, просветитель призывал англичан объединить свои усилия в борьбе против коррупции и "оградить неприкосновенность парламента от порока продажности... так же, как он огражден от произвола королевской прерогативы"⁹².

Следует признать, что просветитель не раз обращался к проблеме усиления коррупции в правительстве. "Коррупция обращает доброе дело в злое, – подчеркивал Болингброк в одном из памфлетов. – Взятничество всех видов противно закону Божьему, это смертный грех, который следует наказывать с беспощадной суровостью"⁹³. В своем памфлете "О взяточничестве и подкупе" он рассуждал о тех негативных явлениях, к которым приводит коррупция. "Государственная измена очень часто является фатальным следствием коррупции", – утверждал Болингброк. Лишь неподкупные и честные советники способны дать мудрый совет правителю, и только они будут всегда оставаться ему самыми преданными. Если правителя будут окружать достойные и неподкупные чиновники, а не "льстецы и рабы его желаний", а правительство будет править, "не прибегая к помощи золота", то это позволит "поднять весь народ из состояния варварства к высшей степени величия и героическим доблестям", – заключал просветитель⁹⁴. Между тем коррупция в Англии не только продолжает сохраняться, но еще больше усиливается, с горечью признавал Болингброк, причем ее главными покровителями нередко становятся сами министры, которым по долгу службы надлежит бороться с подобным злом. И вообще коррупция чаще используется представителями олигархии, нежели монархом, полагал он, настойчиво призывая сограждан не допустить, чтобы она "превратилась в систему"⁹⁵.

Каким же образом просветитель предполагал бороться с коррупцией? Ведущую роль в искоренении этого зла он отводил политическим партиям. Болингброк утверждал: точно так же, как в прошлом, величайшим достоинством партий являлась их борьба против усиления прерогативы королевской власти, угрожавшей свободе страны, теперь их основной задачей является противодействие тем, кто превозносит коррупцию, разоблачение средств, которыми ее можно усовершенствовать "на погибель нашей конституции и, следовательно, нашей свободы"⁹⁶. Разоблачая коррупцию, просветитель в то же время был озабочен тем, чтобы борьба с ней не зашла слишком далеко – не привела бы к изменению государственного строя Англии. Вот почему он категорично заявлял: "Истинные дру-

зья свободы должны постоянно выступать против подобных явлений (коррупции. — *Т.Л.*), что отнюдь не требует создания новой формы правления... наш долг сохранить конституцию так долго, как это в наших силах"⁹⁷. В этих словах со всей очевидностью проявилось стремление одного из идеологов партии тори отстаивать ту форму правления, которую буржуазия и новое дворянство Англии добивались в ходе революций XVII в.

Изучение политических и просветительских взглядов английского просветителя начала XVIII в. лорда Болингброка позволяет заключить, что его политическая платформа была неоднородной. В ней содержались элементы вигской теории, в толковании которой он порой стоял на позициях даже более радикальных, чем сами виги (к примеру, его рассуждения о возможности сопротивления законодательной власти, а также требование ежегодно переизбирать парламент). В то же время она включала в себя и наиболее типичные для того времени идеи торизма. Сторонник конституционной монархии и сильной исполнительной власти Болингброк предстает как проводник идей не только "новых" тори, но и тори времен Реставрации. Его рассуждения о необходимости усиления королевской власти, о том, что правление Короля-Патриота подобно правлению отца над семьей, наконец, заявление, что король не может "дурно поступать", — все это напоминало учение сторонников патриархальной теории Роберта Фильмера, отстаивавшего в годы революции середины 40-х годов XVII в. идею о расширении королевской прерогативы.

Наиболее близкой к патриархальной теории оказалась идея Болингброка о Короле-Патриоте. Его рассуждения о власти Короля-Патриота, сводившиеся главным образом к выражению надежды на то, что идеальный король сможет осуществить в условиях буржуазной Англии необходимые государственные реформы с целью оздоровления общества, являлись по своей сути утопией. Вместе с тем они во многом способствовали формированию теории "просвещенного" абсолютизма. И как мы сможем убедиться, обратившись к следующему очерку, многие европейские просветители XVIII в., прежде всего Вольтер, позаимствуют из рассуждений Болингброка о власти Короля-Патриота отдельные положения, на основе которых создадут собственную теорию о "просвещенном монархе". В этой связи можно утверждать, что одним из первых теоретиков "просвещенного" абсолютизма являлся именно Болингброк. Обличительная критика, которой он подвергал, по выражению Барга, "уродства эпохи капиталистического грюндерства на английской почве"⁹⁸ (в особенности недостатки и пороки государственного управления и процветавшей в нем коррупции), по праву выдвинула Болингброка в первые ряды известных критиков буржуазной Англии начала XVIII в.

Как сложилась судьба нашего героя после прихода к власти Георга I Ганноверского? Об основных событиях мы уже знаем. Болингброк оказался в вынужденной эмиграции, где начал писать политические трактаты, философские эссе. Удачно сложилась и его личная жизнь. В начале 1717 г. он познакомился с маркизой де Вилетт, происходившей из богатого и знатного французского рода. Маркиза была женщиной красивой, умной, хорошо образованной, слыла интересной собеседницей. Вскоре она стала близким другом Болингброка, а через год вышла за него замуж.

Вынужденная ссылка Болингброка продлилась десять лет. После многочисленных унижительных просьб и хлопот о прощении перед Георгом I, Болингброк, наконец-то, в мае 1725 г. получил разрешение вернуться на родину. Секвестр, наложенный на его владения в 1715 г., был снят. Король даровал Болингброку прощение, но запретил появляться в парламенте и занимать какую-либо должность в государственном управлении. Болингброку исполнилось в ту пору сорок семь лет, и он был еще полон энергии и желания потрудиться на пользу отечеству. Оказавшись не у дел, он незамедлительно принялся за создание внепарламентской оппозиции, направленной против кабинета министров своего давнего недруга Роберта Уолпола. И вскоре дом Болингброка превратился в политический салон членов партии тори. Его нередко посещали Свифт, Гэй, Поп и другие просветители. А осенью 1726 г. в доме Болингброка появился Вольтер. За время двухлетнего пребывания в Англии молодого французского литератора вышли в свет "Путешествия Гулливера" Свифта, которым Вольтер в беседе с Болингброком давал самую высокую оценку и высказывал пожелание, чтобы это произведение как можно быстрее было переведено на французский язык. Францию еще только ожидало знакомство с идеями Просвещения.

Продолжая вести активную деятельность по созданию оппозиции, Болингброк надеялся для свержения Уолпола объединить усилия обеих партий, как тори, так и вигов. С этой целью он начал издавать журнал оппозиции "Крафтсмен" ("Кудесник"). В нем просветитель печатал свои памфлеты, в которых обличал правление вигского министерства. Однако деятельность Болингброка оказалась безуспешной. Вскоре он понял, что борьба против кабинета министров для многих тори по существу превращалась в борьбу за правительственные должности. Потеряв интерес к организации оппозиции, Болингброк в 1735 г. покидает Англию, направляясь во Францию, на этот раз уже в добровольную эмиграцию. В письме к главе торийской оппозиции сэру Уиндхэму он писал: "Я до сих пор остаюсь все тем же изгнанником, окруженный трудностями, подвергающийся унижениям. Мое время минуло, тот же, кто остается на сцене после исполнения своей роли, заслуживает, чтобы его со свистом прогнали"⁹⁹.

Именно за годы жизни во Франции Болингброк и создал те произведения, которые обессмертили его имя: "Письма об изучении и пользе истории", "Письма о патриотизме", "Идея о Короле-Патриоте", "История Европы с 1659 по 1713 гг.", "Трактат о метафизике" и многие другие.

В 1743 г. Болингброк возвратился в Англию. Свои последние годы жизни он провел в родовом поместье Баттерси. Здоровье его заметно ухудшилось, но еще более, чем собственное здоровье, печалили Болингброка утраты близких ему по духу людей и соратников по политической борьбе. На смену прежним политикам приходили новые, цели и задачи которых представлялись ему совершенно чуждыми и далекими. 12 декабря 1751 г. на семьдесят третьем году жизни лорд Болингброк тихо скончался.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 386.

² Цит. по: Hearnshaw F.J. The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1928. P. 210.

³ Ibid.

⁴ Kramnick I. Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard, 1968. P. 1–2.

⁵ International Directory of Eighteenth-Century Studies. Oxford, 2000. P. 381.

⁶ Барз М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

⁷ Рубинштейн Е.Б. Общественно-политические взгляды Болингброка. М., 1990; Рубинштейн Е.Б., Иерусалимская Е.В. Болингброк — политик и мыслитель // Просветительское движение в Англии. М., 1991; Доброва Е.Е. Теория разделения властей в Англии эпохи Просвещения // Вопросы истории. 1981, № 4.

⁸ Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии: Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994; Она же. Политическая платформа Болингброка — реальность или утопия? // Общественная мысль и социально-политические движения в новое и новейшее время. Волгоград, 1995; Она же. Раннепросветительская утопия в Англии // Философский век. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Альманах 13. СПб., 2000.

⁹ Utopias of the British Enlightenment. Cambridge, 1994. P. 36.

¹⁰ Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 44.

¹¹ Vauvrey S. Henry St. John, Viscount Bolingbroke. Boston, 1984. P. 1.

¹² Goldsmith Dr. The Life of Henry St. John Lord Viscount Bolingbroke // Bolingbroke H. St. John. A Dissertation upon Parties. L., 1786. P. 5.

¹³ Барз М.А. Указ. соч. С. 283.

¹⁴ The Works of Lord Bolingbroke with a Life (Далее: The Works). L., 1754. Vol. 1. P. 115.

¹⁵ Свифт Дж. Указ. соч. С. 230.

¹⁶ Bolingbroke H. A Letter to Sir William Windham. L., 1787. P. 13.

¹⁷ Bolingbroke H. Of the Constitution of Great Britain // Bolingbroke H. St. John. A Collection of Political Tracts. L., 1748 (Далее: Political Tracts). P. 257.

¹⁸ Свифт Дж. Указ. соч. С. 289.

¹⁹ Bolingbroke H. A Letter to Sir William Windham. P. 12.

- 20 *Свифт Дж.* Указ. соч. С. 139.
- 21 Там же. С. 85.
- 22 *Барг М.А.* Указ. соч. С. 285.
- 23 Цит. по: *Kramnick I.* Op. cit. P. 15.
- 24 Ibid. P. 14.
- 25 Цит. по: *Macknight T.* The Life of Henry St. John Viscount Bolingbroke, Secretary of State in the Reign of Queen Anne. L., 1863. P. 533.
- 26 *Bolingbroke H.* On Liberty and the Original Compact Between the Prince and the People // Political Tracts. P. 285.
- 27 *Bolingbroke H.* On the Power of the Prince and the Freedom of the People // Political Tracts. P. 246.
- 28 *Bolingbroke H. St. John.* Letters on the Spirit of Patriotism. L., 1757. P. 11–12.
- 29 *Болингброк.* Идея о Короле-Патриоте // *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. С. 211.
- 30 *Mansfield H.G.* Statesmanship and Party Government. A Study of Burke and Bolingbroke. Chicago, 1965. P. 49,98; *Goldsmith Dr.* Op. cit. P. 10.
- 31 *Kramnick I.* Op. cit. P. 98.
- 32 Ibid. P. 99–100.
- 33 *Болингброк.* Идея о Короле-Патриоте. С. 206.
- 34 Там же.
- 35 *Bolingbroke H.* The Freeholder's Political Catechism // Political Tracts. P. 266.
- 36 *Bolingbroke H.* On Liberty and the Original Compact Between the Prince and the People // Political Tracts. P. 285.
- 37 *Болингброк.* Рассуждение о партиях // *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. С. 165.
- 38 Там же. С. 170.
- 39 *Болингброк.* Идея о Короле-Патриоте. С. 220–221.
- 40 *Болингброк.* Рассуждение о партиях. С. 184.
- 41 Там же. С. 188–189.
- 42 *Bolingbroke H.* The Freeholder's Political Catechism. P. 265.
- 43 *Болингброк.* Идея о Короле-Патриоте. С. 203.
- 44 *Bolingbroke H.* The Freeholder's Political Catechism. P. 263.
- 45 *Bolingbroke H.* On the Spirit of Patriotism // Political Tracts. P. 37.
- 46 *Болингброк.* Рассуждение о партиях. С. 174–175.
- 47 Там же. С. 183.
- 48 *Bolingbroke H.* Of the Constitution of Great Britain // Political Tracts. P. 255.
- 49 *Bolingbroke H.* The Freeholder's Political Catechism. P. 275.
- 50 *Болингброк.* Рассуждение о партиях. С. 178.
- 51 Там же. С. 177–178.
- 52 Там же. С. 179.
- 53 *Болингброк.* Идея о Короле-Патриоте. С. 208, 209, 218.
- 54 Там же. С. 201.
- 55 Там же.
- 56 Там же. С. 203–204.
- 57 Там же. С. 211.
- 58 Там же. С. 218.
- 59 Там же. С. 215.
- 60 Там же. С. 216.
- 61 Political Tracts. P. 232, 264, 285.
- 62 *Bolingbroke H. St. J.* A Dissertation upon Parties. L., 1786. P. VIII–IX; Political Tracts. P. 264.

- ⁶³ Болингброк. Идея о Короле-Патриоте. С. 223.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Bolingbroke H. On Good and Bad Ministers // Political Tracts. P. 209, 211.
- ⁶⁶ Болингброк. Идея о Короле-Патриоте. С. 226–228.
- ⁶⁷ Там же. С. 229–230.
- ⁶⁸ Там же. С. 228, 212.
- ⁶⁹ Там же. С. 232.
- ⁷⁰ Там же. С. 232–233.
- ⁷¹ Там же. С. 221.
- ⁷² См.: Hearnshaw F.J. Op. cit. P. 241; Macknight T. Op. cit. P. 637.
- ⁷³ Барг М.А. Указ. соч. С. 287.
- ⁷⁴ Болингброк. Идея о Короле-Патриоте. С. 208.
- ⁷⁵ Bolingbroke H. A Letter to Sir William Windham. P. 12; Political Tracts. P. 259.
- ⁷⁶ Цит. по: Valey S. Henry St. John, Viscount Bolingbroke. Boston, 1984. P. 61.
- ⁷⁷ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 165.
- ⁷⁸ Bolingbroke H. St. J. A Dissertation upon Parties. P. 5.
- ⁷⁹ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 195–196.
- ⁸⁰ Там же. С. 182.
- ⁸¹ Bolingbroke. Letters on the Spirit of Patriotism // Political Tracts. P. 22.
- ⁸² Ibid. P. 62.
- ⁸³ Kramnick I. Op. cit. P. 161.
- ⁸⁴ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 170, 190.
- ⁸⁵ Там же. С. 169.
- ⁸⁶ Болингброк. Идея о Короле-Патриоте. С. 233, 236.
- ⁸⁷ Political Tracts. P. 287–288.
- ⁸⁸ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 176.
- ⁸⁹ Там же. С. 167; Political Tracts. P. 246.
- ⁹⁰ Political Tracts. P. 246.
- ⁹¹ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 176.
- ⁹² Там же. С. 187, 192, 194, 195.
- ⁹³ Political Tracts. P. 271.
- ⁹⁴ Ibid. P. 283.
- ⁹⁵ Ibid. P. 16, 38, 44.
- ⁹⁶ Болингброк. Рассуждение о партиях. С. 195–196.
- ⁹⁷ Political Tracts. P. 252.
- ⁹⁸ Барг М.А. Указ. соч. С. 280.
- ⁹⁹ Цит. по: Там же. С. 286.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЛИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ И РОССИИ

Англия начала XVIII в. представлялась иностранцам передовой для своего времени страной, с динамично развивающейся экономикой, прогрессивной политической структурой, богатой культурой. Заметно отличавшаяся от других европейских стран, в которых все еще господствовал старый, феодальный порядок, Британия не могла не привлекать внимания соседей. Сведения о достижениях в области экономики, торговли и сельского хозяйства, о политическом и культурном развитии Англии распространялись благодаря книгам, газетам, журналам, а также трактатам и памфлетам, в изобилии поступавшим на континент. Но не только. Дипломаты и купцы, литераторы и путешественники, государственные чиновники и студенты посещали Англию в XVIII в. довольно часто. Они также становились носителями информации об этой удивительной стране, о жизни англичан и их необычных порядках. Да и сами обитатели Британских островов бывали по долгу службы, или просто путешествуя, на континенте. Их знакомство с гражданами других европейских государств способствовало установлению межнационального культурного диалога.

В какой мере достижения английской культуры, нашедшие наиболее яркое выражение в Просвещении, повлияли на передовые умы других европейских государств, мы попытались выяснить на примере двух стран – Франции и России.

БРИТАНСКИЙ "СЛЕД" В ТВОРЧЕСТВЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ ФРАНЦИИ

Впервые зародившись в последние десятилетия XVII в. на английской почве, просветительские идеи вскоре заняли господствующее положение в общественной мысли ряда стран Европы и Америки. В этой связи закономерен вопрос: сказалось ли английское "наследие" на развитии просветительской мысли в других странах, и прежде всего во Франции? Данный вопрос интересовал многих исследователей, но специально никем из них не изучался. Как правило, ученые лишь ограничивались признанием факта идейного воздействия английских просветителей на их последователей за рубежом. К примеру, Ф. Херншоу отмечал, что произведения Болингброка оказали "глубокое влияние на Монтескье и Вольтера и через них способствовали выработке принципов Американской конституции"¹. Р. Портер и М. Тейч подчеркивали, что просветительские идеи из Англии проникли во Францию через произведения английских философов Дж. Толанда, А. Коллинза, графа Шефтсбери. Большой интерес, на их взгляд, вызывали во Франции и морально-этические произведения первых журналистов Англии – Р. Стиля и Дж. Аддисона. По признанию Ж.Ж. Руссо, издаваемый ими журнал "Спектейтор" делал людей "более мудрыми и добрыми"². О влиянии Дж. Локка, Дж. Свифта и Болингброка на формирование просветительских взглядов Вольтера упоминал и К. Маклин³.

Важная в научном плане, но все еще недостаточно изученная проблема идейных истоков французского Просвещения привлекла и наше внимание. Мы задались целью проследить, каким путем происходило знакомство французских энциклопедистов с творчеством английских просветителей, и выяснить, какие его положения сделались для них наиболее притягательными.

Говоря о понятии энциклопедизма в культуре Просвещения, под которым мы подразумеваем прежде всего высокообразованность и просвещенность его представителей, следует признать, что и первые просветители Англии в определенной мере были также энциклопедистами. И в этом прежде всего убеждают биографии деятелей раннего английского Просвещения: Локка, Свифта, Дефо, Болингброка, Стиля, Аддисона, Темпля, Сомерса, Галифакса, Ходли, Толанда, Мойля, Молсуорта, Дэвнента⁴. Все они происходили из имущих слоев (родовитой аристократии, либо семей священнослужителей или юристов, реже – из купечества) и имели возможности для получения прекрасного образования как в английских университетах, так и на континенте. Высокообразованных людей в Англии в ту пору готовили, как мы уже знаем, и диссентерские академии. Некоторые из просветителей совершенствовали свое образование за границей.

Прекрасное знание языков, в том числе латыни, позволяло им знакомиться с произведениями не только современных, но и древних философов, политиков, историков, юристов. В их домах нередко имелись богатейшие библиотеки. Своими коллекциями книг прославились известный юрист Джон Сомерс и дипломат Уильям Темпл. Просветители активно участвовали в политической жизни страны, работали в парламенте, суде, министерствах, Тайном Совете. Были членами партий тори или вигов.

Естественно, что подобная деятельность в высших эшелонах власти требовала самых разносторонних и глубоких знаний в различных областях экономики, политики, в законотворчестве и судопроизводстве. Хотя не все представители английского Просвещения занимались литературным ремеслом (среди них были не только писатели, драматурги и журналисты, но и ученые, юристы, военные, священнослужители, врачи, дипломаты, купцы), однако практически все они отменно владели пером, о чем свидетельствуют их многочисленные трактаты, дошедшие до нас. Это были люди высокообразованные и просвещенные, и их по праву можно было бы причислить к "энциклопедистам" XVIII столетия. Неудивительно, что своими работами они не только обессмертили собственные имена, но и оказали глубокое влияние на последующие поколения деятелей европейского и американского Просвещения. Философское учение Локка и Толанда, научные труды Ньютона, исторические изыскания Болингброка, социально-экономические проекты Дефо, дидактические программы Локка и Дефо, сатирические трактаты Свифта сделались основополагающими, "программными" для мыслителей других стран, и в первую очередь для французских энциклопедистов.

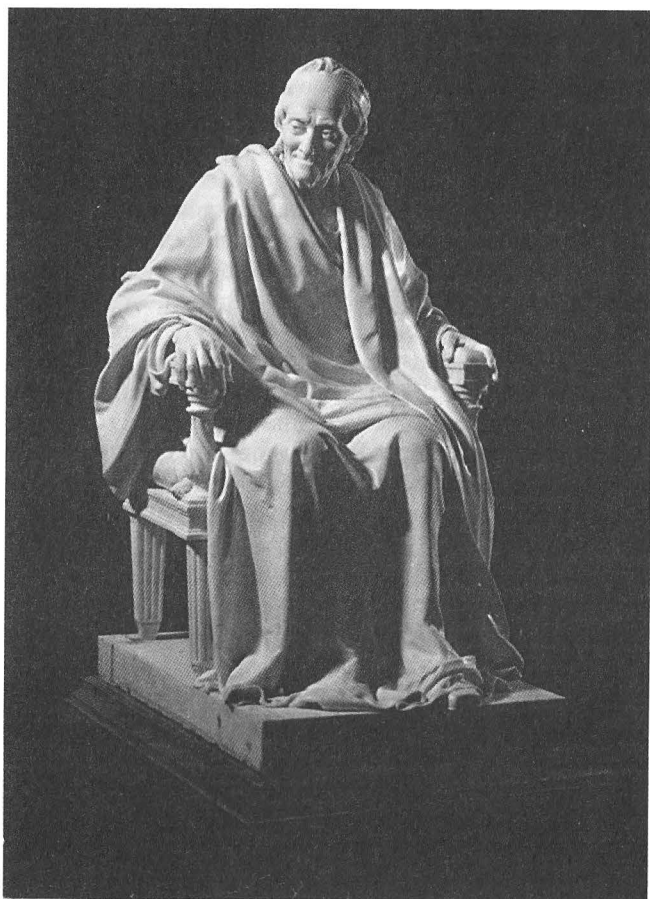
Знакомство французов с идеями английского Просвещения осуществлялось двумя путями: через произведения наиболее видных его представителей, а также благодаря непосредственным контактам, встречам и беседам. Как отмечал американский ученый Н. Капалди, существовало три вида подобных контактов: политическая эмиграция, путешествия и совершенствование образования (*grand tour*)⁵.

Вольтер и Монтескье познакомились с Болингброком во Франции, куда английский лорд бежал в 1714 г., спасаясь от преследований вигского кабинета министров. Болингброк поселился вблизи Орлеана, в небольшом местечке Лясурс. Встречи и беседы мыслителей двух стран оказались весьма плодотворными: они стали, как утверждал И. Крамник, "связующими звеньями" между французскими и английскими идеями раннего Просвещения⁶. А в 1726 г. в политической ссылке оказался Вольтер. Местом его эмиграции стала Англия. Побывали здесь также Гельвеций и Монтескье, правда, уже не как политические изгнанники, а как обычные путешественники. В свою очередь, и английские просветители нередко выезжали на

континент. Дипломат Уильям Темпл в молодости четыре года провел за границей, совершенствуя свои знания языков во Франции, Голландии, Германии, Фландрии. Несколько лет прожил в Европе также Даниель Дефо, который знакомился с устройством промышленных предприятий во Франции, Италии, Испании, Португалии. Свое образование продолжил на континенте (во Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Голландии, Германии) драматург и журналист Джозеф Аддисон. Девятнадцатилетним юношей впервые посетил Париж и Рим лорд Болингброк. В университетах Парижа и Женевы обучался маркиз Галифакс. Побывал в Европе так называемый новый республиканец Эндрю Флетчер. Несколько лет провел в путешествиях по европейским странам философ Джон Толанд. Думается, что визиты этих видных деятелей в европейские страны, и прежде всего во Францию, не прошли бесследно для просвещенных умов континента.

Наиболее ощутимо сказалось английское влияние на тех деятелях европейского Просвещения, которым довелось побывать в Англии. Особенно наглядно это видно на примере Вольтера, который прожил здесь с 1726 по 1729 г. Создатель знаменитого "Эдипа" в ту пору уже был хорошо известен на Британских островах, где его встретили с особым почетом. Знакомство с Англией произвело на Вольтера неизгладимое впечатление. В особое восхищение привело его конституционное устройство страны. «Английская нация, – писал он позднее в "Философских письмах", – единственная на Земле, добившаяся ограничения королевской власти путем сопротивления, а также установившая с помощью последовательных усилий то мудрое правление, при котором государь, всемогущий, когда речь идет о благих делах, оказывается связанным по рукам и ногам, если намеревается совершить зло; при котором вельможи являются гражданами без надменности и вассалов, а народ без смут принимает участие в управлении»⁷. Вольтер обращал также внимание на существующее между общинами, лордами и королем "согласие", считая подобное сочетание "счастливым". Впрочем, мимо пристального взгляда мыслителя не прошли незамеченными и некоторые "изъяны" английской системы правления. Вольтер подметил присущую парламентариям коррупцию. При случае, отмечал он, члены английского парламента "продают свои голоса точно так же, как это делалось в Риме"⁸. Однако это было, пожалуй, единственным критическим замечанием Вольтера по поводу английских порядков. Не исключено, что оно было сделано под влиянием известного борца с коррупцией лорда Болингброка.

Экономические реформы "превосходного короля Вильгельма III", на взгляд Вольтера, заметно облегчили положение простого народа, который перестал чувствовать себя "угнетенным и обиженным". "Ноги крестьянина не стирают деревянные башмаки, он ест

Жан-Антуан Гудон. Вольтер в кресле.
1781 г.

белый хлеб, хорошо одевается, не боится увеличить поголовье своего стада или покрыть свою крышу черепицей под угрозой повышения налога в следующем году". Короче говоря, заключал Вольтер, крестьяне живут "свободными людьми". Представленная им столь идиллическая картина жизни английских крестьян не вполне соответствовала действительности. Вероятно, французский мыслитель делал подобные выводы, сравнивая уровень жизни крестьянства своей страны с тем, как жили фермеры Англии. И действительно, в буржуазной Англии оно было более зажиточным, нежели в феодальной Франции. Не случайно специалисты окрестили начало XVIII в. в Англии "золотым веком сельского работника"⁹. Однако, по признанию Дефо, исследовавшего экономическое положение

страны, наряду с богатыми и процветающими крестьянами было немало тех, кто "испытывал сильную нужду"¹⁰. Кроме того, по-прежнему оставалась нерешенной проблема пауперов, ряды которых пополняли как горожане, так и сельские труженики Англии.

Не ограничиваясь констатацией достижений в английской экономике, достигнутых в правление короля Вильгельма Оранского, Вольтер пытался выявить их причины. Так, он отметил решающую роль торговли в успешном развитии экономики Англии. На его взгляд, торговля обеспечила "рост величия государства", обогатив английских горожан, "способствовала их освобождению". Свобода же эта, в свою очередь, вызвала расширение торговли. Именно торговля "мало-помалу породила морские силы, с помощью которых англичане стали повелителями морей". Вольтер приходил к заключению о том, что подобное положение вещей "вызывает у английского купца справедливое чувство гордости и заставляет его, не без некоторого основания, сравнивать себя с римским гражданином, поэтому младшие сыновья пэров королевства вовсе не пренебрегают коммерцией"¹¹.

Высоко оценивая достижения английской нации в сфере экономики, политики, законодательства и культуры, Вольтер тесно связывал их с результатами двух революций XVII в. "Без сомнения, — подчеркивал он, — установить свободу в Англии стоило недорого. Идол деспотической власти был потоплен в морях крови, однако англичане вовсе не считали, что они слишком дорого заплатили за достойное законодательство"¹². Позднее в своих трудах философ не раз обращался к событиям английских революций, явно отдавая предпочтение Славной революции 1688–1689 гг.¹³

Результатом поездки Вольтера в Англию стали его знаменитые "Письма об англичанах", которые были опубликованы в Лондоне в 1733 г., а через год — в Париже под названием "Философские письма". Это произведение вызвало гнев французских властей, издавших приказ об аресте его автора. Лишь чудом опальному сочинителю удалось избежать ареста, эмигрировав в Голландию.

Посещение Англии позволило Вольтеру не только ознакомиться с различными достижениями страны, но также ближе и глубже узнать труды деятелей культуры, и прежде всего первых просветителей Англии. В каталоге книг библиотеки Вольтера сохранились названия многих трудов английских просветителей: лорда Болингброка, Дж. Локка, два тома "Избранных произведений" Дж. Свифта, три тома "Избранных философских произведений" Дж. Толанда, отдельные работы Дж. Гэя, У. Конгрива, А. Коллинза, Дж. Аддисона, Р. Стиля, И. Ньютона¹⁴. В "Философских письмах" встречаются ссылки на труды Шефтсбери, А. Попа, М. Прайора, маркиза Галифакса.

Особенно высоко ценил Вольтер английского философа Джона Локка. Он не просто "открыл" его для Франции, но, как отмечал

В.Н. Кузнецов, именно с Вольтера "началась всеевропейская известность Локка". Письмо за № 13 в "Философских письмах" посвящено "господину Локку". Автор восхищался его "мудрым методическим умом" и "точной логикой", хотя тот и не был "великим математиком". Метод познания, используемый Локком, представлялся Вольтеру совершенным. "Локк развернул перед человеком картину человеческого разума, как превосходный анатом объясняет механизм человеческого тела. Всюду он пользовался светочем физики; иногда он осмеливается утверждать, но осмеливается также и сомневаться, вместо того чтобы сразу же дать определение всему тому, чего мы не знаем; он шаг за шагом исследует то, что мы хотели бы знать... Вдребезги разбив врожденные идеи и полностью отвергнув тщеславное убеждение, будто мы постоянно мыслим, Локк устанавливает, что все наши идеи мы получаем через ощущения, прослеживает человеческое сознание во всех его функциях..."¹⁵ Анализируя взгляды своего английского предшественника, Вольтер приходит к заключению о "мудром и непритязательном" характере философии Локка.

Наряду с Локком Вольтер "открыл" своим соотечественникам также другого выдающегося англичанина – физика И. Ньютона. Он называл Ньютона "одним из величайших людей всех времен", "гением", принадлежавшим "всем академиям Европы". Как отмечал Н.И. Идельсон, сравнительно новая в те времена "ньютоновская доктрина" произвела огромное впечатление на Вольтера, который вскоре "сделался ее первым глашатаем во Франции"¹⁶. Вольтер становится "ньютономаном": первым в Европе он признал необходимость популяризации учения Ньютона в широких кругах и в 1738 г. издал в Амстердаме "Элементы философии Ньютона, доведенные до всеобщего понимания".

Вольтер обращал внимание на "мощный талант" Ньютона, используемый ученым "для самообразования и просвещения других". Он приходил к заключению о том, что Ньютон "действительно велик" и вряд ли его можно сравнить с кем-то еще "на протяжении десяти веков". В "Философских письмах" Вольтер подробно анализировал изложенную Ньютоном систему тяготения и его учения об оптике, о бесконечности, о хронологии. "Прославленный Ньютон", подчеркивал философ, мог родиться только в Англии, где почитают "человеческий разум". В других же европейских странах еще не настали "времена Ньютона", поэтому его книги попадают под арест, как в Риме, или сжигаются на костре, как в Лиссабоне. "Великое счастье" Ньютона, заключал Вольтер, "состояло не только в том, что он родился в свободной стране, но и в том, что родился он во времена, когда схоластическая нетерпимость была изгнана, когда культивировался лишь разум и мир мог быть лишь его учеником, но не его врагом". К сказанному добавим еще одну

деталь: авторство ставшей хрестоматийной легенды о падающем яблоке, которое будто бы натолкнуло Ньютона на создание теории о гравитационном притяжении, также приписывается Вольтеру.

К просвещенным умам Европы Вольтер причислял и лорда Болингброка. Хотя философ не всегда соглашался с учением своего английского друга о деизме, тем не менее он высоко ценил его исследование о книгах пророка Моисея: "Для человеческого ума невозможно возразить что-нибудь разумное на все, что сказал милорд Болингброк". Его книга, по признанию Вольтера, это "гром, поразивший суеверие". "Милорду Болингброку было дано разрушить теологическое безумие, так же как Ньютону было дано уничтожить ошибки в физике"¹⁷. Вольтер высоко ценил просвещенность Болингброка, отмечая не только его дар "произносить экспромтом речи в парламенте", но и чистоту языка, которую сравнивал с "кабинетными сочинениями" Свифта. На взгляд философа, Болингброк являлся настоящим "украшением" английской Академии наук. Высоко оценивая заслуги Болингброка в борьбе с суеверием и его просвещенность, Вольтер по каким-то причинам упустил из виду его достижения на ниве изучения истории. Да и вообще, по его мнению, у англичан "вовсе нет хороших историков"¹⁸. Это позволяет предположить, что он либо не был знаком с историческими трудами Болингброка основательно, либо не причислял таковые к историческим работам.

Важное место в "Философских письмах" занимали оценки Вольтера произведений английских литераторов эпохи раннего Просвещения. Он высоко ценил сатирические произведения "гениального доктора Свифта", которого сравнивал с Рабле: "Свифт, как и Рабле, имеет честь быть священником и, как он, подвергает осмеянию все и вся". На взгляд Вольтера, Свифт – это Рабле "в хорошем смысле этого слова", правда, он не владеет его веселостью, но зато "обладает всей той изысканностью, тем разумом, взыскательностью и хорошим вкусом, которых так недостает "медонскому кюре". Вольтера восхищала и поэзия Свифта, отличающаяся "отменным вкусом, почти неподражаемым"¹⁹.

Прекрасный знаток современной драматургии, сам являвшийся автором ряда пьес, Вольтер по заслугам оценил "Катона" Дж. Аддисона. Он отмечал, что Аддисон первым из англичан создал "дельную пьесу", написав ее "от начала до конца с изяществом". "Катон", на взгляд Вольтера, это "шедевр по своему слогу и красоте стиха". Просветитель не забыл отметить и достоинства английской комедии, отдав должное У. Конгриву, который "более всех содействовал росту славы комедийного театра". И хотя Конгрив написал немного пьес, отмечал Вольтер, но все они "в своем роде выдающиеся", "самые остроумные и меткие". К "хорошим комическим поэтам"

Вольтер причислял также Р. Стиля. Не забыл Вольтер отметить талантливых поэтов Англии А. Попа и М. Прайора.

В ряду английских просветителей конца XVII в. стоит и министр Г. Севиль, маркиз Галифакс, один из лидеров партии вигов. Как известно, маркиз Галифакс вошел в историю английской общественной мысли не только благодаря своим трудам, но также потому, что оказывал покровительство многим начинающим талантливым литераторам. Подобная деятельность маркиза на поприще "возращения" литературных талантов была по заслугам оценена Вольтером. "Милорд Галифакс и многие другие культивировали литературу так, как если бы ожидали, что это принесет им богатство; более того, они сделали искусства почетными в глазах народа". Вольтер признавал, что образованные люди в Англии всегда почитались. "Уважение, питаемое народом Англии к талантам, столь велико, что человек заслуженный всегда завоевывает себе там положение". Почести воздаются талантливым людям как при жизни (их назначают на высокие государственные должности), так и после смерти: в Вестминстере поклоняются не королям, но политикам, и благодарная нация воздвигала усыпальницы "величайшим людям, содействовавшим ее прославлению"²⁰.

Не только Вольтер, но и другие мыслители Франции испытали на себе английское влияние. Так, Монтескье, отправившись в 1728 г. в путешествие по Европе, первым делом посетил Англию. Как и Вольтер, он восхищался государственно-политическим устройством этой страны, подчеркивая, что английский народ "лучше всех народов мира сумел воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой"²¹. Изучив труды своих английских предшественников, Монтескье пришел от них в восхищение и даже стал подражать их манере написания политических трактатов, за что его нередко упрекали критики²².

Большой интерес к Англии проявлял и основатель знаменитой "Энциклопедии" Д. Дидро. Уже в юные годы он зачитывался сочинениями Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Ньютона, трудами английских историков. Когда же Вольтер опубликовал свои "Философские письма", интерес Дидро к произведениям английских авторов еще более возрос. Он начал заниматься переводами: в 1743 г. вышел в свет его перевод "Истории Англии" Станиана, а через год началась публикация шеститомного "Словаря всеобщей медицины, хирургии и химии" Джемса, среди переводчиков которого значилось и имя Дидро. Вскоре он обратился к переводу "Принципов нравственной философии" графа Шефтсбери, подойдя к этой работе творчески: изложил воззрения английского философа, "по-своему интерпретируя и дополняя их в соответствии с тем, как трактовались проблемы нравственности во французской философии. Переводческая по форме, данная работа Дидро имела в сущности творчески-философский ха-

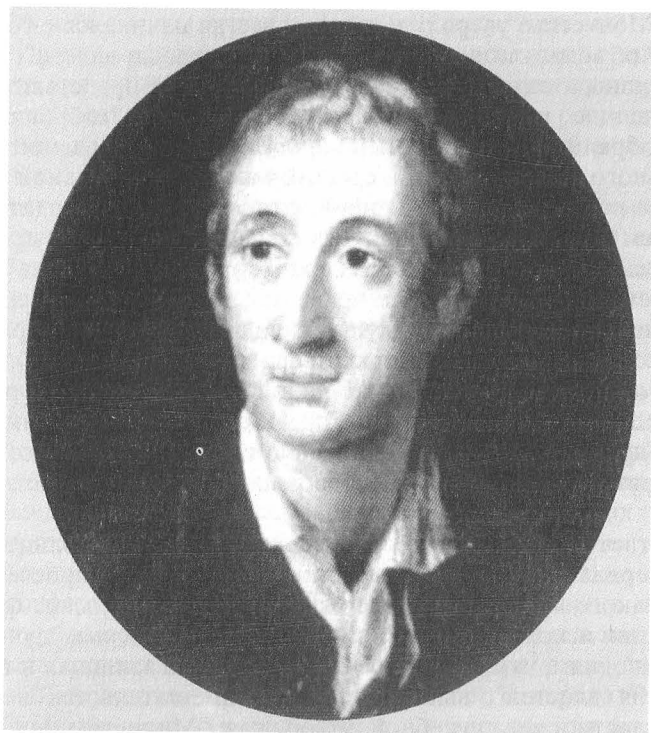
рактир"²³. В 1745 г. Дидро было предложено стать переводчиком английской "Энциклопедии" Чемберса, что натолкнуло его на мысль о создании собственной "Энциклопедии".

Выяснив, каким образом происходило влияние английского наследия на французских просветителей, обратимся к изучению тех идей, которые привлекали философов Франции. Например, Вольтер открыто объявлял, что намерен "воспользоваться опытом" англичан²⁴. Что же более всего импонировало французским просветителям в идейном багаже англичан?

Вслед за Локком, Дефо, Болингброком, Стилем, Аддисоном, Галифаксом, которые, говоря о происхождении государственной власти, отстаивали теорию "общественного договора", французские просветители также выступали в ее защиту. Монтескье, считавший, что государство образуется посредством договора, утверждал: "Народ в высшей степени избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти"²⁵. По мнению Вольтера, король получил власть от народа, доверившего ему свою безопасность. Убеденным сторонником данной теории был и Руссо, посвятивший ее анализу произведение "Общественный договор"²⁶.

В поисках наилучшей формы правления французы часто обращались к английской модели. Наиболее притягательным для них стало конституционное устройство Англии, утвердившееся после Славной революции, хотя, например, Вольтер считал, что "совершенного государственного устройства не бывало никогда", объясняя это тем, что "у людей есть страсти". В противном случае "не понадобилось бы никакого государственного устройства" вовсе²⁷. (Напомним, что аналогичного мнения придерживался английский дипломат и просветитель У. Темпл.) Однако философ отдавал предпочтение республиканскому правлению, полагая, что "оно всех более приближает людей к естественному равенству". Правда, последнее отнюдь не означало экономического равенства всех граждан в обществе. Первоочередным, на взгляд Вольтера, являлось равенство перед законом, который определяет "права каждого сословия". И лучше всего законы соблюдаются в том случае, когда власть в государстве принадлежит королю. Являясь решительным противником деспотизма и произвола, которые превращают человеческое общество в "стадо подъяремных волов, работающих на хозяина", Вольтер выступал в защиту конституционной монархии по английскому образцу²⁸.

Сходного взгляда на государственное правление придерживался и Монтескье. Он, как и англичане, с осуждением отзывался о деспотическом правлении, при котором все "вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица"²⁹. А его высказывание о том, что деспотизм обыкновенно "царит" "в жарких климатах", очень близко к рассуждениям Свифта, утверждавшего, что "умерен-

Дени Дидро

ный климат способствует умеренным формам правления, а резко континентальный располагает к деспотической власти"³⁰. Подобно англичанам, Монтескье явное предпочтение отдавал конституционной монархии. Он считал, что "самая природа этого правления требует наличия нескольких сословий, на которые опирается власть государя", благодаря чему государство получает большую устойчивость, его строй оказывается прочнее, а правители – в большей безопасности³¹. Нетрудно убедиться, что высказывания Монтескье и Вольтера о конституционной монархии были во многом созвучны рассуждениям Болингброка и Стиля.

Английское влияние прослеживается и в толковании Монтескье теории "разделения властей". Он, как Локк, Болингброк, Свифт и Аддисон, защищал необходимость разделения власти, утверждая, что "все погибнет", если "в одном и том же лице или учреждении" соединятся три ветви власти: "власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления... и власть судить преступления"³². Вслед за Свифтом, утверждавшим, что концентрация всей полноты власти в одних руках неизбежно приведет к установлению

тирании, Монтескье уверял: деспотизм всегда начинался с того, что государи "объединяли в своем лице все отдельные власти". На его взгляд, законодательная власть должна вверяться представительному учреждению, которое состоит из двух палат – "собрания знатных" и "собрания представителей народа". Выступая в защиту представительного учреждения как средоточия законодательной власти, Монтескье объяснял невозможность отправления законодательной власти всем народом³³. Подобные высказывания, как нам представляется, весьма напоминали рассуждения лорда Болингброка³⁴.

Примечательно, что французские просветители, как и их предшественники, выступали за имущественный ценз для избирателей. Вольтер со всей категоричностью утверждал: должны быть лишены права голоса те, "у кого нет ни земли, ни дома". Монтескье ратовал за более широкие избирательные права для граждан, исключая из числа избирателей тех лиц, "положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю"³⁵.

В соответствии с теорией "разделения властей" исполнительная власть вверялась монарху. На этой позиции стояли просветители Англии, такого же мнения придерживались и французские философы. Функции исполнительной власти, писал Монтескье, "лучше выполняются одним, чем многими". Он фактически защищал и теорию "равновесия властей", выступая против вмешательства исполнительной власти в дела судебной, утверждая: "Министры не должны быть судьями"³⁶. Данное высказывание, на наш взгляд, напоминает заявление известного английского юриста Джона Сомерса, который считал, что парламентарии не должны брать "на себя функции, им несвойственные", и не вмешиваться в дела судебных властей³⁷.

Важное место в системе государственного правления Англии, как мы помним, занимали политические партии, а двухпартийная система оставалась еще чисто английским феноменом. Быть может, именно этим и объяснялся тот факт, что французские энциклопедисты обошли вниманием проблему политических партий. Лишь Вольтер в "Мыслях об обществе" заметил, что наличие двух партий было бы "полезным", поскольку одна из них могла бы "зорко следить за действиями другой".

Выступая в защиту монархии, ограниченной законом (на английский манер), просветители приходили к заключению о необходимости сохранения за подданными права на сопротивление, в случае если монарх преступит закон. Эта идея, подробно освещенная в трудах английских просветителей, нашла поддержку среди французских философов. Подобно Дефо, утверждавшему, что, если короли превращаются в тиранов, подданные вправе "разорвать оковы и освободиться от тирании"³⁸, и Болингброку, заявлявшему, что "подданный может противостоять государю, стремящемуся разорить и по-

работать весь народ, может довести это сопротивление до свержения государя с престола"³⁹, французские просветители также защищали это право народа. Вольтер считал, что "если государь злоупотребляет властью или не заботится о процветании родины и о благе своего народа, он должен быть свергнут"⁴⁰. Тираноборческие мотивы звучат и в произведениях Руссо⁴¹.

Вместе с тем просветители Франции отнюдь не распространяли право сопротивления на всех граждан. Они, как и их английские предшественники, были убеждены, что свергнуть неугодного тирана имеют законное право лишь представители имущих слоев. Примером подобного сопротивления королю-деспоту им представлялись события Славной революции. Высказывания Вольтера о двух революциях, свершившихся в XVII в. на Британских островах, очень схожи с оценками лорда Болингброка. Хотя Болингброк, как и другие просветители Англии, отзывался о революции середины XVII в. неодобрительно, тем не менее, как мы помним, он в какой-то мере оправдывал действия восставшего народа, расценивая их как законное сопротивление тирану-королю Карлу I, нарушившему "общественный договор". Славная же революция, являвшаяся, на его взгляд, актом сопротивления королю Якову II, сделала "больше, чем все остальные революции", а конституция, выработанная в ходе ее событий, была создана "с участием светских и церковных лордов, при полном и свободном представительстве всего народа"⁴². Вольтер также осуждал первую революцию в Англии, но в то же время оправдывал казнь короля-тирана Карла I, поскольку тот стремился "поставить свою власть выше закона"⁴³. Что же касается Славной революции, то ее события заслужили самые высокие оценки Вольтера. Симпатии философа были на стороне этой революции еще и потому, что она проводилась представителями имущих классов.

Как мы могли убедиться, в произведениях английских просветителей большое место отводилось вопросу о гражданских свободах. Просветители Франции также высоко ценили свободу во всех ее проявлениях. "Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово "свобода", – восклицал Монтескье⁴⁴. Как и англичане, он связывал понятие свободы личности с законами, установленными в государстве, утверждая, что "свобода есть право делать все, что дозволено законами". Вольтеру нравились "свободные люди", сами создающие законы, "под властью которых они живут": "свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов"⁴⁵. Вспомним, что просветители Англии, к примеру Р. Стиль, тесно увязывали понятия "свобода" и "собственность". Подобно Стилю, Вольтер также утверждал: "Самое справедливое – это свобода и собственность"⁴⁶. Однако философ оговаривал, что все люди равны в своих политических, но отнюдь не экономических правах. Выступая за равенство

граждан перед законом, он, как констатировала И.И. Сиволап, "последовательно отстаивал идею неизбежности социального неравенства и экономической зависимости одних людей от других"⁴⁷.

Просветители всегда выступали в поддержку свободы слова. Философы Франции, подобно их английским предшественникам, активно боролись за право граждан свободно высказывать свои взгляды устно или в печати. "Нет у людей никакой свободы без свободы высказывать свою мысль", – утверждал Вольтер⁴⁸. Монтескье также считал, что в свободном государстве каждый гражданин будет пользоваться свободой слова. Однако, как и англичане, французские философы не настаивали на полном упразднении цензуры. Заботясь о своем праве на свободу слова, они лишали его людей неимущих, склонных, на их взгляд, издавать антиправительственные сочинения.

В вопросе о религиозной свободе французские мыслители также во многом следовали в фарватере у англичан. Практически все просветители Англии, как мы помним, были людьми верующими: принадлежавшие к различным конфессиям, они никогда не выступали за упразднение религии и церкви. Более того, англичане резко отзывались о тех, кто проповедовал подобную "крамолу". На взгляд Локка, "совсем не могут быть терпимы те, кто отрицает бытие божие"⁴⁹. Противником атеизма являлся и Вольтер. Выступая с обличительной критикой католической церкви, он, тем не менее, не призывал к отмене религии вообще, полагая, что "время уничтожения христианской религии еще не пришло"⁵⁰. По мнению Вольтера, "атеизм и фанатизм – это в мире два полюса смятения и ужаса", а спасение от них в "золотой середине" – в деизме⁵¹. Сторонниками деизма были также Монтескье и Руссо. Между тем среди английских просветителей деизм не пользовался уважением. Только Болингброк и Толанд причисляли себя к деистам. Большинство же просветителей Англии принадлежали к англиканской церкви (Свифт, Галифакс, Аддисон, Ходли), либо к одной из протестантских сект (Дефо). Именно принадлежность просветителей к различным конфессиям и заставляла их искать пути для компромисса и диалога прихожан разных церквей. Этим объясняется возникновение в идеологии английского Просвещения учения о религиозной свободе. Сама идея веротерпимости имела, по признанию М.Н. Розанова, "чисто английское происхождение", поскольку "нигде не было такого разнообразия всевозможных сект, как в Англии"⁵². Во Франции, где большинство населения принадлежало к единой – католической церкви, ситуация складывалась иначе. Тем не менее французские просветители, быть может, не без влияния англичан, поднимали в своих трудах вопрос о религиозной свободе. Вольтер утверждал: терпимость в религии необходима. Вторил англичанам и Монтескье, заявляя, что было бы "полезным", чтобы "закон обязывал... различ-

ные религии не нарушать спокойствия не только государства, но и друг друга". Он поддерживал государственную политику, направленную на признание "терпимыми многих религий", и считал, что верующие обязаны "соблюдать терпимость и по отношению друг к другу"⁵³.

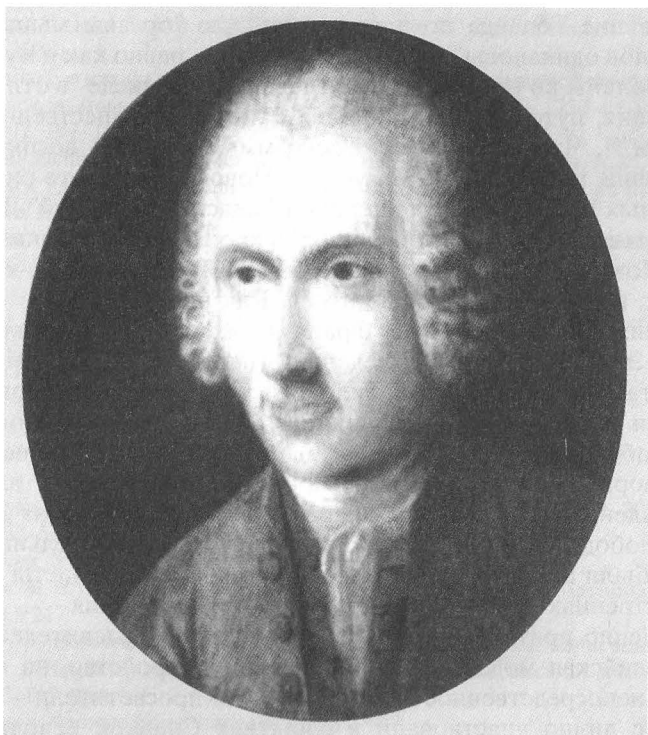
Поскольку все просветители, независимо от национальной принадлежности, верили во всеислие просвещения на ниве общественных преобразований, то неудивительно, что многие из них рассуждали на страницах своих произведений о проблеме образования, признавая ее важность для граждан в любом обществе. Они считали, что люди, начинающие "мыслить, просвещаться и грамотно писать", становятся "немного лучше и немного менее несчастными"⁵⁴. Вольтер обращал внимание на то, что в Англии, "как правило, мыслят, и литература там в большем почете, чем во Франции". Подобные преимущества философ увязывал с формой правления в государстве. "В Лондоне, – писал он в "Философских письмах", – около восьмисот лиц пользуются правом публичных выступлений в поддержку национальных интересов, в свою очередь, пять или шесть тысяч человек претендуют на ту же самую честь, все остальные считают себя их судьями, и каждый имеет возможность опубликовать свое мнение по поводу общественных дел. Таким образом, вся нация в целом поставлена перед необходимостью получать образование". Во Франции дело обстоит хуже: как правило, образование имеют должностные лица, адвокаты, врачи, представители духовенства и то лишь потому, что "их положение действительно требует просвещенного ума"⁵⁵. Вольтер ратовал за более широкое распространение образования в обществе. Прежде всего он считал необходимым уделять внимание должному воспитанию и образованию верховного правителя – короля. Просвещение короля, на его взгляд, позволило бы "соединить разум и власть", что имело бы исключительно важное значение для общества. В этом Вольтер и другие просветители Франции явно следовали за Болингброком, обосновавшим концепцию "просвещенного монарха" в произведении "Идея о Короле-Патриоте".

Другие просветители Англии (Дефо, Галифакс, Темпл) больше внимание уделяли вопросу о том, какими должны быть министры, на которых возлагалась вся ответственность за управление страной. Сторонником "просвещенных министров" являлся и Вольтер, считавший, что таковые смогут сдерживать "злонамеренные начинания короля", провести либеральные реформы и в конечном итоге спасти страну от потрясений. Выступая за распространение образования в обществе, Вольтер имел в виду прежде всего образование имущих слоев населения. Например, рассуждая об образовании девушек, он оговаривал, что оно необходимо только тем, кто происходил из состоятельных семей. Для простолюдинок же, вынужденных

зарабатывать себе на жизнь, образование необязательно. Сходного мнения придерживался Руссо. Он утверждал: "бедные, которые все время трудятся, не нуждаются в воспитании, ибо они сами воспитывают себя. В воспитании нуждаются только богатые"⁵⁶. Как мы помним, английские просветители (Свифт, Дефо) также являлись сторонниками образования представителей имущих слоев.

Наиболее подробно программа образования подрастающего поколения была представлена в знаменитом произведении Руссо "Эмиль, или о воспитании". Эта книга была написана под влиянием известной работы Локка "Мысли о воспитании", что признавал сам автор: "Предмет, взятый мной, и после книги Локка совершенно не нов". Вместе с тем Руссо подошел к наследию знаменитого англичанина творчески, отмечая, что создавал свой труд "на основании не чужих идей, а своих собственных"⁵⁷. Сравнительный анализ образовательных программ Локка и Руссо был проделан в начале XX в. Е.К. Семеновским. Ученый пришел к заключению: влияние Локка на Руссо было "особенно сильным"⁵⁸. Руссо называл своего предшественника "мудрым Локком". Подробно проанализировав взгляды Локка и Руссо на воспитательно-образовательный процесс, Семеновский указывал, что автор "Эмиля", как и Локк, придавал важное значение физическому воспитанию ребенка: "Упражняйте непрерывно его тело; сделайте его крепким и здоровым, чтобы сделать мудрым и рассудительным"⁵⁹. Как и Локк, Руссо отдавал предпочтение домашнему воспитанию перед школьным. Роль наставника, гувернера в воспитательном процессе, по мнению обоих просветителей, была центральной. И Руссо, и Локк считали необходимым приучать детей к дисциплине. Оба просветителя допускали применение наказания в воспитательном процессе. Немало общего, на взгляд Семеновского, было и в теориях философов об умственном развитии детей.

Хотя Руссо с большим уважением относился к педагогической системе Локка, используя отдельные ее положения для собственной дидактической программы, в то же время по многим вопросам он с ним расходился. "Разница между питомцами Локка и Руссо очевидна, — писал Семеновский. — Первый путем привычек воспитывает джентльмена, светского человека... Руссо, напротив, развивает в своем питомце чувство, создает человека простого и искреннего, знающего, что такое страдание, и потому сердечно относящегося ко всем людям. Локк считает основным правилом необходимость рассуждать с детьми, т.е. воспитывать ребенка с помощью разума, а Руссо считает это правило очень вредным". Расхождения обнаруживались также в вопросе наполнения программ. В противоположность Локку Руссо полагал невозможным обучать двенадцатилетних питомцев двум иностранным языкам одновременно и не признавал философии и метафизики, на изучении которых настаивал Локк.

Жан Жак Руссо

На взгляд Руссо, воспитанники скорее должны обладать познаниями "в сфере естественных и чисто физических наук". Различным было отношение просветителей к вопросу об обучении детей ремеслам. В то время, как Локк считал ремесло "полезным для джентльмена в качестве отдыха после напряженной умственной работы", Руссо полагал его необходимым для каждого человека как "единственное из занятий, которое может доставить человеку верное средство к существованию".

Наличие расхождений в дидактических программах просветителей свидетельствовало о творческом подходе Руссо к педагогическому наследию Локка. В пользу оригинальности Руссо говорят и его идеи о женском образовании, сформулированные в "Новой Элоизе". Локк же вопрос о женском образовании не рассматривал подробно⁶⁰. Однако данная проблема решалась другими просветителями Англии, с чем мы уже имели возможность познакомиться. Произведения Стиля, Аддисона, Галифакса были хорошо знакомы французским мыслителям. Быть может, поэтому утверждение Вольтера о равенстве умственных способностей женщин и мужчин напоминало

высказывание Толанда по поводу того, что "органы мышления у обоих полов одинаковы", и потому женщины, равно как и мужчины, приспособлены ко всем житейским делам, в том числе "в отношении образования, путешествий, общения с людьми, общественной деятельности"⁶¹. Что же касается программы женского воспитания и образования, представленной Руссо в "Новой Элоизе", то она имела ряд сходных положений с концепцией "женских академий" Дефо и с тем, как освещался "женский вопрос" в произведении маркиза Галифакса "Новогодний подарок для леди, или Наставление дочери".

Итак, подведем некоторые итоги. Как видим, идейное влияние английских просветителей на французских мыслителей было очевидным. Знакомство с произведениями английских авторов и личные контакты открывали энциклопедистам Франции широкие возможности для освоения накопленного англичанами идейного багажа. Разработанные просветителями Англии теории ("общественного договора", конституционной монархии, "разделения властей", сопротивления деспотической власти, защиты гражданских и личных свобод), а также их воспитательно-образовательные программы были взяты за основу, на которой энциклопедисты создали уже собственные философские и политические учения.

Особенно притягательной для французских мыслителей сделалась английская модель государственного устройства, на которое оказали непосредственное влияние первые просветители – Дефо и Галифакс лично участвовали в событиях Славной революции, а Болингброк, Сомерс, Стил и Аддисон активно занимались разработкой законодательства, послужившего основой конституционной монархии в стране. Французские энциклопедисты отнюдь не копировали английские теории. Они подходили к идейному наследию своих предшественников творчески и создали собственное учение, которое порой отличалось большей глубиной и полнотой. Они не скрывали своего восторга перед английскими порядками. Быть может, именно этим обстоятельством объяснялся тот факт, что энциклопедисты нередко обращались к теориям, которые были отнюдь не актуальны для французской действительности той поры (например, о двухпартийной системе или о веротерпимости). Их появление на континенте свидетельствовало о значительном влиянии английской общественной мысли и культуры в целом. Новая эпоха требовал новых идей, и просветители их выдвигали. И было неважно, кому из них в том принадлежал приоритет.

¹ *Hearnshaw F.J.C.* Henry St. John Viscount Bolingbroke // *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1929. P. 246.*

² *The Enlightenment in National Context / Ed. R. Porter, M. Teich. Cambridge, 1981. P. 2.*

- ³ Maclean K. John Locke and English Literature of the Eighteenth Century. New Haven, 1936.
- ⁴ Подробнее о них см.: *Лабутина Т.Л.* У истоков современной демократии: Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994. С. 45–92, 191–194, 211–212.
- ⁵ The Enlightenment: The Proper Study of Mankind / Ed. N. Capaldi. N.Y., 1967. P. 17.
- ⁶ *Kramnick I.* Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard, 1968. P. 14.
- ⁷ *Вольтер.* Философские письма // *Вольтер.* Философские сочинения. М., 1988. С. 92.
- ⁸ Там же. С. 91.
- ⁹ *George M.D.* England in Transition. Life and Work in the Eighteenth Century. Baltimore, 1962. P. 17.
- ¹⁰ [*Defoe D.*] A Review of the State of the English Nation. L., 1709. Vol. 6. P. 142.
- ¹¹ *Вольтер.* Указ. соч. С. 98–99.
- ¹² Там же. С. 92.
- ¹³ Подробнее см.: *Сиволап И.И.* Социальные идеи Вольтера. М., 1978. С. 67–77, 82–86.
- ¹⁴ Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л., 1961. С. 109, 192, 206, 267, 268, 407, 563–564, 806, 811, 820.
- ¹⁵ *Вольтер.* Указ. соч. С. 109–111.
- ¹⁶ *Идельсон Н.И.* Вольтер и Ньютон // *Вольтер.* Статьи и материалы. М.; Л., 1948. С. 217.
- ¹⁷ *Вольтер.* Важное исследование милорда Болингброка, написанное в конце 1736 г. // *Вольтер.* Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма. В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 115, 164.
- ¹⁸ *Вольтер.* Философские письма. С. 187, 177.
- ¹⁹ Там же. С. 175.
- ²⁰ Там же. С. 174, 182.
- ²¹ *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 437.
- ²² The Enlightenment... P. 14.
- ²³ *Кузнецов В.Н.* Философское наследие Дидро // *Дени Дидро.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. I. С. 9.
- ²⁴ *Вольтер.* Философские письма. С. 177.
- ²⁵ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 170.
- ²⁶ *Сиволап И.И.* Указ. соч. С. 138; *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 173.
- ²⁷ *Вольтер.* Мысли об обществе // *Вольтер.* Избранные произведения. М., 1947. С. 541–542.
- ²⁸ Там же. С. 532, 542.
- ²⁹ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 169.
- ³⁰ Там же. С. 215; *The Works of Jonathan Swift.* L., 1843. Vol. I. P. 294.
- ³¹ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 209.
- ³² Там же. С. 290–291.
- ³³ Там же. С. 292, 294.
- ³⁴ *Боллингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 189–190.
- ³⁵ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 293, 542.
- ³⁶ Там же. С. 295, 229.
- ³⁷ *Somers J.* Jura Populi Anglicani. L., 1701. P. 25–26.
- ³⁸ [*Defoe D.*] A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman. L., 1703. Vol. 1. P. 142.
- ³⁹ *Боллингброк.* Указ. соч. С. 236.

- ⁴⁰ Цит. по: *Сиволап И.И.* Указ. соч. С. 79.
- ⁴¹ *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. С. 152.
- ⁴² *Боллингброк.* Указ. соч. С. 167.
- ⁴³ Цит. по: *Сиволап И.И.* Указ. соч. С. 80.
- ⁴⁴ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 288.
- ⁴⁵ *Вольтер.* Избранные произведения. С. 546.
- ⁴⁶ Там же. С. 457.
- ⁴⁷ *Сиволап И.И.* Указ. соч. С. 108.
- ⁴⁸ *Вольтер.* Избранные произведения. С. 484.
- ⁴⁹ *Локк Дж.* Письмо о веротерпимости // *Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз.* М., 1981. С. 67.
- ⁵⁰ *Вольтер.* Бог и люди. С. 237–238.
- ⁵¹ Цит. по: *Сиволап И.И.* С. Указ. соч. 158.
- ⁵² *Розанов М.Н.* История литературы эпохи Просвещения в Англии и Германии. М., 1914. Ч. 1. С. 118–119.
- ⁵³ *Монтескье Ш.* Указ. соч. С. 553.
- ⁵⁴ *Вольтер.* Избранные произведения. С. 499.
- ⁵⁵ *Вольтер.* Философские письма. С. 168–169.
- ⁵⁶ *Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения. М., 1981. С. 12, 44–45.
- ⁵⁷ Там же. С. 22.
- ⁵⁸ *Семеновский Е.К.* Сравнение педагогики Локка с педагогиками Аристотеля и Руссо // *Вопросы педагогики.* Варшава. 1912. № 1. С. 54.
- ⁵⁹ *Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения. С. 127.
- ⁶⁰ Подробнее о взглядах Локка на женское образование см.: *Советы Джона Локка "маленькой госпоже"* // *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. С. 126–129.
- ⁶¹ *Толанд Д.* Письма к Серене // *Английские материалисты XVIII в.* М., 1987. Т. 1. С. 57.

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Американский ученый Э. Симмонс в книге "Английская литература и культура в России (1553–1840 гг.)", изданной в 1935 г., подчеркивал, что влияние Франции и Германии на русскую культуру изучено специалистами основательно. Что же касается английского влияния, то оно практически не анализировалось должным образом, несмотря на свое осязаемое присутствие в России в указанный период¹. Хотя история взаимоотношений Англии и России насчитывает четыре с половиной столетия, однако наиболее прочные основы для культурного диалога двух стран были заложены лишь в Век Просвещения.

Интерес к истории становления российско-британского культурного диалога, который в основном пришелся на годы правления двух российских монархов – Петра I и Екатерины II, не ослабевает и поныне. Свидетельство тому – выход в свет ряда исследований как российских, так и британских ученых (Е. Анисимова, А.Б. Соколова, Н.И. Павленко, А.Б. Каменского, Э. Кросса и др.)², публикация новых документов ("Британия и Россия в эпоху Петра Великого"), а также проведение в Лондоне в 1998 г. международной научной конференции "Петр Великий и Запад: новые перспективы", приуроченной к 300-летию визита российского царя в Англию³. Обращение к этим и ряду других документов и исследований, связанных с историей российско-британских отношений в XVIII в., дает возможность по-новому взглянуть на уже известные проблемы (к примеру, являлись ли западноевропейские заимствования благом для России), а также привлечь внимание к совершенно новым поворотам указанной темы. Так, нас интересовало, каким образом российское общество относилось к привнесенным с Запада, в особенности из Англии, элементам европейской культуры (В понятие "культура" здесь мы включаем не только литературу и искусство, но также науку, технику, т.е. имеем в виду культуру в самом широком смысле этого слова). Представляют интерес отношения англичан к России и проводимым в ней петровским реформам, а также проблема зарождения русофобии в Великобритании (как своеобразной реакции на указанные реформы) в первой четверти XVIII в. Изучению этих и ряда других проблем, тесно связанных с российско-британскими отношениями в эпоху Петра I, и посвящен данный очерк.

Близкое знакомство России с британской культурой началось главным образом после визита "царя Московии" в Англию в 1698 г. Но что предшествовало данному событию и почему именно Петру I суждено было открыть "окно в Европу"? Симмонс обращал внима-

ние на тот факт, что Россия, возможно, больше других европейских государств на протяжении столетий была широко открыта проникающему влиянию со стороны своих соседей. Даже в Киевской Руси в XI–XII вв. в культурном росте страны было ощутимо греко-византийское и скандинавское влияние. После татарского ига Московское государство установило торговые связи с Ганзейским союзом, немецкими и шведскими купцами. В конце XV в. на службу в Москву приезжали итальянцы, греки, немцы, поляки. Однако прочные связи с Западом, в особенности с Англией, были достигнуты в правление царя Ивана IV. Именно Иван Грозный, на взгляд ученого, первым из русских царей открыл "окно в Европу"⁴.

Все началось в 1553 г., когда судно британского купца-предпринимателя Ричарда Ченслера "Bona Fortuna" застряло во льдах в устье Двины, близ Холмогоров. Спустившимся на берег англичанам русская земля представлялась как страна "жестоких варваров, жутких монстров и удивительных миражей". Между тем царь, прознав о судне Ченслера, пригласил его "со товарищи" ко двору, где англичанам был оказан самый радушный прием. Иван Грозный объявил к тому же о своей готовности обсудить возможность установления торговых и дипломатических отношений с Англией. Его инициатива нашла поддержку у царствующей в ту пору в Англии Марии Тюдор. Так начался долгий и тернистый путь развития отношений между двумя державами.

Первые тридцать лет англо-русского сотрудничества, подчеркивал Симмонс, не прошли бесследно для России. Цели, которые преследовала Англия, были прежде всего коммерческими, Россия же открывала перед собой культурные горизонты, приглашая ремесленников, различных специалистов. Примеру англичан последовали и другие страны, однако британцы задавали тон. Они сумели добиться от царя Ивана IV больших привилегий для своей торговой Московской компании (освобождение от уплаты пошлин, особая юрисдикция для проживавших в России англичан и пр.), срок действия которых время от времени продлевался. "Проанглийские симпатии" Ивана IV унаследовал и царь Борис Годунов, которого англичане окрестили своим "лордом-протектором" (покровителем). Подобно Ивану Грозному, пожелавшему жениться на англичанке – королеве Елизавете Тюдор, либо на родственнице последней – графине Мэри Хастингс, Годунов также задумал породниться с королевским домом через своих детей. Впрочем, подобные предприятия венценосных правителей Руси оказались тщетными.

Во второй половине XVII в., в правление уже царя Алексея Михайловича Романова (1645–1676), Россия широко распахнула двери для всех иностранцев. Итальянцы, немцы, голландцы и англичане встречали самый радушный прием при дворе. Лишь французы еще

осторожничали, с опаской взирая на Московию. "Новая аристократия в России, – писал Симмонс, – в отличие от старой, погибшей в борьбе за власть, видела очевидное превосходство Западной Европы в возможности улучшить свое собственное положение через образование и заимствования"⁵.

Наибольшим влиянием в ту пору пользовались немцы. Со времени правления Ивана Грозного они компактно поселились около Москвы, основав собственную колонию. При Алексее Михайловиче колония насчитывала до тысячи протестантских семей. Она являла собой образец европейской цивилизации для многих москвичей, которые стали перенимать немецкие костюмы, предметы быта, картины и музыкальные инструменты. "С этого времени, – подчеркивал Симмонс, – немецкое влияние сделалось мощным фактором в политическом и культурном развитии России"⁶. Проведение культурной реформы в России, на взгляд ученого, поддерживали ближайшие сподвижники царя: Ф.М. Ртищев, А.Л. Ордын-Нащекин, А.С. Матвеев, В.В. Голицын. Они будто бы проявляли активный интерес к европейским (особенно к английской) системам правления, социально-экономическим идеям, а также образовательной системе.

В Россию стали ввозить иностранные книги, которые переводили на русский язык проживавшие в слободе немцы. С 1550 по 1700 гг. были переведены 134 книги, причем большая часть во второй половине XVII столетия⁷. В значительной степени они посвящались религиозным и моральным темам, но встречались и труды по истории, географии, астрономии, медицине, а также художественная литература. По приказу царя Алексея Михайловича были переведены книги о жизни и смерти короля Англии Карла I Стюарта, роман-аллегория "Argenis" Джона Барклая и ряд других. В России стали изучать латынь, немецкий и польский языки.

Процесс "вестернизации" России, начатый в XVI–XVIII вв., не мог проходить безболезненно. В правление Алексея Михайловича "национализм стал организовываться в мощную оппозицию", признавал Симмонс, а XVII век явился "исходной точкой" в размежеваниях западников и славянофилов⁸. Под нажимом противников "вестернизации", в первую очередь служителей православной церкви, царь издал указ, запрещавший распространение зарубежных книг. Однако это уже не могло поставить заслон на пути проникновения западного влияния. "Европейские страны проявляли большой интерес к стране и особенно к ее богатым неиспользованным ресурсам, – свидетельствовал Симмонс. – Иностранцы в большом количестве прибывали в Россию, их главным мотивом было стремление добиться господства и влияния, они преуспевали, поскольку русские проявляли слабость, испытывая воздействие от несовершенства социальной структуры общества"⁹. В наибольшем фаворе среди западноевропейских стран у царя Алексея Михайловича оставалась

Англия. Британия сделалась во многом эталоном для подражания и для его сына – Петра I.

Петр I первым из российских царей самолично решил отправиться в Европу в 1697 г. В.О. Ключевский полагал, что "мысль о поездке на Запад рождалась сама собой из всей обстановки и направления деятельности Петра. Он был окружен пришельцами с Запада, учился их мастерствам, говорил их языком"¹⁰. В детстве Петра окружали игрушки по преимуществу немецкого производства: "Все, во что он играл, напоминало ему немца"¹¹. Если первый учитель Петра – подьячий из Большого прихода Никита Зотов преподавал ему азбуку, часослов, да русскую историю, то с более серьезными науками – арифметикой, геометрией, артиллерией и фортификационным делом его знакомил голландец Тиммерман. Вероятно, он же научил царевича и своему родному языку. Вместе со своим наставником Петр, находясь в селе Преображенском, отыскал в амбаре деда "завалившийся английский бот", который и послужил, на взгляд Ключевского, "родоначальником русского флота, пробудил в нем (Петре I) страсть к мореплаванию, повел к постройке флотилии на Переяславском озере, а потом под Архангельском"¹². Однако наибольшее влияние на пробуждение у юного Петра интереса к западноевропейской культуре оказали другие обитатели Немецкой слободы, в первую очередь выходец из Женевы Франц Лефорт и шотландский генерал Патрик Гордон.

Немецкая слобода располагалась неподалеку от села Преображенское, где любил проводить свое время юный царевич. Эта слобода представляла собой удивительное смешение национальностей, религий, занятий, профессий и обычаев. Здесь обитали не только выходцы из Германии, если судить по названию слободы ("немцами", т.е. "немыми", не говорящими по-русски, звали в ту пору в России всех иностранцев), но и французы, англичане, голландцы, итальянцы. Среди них были купцы, врачи, аптекари, ремесленники, архитекторы, владельцы мануфактур. Два кальвинистских и три лютеранских храма, в придачу несколько школьных зданий и множество каменных домов – такой выглядела Немецкая слобода, когда ее впервые посетил юный Петр. Он очень быстро сдружился с обитателями Немецкой слободы, ознакомился с ее порядками и обычаями. Одним из первых друзей Петра в слободе стал шотландец Патрик Гордон. Он состоял на службе с 1661 г. у царя Алексея Михайловича. Во время стрелецкого бунта 1682 г. генерал Гордон выказал себя как "ангел-хранитель" юного Петра, чем навсегда и заслужил его полное доверие. Степенный шотландец, осторожный и аккуратный, генерал Гордон, по выражению Ключевского, "наемная сабля, служившая в семи ордах семи царям"¹³, стал неизменным советчиком Петра I по всем важным вопросам. Он помогал модернизировать русскую армию, участвовал во взятии Азова, давал

Питер Лили. Петр I

Петру советы в государственных делах. Гордон не порывал со своей родиной, постоянно получая из Шотландии книги, карты, научные инструменты. Хорошо зная пиротехнику, обучил Петра делать так любимые им фейерверки. Царь нередко гостил в доме Гордона, а когда тот в 1699 г. тяжело заболел, ежедневно навещал больного.

Надо сказать, что немало шотландцев попало в Россию еще во второй половине XVI в. Часть из них оказались в плену у шведов и были освобождены русской армией. Они-то и стали хорошими воинами на службе у русских царей. Некоторые из них (Гамильтон, Лэсли, Гордон, Брюс) породнились с русскими фамилиями. По утверждению Симмонса, две сестры из рода Гамильтонов вышли замуж за представителей рода Матвеевых и Нарышкиных. Одна из до-

черей от брака Гамильтонов-Нарышкиных – Наталья Кирилловна Нарышкина стала второй супругой царя Алексея Михайловича и матерью Петра I¹⁴. Не здесь ли кроется разгадка тех слухов о "чужеземном происхождении" царя, которые широко муссировались в российском обществе в конце 90-х годов XVII в., в пору проведения петровских реформ? Американский историк Ричард Уортман утверждал: "В народе ходили слухи, что он (Петр) – сын не царя Алексея, а немца, и им подменили родившуюся у царицы дочь. Другие называли его шведским претендентом из Стокгольма"¹⁵. Следует заметить, что новейшие исследования ученых не подтверждали концепцию Симмонса о "шотландском" происхождении Петра. Его бабка по матери, урожденная Анна Раевская, происходила из русского рода, о чем сообщал Е.Б. Пчелов¹⁶. Как бы то ни было, но западные ученые убеждены в том, что именно "склонность к западной культуре и свободе" матери Петра I оказали большое влияние на царя. Если учесть, что в детстве Наталья Кирилловна Нарышкина получила светское образование, проявляла интерес к театральным представлениям и не признавала той затворнической жизни, которую по обычаю вели русские аристократки, то можно предположить, что Петр, глубоко и преданно любивший и почитавший свою мать, действительно мог находиться в детские и юношеские годы под ее влиянием. И потому его интерес к Немецкой слободе и Западу возник далеко не случайно.

В Немецкой слободе среди шотландцев, окружавших Петра I, помимо Гордона были также Пол Мензус, одно время обучавший царя, военный маршал Джордж Огилви, прославившийся своим участием в войне со шведами, лейб-медик царя Роберт Арскин и генерал-майор Яков Брюс. Семья капитана Уильяма Брюса эмигрировала в Россию в годы гражданской войны в Англии, в середине XVII в. Сын капитана Яков Брюс прославился как ученый, знавший химию, математику и астрономию. Приближенный к царю, он участвовал в подготовке и подписании Ништадтского мира, перевел немало книг на русский язык, наконец, возглавил Навигацкую, Артиллерийскую и Военно-инженерную школы. В 1718 г. он дослужился до сенатора. Среди обитателей Немецкой слободы благосклонностью Петра пользовался также английский купец Э. Кревет, который привозил из-за границы любопытные вещицы. От него Петр и его приближенные переняли английские шапочки, камзолы и кортики с портупьями. Кревет, которого Петр ласково величал "креветкой", давал юному царю всевозможные советы перед его визитом в Западную Европу. Среди английских купцов, приближенных к Петру, были также братья Стелсы и У. Ллойд¹⁷. Не исключено, что в Немецкой слободе встречались и другие выходцы с Британских островов, но выявить их среди остальных европейцев было непросто.

Франц Лефорт

Нельзя не упомянуть еще об одном обитателе Немецкой слободе, оказавшем заметное влияние на Петра I, выходец из Женевы Франце Лефорте. Как справедливо отмечал С.Ф. Платонов, "в то время, как одни иностранцы имели на Петра самое хорошее влияние, другие его портили и развращали". Именно Лефорт "своими пирами и разгулами нанес Петру немало вреда"¹⁸. По меткой характеристике Ключевского, Франц Лефорт – это "авантюрист, пустившийся за тридевять земель искать счастья... невежественный... но человек бывалый, веселый, говорун, вечно жизнерадостный, преданный друг, неутомимый кавалер в танцевальной зале, неизменный товарищ за бутылкой, мастер веселить и веселиться, устроить пир на славу с музыкой, с дамами и танцами!". Одним словом, заключал историк, "дебошан французский"¹⁹.

Очевидно, что еще до визита в Западную Европу Петр I, благодаря тесному общению с жителями Немецкой слободы, уже имел определенные представления о странах, которые собирался посетить. Однако намерение об этом voyage возникло у него отнюдь не случайно. В то время Россия вела войну с Турцией. В 1696 г. при поддержке созданного на верфях Воронежа флота (по преимуществу галерного) русская армия взяла Азов. И как позднее писал приглашенный на службу к Петру I английский капитан, строитель кораблей, доков и каналов Джон Перри, "царь был весьма доволен успехами своего нового флота и приобретением столь значительной крепости, открывавшей ему путь к Черному морю"²⁰. Убедившись в "великом преимуществе, заключавшемся в морской силе", Петр I заявил, что собирается в трехлетний срок построить флот из 40 военных судов, для чего и выписал из Голландии, Италии и Венеции корабельных строителей и мастеров. А пока флот строился, он вознамерился посетить западные страны – Австрию, Польшу, Германию, Данию, Голландию, Англию, Италию. При этом своей главной целью Великое посольство ставило создание антитурецкой коалиции европейских государств. Российский царь отправлялся за границу также для того, чтобы "спешно ознакомиться с недостававшими ему надобными мастерствами: он искал на Западе техники, а не цивилизации", констатировал Ключевский²¹.

2 марта 1697 г. передовой отряд Великого посольства выехал с собольиной и денежной казной. Через неделю в дорогу отправился и царь. Всего в посольстве (переводчики, толмачи, подъячие, лекари, скорняки, священники, дьяки, солдаты, охрана) насчитывалось 250 человек. Под него отрядили тысячу подвод. В составе посольства находились также 35 волонтеров, которые намеревались обучаться военно-морскому делу. Среди десятников отряда волонтеров под именем Петра Михайлова числился Петр I.

Деятельность Великого посольства, равно как и визит Петра I в Голландию и Англию освещены в исторической литературе довольно подробно²². Мы остановимся лишь на тех событиях, связанных с визитом царя в эти страны, которые оказали заметное влияние на его приобщение к западноевропейской культуре.

В 1697 г. 25-летний Петр увидел наконец-то Западную Европу, о которой ему так много толковали его друзья и знакомые из Немецкой слободы и куда съездить уговаривал его Лефорт. В Германии Петр I задержался недолго, однако успел получить от прусского полковника артиллерии аттестат, в котором отмечалось "мужество и бесстрашие огнестрельного мастера" Петра Михайлова. Царя влекли Голландия и Англия – самые передовые в то время страны Западной Европы, в которых были наиболее развиты военно-морская техника и промышленность. "Голова его была занята парусами, реями и рулями, – писал о русском царе британский историк XIX в.

Т. Маколей. – Его обширный ум, которому позавидовал бы любой генерал или государственный деятель, опустился до изучения мельчайших подробностей кораблестроения и морских порядков. Сей великий законодатель и полководец превыше всего ставил должности боцмана и судового плотника. Именно поэтому его привлекали Голландия и Англия, а не галереи и террасы Версаля. Он приехал в Амстердам, нанял себе жилище в порту, переменял свое платье на одежду лоцмана и записался в число работников. Сам конопатил борта, чинил помпы и свивал снасти. Посланники, чтобы представиться ему, должны были лезть на мачту, где он сидел на рее, словно на троне"²³.

Неделю Петр проработал на частной верфи в местечке Саардам простым плотником. Однако красная фризовая куртка и белые холщовые штаны голландского рабочего не спасли его от любопытных жителей, которые толпами собирались на верфи, чтобы поглазеть на царя-плотника. Петр перебрался в Амстердам, где продолжал в течение четырех месяцев работать плотником на верфи Ост-индской голландской компании. В свободное время он редко сидит дома, а "все осматривает, всюду бегает". Его одинаково интересовали лекции профессора анатомии Рюйнга и анатомический театр медицинского светила того времени доктора Боэргана. Он осматривает "всевозможные редкости и достопримечательности, фабрики, заводы, кунсткамеры, госпитали, воспитательные дома, военные и торговые суда, взлезает на обсерваторию, принимает у себя или посещает иноземцев, ездит к корабельным мастерам"²⁴. 1 сентября 1697 г. состоялась первая встреча Петра с королем Англии и штатгальтером Голландии Вильгельмом Оранским. Беседа царствующих особ продолжалась около двух часов. Затем Вильгельм пригласил царя на обед, но Петр I отказался от приглашения, сославшись на "большое скопление народа, который по этому случаю собирался в Утрехте со всех уголков Голландии", что было непривычным для "царя Московии"²⁵.

В январе 1698 г. Петр I отправляется в Англию для изучения процветавшей там корабельной науки. Ему был оказан самый радушный прием. Король подарил царю свою лучшую яхту "Транспорт-ройял", доставленную адмиралом лордом П. Кармартоном, который в награду получил от Петра I монопольное право на ввоз и торговлю табаком в России. Впрочем, это был далеко не бескорыстный жест со стороны царя. Английские купцы заплатили за табачную монополию в России от 15 до 20 тыс. ф. ст.²⁶ Около четырех месяцев пробыл Петр I в Англии. Газеты "Постмен", "Постбой" и "Постмастер" подробно описывали визит русского царя. Не обошли своим вниманием данное событие также известные мемуаристы Англии Н. Латрелл, Дж. Эвелин, епископ Бернет. Маколей упоминал: все связанное с царем Московии на несколько недель сделалось "предметом всеобщих пересудов".

Основное время царь проводил на корабельных верфях, изучал теорию кораблестроения. В Дептфорде, неподалеку от Лондона, он освоил курс кораблестроения под началом инспектора королевского флота сэра А. Дина. По приглашению короля Вильгельма Оранского Петр посетил главную базу английского флота – Портсмут, где были устроены учения военных кораблей. Царь побывал также в Чатаме, на артиллерийских заводах Вулича, где в лабораториях наблюдал приготовление артиллерийских снарядов и "отведывал метания бомб". Однако "большую часть времени он проводил на воде, свидетельствовал Перри, занимаясь тем, что относилось к мореплаванию и войне. Он часто брал в руки столярные инструменты и в Дептфордских верфях сам работал, как то бывало в Голландии. Иногда он посещал кузницы и мастерские оружейников и, кажется, не было такого искусства или ремесла, с которым бы он не ознакомился в больших или меньших подробностях"²⁷. Побывал Петр и в Тауэре, где располагались монетный двор и политическая тюрьма. Сопровождавшие его англичане сочли "неудобным" показывать царю топоры, которыми были обезглавлены королева Мария Стюарт и король Карл I. Устроители экскурсии опасались, как бы "царь Московии" ни побросал эти топоры в реку, дабы "не давать повода вспоминать о том, какое впечатление на его отца царя Алексея и на весь русский народ произвела казнь короля"²⁸.

Большой интерес Петр I проявил к монетной реформе, которая была проведена в Англии в 1695 г. при активном участии известных ученых Дж. Локка и И. Ньютона. Последний был назначен смотрителем, а с 1699 г. – директором Монетного двора. Петр несколько раз посещал Монетный двор и, предположительно, беседовал с известным физиком. Кроме того, царь посетил Гринвичскую астрономическую обсерваторию, где встречался с ее директором – известным астрономом, математиком и физиком Галлеем. Примечательно, что во время их беседы ученый дал Петру ряд советов "по части государственного преобразования России"²⁹. Посетил Петр I и Академию наук – Лондонское Королевское общество, где познакомился с выдающимся математиком из Абердина Г. Фаркерсоном, а также его коллегами С. Гвином и Р. Грайсом. Царь пригласил ученых на работу в Россию, где они вскоре возглавили Навигацкую школу.

Заметим, что во время визита Петра I английский король предложил царю вступить в Орден Подвязки, однако тот ответил отказом, ссылаясь на то, что собирается создать подобный орден у себя на родине. Впрочем, судя по новейшим исследованиям, Петр был принят в масонскую ложу темплиеров еще будучи в Голландии³⁰. Он также дал обязательство учредить в России Орден св. Андрея Первозванного, что и исполнил в 1698 г. Примечательно, что внешний вид данного ордена, по замечанию Р. Уортмана, имитировал англий-

Даниел Маклиз. Петр I в Делфттерде в 1698 г.
Середина XIX в.

ский Орден Подвязки. В 1720 г. Петр стал гроссмейстером духовно-рыцарского Ордена иоаннитов. По утверждению Е.Ф. Петиновой, русские масоны считали, что Петр был первым русским масоном, принявшим посвящение от самого Кристофера Рена (знаменитого английского архитектора XVII в., автора проекта Собора св. Павла. — ТЛ.), основателя новоанглийского масонства. По возвращении из Англии Петр создал масонскую ложу, где первым лицом в ней — "мастером стула" стал Лефорт, сам царь занял место второго "наблюдателя". Впрочем, на взгляд исследовательницы, все вышесказанное относилось "к области преданий" и документами не подтверждалось. Петинова считает, что время проникновения масонства в Россию датируется 1731 г., когда гроссмейстер Великой Лондонской Ложи лорд Ловель назначил капитана Джона Филипса великим магистром "для всей России"³¹.

Однако не только английский король предпринимал попытки завлечь "царя Московии" в свое "тайное братство". Не оставили без внимания визит русского царя и представители высшего духовенства англиканской церкви, долгое время помышлявшие о достижении унии с православной церковью³². Несколько епископов нанесли визит Петру 15 февраля, спустя неделю царь сам посетил архиепископа Кентерберийского Т. Тенисона. Как отмечал Маколей, более всего русского царя поразила библиотека архиепископа. "Это было

первое увиденное им хорошее собрание книг, – писал историк. – По его словам, он и представить себе не мог, что в мире может быть такое количество печатных томов"³³. Заметив интерес Петра к устройству англиканской церкви (впрочем, царь с одинаковым интересом посещал богослужения в капелле архиепископа Кентерберийского и в секте квакеров), епископ Солсберийский Дж. Бёрнет нанес визит "царю Московии" и провел с ним в беседе 4 часа. "Мы говорили о многом, – делился позднее епископ своими впечатлениями об этой встрече. – Он (Петр I) обладает такими познаниями во многих вещах, коих я и не ожидал в нем встретить". Епископ "настоятельно" рекомендовал Петру I "обратить внимание на важную роль христианства в деле реформирования жизни и настроений людей", и царь с ним вполне согласился. Говоря о своих впечатлениях о Петре I, Бёрнет заключал: тот "либо погибнет на этом пути, либо станет великим человеком"³⁴.

Английские церковники пытались оказать влияние на русского царя не только в вопросе религиозного переустройства России. К примеру, известный богослов Ф. Ли составил проект необходимых для России реформ и, как утверждал А.И. Андреев, записка Ли сыграла важную роль в начальных преобразованиях Петра. К примеру, идея коллегиального устройства правительственных учреждений, на которой настаивал Ли (основание семи коллегий для поощрения развития науки, художеств, улучшения законов и нравов), возникла у царя именно под влиянием англичанина. Другие мероприятия, которые предлагал богослов (христианизация народов Сибири, устройство специальной школы в Астрахани для изучения калмыцкого, татарского и других языков), были также осуществлены Петром вскоре по возвращении из-за границы³⁵.

Находясь в Англии, Петр I проявлял живой интерес к ее государственному устройству. "Неоднократно царь в беседах расспрашивал о том, как ведутся дела в парламенте, королевском Тайном совете и других государственных учреждениях Англии, в чем состоят права и обязанности мировых судей, интересовался регламентами административных, финансовых, адмиралтейских, почтовых учреждений, расспрашивал о правах короля в мирное и военное время и т.п."³⁶ Довелось царю посетить и парламент, где через слуховое окно он наблюдал за тем, как проходило заседание Палаты лордов, на котором присутствовал король. Как пишет Соколов, этот визит царя в парламент явно не относился к числу самых сильных его впечатлений, поскольку "слишком далеки английские порядки, право и государственное устройство от государственных норм России, от того, что Петр мог считать для себя образцом"³⁷. Иначе освещал знакомство Петра I с представительным учреждением Англии Ключевский: «Выслушав прения с помощью переводчика³⁸, Петр сказал своим русским спутникам: "Весело слушать, когда подданные от-

крыто говорят своему государю правду, вот чему надо учиться у англичан"»³⁹.

Интересные впечатления вынес Петр из посещения Оксфорда, хотя находился там всего один день. Тем не менее он успел побывать в Шелдонском театре, в котором располагалось издательство Оксфордского университета, музеи Ашмолея, часовни Тринити-колледжа. Осматривая Бодлеанскую библиотеку университета, царь увидел среди выставленных там рукописей верительных и проезжих грамот на русском языке те, что были посланы Иваном Грозным королеве Елизавете Тюдор в пору его к ней сватовства. Петр перечитал эти грамоты "с величайшим удовольствием", "несколько раз начинал смеяться и просил дать ему списки с нескольких из них, показавшихся ему наиболее трогательными и интересными"⁴⁰.

Охотник до развлечений, царь не преминул посетить лондонский театр, где посмотрел пьесу "Королевы-соперницы, или смерть Александра Великого". "Приехав в театр и увидев, что партер, ложи и галерея смотрят не на сцену, а в его сторону, он пересел на заднюю скамейку и велел свите заслонить себя"⁴¹. Особого внимания Петра, как говорят, удостоилась красавица-актриса Летиция Кросс. Царь побывал также на состязаниях быков, медведей, собак, петухов и прочих английских увеселениях.

18 апреля Петр I нанес прощальный визит английскому королю, подарив ему алмаз огромной величины, и спустя неделю покинул Англию, вспоминая о ней, как о "лучшем, красивейшем и счастливейшем острове" на свете⁴². Между тем после отъезда Великого посольства английское казначейство выплатило Джону Эвелину 162 фунта 7 шиллингов в возмещение тех убытков, которые были нанесены его дому и саду в Дептфорде, где проживали царь со своей свитой. "Ужас охватывает, когда читаешь эту опись, едва ли преувеличенную, — сокрушался Ключевский. — Полы и стены были заплеланы, запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны, так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал целый полк в железных сапогах. Обидно, что, пустившись на Запад за его наукой, московские ученики не подумали, как держаться в тамошней обстановке. Зорко следя там за мастерствами, они не считали нужным всмотреться в тамошние нравы и порядки, не заметили, что у себя в Немецкой слободе они знали с отбросами того мира, с которым теперь встретились лицом к лицу в Амстердаме и Лондоне, и, вторгнувшись в непривычное им порядочное общество, всюду оставляли здесь следы своих московецких обычаев, заставлявшие мыслящих людей недоумевать, неужели это властные просветители своей страны"⁴³.

Трудно не согласиться с мнением российского историка. В то же время у читателя складывается двойственное впечатление: либо

арендуемое помещение действительно подверглось нападению варваров, намеренно крушивших все, что попадалось им под руку (даже домик, где размещалась царская охрана, был почти полностью разрушен), либо составители реестра во главе со знаменитым архитектором К. Реном намеренно завысили размеры причиненного ущерба, дабы получить от английского правительства солидную компенсацию. Во всяком случае на подобные размышления наталкивает перечисление описи повреждений, нанесенных саду и цветнику. Эксперт Дж. Лаудон, являвшийся королевским садовником, обратил внимание на помятую траву, заросшие сорняками цветники, запущенные песчаные дорожки, неподрезанные фруктовые деревья и оценил подобный ущерб в 55 ф. ст. (для сравнения: сумма ущерба, нанесенного дому, составляла 107 ф. ст. и 6 шиллингов. – *Т.Л.*)⁴⁴.

Хотя Петр I и его ближайшее окружение, попав на Запад, быстро перенимали внешние атрибуты европейского быта (одежду, выезды, мелочи столового обихода), однако этого было еще явно недостаточно для освоения всей западноевропейской культуры. Русский царь хорошо это понимал и потому, возвращаясь в родные пенаты, пригласил в Россию мастеров. По утверждению В.И. Буганова, Великое посольство наняло на службу более 800 иностранных специалистов (офицеров, матросов, инженеров, врачей и т.п.) – выходцев из Голландии, Германии, Венеции, Греции⁴⁵. Среди них были и англичане: по данным Н.Г. Устрялова, 50 человек, по утверждению британского историка XIX в. Дж. Барроу – 500⁴⁶. Как бы то ни было, но большинство специалистов имели непосредственное отношение к флоту: корабельщики Джон Дин и Джозеф Нэй, морской офицер и инженер Джон Перри, математик Генри Фаркерсон с двумя молодыми коллегами и ряд других. Петр нанял всех этих людей с тем, чтобы "все виденное за границей завести у себя дома". Однако, обратившись к реформам, царь не пытался поставить русскую жизнь на западноевропейские основы. Как утверждал Ключевский, он лишь стремился "вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе"⁴⁷. Аналогичного взгляда на реформаторскую деятельность Петра I придерживался и Н.Н. Молчанов, утверждавший, что царь не собирался слепо подражать Европе, а лишь хотел использовать методы, опыт, уроки передовых стран для того, чтобы быстрее навести отставание России⁴⁸.

Какие реформы и каким образом проводил Петр I в России, опираясь на западноевропейский, в первую очередь британский опыт? Известно, что Петр вернулся из заграничного вояжа ранее, чем намечалось, так как получил известие о новом бунте стрельцов. Бунт был подавлен с помощью войска верного генерала Гордона, в котором, по свидетельствам Перри, большая часть офицеров и солдат

являлись иностранцами. Гордон жестоко расправился с участниками бунта: каждый десятый был повешен, остальные этапированы в Москву. Мученическую смерть от рук пособников Гордона приняли 2 тыс. стрельцов⁴⁹.

Расправившись с врагами, Петр I приступил к преобразованиям в стране. "Он начал с того, что поставил на совершенно новую ногу не только гвардию, которая состояла из полков, заменивших... стрельцов, но и все войско подчинил новой дисциплине, почерпнутой им из наблюдений его за границей", – свидетельствовал Перри⁵⁰. Еще при Алексее Михайловиче в армии уже имелись полки нового, иноземного строя (солдатские, рейтарские, драгунские), что и предвосхитило реформу армии начала XVIII в. В ноябре 1699 г. вступила в силу рекрутская система набора в армию. Предусматривалось создание 30 пехотных солдатских полков из "даточных" – рекрутов. "Временные ратники превращались в постоянных военнослужащих", – подчеркивал Буганов⁵¹. Царь пригласил на военную службу также иностранных офицеров. Н.И. Павленко упоминает о 29 командирах полков, приглашенных из-за границы, а С.Ф. Платонов, ссылаясь на официальные данные 1696 г., говорил о 231 иностранном офицере в коннице и 723 – служивших в пехоте. Он же отмечал, что все иностранцы имели хорошее жалованье: в пехоте 250 руб. в месяц, в коннице – 400 руб. Русские офицеры получали вдвое меньше⁵².

Образцом для подражания в реформировании армии послужила немецкая модель. На это указывал британский посланник в России Ч. Уитворт. Е. Анисимов упоминал о наличии в воинском указе Петра 110 артикуляров военного кодекса шведского короля Густава-Адольфа⁵³. Между тем свой вклад в "усовершенствование русского войска" внесли и англичане, создавая в качестве мастеров артиллерийские орудия и снаряды. В допетровские времена в России отсутствовала "правильная артиллерия", свидетельствовал Перри. По возвращении с Запада царь ее завел, его подданные изучили артиллерийскую науку и сделали "хорошими бомбардирами". Спустя несколько лет, в 1705 г. Ч. Уитворт выскажется о состоянии русской артиллерии, не скрывая восторга: "Артиллерия в настоящее время замечательно хорошо устроена, и генерал Огильви говорил мне, что ни у одного народа не встречал такого умения обходиться со своими пушками и мортирами, как прошлого года у русских под Нарвой. Недавно отлито сто новых медных орудий разных калибров"⁵⁴. Военная реформа, явившаяся первоочередным преобразовательным делом Петра, по мнению Ключевского, оказала глубокое влияние и на склад общества, и на ход событий в целом.

Если в реформировании русского войска за образец была взята немецкая армия, то флот в России создавался при самом активном участии англичан. "В течение всего XVIII столетия Англия вносила

в развитие русского флота большой и важный вклад, как отпуская британских офицеров и кораблестроителей на службу в Россию, так и принимая русских в обучение на суда британского флота и на верфи — осваивать искусство английских мастеров", — отмечал Кросс. — Английские мастера построили немало русских судов, "не было года, когда хотя бы один британский офицер не командовал российским военным кораблем"⁵⁵.

Влияние английской корабельной науки на строительство русского флота признавали и современники Петра I. Перри утверждал, что царь Петр решил строить свои корабли "только по английскому образцу", еще когда находился в Англии. Тогда же он пригласил к себе на службу нескольких кораблестроителей и мастеров во главе с мистером Дином⁵⁶. Вернувшись в Россию, Петр I первым делом отправился в Воронеж, где заменил на верфях голландцев английскими мастерами. Строительство флота, потребность в котором Россия особенно сильно стала ощущать, вступив в войну со Швецией, благодаря его стараниям велось интенсивно. Результаты не заставили себя долго ждать. В начале 1705 г. Уитворт сообщал в послании к госсекретарю Р. Харли о строительстве царского флота в Воронеже из 40 или 50 военных судов, на самом большом из которых размещено до 90 пушек. Спустя 14 лет, новый посол в России Дж. Джеффрис уже с тревогой извещал госсекретаря о том, что стараниями его соотечественников русский флот пополнился более чем 30 кораблями. Посланник выказывал опасения в том, что, продолжая действовать такими же темпами, русский царь сможет в несколько лет создать могущественный флот, и потому советовал королю Георгу I Ганноверу немедленно отозвать английских корабельных мастеров из России⁵⁷.

Не ограничиваясь строительством судов на российских верфях, Петр I неоднократно отдавал распоряжения своим послам и эмиссарам Б.И. Куракину, Ф.М. Апраксину о приобретении судов для своего флота в Великобритании. На взгляд Перри, это было оправданным, поскольку строительство кораблей в России обходилось много дороже, нежели их доставка из Англии⁵⁸. Трудно сказать, чем руководствовался английский корабел и инженер, делая подобные заключения: собственным опытом или корыстной выгодой своих соотечественников, занятых на строительстве кораблей для российского флота на английских верфях? Петр I постоянно приглашал также британских офицеров на службу в Россию, и в этом ему активно помогал верный Гордон. К концу царствования Петра балтийский флот насчитывал 48 линейных кораблей, 800 галер и других мелких судов с 28 тыс. человек экипажа⁵⁹.

Среди первоочередных мероприятий, проведенных Петром I после возвращения на родину, была реформа государственного управления. Наиболее важные изменения претерпела Боярская дума. Со-

кратилась ее численность, а также начал меняться социальный состав: аристократическое по своему характеру учреждение пополнялось представителями неродовитого дворянства и приказных дельцов⁶⁰. Преобразования затронули и приказы. С 1 марта 1700 г. было велено все частные акты писать на гербовой бумаге, как это было принято в странах Западной Европы. Голландский художник и этнограф К. де Бруин, не раз посещавший Россию, свидетельствовал: делопроизводство в стране велось "таким же образом, как у нас, голландцев"⁶¹. Изменился и порядок оформления казенных бумаг. К примеру, теперь не выписывались так пространно, как прежде, все титулы царя. В этом Перри усматривал английское влияние⁶².

Английское влияние сказалось и на церковной реформе, проведенной Петром I в начале XVIII в., в результате которой царь стал еще и главой православной церкви. Испанский посланник в России граф де Лириа отмечал: хотя Петр I "в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии", однако неизменно стремился стать главой церкви, "подобно английскому королю"⁶³. Павленко подчеркивал, что еще в Англии, беседуя с епископом Бёрнетом, Петр I "интересовался не столько вопросами богословия, сколько выяснением отношений между церковной и светской властью"⁶⁴. По возвращении на родину царь осуществил намеченную реформу. После смерти Патриарха Адриана он воспротивился избранию его преемника и ввел новую должность "местоблюстителя патриаршего престола", исполнявшего функции духовного пастыря. Имуществом церкви, доходы от которого шли в царскую казну, ведал Монастырский приказ во главе с И.А. Мусиным-Пушкиным. По сути дела, утверждал Буганов, Петр провел частичную секуляризацию⁶⁵. По свидетельству Перри, "этот странный и изумительный оборот дел возбудил сильное волнение в среде высшего духовенства"⁶⁶. Что же касается предпринимаемых попыток со стороны англиканского духовенства добиться объединения с православной церковью через унию, то таковые успеха не имели.

Большое значение для укрепления мощи Российского государства имели экономические реформы, проведенные Петром I во многом благодаря его знакомству с западноевропейской промышленностью. По возвращении на родину царь приступил к монетной реформе, и уже в 1700 г. новые монеты были пущены в оборот. Наряду с серебряными стали чеканиться мелкие медные монеты разной стоимости и хорошего качества. Нововведение в народе приняли спокойно. "Очевидно, – признавал Буганов, – посещение лондонского Монетного двора, беседы со специалистами пошли впрок и Петру, и его помощникам в этом важном деле"⁶⁷. Руководство монетным делом было поручено "горячему стороннику англичан и английского влияния" Ф.А. Головину. Он же ведал внешними сношениями и снабжением армии и кораблестроением, поэтому англичане стара-

лись не упустить своего шанса, имея в лице Головина "славного покровителя"⁶⁸.

О влиянии европейского опыта на деятельность Петра в экономической сфере писали Ключевский, Устрялов, Анисимов. Ключевский отмечал, что, познакомившись с Западной Европой, царь навсегда остался "под обаянием ее промышленных успехов". Он особенно тщательно изучал фабрики и заводы главных промышленных центров Западной Европы – Амстердама, Лондона, Парижа. Всякий раз при их посещении записывал свои наблюдения. Для того чтобы создать в России промышленность, наподобие западноевропейской, Петр I осуществил ряд мер, которые, на взгляд Ключевского, сводились к трем направлениям: вызову иностранных мастеров и фабрикантов; посылке русских людей за границу для обучения "мастерствам"; законодательной пропаганде. "Вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу", – писал Ключевский⁶⁹. Устрялов перечислял специалистов, которых Петр "навербовал" в Англии. В их числе были морские капитаны, поручики, лоцманы, строители корабельные, мачтовые и шлюпочные мастера, якорные кузнецы, компасные, парусные и канатные "делатели", "мельнишные строители" и многие ученые люди, также "архитекторы гражданские и воинские"⁷⁰. В сборнике российско-британских документов встречается информация о приглашении в Россию мастеров-артиллеристов, корабельных дел мастера Дж. Ноя, врача Б. Эндрюса, специалистов по горному делу и др. Для организации стеклодувного производства в Воробьево, вблизи Москвы, были также привлечены английские специалисты⁷¹. Перри свидетельствовал: вместе с Петром Англию покидали нанятые им математики, корабельные строители, художники, офицеры, бомбардиры. В последующие годы царь также поручал своим резидентам приглашать в Россию английских мастеров.

Надо признать, что Петр I очень дорожил иностранными специалистами. "Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за иностранными мастерами, – подчеркивал Ключевский. – Если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямого недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных. Такие выгоды давались иноземным мастерам и фабрикантам с одним непременным условием: "учить русских людей без всякой скрытности и прилежно"⁷².

Особым расположением царя пользовались британские кораблестроители. По свидетельству посланника Джеффриса, в Великобритании у них не было земли или иной другой недвижимости, следовательно, и терять им на родине было нечего. Они прибыли в Рос-

сию с семьями искать обеспечения и отчасти нашли его: их заработки составляли от 800 до 2000 руб. в год на человека, кроме подарков и иных выгод. Мастера "окружены таким вниманием, на какое они не могли бы рассчитывать ни в какой другой стране, даже если бы принадлежали к знатному роду, писал посланник, так как царь, а следовательно и все его сановники, ласкают их больше, чем кого-нибудь. Они принимают участие во всех придворных развлечениях, на всех пирах сидят за царским столом... Короче, царь не пренебрегает ничем, чтобы привлечь их к себе и удержать их на своей службе до гроба"⁷³.

Впрочем, справедливости ради заметим, что положение иностранных специалистов в России было не всегда столь благополучным, о чем свидетельствовал Перри. Особое беспокойство, недовольство и возмущение вызывали у британского инженера постоянные и продолжительные задержки с выплатой оговоренного ему по контракту жалованья. Когда же в конце концов мастеру заплатили, то оказалось, что он понес убытки в 38%, поскольку с ним расплатились вновь отчеканенной монетой. Однако и на этом мытарства Перри не закончились. Ему не разрешили покинуть Россию, чтобы поехать в отпуск на родину из-за опасений, что он не возвратится и не завершит начатую работу. В конце концов, чтобы получить окончательный расчет, мастеру пришлось написать специальную докладную записку о своих злоключениях самому царю⁷⁴. Не лучшим было положение другого известного британца – Фаркерсона, основавшего Навигацкую школу в Москве. Его пригласили на службу в Россию на выгодных условиях, которые, однако, не соблюдались. В 1710 г. в письме к Апраксину он писал: "Униженно молю, чтобы Ваше превосходительство изволило ныне его царскому величеству обо мне припомнить, для того что мне невозможно больше и доле в такой скудости жить, как я по се число живу"⁷⁵.

Другим важным источником распространения английской культуры в России становились те молодые люди, которые отправлялись на обучение различным ремеслам в Великобританию. 22 ноября 1698 г. Петр издал указ об отправке "в разные государства учиться всяким наукам". Прежде это запрещалось делать под страхом смертной казни. Дело в том, что первые попытки обучать молодежь за границей были предприняты еще Борисом Годуновым. В 1601–1602 гг. он направил 18 юношей – "детей боярских" в западноевропейские страны. Четверо из них – Никифор Олферьев, Сафон Жохов, Казарин Давыдов и Федор Костомаров оказались в Англии. Однако ни один из этих студентов после завершения учебы на родину не вернулся. Следы их затерялись до тех пор, пока новый царь Михаил Романов не вспомнил о "путешественниках". По его просьбе английский король Яков I Стюарт в 1613 г. объявил розыск беглых "студентов", и тогда-то выяснилось, что двое из них перебрались в Ост-

Индию, один женился и осел в Ирландии, а четвертый – Никифор Олферьев сделался пастором в англиканской церкви. Не вернулись в Россию и другие "студенты", обучавшиеся в западноевропейских странах. (Симмонс упоминал лишь об одном возвратившемся в Россию "студенте"⁷⁶.) Так попытка Годунова обучать молодежь за границей окончилась крахом.

Петру I в этом отношении повезло много больше. Многие "студенты", отправленные на учебу в Англию, Голландию, Италию, принадлежали к княжеским фамилиям и впоследствии стали послами: в Париже (Б.И. Куракин), в Варшаве (Г.Ф. Долгорукий), в Вене (П.А. Голицын). Однако навигация и кораблестроение являлись главными предметами изучения русских "студентов". Впрочем, со временем программа "заграничной выучки" расширилась. "Студенты" обучались в Венеции, Флоренции, Тулоне, Марселе, Кадисе, Париже, Амстердаме и Лондоне "живописному искусству, экипаже-ству, механике, навигации, инженерству, артиллерии, рисованию... боцманству, артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить и всяким ремеслам, медному, столярному и судовым строениям". Они изучали в Европе не только "философские и дохтурские науки", но также печное мастерство и искусство обивать комнаты и убирать кровати. В своем рабочем дневнике о первоочередных делах Петр внес запись о необходимости отправки в Англию молодых людей для изучения ремесла по изготовлению сапог и слесарных работ. Со временем фабричных мастеров и горных инженеров сменили правове-ды и коммерсанты, знающие науку управления, особенно финансов. "С помощью тех и других Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России", – заключал Ключевский⁷⁷.

Англия по праву считалась главным "университетом" для русской молодежи, отправлявшейся на обучение в Европу. В сборнике российско-британских документов фигурирует список имен 42 студентов, которые в 1715–1717 гг. прибыли в Великобританию для обучения по следующим специальностям: строители баркасов и судов, барж, яликов; столярные работы на судне, изготовление мачт; мастера пушечных дел, по гребле и по окраске судов; якорщики; мастера по металлу, плотницкому делу, бурению, сверлению, пилорамам; специалисты по украшению домов, изготовлению замков, мебели (столов и стульев) и одежды; декораторов спален и других помещений; изготовители математических инструментов и т.д.⁷⁸ Как видно, царь не жалел государственных средств на подготовку различных специалистов в Англии. Всего на протяжении XVIII в. в Великобритании обучилось, по данным Красса, несколько сотен "студентов" из России⁷⁹. Обращает на себя внимание их социальный состав. Так, в числе 30 лучших учеников Навигацкой школы в Москве для освоения мастерства в Британии были отобраны: сыновья свя-

щенников Петр Мартов и Федор Васильев, иконописца – Степан Маев, солдата – Петр Макринский, писца – Василий Казанцев, горожанина – Федор Казанцев, придворного – Семен Ушаков и т.д.⁸⁰ Однако большинство "студентов" являлись представителями бояр и дворян. Петр направил на обучение в Англию даже сыновей своего дяди. Родственники царя – бояре Нарышкины были очень молоды: одному едва минуло 14, другому исполнилось 8 лет. Тем не менее мальчики понравились посланнику Уитворту, который отмечал, что оба они говорят по латыни и отличаются умением держаться "скромно, прекрасно не по летам и не по обычаю своей родины"⁸¹. По прибытии в Англию молодые Нарышкины были представлены королеве Анне, на которую также произвели самое благоприятное впечатление.

Большую роль в подготовке национальных кадров для промышленности сыграл сам царь. Петр I неустанно проповедовал о государственной пользе ремесленных и промышленных занятий в России, подчеркивая, что они "никого не бесчестят", а напротив, также полезны для государства и почетны, как любая другая государственная служба. По примеру англичан, вынужденных для решения проблемы пауперов, возникшей на почве огораживаний еще в XVI в., в правление Тюдоров, строить богадельни и приюты для нищих, Петр в 1703 г. повелел открыть в Москве работный дом "для праздновающихся", а при нем завести различные ремесла. К. де Бруин, расценивая подобные действия Петра I как достойные похвалы, отмечал, что для обеспечения существования "нищих мужчин и женщин, шатающихся во множестве по московским улицам", при каждой церкви открывалась богадельня, которая содержалась на казенный счет⁸². В 1724 г. по указу Петра были устроены также воспитательные дома, в которых незаконнорожденные дети обучались "всяким художествам".

Результаты принятых Петром I мер для создания отечественной промышленности не заставили себя долго ждать. В 1697 г. по его указанию начали строить доменные печи и пушечные литейные цехи на Урале. Через год заложили первый металлургический завод в Невьянске. Буквально на протяжении нескольких лет было построено до 40 промышленных предприятий⁸³. Одинадцать заводов полностью обеспечивали страну железом. В Москве заработали Канатный, Кожевенный, Портупейный, Шляпный, Суконный дворы. Поставлявший флоту парусину Хамовный двор представлял для своего времени огромное предприятие, насчитывавшее до 1200 человек. В Москве и Петербурге было открыто немало казенных мануфактур: бумажная, пуговичная, чулочная, суконная, полотняная, стекольная, которой владели англичане, зеркальная, кожевенная, шпалерная и пр.⁸⁴ К концу правления Петра в России насчитывалось 233 фабрики и завода. Наиболее интенсивно развивались производ-

ства, связанные с военным делом: полотняное, парусное, суконное. Процветало также горное дело, благодаря чему в 1718 г. на всех русских заводах было выплавлено более 6,5 млн пудов чугуна и около 200 тыс. пудов меди⁸⁵. Это позволило России вооружить флот и армию собственным огнестрельным оружием.

Важное место в экономике России при Петре I занимала торговля, в которой наиболее активными партнерами русских купцов являлись англичане. Особенно укрепились торговые отношения между странами после визита Петра I в Англию. Россия в ту пору, на взгляд Перри, являлась страной "плодородной" и изобиловала всем, "что потребно для жизни человека". Русские купцы везли на Запад кожи, меха, полотно, лен, пеньку, тюленью кожу, ворванное сало, канифоль, смолу, деготь, икру, сало, воск, рыбий клей, лес для корабельных мачт, строевой лес, дуб и сосновое дерево. А после того как в России расширилось железоделательное производство для изготовления оружия, иноземные купцы стали проявлять интерес и к этому товару. Английские купцы были самой многочисленной группой среди заморских торговцев: из 98 торговых судов, прибывших в 1722 г. в Санкт-Петербург, 52 являлись британскими⁸⁶. Об интенсивных торговых контактах между Россией и Англией в правление Петра I свидетельствовал и профессиональный купец, публицист, журналист и писатель Д. Дефо. "Мы посылаем теперь 100 судов в год вместо 8—9, как в прошлые годы", — писал он в 1705 г. в журнале "The Consolidator"⁸⁷.

Нельзя пройти мимо того факта, что иностранные купцы, прежде всего выходцы с британских островов, пользовались в России особым покровительством со стороны царя и его приближенных. И.Я. Фроянов подчеркивал: Петр I создал тяжелейшие условия для русского купечества, тогда как западным торговцам делал различные послабления. Многие товары, шедшие на экспорт, попадали в руки купцов-монополистов А. Стейлса, И. Люпса, К. Гутфеля, Е. Меера, Х. Бранта и других. Монополисты получали баснословные прибыли, способствовавшие экономическому благосостоянию Западной Европы. Этому же в немалой степени помогала утечка капиталов в европейские банки, главным образом в Лондонский и Амстердамский. "Эпоха петровских реформ расплодила массу мздоимцев и казнокрадов, которые в сутолоке преобразований сколотили несметные состояния. Особенно отличился "светлейший князь" А.Д. Меншиков, который ... вывозил наворованные деньги за границу. В Лондонском и Амстердамском банках он хранил 9 млн руб., бриллианты и разные драгоценности на сумму в 1 млн руб. Богатства по тем временам сказочные. Государственный бюджет 1724 г. составил 6 млн 243 тыс. 197 руб."⁸⁸. Таким путем происходила огромная перекачка русских богатств на Запад, что было выгодно западным дельцам, справедливо заключал историк.

Западное, не в последнюю очередь британское влияние сказало-сь в России и на культуре, образовании, искусстве, литературе, а также внешнем виде русских людей и их бытовом поведении. Сбли-жение с Западом требовало, по разумению Петра, изменений во внешнем виде русских людей с тем, чтобы они напоминали собой ев-ропейцев. Поэтому на другой день по возвращении из Англии царь начал самолично обрезать бороды у дворян. Собрав по приезду в ав-густе 1698 г. в селе Преображенском бояр, Петр "приказал подать ему ножницы и тут же пустил их в ход – на пол посыпались отрезан-ные бороды. Шок испытали самые влиятельные в то время лица – "генералиссимус" А.С. Шеин, князь-кесарь Ф.Ю. Ромодановский и др. Но с этим пришлось примириться, тем более что царь не ограни-чился первой встряской. Несколькими днями позже на пиру у Шеи-на, теперь уже безбородого, у гостей, имевших сие старорусское украшение, бороды кромсал царский шут"⁸⁹. 1 декабря 1698 г. был устроен царский смотр, на котором, как свидетельствовал служи-лый человек А. Желябужский, воевода Иван Данилов, сын Наумова "бит батоги нещадно за то, что у него борода и усы не выбриты. И после смотра им воеводам была сказка, чтобы у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев"⁹⁰.

Указ о брадобрействе появился позже, 16 января 1705 г. Духо-венство и крестьян этот указ не затронул: им дозволялось оставать-ся "старомодными". Уитворт свидетельствовал: "Одною из самых трудных задач было склонить москвитян к разлуке с длинными бо-родами. Многие из знатнейших бояр расстались с ними в присутст-вии царя только потому, что его воле противиться было нельзя. Простые люди, впрочем, не так легко поддавались новой моде, пока у городских ворот не стали взимать штрафов со всякого, входящего или выходящего с необритой бородою, причем плата требовалась каждый раз, как бы кто часто ни проходил воротами. Таким обра-зом, наконец, и простой народ заставили покориться"⁹¹. Для испол-нения указа о брадобрействе были отряжены специальные брадо-бреи, которые брили бороды всем без различия. Многим людям по-добное распоряжение "казалось до того горьким", что они пытались подкупить деньгами брадобреев, однако это не помогало. Бритье со-вершалось даже за столом царя и над самыми знатными вельможа-ми. "Невозможно выразить скорбь, какую причиняло это бритье многим русским... оттого, что они потеряли бороду, которую... так долго носили и которую считали признаком почета и знатности", – вспоминал де Бруин⁹². Один плотник из Воронежа, рассказывал Перри, собирался спрятать свою отрезанную бороду для того, что-бы ее положили вместе с ним в гроб, и когда он явится на тот свет, то смог дать отчет о ней Николаю-угоднику⁹³.

Дело доходило до того, что в разных городах России стали появ-ляться подметные письма, в которых православных призывали "вос-

стать за бороду". В 1705 г. в дом к митрополиту Дмитрию сошлись знатные горожане, которые затеяли диспут о бороде, об опасности брадобрейства для душевного спасения, ибо считалось, что "сбрить бороду – значит потерять образ и подобие божие". В конце концов правительство было вынуждено принять фискальные меры. Желющие носить бороду должны были платить налог: богатые купцы – 100 руб. в год, дворяне и чиновники – 60 руб., горожане – 30 руб., крестьяне – по копейке при въезде в город и выезде из него. Освобождались от нового налога лишь лица духовного звания⁹⁴.

Стремясь облегчить сближение своих подданных с иностранцами, Петр I надумал также переодеть их на европейский лад. 12 февраля 1699 г. на ассамблее у Лефорта царь вновь пустил в ход ножицы, на этот раз начав обрезать длинные и широкие рукава кафтанов. При этом он приговаривал: "Это помеха: везде надо ждать какого-нибудь приключения – то разобьешь стекло, то по небрежности попадешь в похлебку"⁹⁵. 4 января 1700 г. царь издал указ о ношении европейского платья. "Сперва повелел монарх платью сему быть венгерскому, но потом сие отменил, а указал носить мужескому полу верхнее саксонское и французское, а камзолы и нижнее платье немецкое, и женскому – немецкое"⁹⁶. Примечательно, что каждый из иностранцев, оставивший записи о виденном в России, причислял введенную Петром моду к той стране, из которой сам прибыл. Так, голландец де Бруин сообщал, что русским людям запрещалось выходить за городские ворота не в голландской одежде, чулках и башмаках. Англичанин Перри уверял, что царь приказал своим подданным одеться по английской моде и что образцы тонкого английского сукна для кафтанов были вывешены на всех воротах города⁹⁷. Симмонс также подчеркивал, что царь потребовал от своих подданных, как мужчин, так и женщин, переодеться в английское платье⁹⁸.

Иноземная мода встречала глухое недовольство в обществе, поскольку она была чужда как традициям, так и самому духу русского народа. Как отмечал историк XIX в. И.С. Беляев, "привязанность к старинному своему платью, сложившемуся веками и удовлетворявшему суровому климату и местным особенностям, была сильна в русском народе и даже в семье самого государя". В 1705 г. против нововведений Петра вспыхнул сильный бунт в Астрахани, жителей которых в русском платье не пускали в церковь. Сам целовальник по сбору пошлин за ношение бороды и русского платья отказался сбрить свою бороду и заявил воеводе: "Хоть умру, а пошлин собирать и бороды брить не буду!" Астраханцы попытались привлечь себе на подмогу донских казаков, но те отказались, заявив, что и так продолжают носить платье по своему древнему обычаю. На усмирение бунта Петр послал войска под командованием Шереметева. В результате было убито 20, ранено 53 человека, из доставленных в

Москву казнено, колесовано и скончалось во время розыска 365 человек⁹⁹.

Петр не сдавался и стремился насильно навязать своим подданным элементы европейской бытовой культуры. Однако не утихало и сопротивление народа. В 1708 г. в Москве появились подметные письма, в которых говорилось: "Бояре указу государеву непослушны о русском платье. Как ты, государь, придешь к Москве и при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские жены ходят в русском платье и по церквам ездят в телогрейках"¹⁰⁰. Заметим, что боярские наряды, которые, как правило, шились из дорогих материалов и украшались драгоценными камнями, передавались по наследству из поколения в поколение. Несколько раз (29 декабря 1714 г. и 1 сентября 1715 г.) царю пришлось продлевать действие указа. В 1721 г. на празднествах в Петербурге по случаю подписания Ништадтского мирного договора все приглашенные должны были явиться одетыми в европейское нарядное платье под угрозой пятидесятирублевого штрафа¹⁰¹. Для насаждения западной моды среди русского народа в ход шли самые жесткие меры. "У городских ворот расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли. Дворян, являвшихся на государев смотр с невыбритой бородой и усами, нещадно били батогами... Купцам за торг русским платьем – кнут, конфискация и каторга. Все это было бы смешно, если бы не было безобразно", – заключал Ключевский¹⁰².

Почему же так сурово Петр I расправлялся с теми своими подданными, которые не желали следовать западной моде? Ученые высказывали два предположения. Ключевский полагал, что большинство населения противилось петровским реформам и не желало столь поспешных нововведений, поскольку видело в том крушение всей своей жизни – обычаев, традиций, быта. Царя же раздражала подобная приверженность к отечественной старине. Он усматривал угрозу своим начинаниям во всех приверженцах этой старины. И потому "древнерусская борода была для него не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем". Другим расхожим мнением по поводу нововведений во внешнем виде русских людей считалось то, что это делалось в целях безопасности самих иностранцев, которых ненавидел весь народ. "Замечания некоторых историков о том, что перемена внешности нужна была для успеха преобразований, – писал Л. Анисов, – что длиннополость – признак азиата, а короткополость – признак европейца, уничтожаются простым и ясным признанием Гордона, что это нужно было для безопасности иноземцев, для смешения их с русскими перед негодующим народом"¹⁰³.

Возмущение народа вызвало еще одно нововведение, позаимствованное Петром I у англичан – табакокурение. Прежде в России курение табака расценивалось как дело "нечистое". Оно запрещалось распоряжением самого Патриарха под страхом смертной казни¹⁰⁴. Однако когда царь, находясь в Англии, пожаловал лорду Кармартену монопольное право на ввоз, производство и торговлю табаком в России, британские купцы выразили опасения в отношении протестов русского духовенства против нарушения прежних правил, ибо считалось, что курение осуждено словами Библии: "Человек оскверняется не входящим в уста, а исходящим из них". В ответ Петр I заявил, чтобы они успокоились, поскольку он знает, "как обращаться со своими священниками"¹⁰⁵. После этого в стране и развернулась кампания по приучению русского народа к табаку.

Не только в курении табака, но и в потреблении спиртных напитков русский народ следовал западным, и не в последнюю очередь британским образцам. Как свидетельствовал Перри, вскоре после своего возвращения из Англии Петр I повелел открыть в России кабаки для употребления спиртного, варить же пиво или самогон крестьянам запрещалось¹⁰⁶. Было бы неверным утверждать, что до Петра в России не употребляли спиртных напитков вовсе. Так, в XV в. помимо браги появляется пиво из ячменя, овса, ржи и пшеницы. Побывавший в 1588 г. на Руси знаменитый английский дипломат и путешественник Дж. Флетчер замечал: "напиваться допьяна каждый день всю неделю у них (русских людей) дело весьма обыкновенное". При этом он указывал, что главный напиток, потребляемый в Московии, это мед, а "люди победнее пьют воду и жидкий напиток, называемый квасом"¹⁰⁷. По утверждению Л.В. Выскоцкого, в первой половине XVI в. в Московском государстве появилась водка, или "хлебное вино", которое изготавливали из злаковых культур и настаивали на травах и пряностях – анисе, тмине, корице, мяте, зверобое, лимонных корках и пр. При Петре I водка впервые упоминалась в Таможенном уставе от 1724 г. под названием "крепиш"¹⁰⁸. Вместе с тем современные исследователи (к примеру, Анисимов) признают, что те безобразные попойки – "служение Бахусу", которые сделались привычным делом в окружении Петра, абсолютно не были свойственны ни преемникам, ни тем более его предшественникам¹⁰⁹.

Однако было бы ошибочным полагать, что просвещенная Европа отличалась в ту пору трезвостью. Ключевский писал: "В тот век пили много везде в Европе, не меньше, чем теперь, а в высших кругах, особенно придворных, пожалуй, даже больше"¹¹⁰. В Англии XVII в., как утверждал Маколей, "обычай напиваться сверх меры был всеобщим". Крепкое пиво поглощалось "в чудовищных количествах". Лишь в очень богатых домах или по самым большим праздникам на стол ставили привозные вина. И нередко "послеобеденное

веселье" завершалось под столом¹¹¹. В начале XVIII в., по признанию другого британского историка Дж. Тревельяна, пьянство сделалось "общепризнанным национальным пороком англичан всех классов... Простой народ еще употреблял эль, но у него уже появился соперник, гораздо более опасный – неочищенный спирт с его пагубной привлекательностью"¹¹². Академик А.М. Панченко также подчеркивал, что в Англии в начале XVIII в. "пьянствовали и стар, и млад, причем, чем выше был сан, тем больше человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи". В одном только Лондоне насчитывалось в ту пору 17 тыс. пивных¹¹³. Как мы помним, чрезмерное пристрастие к спиртному англичан обличали и первые просветители Дж. Аддисон, маркиз Галифакс и другие. Так что русские люди в потреблении спиртного скорее следовали "заграничным образцам", нежели являли таковой сами. Англичане попытались в какой-то мере повлиять на обычаи, связанные с культурой (или отсутствием таковой) питья в России. Так, благодаря настояниям посланника Уитворта, русские отказались от практики "заставлять пить гостей насильно", и впредь каждый был "волен пить столько, сколько ему самому приятно и угодно"¹¹⁴.

Большое волнение в российском обществе вызвало еще одно нововведение царя, привнесенное с Запада: с 1 января 1700 г. было велено вести летоисчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира, а Новый год праздновать 1 января, как и все неправославные народы. "Это новшество уж прямо вторгалось в церковный порядок, – подчеркивал Ключевский. – Люди... теперь еще сильнее встрепнулись на защиту старой веры"¹¹⁵. Данная реформа летоисчисления не случайно легла в основание легенды о Петре I как о "царе-антихристе". Подданные царя "подчинились этому указу только из страха, свидетельствовал Перри. Но и до сих пор находятся еще некоторые старые русские, которые в день 1-го сентября ... с ревностным усердием празднуют этот день, как первый день Нового года"¹¹⁶.

Более плодотворно сказалось британское влияние на развитии образования в России. Как отмечала Л.А. Черная, Петр I "выработал механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях. Среди этих механизмов важнейшими были система образования, книжное дело, массовые зрелищные формы (празднование побед, публичный театр, ассамблеи, фейерверки и т.п.). Все они функционировали под постоянным контролем и давлением государственной власти, прибегавшей то к поощрениям, а чаще к наказаниям за нарушения царских указов в области культуры"¹¹⁷.

Во время своего визита в Англию Петр I посетил Лондонское Королевское общество (Академию наук), университет в Оксфорде, музеи, лаборатории. Увиденное произвело на царя неизгладимое впечатление и убедило в необходимости создания высших и специ-

альных учебных заведений в России. В то время в стране существовало единственное высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1685 г. Петр I немало содействовал основанию Российской академии наук, деятельность которой с первых дней ее существования была тесно связана с Лондонским Королевским обществом. К слову сказать, в члены Королевского общества в 1714 г. был принят князь А. Меншиков "за его достоинства, знания и умения как в военном, так и гражданском правлении"¹¹⁸. Указ об учреждении Российской академии наук Петр издал в январе 1724 г., выделив на ее содержание 25 тыс. руб. В литературе остается не совсем ясным вопрос о том, какая из европейских академий (английская или французская) была взята за образец при создании отечественной. К примеру, секретарь прусского посольства современник Петра И.Г. Фоккеродт утверждал, что после посещения русским царем Франции в 1717 г. и принятия его в члены Французской академии наук у Петра I возникло "сильное желание" основать подобное учреждение в России. При этом за образец была взята именно французская академия. Между тем современные исследователи утверждают о британском "следе" в происхождении Российской академии наук¹¹⁹.

В целом образовательная система при Петре I строилась, как отмечала Черная, по образцу западноевропейской, носила светский характер и имела три ступени: низшую ("цифирные школы"), начальные общеобразовательные классы специальных училищ; среднюю (специальные учебные заведения профессионального характера) и высшую (Академия наук)¹²⁰. Царь провел ряд практических мер по созданию в стране различных учебных заведений. В 1701 г. на Сухаревой башне в Москве была открыта Навигацкая школа, которую возглавил Фаркерсон. Именно этому ученому суждено было стать основателем математического и навигационного обучения в России. При Петре I Фаркерсон подготовил едва ли не всех русских моряков "от высших и до низших".

В 1705 г. на Покровке открылось среднее учебное заведение – гимназия Глюка. Как свидетельствовал Фоккеродт, Глюк в прошлом являлся пастором в немецком городе Мариенбурге. Именно в его доме в услужении проживала будущая супруга Петра – Екатерина. "Этот человек, – писал Фоккеродт, – имел не больше сведений, сколько обыкновенно можно найти у шведского деревенского пастора". Свое училище в Москве он устроил по правилам шведского церковного устава¹²¹. Предназначенное для обучения разночинцев, училище включало в свою учебную программу такие предметы, как география, философия, политика, латинская риторика, греческий, еврейский, французский, немецкий языки, а также танцы и верховую езду. После смерти Глюка в 1705 г. дальнейшая судьба его училища осталась неизвестной.

Занимала Петра I и мысль о создании начальной народной школы. "Поскольку царь очень близко к сердцу принимал благополучие и возвышение своего народа, – свидетельствовал родственник Якова Брюса – Питер Брюс, – он не упускал ни единой возможности к просвещению подданных"¹²². В 1714 г. царь издал указ об открытии цифирных школ. И к концу его царствования в России насчитывалось уже до полусотни школ, в которых обучали грамоте, письму, арифметике и геометрии. Однако превратить подобные учебные заведения во всенародные Петру I так и не удалось: в них обучались по преимуществу "дьячие и подъяческие" дети. Необходимость в технических знаниях потребовала открытия в столицах помимо Навигацкой и Пушкарской школ также ряда училищ – медицинского, артиллерийского, инженерного.

Были предприняты первые шаги в организации женских образовательных учреждений по примеру тех, что существовали в Англии. Один из сподвижников Петра I, просвещенный аристократ Федор Салтыков в своем труде "Пропозиции" так же, как и Дефо в своем проекте о женских "академиях", предложил в каждой губернии открыть по две женских школы, разместив их в помещении бывших монастырей. Позднее с проектами женских семинарий выступал В. Татищев¹²³.

Большое значение в деле распространения знаний в России Петр придавал прессе и книгопечатанию. В ту пору в Англии выходило уже несколько периодических изданий. По примеру англичан Петр I в январе 1703 г. повелел выпускать в Москве еженедельные "Ведомости", которые и стали первой печатной газетой в России. В "Ведомостях" чаще всего помещалась информация из иностранных европейских газет. В издании "Fama" отмечалось: "Даже русские женщины начинают заглядывать в газеты, которые вместе с другими книгами переводятся на русский язык и продаются по умеренным ценам"¹²⁴. В 1699 г. в Москве была открыта новая типография, в которой планировалось печатать книги светского, прежде всего научного содержания.

Первые книги, изданные на русском языке в 1699–1701 гг., печатались сначала в Амстердаме, а затем на Печатном дворе и типографиях Василия Киприянова в Москве и Петербурге. Как правило, это были книги по истории, арифметике, астрономии, навигации, языкознанию и литературе. В 1708 г. Петр издал указ о выпуске книг светского содержания, набранных "гражданским шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским". Среди первых новым шрифтом была издана переведенная с немецкого языка книга "Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению". Помимо "азбуки и цифири" она содержала ряд рекомендаций (в том числе и представительницам слабого пола) по поводу того, как следовало держать себя в обществе: как сидеть за столом и обходиться с вил-

кой и ножом, с носовым платком, на каком расстоянии снимать шляпу при встрече со знакомыми и какую "позитуру принимать" при поклоне. Эта книга, по определению Ключевского, "учебник светских приличий", была популярна и переиздавалась в России несколько раз. И.В. Саверкина провела сравнение недоросля петровских времен по данной книге с молодым англичанином, которому давал советы зять маркиза Галифакса – граф Честерфилд в своих "Письмах к сыну". Исследовательнице удалось обнаружить немало совпадений в подобных рекомендациях¹²⁵.

Устроенная Петром I типография в Москве, по свидетельству Перри, издавала на протяжении ряда лет переведенные с иностранных языков многие книги "по части богословия и нравственности, равно как и относящиеся до войны, искусств и наук". Делал это русский царь, на взгляд англичанина, с целью "внушить народу своему правила добродетели и дать ему лучшее понятие о совести и человечности"¹²⁶.

Большое внимание в петровскую эпоху стали уделять изучению иностранных языков. Как отмечал И.В. Соколовский, "обучение языкам происходило в школах, у учителей, живших вне школы, а также и там, где представлялась возможность или случай, особенно за границей, на иностранных кораблях, верфях и других местах". Преподавателями были иностранцы, которые зачастую плохо, а то и совсем не знали русского языка. Русские люди осваивали немецкий, итальянский, французский, голландский, английский, турецкий, арабский, персидский, латинский, греческий и еврейский языки¹²⁷. Однако английский язык в петровской России был еще слабо распространен. Отсюда и проистекало ограниченное влияние английской литературы на умы россиян в ту пору. Знакомство с английской литературой осуществлялось через "посредников", т.е. благодаря переводам с французского и немецкого языков. В середине 20-х годов появился первый перевод с французского отдельных номеров сатирико-нравоучительного журнала "Зритель" ("The Spectator"). Этот журнал имел огромный успех как у себя на родине, где переиздавался 54 раза, так и во многих странах Европы. Объяснялась подобная популярность издания Стиля и Аддисона разнообразием тематики (от текущей информации о событиях в стране и за рубежом до глубоких рассуждений на философские, этические, литературные сюжеты), а также занимательной формой ее изложения. В своем журнале просветители подвергали острой критике коррупцию и взяточничество, злоупотребление служебным положением и некомпетентность должностных лиц, а также высмеивали пороки, присущие англичанам: суеверие, религиозные предрассудки, зависть, злословие, ложь, притворство, ханжество, пьянство. Подобные негативные явления жизни и человеческие пороки были типичными не только для англичан, но и для

русских людей, поэтому журнал очень скоро сделался популярным и в России.

Что же касается английской политической литературы, оказавшей огромное влияние на просвещенные умы Франции, то в России она не прижилась. Переводы трудов Т. Гоббса и Дж. Локка, а также изложенные Ф. Прокоповичем в "Правде воли монаршей" "ходячие и безвредные для русского читателя идеи западноевропейской публицистики о происхождении государств, об образах правления, о власти государей", по мнению Ключевского, не имели успеха¹²⁸. Произведение Локка "Два трактата о правлении", изданное в Англии в 1690 г., появилось в русском переводе с французского издания в 1720-е годы. Автором перевода являлся предположительно князь Д.М. Голицын, либо его сын С.Д. Голицын. Один из единомышленников Петра I Татищев находил локковское сочинение "более вредительным, нежели полезным". Работа Локка не встретила одобрения и царя. Чтение подобных опусов, считал Петр I, порождает "странные, с мудростью и пользою государства несогласные рассуждения"¹²⁹. Да и вообще политической литературе Англии Петр предпочитал научные труды.

Царские доверенные лица покупали на аукционах за границей наиболее ценные книги и целые библиотеки. Так в 1718 г. в Англии было закуплено собрание книг известного шотландского ученого, медика и философа Арчибальда Питкарна, которое насчитывало около двух тысяч томов. В собрании имелись также труды других ученых XVII–XVIII вв. По распоряжению Петра с английского переводились всевозможные регламенты и уставы ("Регламент английского адмиралтейства 1662 г.", "Книга пропорции оснастки кораблей аглинской", "Таблицы размеров (пропорций) кораблей английского флота", "Уставы морския, галанския и аглинския" и др.) Большой интерес царя вызывали рукописный сборник кораблестроительных чертежей 1714 г. (80 листов чертежей), а также трехтомный рукописный "Гидрографический атлас" Вильяма Хейка конца XVII в., оформленного в красный марокеновый переплет с золотым тиснением и обрезом.

Царь интересовался также гражданской и садово-парковой архитектурой, что видно из коллекции его книг (Альбом "Британский Витрувий" 1715 г., содержащий гравюры домов и усадеб английской знати), а также исторической литературы (в его коллекции книг имелся труд "Описания жития Анны Стюарты королевины английской"). Приводившая данные сведения Савельева отмечала также, что весомый вклад в перевод ряда научных книг внесли сами британские ученые Фаркерсон и Гвин. Вместе с математиком А. Магницким они перевели в 1703 г. таблицы А. Влакка, столь необходимые для занятий с учениками Навигацкой школы. В 1719 г. было издано в переводе сочинение самого Фаркерсона "Эвклидовы элементы из 12 Невтоновых книг выбранные"¹³⁰.

Бесспорно, значительным явлением в культурной жизни петровской России являлся театр. Придворный театр в Москве был устроен еще при отце Петра – царе Алексее Михайловиче. Хотя представления в нем давала "иноземная труппа", но русские люди также привлекались к новому развлечению. К примеру, Симеон Полоцкий написал для раннего театра в 1674 г. две пьесы: "О Навходоносоре царя" и "Комедию притчу о блудном сыне". Со смертью царя Алексея театральное дело в России приостановилось и лишь в 1702 г. вновь ожило, когда Петр I выписал странствующую немецкую труппу актеров во главе с актером и драматургом Кунштом. Театральные представления давались два раза в неделю на Красной площади, где в спешном порядке было выстроено специальное помещение – "комедиальная хоромина", или "комедиальный анбар". Чаще всего ставились пьесы из репертуара самого Куншта: "Сципий Африканский", комедия о Дон-Педре и Дон-Яне, а также "Доктор принужденный" Мольера. А. Веселовский упоминал также о существовании любительского театра сестры Петра – Натальи Алексеевны. Она сама написала две пьесы для представлений. Посетивший московский театр президент Тайного совета герцог Гольштинский Г. Бассевич утверждал: "Театр варварский, какой только можно себе вообразить, и посещаемый поэтому только простым народом и вообще людьми низкого звания"¹³¹.

Хотя каких-либо явных свидетельств о влиянии английского театра на русский в эпоху Петра нам обнаружить не удалось, однако, по мнению М.П. Алексеева, связи русского театра с английским были очевидными и их истоки вели к "англичанам иноземной слободы"¹³². Обращает на себя внимание тот факт, что Петр стремился приобщить к "комедиантству" русских артистов, и потому вскоре на обучение к Куншту были направлены из Ратуши, Сибирского, Посольского и Монастырского приказов девять "купецких людей"¹³³.

Заимствования элементов западноевропейской, в первую очередь британской культуры во многом (хотя далеко и не во всем) сказались на развитии России положительно. К подобному заключению приходил и Н.А. Ерофеев¹³⁴. Но считали ли прогрессивными реформы Петра I его современники? Как русский народ воспринимал деятельность царя после его возвращения с Запада и как он вообще относился к иностранцам? Ответы на эти вопросы позволят составить более полное представление о том, каким путем происходил процесс восприятия западной культуры в России.

Еще до визита Петра I в европейские страны, т.е. до начала его реформаторской деятельности, отношение русских людей к иностранцам было далеко недружественным. После того как в начале XVII в. московская торговля окончательно попала в руки иностранного, в первую очередь английского капитала, и иностранные пред-

приниматели намеревались присвоить также обработку сырья на местах, русское купечество начало подавать жалобы на те привилегии и льготы, которыми пользовались в России купцы из Англии и Голландии. Челобитные грамоты о злоупотреблениях "немцев" подавались неоднократно: в 1627, 1642, 1646, 1648 гг. Хотя правительство в ответ на это и принимало отдельные меры, ограничивавшие подобные злоупотребления, однако "не пускать иноземных купцов внутрь страны" оно отказывалось. Против иноземцев ополчились также служилые люди и духовенство. В 1648–1649 гг. возникло движение против засилия "немецких" командиров. Патриарх Никон потребовал, чтобы иностранцы не носили русское платье. Его предшественник патриарх Иосиф добивался изгнания из Москвы иностранных купцов и офицеров, а также наложил запрет на браки с иностранцами¹³⁵.

Некоторые иностранные путешественники считали подозрительное к себе отношение со стороны русских людей их отличительной чертой, объясняя это тем, что Россия на протяжении веков находилась в состоянии относительной изоляции. Однако Соколов расценивал подобное утверждение преувеличением. На его взгляд, простой люд не любил богатых московских купцов – "гостей" и сочувственно относился к торговле иностранцев. Прознав про это, русские купцы, отличавшиеся "хитростью и сметливостью", иногда намеренно прикидывались перед покупателями иноземцами¹³⁶.

Одной из причин восстания стрельцов, как отмечал А.М. Панченко, было желание не только перебить бояр, но и "вырубить Кукуй", поскольку вину за наплыв и непомерное влияние иноземцев возлагали именно на Немецкую слободу. Москвичи не случайно переименовали ее в "Пьяную слободу". "И было за что, – продолжал ученый. – Здесь оседало много всякого европейского отребья, потасовки и попойки стали будничным делом. На Кукуй возлагают ответственность за грубость нравов, которой отличалась компания Петра и дома, и в первом заграничном путешествии"¹³⁷. Бояре и дворяне роптали на то, что царь "вполне прилепился к иностранцам", ежедневно ходил в их дома и свободно допускал беседовать с собой¹³⁸.

Еще более враждебным сделалось отношение русского народа к иностранцам после возвращения Петра I из зарубежной поездки и начала его реформ. Практически все общество встретило эти реформы "в штывы". Фоккеродт свидетельствовал: русские испытывали "неодолимое отвращение к тем правилам, которые при Петре I введены в государственное управление, и пламенное желание освободиться от карательного бича иноземцев и видеть восстановление у себя образа правления на прежних основаниях". Знакомство с иноземцами, продолжал он, "принесло за спиной у себя проклятие, потому что с тех пор, как они удостоились этого знакомства, пропало

все их благосостояние"¹³⁹. Дворянство было недовольно ущемлением своих властных полномочий. Церковная реформа, сопровождавшаяся снятием колоколов с церквей для переплавки их на пушки, возбудила "сильное волнение" в среде высшего духовенства. Осуждающе воспринимало действия Петра I даже его ближайшее окружение: А. Меншиков, Д. Голицын, адмирал Апраксин, Я. Долгорукий, Б. Шереметев, С. Яворский и другие. Князь Голицын говорил: "К чему нам нововведения, разве мы не можем жить так, как жилали наши отцы, без того, чтобы иностранцы являлись к нам и предписывали нам новые законы?". В петровских реформах Голицыну особенно не нравилась поспешность нововведений, а также было неприятно стремление царя изменить нравы и обычаи старины. Князь ненавидел иноверцев и ратовал за то, чтобы русские люди в своем государстве дела вершили самостоятельно¹⁴⁰. Подобные высказывания Голицына находили сочувствие и поддержку со стороны многих придворных Петра I.

Упорное противодействие петровским нововведениям оказывал простой народ. Его подозрительное отношение к реформаторской деятельности царя Ключевский объяснял двумя причинами: тем, что эти реформы, во-первых, довели принудительный труд народа на государство до крайней степени напряжения и, во-вторых, являлись "непонятной ломкой вековых обычаев, старинного уклада русской жизни, освященных временем, народных привычек и верований"¹⁴¹. Непрекращающийся наплыв иностранцев и возрастающее их влияние на царя вызвали раздражение национальных чувств русского народа, а сама поездка к "нехристям" послужила толчком для фантазии. В народе все чаще стали поговаривать о том, что "немцы царя испортили", высказывались предположения о том, что Петр I – вообще "не наш государь, а немчин". По свидетельствам Фоккеродта, люди осуждали склонность царя к "иноземным нравам и обычаям", к хирургическим операциям (удаление зубов), выбор в жены "простой крестьянской девки из Ливонии". Построенный Петром Петербург и флот простой люд считал "мерзостью", а регулярное войско – "бесполезным и вредным"¹⁴². В народе рождалось сказание о "царе-антихристе".

Нельзя сказать, чтобы Петр I заблуждался относительно "задушевного" отношения Западной Европы к России. Да и к иностранцам сам он, по утверждению Ключевского, относился "с трезвым недоверием". Петр хорошо понимал, что Россию на Западе всегда ожидают "пренебрежение и недоброжелательство"¹⁴³. Однако историческая необходимость заставляла заимствовать у Запада всевозможные новшества и переносить их на российскую почву. "Знаю я, – заявлял Петр, – что видимое преимущество, оказываемое мною чужестранцам, не нравится моим подданным, но я... ласкаю чужестранцев для того токмо, чтобы они охотно у нас оставались и дабы от

них научиться и подражать их наукам и искусству, а следовательно, для благосостояния государства и очевидной пользы моих подданных". Однако среди русских встречается еще немало "безрассудных и глупых" людей, которые предпочли бы остаться "охотно в прежнем своем невежестве". "Сие не рассуждают, – считал царь, – в каком состоянии было у нас все, прежде нежели я осмотрел чужестранные земли и привлек чужестранцев в свое государство. И сколько бы мало я успел без их помощи во всех своих предприятиях"¹⁴⁴.

Однако вряд ли удалась затея Петра I с реформами, если бы не поддержка со стороны столичного дворянства. Именно этот класс, считавший государственную службу своим сословным призванием, стал, по выражению Ключевского, "главным туземным орудием реформ". К числу первых "поборников" западного влияния историк причислял князя Хворостинина, Ордина-Нащокина, Ртищева и других. И все же проводить свои реформы Петру пришлось через насилие над народом и "властное принуждение". Хотя отдельные новшества, заимствованные у иностранцев (доступ женщин, наряду с мужчинами, в общественные увеселительные заведения – ассамблеи; запрет на венчание без согласия родителей на брак молодых людей и др.) встречали одобрение, однако в целом реформаторская деятельность Петра, во многом осуществляемая под воздействием Запада, не находила общественной поддержки. Что же касается негативного отношения к иностранцам, влияние которых на царя народ расценивал исключительно отрицательно, то оно продолжало оставаться таковым на протяжении ряда лет и после кончины Петра. В 1725 г. многие простые люди отказывались присягать "императрице-иноземке" Екатерине I, которая будто бы "напустила порчу" на своего супруга. Нередко случались нападения на иностранцев. Так, была раскрыта "шайка", насчитывавшая 9 тыс. человек, во главе с отставным полковником, которая намеревалась сжечь адмиралтейство и убить всех иностранцев¹⁴⁵. Суд над участниками заговора был короткий: 36 зачинщиков посажены на кол и повешены за ребро.

Надо признать, что такое явление, как ксенофобия, зародившаяся в России при Петре I, была присуща не только русским людям. К примеру, в Англии ксенофобия, по утверждению британского ученого М. Маллита, возникла в народе еще в XIV–XV вв.¹⁴⁶ По признанию Маколея, провинциальному дворянству Англии XVII в. были "отвратительны многие": французы, итальянцы, шотландцы, ирландцы, евреи¹⁴⁷. Как видно, ксенофобия не имела национальной окраски.

При изучении вопроса о влиянии английской культуры в России мы задавались также целью установить, как сами англичане относились к русскому народу и к реформаторской деятельности Петра I. В отношениях между Англией и Россией в первой четверти XVIII в. преобладали, считает Соколов, недоверие, осторожность и сдержан-

ность¹⁴⁸. Этому в немалой степени способствовало прочно укоренившееся в общественном мнении Великобритании представление о России как об отсталой, "чрезвычайно странной, экзотической и неевропейской стране". В 1671 г. в Лондоне личный врач царя Алексея Михайловича англичанин С. Коллинс, проживший при московском дворе девять лет, свидетельствовал: "Русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике или религии. Он совершенно предан невежеству, не имеет никакой образованности, ни в гражданских, ни в церковных делах. И видя в науках чудовище, боится их, как огня... Русские вообще лукавы, не держат мирных договоров, хитры, алчны, как волки, и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще больше усовершенствовались в коварстве и обманах"¹⁴⁹. Спустя несколько десятилетий, уже после "реформирования" России на западный манер, издатель журнала "The Examiner" известный писатель-сатирик Дж. Свифт в 1713 г. выступил со статьей, в которой характеризовал русских как нацию "варваров и дикарей", подчиняющихся тираническому правлению, склонных к частым восстаниям и представлявших для цивилизованного мира еще большую угрозу, чем та, которую несли в свое время готы и вандалы¹⁵⁰. На взгляд другого просветителя Англии – Б. Мандевилля, подданные "царя Московии" от природы глупы и "не так уж давно большинство их являлись чуть ли не дикими животными", и только усилия Петра I способны превратить Россию в цивилизованную страну¹⁵¹.

Сталкиваясь с подобными оценками русского народа, невольно задаешься вопросом, а как вообще возникали этнические представления? Н.А. Ерофеев подчеркивал, что, как правило, информация, их формирующая, была весьма разнообразной и содержалась в книгах, рассказах путешественников, научных трудах по географии и экономике, художественных произведениях, повседневной прессе и т.п.¹⁵² По-видимому, суждения британцев о петровской России складывались таковыми во многом из-за недостатка сведений о стране и ее народе. Как отмечал британский ученый М. Андерсон, англичане, находившиеся в России, практически не знали ни русского языка, ни истории страны. Они рассматривали русский народ и его государственность как стоявшие ниже западноевропейских, тем более британских. С историей России англичане знакомились по "Истории жизни Петра Великого", написанной Вольтером. Петр I недоумевал, как могут иностранцы "написать что-нибудь о древней нашей истории, когда мы сами еще ничего о ней не издали". "Я знаю, – отмечал царь, – что подлинные материалы древней российской истории рассеяны по разным местам в государстве и лежат в монастырях у монахов. Давно уже вознамерился я сохранить их от утраты и доставить искусному историку случай написать истинную древнюю российскую историю, но по сие время все случалось в том

препятствия"¹⁵³. Иностранцы практически мало что знали о средневековой культуре России, которая находилась, по признанию Андерсона, на довольно высоком уровне. Многие британцы верили в то, что в России до воцарения Екатерины II не существовало даже книгопечатания. Для большинства англичан реформы Петра были мало понятны. Они полагали, что внутренние дела народа, еще пребывавшего в состоянии варварства, вряд ли могут быть интересными для остального мира¹⁵⁴.

Примечательно, что высказывания о "варварской России" в петровские времена продолжали тиражироваться и в последующие века. Маколей в очерке "Петр Первый в Англии" описывал представления государственных мужей Великобритании о России, как о "безграничном пространстве лесов и болот, где восемь месяцев в году лежит глубокий снег и где нищие крестьяне с трудом защищают свои хижинны от стай голодных волков". Нельзя без удивления читать и свидетельства английских посольств, приведенных историком: "Их авторы живо, а подчас и резко описывают дикое невежество и нищету варварской страны, где им довелось побывать. Там, пишут они, нет ни литературы, ни науки, ни школ, ни университетов. Прошло более века после изобретения книгопечатания, прежде чем в русской империи появился первый печатный станок, да и тот скоро сгорел от пожара, устроенного, как говорили, священниками. Даже в семнадцатом столетии библиотека высшего духовного лица состояла всего из нескольких рукописей в виде длинных свитков, поскольку переплетное мастерство оставалось все еще неизвестным. Самые образованные люди едва умели читать и писать. Секретарь, которому доверялись переговоры с иностранными державами, в лучшем случае мог изъясняться на ломаной латыни. Арифметика оставалась такой же, как в средние века, о десятичном исчислении никто не имел ни малейшего представления, а в царском казначействе счет вели с помощью шариков, надетых на проволочки. Персону монарха окружало сияние золота и драгоценных камней, но даже в самых великолепных дворцах была грязь и неустроенность ирландской хижины. Даже в 1663 г. дворян из свиты графа Карлайла поместили всех в одну спальню, объяснив при этом, что поодиночке их могут загрызть крысы. Такие сообщения английских посольств о своей жизни и невзгодах в России подтверждались и тем, как выглядели русские послы в Англии, которые не говорили ни на одном цивилизованном языке. Их одеяния, жесты, их приветствия – все было диким и варварским. Сам посол и вельможи его свиты были одеты с такой пышностью, что весь Лондон сбегался поглазеть на них, но из-за неопрятности никто не решился бы прикоснуться к ним. Когда они являлись ко двору, то роняли не только жемчуг, но и насекомых"¹⁵⁵.

Петр I глубоко возмущался подобным отношением иностранцев к русскому народу. "Разве мы не от одного творца произведены и не

от одного праотца происходят? Разве в нас одних вложены сердца грубые и вырожденные, неспособные к образованию и возделанию? Разве мы одни исключены от славы мудрости человеческие?" – задавался царь вопросами и сам на них отвечал: "Нет! Нет! Мнение таковое было бы хула на Создателя и крайняя неблагодарность. Мы имеем такие же руки, глаза и состав тела, какие имеют и просвещенные народы; следовательно имеем равные же с ними и душевные способности... И самые просвещенные народы были прежде грубы и незнущи; дети их и ныне рождаются, равно как и наши, столь же несведущими, и одно только воспитание различает их от наших детей"¹⁵⁶.

В какой мере были справедливы суждения англичан о петровской России как "варварской стране"? По признанию того же Андерсона, культура России еще до татарского нашествия находилась на довольно высоком уровне. И действительно, приведенные А.М. Панченко данные об уровне грамотности мужского населения России (как одного из показателей культурного развития страны в целом) в первой половине XVII в., позволяют говорить о том, что значительная часть мужского населения была знакома с грамотой ("белое духовенство" – поголовно грамотное, "черное духовенство" и дворяне – на 75%, купечество – на 75–96%, мужики – на 23–52% грамотные)¹⁵⁷. Средний уровень грамотности мужского населения Англии в тот же период составлял 70%¹⁵⁸, т.е. практически не превышал уровня грамотности мужчин в России! Искусство книгопечатания в стране существовало, по утверждению Коллинза, с 1560 г.¹⁵⁹

В Смутное время в результате пожаров и грабежей много книг было уничтожено, библиотеки разграблены, а потому при царе Михаиле Романове московский Печатный двор заработал в полную силу, на семи типографских станах. Однако собственной печатной продукции было недостаточно, чтобы удовлетворить книжный спрос русских людей. Поэтому книги начали ввозить из-за рубежа, чему власти до 1627 г. не препятствовали¹⁶⁰. Издание учебной литературы сделалось одной из важнейших задач Печатного двора. К середине XVII в. он выпускал уже 450 тыс. букварей, псалтырей и часословов. При этом книги были общедоступными. К примеру, буквари продавались по копейке за штуку. Общая продукция Печатного двора за XVII в. составляла около 500 наименований книг¹⁶¹.

Обычным делом для второй половины XVII в. стали иностранные книги в личных и монастырских библиотеках. Автор предисловия к изданию "Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей" подчеркивал: уже при царе Алексее Михайловиче русская литература переживала расцвет, и она не была изолирована или оторвана от общеевропейского развития. Не только богословские, но и художественные, исторические, технические сочинения западных авторов в изобилии переводились, "вливаясь в поток ана-

логичных русских произведений". Автор обращал внимание на высокий для Европы того времени уровень начального образования на Руси (включавшего умение читать, писать и петь по нотам) и появление при "тишайшем" царе в Москве первых училищ "повышенного типа" – своего рода переходной ступени к университетскому образованию. Поразительны были изменения, происшедшие в 1640–1670-х годах в музыкальной культуре (Коллинз свидетельствовал: "у русских есть музыкальные школы, где воспитывают детей очень тщательно и строго"), изобразительном искусстве ("перспективная" живопись), в архитектуре и градостроении в целом¹⁶².

Подводя итоги анализа состояния культуры России до петровских реформ, А.А. Преображенский заключал: "Общее направление развития русской культуры изучаемого времени не осталось незамеченным для наиболее вдумчивых и наблюдательных иностранцев, не склонных только в уничижительном плане отзываться о нашей стране в XVII столетии"¹⁶³. В подтверждение сказанного можно привести слова Фоккеродта, призывавшего иностранцев для объективного суждения о русских отбросить "все свои предубеждения и смотреть на вещи, как они есть в природе, а не брать мерилом своих суждений нравы и обычаи, установившиеся в его отечестве". На взгляд автора, следовало также знать и язык русский¹⁶⁴. Задаваясь вопросом, "действительно ли прежние русские были так дики и скотоваты, как расславляют о них?", Фоккеродт утверждал: "Все это иностранные выдумки". По его мнению, многие иноземцы, бывавшие в России, судят о русских поверхностно и потому "в дурных чертах изображают их рассудок". На взгляд самого секретаря прусского посольства, у русских людей никогда не было "недостатка в понятиях о благе и зле. У них были свои особенные правила честности, которые они натверживали юношеству таким же образом, как бывает то и в Европе... После китайцев, может быть, нет другого народа под солнцем, у которого простой человек, повстречавшись с равным себе, был бы так вежлив и говорил ему столько любезностей, как у русских... Русский человек владеет очень здравым природным умом и ясным суждением... У него необыкновенная способность понимать что бы то ни было, большая сноровка находить пригодные средства для своей цели и пользоваться к своей выгоде выпадающим ему случаем, и... большинство между ними одарено достаточным природным красноречием, умением хорошо обделывать свои дела и рассудительно выбирать, что полезно для них, что вредно, да еще все это в гораздо большей степени, чем обыкновенно встречается в таких же простолюдинах Германии или в другой какой стране"¹⁶⁵.

Таким образом, становится очевидным, что представления англичан о петровской России как о "варварской" и "нецивилизованной" стране были далеки от истины. Но только ли недостаточ-

В. Семенов. Виды Москвы. Конец XVII в.

Дворец Коломенское

Вид Кремля с Москвы-реки.
Каменный мост

Теремной дворец Кремля

Владимирские ворота в Китай-городе

ной информированностью британцев о России объяснялось подобное ее восприятие? И так ли уж мало и плохо знали они допетровскую Россию? Ю. Лимонов в статье "Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв." утверждал, что тема России на Западе в указанный период была популярна. В доказательство он приводил имена тех знаменитых литераторов (Шекспир, Мильтон, Рабле, Сервантес, Сирано де Бержерак), государственных и политических деятелей (кардинал Ришелье, королева Елизавета Тюдор, король Испании Филипп II, лидер революционеров Англии Оливер Кромвель), а также ученых (Монтень, Т. Мор, Жан Боден), которые в той или иной мере проявляли интерес к России. Европейская литература, посвященная Московии, получившая название "Россика", включала также произведения путешественников, побывавших в России. Московия и москвиты занимали в английской литературе XVI в. особое место¹⁶⁶.

Первое английское сочинение о России "Открытие Московского королевства", написанное Клементом Аддамсом, появилось в Лондоне в том же 1553 г., когда состоялась экспедиция Ченслера¹⁶⁷. В 1572 г. в Москве в качестве приказчика-практиканта Московской компании появился молодой человек родом из английского графства Дорсетшир – Джером Горсей. Он прожил в России много лет и сделал блестящую карьеру (служил личным курьером при доставке почты царствующим монархам – Елизавете Тюдор и Ивану Грозному). В 1590-е годы Горсей издал свои мемуары, которые получили известность на его родине. Ими зачитывались, как утверждал Ю. Лимонов, не только государственные деятели Англии, но и широкая публика. Еще при жизни автора записки Горсея публиковались в известном и популярном историко-географическом сборнике Перчаса. Они неоднократно переиздавались как в Англии, так и в России¹⁶⁸.

Примерно в то же время в Лондоне появилась книга известного дипломата и путешественника Дж. Флетчера "О российском государстве, или Образ правления императора, называемого императором Московии, и о нравах и обычаях сей страны". На протяжении ряда веков труд Флетчера считался "очень хорошим источником для изучения домашней жизни, религиозных обычаев, управления и экономических ресурсов старого московского царства"¹⁶⁹. В конце XVI в. вышел сборник "Главнейшие плавания, путешествия, сношения и открытия, совершенные английской нацией", в котором содержались описания путешествий Т. Рандольфа, Э. Дженкинсона и Дж. Бауса. В XVII в. в Англии увидели свет еще ряд интересных работ о России: "Сообщение о трех посольствах от Его Священного Величества Карла II к князю Московскому, королю Швеции и королю Дании, совершенных благородным графом Карлайлом в 1663 и 1664 годы" (1669); "Мемуары лекаря царя Алексея Михайловича

Карта Московии. 1562 г. Составлена Энтони Дженкинсоном, представителем английской компании "Московия"

С. Коллинза" (1671); "Краткая история Московии" Джона Мильтона (1682). Нашла свое отражение в английских трудах XVIII в. и реформаторская деятельность Петра: в 1723 г. в Дублине были изданы "Мемуары графа Меншикова", труд Ф. Вебера "О нынешнем состоянии России". В 1729 г. Т. Кузет опубликовал свою работу о церковном устройстве в России. Появились также исторические труды: "История и жизнь императора России Петра I" (в него были включены и записки Дж. Перри "О нынешнем состоянии России"); двухтомное издание "Истории Российской империи" Дж. Мутлея (1757). Приводивший подобные данные об английских изданиях А. Мейендорф приходил к заключению: в Англии было больше трудов о России, чем в самой России¹⁷⁰.

Таким образом, русофобские настроения в Англии порождались не только в силу плохого знания языка, истории или обычаев страны. В свое время Н.Я. Данилевский в известной работе "Россия и Европа" писал: "Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России... Европа не знает, потому что не хочет знать"¹⁷¹. Перефразируя высказывание ученого, можно

утверждать: Англия не знала Россию потому, что не хотела ее знать. Отношение англичан к России и ее народу нередко страдало неохотливостью и во многом зависело от той внешней политики, которую проводил в то время Петр I.

Надо признать, что динамика развития российско-британских отношений на протяжении XVI–XVIII вв. постоянно менялась. При Иване Грозном, как отмечал П. Боборыкин, политические и торговые сношения между двумя правительствами и народами приняли "довольно дружественный характер"¹⁷². Между тем полученные от царя английским купечеством привилегии вызывали недовольство у русских купцов. "Русским людям сообща с англичанами торговать нельзя, – заявляли они, – англичане люди сильные и богатые, у них с нашими ни в чем не сойдется". В правление царя Федора Иоанновича англичане попытались монополизировать всю русскую торговлю на севере страны. По этому поводу царь писал английской королеве Елизавете Тюдор: "Бьют нам челом многие немцы разных земель, англичане (не из компании), французы, нидерланды и других земель, на твоих гостей, что они кораблей их к нашему государству пропускать не хотят. Мы этому и верить не хотим, а если так делается в самом деле, то это от твоих гостей, правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев выгоняют? Божью дорогу, Океан-море как можно перенять, унять и затворить?"¹⁷³.

В целом отношение русского народа к англичанам в XVI–XVII вв. было доброжелательным. Практически все экономические проекты на территории России, предложенные британцами, не встречали сопротивления. Когда англичане попросили дозволения разрабатывать месторождения железной руды, им охотно пошли навстречу, оправдывая это тем, что "если англичане будут находить руду и выделывать железо, то никому убытка не будет, а только прибыль". Точно так же разрешили англичанам добывать алебастр, потому что "если они станут его брать от берега, то судам легче ходить будет". Русские люди здраво смотрели на вещи, справедливо полагая, что "как станет у англичан какой промысел, то и государственные люди станут тем же промышленны"¹⁷⁴. Между тем сами англичане какой-либо особой доброжелательности по отношению к русским в XVI–XVII вв. не выказывали. В Смутное время на стороне Василия Шуйского сражался отряд наемников, в числе которых были тысяча французов и две тысячи англичан. В 1609 г. некий капитан Чемберлен выступил с предложением ни много, ни мало, как об оккупации России англичанами, которые должны были поставить свои гарнизоны вдоль главных торговых городов от Архангельска до Астрахани. И лишь избрание на царство Михаила Романова пресекло осуществление подобного плана, который, по мнению Мейендорфа, скорее всего встретил поддержку в Тайном совете¹⁷⁵.

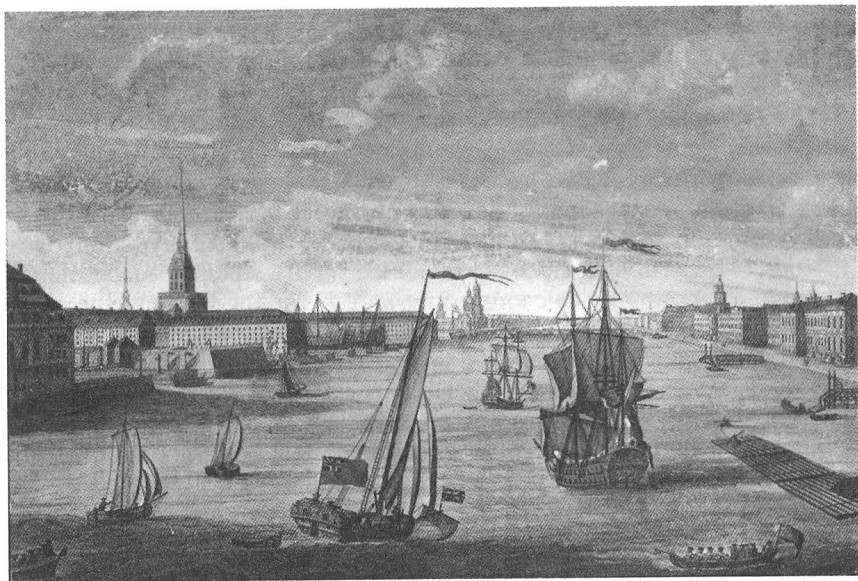
События Английской буржуазной революции середины XVII в., в особенности казнь монарха Карла I Стюарта, вызвали глубокое возмущение у "тишайшего" царя Алексея Михайловича. Осенью 1649 г. в Голландии появилось подписанное им обращение ко всем монархам Европы с предложением основать Священную лигу для войны против Англии. В документе, в частности, говорилось об английской революции как о "мировой заразе, отравляющей христианские народы". Особенно досталось парламенту Англии, которого обвиняли в том, что его агенты во всех государствах "неустанно совращают верных дотоле подданных проповедью обманчивой свободы, с расчетом на всеобщую смуту и в надежде похоронить монархию в анархии"¹⁷⁶. Как видно, российско-британские отношения до Петра I складывались неровно. В начале XVIII в. они приняли и вовсе, по выражению Бильбасова, "враждебный оттенок"¹⁷⁷.

Поначалу и сам "царь Московии", и его деятельность встречали одобрение со стороны правящей элиты Англии. Взаимоотношения царя с британскими монархами – Вильгельмом Оранским, королевой Анной и королем Георгом I внешне выглядели безупречно. Обмениваясь посланиями, Петр I и царствующие английские монархи друг к другу иначе, как "дорогой и любимый брат" и "любящая сестра" не обращались. Прием царю в Англии также был оказан самый радушный. Англичане показали Петру I все, что он пожелал увидеть, и охотно проводили своих соотечественников в далекую Россию, чтобы те своим трудом и мастерством помогли обустроить страну на европейский лад. 27 апреля 1705 г. госсекретарь Великобритании Харли писал посланнику Уитворту: "Я надеюсь вскоре услышать от Вас, насколько европейские обычаи проникают в Россию и насколько Его Величество... успевает привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны все, что он и его сановники видели при своем путешествии за границей"¹⁷⁸. И как бы отвечая государственному секретарю, Дефо в журнале "The Consolidator" сообщал о том, что Петр I перенимал многое из английской практики, особенно в военном искусстве и торговле "для своего невежественного народа", преобразовал свою армию, создал новый флот, открыл посольства в разных частях мира. "И теперь мы видим, – сообщал Дефо, – как его армия осаждает укрепленные города... а его инженеры строят батареи, из которых летят снаряды, как это делается и в других странах. Прежде ничего этого не было... и потому поля сражений они устилали телами своих погибших солдат... Мы видим, что их суда теперь полностью оснащены и управляются английскими и голландскими специалистами, а их военные корабли путешествуют по Балтике. Их новый город Петербург, построенный царем, начинает походить на наш Портсмут... Великий монарх также улучшил свою страну, введя в обиход манеры и обычаи более просвещенных наций Европы"¹⁷⁹.

Не менее восторженно о реформаторской деятельности Петра отзывались и другие просветители. К примеру, Р. Стиль в журнале "The Spectator" утверждал, что в современном мире существуют только два великих монарха – французский король Людовик XIV и царь России Петр I. На взгляд журналиста, Петр I "за свои знания, достоинства и личный вклад" заслужил называться "великим правителем" и его "справедливо поставить в один ряд с античными героями"¹⁸⁰. На взгляд же Мандевилля, более всего похвальна деятельность Петра I, направленная на повышение грамотности населения России. Ему вторил автор статьи в журнале "Gama". «Из европейцев, к которым медленнее прочих прививается просвещение, татары и русские находились в самом худшем положении. Первые и донныне остаются еще в неписанном невежестве, напротив, последние постоянно преобразовывают себя по образцу "немцев" и при помощи несравненных учреждений ныне царствующего государя начинают смотреть не одним, но обоими глазами»¹⁸¹.

Высоко оценил деятельность Петра I Джон Перри, которому довелось воочию наблюдать русского царя и на судостроительных верях, и за токарным станком. Он обращал внимание на то, что Петр не жалел усилий в деле подготовки квалифицированных кадров из своих подданных. Царь сам был пример для подражания, поскольку одновременно являлся инженером, пушкарем, "делателем потешных огней", кораблестроителем, токарем, боцманом, оружейником, мастером, кузнецом и т.д. Не удержался от похвальных речей в адрес "царя Московии" и посланник Уитворт. В одном из своих писем к госсекретарю Харли 14 марта 1705 г. он отмечал: "Мощью собственного гения, почти без сторонней помощи он достиг успехов, превосходящих всякие ожидания и вскоре, конечно, возведет свое государство на степень могущества, грозную для соседей... Царь свершил также много других великих реформ, чрезвычайно полезных стране... Надо удивляться, как много Его Величество сделал в короткое время, не вызвав никаких смут; это должно приписать единственно счастливым способностям Государя, его любознательности и трудолюбию"¹⁸².

Однако подобный восторженный тон официальных лиц и прессы Великобритании по адресу Петра I и его реформаторской деятельности резко меняется после захвата Ревеля, Полтавской битвы 1709 г. и успехов российского флота на Балтийском море. В ту пору в Европе происходило два серьезных военных конфликта: Северная война (1700–1721) и война за испанское наследство (1702–1713). В первой участвовала Россия, во второй – Великобритания. А поскольку Швеция рассматривалась англичанами в качестве союзницы, то ее ослабление в войне с Россией вызывало резкое недовольство правительства Великобритании. Территориальные завоевания Петра I способствовали усилению антирусских настроений в

Вид Санкт-Петербурга. Британское судно на реке Неве.
Гравюра. Середина XVIII в.

Англии, отмечал Андерсон¹⁸³. Одним из свидетельств подобных настроений может служить инцидент, который произошел с послом России в Англии А. Матвеевым. 21 июня 1708 г. в Лондоне трое неизвестных напали на посла, жестоко его избили, изорвали на нем платье и бросили в долговую тюрьму. По мнению Бильбасова, то были полицейские агенты, получившие от шерифа предписание задержать русского посла за ничтожный долг в несколько фунтов стерлингов¹⁸⁴. Госсекретарь Бойль расценил подобные действия нападавших как "дерзкое оскорбление" посла и призвал английского посланника в России Уитворта "не жалеть ни усилий, ни расходов", чтобы погасить возникший скандал. Королева Анна направила Петру I письмо с официальными извинениями, однако сам факт возможности подобной провокации мог свидетельствовать о проявлении антирусских настроений в Великобритании.

Англичане стали опасаться России не только из-за ее побед, одержанных на суше, но и в связи с усилением могущества на море, отмечал Андерсон. При этом он ссылаясь на автора памфлета "Северный кризис", который в 1714 г. писал: "Петр I стал нашим соперником, и для нас опасно не замечать этого"¹⁸⁵. Английский посланник лорд Страффорд в беседе с князем Куракиным утверждал, что Англия желала бы видеть "все державы на Севере в прежнем состоянии". Возглавлявший английскую эскадру на Балтийском море

адмирал Норрис получил приказ овладеть русскими кораблями, самим русским царем и не отпускать Петра I до тех пор, пока русское войско не покинет Данию и Германию¹⁸⁶.

Русофобские настроения, наметившиеся в Англии в 1716–1717 гг., еще более укрепились в последующие годы. Победы российского флота, который создавался во многом благодаря усилиям английских мастеров, заставляли Великобританию усматривать в России опасного конкурента. В послании госсекретарю лорду Стенхоупу 15 мая 1719 г. новый посланник в России Джеффрис высказывал беспокойство по поводу своих соотечественников, которые помогали русским строить флот. "Если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена, – писал он. – Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя быть может уже и поздно". В другом своем послании Джеффрис настоятельно рекомендовал госсекретарю отозвать корабельных мастеров из России, поскольку, "оставаясь здесь, они, указав русским основания хорошего судостроения, обучив их своему мастерству, будут ежегодно приносить Англии убыток на сумму более, чем в двадцать раз превосходящую все, что царь тратит на них"¹⁸⁷.

Впрочем, не только военно-морские победы русских раздражали англичан. В развитии промышленного потенциала в России они также усматривали опасную конкуренцию для собственной промышленности и торговли. В апреле 1718 г. "московит Третьяков" был отправлен на обучение в королевский литейный цех в Вуличе, однако англичане отказались его принять, мотивируя это тем, что они "сами только начали осваивать это дело" и что у мастера недостаточно собственных учеников, да и своя работа не ждет¹⁸⁸. Англичане воспротивились также устройству в России собственного табачного производства. Члены Тайного совета высказывали опасения в том, что подданные царя могут быть посвящены в тайны табачного дела наравне с британцами, а это отзовется "крайне вредными последствиями" для английской торговли. Чтобы не допустить распространения табачного производства в России, королевские советники требовали все машины и материалы, завезенные в страну, "сломать и уничтожить"¹⁸⁹. Отказали англичане и в просьбе Петра I направить в район Астрахани 10–12 человек, "искусных в виноделии и разведении виноградников"¹⁹⁰. Да и вообще, как отмечал Ключевский, иноземные мастера, обучавшие русских, "делали это неохотно и небрежно" и, прожив определенный срок в России, уезжали, оставляя учеников "без совершенства их науки". Все это возбуждало подозрение, считал историк, "не дают ли они на то присяжного обязательства своим цехам на родине"¹⁹¹. Бесспорно, подобное отношение к успехам русского народа приводило

к зарождению в Англии русофобии, прежде всего в среде правящей элиты.

Антирусские настроения подогревались в общественном мнении Великобритании искусственно, признавал британский ученый Д. Хорн¹⁹². Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России. Русского царя они стали изображать как "автократ с неограниченными амбициями", а существующую систему правления в России, как "жестокую деспотию", от которой исходит серьезная угроза для свобод... англичан! Особенно усердствовал в нагнетании антирусских настроений Дефо. В журнале "Ревю" ("A Review") журналист опубликовал две пространные статьи, в которых резко критиковал Петра I и его методы правления. Так, в статье от 23 августа 1711 г. он осуждал российского царя за то, что тот "не заботится о естественных правах своих подданных, и прежде всего их праве на свободу". Полемизируя с Ричардом Стилем, который в Петре I видел великого монарха, Дефо, напротив, считал, что царь, который тиранит свой народ, не может обладать "духом истинного величия", тиран не может быть героем. "Позвольте любому путешественнику в эту страну рассказать о своих впечатлениях, и вы узнаете, как самовластно царь распоряжается душой и телом своих подданных, — писал Дефо. — Дайте им рассказать, как его подданные склоняют головы в его присутствии и опускают глаза, не смея взглянуть на своего правителя... Как он расправляется со своей знатью, как требует от нее отдавать своих сынов в мастера и ремесленники"¹⁹³. Как бы в ответ журналисту Петр I заявлял: "Говорят чужестранцы, что я повелеваю подданными, повинующимся моим указам. Сии указы содержат в себе добро, а не вред государству. Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять"¹⁹⁴.

Между тем антирусские настроения в Англии продолжали усиливаться по мере нарастания военной мощи России и ее присутствия на европейском театре военных действий во время Северной войны. 2 апреля 1713 г. новая статья Дефо вызвала настоящий дипломатический скандал. Автор осуждал "варварство московитян", которые продавали пленных шведов магометанам. Самого Петра I журналист назвал "королем-мясником" и призвал европейских монархов не общаться с правителем, который подобен чудовищу — "свиरेпому сибирскому медведю"¹⁹⁵. Естественно, что написанная в столь оскорбительных для царя выражениях статья не могла остаться незамеченной. Английскому послу была вручена нота протеста. Королева Анна обещала примерно наказать обидчика, но слова своего не сдержала: Дефо так и не понес никакого наказания за свою дерзость.

Надо сказать, что упреки британских публицистов, обвинявших русских людей и их царя в "варварстве и жестокости", выглядели бы

более справедливо, если бы сами англичане являли в ту пору пример благородства и столь любимого ими "политесса". Между тем, обратившись к характеристике общественных нравов Англии, данной Маколеем, убеждаемся в обратном. "В семнадцатом столетии дисциплина в мастерских, школах и семьях отличалась несравненно большей жестокостью, чем теперь, — писал историк. — В лучших домах били слуг, равно как и учителя не знали иного способа внушения знаний, кроме побоев. Мужья, занимавшие почтенное положение, не стыдились бить своих жен. Нам даже трудно представить всю злобность враждовавших тогда партий. Виги возмущались тем, что прежде чем отрубить Страффорду голову, из него не выпустили кишки. Тори оскорбляли и поносили Рассела, когда его везли к месту казни. Простой народ был не менее безжалостен и к преступникам низшего положения. Приговоренный к позорному столбу мог почитать себя счастливым, оставшись в живых после града камней. Если несчастного водили по улицам привязанного к тележке, толпа просила палача задать ему как следует, чтобы он по-настоящему взвыл. Джентльмены компаниями ездили смотреть, как секут женщин. Стоявшая на костре фальшивомонетчица вызывала меньше сочувствия, чем в наше время загнанная лошадь. Любимым развлечением были бои, по сравнению с которыми бокс можно назвать утонченным зрелищем. Собирались целые толпы, чтобы видеть, как эти гладиаторы с помощью смертоносных орудий разрывают друг друга на куски, и если кому-нибудь отрывали палец или выбивали глаз, поднималась буря восторга. Тюремны являли собой сущий ад на земле и были училищами преступлений и рассадниками всех болезней. На все мучения ближних общество взирало с глубочайшим безразличием"¹⁹⁶.

Антирусские настроения, зародившиеся в последние годы жизни Петра I, привели к возникновению в Великобритании русофобии, прочно укоренившейся в общественном мнении на протяжении последующих веков. Проблема русофобии в Англии в свое время поднималась известными учеными Н.А. Ерофеевым и В.Г. Трухановским. Хотя оба историка анализировали русофобию в Великобритании в XIX в., они также затронули истоки происхождения этого явления, связывая его начало с правлением Петра I. О зарождении русофобии в Англии в первой четверти XVIII в. писал и Хорн¹⁹⁷. Решающая победа русских над шведами, приобретение Россией прибалтийских земель, рост ее флота явились свидетельством возникновения в Европе нового мощного государства, с которым уже не могли не считаться другие страны. Новая Россия представляла серьезную конкуренцию Великобритании, и потому отношения двух стран в последние годы правления Петра I, а затем и его супруги Екатерины I (1725–1727) отличались неприязнью. Две страны в ту пору пребывали, по словам Хорна, в состоянии "холодной войны"¹⁹⁸.

И лишь только с приходом к власти в России и Англии новых монархов в отношениях между странами наметились положительные перемены.

Итак, подведем итоги. Нельзя не признать, что заимствования из британского опыта в России при Петре I были очевидными. Наиболее ярко английский "след" обнаруживается в создании морского флота, регулярной армии, промышленных мануфактур, в делопроизводстве, церковной и образовательной реформах. И здесь можно говорить о положительном влиянии британского опыта на Россию. Однако были в заимствованиях и свои отрицательные стороны, сказавшиеся прежде всего в принудительном сломе морально-этических и религиозных норм и традиций, господствовавших в ту пору в русском обществе. Проводимые под влиянием и по примеру Запада реформы Петра I насильно прививали к древу западноевропейской цивилизации совершенно иную, отличную от нее самобытную и самодостаточную русскую культуру. Естественно, что подобный процесс не мог пройти гладко и без издержек. Особенно сильный удар реформами Петра I был нанесен национальным традициям. «Нравственность, литература и искусство, язык, налаженный веками быт – все подвергалось осмеянию и унижению, разрушению и переделке на иностранный образец, – отмечалось в "Предисловии к доброхотному читателю". – Именно в это время подвергается официальному пересмотру российская история, создается печально знаменитая "петровская историография", надолго закрепившая в сознании читателей представление о темной, непросвещенной стране, разбуженной для прогресса дубинкой царя-преобразователя»¹⁹⁹.

Одним из наиболее показательных негативных фактов насильственной "европеизации" России явилось снижение уровня грамотности ее населения, поскольку основные силы народа отвлекались на строительство флота, регулярной армии, постройку новой столицы и т.д.²⁰⁰ Цену за "открытие окна" в Европу русский народ заплатил непомерную. И потому говорить лишь о положительном влиянии европейской, и в первую очередь британской культуры в России вряд ли правомерно. Вместе с тем нельзя отрицать очевидного: благодаря знакомству с техническим и культурным наследием Великобритании Россия смогла намного быстрее достигнуть в XVIII в. статуса великой европейской державы. Однако исторический опыт англичан вряд ли смог быть востребован, если бы ни тяжелейший труд русского народа и неиссякаемая реформаторская деятельность его лидера – Петра Великого, направленных на создание государства нового типа.

Деятельность Петра I как нельзя лучше позволяет проиллюстрировать взаимодействие власти и культуры. Реформаторская деятельность монарха оценивалась не только его современниками, но и многими поколениями потомков с диаметрально противоположных

сторон. В то время как одни считали, что Петр создал "почти из ничего" новую, европейскую державу, другие утверждали, что своими реформами царь совершил "чудовищное насилие" над культурой, заставив отказаться русский народ от своих национальных ценностей, приняв взамен их чуждые ему западные образцы. Диалог приверженцев данных концепций не завершился в историографии, да и в общественном мнении современной России и поныне. В этой связи наиболее убедительным представляется следующее утверждение Л.А. Черной: "Замена механизма моды на механизм государственного давления с разветвленной системой наказаний и штрафов обернулась как для царя, так и для его подданных трагическим конфликтом. Начиная с первых шагов монарх допустил грубейшее насилие над человеческой личностью и тем самым обрек последующие преобразования на непонимание и сопротивление со стороны управляемого им народа"²⁰¹. В результате оказанного давления власти на народ с целью обращения его в "европейский" национальная культура оказалась под угрозой вымирания. Начавшийся с петровских реформ процесс "вестернизации" русского народа, прежде всего его политической элиты, был активно продолжен в XVIII в. последователями Петра Великого.

¹ *Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. VII.

² *Анисимов Е.* Время петровских реформ. Л., 1989; *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994; *Каменский А.Б.* От Петра до Павла. М., 1999; *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; *Десятсков К.С.* Англо-русские отношения в конце XVII – начале XVIII вв. (1697–1716 гг.) Канд. дис. ... ист. наук. Великий Новгород, 2000.

³ *Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents* (Далее: Britain and Russia). L., 1998; *Peter the Great and the West: New Perspectives.* International Conference. L. 9–11 July. 1998.

⁴ *Simmons E.J.* Op. cit. P. 3–4.

⁵ *Ibid.* P. 37.

⁶ *Ibid.* P. 38.

⁷ *Ibid.* P. 39.

⁸ *Ibid.* P. 42.

⁹ *Ibid.* P. 43.

¹⁰ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 20.

¹¹ Там же. С. 5

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ *Simmons E.J.* Op. cit. P. 49.

¹⁵ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. I. С. 71.

¹⁶ *Пчелов Е.Б.* Петр Великий и династическая политика Романовых в XVIII–XX веках // Петр Великий – реформатор России. М., 2001. С. 48.

- 17 Cross A. Peter and Britain // Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives. Cambridge, 1998. P. 30.
- 18 Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925. С. 147.
- 19 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 18.
- 20 Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 95–96.
- 21 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 20–21.
- 22 См.: Андреев А.И. Петр I и Англия в 1698 г. // Петр Великий. М.; Л., 1947; Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. // Там же; Соколов А.Б. Указ. соч.; Павленко Н.И. Указ. соч.; Кросс Э. Указ. соч.
- 23 Маколей Т.Б. Петр Первый в Англии // Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001. С. 134.
- 24 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 23.
- 25 Britain and Russia. P. 5.
- 26 Simons E.J. Op. cit. P. 56; Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809. Ч. 1. Кн. 2. С. 59–60.
- 27 Перри Дж. Указ. соч. С. 107.
- 28 Андреев А.И. Указ. соч. С. 82.
- 29 Там же. С. 72.
- 30 Анисов Л. Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М., 2000. С. 59–60.
- 31 Уортман Р. Указ. соч. С. 72; Петинова Е.Ф. "Во дни Екатерины...". СПб., 2002. С. 316.
- 32 Britain and Russia. P. 181–184, 237.
- 33 Маколей Т.Б. Указ. соч. С. 135.
- 34 Britain and Russia. P. 13–14.
- 35 Андреев А.И. Указ. соч. С. 91.
- 36 Там же. С. 87.
- 37 Соколов А.Б. Указ. соч. С. 152.
- 38 Петр I не знал английского языка и потому во время беседы с посланником Вильгельма Оранского он воспользовался помощью переводчика с английского на голландский язык, которым владел (Britain and Russia. P. 21). М.П. Алексеев полагал, однако, что "свободно говоривший по-голландски Петр, вероятно, неплохо понимал также и английскую речь" (Алексеев М.П. О связях русского театра с английским в конце XVII – начале XVIII вв. // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. № 87. Саратов, 1943. С. 131).
- 39 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 24.
- 40 Андреев А.И. Указ. соч. С. 79.
- 41 Маколей Т.Б. Указ. соч. С. 134.
- 42 Цит. по: Соколов А.Б. Указ. соч. С. 153.
- 43 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 24.
- 44 Из книги М.М. Богословского "Петр I" // Маколей Т.Б. Указ. соч. Приложение. С. 139.
- 45 Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. С. 41.
- 46 Cross A. Op. cit. P. 30.
- 47 Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 189, 202.
- 48 Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 117.
- 49 Перри Дж. Указ. соч. С. 117–118.
- 50 Там же. С. 120.
- 51 Буганов В.И. Указ. соч. С. 5, 63.
- 52 Павленко Н.И. Указ. соч. С. 102; Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 128.

- 53 Сборник императорского русского исторического общества (Далее: СИРИО). СПб., 1884. Т. 39. С. 54–55; *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 112.
- 54 СИРИО. Т. 39. С. 56.
- 55 *Кросс Э.* Указ. соч. С. 167, 168.
- 56 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 106.
- 57 СИРИО. Т. 39. С. 59; СПб., 1888. Т. 61. С. 563–564.
- 58 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 28.
- 59 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 63.
- 60 *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 107.
- 61 *Де Бруин К.* Путешествия в Московию// Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 94.
- 62 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 153.
- 63 Цит. по: *Анисов Л.* Указ. соч. С. 287.
- 64 *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 75.
- 65 *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 59.
- 66 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 133.
- 67 *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 60.
- 68 *Андреев А.И.* Указ. соч. С. 96.
- 69 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 101.
- 70 Цит. по: *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 77.
- 71 Britain and Russia. P. 208, 216.
- 72 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 102.
- 73 СИРИО. Т. 61. С. 562.
- 74 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 10–11, 13–16, 20–26; Подробнее о положении английского инженера в России см.: *Лабутина Т.Л.* Раннепетровская Россия глазами английского капитана и инженера Джона Перри // Западно-европейские специалисты в России XV–XVII веков. М., 2002. С. 26–29.
- 75 Цит. по: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 122.
- 76 *Simmons E.J.* Op. cit. P. 32.
- 77 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 218, 102, 104, 106.
- 78 Britain and Russia. P. 193.
- 79 *Кросс Э.* Указ. соч. С. 348–363.
- 80 Britain and Russia. P. 58.
- 81 СИРИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 31.
- 82 *Де Бруин К.* Указ. соч. С. 93.
- 83 *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 65.
- 84 *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 126.
- 85 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 110–111.
- 86 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 159; Britain and Russia. P. 236.
- 87 Britain and Russia. P. 326.
- 88 *Фролянов И.Я.* Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999. С. 727, 728, 730.
- 89 *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 48.
- 90 Цит. по: Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914. Ч. 1. С. 50.
- 91 СИРИО. Т. 39. С. 60.
- 92 *Де Бруин К.* Указ. соч. С. 92.
- 93 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 127.
- 94 *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 48–49.

- ⁹⁵ Там же. С. 54.
- ⁹⁶ Цит. по: *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984. С. 120.
- ⁹⁷ *Де Бруин К.* Указ. соч. С. 91; *Перри Дж.* Указ. соч. С. 127.
- ⁹⁸ *Simmons E.J.* P. 59.
- ⁹⁹ *Беляев И.С.* О штрафе за русское платье при императоре Петре Великом // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1899. Кн. 1. С. 2.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ *Уортман Р.С.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁰² *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 200.
- ¹⁰³ Там же. С. 199–200; *Анисов Л.* Указ. соч. С. 76.
- ¹⁰⁴ *Богословский М.М.* Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 286–289, 373–380.
- ¹⁰⁵ *Маколей Т.Б.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁰⁶ *Перри Дж.* Указ. соч. С. 124.
- ¹⁰⁷ *Флетчер Дж.* О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 134.
- ¹⁰⁸ *Высочков Л.В.* Петр I за обеденным столом // Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994. С. 142.
- ¹⁰⁹ *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 32.
- ¹¹⁰ *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 35.
- ¹¹¹ *Маколей Т.Б.* Указ. соч. С. 110–111.
- ¹¹² *Треvelyан Дж.* История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2000. С. 340.
- ¹¹³ *Панченко А.М.* Указ. соч. С. 126.
- ¹¹⁴ *Перри Дж.* Указ. соч. С. 148.
- ¹¹⁵ *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 212.
- ¹¹⁶ *Перри Дж.* Указ. соч. С. 152.
- ¹¹⁷ *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 78.
- ¹¹⁸ *Britain and Russia.* P. 134.
- ¹¹⁹ Россия при Петре Великом, по рукописному известию И.Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874. С. 101–102; *Савельева Е.А.* Русско-английские книжные связи петровского времени // Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. СПб., 2002. С. 120.
- ¹²⁰ *Черная Л.А.* Указ. соч. С. 78.
- ¹²¹ Россия при Петре Великом... С. 101.
- ¹²² *Брюс П.Г.* Из мемуаров // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 173.
- ¹²³ *Юровская Э.П.* Утопические черты организации Императорского воспитательного общества благородных девиц // Екатерина Великая. Эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 108.
- ¹²⁴ *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 136.
- ¹²⁵ См.: *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 358.
- ¹²⁶ *Перри Дж.* Указ. соч. С. 143.
- ¹²⁷ *Соколовский И.В.* Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873. С. 137.
- ¹²⁸ *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 248.
- ¹²⁹ Цит. по: *Польской С.В.* Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 19. С. 107–112.
- ¹³⁰ *Савельева Е.А.* Указ. соч. С. 121–128.

- 131 *Веселовский А.* Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916. С. 38; *Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1.* С. 145.
- 132 *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 139.
- 133 *Московский театр при царях Алексее и Петре.* М., 1914. С. 96.
- 134 *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 83.
- 135 *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 97–103.
- 136 *Соколов А.Б.* Указ. соч. С. 12.
- 137 *Панченко А.М.* Указ. соч. С. 119, 125.
- 138 *Перри Дж.* Указ. соч. С. 97.
- 139 *Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1.* С. 252, 257.
- 140 *Анисов Л.* Указ. соч. С. 85, 249.
- 141 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 207.
- 142 *Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1.* С. 253.
- 143 *Ключевский В.О.* Соч. Т. IV. С. 196.
- 144 *Петр Великий в его изречениях.* М., 1991. С. 90–91.
- 145 *Анисов Л.* Указ. соч. С. 176–177.
- 146 *Mullett M.* Popular Culture and Popular Politics: Some Regional Case Studies // *Britain in the First Age of Party. 1680–1750.* L., 1987. P. 134.
- 147 *Маколей Т.Б.* Указ. соч. С. 111.
- 148 *Соколов А.Б.* Указ. соч. С. 155.
- 149 *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
- 150 *Цит. по: Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958. P. 59.
- 151 *Мандевиль Б.* Опыт о благотворительности и благотворительных школах // *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974. С. 289.
- 152 *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 11.
- 153 *Петр Великий в его изречениях.* С. 89.
- 154 *Anderson M.S.* Op. cit. P. 87–91.
- 155 *Маколей Т.Б.* Указ. соч. С. 132–133.
- 156 *Петр Великий в его изречениях.* С. 92–93.
- 157 *Панченко А.М.* Указ. соч. С. 166.
- 158 *Perry R.* The Celebrated Mary Astell. An Early English Feminist. Chicago, 1986. P. 489.
- 159 *Коллинс С.* Указ. соч. С. 1.
- 160 *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 79.
- 161 Там же. С. 166; *История Европы.* М., 1994. Т. IV. С. 230.
- 162 *Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей.* М., 1990. С. 10; *Коллинс С.* Указ. соч. С. 10.
- 163 *История Европы.* Т. IV. С. 235.
- 164 *Россия при Петре Великом.* С. 3.
- 165 Там же. С. 1–4.
- 166 *Лимонов Ю.* Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // *Россия XV–XVIII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. С. 3, 7.
- 167 *Бильбасов В.А.* Россия и Англия в XVIII веке // *Русская старина.* СПб., 1893. Т. 80. С. 2.
- 168 *Лимонов Ю.* Указ. соч. С. 8.
- 169 *Боборыкин П.* Английское влияние в России // *Северный вестник.* СПб., 1895. № 10. С. 179.
- 170 *Мейендорф А.* Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // *Сборник статей, посвященных П.Б.Струве.* Прага, 1925. С. 307.

- ¹⁷¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995. С. 40.
- ¹⁷² Боборыкин П. Указ. соч. С. 178.
- ¹⁷³ Цит. по: Бильбасов В.А. Указ. соч. С. 4.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 4–5.
- ¹⁷⁵ Мейендорф А. Указ. соч. С. 299.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 300.
- ¹⁷⁷ Бильбасов В.А. Указ. соч. С.8.
- ¹⁷⁸ Цит. по: Андреев А.И. С. 101.
- ¹⁷⁹ Britain and Russia. P. 55.
- ¹⁸⁰ Ibid. P. 111.
- ¹⁸¹ Цит. по: Пекарский П.П. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁸² СИРИО. Т. 39. С. 60–61.
- ¹⁸³ Anderson M.S. Op. cit. P. 65, 59.
- ¹⁸⁴ Бильбасов В.А. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁸⁵ Anderson M.S. Op. cit. P. 70.
- ¹⁸⁶ Бильбасов В.А. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁸⁷ СИРИО. Т. 61. Указ. соч. С. 536, 564–565.
- ¹⁸⁸ Britain and Russia. P. 194.
- ¹⁸⁹ СИРИО. Т. 39. С. 104.
- ¹⁹⁰ Перри Дж. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁹¹ Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 102.
- ¹⁹² Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 205.
- ¹⁹³ Britain and Russia. P. 111–112.
- ¹⁹⁴ Петр Великий в его изречениях. С. 18.
- ¹⁹⁵ Britain and Russia. P. 125.
- ¹⁹⁶ Маколей Т.Б. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁹⁷ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1993. С. 222; Horn D. P. 205.
- ¹⁹⁸ Horn D. Op. cit. P. 109.
- ¹⁹⁹ Предисловие к доброхотному читателю. Записки свидетелей преобразований // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. С. 14–15.
- ²⁰⁰ Панченко А.М. Указ. соч. С. 166.
- ²⁰¹ Черная Л.А. Указ. соч. С. 76–77.

АНГЛОМАНИЯ В РОССИИ В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Процесс "вестернизации" правящей элиты в России длился не одно столетие. Насильственный слом патриархального уклада России начался, как мы могли убедиться, в годы правления Петра I. Эталонами для подражания при реформировании общества для русского царя стали западноевропейские страны, в первую очередь Англия. Мы попытаемся проследить, как протекал данный процесс в постпетровскую эпоху, в особенности в правление императрицы Екатерины II. Обращение к этой проблеме диктовалось не только научным интересом и ее слабой изученностью, но и противоречивостью мнений на сей счет. Так, мы задались целью ответить на вопрос, насколько оправданными были утверждения ряда историков (Э. Симмонса, Д. Хорна, Э. Кросса, А.Б. Соколова, Е.В. Потемкиной)¹ о зарождении в екатерининской России таких явлений, как англомания и англофильство.

Прежде всего выясним, что означают понятия "англомания" и "англофильство". Если следовать определению С.И. Ожегова, то англомания — это преклонение перед всем английским, а англофильство — склонность поддерживать во всем английские интересы, пристрастие, сочувствие всему английскому². Е.В. Потемкина под "англоманией" понимает "активное стремление определенной части русского общества, прежде всего дворянства, к познанию английской культуры и перенесению отдельных элементов английского стиля жизни на русскую почву"³. Остальные ученые, толкующие об англомании в России (и не только в правление Екатерины II), данное понятие оставляют без пояснений. По-видимому, этим обстоятельством и вызваны их разногласия относительно времени зарождения рассматриваемого явления в России. В то время как Кросс, Соколов, Потемкина зарождение англомании связывают с правлением Екатерины II, ученый XIX в. П. Боборыкин считал, что интерес к английскому языку и жизни Англии обострился только после Отечественной войны 1812 г. Именно тогда английские авторы-романисты, публицисты, критики, моралисты стали переводиться на русский язык, а детей аристократов начали учить английскому. К концу царствования Александра I английский стиль сделался очень модным в большом свете. Вскоре появились английские клубы. Наконец, в течение первых пятнадцати лет правления Николая I средний класс был также вовлечен в "известного рода англоманию"⁴.

Аналогичного мнения придерживался также Н.А. Ерофеев, который утверждал, что "мода на все английское, в том числе и на английский язык" в некоторых кругах русского дворянства стала

Неизвестный французский художник.
Петр I и Екатерина I.
Гравюра 1717 г.

заметно нарастать в начале XIX в.⁵ В то же время профессор Гарвардского университета Э. Симмонс полагал, что англomanия в России зародилась еще во времена Ивана Грозного. Ученый связывал данное явление с покровительственным отношением русского царя к торговой деятельности англичан, которых он наделял всевозможными привилегиями. Новый "виток англomanии" Симмонс усматривал в намерениях Ивана IV жениться на английской королеве Елизавете Тюдор. В подтверждение своих слов ученый приводил высказывание одного из приближенных царя Московии с английским посланником Боувсом. После кончины Ивана Грозного тот заметил: "**Ваш английский царь** скончался!". Однако наиболее

интенсивное распространение англomanии в России произошло, на взгляд Симмонса, в 70-е годы XVIII в.⁶

Так кто же из ученых прав? Обращение к современным исследованиям и новым источникам⁷ в определенной мере способствует выяснению поставленного вопроса.

В последние годы правления Петра I, а затем его супруги Екатерины I (1725–1727) Великобритания и Россия находились, по определению британского историка М. Андерсона, в состоянии "холодной войны", которая в любой момент грозила перерасти в открытое столкновение⁸. В мае 1726 г. британская эскадра из двадцати кораблей заблокировала российский флот у Ревеля. В ответ на подобные действия англичан Екатерина I направила гневное письмо королю Великобритании Георгу I Ганноверскому. "Министры вашего королевского величества никогда не имели прямого намерения к заключению союза между Россией и Англией, и отправление эскадры есть следствие той злобы, которую некоторые из ваших министров в продолжении многих лет постоянно, везде и явно против нас показывают, – писала императрица. – Ваши министры не могли придумать ничего нового и потому предъявили старое, ложное и гнилое нарекание за сношения наши с Претендентом"⁹. Нельзя не признать, что в обвинениях императрицы действительно доля истины была. По утверждению Андерсона, памфлетисты, состоявшие на службе у министров, стремились представить Россию в глазах общественного мнения Великобритании как опасную и агрессивную державу, экспансия которой будто бы угрожала англичанам¹⁰.

Заметный перелом к лучшему в российско-британских отношениях наметился в 1731–1732 гг. после прихода к власти новых монархов: в России – императрицы Анны Иоанновны, в Великобритании – короля Георга II. Большую роль в налаживании отношений между странами сыграл российский посланник в Англии, дипломат и просветитель А. Кантемир. Прекрасно владевший английским языком, тонкий знаток литературы, в особенности английской публицистики (в его обширной библиотеке имелись редкие для России той поры британские издания "The Freethinker", "The Tatler", "The Spectator". "The Freeholder", "The Guardian")¹¹, Кантемир сблизился в Лондоне со многими видными учеными, философами и литераторами, пытаясь с их помощью переломить общественное мнение британцев в отношении к России в лучшую сторону.

Впрочем, более результативным в деле налаживания двухсторонних контактов оказался заключенный в 1734 г. торговый договор. На взгляд современных специалистов, это был первый документ в истории российско-британских отношений, который создал реальные преимущества для британских купцов в России. Ряд его статей (эксклюзивное право торговли с Персией через территорию России, оплата товаров в российской валюте, низкие размеры пош-

лин, освобождение от уплаты за арендуемые жилые помещения и т.д.) ставил британцев в привилегированное положение не только в сравнении с другими европейскими купцами, но и с российскими. Не случайно англичане расценили торговый договор как "блестящий коммерческий триумф Британии", а XVIII век назвали "золотым веком" в российско-британских торговых отношениях¹². В то же время этот договор наносил серьезный удар по интересам русского купечества, вызывая резкое недовольство в его среде. И все же заключение торгового договора, несмотря на всю его неоднозначность, способствовало достижению дружественных отношений между странами на протяжении нескольких десятилетий. В том же направлении действовал и российско-британский оборонительный договор, подписанный сторонами в апреле 1741 г. Обращаясь к анализу причин российско-британского сближения, Соколов пишет: «Сторонники концепции "естественного союзничества" положили в основу своей аргументации геополитический фактор и утверждали, что Англия и Россия, не имея общих границ, споров по территориальным вопросам, могут поддерживать друг друга во всех важнейших международных делах... Эти страны дополняют одна другую с военной точки зрения: Англия владеет самым могущественным флотом, Россия обладает огромными военными резервами на суше»¹³.

Хотя в правление императрицы Анны Иоанновны были сделаны важные шаги в деле налаживания российско-британских отношений, однако каких-либо свидетельств влияния британской культуры в России в этот период замечено не было. Главенствующую роль в государственном правлении страны играли в ту пору, как известно, немцы. Именно они, по образной характеристике В.О. Ключевского, "посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении... уселись около русского престола точно голодные кошки около горшка с кашей", чем вызвали ненависть русского народа не только к себе, но и к правящей российской элите в целом. Бироновщина "пронеслась над народом запоздалой татарщиной", расшевелив национальные чувства¹⁴. И основания для того были немалые. Если при Петре I в Россию было приглашено немало иностранцев, однако, как отмечал Р. Уортман, доступ для них к важным должностям был ограничен. Они не могли избираться президентами коллегий и не допускались к секретам государственного бюджета. Однако при Анне Иоанновне подобная практика была нарушена¹⁵. Симмонс также подчеркивал, что все правители после Петра, начиная с Екатерины I и включая Петра III, контролировались фаворитами, которые в большинстве своем являлись иностранными подданными. После присоединения Эстонии и Ливонии большое количество немцев из балтийских земель оказались на высших государственных и

военных должностях. Среди них были известные деятели: А.И. Остерман, Б.К. Миних, Бирон. При Анне Иоанновне немцы проникали в высшие слои российского общества и гвардию. Немецкие идеалы и практика доминировали в армии и правительстве. Немецкие развлечения и одежда господствовали при дворе, тогда как в русских костюмах дозволялось появляться лишь на маскарадах¹⁶.

Естественно, что подобное положение вещей не могло устраивать национально настроенную элиту общества. И когда в результате гвардейского переворота 25 ноября 1741 г. на российский престол вступила дочь Петра I Елизавета, неистовым проявлениям патриотизма, казалось, не было конца. Оскорбленные господством иностранцев, русские люди врывались в дома, где проживали немцы, а также "порядочно помяли бока" канцлеру Остерману и фельдмаршалу Миниху. Что же касается исполнителей заговора – гвардейских офицеров, то они потребовали от новой императрицы скорейшего избавления страны от немецкого ига. Между тем, по утверждению Симмонса, вступлению на трон дочери Петра I во многом поспособствовали иностранцы: французский посланник в России, а также лекарь и фаворит Елизаветы господин Лесток. Быть может, подобный факт также сыграл свою роль в том, что в последующие пятьдесят лет высший свет России "обратился во французов, а петербургский двор – в Версаль"¹⁷.

Вступив на престол, Елизавета Петровна покончила с ужасной бироновщиной, однако это не приблизило англичан к тем позициям, которые они занимали в России во времена Петра I. В то же время императрица не остановила процесса западного влияния в стране. "Иноземное немецкое владычество сменилось другим, иноземным же, только французским, – отмечал Ключевский. – Французские вкусы, моды, костюмы, манеры в царствование Елизаветы стали водворяться при петербургском дворе и в высшем русском обществе"¹⁸. Страстная поклонница французского театра, Елизавета Петровна выписывала из Парижа описания придворных версальских банкетов и фестивалей. Французские комедии дополнялись итальянской комической оперой. Впрочем, императрица не чуралась и отечественной драматургии. Пьесы А.П. Сумарокова и И.А. Дмитриевского ставились в столичных и провинциальных театрах наравне с французскими и итальянскими. Дворец самой императрицы превратился в "музыкальный дом", в котором малороссийские певчие совместно с итальянскими певцами исполняли обедню и оперу, дабы не нарушить "цельности художественного впечатления".

Приверженность императрицы Елизаветы Петровны к французской культуре сказалась также в распространении в годы ее правления французского языка в стране, прежде всего в учебных заведениях России. В Московском университете, открытом императрицей в 1755 г., лекции читались на французском, либо на латыни.

*Карл Ванлоо. Портрет императрицы Елизаветы Петровны.
1760 г.*

Преподавание на французском велось также в Морском кадетском корпусе, основанном в 1750 г. Здесь на изучение французского языка отводилось 14 часов, тогда как на русский язык ровно столько, сколько предполагалось на танцы – 6 часов в неделю. В царствование Елизаветы Петровны стали открываться частные учебные заведения – пансионы, в которых также превалировал французский язык. В одном из таких пансионов в Смоленске учителям удалось добиться больших успехов в освоении французского благодаря наложенному запрету на употребление русской речи: за каждое русское слово, произнесенное воспитанником, его наказывали ферилой (линейкой) из подошвенной кожи. Гувернерами детей высшего дво-

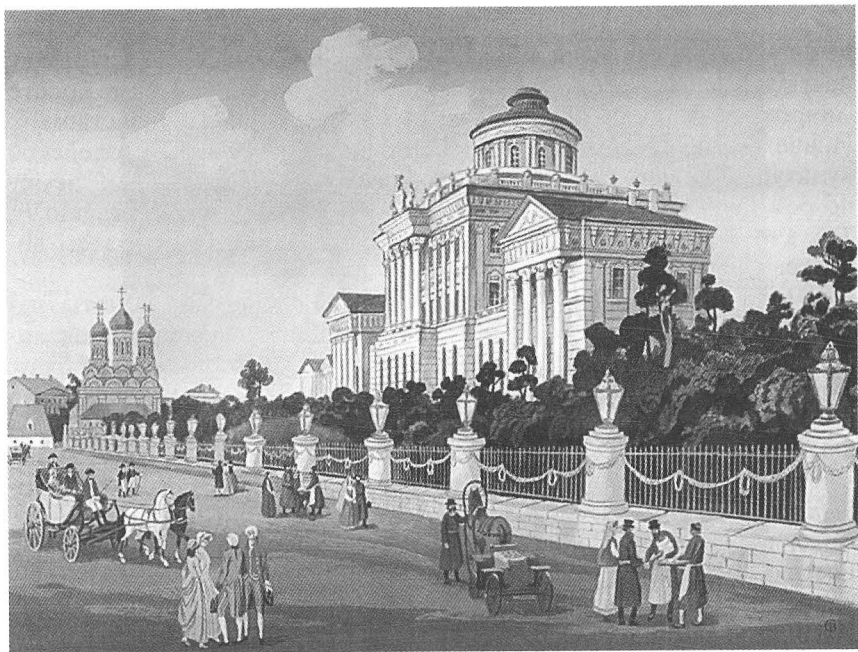
рянства также становились по большей части французы. Нередко подобные учителя сами мало что смыслили в науке, поскольку у себя на родине они были лакеями, парикмахерами, слугами. Однако это обстоятельство отнюдь не смущало великосветскую элиту елизаветинской поры.

Распространение французского языка в высшем свете повлекло за собой зарождение в России интереса к французской литературе. Поначалу это было "изящное чтение" – романы, затем настала пора просветительской литературы. Именно при Елизавете Петровне завязались сношения российского двора с "королями" французской литературы. Патриарх просветителей Франции Вольтер был принят в почетные члены Российской академии наук. Знаменитого философа попросили написать историю правления Петра Великого. В подготовительной работе труда активное участие принимал также поклонник французской моды и литературы, влиятельный вельможа граф И.И. Шувалов.

Если в сфере культуры (театр, литература, образование) в царствование Елизаветы Петровны доминировало французское влияние, то в экономике, и прежде всего в торговле, по-прежнему были сильны позиции англичан. Причем роль России в торговом диалоге, на взгляд Хорна, как и прежде, оставалась пассивной, а Великобритании – активной¹⁹. Британские купцы не без основания считали своим "самым ценным другом" в правительственных кругах российского канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина. За свое "посредничество" граф получил от англичан к 1752 г. свыше 62 тыс. руб. Но как бы то ни было, успехи в экономическом сотрудничестве постепенно привели к политическому сближению двух стран. Как следствие этого процесса в середине XVIII в. в правительственных кругах и общественном мнении Великобритании Россию стали уже расценивать не как врага, но как "естественного союзника" англичан²⁰.

После смерти императрицы Елизаветы Петровны кратковременное (в течение 6 месяцев) правление ее племянника, ставшего императором Петром III, вновь задело национальные чувства русского народа. Окружив себя гвардией из сержантов и капралов прусской армии (по выражению княгини Е. Дашковой, "сволочи, состоявшей из сыновей немецких сапожников"), Петр III на русском престоле стал верноподданным прусским министром²¹. Перед народом России замаячила новая бироновщина, и только очередной заговор в верхах предотвратил эту угрозу. Как позднее Екатерина II оценила побудительные мотивы переворота, приведшего ее к власти, "все решилось на основе ненависти к иноземцам"²². О существовании сильного националистического движения против иностранцев в стране в ту пору упоминал также Симмонс²³.

Вступившая на российский престол в 1762 г. Екатерина II, хотя и была немкой по крови, однако не стремилась покровительствовать

В. Семенов. Дом Пашкова. XVIII в.

своим соотечественникам. Как подчеркивал В.Н. Виноградов, "узурпаторша русского трона" должна была доказать, что для нее не существует иных интересов, кроме российских. И своими делами императрица это явно демонстрировала: "никаких особых отношений с родиной, с Германией, ни в политике, ни в жизни, ни в быту"²⁴. Однако все это отнюдь не значило, что Екатерина II противилась распространению западного влияния в России. Напротив, именно при этой императрице западное влияние стало, по признанию Ключевского, "сильнее и шире"²⁵. И сама императрица, утверждал Андерсон, способствовала распространению западничества в России²⁶.

Культуре какой из стран отдавала предпочтение императрица? На этот вопрос ученые отвечают по-разному. К примеру, Хорн считал Екатерину II англофилом, основываясь на том, что она любила читать переведенные на французский или немецкий язык труды британских ученых, философов и экономистов, восхищалась историческими работами Д. Юма и У. Робертсона. Императрица сама перевела с французского или немецкого на русский язык несколько пьес У. Шекспира и способствовала постановке английскими актерами в театре Санкт-Петербурга в начале 1770-х годов ряда его пьес, в том числе "Отелло". Кроме того, Екатерина II позволяла российским студентам обучаться в университетах Шотландии²⁷.

На взгляд Соколова, она по своим интеллектуальным интересам была англоманкой²⁸. Кросс убежден, что не только сама императрица, но и все высшее российское общество при ней отличались не просто "широко распространенной англomанией, но англофильством"²⁹. Иначе оценивал пристрастие Екатерины II к западноевропейской культуре Ключевский. Он характеризовал императрицу как "немку по рождению, француженку по любимому языку и воспитанию"³⁰. Так кто же из ученых прав? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Первыми учителями Екатерины II были французы-гугеноты, наводнившие Германию после отмены королем Франции Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта. Именно от этих учителей будущая российская императрица научилась языку, который полюбила больше родного. Она с теплотой вспоминала свою гувернантку — француженку Бабетту Кардель, которая кроме разных наук знала, как свои пять пальцев, всякие комедии и трагедии, цитатами из которых так и сыпала. Не мудрено, что басни Лафонтена Фике знала не хуже, чем Библию³¹. Став супругой цесаревича Петра III и переехав в Россию, Екатерина увлеклась чтением французской литературы. Поначалу это были романы, но очень скоро их сменили более серьезные произведения. Помимо трудов Плутарха, Цицерона, Монтескье, с которыми Екатерина познакомилась еще в пятнадцатилетнем возрасте, она детально проштудировала работы Вольтера, Руссо, Дидро. За свою жизнь Екатерина II прочитала, как сама вспоминала, "необъятное количество книг". Кроме того, став императрицей, пристрастилась к литературному творчеству: писала детские нравоучительные сказки и педагогические наставления, политические памфлеты и драматические пьесы, автобиографические записки. Она также сотрудничала в литературных журналах, составила "Житие преподобного Сергия Радонежского". Чаще всего императрица писала по-французски (по-русски много реже, возможно, потому что была не в ладах с орфографией). Более того, Екатерина превосходно усвоила "стиль и манеру своих образцов, современных французских писателей, особенно их изящное и остроумное балагурство"³².

О многогранных связях Екатерины II с французскими просветителями хорошо известно³³. На протяжении 1763–1778 гг. российская императрица переписывалась с Вольтером. С его книгами она впервые познакомилась по приезду в Россию. И с тех пор не хотела читать ничего, что не было бы так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько же пользы³⁴. После смерти великого философа Екатерина II выкупила у его наследников 20 ящиков книг Вольтера. Обращаясь с письмом к племяннице и наследнице Вольтера госпоже Дени, императрица писала о великом философе: "Никто прежде него не писал так, как он; для будущих поколений он будет служить примером... нужно быть господином Вольтером, чтобы сравниться с ним"³⁵.

Неизвестный русский художник.
Портрет императрицы Екатерины II –
законодательницы в храме Фемиды.
Последняя треть XVIII в.

Узнав о стесненном материальном положении другого известного просветителя Франции Д. Дидро, Екатерина II приобрела у него в 1765 г. собрание книг за 150 тыс. франков, а самому философу назначила жалованье хранителя этой библиотеки. Осенью 1773 г. Дидро по приглашению императрицы гостил в Петербурге. Как свидетельствовал французский посол в России Л.Ф. Сегюр, Екатерине II понравилась в нем "живость ума, своеобразность способностей и слога и его живое, быстрое красноречие"³⁶.

Почти год Дидро прожил в России, изучая экономику, быт, культуру народа. Он посетил верфи, таможню, Академию наук, Смоль-

ный институт, а также ряд помещичьих усадеб. Своими наблюдениями и рекомендациями по части реформирования России Дидро поделился в одной из бесед с императрицей. (За пять месяцев, проведенных в Петербурге, Дидро встречался и беседовал с Екатериной не менее 60 раз. Как правило, их беседы длились от полутора до двух часов³⁷.) "Я долго с ним беседовала, – вспоминала позднее Екатерина II, – но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить их несбыточными мечтами". Самому Дидро императрица сказала: "Я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушал ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо"³⁸. Впрочем, все вышесказанное не помешало императрице принять Дидро в члены Российской академии наук.

Екатерина II переписывалась также с французским просветителем Д'Аламбером. В одном из писем к нему императрица заметила, что книга Монтескье "Дух законов" служит для нее "молитвенником"³⁹.

Несколько иначе складывались отношения Екатерины с Жан-Жаком Руссо, о чем в своей статье поведал историк XIX в. Д.Ф. Кобеко. Ученый отмечал, что в отличие от большинства энциклопедистов Франции (Вольтера, Гримма, Д'Аламбера, Дидро), которые пользовались "великими и богатыми милостями, посылаемыми им из России, и на разные лады и тона прославляли северную Семирамиду и ее деяния", Руссо занимал независимую позицию. К тому же он не раз называл себя "врагом монархов", и потому Екатерина II, утверждал Кобеко, его "инстинктивно ненавидела". Ознакомившись с произведением Руссо "Эмил", императрица запретила распространение книги, причислив ее к таковым, которые "развращали нравы". "Особенно не люблю я эмилевского воспитания", – писала Екатерина. Неодобрительно отзывалась она и об "Общественном договоре" просветителя⁴⁰.

О влиянии трудов Монтескье и Вольтера на формирование идейно-политических взглядов молодой Екатерины писали многие исследователи. По утверждению Е. Анисимова, эти ученые "дали мощный толчок интеллектуальному росту будущей императрицы как государственного деятеля, законодателя"⁴¹. На взгляд Ключевского, "Дух законов" Монтескье послужил одним из главных источников "Наказа", написанного императрицей в 1765–1767 гг. Из 527 его статей более 250 были заимствованы у Монтескье⁴². Однако даже самое внимательное изучение политической литературы Франции не способствовало, по мнению историка, выработки у Екатерины II определенного цельного плана "нормальности государственного устройства"⁴³. В то же время российская императрица, что назы-

вается, "задала тон" в пропаганде французской литературы в своем "Наказе". И вскоре произведения французских авторов стали широко распространяться по России. Книги Руссо, Монтескье и Вольтера можно было встретить в личных библиотеках дворян в Оренбурге, Казани, Симбирске. В знатных домах по-прежнему сохранял "педагогическую монополию" французский гувернер. Для воспитания внука – великого князя Александра Екатерина II пригласила месье Лагарна, который открыто исповедывал свои республиканские убеждения. Графа П.А. Строганова обучал "истый республиканец" француз Ромм, а детей графа Н.И. Салтыкова – брат знаменитого революционера Ж.П. Марата.

Под влиянием просветительских идей, начавших широко распространяться в российском обществе при Екатерине II, изменились цели молодежи, которая теперь отправлялась в путешествие на Запад "на поклон к философам". "На постоялом дворе Европы", как называл свой дом в Фернее Вольтер, "появлялись и русские путешественники"⁴⁴.

В последние годы своего правления Екатерина II резко меняет отношение к Франции в связи с событиями революции 1789–1794 гг. Казнь французского монарха Людовика XVI и его супруги Марии Антуанетты потрясла императрицу до глубины души. 15 февраля 1793 г. она издала указ, в соответствии с которым все французы, проживавшие на территории России, должны были покинуть страну в трехнедельный срок. Французские книги конфисковывались и уничтожались. Стали появляться памфлеты, направленные против революции и просветительских идей. Усилилась цензура. Таким образом завершилась эволюция "французской" политики Екатерины II, которую А.А. Скакун характеризовал как "регрессивное движение от лицемерно-прагматического "вольтерьянства" и галломании к антипросветительской и антиреволюционной галлофобии"⁴⁵.

Итак, несомненно, влияние французской культуры в России при Екатерине II заметно усилилось, в частности, закрепилось господство французской культуры и французского языка в высшем свете России. Но означало ли это, что британцы были потеснены и перестали оказывать прежнее воздействие на политическую элиту России, как то бывало в эпоху Петра I? Отнюдь, нет. Хотя англичане, по замечанию французского министра Вержени, и "теряли в Петербурге прежнее влияние"⁴⁶, однако их позиции при дворе, да и в высших слоях российского общества оставались по-прежнему достаточно прочными.

Активный интерес англичан к Екатерине как будущей императрице России проявился еще до ее вступления на престол. Посол Великобритании в России Ч. Уильямс сумел установить тесные сношения с "молодым двором" незадолго до начала Семилетней войны 1756–1763 гг. Между британским послом и юной Екатериной завяза-

лась доверительная переписка, продолжавшаяся около года. Покидая Россию, Уильямс получил от великого князя и его супруги письма следующего содержания. "Я благодарю за Ваши заботы о моих интересах и не сомневаюсь, что Вы им преданы, – писал Петр III Уильямсу. – Они имеют много общего с интересами короля английского. Надеюсь, что когда-нибудь общий враг наших государств почувствует это на себе". В письме же Екатерины, датированным тем же числом (19 августа 1759 г.), говорилось, в частности, следующее: "Я никогда не забуду, чем Вам обязана, чтобы вознаградить Вас... я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россию на то, что я нахожу для нее выгодным, именно, быть тесно связанной с Англией"⁴⁷.

Пытаясь укрепить свое положение при дворе Елизаветы Петровны, Екатерина не брезговала ничем. Она занимала через посредничество британского посланника огромные суммы (десятки тысяч фунтов стерлингов), выпросила даже у короля Великобритании 10 тыс. фунтов. Все эти деньги были израсходованы на подарки и подкуп ее сторонников при дворе Елизаветы. Взамен Екатерина обещала "честным словом действовать в общих англо-русских интересах"⁴⁸. И, как оказалось впоследствии, своих обещаний она не забыла. Став императрицей, в одном из писем Екатерина II заметила: "Я так привыкла к дружбе англичан, что смотрю на каждого из них, как на лицо, желающее мне добра и действую, насколько это от меня зависит, соображаясь с этим"⁴⁹. В своей любви к британской нации Екатерина II признается и в беседе с послом Харрисом, заверяя его в том, что является "другом Англии по влечению и по интересу".

И действительно, первые десятилетия правления Екатерины II – 60–70-е годы XVIII в. – были отмечены наиболее тесным сближением двух стран во многом благодаря той позиции, которую занимала по отношению к Великобритании сама императрица. По-прежнему наиболее интенсивными в российско-британском диалоге при ней оставались торговые сношения. По свидетельствам Сегюра, английские негоцианты образовали в Петербурге "грозную колонию", целый квартал в столице стал называться Английской линией⁵⁰. В августе 1766 г. был принят новый российско-британский торговый договор, продлевавший действие соглашения от 1734 г. В результате объем британской торговли в сравнении с началом века удвоился. Англичане ввозили в Россию до несколько сотен наименований товаров не только из Британии, но и из своих колоний, а также других европейских стран. Первое место в британском импорте занимала продукция текстильной и химической промышленности. Значительным оставался объем ввозимого алкоголя. Именно в XVIII в. британское пиво сделалось популярным в России. Традиционными для британского экспорта считались также соль, уголь, отдельные виды

тропических фруктов, глиняная и стеклянная посуда, различные галантерейные товары.

На взгляд Д. Кратовой, в британской торговле в Россию экспорт во много раз превышал импорт: в середине XVIII в. в российские порты ежегодно прибывало триста британских судов с товарами и тысяча – порожних. Все они возвращались на родину груженные лесом, пенькой, воском, холстом, жиром, щетиной, льном, дегтем, пушниной. В 80-х годах Россия начала продавать англичанам по сравнительно низким ценам еще и железо, которое отличалось высоким качеством. Все это, на взгляд ученого, свидетельствовало о "стратегической важности России как торгового партнера для Великобритании"⁵¹.

Примечательно, что английские купцы не ограничивались торговой деятельностью. Нередко они вкладывали свои капиталы в промышленное производство в России. К примеру, купец Мартин Боттлер основал первую в нашей стране фабрику, изготавливавшую гобелены. Когда же его соотечественники попытались открыть такое же производство, то негоциант настоял на закрытии новой фабрики и добился повышения ввозных пошлин для аналогичных изделий, поступавших из Англии. Другой бизнесмен Фрэнсис Гарднер приобрел недалеко от Москвы, в деревне Вербилки участок земли для строительства фабрики по изготовлению дешевой глиняной посуды всего за тысячу рублей. Он развернул дело на широкую ногу, и спустя несколько десятилетий его знаменитые обеденные сервизы продавались уже по тысяче рублей⁵².

Как и Петр I, Екатерина II уделяла большое внимание состоянию морского флота России. Она регулярно приглашала на службу в нашу страну морских офицеров и опытных моряков из Великобритании. Нередко ко двору привлекались различные мастеровые. К примеру, английские специалисты были задействованы в строительных работах в Царском Селе летом 1785 г. Императрица проявляла самый живой интерес и к британскому искусству. Ее торговые агенты скупили знаменитую керамику Уэджвуда для украшения залов Зимнего дворца, а также приобрели за 43 тыс. фунтов коллекцию произведений искусства из собрания самого премьер-министра Великобритании Роберта Уолпола⁵³.

Подобно Петру I, Екатерина II приветствовала обучение российской молодежи в университетах Великобритании. В Англии постоянно обучалось до сорока молодых людей⁵⁴. Они изучали земледелие, шерстяные мануфактуры, торговлю, инженерное дело (в первую очередь, строительство каналов), математику, медицину, архитектуру, живопись, ландшафтное садоводство и многое другое, что могло им пригодиться на родине. Порой и почтенные профессора, как, например, В. Прокопович и М. Ливанов отправлялись на Британские острова, чтобы обучиться там различным наукам. Получи-

ли образование в Англии также профессор Московского университета Десницкий (одним из первых в России он стал отстаивать права женщин), граф Н. Мордвинов, будущий наставник императора Александра I. За время обучения с 1774 по 1777 г. Мордвинов проявил большой интерес к британским политическим институтам, а также английской философии, научным и экономическим теориям. Он выказывал восхищение трудами Бэкона, Ньютона, Смита, Бентама⁵⁵.

Российские студенты отдавали предпочтение шотландскому университету в Эдинбурге, где обучение было не в пример дешевле, нежели в престижных Оксфорде и Кембридже. Журнал "Scot Magazine" сообщал в 1781 г. о постоянном притоке молодых россиян в Шотландию ради занятий "по полезной части". В Эдинбургском университете обучался и сын Дашковой. Первый президент Российской академии наук Екатерина Романовна Дашкова слыла женщиной высокообразованной. Ее личная библиотека в Москве насчитывала четыре с половиной тысячи томов, где имелись книги по лингвистике, географии, истории, геологии, педагогике, зоологии, философии на шести языках. Она лично была знакома с просветителями Франции – Вольтером, Дидро, Д'Аламбером. Детально изучила организацию учебного процесса в высших учебных заведениях (в первую очередь в Оксфордском университете). Во Франции ознакомилась с деятельностью Академии наук⁵⁶. Однако наибольший интерес Дашкова проявляла к британской культуре. Она посетила Великобританию в 1769–1771 гг. и о своих впечатлениях об увиденном впоследствии рассказала в "Путевых заметках". "Англия мне более других государств понравилась, – писала Дашкова. – Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усылственные опыты других народов в подобных предприятях"⁵⁷.

В 1776–1780 гг. Дашкова навещала своего сына-студента в Эдинбурге, где ей довелось повстречаться с видными представителями шотландского Просвещения У. Робертсоном и А. Смитом. По возвращении на родину Дашкова издала свои переводы нескольких английских изданий, в том числе ряд номеров известного просветительского журнала "The Spectator". Помимо Дашковой, поклонниками Англии в окружении Екатерины II были и другие представители родовитых и могущественных семейств России: Г. Потемкин, Воронцовы, Чернышевы, Куракины, Орловы. Все они, по признанию Кросса, "глядели на Англию с почтением и восторгом"⁵⁸. К числу англоманов Симмонс причислял также А. Радищева и князя Мусина-Пушкина. Последний прекрасно знал банковскую систему, торговлю, промышленность и сельское хозяйство Англии, о чем писал Екатерине II в своих записках-докладах. Он являлся убежденным

сторонником учения Дж. Локка. Дипломат князь С. Воронцов прожил в Англии 47 лет. Неудивительно, что в одном из своих писем к брату в 1787 г. он написал: "Эта замечательная страна интересна очень многим. Ее управление совершенно, насколько может желать народ... Относительно торговли, промышленности, сельского хозяйства и науки, в особенности медицины и механики, я не думаю, чтобы в мире существовала другая страна, которая могла бы сравниться с Англией". Наиболее притягательным для Воронцова представлялось учение А. Смита⁵⁹.

Надо отметить, что серьезным препятствием для знакомства с английской культурой являлось в ту пору слабое распространение в России английского языка. Первая школа, в которой преподавание велось на английском языке, была открыта Джоном Элмором в Петербурге лишь в конце 1793 г. Английские учителя, прибывавшие на работу в Россию, обучали... французскому языку⁶⁰. В образованных кругах еще долгое время господствовал французский язык. Да и сама императрица не владела английским, посему в ее библиотеках имелись книги лишь на немецком, французском и русском языках⁶¹. В этой связи большой интерес как самой Екатерины II, так и образованной части общества вызывали переводы английских изданий с французского и немецкого языков. К примеру, внимание императрицы привлекли просветительский журнал С. Джонса "Скиталец" и дидактическое сочинение Р. Додсли "Наставник". Рекомендации последнего она намеревалась использовать в целях нравственного воспитания своих внуков – цесаревичей Александра и Константина. Екатерина II собиралась также издать перевод всех номеров журнала "The Spectator". Отдельные его номера увидели свет в России еще в петровскую эпоху и затем неоднократно переиздавались на протяжении XVIII в. Этот журнал сыграл важную роль в становлении русской журналистики сатирико-нравоучительного толка.

В 1769 г. в России начал выходить еженедельник "Всякая всячина", работу над которым возглавила сама императрица. По мнению специалистов, издатели "Всякой всячины" во многом ориентировались и подражали авторам английского журнала – просветителям Р. Стилю и Дж. Аддисону⁶². К слову сказать, не только английский периодика интересовала русского читателя. Как отмечал Симмонс, в то время в России издавалось свыше сотни журналов. И не только по форме, но и по содержанию они нередко подражали как английским, так и французским, немецким, голландским, шведским, датским и польским переводным изданиям⁶³.

Знакомство с переводными изданиями английской литературы в России началось в середине XVIII в. Так, А.П. Сумароков перевел трагедию Шекспира "Гамлет" (пьесы английского драматурга начали ставиться на русской сцене позднее, с 1786 г.). Императрица, ознакомившись с драматическими хрониками Шекспира в немецком

переводе, написала своего "Рюрика", во многом подражавшего английскому оригиналу. В 60-е годы появились переводы произведений просветителей Д. Дефо, Г. Филдинга, А. Попа, в 70-е годы – работ Л. Стерна, Дж. Мильтона, в 80-е – трудов С. Ричардсона, Э. Юнга, Д. Томсона. Наконец, в конце века были изданы произведения Дж. Беньяна, С. Джонсона, О. Голдсмита и других известных писателей Великобритании. Именно в XVIII в. российский читатель познакомился и с произведениями великого писателя-сатирика Дж. Свифта. Впервые это знакомство состоялось еще при жизни писателя. Один из "птенцов гнезда Петрова" ученый с широким кругом интересов Яков Брюс собрал богатую коллекцию книг, в которой наряду с трудами Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка были и произведения Свифта. Шотландец по происхождению, Брюс сумел перевести многие английские книги на русский язык. С трудами Свифта были знакомы также писатель Кантемир и некоторые российские политики, как, например, Остерман, А. Вольтер, А. Хрущев. Известно, что почитателем Свифта являлся и М. Ломоносов. Однако распространение широкой известности Свифта в читательских кругах было отмечено лишь с начала 1770-х годов, когда появились переводы "Путешествий Гулливера" и памфлета "Предложение об исправлении, улучшении и утверждении английского языка". Данный памфлет, направленный в защиту национального литературного языка, пришелся как нельзя кстати, поскольку в это время в России широко дискутировался вопрос о необходимости исправлений и совершенствования русского языка.

Важную роль в культурном развитии российской публики в последние годы правления Елизаветы и при Екатерине II сыграли романы, которые занимали большую часть во всей переводной литературе. Пальму первенства по популярности удерживали французские романы (Прево, Мариво). К примеру, при Екатерине II было переведено 350 французских, 107 немецких и всего лишь 6 английских романов. Невелико было и число романов российских авторов: за период с 1763 по 1800 г. вышло из печати 32 романа. Причем, как отмечал Симмонс, многие из них писались в подражание западноевропейским образцам⁶⁴.

Образованные граждане России в XVIII в. смогли познакомиться также с переводами трудов видных британских ученых – философа И. Бентама, экономиста А. Смита, математика и физика И. Ньютона, юриста У. Блекстона, медика У. Бьюкена и многих других. И конечно же, важную роль в деле распространения английской литературы в России сыграли переводчики, обучавшиеся в свое время в Великобритании. В их числе были С. Плещеев, М. Плещеев, И. Черкасов, Л. Собакин, И. Татищев и другие. Однако наиболее заметный вклад в дело популяризации просветительской литературы Великобритании внес известный писатель и просветитель России

Н. Новиков. Благодаря ему увидели свет труды Локка, Попа, Свифта, Филдинга, Смолетта, Голдсмита, Стерна, Юнга. Примечательно, что и сам Новиков испытал в своем творчестве влияние просветительских идей британских предшественников. Во всяком случае это хорошо прослеживается в его сатирических журналах "Трутень", "Пустомеля" "Живописец", "Кошелек" и др.⁶⁵ Свою первейшую цель в этих изданиях Новиков видел в борьбе против различных пороков, присущих его согражданам, в первую очередь дворянству. Просветитель высмеивал ханжество церковников, произвол и взяточничество чиновников, презрение мещан к родному языку и их преклонение перед зарубежной, прежде всего французской жизнью. Он также обличал невежество, корыстолюбие, жадность — этими пороками отличались многие его соотечественники⁶⁶.

Надо признать, что хотя Новиков во многом заимствовал опыт британских просветителей, однако его журналы, по замечанию И.Л. Анисовой, "как никакие другие периодические издания, содержат материалы оригинального, не переводного происхождения и таким образом претендуют на выражение национальных, собственно русских ответов на общие вопросы Просвещения"⁶⁷. Критика Новикова отличалась более острой социальной направленностью. К примеру, он гневно клеймил крепостничество и выступал в защиту обездоленных крестьян, тогда как английские просветители всегда стояли на страже интересов лишь власть имущих. Дидактическая система Новикова также во многом заимствовала британский опыт (в первую очередь, учения Локка, изложенного в его труде "Мысли о воспитании"), но в то же время содержала ряд принципиально отличных положений. Так, образовательная программа Новикова была более демократичной в сравнении с локковской, поскольку русский просветитель ратовал за "внеклассовое" образование, которое было доступным не только дворянам, но и представителям "третьего сословия", а также настаивал на принципах общественного, а не индивидуального воспитания подрастающего поколения. Вместе с тем конечная цель образовательной программы у обоих просветителей была единой: воспитать образованного и добродетельного гражданина своей страны.

Надо отметить, что большинство ученых признавали влияние локковской системы в российских дидактических программах. Профессор колумбийского университета Марк Раеф утверждал, что этико-педагогическая ориентация в России находилась в связи с европейскими образовательными теориями и практикой, ведущими свое происхождение от Локка⁶⁸. Тракта Локка "Мысли о воспитании" в переводе был издан в России в 1760 г., второе издание вышло в 1788 г. О популярности данного труда у российской элиты свидетельствовали частые ссылки на него не только в работах Бецкого, но и самой Екатерины. На взгляд Симмонса, императрица не симпа-

тизировала французской системе образования, зато в своих инструкциях по поводу воспитания внуков она заимствовала целые страницы из сочинения Локка. Будущий император Александр I был также воспитан, по мнению ученого, "по английскому плану", что означало "свежий воздух, либеральные идеи и наставления в области морали и поведения"⁶⁹.

И все же французская модель образования играла в России доминирующую роль. В качестве примера можно привести свидетельства российского дипломата графа А. Воронцова о том, какое образование он получил в детстве и юности. Граф вспоминал, что с ранних лет его воспитывали немецкая и французская гувернантки. Он рано освоил французский язык. Дважды в неделю отец брал его с собой во французскую комедию. К двенадцати годам юный граф в подлиннике прочитал произведения Вольтера, Расина, Корнелия, Бюало. К ним вскоре добавились книги из богатой библиотеки, выписанной отцом из Голландии. В ней было сто томов издания "Ключ к знакомству с кабинетами европейских государей с 1700 г." "Это издание, – писал Воронцов, – имело великое влияние на мою склонность к истории и политике: оно возбудило во мне желание знать все, что касается этих предметов и в особенности по отношению их к России"⁷⁰.

Определенное британское влияние прослеживается, на наш взгляд, в проектах создания образовательных учреждений для девушек. В работе "Очерк о проектах" (1694), как мы помним, журналист и писатель Дефо предложил устроить образовательные "академии" с целью обучения в них девушек-аристократок. Это были пансионы закрытого типа, в которых ученицы могли получить светское образование, познать грамоту, иностранные языки, обучиться музыке и танцам. В конце XVII – начале XVIII вв. частные пансионы для девушек из высших и средних слоев сделались обычным явлением для Англии. В России первое женское учреждение подобного типа – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) было открыто в 1764 г. по инициативе самой Екатерины II. Еще годом раньше императрица потребовала от своих дипломатических представителей в Вене, Копенгагене, Гааге, Берлине, Гамбурге, Стокгольме без промедления доставить "подробные описания всем или лучшим таким учреждениям в тех государствах, где они находились на службе"⁷¹.

По мнению Е.Ф. Петиновой, "ничего особенно ценного из-за границы почерпнуть не удалось", и потому Устав Воспитательного общества составляли по собственному разумению. На наш взгляд, без западных заимствований (в том числе и британских) здесь все-таки не обошлось. Аналогичного мнения придерживался П.М. Майков, хотя он считал, что образцом для подражания при учреждении в России Общества благородных девиц послужило женское учебное

заведение во Франции. В 1686 г. госпожа Ментерон основала в Сен-Сире первое подобное образовательное учреждение (Институт для дам Св. Людовика), в которое принимали "девиц благородного происхождения" в возрасте от 7 до 12 лет. Они обучались за казенный счет и находились в учебном заведении до двадцатилетнего возраста. Родители могли навещать своих дочерей в определенные дни. Воспитанницы делились по возрастным группам, которые различались цветом платьев (коричневый, зеленый, желтый, голубой). Как отмечал Майков, "все занятия были направлены к тому, чтобы развить в девицах вкус ко всему благородному, прекрасному, изящному, их знакомили с отечественными писателями, учили писать изысканным слогом, приучали беседовать между собой о возвышенных предметах. При этом обращалось большое внимание на обхождение, изысканность в костюме, на светский лоск, манеры и т.д." Воспитанницы декламировали сцены из комедий Расина, а также ставили пьесы, на которых нередко присутствовал сам король Людовик XIV. Учебное заведение в Сен-Сире, по утверждению ученого, получило широкую известность за пределами Франции. Его брали за пример во многих европейских государствах. Возможно, что данное заведение посетил и Дефо, находясь во Франции незадолго до написания своего трактата о "женских академиях". Побывали в нем и Петр I во время своего визита в Париж в 1717 г., и один из сподвижников Екатерины II в деле образования И.И. Бецкой, и сама императрица, когда она была еще немецкой княжной. Майков уверял, что устав Смольного монастыря являлся "сколком" с устава Сен-Сира⁷².

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что Смольный институт был основан по примеру западноевропейских женских образовательных учреждений. И в этом легко убедиться при сравнении устройства подобных учреждений, форм и методов преподавания, а также содержания образовательных программ в них российской и британской модели. Посетившая в 1781 г. Смольный институт английская баронесса Димсдейл отмечала в своем дневнике: из 700 воспитанниц 300 принадлежали к аристократическим семьям, остальные – к буржуазным. Девочек обучали истории, географии, русскому, французскому, немецкому и итальянскому языкам (английский язык в образовательной программе отсутствовал. – Т.Л.), а также музыке, танцам и рисованию. Большое внимание уделялось религиозному воспитанию. Представительниц средних слоев обучали еще и урокам домоводства: выпекать хлеб, сбивать масло и т.п. (Специальное учебное заведение для девушек из мещан – Александровский институт был открыт в 1765 г.)⁷³.

Имелся в Смольном институте и собственный театр. Императрица по праву гордилась своим "детищем". В одном из писем к Вольтеру она рассказывала о театральных представлениях, которые

устраивали воспитанницы Смольного, и делилась своими соображениями по поводу того, каким должно быть воспитание юных дам. "Мы очень далеки от мысли образовать из них монашек, — писала Екатерина II. — Мы воспитываем их напротив так, чтобы они могли украсить семейства, в которые вступят; мы не хотим их сделать ни жеманными, ни кокетками, но любезными и способными воспитывать собственных детей и иметь попечение о своем доме"⁷⁴.

Как видно, по своим целям и задачам, а также по форме обучения и образовательным программам женская образовательная система в России во многом напоминала западноевропейскую (британскую или французскую) модель. Единственное отличие наблюдалось в способах финансирования женских пансионов. И если, к примеру, в Англии все расходы по содержанию учениц брали на себя их родители, то в России счета практически всех смолянок оплачивала сама императрица, т.е. государство.

Нетрудно убедиться, что английское (ряд ученых добавляют и шотландское) Просвещение сыграло в интеллектуальном развитии российской элиты XVIII в. ничуть не меньшую роль, чем французское. Подобного взгляда придерживаются и многие западные ученые, в том числе Э. Кросс, А. Браун, П. Дьюкс, Ф. Вентури⁷⁵. Следует добавить, что знакомство с достижениями британской культуры в России осуществлялось не только посредством литературы. Важное место придавалось, как отмечал британский ученый Р. Хоум, также научным контактам⁷⁶. Одним из них был визит британского ученого, доктора медицины, автора широко известного в Европе трактата "Современный метод прививки оспы" Т. Димсдейла. Он был приглашен в 1768 г. Екатериной II для прививки оспы ей самой, а также ее домочадцам и придворным. Работой медика императрица осталась вполне довольной, отблагодарив его присвоением титула барона.

Новоиспеченный барон Димсдейл посетил двор Екатерины II вторично в 1781 г. На этот раз барона в поездке по России сопровождала его супруга Элизабет. Своими впечатлениями о виденном в нашей стране баронесса поделилась в дневнике. В нем содержалась интересная информация не только о впечатлениях путешественницы (об обычаях, порядках и климате России, а также архитектурных и исторических достопримечательностях Петербурга), но и описаны портреты императрицы, ее приближенных и ближайших родственников. Элизабет была представлена Екатерине II, общалась с придворными. Она посещала церковные службы, бывала в присутственных местах, в лавках, на базарах. Во время пребывания в Петербурге баронесса посетила Зимний дворец, Кунсткамеру, Смольный институт и Кадетский корпус. Поделилась Димсдейл своими впечатлениями об архитектуре Петербурга, внешний вид которого превзошел все ее ожидания. Она пришла в восхищение от "величественного града со шпилями, башнями, украшенными

медью, оловом, позолотой", который весь так и сверкал на солнце. Пред взором баронессы предстали прекрасные здания и ухоженные улицы, а река Нева поразила ее своей "кристальной прозрачностью вод".

Анализируя материалы дневника баронессы Димсдейл⁷⁷, убеждаемся, что научные и культурные контакты между отдельными гражданами Великобритании и России во многом способствовали расширению этнических представлений одного народа о другом, служили в определенной мере укреплению российско-британских отношений. Россия получала также возможность следить за новейшими достижениями в научной жизни Великобритании.

Одним из проводников западноевропейского (в первую очередь британского) влияния на российскую элиту сделалось масонство. Как утверждала Петимова, масонство пришло в Россию из Англии. В 1731 г. гроссмейстер Великой Лондонской Ложы лорд Ловель назначил капитана Джона Филипса, состоявшего в ту пору на русской службе, "великим мастером для всей России". Поначалу масонство было закрытой организацией, доступ в которую позволялся лишь англичанам. Лишь в 1740 г., когда масонскую ложу в России возглавил новый гроссмейстер генерал Джеймс Кейт, русские дворяне стали вхожи в нее.

На взгляд Петимовой, масонство в ту пору еще не обрело в нашей стране "ни национального своеобразия, ни строгой организации". Связи с иностранными ложами носили нерегулярный характер. Да и вообще русское дворянство видело в масонстве всего лишь "модное времяпрепровождение". К середине века масонская ложа Петербурга объединяла свыше тридцати представителей родовитых фамилий: Воронцовых, Трубецких, Голицыных, а также литераторов и историков (А.П. Сумароков, князь Щербатов, Болтин, Ф. Мамонов, П.С. Свистунов и другие). Наконец, в правление Екатерины II, способствовавшей распространению масонства в России, а также наполнению его "религиозно-нравственным содержанием", "иностранное, заимствованное учение укоренилось на русской почве"⁷⁸.

По мнению Симмонса, масонство играло "заметную роль в социальном и интеллектуальном развитии" России. С Великой Лондонской Ложей был заключен союз, и российские делегации стали направляться в Англию для участия в совместных конференциях. Большой вклад в распространение масонства в России внесли Новиков и Шварц. "Поскольку это движение было по своему характеру космополитичным, – утверждал ученый, – то через контакты с западноевропейским масонством Россия воспользовалась плодами просвещенного иностранного влияния"⁷⁹.

Усилия российских монархов, царствующих на престоле в XVIII в. (и не только Петра I и Екатерины II), направленные на "ев-

ропеизацию" русского народа, постепенно начинали приносить свои плоды. Французский посол Сегюр, проживавший в России с 1785 по 1789 г., свидетельствовал: "С полвека уже все привыкли подражать иностранцам – одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы. Все, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно. Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творчеством известнейших романистов Франции, Италии, Англии... Обычаи, введенные Екатериной, придали такую приятность жизни петербургского общества, что изменения, произведенные временем, могли только вести к лучшему"⁸⁰. Естественно, что обращение к западноевропейским образцам предусматривало исключительно позитивные их характеристики, что не могло не привести к искажению объективной картины представления о Западе и его культуре в целом. Как справедливо утверждала Л. Черная: "мифологизированный Запад стал образцом для подражания, школой цивилизованного бытия, собранием идеальных человеческих типов. Это был, конечно же, искаженный, но цельный и привлекательный образ, повлиявший на формирование не одного поколения российских дворян"⁸¹.

Глубоко укоренившееся при Екатерине II западное влияние во многих сферах культурной жизни российского общества способствовало также исчезновению столь распространенного в петровские времена явления, как ксенофобия. Теперь иностранцы, свидетельствовал Сегюр, "принимаются в России с самым внимательным гостеприимством"⁸². Более того, преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты. Дело порой доходило до того, что великосветское общество начинало презирать все русское⁸³. Дипломат екатерининской эпохи граф А. Воронцов свидетельствовал: "Россия – единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка и всего, что касается страны, в которой люди родились на свете... Те жители Петербурга и Москвы, которые считают себя людьми просвещенными, заботятся о том, чтобы их дети знали французский язык, окружают их иностранцами, дают им дорогостоящих учителей танцев и музыки, но не учат их родному языку, так что это прекрасное и доброго стоящее воспитание ведет к совершенному незнанию родины, к равнодушию и даже презрению к стране, с которой неразрывно связано наше существование, и к привязанности ко всему, что касается нравов чужих стран"⁸⁴. Ключевский отмечал, что западное влияние проникало глубоко не в народ, но в верхние классы общества, где постепенно

приобретало господствующее положение, и в этом историк справедливо усматривал разрушение цельности "нравственного состава общества". Более того, преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической российской элиты⁸⁵.

Однако и пропитавшись западной культурой, и провозгласив себя европейским государством, Россия, в глазах европейцев, таковой отнюдь не стала. Запад по-прежнему продолжал видеть в ней "варварскую страну". И даже в дворянах "под покровом европейского лоска" французский посол усматривал немало таких, кто "по разговору, наружности, привычкам, невежеству и пустоте своей принадлежали скорее времени бояр, чем царствованию Екатерины"⁸⁶. Петербург представлялся французу городом, который сочетал в себе одновременно "просвещение и варварство", блестящее дворянство и невежественную толпу. Не лучшим было мнение о русских людях и у английского посла Дж. Маккартни. "Наша ошибка по отношению к ним состоит в том, что мы считаем их народом образованным и так и относимся к ним, — писал посланник. — Между тем они нисколько не заслуживают подобного названия... Ни один из здешних министров не понимает латинского языка, и весьма немногие знакомы с общими основаниями литературы"⁸⁷. Британский историк Андерсон отмечал, что хотя англичане относились к екатерининской России с уважением, восхищением, а порой и с опаской, чего не бывало при Петре I, однако они по-прежнему были далеки от мысли рассматривать русский народ как цивилизованный, и никакие, даже самые блестящие достижения царицы не могли переменить их мнения в том, что Россия являлась действительно европейской державой⁸⁸.

Русофобские настроения особенно усилились в Британии в 1790-е годы, после раздела Польши, в котором участвовала Россия. Естественно, что подобные отношения западных держав к России не могло нравиться Екатерине II. По свидетельствам Сегюра, императрица знала, что многие иностранцы считали Россию страной бедной, азиатской, погрязшей в невежестве и "во мраке варварства" и намеренно не отличали "обновленную, европеизированную Россию от азиатской и необразованной Московии"⁸⁹. Подобное отношение к России со стороны иностранцев раздражало императрицу. Об одном из таких недоброжелателей — французском публицисте Мерсье де ла Ривьера Екатерина II с сарказмом сказала: "Он полагал, что мы ходим на четвереньках, и был так любезен, что потрудился приехать из Мартиники, чтобы учить нас ходить на двух ногах"⁹⁰.

Далеко недружественным сделалось отношение императрицы и к англичанам, особенно после того, как Россия отказалась выступить в качестве "естественного союзника" Великобритании в ее войне с североамериканскими колониями. Екатерина II не скрывала

своего раздражения союзниками. В своей корреспонденции она неслестно отзывалась о правящем в ту пору Георге III как о "самом ехидном короле", который управляется "мелкими личными страстями, а не государственным и национальным интересом". А в письме к князю Г.А. Потемкину императрица без всякого стеснения высказывала надежду на близкую кончину короля Великобритании, заболевшего горячкой. "Теперь английский король умирает, – писала она, – и если он околеет, то авось... удастся с его сыном.. установить лад"⁹¹. Столь негативные высказывания Екатерины II по адресу англичан объяснялись ухудшением дипломатических отношений между Великобританией и Россией, вызванных не только отказом императрицы поддержать Великобританию в борьбе с ее американскими колониями, но и принятием Россией в феврале 1780 г. декларации о "вооруженном нейтралитете". На взгляд французского министра Вержени, эта декларация Екатерины II "посеяла семена раздора" между странами⁹². Англичане же не желали смириться с властью огромной морской державы на Востоке. В результате подобной политики обеих держав в последние годы царствования Екатерины II в отношениях между странами наступила полоса охлаждения, сопровождавшаяся новым приступом русофобии в Великобритании и неприкрытым недовольством англичанами со стороны российской императрицы и ее двора.

Подводя итоги, можно заключить следующее. Западное влияние в культурной жизни постпетровской России в целом заметно прогрессировало. В правление Екатерины II в среде правящей элиты особенно ощутимую роль играла французская культура. Ее воздействию во многом оказалась подвержена и сама императрица. В этой связи утверждения ряда историков об англомании (даже "широко распространенной англомании") и англофильстве, якобы господствовавших в России при Екатерине II, нам представляется мало убедительными. Ведь в ту пору в нашей стране даже среди дворянства было еще слишком незначительно число таких представителей, которые бы владели английским языком и настолько были знакомы с историей, культурой, государственным устройством Англии, чтобы по достоинству их оценить и начать подражать им. Таким образом, ни особого преклонения перед всем английским, ни стремления какой-либо части общества поддерживать во всем английские интересы (англомания и англофильство по Ожегову) и уж тем более никакого перенесения элементов английского стиля жизни на русскую почву (трактовка Потемкиной) в правление Екатерины II в России нам обнаружить не удалось. Более оправданной, на наш взгляд, является концепция Ерофеева, связывавшего зарождение англомании в российском обществе с Отечественной войной 1812 г.

Вместе с тем мы не склонны сбрасывать со счетов факта улучшения отношений между Великобританией и Россией в первые деся-

тилетия правления Екатерины II и как следствие этого процесса – распространения британской культуры в России, преимущественно через просветительскую литературу, образовательные программы и деловые контакты. Как бы то ни было, но знакомство российского общества с западной культурой, с одной стороны, обогащало его достижениями передовой науки, техники, знаниями прогрессивной общественно-политической мысли, а с другой – способствовало расколу самого общества. Западное влияние распространялось по преимуществу на высшие слои общества, основная же его часть по-прежнему оставалась верна своим историческим корням – вере, традициям и укладу жизни. Как справедливо отмечал известный ученый XIX в. Н.Я. Данилевский, насильственный переворот русской жизни на иностранный лад, "европейничанье", по его меткой характеристике, начавшийся при Петре I, привел к расколу народа на два слоя: "Низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости"⁹³. И подобный раскол российского общества (по большей части в силу западного влияния) в последующие столетия не только не был преодолен, но еще больше углубился, что и послужило в конечном счете одной из причин, приведших к трагическим событиям 1917 г.

¹ *Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. 8, 16–17, 207; *Horn D.* Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 213; *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 292–293; *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 11; *Потемкина Е.В.* Истоки русской англomanии в середине XVIII в. // Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994.

² *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953. С. 19.

³ *Потемкина Е.В.* Указ. соч. С. 150.

⁴ *Боборыкин П.* Английское влияние в России // Северный вестник. СПб., 1895. № 10. С. 179–180.

⁵ *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 52–53.

⁶ *Simmons E.J.* Op. cit. P. 8, 16–17, 23, 83, 207.

⁷ Russian-British Links. Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002 (Далее: Russian-British Links); *Анисова И.Л.* Идеи ранних английских просветителей Р. Стиля – Дж. Аддисона и русские нравоучительные журналы 50–60-х годов XVIII века. Канд. дис. М., 2002; *Петтинова Е.Ф.* "Во дни Екатерины...". СПб., 2002; *An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdale, 1781.* Cambridge, 1989.

⁸ *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958. P. 108.

⁹ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1964. С. 23–25.

¹⁰ *Anderson M.S.* Op. cit. P. 109.

¹¹ *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 13.

- ¹² Kryatova D. British Merchants in Russia in the 18-th Century // Russian-British Links. P. 115, 117.
- ¹³ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 234–235.
- ¹⁴ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. М., 1989. Т. IV. С. 272, 244, 274; Он же. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 268.
- ¹⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 125.
- ¹⁶ Simmons E.J. Op. cit. P. 66.
- ¹⁷ Ibid. P. 67.
- ¹⁸ Ключевский В.О. Соч. Т. V. М., 1989. С. 149.
- ¹⁹ Horn D. Op. cit. P. 203.
- ²⁰ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 235; Anderson M.S. Op. cit. P. 124.
- ²¹ Ключевский В.О. Соч. Т. IV. С. 321.
- ²² Цит. по: Стегний П.В. Хроники времен Екатерины II. М., 2001. С. 65.
- ²³ Simmons E.J. Op. cit. P. 67.
- ²⁴ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 134.
- ²⁵ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 17.
- ²⁶ Anderson M.S. Op. cit. P. 101.
- ²⁷ Horn D. Op. cit. P. 213.
- ²⁸ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 258.
- ²⁹ Кросс Э. Указ. соч. С. 299.
- ³⁰ Ключевский В.О. Соч. Т. V. С. 29.
- ³¹ Анисимов Е. Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 283–284.
- ³² Ключевский В.О. Соч. Т. V. С. 29.
- ³³ См.: Златопольская А.А. Проблема общественного договора в зеркале русской мысли века Екатерины (восприятие идей Руссо и Монтескье) // Екатерина Великая: эпоха российской истории. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 72–73; Борзова Е.П., Новиков А.И. Дени Дидро и Екатерина II // Там же. С. 84–86; Осипов И.Д. Философия власти Екатерины II. "Дух законов" Монтескье и "Наказ" // Там же. С. 86–87.
- ³⁴ Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра. С. 46.
- ³⁵ Сборник императорского русского исторического общества (Далее: СИРИО). СПб., 1880. Т. 27. С. 157.
- ³⁶ Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 412.
- ³⁷ Стегний П.В. Указ. соч. С. 31.
- ³⁸ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 413.
- ³⁹ СИРИО. СПб., 1873. Т. 10. С. 31.
- ⁴⁰ Кобеко Д.Ф. Екатерина II и Жан Жак Руссо // Исторический вестник. М., 1883. Т. 20. С. 603, 610–611.
- ⁴¹ Анисимов Е. Указ. соч. С. 302.
- ⁴² Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра. С. 55.
- ⁴³ Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729–1796). С. 252.
- ⁴⁴ Ключевский В.О. Соч. Т. V. С. 159.
- ⁴⁵ Скаун А.А. Галломания и галлофобия в екатерининской России // Екатерина Великая: эпоха российской истории. С. 208.
- ⁴⁶ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 342.
- ⁴⁷ Материалы для России Британского музея в Лондоне // Чтения в император-

- ском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870. Кн. 3. С. 40–41.
- 48 *Ключевский В.О.* Соч. Т. V. С. 21–22.
- 49 СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 209.
- 50 *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 352.
- 51 *Kryatova D.* Op. cit. P. 116–117, 119, 121.
- 52 *Ibid.* P. 121.
- 53 СИРИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 275, 309–310, 355.
- 54 *Кросс Э.* Указ. соч. С. 197.
- 55 *Simmons E.J.* Op. cit. P. 94.
- 56 *Тычинина Л.В.* Великая россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002. С. 54.
- 57 Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1775. Ч. 2. С. 106.
- 58 *Кросс Э.* Указ. соч. С. 293.
- 59 *Simmons E.J.* Op. cit. P. 97–98.
- 60 *Davydova I.* British Governess and Tutors in Russia in the 18-th – Early 20-th Centuries // *Russian-British Links*. P. 49.
- 61 *Вигасин А.А., Прокопович М.В.* Книжное собрание Екатерины Великой в фондах библиотеки Московского университета // *Екатерина Великая: Эпоха российской истории*. С. 24–25.
- 62 *Левин Ю.Д.* Указ. соч. С. 47–49.
- 63 *Simmons E.J.* P. 103–104.
- 64 *Ibid.* P. 135, 139, 145–146, 318.
- 65 *Анисова И.Л.* Социальная этика просветителей XVIII в. (по материалам журналов Р. Стиля, Дж. Аддисона и Н. Новикова) // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 2000. № 2. С. 50–60.
- 66 См.: *Макогоненко Г.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.; Л., 1951. С. 151–157; *Дербов Л.А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974. С. 168, 171; *Моряков В.И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994. С. 108–115.
- 67 *Анисова И.Л.* Использование компаративного метода при изучении культуры эпохи Просвещения: (К постановке проблемы) // *Проблемы изучения и преподавания истории в школе и вузе. Тезисы всероссийской научно-практической конференции*. Рязань, 1998. С. 9.
- 68 *Raeff M.* On the Heterogeneity of the Eighteenth Century in Russia // *Russia and the World of the Eighteenth Century*. Columbus, 1988. P. 671.
- 69 *Simmons E.J.* Op. cit. P. 91–92.
- 70 *Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Ч. 1: От Петра I до Екатерины II (1698–1761 гг.)*. М., 1914. С. 390–391.
- 71 Цит. по: *Петтинова Е.Ф.* Указ. соч. С. 48.
- 72 *Майков П.М.* Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 250–252, 265.
- 73 Там же. С. 278.
- 74 СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 226.
- 75 *Raeff M.* Op. cit. P. 669.
- 76 *Home R.W.* Scientific Links Between Britain and Russia in the Second Half of the Eighteenth Century // *Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. Contacts and Comparisons*. Newtonville, 1979. P. 212–224.
- 77 См.: *Лабутина Т.Л., Ботова Н.А.* Россия в эпоху Екатерины Великой глаза-

- ми английской аристократки (По материалам "Дневника баронессы Димсдейл") // Екатерина Великая: Эпоха российской истории. С. 174–177.
- ⁷⁸ *Петинова Е.Ф.* Указ. соч. С. 316–317.
- ⁷⁹ *Simmons E.J.* Op. cit. P. 95.
- ⁸⁰ *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 329.
- ⁸¹ *Черная Л.* Образ "Запада" в русской культуре XI–XVII вв. // Россия и Запад. Диалог или столкновение культур? (Сб. статей). М., 2000. С. 44.
- ⁸² *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 337.
- ⁸³ *Ключевский В.О.* Императрица Екатерина II. С. 270.
- ⁸⁴ *Русский быт по воспоминаниям современников.* С. 390.
- ⁸⁵ *Ключевский В.О.* Западное влияние в России после Петра. С. 13.
- ⁸⁶ *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 327.
- ⁸⁷ СИРИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 248–249.
- ⁸⁸ *Anderson M.S.* Op. cit. P. 102, 105, 142.
- ⁸⁹ *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 408.
- ⁹⁰ Там же. С. 412.
- ⁹¹ СИРИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 427, 532–533.
- ⁹² *Сегюр Л.Ф.* Указ. соч. С. 352.
- ⁹³ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995. С. 225–226, 232.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха Просвещения внесла неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Философия, литература, искусство Века Разума подарили миру целую плеяду ярких и оригинальных мыслителей в ряде стран Европы и Америки. Наиболее значительно на развитии международной культуры сказалось влияние английских просветителей. И дело даже не только в том, что они стали "первооткрывателями" многих идей, теорий, концепций, положенных в основу идеологии просветительского движения, на несколько десятилетий опередив своих "классических" коллег из Франции. Наиболее важным, на наш взгляд, является то, что англичане создали ту модель либеральной демократии, которая и поныне представляет собой эталон для подражания во многих странах мира.

Обращаясь к публицистике видных деятелей английского Просвещения, диву даешься, сталкиваясь с тем, что практически все они, как литераторы, так и политики, обсуждали на страницах своих произведений одни и те же вопросы. Проблемы происхождения государственной власти и формы правления, "разделения" и "равновесия властей", сопротивления тирании, гражданские и личностные свободы – все это находило свое отражение в полемике идеологов английского просветительского движения. Между тем подобные сюжеты в публицистике деятелей культуры и властных структур не были случайностью, напротив, их появление диктовалось объективными реалиями исторического развития страны. Славная революция 1688–1689 гг. привела к власти новый класс – буржуазию, которая вместе с обуржуазившейся аристократией начала создавать собственную, оригинальную, нигде прежде не использованную форму правления – конституционную монархию. Новый строй нуждался не только в конституционном оформлении, пропаганде его преимуществ, но и защите от возможных нападков как со стороны внутренних врагов (сторонников свергнутого легитимного правителя Якова II Стюарта – якобитов и народных низов), так и внешних (в первую очередь католической Франции). Важная роль в этом процессе отводилась идеологической обработке общественного мнения Великобритании, в которой ведущее место принадлежало деятелям культуры,

прежде всего литераторам. Власть придирчиво отбирали самых талантливых и известных из них, приглашали к себе на службу, щедро оплачивая их нелегкий труд чинами, должностями, деньгами. Нельзя сказать, чтобы деятели культуры становились слепым орудием в политике власть предержащих. Большинство из них сознательно сотрудничало с властями, отрабатывая "словом и пером" правительственные заказы (особенно наглядно это видно на примере Д. Дефо и Дж. Свифта), поскольку сами они принадлежали к тем социальным слоям (отстаивающим "денежные" и "земельные" интересы), которые стояли у руля правления. Нередко просветители делали это из принципиальных соображений (к примеру, Р. Стиль), но чаще всего руководствуясь классовыми, либо меркантильными соображениями. Когда же власти отказывались от услуг наемных литераторов, и те, что называется, оставались "не у дел", тогда-то просветители переходили в стан оппозиции и принимались обличать во всех смертных грехах своих вчерашних "хозяев". Захватнические войны, доведение народа до нищеты, коррупция чиновников, некомпетентность высших должностных лиц и их низкие моральные качества — все это становилось предметом острой критики просветителей, благодаря которой они широко прославились на века не только в своей стране, но и далеко за ее пределами.

Между тем подобная обличительная критика просветителей не была бы возможной, если бы в Англии после Славной революции не удалось достигнуть свободы слова. Несмотря на ограниченность (она, как правило, распространялась не просто на представителей имущих слоев, но исключительно на власть предержащих), именно свобода слова, наряду с партийной оппозицией, позволяли не только совершенствовать конституционное устройство страны, но и знакомить с его достижениями как прогрессивно мыслящих людей, так и политическую элиту ряда стран Европы и Америки.

Наиболее ощутимо английское влияние сказалось на развитии политической культуры Франции. Если в XVII в. Франция практически не имела культурных контактов с Англией (английский язык был слабо распространен в стране), поскольку французы были склонны видеть в англичанах "варваров", "злодеев", "цареубийц", часто вспоминая о казни их короля Карла I, то после отмены Нантского эдикта подобное положение вещей резко изменилось. Именно Англия приютила тысячи французов-гугенотов, бежавших в поисках политической и религиозной безопасности из своей страны. Эти люди и стали первыми популяризаторами преимуществ государственного устройства англичан, их либеральных идей, достижений в науке, философии, литературе, образовании, которыми по праву гордилась в ту пору Британия. Но особенную славу Англии в своей стране создали, конечно же,

французские просветители. Благодаря трудам Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо во Франции началась англomania. В 1763 г. английский просветитель Гиббон свидетельствовал: "Наши взгляды, наши моды, даже наши игры приняты во Франции... Каждый англичанин, считается у них, рождается патриотом и философом"¹. Преклонение перед английской культурой вскоре распространилось и в ряде других стран, прежде всего в Германии и России.

Западноевропейское, и не в последнюю очередь британское влияние в России в XVIII в. было особенно ощутимым. Заимствования элементов западной культуры в нашей стране осуществлялись, в отличие от других государств, насильственным путем, что называется, "сверху". Именно российские монархи, многие из которых сами являлись по рождению иностранцами, принудительно прививали чужеродную культуру русскому народу, стремясь через реформы добиться его "европеизации". Наиболее опасной для судьбы России сделалась "болезнь европейничания" в ее внешней политике, о чем подробно писал Н.Я. Данилевский в книге "Россия и Европа". Анализируя данную концепцию ученого XIX в., Б.П. Балувев отмечал: "Главный порок внешнеполитической деятельности России Данилевский видит в том, что она совершенно не адекватна внешней политике Европы по отношению к России. Российская политика, по его мнению, несамостоятельная, заискивающая перед западными державами и даже в отдельные моменты трусливая. Россия в ущерб себе пытается играть альтруистическую роль, записываясь во время конфликтов, в том числе и военных, в союзники то к одной европейской стране или группировке стран, то к другой. А проистекает такая политика, полагает Данилевский, "от тщеславно-унизительного желания втереться в члены древней и славной европейской семьи и от жалкого самообольщения, будто нас в нее приняли". И это в то время, как Европа проводила по отношению к России стабильно враждебную политику. Во всех исторических обстоятельствах... Европа не меняла своего мнения о России и своего отношения к ней»².

Обращение к теме взаимодействия власти и культуры в эпоху Просвещения позволило выделить еще одну ее характерную черту – актуальность. Политическая борьба партий, пронизывавшая все общество раннебуржуазной Англии, отчетливо выявила многие присущие ему негативные явления. Коррупция в высших эшелонах власти, многочисленные злоупотребления в избирательных компаниях, лоббирование частных или групповых интересов в парламенте, использование правительством прессы с целью манипулирования общественным мнением, некомпетентность ряда высших чиновников и их низкий моральный облик, наконец, двойной стандарт, занявший прочное место в идеологии и политике власть предержа-

щих – все это обличали английские просветители. С этими же пороками, недостатками и злоупотреблениями политической структуры буржуазного государства сталкиваются ежедневно наши современники, стоит им взять в руки газету или включить телевизор. Как видно, идеология и политика буржуазии за три столетия мало пертерпела изменений. Остается только сожалеть, что и Россия, вступив сегодня на буржуазный путь развития, вынуждена также страдать от подобных издержек либеральной демократии: приобщение к европейским и "общечеловеческим" ценностям требует жертв. "Европеизация" русского народа, начатая в предшествующие столетия, продолжается.

¹ Цит. по: *Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. 81.

² *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа". Тверь, 2001. С. 259.

ИСТОЧНИКИ

- Аддисон Д.* Катон. СПб., 1804.
- Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987.
- Английские материалисты XVIII в. М., 1961. Т. 1.
- Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981.
- Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991.
- Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
- Вольтер.* Избранные произведения. М., 1947.
- Вольтер.* Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма. В 2 т. М., 1961.
- Вольтер.* История Российской империи в царствование Петра Великого. М., 1809. Ч. 1. Кн. 2.
- Вольтер.* Философские сочинения. М., 1988.
- Дубашинский И.А.* Памфлеты Свифта. Рига, 1968.
- Из истории английской эстетической мысли XVIII века (Поп, Аддисон, Джерард, Рид). М., 1982.
- Избранные листки из английского "Зрителя" и некоторых других периодических изданий того же рода. М., 1833–1836. Кн. I–IV.
- Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
- Локк Д.* О государстве. СПб., 1902.
- Локк Д.* Избранные философские произведения. М., 1960. Т. I–II.
- Локк Д.* Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913.
- Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974.
- Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955.
- Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
- Петр Великий в его изречениях. М., 1991.
- Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
- Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989.
- Россия при Петре Великом, по рукописному известию И.Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874.
- Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990.
- Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914.
- Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М., 1969.
- Руссо Ж.Ж.* Педагогические сочинения. М., 1981.
- Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1871–1888. Т. 7, 10, 12, 13, 27, 39, 50, 61.
- Свифт Дж.* Памфлеты. СПб., 1881.
- Свифт Дж.* Памфлеты. М., 1955.
- Свифт Дж.* Путешествия Гулливера. М., 1976.
- Свифт Дж.* Сказка бочки. М., 1976.
- Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981.

Темплъ В. Опыт о народных недовольствах. СПб., 1778.
 Толанд Д. Избранные сочинения. М., 1927.
 Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры. М., 1978.
 Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870. Кн. 3.

Addison's Essay from the Spectator. L.
 Addison J. The Free-Holder or Political Essay. L., 1751.
 Addison J. The Spectator. L., 1777.
 [Addison J.] Selections from "The Tatler" and "The Spectator". N.Y., 1957.
 Bolingbroke H.St. Letters on the Spirit of Patriotism. L., 1757.
 Bolingbroke H. A Dissertation upon Parties. L., 1786.
 Bolingbroke H. A Letter to Sir William Windham. L., 1787.
 Bolingbroke H. A Collection of Political Tracts. L., 1748.
 Britain and Russia in the Age of Peter the Great. Historical Documents. L., 1998.
 Calendar of State Papers Domestic Series. L., 1894–1913. Vol. II.
 Cato. A Tragedy by Mr. Addison. L., 1725.
 A Collection of State Tracts. L., 1705. Vol. I.
 The Complete Works of George Savile First Marquess of Halifax. Oxford, 1912.
 A Defense of the Crisis, Written by R. Steele. L., 1714.
 Defoe D. A Letter to a Dissenter from His Friend at the Hague, Concerning the Penal Laws and the Test Showing that the Popular Plea for Liberty of Conscience Is Not Concerned in That Question. L., 1688.
 Defoe D. An Argument Showing that a Standing Army with Consent of Parliament Is Not Inconsistent with a Free Government. L., 1698.
 Defoe D. The Succession to the Crown of England, Considered. L., 1701.
 [Defoe D.] Advice to All Parties by the Author of the True-Born Englishman. L., 1705.
 [Defoe D.] The History of the Union of Great Britain. Edinburgh, 1709.
 [Defoe D.] A Review. L., 1709. Vol. 6.
 Defoe D. The Judgment of Whole Kingdoms and Nations Concerning the Rights, Power and Prerogative of Kings and the Rights, Privileges and Properties of the People. L., 1710.
 Defoe D. A Speech Without Doors. L., 1710.
 Defoe D. The Candidate: Being a Detection of Bribery and Corruption As It Is Just Now in Practice All Over Great Britain in Order to Make Members of Parliament. L., 1715.
 Defoe D. A Hymn to the Mob. L., 1715.
 Defoe D. The Alteration in the Triennial Act Considered. L., 1716.
 Defoe D. An Essay upon Projects. L., 1887.
 Defoe D. The Shortest Way with Dissenters // Famous Pamphlets. L., 1890.
 Defoe D. A Plan of the English Commerce Being a Complete Prospect of the Trade. Oxford, 1927.
 Defoe's Review. Vol. III. N.Y., 1938.
 Defoe D. An Essay on the Regulation of the Press // Luttrell Reprints. Oxford, 1948.
 Educating the Audience. Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture. Los Angeles, 1984.
 The Eighteenth-Century Constitution 1688–1815. Documents and Commentary. Cambridge, 1960.
 An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elizabeth Dimsdail, 1781. Cambridge, 1989.
 The Examiner. L., 1712.

- Foxcroft H.C.* The Life and Letters of Sir George Savile, Bart., First Marquis of Halifax: In 2 vols. L., 1898.
- The Free-Holder, or Political Essays. By the Right Honorable Joseph Addison, Esq. L., 1751.
- Gay J.* The Present State of Wit, in a Letter to a Friend in the Country. L., 1711.
- King G.* Two Tracts. Baltimore, 1936.
- The Letters of Daniel Defoe. Oxford, 1955.
- The Letters of Joseph Addison. Oxford, 1941.
- The Medleys for the Year 1711 to Which Are Prefixed the Five Whig-Examiners. L., 1712.
- The Novels and Miscellaneous Works of Daniel Defoe. L., 1890. Vol. 6.
- Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066 to the Year 1803 / Ed. W. Cobbett. L., 1810. Vol. 6.
- Patriarcha and Other Political Works of Sir Robert Filmer. Oxford, 1949.
- The Prose Works of Jonathan Swift. Vols. 4–7. Oxford, 1951–1957.
- Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives. Cambridge, 1998.
- Selected Writings of Daniel Defoe / Ed. J. Boulton. Cambridge, 1975.
- Selections of Moral Essays, from the Works of the Celebrated Mr. Addison, for the Use of Families and Schools. L., 1823.
- Spectator. L., 1950. Vol. III.
- Steele R.* The Crisis or a Discourse Representing the Just Causes of the Late Happy Revolution. L., 1714.
- [*Steele R.*] A Speech Supposed to Be Spoken by R. Steele, Esq. at the Opening This Present Parliament. L., 1714.
- Steele R.* Sir Roger De Coverley. Essays from "The Spectator". Boston, 1892.
- Steele's Selections from the Tatler, Spectator and Guardian. Oxford, 1896.
- Steele R.* The Englishman. A Political Journal by Richard Steele. L., 1955.
- Steele R.* Periodical Journalism. 1714–1716. Oxford, 1959.
- Swift J.* Bickerstaff Papers and Pamphlets on the Church. Oxford, 1940.
- Swift J.* The Examiner and Other Pieces Written in 1710–1711. Oxford, 1940.
- Swift J.* Political Tracts. 1711–1713. Oxford, 1951.
- Temple Sir William. Five Miscellaneous Essays. An Arbor, 1963.
- Tracts and Pamphlets by Richard Steele. Baltimore, 1944.
- A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman: In 2 vols. L., 1703–1705.
- Wilson W.* Memories of the Life and Times of Daniel Defoe, Containing a Review of His Writings and His Opinions upon a Variety of Important Matters Civil and Ecclesiastical. L., 1830.
- The Works of Lord Bolingbroke with a Life. L., 1754.
- The Works of Jonathan Swift: In 2 vols. L., 1843–1856.
- The Works of the Late Right Honorable Joseph Addison, Esq. Vol. 4. Birmingham, 1761.
- The Works of Sir William Temple: In 4 vols. Edinburgh, 1754.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникст А.* Даниель Дефо. Очерк жизни и творчества. М., 1957.
- Анисимов Е.* Время петровских реформ. Л., 1989.
- Анисимов Е.* Женщины на российском престоле. СПб., 1997.
- Анисов Л.* Восшествие на престол. Борьба латинских иезуитов и протестантов за Московский православный престол. М., 2000.

- Анисова И.Л. Идеи ранних английских просветителей Р. Стиля, Дж. Аддисона и русские нравоучительные журналы 50–60-х годов XVIII века. Канд. дис. М., 2002.
- Балуев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа". Тверь, 2001.
- Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк // *Болингброк. Письма об изучении и пользе истории.* М., 1978.
- Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1.
- Бильбасов В.А. Россия и Англия в XVIII веке // *Русская старина.* СПб., 1893. Т. 80.
- Боборыкин П. Английское влияние в России // *Северный вестник.* СПб., 1895. № 10.
- Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989.
- Веселовский А.И. Джонатан Свифт, его характер и сатира. М., 1875.
- Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916.
- Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // *Новая и новейшая история.* 2001. № 3.
- Вызинский Г. Англия в XVIII столетии. СПб., 1860.
- Гуревич А.Я. Культура и история // *Новая и новейшая история.* 1991. № 1.
- Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов, 1979.
- Данилевский И.Я. Россия и Европа. Изд. 6-е. СПб., 1995.
- Дейч А. Свифт. М., 1933.
- Доттен П. Жизнь и приключения Даниеля Дефо, автора Робинзона Крузо. М.; Л., 1926.
- Екатерина Великая. Эпоха российской истории. СПб., 1996.
- Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М., 1982.
- Изучение культур славянских народов. М., 1987.
- История Европы. М., 1994. Т. 4.
- История мировой культуры. М., 1998.
- Каменский А.Б. От Петра до Павла. М., 1999.
- Кардаш Е.Ю. Культура и ее назначение в обществе. Обнинск, 1995.
- Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
- Кларк П. Время, пространство и социальный диалог: Социальные изменения в британских городах в XVIII веке // *Социальная история. Ежегодник.* 1997. М., 1998.
- Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // *Ключевский В.О. Соч.* В 9 т. М., 1989. Т. IV.
- Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
- Кобеко Д.Ф. Екатерина II и Жан-Жак Руссо // *Исторический вестник.* М., 1883. Т. 20.
- Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.
- Культура и цивилизация. Вопросы теории и истории. Н. Новгород, 1998.
- Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681 гг.). М., 1982.
- Лабутина Т.Л. Даниель Дефо, автор "Робинзона Крузо". Его общественно-политические взгляды // *Новая и новейшая история.* М., 1986. № 1.
- Лабутина Т.Л. Свифт и Темпл. Из истории раннего английского Просвещения // *Новая и новейшая история.* 1994. № 2.

- Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М., 1994.
- Лабутина Т.Л. "Консерватор" Свифт и "реформатор" Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11–12.
- Лабутина Т.Л. Идейное наследие английского Просвещения в творчестве энциклопедистов Франции // Человек эпохи Просвещения. М., 1999.
- Лабутина Т.Л. Георг Севиль Галифакс // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
- Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2002.
- Лабутина Т.Л. Восприятие английской культуры в России в эпоху Петра I // Вопросы истории. 2002. № 9.
- Лабутина Т.Л. Была ли Екатерина II англофилом? (К вопросу о "вестернизации" политической элиты России) // Вопросы истории. 2003. № 9.
- Лазурский В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Из истории английской журналистики XVIII века. Одесса, 1909–1916. Т. 1–2.
- Левидов М. Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях. М., 1964.
- Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.
- Майков П.М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904.
- Маколей Т. Рассказы из истории Англии. СПб., 1858.
- Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. СПб., 1861. Т. IV.
- Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001.
- Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- Мейендорф А. Англичане XVII и XVIII столетий о русских и о России // Сборник статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925.
- Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986.
- Мортон А. История Англии. М., 1950.
- Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994.
- Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914.
- Муравьев В.С. Джонатан Свифт. М., 1968.
- Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
- Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984.
- Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I.
- Петтинова Е.Ф. "Во дни Екатерины...". СПб., 2002.
- Петр Великий. М.; Л., 1947.
- Петр Великий – реформатор России. М., 2001.
- Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925.
- Потемкина Е.В. Истоки русской англomanии в середине XVIII века // Мавродинские чтения. Материалы к докладам. СПб., 1994.
- Розанов М.Н. История литературы эпохи Просвещения в Англии и Германии. М., 1914.
- Рубинштейн Е.Б., Иерусалимская Е.В. Болингброк – политик и мыслитель // Просветительское движение в Англии. М., 1991.
- Рубинштейн Е.Б. Общественно-политические взгляды лорда Болингброка. Кустанай, 1995.
- Савельева Е.А. Русско-английские книжные связи петровского времени // Философский век. Альманах 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения. СПб., 2002.
- Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978.

- Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. 10.
- Стегний П.В. Хроники времен Екатерины II. М., 2001.
- Теккерей У. Английские юмористы XVIII века // Теккерей У. Собр. соч. М., 1977. Т. 7.
- Треvelьян Дж. Социальная история Англии. М., 1959.
- Треvelьян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001.
- Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли или история одной невероятной карьеры. М., 1993.
- Туполева Л.Ф. Английский просветитель Джонатан Свифт и Ирландия // Проблемы британской истории. М., 1984.
- Тычинина Л.В. Великая россиянка. Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002.
- Урнов Д.М. Дефо. М., 1978.
- Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.
- Человек как субъект культуры. М., 2002.
- Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- Черная Л. Образ "Запада" в русской культуре XI–XVII вв. // Россия и Запад. Диалог или столкновение культур? (Сб. статей). М., 2000.
- Черняк Е.Б. Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975.
- Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Изд. 4-е. М., 1985.
- Чуйко В.В. Свифт. СПб., 1881.
- Яковенко В.И. Д. Свифт. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891.
- Adams D.P. Tudors and Stuarts. 1485–1714. L., 1962.
- Addison and Steele. The Critical Heritage. L., 1980.
- Aitken G.A. The Life of Richard Steele. L., 1889. Vols. 1–2.
- Allen R. The Clubs of Augustans. L., 1933.
- Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. L., 1958.
- Bateson W. Relations of Defoe and Harley // English Historical Review. 1900. Vol. 15.
- Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century. 1660–1744. L., 1948.
- Beranger J. Les Hommes de Lettre et la Politique en Angleterre de la Revolution de 1688 a la Mort de George I. Bordeaux, 1968.
- Bloom E.A. Educating the Audience: Addison, Steele and Eighteenth-Century Culture. Los Angeles, 1984.
- Britain in the First Age of Party. 1680–1750. L., 1987.
- Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. L., 1978.
- Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
- Carswell J. From Revolution to Revolution. England 1688–1776. N.Y., 1973.
- Cooke R.J. Swift as a Tory Pamphleteer. University of Washington Press, 1967.
- Courthope W.J. Addison. L., 1884.
- Culture and Politics from Puritanism to the Enlightenment / Ed. P. Zagorin. Berkeley, 1980.
- Curtes L.A. The Elusive Daniel Defoe. L., 1984.
- Davis H. Jonathan Swift. Essays on His Satire and Other Studies. N.Y., 1964.

- Downie J. Jonathan Swift Political Writer. L., 1984.
- Earle P. The World of Defoe. L., 1976.
- Ehrenpreis I. Swift. The Man, His Works and Age: In 3 vols. Cambridge, 1962–1983.
- The Enlightenment in National Context / Ed. R. Porter, M. Teich. Cambridge, 1981.
- The Enlightenment: The Proper Study of Mankind / Ed. N. Capaldi. N.Y., 1967.
- Faber R. The Brave Courtier Sir William Temple. L., 1983.
- Fiather J. The Power of Print. Word and Image in Eighteenth-Century England // Culture and Society in Britain 1660–1800. Manchester, 1977.
- Fitzgerald B. Daniel Defoe. A Study in Conflict. L., 1954.
- Forster J. The Life of Jonathan Swift. L., 1875.
- George M.D. England in Transition. Life and Work in the Eighteenth Century. Baltimore, 1962.
- Gold M.B. Swift's Marriage to Stella. N.Y., 1967.
- Goldgar B. The Curse of Party. Swift's Relations with Addison and Steele. Lincoln, 1961.
- Gooch G.P. Political Thought in England from Bacon to Halifax. L., 1915.
- Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. Contacts and Comparisons. Newtonville, 1979.
- Hanson L. Government and the Press (1695–1763). L., 1936.
- Harris T. Politics under the Later Stuarts. Party Conflict in a Divided Society. 1660–1715. L., 1993.
- Hart J. Viscount Bolingbroke. Tory Humanist. L., 1965.
- Hearnshaw F.J. The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1928.
- Hill B. Eighteenth-Century Women. An Anthology. L., 1984.
- Hill C. Republicanism after the Restoration // New Left Review. 1960. N 3.
- Hill C. The Century of Revolution. 1603–1714. Edinburgh, 1962.
- Holmes G. English Politics in the Age of Anne. L., 1967.
- Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967.
- Kramnick I. Bolingbroke and His Circle. The Politics of Nostalgia in the Age of Walpole. Harvard, 1968.
- Macaulay T.B. Essay on Addison. Boston, 1898.
- Maclean K. John Locke and English Literature of the Eighteenth Century. New Haven, 1936.
- Manch J. Jonathan Swift and Women. Buffalo, 1941.
- Mansfield H.G. Statesmanship and Party Government. A Study of Burke and Bolingbroke. Chicago, 1965.
- McCarthy J. The Reign of Queen Anne. L., 1902. Vol. I.
- Merrett R.J. Daniel Defoe's Moral and Rhetorical Ideas. Victoria, 1980.
- Novak M. Economics and the Fiction of Daniel Defoe. Los Angeles, 1962.
- Perry R. The Celebrated Mary Astell. An Early English Feminist. Chicago, 1986.
- Politics and Literature in the Eighteenth Century / Ed. H. Dickinson. L., 1974.
- Richards J.O. Party Propaganda under Queen Anne. The General Elections of 1702–1713. Athens, 1972.
- Robertson J.M. Bolingbroke. L., 1947.
- Rogers K.M. Feminism in Eighteenth-Century England. L., 1982.
- Rogers P. The Augustan Vision. L., 1974.
- Roosen W. Daniel Defoe and Diplomacy. Associated University Press, 1986.
- Ross J.F. Swift and Defoe. A Study in Relationship. Berkley, 1941.
- Rowse A.L. Jonathan Swift. Major Prophet. L., 1975.
- Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988.

- Russia in the Reign of Peter the Great: Old and New Perspectives. Cambridge, 1998.
 Russian-British Links Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002.
- Quintana R.* Two Augustans: John Locke, Jonathan Swift. Madison, 1978.
- Simmons E.J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935.
- Smith R.A.* Eighteenth-Century English Politics, Patrons and Place-hunters. N.Y., 1972.
- Smith H.* Reason's Disciples Seventeenth-Century English Feminists. Urbana, 1982.
- Smithers P.* The Life of Joseph Addison. Oxford, 1954.
- Speck W.A.* Swift. L., 1969.
- Speck W.A.* Conflict in Society // Britain after the Glorious Revolution. L., 1969.
- Steele P.* Jonathan Swift: Preacher and Jester. Oxford, 1968.
- Taylor W.D.* Jonathan Swift. A Critical Essay. Tolcroft, 1974.
- Utopias of the British Enlightenment. Cambridge, 1994.
- Varey S.* Henry St. John. Viscount Bolingbroke. Boston, 1984.
- Walker J.* British Economic and Social History. 1700–1977. Ester, Plymouth, 1979.
- Winton C.* Captain Steele. The Early Career of Richard Steele. Baltimore, 1970.
- Woodbridge H.E.* Sir William Temple. The Man and His Work. L., 1940.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л., 1961.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1953.
- Философский словарь. М., 1972.
- The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. L., 1981. Vol. 79.
- International Directory of Eighteenth-Century Studies. Oxford, 2000.
- Land L., Tobin J.R.* J. Swift. A List of Critical Studies Published from 1895 to 1945. N.Y., 1945.
- Stathis J.* A Bibliography of Swift Studies. 1945–1965. Nashville, 1967.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- На стр. 17 *Джон Боулс*. Королевская биржа в Лондоне. Середина XVIII в.
На стр. 21 *Мюллер*. Вид Тауэра, моста и части лондонского Сити. Середина XVIII в.
На стр. 23 *Томас Боулс*. Панорама лондонского Сити со стороны Темзы. Середина XVIII в.
На стр. 24 Палата общин
На стр. 27 Палата лордов
На стр. 37 Кофейня
На стр. 47 Даниель Дефо
На стр. 51 Вручение Билля о правах Вильгельму Оранскому и королеве Марии
На стр. 61 *Питер Лили*. Вильгельм III Оранский
На стр. 69 *Г. Кнеллер*. Королева Анна. Начало XVIII в.
На стр. 70 Д. Дефо у позорного столба. С рисунка современника
На стр. 71 Д. Дефо. Карикатура. Памфлет 1703 г.
На стр. 72 Тюрьма Ньюгейт. Гравюра XVIII в.
На стр. 73 *Г. Кнеллер*. Роберт Харли, граф Оксфорд. Начало XVIII в.
На стр. 109 *Г. Кнеллер*. Ричард Стил. Начало XVIII в.
На стр. 135 *Г. Кнеллер*. Джозеф Аддисон. Начало XVIII в.
На стр. 174 *Ч. Джервес*. Джонатан Свифт. Начало XVIII в.
На стр. 179 Эстер Джонсон (Стелла). Начало XVIII в.
На стр. 191 Эстер Ваномри (Ванесса)
На стр. 242 *Питер Лили*. Уильям Темпл
На стр. 257 Джордж Севиль, маркиз Галифакс
На стр. 300 *Д. Ричардсон*. Сент-Джон, виконт Болингброк. Начало XVIII в.
На стр. 343 Дени Дидро
На стр. 349 Жан Жак Руссо
На стр. 359 Франц Лефорт
На стр. 413 Неизвестный французский художник. Петр I и Екатерина I. Гравюра. 1717 г.

Иллюстрации воспроизведены по книгам: *Маколей Т.Б.* Полн. собр. соч. Т. 16. СПб., 1866; *Петинова Е.Ф.* “Во дни Екатерины...” СПб., 2002; Россия–Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. М., 2003; *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981; Стрельна. Дворец Петра I. Альманах “Сокровища России”. Вып. 24. СПб., 2004; *Урнов Д.М.* Дефо. М., 1990; *Petrie Ch.* The Stuarts. L., 1937; *Smith R.* Eighteenth-cen-

ture English Politics, Patrons and Place-Hunters. N.Y., 1972; Stuart England. Oxford, 1986.

На стр. 337 *Жан-Антуан Гудон*. Вольтер в кресле. 1781 г.

На стр. 357 *Питер Лили*. Петр I

На стр. 363 *Даниел Маклиз*. Петр I в Дептфорде в 1698 г. Середина XIX в.

На стр. 392 *В. Семенов*. Виды Москвы. Конец XVII в.

–393 Дворец Коломенское

Вид Кремля с Москвы-реки. Каменный мост

Теремной дворец Кремля

Владимирские ворота в Китай-городе

На стр. 395 Карта Московии. 1562 г. Составлена Энтони Дженкинсоном, представителем английской компании “Московия”

На стр. 399 Вид Санкт-Петербурга. Британское судно на реке Неве. Гравюра. XVIII в.

На стр. 415 *Карл Ванлоо*. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1760 г.

На стр. 417 *В. Семенов*. Дом Пашкова. XVIII в.

На стр. 419 Неизвестный русский художник. Портрет императрицы Екатерины II – законодательницы в храме Фемиды. Последняя треть XVIII в.

Иллюстрации воспроизведены по открыткам.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамс Д. 94
Аддисон Дж. 7, 9, 13, 16, 35, 109,
110, 114, 117, 134–170, 180,
189, 205, 254, 334, 336, 338,
340, 342, 343, 346, 349, 350,
379, 382, 425
Александр I,
император России 410, 428
Алексеев М.П. 384
Алексей Михайлович, царь 354–
356, 358, 362, 367, 384, 388,
390, 397
Андерсон М. 388–390, 399, 412,
417, 433
Андреев А.И. 364
Аникст А.А. 46
Анисов Л.М. 377
Анисова И.Л. 427
Анна Иоанновна, императрица
России 412–414
Анна Стюарт, королева Англии
10, 16, 17, 22, 28, 35, 50, 67, 68,
77, 78, 89, 102, 108, 112, 113,
125, 127, 130, 153, 160, 167,
189, 199, 207, 303, 304, 373,
397, 399, 401
Апраксин Ф.М. 368, 371, 386
Арбетнот Дж. 16, 35, 221, 235

Балуев Б.П. 11, 441
Барг М.А. 12, 298, 301, 304, 320,
328
Батсон Т. 46
Бейтсон Т. 74
Белжам А. 35
Беляев И.С. 376
Бердяев Н.А. 7

Беркли Дж. 179
Бентам И. 426
Бентли Р. 182
Беранже Ж. 12
Берк Э. 255
Бернет Дж. 369
Бестужев-Рюмин А.П. 416
Бецкой И.И. 429
Бильбасов В.А. 397, 399
Бирон 414
Блюм Л. 115
Блюм Э. 115
Боборыкин П. 396, 410
Боден Ж. 394
Бойло 136
Бойль Р. 42
Болингброк Генри, виконт Сент-
Джон 6, 7, 9, 13, 16, 35,
36, 38, 142, 153, 192, 193,
198, 201, 202, 214, 217,
249, 254, 255, 286, 298–330,
334, 335, 338, 340, 342–346,
350
Брюс Я. 358, 381, 426
Буганов В.И. 366, 367, 369
Бэкингем, граф 31, 258
Бэкон Ф. 209, 299

Ванесса (Эстер Ваномри) 190,
225, 226, 228, 230, 233, 235
Варей С. 300
Варина Дж. 176
Вергилий 15, 131, 135, 169, 176,
244
Вержени 421, 434
Веселовский А. 173, 200
Вивс Х. 39

- Вильгельм I Завоеватель, король Англии 247
 Вильгельм III Оранский, король Англии 10, 16, 21, 22, 28, 32, 36, 46, 50, 51, 60, 61, 63–65, 68, 73, 89–110, 111, 121, 123, 136, 176, 178, 189, 196, 245, 246, 255, 267–269, 312, 316, 322, 361, 362, 397
 Виноградов В.Н. 417
 Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) 6, 13, 134, 255, 298, 305, 328, 329, 336–349, 388, 416, 418, 420, 421, 424, 429, 440
 Воронцов А. 428, 432
 Вудбридж Г. 242
 Вызинский Г. 65, 73
 Галифакс Георг Севиль, маркиз 7, 9, 13, 16, 32, 128, 179, 254–294, 334, 336, 338, 341, 342, 346, 347, 349, 350, 379
 Галлей 362
 Ганноверы, династия 28, 79, 103, 167
 Гаррингтон Дж. 48, 247, 299
 Гвинн Н. 42
 Гельвеций К. 6, 335
 Генрих VII Тюдор 183
 Генрих VIII Тюдор 30
 Георг I Ганновер 77, 89, 102, 103, 130, 165, 167, 226, 304, 329, 368, 397, 412
 Георг II Ганновер 412
 Георг III Ганновер 434
 Геродот 135
 Гиббон Э. 440
 Гоббс Т. 176, 209, 230, 248, 255, 306, 307, 341, 383
 Годольфин, граф 72, 137, 195, 304
 Годунов Борис, царь 354, 371, 372
 Голдсмит Д. 301, 306
 Голицын В.В. 355
 Голицын Д.М. 383
 Голицын П.А. 372
 Голицын С.Д. 383
 Головин Ф.А. 369, 370
 Гольбах П. 6
 Гомер 146, 176
 Гораций 15
 Гордон П. 356, 357, 366, 367–368, 377
 Горсей Дж. 394
 Гуревич А.Я. 8
 Густав-Адольф, король Швеции 367
 Гуч Дж. 255, 263, 270, 275, 285
 Гэй Дж. 35, 38, 136, 141, 221, 235, 329, 338
 Д'Аламбер Ж. 6, 420, 424
 Данилевский Н.Я. 11, 395, 441
 Дантон Дж. 60
 Дауни Дж. 173
 Дашкова Е.Р. 416, 424
 Де Бержерак С. 394
 Де Бруин К. 369, 373, 375, 376
 Дейч А. 173
 Декарт Р. 9
 Де Лириа, граф 369
 Деринг Э. 41
 Дефо Д. 7–9, 13, 16, 32, 36, 46–49, 51–60, 62–72, 74–103, 111, 113, 120, 124, 126, 148, 164, 189, 199, 254, 294, 299, 325, 334–337, 342, 344, 346, 348–350, 374, 384, 397, 401, 428, 429, 440
 Джеффрис Дж. 368, 370, 400
 Джонсон Б. 42
 Джонсон С. 168
 Джордж М. 16
 Дидро Д. 6, 13, 298, 341, 342, 418–420, 424, 440
 Димсдейл Т., барон 430
 Димсдейл Э., баронесса 429–431
 Долгорукий Г. 372
 Долгорукий Я. 386
 Драйден Дж. 42, 136, 148, 294
 Дэвнент Ч. 42, 49, 334
 Екатерина I, императрица 402, 412, 413
 Екатерина II, императрица 13, 353, 389, 410, 416–427, 429–435

- Елизавета Петровна, императрица 414–416, 422, 426
- Елизавета I Тюдор, королева Англии 62, 64, 184, 320, 354, 365, 394, 396, 411
- Ерофеев Н.А. 384, 388, 402, 410, 434
- Загорин П. 6
- Иван IV Грозный 354, 355, 365, 394, 396, 411
- Каменский А.Б. 353
- Кант И. 6
- Кантемир А. 412, 426
- Кардаш Е.Ю. 8
- Карл I Стюарт, король Англии 30, 31, 47, 69, 122, 173, 212, 242, 325, 345, 362, 397, 440
- Карл II Стюарт, король Англии 22, 28, 31, 49, 61, 69, 175, 184, 205, 210, 211, 242, 243, 245, 255, 258–260, 263–265, 280, 322
- Каменский А.В. 46
- Карсвелл Дж. 19, 32
- Катон 152, 157
- Керкмен Ф. 41
- Кертман Л.Е. 42
- Кинг, архиепископ 139
- Кинг Г. 42
- Клакхон К. 7
- Кларендон Э. 258
- Кларк П. 38
- Ключевский В.О. 11, 356, 364–367, 370, 372, 377–379, 382, 383, 386–400, 413, 414, 417, 418, 420, 432
- Кобеко Д.Ф. 420
- Коллинз А. 334, 338
- Конгрив У. 35, 42, 111, 136, 201, 235, 338, 340
- Крамник И. 298, 305–307, 323, 335
- Краснобаев Б.И. 11, 12
- Кребер А. 7
- Кромвель Оливер 48, 56, 62, 68, 134, 159, 173, 184, 243, 256, 281, 299, 394
- Кросс Э. 353, 368, 372, 410, 418, 424, 430
- Кресси Д. 39
- Кузнецов В.Н. 256, 339
- Кук Р. 173, 193, 200
- Куракин Б.И. 368, 372, 399
- Лазурский В. 109, 112, 154
- Ларошфуко Ф. 176, 190, 230, 255, 285
- Лафонтен 418
- Левидов М. 173
- Ледук Г. 99
- Лейбниц Г. 9
- Лефорт Ф. 356, 359, 360, 363, 376
- Ливий Т. 15, 176
- Ливит А. 41
- Лильберн Дж. 30
- Лимонов Ю. 394
- Локк Дж. 6, 15, 16, 31–33, 35, 42, 93, 113, 120, 130, 137, 154, 176, 254, 294, 299, 306, 307, 325, 334, 335, 338, 339, 341–343, 346, 348, 349, 362, 383, 425, 427, 428
- Ломоносов М.В. 6, 426
- Лукреций 135, 176
- Людовик XIV 50, 63, 101, 259, 264, 398, 418, 420
- Людовик XVI 421
- Майков П.М. 428, 429
- Макиавелли Н. 176
- Маколей Т.Б. 32, 40, 134, 170, 255, 258, 260, 261, 266, 268, 279, 294, 361, 363, 378, 387, 389, 402
- Маккартни Дж. 46, 433
- Мальборо, герцог 35, 50, 119, 137, 153, 195–197, 217, 267, 301
- Мальборо, герцогиня 68, 138, 196
- Мальбранш 136
- Мандевиль Б. 6, 388, 398
- Манчестер, граф 136

- Мансфильд Г. 306
 Мария I Тюдор 354
 Мария II Стюарт 32, 50, 51, 60, 110, 267
 Маркс К. 130
 Матвеев А.С. 355, 399
 Мейендорф А. 395, 396
 Меншиков А.Д. 374, 380, 386
 Мильтон Дж. 30, 31, 48, 113, 145, 157, 394
 Миних Б.К. 414
 Михаил Романов, царь 371, 390, 396
 Михайлов М.И. 7
 Мойль Р. 334
 Молсуорт Р. 334
 Молчанов Н.Н. 366
 Монмаут, герцог 49, 260
 Монтень М. 176, 190, 230, 394
 Монтескье Ш. 6, 13, 305, 334, 341–346, 418, 420, 421, 440
 Монтэгу Ч. 23, 28, 136, 137
 Мор Т. 39, 299, 394
 Мортон А. 102
 Муравьев В.С. 173
- Нарочницкая Н.Л.** 11
 Нарышкина Н.К. 358
 Николай I, царь 410
 Новак М. 115
 Новиков Н.Н. 6, 108, 427, 431
 Ноттингем, граф 69, 202, 294
 Ньютон И. 6, 9, 16, 31, 42, 335, 338–341, 362, 426
- Овидий** 15, 135
 Ожегов С.И. 410, 434
 Ордын-Нашекин А.Л. 355, 387
 Оррери, лорд 190
 Остерман А.И. 414, 426
- Павленко Н.И.** 353, 367, 369
 Панченко А.М. 379, 385, 390
 Пенн У. 72
 Пепис С. 31
 Перри Дж. 360, 362, 366–371, 374–379, 382, 398
- Перселл Г. 42
 Петинаова Е.Ф. 363, 428, 431
 Петр I, царь 13, 353, 356, 358–389, 396–404, 410, 412, 413, 414, 416, 421, 423, 429, 431, 433, 435
 Петр III, царь 413, 416, 418, 422
 Петрарка 39
 Петроний 176
 Питт Р. 39
 Пифагор 251
 Платон 188, 209, 230, 243, 248
 Платонов С.Ф. 359, 367
 Плутарх 39, 209, 418
 Полибий 155
 Полоцкий С. 384
 Поп А. 16, 38, 110, 126, 139, 153, 221, 235, 298, 329, 338, 341
 Потемкина Е.В. 410, 434
 Прайор М. 35, 338, 341
 Преображенский А.А. 391
 Прокопович Ф. 383
 Пуфендорф С. 6
- Рабле Ф.** 176, 340, 394
 Радищев А. 6, 424
 Рассел Э. 28, 246, 267
 Редклифф У. 27
 Рейлих У. 255, 263, 285
 Рен Кр. 363, 366
 Рид Э. 256, 270
 Ричардс Дж. 28
 Ришелье, кардинал 394
 Робертсон У. 417, 424
 Роджерс П. 35
 Родней, адмирал 23
 Розен У. 100, 101
 Ромодановский Ф.Ю. 375
 Росс Дж. 76
 Рочестер, граф 198
 Ртищев Ф.М. 355, 387
 Рубинштейн Е.Б. 13
 Руперт, принц 42
 Руссо Ж.Ж. 6, 13, 298, 334, 342, 345, 346, 348–350, 420, 421, 440

- Салтыков Ф. 381
 Сандерленд, граф 137, 167, 169, 195, 243
 Свифт Дж. 7, 9, 13, 16, 34–36, 38, 41, 48, 76, 77, 110, 111, 113–115, 119, 120, 124–126, 134, 136, 138, 139, 141, 142, 152, 153, 163, 167, 173–236, 242, 251, 252, 254, 299, 302, 303, 321, 323, 325, 329, 334, 335, 338, 340, 342, 343, 346, 348, 388, 426, 440
 Сегюр Л.Ф. 419, 422, 432, 433
 Сенека 39, 209
 Сервантес 134, 394
 Сидней О. 246, 247, 267
 Симмонс Э. 353–355, 357, 372, 410 – 414, 416, 425–427, 431
 Скотт В. 226
 Смайтерс П. 134
 Смит А. 424–426
 Смит Г. 99
 Смит Р. 19, 20, 23, 25, 27
 Соколов А.Б. 353, 364, 385, 387, 419, 412, 418
 Сократ 39, 143, 163, 209
 Софокл 39
 Спек У. 179, 200
 Спенсор Ч. 28
 Спик У. 34
 Спиноза Б. 9
 Сомерс Дж. 7, 16, 23, 28, 41, 93, 136–139, 179, 181, 334, 335, 344, 350
 Стенхоуп, граф 400
 Стелла (Эстер Джонсон) 142, 176–190, 192, 198, 203, 225, 226, 228, 230, 232, 235
 Стиль Р. 7, 9, 13, 16, 35, 36, 93, 108–132, 135, 136, 140, 143, 149, 151, 153, 154, 164, 169, 180, 189, 199, 201, 235, 254, 334, 338, 341–343, 345, 350, 382, 398, 401, 425, 440
 Страфффорд лорд 399
 Стюарт, лорд 198
 Стюарты 10, 15, 26, 30, 36, 39, 42, 50, 226
 Сумароков А.П. 414, 425
 Татищев В. 381, 383
 Твин Дж. 31
 Тейлор Э. 7
 Теккерей У. 110, 115, 118, 134, 137, 141, 173, 175–177, 226
 Темплъ У. 7, 9, 13, 16, 41, 175, 176–178, 182, 186, 226, 242–252, 258, 259, 334–336, 342, 347
 Толанд Дж. 16, 289, 334–336, 338, 346, 350
 Тонсон Я. 29
 Тревельян Дж. 16–18, 22, 26, 32, 38, 39, 41, 42, 379
 Трухановский В.Г. 402
 Уайт Л. 7
 Уилсон У. 52
 Уильямс Ч. 421, 422
 Уиндхем У. 302, 303, 329
 Уинстенли Дж. 48, 299
 Уинтон К. 109, 126, 129
 Уитворт Ч. 367, 368, 373, 375, 379, 397–399
 Уолпол Р. 129, 131, 195, 217, 304, 305, 321, 329, 423
 Уорвик, графиня 35, 169
 Уортман Р. 358, 362, 413
 Уортон М. 125, 138
 Уортон Т. 28, 194
 Урнов Д.М. 46
 Устрялов Н.Г. 366, 370
 Уэллс Г. 102
 Уэльский, принц 50
 Фабер Р. 248, 251
 Фаркерсон Г. 362, 366, 371, 380, 383
 Ферфакс Т. 256
 Фидер Дж. 41
 Филипп II, король Испании 394
 Фильмер Р. 121, 247–249, 328
 Фицджеральд Б. 46, 66
 Флетчер Дж. 378, 394

Флетчер Э. 336
Фоккеродт И.Г. 380, 385, 386, 391
Фокс Дж. 41
Фокскрофт Г. 50, 256, 268
Фонтенель Б. 190, 230
Фроянов И.Я. 11, 374

Хабекук 19
Харли Р., граф Оксфорд 23, 35,
66, 72–75, 77, 114, 124, 125,
129, 191, 192, 198–204, 215,
218, 301–304, 368, 397, 398

Харрис Т. 27, 422

Харт У. 36

Херншоу Ф. 15, 298, 334

Хилл Кр. 30

Ходли Дж., епископ 334, 346

Хорн Д. 401, 402, 416, 417

Хоум Р. 430

Хэнсон Л. 33

Цезарь Август, римский импера-
тор 15, 152, 153, 157

Цицерон 39, 117, 155, 209, 418

Ченслер 354, 394

Черная Л.А. 12, 379, 380, 404, 432

Черчилль 68

Честерфилд, четвертый граф
293, 294, 382

Чуйко В.В. 173, 200

Шекспир У. 42, 113, 115, 134, 152,
394, 417, 425

Шереметев Б. 386

Шефтсбери граф 16, 31, 259, 260,
334, 338, 341

Шрюсбери герцог 198, 267

Шувалов И.И. 416

Шуйский В. 396

Эвелин Дж. 257, 361, 365

Эврипид 39

Эйткин Дж. 109, 112

Энгельс Ф. 9, 252, 298

Эпикур 230

Эразм Роттердамский 39

Эссекс, граф 246, 259

Эхренпрейз Дж. 173, 186

Юм Д. 417

Яворский С. 386

Яков I Стюарт 69, 77, 242, 325,
371

Яков II Стюарт (герцог Йорк) 25,
28, 31, 49, 50, 52, 65, 69, 77, 83,
127, 164, 184, 189, 195, 247

Яков III Стюарт (Претендент) 77,
79, 91, 140, 164, 167, 214, 304

Яковенко В.И. 173, 200

Научное издание

Лабутина Татьяна Леонидовна
КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.М. Черемных*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.В. Морозова, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 19.07.2005. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,0. Усл.кр.-отт. 29,5. Уч.-изд.л. 30,2
Тираж 570 экз. Тип. зак. 4212

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
· в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

готовятся к печати книги:

Античный мир и варвары

– М.: Наука, 2006. – 23 л.

– ISBN 5-02-010362-4 (в пер.).

В книге по-новому раскрывается важная проблема в истории древности – противостояние и взаимопроникновение античной цивилизации и варварского мира с его самобытной культурой, которые сыграли ведущую роль в становлении цивилизаций Эллады, Рима и Ближнего Востока и отразились на ходе мировой истории. Авторы рассматривают возникновение и эволюцию доктрины превосходства греков над варварами, критерии “варварства”, термин “варвар” в политической лексике афинской демократии, образ варваров в античной драматургии и др. Отдельный круг проблем связан с изучением взаимоотношений греков и римлян между собою и местным населением на Балканах и в Испании, в Сицилии и на Северном побережье Черного моря. Особый интерес представляет анализ понятия “варвар” в коптских гностических текстах, ранее не привлекавшихся в связи с проблемой варваров.

Для историков, филологов и всех интересующихся античной цивилизацией.

Тогоева О.И.

“Истинная правда”: Языки средневекового правосудия

– М.: Наука, 2006.– 28 л.

– ISBN 5-02-010360-8 (в пер.).

Монография посвящена практически не исследованным в отечественной медиевистике проблемам средневекового права и правосознания. На материале впервые вводимых в оборот архивных документов (судебных регистров Парижского парламента) исследуется проблема взаимоотношений, коммуникации и непосредственных контактов судебной власти и подданных во Франции эпохи среднего средневековья (XIV–XV вв.).

Для историков, преподавателей и студентов вузов.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; <http://akadkniga.nm.ru>
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdtn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru

akadkniga@voxnet.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*

Т. Л. Лабутина

Культура и власть в эпоху Просвещения

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. Автор более ста работ по истории Англии XVII–XVIII вв., в том числе монографий: «Политическая борьба в Англии в период

Рестаурации Стюартов (1660–1681)» (1982), «У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714)» (1994), «Воспитание и образование англичанки в XVII веке» (2001), а также глав в коллективных трудах: «Энциклопедия для детей. Т.1: Всемирная история» (1993), «История Европы». Т.4 (1994), «Человек эпохи Просвещения» (1999), «Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность» (2002), «Общественная мысль в контексте истории культуры» (2004) и др.

Член Международного общества по изучению XVIII в., профессор Международного Славянского университета. Член редколлегии «Рак Britannica» издательства «Алетейя».

ISBN 5-02-009863-9

9 785020 098633

НАУКА